

Александр Твардовский

НОВОМИРСКИЙ
ДНЕВНИК

1961-1966

Александр Твардовский
НОВОМИРСКИЙ
ДНЕВНИК

Том первый

1961–1966

Москва/ПРОЗАиК/2009

УДК 882-94

ББК 84(2Рос = Рус)6-4 + 83.3(2Рос = Рус)6

Т26

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Предисловие Юрия Буртина
Подготовка текста, комментарии
Валентины и Ольги Твардовских

Дизайн Татьяны Костериной

Издательство благодарит Валентину и Ольгу Твардовских
за предоставленный из семейного архива иллюстративный
материал

Твардовский А.Т.

Т26 Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961—1966 /

Александр Твардовский; [предисл. Ю.Г.Буртина; подготовка текста,
коммент. В.А. и О.А. Твардовских]. — М.: ПРОЗАиК, 2009. — 656 с.

ISBN 978-5-91631-019-1 (Т. 1)

ISBN 978-5-91631-014-6

Дневник Александра Трифоновича Твардовского (1910—1971) запечатлел многие драматические эпизоды жизни великого поэта и легендарного главного редактора журнала «Новый мир», совершившего в 60-е годы прошлого века подлинный переворот в читательском сознании. Твардовский открыл читателю А.Солженицына, Ф.Абрамова, В.Быкова, Ч.Айтматова, С.Залыгина, Б.Можаяева, Ю.Трифонову, В.Тендрякова, Г.Владимову, — и все это несмотря на яростное сопротивление властей и литературных чиновников, порой прошибая, казалось бы, «непрошибаемую стену». В дневнике немало предельно откровенных записей о сложных отношениях автора с А.Солженицыным, о дружбе с М.Исаковским, С.Маршаком, И.Соколовым-Микитовым, В.Гроссманом, В.Некрасовым, Г.Баклановым.

В полном объеме дневник публикуется впервые.

УДК 882-94

ББК 84(2Рос = Рус)6-4 + 83.3(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-91631-019-1 (Т. 1)

ISBN 978-5-91631-014-6

© Твардовские В.А. и О.А., 2009

© Буртин Ю.Г. (наследники), предисловие, 2000

© Твардовские В.А. и О.А.,

подготовка текста, комментарии, 2009

© Оформление. ЗАО «ПРОЗАиК», 2009

Рабочие тетради, которые Александр Трифонович Твардовский вел на протяжении всей своей творческой жизни, — уникальный историко-литературный документ. Своеобразен уже самый его «жанр» — сплав дневника и тетрадей, в которые автор заносил рождавшиеся или шлифовавшиеся в его голове образы, строки, строфы, варианты стихотворений и фрагменты поэм. Как увидит читатель, сплав этот глубоко органичен и знаменует собой свойственное Твардовскому, как, вероятно, и всякому истинному поэту, нерасторжимое единство «жизни» и «творчества». Внутренняя жизнь поэта и его, по сути дела, непрерывный, не знающий ни будней, ни праздников творческий процесс предстают здесь в своем повседневном переплетении и целостности. Вместе с тем каждая из этих ипостасей имеет и собственный, отдельный интерес. Войдя в творческую лабораторию автора и на протяжении всего времени чтения оставаясь в ней, мы получаем возможность с редкой наглядностью проследить основные этапы (а то и весь ход) создания поэтической вещи. Литературоведам это даст богатый материал для изучения не только творческой истории многих произведений Твардовского, в том числе его лирических шедевров, но и психологии и «технологии» поэтического творчества вообще, а просто читателям, любящим поэзию, — живое представление о том, каких душевных затрат требует подлинное искусство, какой поистине титанической работой оплачивается та кристальная ясность, легкость и простота, что отличают русскую поэтическую классику. К сожалению, эта публикация тетрадей — в их «лабораторной» части — не может быть исчерпывающей. Дело в том, что, работая над стихотворением или главой поэмы, Твардовский обычно не ограничивался правкой не удовлетворявших его мест, а вновь и вновь перебелил вещь в целом. Делал он это чаще всего по памяти, руководствуясь правилом: если какие-то строки и строфы забылись, значит, они не были обязательными и о них не стоит жалеть. Такой способ работы не давал ослабнуть струне, позволял не потерять за более или менее удачными частностями целостность и энергию общего движения поэтической мысли. Однако публикатора тетрадей он ставит перед необходимостью сложного выбора между научной строгостью, требующей полноты воспроизведения документа, но сужающей его читательский адрес в основном до специалистов, и необходимостью поступиться такой полнотой, чтобы донести его общезначимое содержание до самого широкого круга читателей. Мы попытались найти в этом деле некую среднюю линию,

сохранив все сколько-нибудь существенные переделки, но исключив из поэтических текстов их буквально или в основном повторяющиеся места. Такие купюры обозначены многоточием в квадратных скобках. Общезначимой же в рабочих тетрадях Твардовского является, без сомнения, их дневниковая часть. Как уже сказано, свой дневник поэт вел свыше четырех десятилетий, с юных лет и почти до смерти, иногда с перерывами, часто весьма продолжительными, регулярнее — в те же самые дни (особенно отпускные, больничные и пр.), когда у редактора «Нового мира» доходили руки до «приусадебного участка», как называл он личное поэтическое хозяйство, — принцип «ни дня без строчки» был ему решительно чужд. Поэтому напрасно было бы ждать от дневниковых записей Твардовского какой-либо полноты в смысле фиксации и оценки событий общественной и литературной жизни, в том числе применительно к 1960-м годам, многого из того, что не просто печаталось в его журнале, но и вызывало с его стороны живейший отклик — радовало, отталкивало, волновало, требовало больших затрат труда и нервов. И все же, при всех указанных ограничениях, дневник Твардовского — явление совершенно исключительное по богатству своего содержания. Богатству даже в событийном, информационном плане, но главное, конечно, в духовном. Твардовский был крупным человеком, одной из самых ярких и значительных личностей во всем русском XX веке, а во второй половине истекшего столетия я в этом отношении поставил бы рядом с ним только два имени — Сахаров и Солженицын. Масштабность мыслей и чувств, глубочайшая укорененность в жизни народа в сочетании с мощью таланта, искренностью и острым до мучительности ощущением своей неоплатной «задолженности» людям сделали его народным поэтом, автором «Василия Тёркина», а в 1960-е годы — центральной фигурой того умственного движения, суть которого состояла в нащупывании демократической альтернативы тоталитарному строю. Дневник — история этой великой души, ее подневная, хотя и прерывающаяся, летопись, писавшаяся только для себя, без какой-либо самоцензуры и с такой беспощадностью автора к своим человеческим слабостям, которая, кажется, исключает нравственную возможность любой их критики извне. В этом смысле он как бы защищен самой своей полной открытостью и беззащитностью. И еще одно, может быть, самое важное: особая значимость дневника как документа, запечатлевшего движение времени. Движение, развитие, самоизменение, самопреодоление — без этих понятий решительно невозможно обойтись, когда думаешь о Твардовском, окидываешь взглядом его творчество. На каждом этапе своего творческого пути он в чем-то очень существенном решительно не похож на себя прежнего. Так, «Тёркин» в нравственно-философском своем содержании, в своей полной свободе по отношению к официальным ценностям есть как бы отрицание «Страны Муравии»; в свою очередь, общая тональность уже «Дома у дороги», а тем более «Тёркина на том свете», «По праву памяти» и многих страниц его поздней лирики едва ли не противоположна тёркинскому оптимизму. Человеку, писателю в особенности, свойственно развиваться. Но кардинальные мировоззренческие перемены он, как правило, переживает в жизни один раз,

редко два. Уникальность Твардовского состояла, во-первых, в множественности его самопреодолений, во-вторых, в их ярко выраженном историзме, адекватности глубинным сдвигам в духовной жизни общества. Каждое крупное его произведение становилось в этом смысле знаменем времени, выражением какого-то существенно нового состояния общественных умонастроений. Особая ценность его дневника в том, что в отличие от любого другого из произведений поэта он вообрал в себя основные этапы внутренней истории народа не порознь, а в целом, в виде некоей единой движущейся панорамы. Многие годы А.Т., как называли его в «новомирском» кругу, готовился к написанию большого прозаического произведения «Пан Твардовский», в основу которого должна была лечь судьба отца и которое в тетрадах он не раз именовал своей «главной книгой». Замысел остался неосуществленным. Но похоже, что свою «главную книгу» поэт все-таки написал, — специально о том не заботясь. Эта книга — его дневник. Если не считать более ранних фрагментарных записей, первые публикации рабочих тетрадей Твардовского, осуществленные вдовой поэта Марией Илларионовной, охватывали периоды 1931—1935 (Литературное наследство. Т. 93. М., 1983) и 1953—1960 годов (Знамя. 1989. № 7—9). Настоящая публикация, являясь прямым продолжением их, представляет, однако, совершенно особый интерес. Никогда до тех пор внутренняя работа Твардовского не была столь интенсивной, а перемены в его общественных взглядах — столь быстрыми и решительными. То высвобождение из-под власти постулатов официальной идеологии, которым и в прежние годы поэт был обязан главным образом интуиции, особому чутью на правду и неправду, в возрастающей мере становилось теперь фактом сознания, мировоззрения, с уровня чувств поднялось на уровень неустанно работающей критической мысли. Твардовский, каким он предстает перед нами в своих дневниках 1960-х годов, весь в поисках, пересмотрах, обретениях и отказах, противоречиях с самим собою. Легче легкого, как это сделал в свое время Солженицын, ловить его на таких противоречиях и уличать в непоследовательности, но и смысла во всем этом немного. В истории нередки случаи, когда вопросы важнее и содержательнее ответов, а сомнения и неокончателность плодотворнее категорической завершенности. Еще легче выхватить какой-то факт, например — в 1961 году — участие поэта в коллективной работе по созданию нового текста гимна СССР, и на его основании сказать: вот что такое Твардовский. Но в этом будет еще меньше правды. Гораздо интереснее и существеннее учесть, что одновременно со своими «гимническими усилиями» и, возможно, не без влияния их бесплодности поэт начинает писать свое программное «Слово о словах», где дает бой казенным «словесам», и что уже два-три года спустя подобная работа станет для него решительно невозможной. Поэтому об общественной позиции Твардовского, о его взглядах на какой-либо предмет лишь в сравнительно редких случаях можно судить по той или иной отдельно взятой дневниковой записи, — нужно иметь в виду общую перспективу его движения, всю совокупность его высказываний на данную и сопредельные темы на протяжении рассматриваемого периода — вплоть до последней черты, проведен-

ной смертью. При таком подходе дневник Твардовского 1960-х годов обнаруживает, наряду с редким богатством мыслей, высокую степень цельности своего духовного содержания, однонаправленность и энергию запечатленного им движения. Становятся ощутимыми идейно-психологические источники той особой исторической роли, которую суждено было сыграть Твардовскому и его журналу, а соответственно, и значения последних не только для своего времени. Неустанность и напряженность внутренней работы, открытость новому, бескорыстное и бесстрашное стремление к истине — вот, может быть, самое сильное и поучительное, что есть в духовном опыте лидера «шестидесятников». Увы, в сравнении с ним мы, сегодняшние, выглядим по большей части косными догматиками, — только догмы теперь совсем другие. Вперед к Твардовскому! — закончил бы я это краткое предуведомление, если бы такой призыв не прозвучал слишком высокопарно.

*Юрий Буртин,
2000 г.*

1961

1. The first part of the document is a title page. It contains the title of the document, the author's name, and the date of publication. The title is "The History of the United States of America" and the author is "John Adams". The date of publication is "1789".

2. The second part of the document is the preface. It contains the author's introduction to the document and his explanation of the purpose of the document. The author states that the purpose of the document is to provide a comprehensive history of the United States of America.

3. The third part of the document is the main body of the text. It contains the author's detailed account of the history of the United States of America. The author discusses the early years of the nation, the struggle for independence, and the development of the federal government.

4. The fourth part of the document is the conclusion. It contains the author's final thoughts on the history of the United States of America and his hopes for the future of the nation. The author concludes that the United States of America is a great nation and that it has a bright future ahead of it.

3.I.61. Внуково¹

Год окончания «Далей», год вступления в силу «возраста, который любезные люди называют "зрелым"», год откликов на гл<аву> «Так это было», 3 и 4 томов собр<ания> соч<инений>², «улучшения жилищных условий» (шесть «смотрин» — и, покамест, никакого толку), трудный, серьезный, бесповоротный год — позади. Уже мне полагается говорить 51. Все на счету, как еще не было, — на строгом, безжалостном счету. За год после «Далей» — почти ни строки, если не считать пустяков и «гимнических» усилий³. Угроза затухания потенциала даже в отношении прозы. Тяготы с журналом, все более бесперспективные. Запущенность «приусадебного участка»⁴, «срывы» по старой памяти, хоть и более редкие и «скромные» по сравнению с былыми, но оставляющие все более тяжкие последствия на душе. Собственно говоря, все это уже давно не хорошо даже в то время, когда совершается, а только издали в мечтательном предположении «свободы», «встреч с юностью», дружеского уюта и сладости речей.

М.б., я на решительном пороге своей литературной судьбы. (Возможность развязки с журналом в связи с казаче-вической историей. Я был бы бог весть кем, если бы проглотил и этот случай⁵.) — Это внуковская запись.

9.II.61. Барвиха⁶

(Заключение по второму варианту композиции Воронкова.)

Новый вариант сценической композиции К.Воронкова по «Василию Тёркину»⁷ представляется мне значительно улучшенным по сравнению с первым. Наиболее удачна, на мой взгляд, картина «В теплушке», где автор композиции значительно отступает от принципа «разбивки на голоса» той или иной главы поэмы, обращается к вполне допустимой условности «места действия» («теплушки», как известно, в поэме нет) и стягивает к этому месту, в этом узелке наиболее выгодные отрывки и строфы из книги. Здесь образуется нечто целостное в сценическом смысле, насколько я это понимаю.

Меня как автора книги не смущает, что в данном случае, как и во многих других, происходит перемещение и «монтаж» отдельных частей текста поэмы, поскольку это делается в интересах сценической выразительности. Против этого я возражать не собираюсь, тем более что автор композиции обращается с текстом в этом смысле очень бережно и деликатно, стремясь сохранить первоначальное звучание тёркинского стиха, и не вносит в него отсебятины.

Иное дело в отношении сохранности стиха в других случаях. Здесь меня по-прежнему тревожит дробление и «россыпь» стиха в результате извлечения реплик из ритмического контекста глав, строф и даже строк. Эти реплики, выключенные из своего сцепления рифмой и ритмом с соседними строчками строфы, не могут не утрачивать своей «ударной силы». Получается полупроза-полустихи, где фраза-реплика часто лишается необходимой четвертой, третьей или второй «точки упора», и, по-моему, это ведет к разрушению главной выразительности «Тёркина» — музыкальной, интонационной. К примеру, реплика

— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец —

это совсем уже не тот «выстрел», который таится в ней при сцеплении с предыдущими двумя строчками:

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец...

В таких случаях (а их, пожалуй, до сотни или более) на месте опущенных строк и слов остается как бы пунктир пустот. Понятно, что автор композиции, будь он даже стихотворцем, не мог пойти на заполнение этих «пунктирных строчек» недостающими для стихотворного звучания строками или словами. Более того, мои собственные попытки помочь в этом смысле тексту композиции показали, что при этом происходит механическое «подтекстовывание», введение «служебных» строчек и слов, загромождающих реплики чем-то необязательным, случайным и, следовательно, антихудожественным. Я допускаю, в некоторых отдельных случаях «несцепленные» строчки могли бы так и остаться в композиции; допускаю, что в некоторых отдельных случаях их удалось бы без ущерба для смысла и единства формы «сцепить». Но проделать такую операцию над стихом «Тёркина» на протяжении всей композиции — дело невыполнимое и безнадёжное.

Я не высказываюсь насчет правомерности построения К.Воронковым той «рамки» (генерал — медсестра — комбай-

нер и т.д.), в какую он помещает моего «Тёркина», — это виднее театру, — могу лишь сказать, что и рамка эта меня не смущает, но кое-какие из прозаических реплик можно было бы поправить, освободив их от некоторой банальности и газетной выпренности.

Если мое мнение что-нибудь значит для театра и автора композиции, хочу сказать, что поставленная ими задача подготовки спектакля, при нынешних условиях, к годовщине Сов<етской> Армии — задача решительно нереальная.

По-моему, было бы хорошо, на первый раз, подготовить и выпустить к 9 мая картину «В теплушке». Музыка Соловьева-Седого и при повторном прослушивании не показалась мне удачной⁸. Боюсь, что композитор не «прочел» «Тёркина» как полагается и подходит к нему как к обычному случаю оснащения музыкой и песнями какого-нибудь заурядфильма.

Впрочем, м.б., я ошибаюсь, да и не в этом суть дела.

10.II.61

Часов кремлевских бой державный
Доносит вдаль во все края
До всех сердец твой подвиг славный,
Твой клич, Советская земля.

Взвивайся, ленинское знамя,
Всегда зовущее вперед.
Уже идет полмира с нами,
Настанет день — весь мир пойдет.

Как и не бывало месяцев, прошедших со времени Ореанды, когда я, возбужденный одобрением этого куплета-припева, ежедневно переписывал свой вариант, по словечку, по полсловечку добавляя, меняя, убавляя и переставляя. Куплет мой в «коллективе» приторочили к другому тексту (главным образом Исаковского, но обмусоленного и другими, несть им числа) № 1. Последние указания: куплет-припев утвердить, запев дописать, «коллектив» ограничить Ис<аковски>м, См<ирновы>м, Гр<ибачевы>м, Бровкой, кажется⁹. Завтра в три встреча этого состава у меня здесь. Сегодня первое утро, как начал прогонять слова и строчки первого куплета. Что-то чувствуется мне здесь верное (не «изложение положений», а некие слова, оставляющие за собой, как само собой разумеющиеся, всякие такие «положения»).

11.II.61. Б<арви>ха

...Неодолимы наши силы,
И с каждым годом, с каждым днем

Все ярче свет неугасимый,
Зажженный нашим Октябрем.

Взвивайся, ленинское знамя...

Все горячей в наш век суровый
Мы любим родину свою,
С ней до конца идти готовы
И отстоять ее в бою.

Взвивайся, ленинское знамя...

Совершенно ясно, что безнадежные многолетние усилия «всемером петуха зарезать» происходят от неверного в корне принципа обязательности пересказа в гимне таких-то общеизвестных положений советской истории (официальной). Это принцип мертвенно-констатационный: наша великая советская держава — государство рабочих и крестьян, свергнувших власть помещиков и капиталистов, государство многонациональное, союзное, установившее равноправие народов, построившее социализм и приступившее к строительству коммунизма и т.п. Гимн, как всякое поэтическое произведение, должен все эти общеизвестные положения иметь как бы только «в уме», как сами собой разумеющиеся, и говорить о чем-то не прямо обязательном, как бы и не о главном, но на самом деле о самом главном, выражающем душу народа.

Нужны строки и строфы хотя бы и самого общего смысла, но такие, чтобы они были к месту во всех случаях народной жизни («в дни торжества и в дни печали»).

Совершенно ясно, что с какой бы точностью ни были воспроизведены в зарифмованном виде общеизвестные обязательные положения, если в них не будет собственно поэтического, сколько-нибудь эмоционального начала, поэтического явления не произойдет, гимн не получится. Нужны строчки, способные удержаться в памяти людей сами собой. Речь не идет о самой большой трудности создания такого произведения в наше время.

Музыканты — плохая надежда, им подан «утвержденный» текст, они с ним справятся чисто кибернетическим путем.

Создание гимна — дело коллективное, пусть так, но каждый должен писать, не оглядываясь и не надеясь на «коллектив», а так, как если бы он один должен был решать эту задачу. При всем этом несомненно, что выбор будет невелик.

Влип и вник в это дело просто в силу его невероятной трудности по существу при видимой легкости и обманчивой незамысловатости. Строчки сцепляются, меняются, перебивают одна другую, то и дело рассыпаются в прах и вновь сползаются. Только-только схватил простейшую задачу членения на двустрочия, и то не во всех строфах. Но уже есть несомненно годящиеся строки и даже, пожалуй, строфы, хотя в каждой хоть одна строка, но есть еще, что допускаешь «пока», скрепя сердце, с лукавой надеждой — авось приживется, прирастет, ан, глядишь, она не только не прижилась, и все другие омертвляет. Но это уже работа, не то что в Ореанде, где я как бы для гимнастики перебелил одно и то же, не подвигаясь, в сущности, с места, занятого еще в Москве. Завтра — «симпозиум» с соавторами, — на них малая надежда, одно только, что они суд, и суд пристрастный, — если уж признают, как припев, и строфы запева, то уж только при решительной моей победе.

Записать бы:

1. С.Ап.Герасимова с его подфадеевскими ужимками, восклицаниями, мимикой и пр., что прежде казалось занятным, а теперь только страшная неловкость, все кажется, что он знает, что я это вижу и отвожу глаза¹⁰.

2. Старых большевиков с их проблемами рац<ионального> питания и долголетия и младенческим благодушием в отношении реального нынешнего мира. В отношении этого мира у них одна только претензия, что он, даже представляя им Барвиху и пр., недостаточно занят ими.

3. Снег, сосны, елки, овраг с железной решеткой — пиками по гребню на круглых трубочных столбах, бабы, расчищающие для нас прогулочные дорожки.

4. Второй или третий день на прогулках по «большому кругу» с увлечением строю партизанский лагерь в зимнем лесу; землянки, скот, согнанный сюда, дойные коровы, кони, запасы фуража и продовольствия; вылазки к большой дороге; маскировочные меры (топка ночами), госпиталь; предатель, убегаящий на лыжах, и погоня за ним большого сердцем человека — (не догнать, нужно стрелять). Все это отголоски давнего замысла на материале рассказов о рибшевских партизанах¹¹, о белорусских колхозах, ушедших в лес со всеми пожитками и живностью, и т.п. Замысел стоящий — как была в лесу своя маленькая советская власть вдали от Москвы (да она же была взята немцами!), от фронта — в почти безнадежном отрыве от своего мира.

М<осква> 15.II.61

[Вклейка]

Уважаемая Янина Викторовна!

Ваше письмо из тех, что и оставить без ответа нехорошо, и ответить по существу невозможно¹². Есть такие читательские вопросы, за которыми вполне угадывается понимание сути дела и, вместе с тем, желание «допросить» автора по всей форме: что да почему?

Почему я пишу о судьбе «друга детства»¹³ «совсем без возмущения против виновников, тех “русских людей” (кавычки Ваши), которые пытали, издевались»... и т.д.?

Во-первых, я не считаю, что я здесь пишу «без возмущения», т.е. бесстрастно, холодно, формально и т.п., во-вторых, я пишу всегда, имея в виду читателя, которому, как другу, не нужно говорить всего, — он поймет с полуслова. Не поймет — моя беда.

Наконец, в-третьих, вместе с этим все понимающим другом-читателем, я полагаю, что нет такой особой породы «русских людей» (кавычки Ваши мне не совсем понятны в данном случае), которые просто по призванию были бы палачами, мучителями себе подобных и были бы той «темной силой», которая единственно виновата во всем. Дело гораздо сложнее, но того, что я не смог, по-вашему, выразить в книге, я тем более не берусь разяснять в письме, — это уж совсем безнадежное дело, и беда, если автор прибегает к этому.

Второй Ваш вопрос: «как объяснить, что наша литература подчас угождает невысоким вкусам читателей?» Думаю, что это объясняется невысокими вкусами литераторов, стремящихся таким образом потрафить читателям.

Желаю Вам всего доброго.

А.Твардовский.

16.II.61

Поездка в Москву, для гимнической встречи (Исаковский, Грибачев, Смирнов, Бровка), как и следовало знать, ничего, кроме неприятного чувства, не принесла. Накануне они уже встречались у Михваса Исаковского. Сосредоточились на «варианте № 1» Исаковского, который стал даже частично хуже. Меня сперва похвалили маленько (Гриб<ачев> успел и на мой вариант сделать вариант). Огромная жажда любой ценой уцелеть в составе авторского «коллектива». Особо жалок Бровка. Гриб<ачев> нахален (ко мне): «Ты не умеешь работать коллективно, а я умею и люблю. Мы втроем книжку написали, успех имела»¹⁴. И т.п. Я повторил свой старый де-

виз: «водку пить вместе, работать врозь». Оставил компанию мирно, но не без неловкости. Во мне они видят только ту же жажду, что томит их. Подпишут что угодно, только бы это прошло. Как узнал утром от бедного Мих.Вас., сидели до 10 ч., «сводили», свели, м<жду> пр<очим>, испортили лучшую строфу Исаковского. Про себя решил: совесть моя чиста, делал, старался и буду, если потребуется, доделывать, но если пройдет (скорее всего) коллективный вариант, буду просить об одной милости — не называть меня в числе авторов. Назовут — и никуда не денешься.

Утром начал раскопки «Т<ёркина> нат<ом> св<ете>». Очень быстро отшелушилось все лишнее из струганого и переструганного вступления:

- Что за штука? В чем секрет —
Чую толки эти.
- Странный, знаете, сюжет:
Теркин на том свете.

И т.д.

Но эта строфа начальная еще не сработалась. Дальше много отработанного и крепкого. Буду перебеливать, развертывать в плане малеевском (59 г.) — «Вот чем, значит, смерть страшна» (что ничего нельзя поделать). Встреча с другом, который сроднился с «тем светом»; выход на этот свет (без нагромождений первого варианта), нужна тетрадь 56 г. (Малеевка)¹⁵.

Спихотехника — словечко Засядько (фигура!)¹⁶, в смысле — спихнуть дело, сбить с рук, чтоб оно за тобой не числилось.

Живут люди в этом хоть и потускневшем несколько, но достаточно комфортабельном заведении, люди все «рукостав», очень много знают о жизни за пределами таких мест — о деревенских делах и т.п., охотно (в известной степени) говорят обо всем этом, а живут, по всей видимости, без большого беспокойства. Один З<асядько>, в знакомом для меня состоянии «оклемания», заговорил о просчете (в деньгах) в 7-летке, употребил это словечко и, видно, много знает и несчастен, хоть и не без похвальбы.

18.II.61

- Строг читатель, начеку,
- С места в точку метит.
- Хвать за первую строку:
- Теркин на том свете?..

- Сказка, что ли, невдомек.
- Ни в одни ворота.
- «Сказка — ложь, да в ней намек».
- То-то и оно-то.

Не вдруг, не вдруг. Экспозиция не должна быть развернутой, иначе утратит в эффekte изложение прибытия на тот свет и т.п. И, опять же, нужно начать с *дела*.

Когда отрешился от «текста гимна», то вдруг пришла мысль, что все же «Часов кремлевских бой державный» — стихотворно. Можно начать просто «Отчизна-мать». Строфа о «языках», м.б., должна быть повернута еще разок¹⁷.

[...]

18—20. II. 61

Гимн нужно докрутить безотносительно к тому, кем он будет подписан, и даже к тому, будет ли он осуществлен. Я буду испытывать огромное удовлетворение, если удастся не допустить в этом произведении-документе, рассчитанном по крайней мере на годы, стыдных строк и слов.

Продолжаю перебелять «Тёркина на том свете», как он стал уже было складываться в последний мой приступ к нему в 59 г. Покамест идет хорошо. Очень доволен, в сущности, видя нынешний его вариант в перспективе, что старый вариант с его несовершенствами (чисто художественными) не увидел света. Одна беда, что тогдашнее его запрещение может помешать и новому варианту явиться на свет божий, но тут уж — будь что будет. На худой конец пусть лежит в тетрадке, но я с этим делом должен развязаться. Более всего первоочередным я писал бы сейчас «Дом на буксире»¹⁸, но нужно зачистить все старое.

Изъятие органами экземпляров романа Гроссмана — в сущности, это арест души без тела¹⁹. Но что такое тело без души? П<оликарпов>²⁰ еще не вернулся. Дважды говорил с Гроссманом — он подавлен. Мне не кажется это мероприятие разумным, не говоря уже о его насильственном характере. Дело не в том, что для Гр<оссмана> с его дурью эта акция — подтверждение того, о чем он вещает в романе, а в том, как это скажется на всех людях нашего цеха. Взят и мой экземпляр, хранившийся в сейфе в «НМ». Таким образом, часть того недоверия, которое обращено к автору, относится и ко мне. Ах, горе луковое, несмышленное.

* Здесь, как и 20—25 февраля, записи строк Гимна СССР.

21. II

«Это еще не заслуга, Панаев, встать в одно прекрасное утро человеком истинным... Даровое не прочно, да и невозможно, оно обманчиво. Надо положить на себя епитимью, и пост, и вериги, надо говорить себе: этого мне хочется, но это нехорошо, так не быть же этому. Пусть вас тянет к этому, а вы все-таки не идите к нему; пусть будете вы в апатии и тоске — все лучше, чем в удовлетворении своей суетности и пустоты» (Белинский — письмо 1842 г.)²¹.

24. II

Это, действительно, редчайший из моей редакторской практики случай, когда не кто-нибудь, а я сам одобрил вещь, которую затем единогласно все признали несостоятельной, — все, кого я стыдил и упрекал уступчивостью и нетребовательностью и кто, действительно, часто одобрял плохие вещи. Герасимов с легкостью, незаметно для себя, перенимает «цитатные» (Марьямов) интонации и ходы извне, как он, не замечая того, «играет» Фадеева²². Письмишко, по совету Дементьева²³, решил не вручать — для чего? Раз он хочет жениться на невесте до выявления ее недостатков, которые мешали бы ему жениться на ней, — пусть.

Барвиха, 24.II.61. (Неотпр<авленное>)

Дорогой С<ергей> А<поллиариевич>, мне странно, что ты отказываешься ознакомиться с отзывами новомирцев на сценарий «Л<юди> и зв<ери>». Ты вправе недоумевать: гл<авный> редактор прочел мою вещь, сказал, что она ему нравится (за исключением «госленты» и, м.б., еще частных), и — вдруг — он сует мне отрицательные отзывы своих соредакторов. Но дело в том, что на этот раз гл<авный> редактор дал маху. Я примерно в том же положении сейчас, что и ты, с тою разницей, что твое положение внешне даже солиднее: ты написал, как написано, и не отказываешься от того, что написал. Ты убежден, что все в порядке. Но, дорогой Сергей, если эта убежденность не может выдержать малейшего дуновения критики и ты ее, эту убежденность, должен таким образом оберегать, дело плохо. Я все же прошу тебя прочесть отзывы — ведь это как-никак «глас народа», и люди все почтенные, и Дементьев наименее из всех предъявляет претензии к рукописи, и доводы, напр., Овечкина²⁴, заслуживают внимания, и замечание Марьямова насчет «цитатности» обосновано. Я очень жалею, что такой конфуз получился со мной. Но было бы совсем неладным делом теперь, когда я вижу,

что я *ошибся*, впадать в амбицию (как это, увы, делаешь ты) и осуществлять свое право главного «наплевать и забыть» и печатать вещь. Сейчас я вижу, что дело это не принесло бы нам с тобой чести. Но больше того: я не хочу (хотя, конечно, хозяин-барин и воля его), чтобы ты ставил эту вещь, по кр<айней> мере в таком ее виде. Вспомни, что зачеркнуть — иногда означает то же, что написать. Я знаю, как это бывает нелегко. — Сбрось с себя наваждение, взгляни на вещь спокойным, объективным взглядом как на чужую, и ты увидишь, что она не то, чем кажется еще тебе и чем показалась было мне. Я сейчас легко могу представить, как бы ты едко и со знанием дела разнес бы этот сценарий, будь он написан не тобою.

Беды особой нет. Если тебе нечто незаменимо дорого в вещи, дай ей побыть на покое, вернись к ней вновь, перепиши, ибо это дорогое, м.б., не выявилось в ней объективно и, если оно есть в твоей душе, оно выявится. А так — нельзя. Прости мне это послание, но я не мог уклониться от сути дела, пользуясь твоим заявлением, что ты, собственно, и не хотел печатать вещь до постановки.

Твой А.Твардовский.

25.II.61

Все эти дни, вперемежку со всем остальным (гимн, Гроссман²⁵, домашние дела, Герасимов с его сценариями и т.д.) под впечатлением рассказа Вс. Ник. Столетова²⁶ об одной ВАКовской²⁷ истории («дело» в трех томах, перешло в четвертый). Женщина-ученый, директор некоего НИИ или станции, расположенной в Подмоскowie, выдвинувшая и воспитавшая, в числе других, молодого способного парня, ставшего под ее руководством кандидатом наук, ее надеждой и гордостью, была посажена в 37 г., накануне защиты своей докторской диссертации, с которой она дала познакомиться этому парню (в числе других лиц и, м<ежду> пр<очим>, одного старого ученого). К моменту ее реабилитации молодой человек — доктор и директор ее института, а старый академик — давно покойник. Она убеждается, что диссертация, защищенная молодым человеком, — ее работа слово в слово, подает заявление в ВАК, указывая на плагиат, но ничего не говоря о том, что ей известно, кто ее посадил. При реабилитации ей показали (так бывало, напр., с Петринской²⁸) донос молодого человека. Но как доказать, что диссертация ее? Никаких следов — он все зачистил. Чудом обнаруживается у одинокой дочери (старой девы) покойного академика экземпляр ее диссертации. Все ясно всем, но молодой доктор решительно отрицает плагиат, не отрицая (он умен!) извест-

ной связи идей, материала и т.д. Кто-то из членов ВАКа задает вопрос с оговоркой, что он, м.б., не идет к делу, и на него можно не отвечать, не имеет ли молодой отношения к ее беде 37 г. Она отвечает, что не хотела бы говорить об этом не имеющем отношения к науке обстоятельстве, но, коль скоро вопрос поставлен, то — да, так-то и так. Он: нет, ложь, ничего не писал и т.д. Один из членов ВАК, почтенный и влиятельный ученый, юрист, говорит, что это хоть и трудно, но можно проверить, и доставляет в ВАК фотокопии документа. Молодой приперт к стене, но автоматически переприсудить степень доктора ВАК уже не считает возможным — у молодого были добавки в результате работ институтского коллектива, поставленных за это время опытов и т.д. Ей — нужно работать, и она уже не может пойти по следам молодого — наука не стояла на месте. Чем это кончится? Вот бы роль для Макаровой²⁹ в герасимовском фильме, если уж он не может без Макаровой постигать и отражать гуманистические проблемы века.

28.II. Вторник

Днями становилось похоже, что дело с Гимном идет к концу. П<оликарпо>в собрался докладывать, что «нужно утверждать». В воскресенье он приезжал уже с тем, что докладывал М. А-чу [Суслову]³⁰. Новых требований нет как будто, кроме малостилистических, но нет и «утверждения», одно вовсе не воодушевляющее пожелание «поработать» и предложение взять «содержательную» часть из «коллективного» варианта. Последнее я недвусмысленно отклонил, заметив, что брать оттуда нечего. Однако это предложение само по себе означает, что центр интереса переместился на мой вариант. В соответствии со своим планом довести вопрос до «высшего уровня» П<оликарпо>в передал мой текст В.Сем.Лебедеву³¹ — для ознакомления с ним при случае Н.С.[Хрущева]³² в его поездке в Сибирь и т.д. — С Исаковским я говорил отчасти уклончиво относительно дальнейшей работы, т.е. я, мол, покамест откладываю, а там видно будет. Но вчера же дозвонился до Свиридова³³, который, «откровенно говоря», заявил, что текст мой все еще страдает «стихотворностью», и я с этим вполне внутренне согласился. Нельзя, м<жду> пр<очим>, не признать, что М.А.[Суслов] все же улавливает некую неокончателность текста, хотя, со стороны стихотворно-содержательной, м.б., уже нет прямых возражений. Свиридов намерен написать новую музыку, но предлагает мне заняться с ним у рояля, уяснить некоторые необходимые вещи. Это я смогу сделать только по отъезде отсюда. М<жду> пр<очим>, если бы Исаковский смог «упро-

стить» мой вариант, я был бы только рад, вопреки «мелкому бесу» авторства — ведь я же говорил (и эти слова переданы П<оликарпо>вым на «предвысшем уровне»), что, мол, пусть хоть С.Островой³⁴ подписывает и числится автором, только бы дело было сделано достойно.

По «Т<ёркину> на том св<ете>» дошел в черновом перебелинии до конца более или менее торной тропы. Думается, что все идет складно. Еще есть какие-то крохи для продолжения — встреча с «другом», приобвыкшим на т<ом> св<ете>. А дальше — много ли, мало — пробиваться «целиком» — неприятие и отрицание «того света» и возвращение «наверх». Все это — миную дробность, нечеткость и рассыпчатость первого варианта («верстки»), к которому уже несть возврата.

История должна быть цельной, незамысловатой, не должна утрачивать повествовательного развития «сказки».

Бедняга зав. сектором отдела ЦК Гр.Вас. Шумейко вчера познакомил меня с двумя картинами своей пьесы из современ<ной> колхозной жизни (стр<оительст>во узловой электростанции, конечно, и странная позиция в этом деле предколхоза и правления). Первая картина — очеришко районного уровня, разбитый на голоса, загромажденный многократным «здравствуй(те) — здравствуйте», вторая — вдруг белый разноstopный ямб в связи с появлением на сцене секретаря райкома. Трудный случай, а парень хороший и неглупый. Искусство настолько примитивизировалось, что подражать ему — соблазн невольный и для людей, далеких от искусства.

1. III. 61

Написал двухстраничную заметку о радио — «Тёркине» Д.Н.Орлова — давний мой долг перед памятью покойного и перед его вдовой А.В.Богдановой, подарившей мне даже часы покойного «с репетицией», золотые³⁵. Пошло два сеанса. Сперва набросал с элементами «воспоминаний» о личном знакомстве и чертой внешнего облика — исключил это сегодня. Очень остерегался «яканья»; но все же хвалить исполнение «Тёркина», вернее, отмечать его доподлинно народную популярность через радио и, гл<авным> обр<азом>, Орлова, невозможно, не имея в виду значения самой вещи.

Радио и Орлов в судьбе «Тёркина» — момент, упущенный мною в «Ответе» и в «Автобиографии». При случае — восполнить этот пропуск³⁶.

У Д.Н.[Орлова] — в его улыбке, особенно в нарочито оживленном добром и веселом лукавстве прищуренных глаз, когда он подходил к вам немного вперевалку, раскачиваясь плечами, подвижный, легкий и вместе приземистый, основательный, — во всем его облике выразалось как бы нетерпеливое ожидание услышать от вас нечто прелюбопытное. И одновременно в этой повадке была готовность самому рассказать вам что-то не менее занятное и примечательное. И, действительно, он либо спешил вам что-нибудь сообщить в этом роде, прочесть «кусочек», обронить шутку кстати, либо вас понуждал поделиться «чем-нибудь новеньким», вспомнить что-нибудь непустяшное, стоящее внимания. И это впечатление, эти глаза умного, доброжелательного человека, всегда проникнутые живейшим интересом и вниманием к миру и людям, к причудливому и емкому словечку родного языка, — это впечатление с годами заслоняет передо мной другой его облик, поразивший меня незадолго до его смерти, — выражение подавленного страдания, печали и как бы недоумения перед жестокой напастью.

(А м.б., подключить к заметке?³⁷)

И такая память о человеке и художнике в его высоком творческом существе вполне правомерна, хотя и не может еще целиком исключить иную память!

2.III.61

Неужели, когда я думаю о сообщенном мне (П<оликарпо>в) решении об увеличении количества Лен<инских> премий, во мне говорит мелкое чувство личной корысти, что больше премий, то они меньше в своем значении. Нет. Для меня лично это уже не так важно — получить ли премию в соседстве с Кожевниковым и Марковым³⁸ или еще с кем вдобавок. Говоря по-серьезному, в нынешнем предстоящем присуждении достойных премии вещей — одна, да и то с оговорками, — это «Дали». И неизвестно, что лучше — быть ли отмеченным среди четырех (и тем самым поднятых в своем общественном, хотя бы и временном, значении) или среди 16-ти, когда уже всем будет ясно, что это премирование по принципу представительства республик, т.е. распределение.

Мне, в сущности, и так и так все равно, ибо не премия возвышает вещь, а, скорее, вещь премию. Тут лишь одно, что тебя не обошли. Не могли обойти — как раз для поддержания этого распределительного принципа. Обойди ком<ите>т «Дали» — это весьма уронило бы его и без того невысокую политику присуждений³⁹. Но дело не во мне, а в деле. Для дела это плохо. Это все то самое: потакание большинству, отказ от принципа увенчания действительно редких и бесспорных ве-

щей, сведение на нет принципа отбора по качеству. Ничего нового здесь нет, все идет, как давно заведено. — Зачем он приехал посоветоваться после того, как решение уже состоялось и его нужно проводить? И это неново. И все в целом, м.б., не такая уж беда. То, что достойно, будет все равно стоять поверх премий, высшая премия — время, вопреки обычному уровню понятий.

5. III. 61

С утра совершенно прояснилось, что перегонять с места на место «картинки» того света — не пойдет, они мне кажутся уже какими-то вчерашними, отболели, и цепляться за них нечего. Тем более что видение того света в таком плане, до встречи с другом, неправомерно. Постигание того света — в фокусе «встречи с другом», в темке первой части, развитой мною уже порядочно, в плане непрерывности столкновений живого с мертвыми. Заглянул в верстку — там очень немного уцелевает для нынешнего плана. И — пусть. Хотя — наверняка — знающие тот вариант будут сожалеть о тех или иных памятных им местечках. Но незнающих больше, в них дело, а кроме того, не обязан я следовать за всеми теми мотивами и ходами вещи, что складывались когда-то, — пусть они следуют за нынешним планом: что годится — сюда, что нет, то за борт, хоть бы и были отдельные строфы или куски сами по себе неплохи. Нет, если эта штука тогда не явилась в свет, то теперь уж она будет не той в плане и деталях. Я, впрочем, и тогда чувствовал, что с середины утопал в рассыпчатой каше картинок, натяженных придумок и т.д.

Встреча с другом. — Поиски Тёркина по подозрению, что он живой. — «Я останусь в меньшинстве!» «На-гора!» Не дай бог в такой вещи — тянучка, она может взять только темпом, сцепленностью этапов, энергией и простором выдумки.

6. III. 61

Кажется, выхожу на тропу: Тёркин встречает друга, тут много годящегося. Встреча выявляет полное взаимопонимание друзей: «Может, ты мертвец неполноценный». «Я не против». Розыски Тёркина по тревоге на том свете. Ах, раз так, то я солдат еще живой. Мне тут делать нечего. Друг уговаривает: не следует уходить с того света — все равно возвращаться. Нет. Да и трудно. Что поделать — Тёркин раз — и «на-гора» — оттуда, как отсюда, бывает мгновенно.

Не обременять вещь большими претензиями, пусть будет такая, как сложилась в своей наиболее естественной

и свободной манере шутки, с некоторой, конечно, начинкой, но не навязывать ей непосильных задач. И пусть лежит до поры, но уже очищенная от шелухи первого варианта, когда, сбившись с легкой тропы первовступления в мир загробный, я начал мудрить и накручивать. —

8.III.61

Ветреное и легкоморозное утро, прогулка по «большому кругу», обычное сожаление о том, что каждый день — день особый и неповторимый и не записать всего. Ночью, говорит сестра, страшно шумел ветер, я ночью ничего не слышал, но и Маша говорит, что в городе — и то все дрожало от ветра. Это расшумелись сосны, полностью освобожденные от снега, обмытые и просохшие — уже на них нет ледяной корочки. И сейчас шумят. Вручаю постепенно гостинцы сестрам и няням, — и ничем не отметить этот день вроде нельзя было, и отмечать как-то неловко, — никто этого здесь не делает, да и невозможно охватить всех, а значит, будет хоть и малый, но все же оттенок обиды или огорчения с чьей-нибудь стороны. Пакет с конфетами, заготовленный для подавальщиц, засунутый в московскую бумажную сумку (с бут<ылкой> шамп<анского>), ночью или утром расклевали синицы — дарить нельзя.

Как часто я сожалею о пустяковости записей, которые могли бы быть таковыми лишь при регулярности и полноте, а то — вдруг — ни с того ни с сего. И как много существенного и ценного остается за пределами этих записей — соображения, встречи, каждодневные впечатления бегущего времени.

1. С.М.Буденный⁴⁰.

2. А.Ф.Засядько.

Вчера начал по порядку заносить в малеевскую тетрадь всё *высвобождающееся* и годное из «верстки»⁴¹.

9.III.61

Вчера переписывал в малеевскую тетрадку «высвобождающиеся» из Верстки строфы в примерной последовательности (встреча с другом) и вдруг учуял концовку — способ возвращения с того света. Где-то были строчки:

туда
Улицей зеленой
Прибывают поезда.

А порожняк? Он, естественно, отправляется «наверх», на этот свет, за новыми партиями пассажиров. Т<ёркин>, прибывший «туда» пешим ходом, оттуда устремляется с порожняком.

На площадке тормозной —
или еще как.

Но эта концовка должна быть после какого-то ударного места, подводящего итоги скитаниям Т<ёркина> на т<ом> свете:

Вот чем, значит, смерть страшна.
Ничего не мочь, не сметь —
Вот что значит смерть.

А если мочь и сметь, то ничего не страшно, т.е. на этом свете. —

Не слишком ли вчера обрадовался скруглению в проекте? — Но вещь стала видаться вся. И ничто из опущенного и опускаемого теперь в Верстке назад не просится.

Возвращение поездом дает, между прочим, сцепление с началом: поезда.

11. III. 61. Б<арви>ха

«Поле оббежал», не имея ни минуты иллюзии действительного завершения вещи, но и чувствуя, что она выпростается-таки из варианта Верстки, стала безусловно ровней, стройней, логичнее, сцепленнее и непрерывнее. Правда, остается основной ее грех — неполная отчетливость содержания, некоторое противоречие между условно-сказочным миром идеального бюрократизма и несколько мрачноватой аллегоричностью за그робности. М.б., это и не будет вытравлено до конца, но кое-что поунять можно. Напр., нужно свести как-то слово «мертвечина» в том почти смысле, как употребил его Маяковский: «ненавижу всяческую мертвечину» — т.е. в смысле чего-то мертвенного, отживающего или имеющего быть изжитым, с чем «человечество расстается смеясь»⁴². И, м.б., кое-где слова мертвец, мертвецы заменить мертвяками, ибо мертвец слишком серьезно и не очень подлежит смеху.

Все мы, братец, мертвяки...

Все же рад, что возобновил возню с вещью, что оторвался, наконец и безвозвратно, от Верстки, т.е. высвободил из нее все, что годится (м.б., не все и, м.б., лишку), и уже имею дело, в сущности, с новой конструкцией. Главный узел вещи — во встрече с другом. Подобно тому, как в главе «Смерть и воин» — пря* живота и смерти, здесь — пря, т<ак> ск<азать>, доброго, советского «живота» с мертвечиной, здорового и здорового с уродливым, фантастически-нелепым,

* Пря — борьба, состязание.

абсурдным духом «того света». Тут, конечно, вряд ли мне застегнуть все пряжки, но и не беда, только бы в главном застегнуться покрепче.

Под конец нужно что-то ударное, выходящее как бы из ритма повести-диалога, вроде кусочка «Дед мой сеял рожь-пшеницу». Может быть, это «песня Тёркина», если таковая возможна, — жизнь, здоровье, разум, смех.

Жизнь, здоровье, смех и разум.

Шутка — делу не помеха,
Разум с правдой заодно.
Кто на свете против смеха,
Тому света не дано.

С малеевских клочков (59 г.):

Тёркин — что на этом
Не страшился ни рожна,
Перед Тем смутился светом, —
Вот, чем, значит, смерть страшна —

Тем, когда один на свете,
Никого еще в виду.
И когда не ты в ответе
За удачу иль беду...

Они пишут так, как будто не было у нас Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Маяковского, а былитолько Бенедиктов да Кукольник, Алухтин с Надсоном, да Игорь Северянин, в лучшем случае Гумилев и Цветаева.

13.III.61. Москва

Вторичное чтение (Маше и Ольге) после барвихинского (Горюнову⁴³, Шумейко и Котову⁴⁴) укрепило ощущение «оббежания поля», но и выявило существенные недостатки.

1. Тревога по поводу «просочившегося живого» вообще, а не именно Тёркина.

2. Выход на-гора нужно вдруг, на середине строфы, — и вдруг доктор, жизнь, этот свет.

3. Не пересыпать ли диалог с другом картинками того света, кое-чем из того, что меня раздражало рассыпчатостью и дробностью и статичностью? М.б.!

Переписываю из малеевской тетради то, что занес туда в Барвихе, чтобы все было на листах. А потом — резать и наращивать.

Хлопоты по переезду. Слава богу, что я в порядке. А то Б<арви>ха чуть-чуть под конец не обернулась тем, из-за чего туда ездим.

*17.III.61. М<осква>,
Кутузовский просп<ект>*

Пятый день напряженного (и физически, и всячески) состояния сборов, которым не видно конца, и того настроения, которое сопровождало даже переезд с Могильцевского на ул. Горького: резкая и наглядная черта под целым периодом жизни (здесь 10 лет), который уходит, ушел безвозвратно, и как бы он ни был плох, странно было бы надеяться, что впереди — лучший (хотя теплится и такая надежда). Всего этого комплекса не перекрывает условная и относительная радость переезда на новую квартиру — она слишком уж запоздала и не полна даже в том тщеславном объеме, какой представлялся в горчайшей в этом смысле бесквартирной юности и более поздних годах: кв<арти>ра не так уж и хороша, далеко не все, просто не все совпадает в ней с привычными за многие годы представлениями о том, как и что в ней будет.

Правда, преимущество возраста в том, что уже нет тех претензий ко внешним условиям бытия, нет и резкого разочарования. Квартира ничего сама по себе не решает. Главный прибиток, что близкие мои вроде как обретают некое удовлетворение, освобождаются от того томления ожиданий и предположений, которое особенно обострилось с выделом Вали и потерей Олею ее «уголка».

Это пятая в моей жизни квартира.

1. См<олен>ск, Краснознаменная, 19(?), комната в первом этаже двухэтажного деревянного дома, в трехкомнатной квартире без каких-либо удобств⁴⁵. До этого «углы» и житье у тещи в одной комнате со всей пloidмой*.

2. Москва. Могильцевский. Полупроходная комната в первом этаже двухэтажного старомосковского клоповника, в квартире на четыре семьи — с «немцами», хождением на кухню через их столовую, соседством П.Орешина и т.д.⁴⁶

3. Ул. Горького, 15, кв. 33. Первая отдельная двухкомнатная с «гор.-хол.» и пр.⁴⁷

4. Эта, в доме «Известий», из двух двухкомнатных⁴⁸, с двумя тяжкими реконструкциями — превращением ее сперва в пятикомнатную, а затем — в связи с отпочкованием Вали — в две: однокомнатную и трехкомнатную, откуда теперь выбираемся на

* Пloidма — сборище.

5. Котельническую (4 ком., 84 м, 3-й этаж, расположение плохое, кухня малая, но в целом все же «министерская») ⁴⁹.

19.III.61. Кутузовский проспект

Кажется, последнее утро здесь, у этого окна с Москвой-рекой под ним и многоэтажным «комодом» на том берегу. Вчера перевезено все самое тяжелое, но день еще предстоит напряженнейший. Пожалуй, нет более удручающего и чем-то стыдного занятия, как перемещение этих предметов — со спуском их с пятого этажа и взволакиванием на лямках и т.п. на третий (или какой еще!) — предметов, которые хороши и нужны, когда стоят на месте и на долгие годы забываешь, какие они тяжелые, громоздкие, мучительно отрывающие руки на поворотах лестницы и чувствительные к малейшим толчкам, ссадинам, сотрясениям. Только и смог, так это выбраковать часть книг (на дачу до поры), которых заведомо не прочесть или прочитанных, но не требующих повторного к ним обращения. Библиотека должна быть из книг любимых и необходимых, в том числе справочных, — и все. Но какой, в сущности, стыд и ужас — восемнадцати — или более — пудовый сундук-пианино, о котором «бригадир» сказал, потрогав на новом месте клавиши: расстроенное, навверное, никто и не играет ⁵⁰. Однако всякое трудное дело, когда оно уже больше чем на половине, становится уже не столь неприятным и даже сообщает ощущение чего-то преодоленного, исполненного, и уже не так страшно. Глаза боятся...

Сталин говорил, что у нас не было для индустриализации страны ни возможности эксплуатации колоний, ни возможности внешних займов и что мы не могли пойти на еще один источник средств — ограбление деревни ⁵¹. Но в известном смысле мы пошли на это — на исторжение из деревни не только материальных средств, но и человеческих кадров, на перемещение их в города и на новостройки. Первая мощная волна — годы великого перелома, «революции сверху» — уходили, кстати сказать, наиболее грамотные или профессионально обученные люди, и не в первую очередь бедняки. Затем были и другие волны (расхуторизация, сокращение выдачи на трудодни, обученность молодежи в машинном деле) вплоть до послевоенного отлива. Сколько, между прочим, живых не вернулось в деревню. Но деревня держалась и держится многими коренными зубами за землю, — теперь (к 30 г.) она была в достатке, на ней только что начали жить порядочно в 20-х годах. Не самый ли трудный зуб — «оседлость», усадьба-дом и приусадебный участок, до сих пор оказывающий столь серьезное

сопротивление в неравном бою с социализмом. Для многих и многих дом и участок — уже единственный стимул выполнения нормы (в трудоднях) на колхозном поле. И за хорошую работу там им социализм давал послабление в смысле пользования этим маленьким, но живучим капитализмом. Замысел целины объясняется не только прямым расчетом «займа» на стороне от старопахенных земель, но и соблазном развернуться на чистом свободном месте, где техника, организация труда и все преимущество крупного хозяйства могло сказаться в «чистом» виде, — все заново и без помех «маленького капитализма», без стариков, сади-ков, колодцев и пр. И они сказались, но не могли не сказаться и другие стороны, не столь выгодные моменты (запустен-ные еще большее старопахенных земель), фронтовой характер освоения новых земель, характер «операции», при которой огромные потери неизбежны. То, что испокон веков делалось на земле людьми, родившимися и обучен-ными на ней, т.е. производство хлеба, под своими «старыми грушами», делалось теперь сборным, как на новостройке, народом, по преимуществу молодым, т.е. наименее приверженным земле, часто вовсе не деревенским и т.д. Но все же «операция» эта гениальна, даже если бы пришлось вновь отступить, дать отдохнуть этим землям и сосредоточиться больше на старопахенных.

Ах, как надо мне, наконец, написать свой рассказ, где много может поместиться⁵².

Этими днями растроган был (так, что тотчас ответил) письмом некоего литовца Альбаноса Расмужиса, называющего себя «простым любителем литературы и искусства». Письмо посвящено моей прозе (4 тому).

«С Вашими поэмами и стихотворениями познакомился сейчас после войны, но Вы потом возглавляли ряды поэтов. Но вот прочел 4 том Ваших сочинений, и сразу стало ясно: рядом с Шолоховым — Вы. Они захватили меня знанием жизни, красотой изложения и особенно — любовью к родине, человеку, правде. В газетах часто пишут о братстве между народами. Но эти часто слышимые слова не имеют никакого воздействия. А вот прочел Ваших сочинений 4 том, увидел Бондарчука в фильме "Судьба человека", по Шолохову, и действительно почувствовал братьями всех: и воинов, отдавших жизнь за родину, и печников, и солдата, валившего стену и утверждавшего, что разрушать легче, чем строить, и Вашего соседа Мартыныча с женой, даже того солдатика, который после войны хотел 4 года сидеть в "тресторане" ... Особенно полюбил белокурого мальчика, где-то на смоленских переле-сках среди стада читавшего книжку (Некрасова в красивом

переплете нельзя брать на пастбище!..). Как все это знакомо! Жизнь в романах Шолохова для нас некоторого рода экзотика: и природа иная, и обычаи у людей иные. И дерутся сильно, по-южному... А у Вас люди живут, думают почти так, как и у нас, в Литве. А как Вы правдиво описали наш край во время войны, когда проходили с войсками!⁵³ Простите за письмо и примите мое сердечное литовское спасибо — асіў! » (Каунас, ул. С.Нерис, 21-а-1)*.

17.IV.61. Первая запись на новой квартире

Вчера попытался написать нечто послепраздничное, раздумчивое, но что-то не пошло.

Оркестры стихли, отзвучали речи,
Парадных флагов свернут яркий шелк.
И беспримерный праздник этой встречи,
Как всякий праздник, в будни перешел.

Ан минул день, когда родного сына
Не только в мире некая семья,
И не одна страна у стен Кремля —
В слезах встречала и превозносила,

Венчая славой, собственно Земля.
И жар волненья, сладкий и тревожный,
Внушал всем нам такой подъем души,
Когда бывают все слова ничтожны
И все при том нужны и хороши⁵⁴.

Дальше — о тех, кто, вылетая в обычный боевой вылет 41 г., такие же хорошие ребята (юность и мужество), не имели за собой внимания всего мира, не могли рассчитывать на него. — Ты помнишь ли, что ты один из них. Еще раньше, когда позвонили из ТАСС о предполагавшемся сообщении (его еще не было), пробовал слепить некую заготовку:

Перед несчетными веками,
Что над мирами протекли,
Горжусь моими земляками —
Сынами матери-Земли.

27.V.61. Внуково

Вчерашней церемонией вручения закончился, кажется, еще один период славы со всеми ее накладными расходами⁵⁵. Письма, конечно, дают осознать себя «частицей духовной необходимости народа», но что дольше затягивается

* Занесено в дневник рукой А.Т.

период неписания, то на душе тоскливей и тревожней, и этого состояния не скрасить никакими средствами извне. Некоторое спокойствие дает только абсолютно трезвое длительное состояние, когда мысль начинает высвобождаться из неразберихи всяческих многосложных воздействий и проясняются «творческие планы», задачи ближайшего и последующего будущего. В этом году было бы хорошо

1. Окончательно перебелить «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» и либо погребсти его в своем «наследии», либо уже вывести на свет божий. Допускаю, что, м.б., и не удастся вывести — что-то, м.б., отболело и уже не покрывает того, [что] требуется, м.б., и сатира, да другая, на более широкой основе.

2. Рассказ «Дом на буксире», который уже в какой-то мере упрежден Фоменкой, но все равно необходим мне⁵⁶.

3. Статья по письмам и откликам на речь на учит<ельском> съезде. Нужно, однако, побывать на двух-трех уроках литературы⁵⁷.

4. Очерки о Польше и Болгарии, если состоятся поездки туда и туда. Подоснова — прошлые посещения этих стран и разное. Это будет по линии «Родины и чужбины».

5. Байкальский рассказ.

Житейские и служебные дела в большом напряжении: необходимость срочного устройства Лены в санаторий⁵⁸, а вслед за тем М<аши> в больницу — хоть бы на две недели; заявление Дементя об уходе (после «неприятного разговора» по статье А.Штейна (№ 6) и очерку Рахманова (№ 3)⁵⁹.

Неотложность поездок в См<олен>ск и Яр<ослав>ль⁶⁰. Вновь взбудоражившая воображение мысль о покупке дачи Виноградова⁶¹: без такого угла мне не записать по-настоящему (кв<арти>ра явно не для этого — не только писать, спать трудно — шум и грохот площади под окном). Если не Виноградова, то всерьез приниматься за дооборудование своей, но довести здесь все до того уровня (вода и пр.) не видно. Сегодня едем смотреть — еще раз.

3.VI.61. Внуково

На Секретариате собирался выступить по «молодым», воздержался, и хорошо⁶². В редакции на другой день, распутывая концы дискуссии, затеянной и брошенной А.Дементом, беседовал с Руниным, кричал на него: что вы принимаете всерьез Евтушенко и т.п. Он терпеливо возражал. Меня раздражала его убежденность, что речь идет о таланте вроде Лермонтова, хотя так уж он прямо не говорил⁶³.

— Вы не можете себе представить, как он популярен, ему нет равных, исключая вас (вежливость!). Его книг не достать и т.д.

— Да, но тиражи его пустяковые.

— Любой тираж он поднимет, любой. Ведь его урезают, ограничивают.

Я невольно почувствовал, что, м.б., я тут что-то просмотрел, что-то произошло и развернулось («В провинции он еще более популярен, как московская мода, которая в самой Москве, м.б., уже и не всеобъемлюща») вширь.

Мне ясно и жутко было, что дело не в «таланте», не в Евтушенко как таковом, а в той аудитории, которая жаждет чего-то «антисофроновского», чего-то на зап<адный> образец, чего-то не казенного, и коль Евтушенко полузапретный плод, то и подай его. Это дело серьезное, ни в какое сравнение не идущее с личными данными Евтушенко. Это показатель того, что происходит в среде не рабочей (а м.б., и рабочей) и не колхозной (а есть такая?) молодежи столиц и университетских городов как реакция на развенчание «культы личности», на неустройство и др. (болезненные моменты, связанные с реформой школы и т.п.). Это — неомещанская среда с чертами несомненного буржуазного влияния послевоенной формации, «влияния», которое только отчасти идет извне, а в основном складывается «дома» под воздействием форм<ально>-бюрократ<ического> окостенения комсомола, методов преподавания идеологических дисциплин, сделавших великое учение скучными страницами обязательного учебника, — «пройти, сдать и забыть».

Прочел вчера подряд книжечку «Яблоко». Что говорить, парень одаренный, бойкий и попал «на струю». В «Яблоке» есть и «самокритика», и переоценка своих «слабых побед», и апелляция напрокудившего и «усталого» лир<ического> героя к «маме», что довольно противно, но в целом книжка стоящая, не спутаешь с кем-нибудь другим, отличишь от иных скорее, чем, скажем, С.Васильева⁶⁴.

М.б., буду писать рецензию⁶⁵.

Более всего по-бытовому и по-иному озабочен и угнетен необходимостью решить вопрос переменедачи. Соблазн велик: настоящий, городского типа каменный дом со всеми удобствами, с «верхом», где я столько лет вижу себя в мечтах за работой. Но как подумаешь — пскинуть этот участок, раскорчеванный, перекопанный, политый потом и во многом прекрасный — эти дубы, этот скат к юго-западу, то страшно, как будто что-то, недоделав, бросаешь, чего себе потом не сможешь простить. Вроде как то чувство, что испытывал, по-

рываясь бросить вуз, «отдаться литературе» и чувствуя, что нет, нехорошо будет. Кабы внешняя, объективная необходимость, не свой выбор — как бы хорошо. Маша говорит, чтоб я решал, а я бы и рад уж поступить по настоянию жены — все же «объективная» необходимость.

Сегодня буду звонить и знаю, что буду рад освобождению от этой «проблемы», если академик заломит более моей «контрольной» цифры. Решил, что за 30 тыс. нужно брать [дачу], несмотря на все сентиментальные привязи. Как это получается, что 15 лет — добрую четверть жизни — вдруг отдаешь устройству этого с самого начала «не того» места, а потом и жалко.

15.VI.61. Внуково

[...]*

Вчера — отчетно-выборное партсобрание. Мое опоздание на полминуты и доизбрание в президиум после доклада. Избрание в партком и на райконференцию четвертым (из 11) по количеству голосов (около 70 против).

П.Н.Демичев⁶⁶:

— Как квартира?

— Спасибо, мне известно, что вы лично...

— Да, мне же звонил Мих. Андр. [Суслов]...

Знает как будто все хорошие слова:

— Мы будем оценивать вашу работу не по количеству проведенных заседаний...

Формализм страшнее всего в работе нашей писательской организации. Тут не коллективом руководить путем «общих указаний», а каждым отдельным «заводом, вырабатывающим счастье»... И далее: Мы вас (Московскую орг<анизацию> писателей) считаем (будем считать) отделом (!) МГК. — Здесь уж, м.б., лучше руководство огульное, чем «каждым в отдельности».

Сидел, как обреченный, не пытался самоотводиться, что было бы понято только как кокетство и набивание цены. —

В который раз уже после того дня, как утром встал, неясный, и по пути в нужник увидел у компостной кучи Норку, протянувшуюся боком на отвал с чуть оскаленными зубами, — в который раз, открывая вечером калитку, испытываю смутное и острое чувство еще одной утраты: Норка не встре-

* Запись новых вариантов стрóf Гимна СССР.

чает. Старая, больная, толстая, умная Норка, только зимой освободившаяся на опер<ационном> столе от своей ужасной шишки на ноге⁶⁷, страшно сказать, — она в чем-то походила на свою больную, с ужасными венами на ногах, умную и тяжелую хозяйку, которая еще так недавно жестоко ругала ее, обзывая шлюхой, когда к ней забегали через подворотню и подкопы под забором «кавалеры» разных мастей и статей. Она же, хозяйка, и закопала ее за сараем, рядом с Мазаем, выкопав яму и стащив ее туда с великим трудом, покамест хозяин, даже как бы обрадовавшись причине, сидел у Алешки Пасынкова⁶⁸, опохмелялся и болтал о своей потере (тоже как бы в оправдание раннего визита), а придя домой, предложил десятку для Ивана, чтобы закопал, и забыл об этом, и только третьего дня узнал от хозяйки, приняв на трезвую душу еще один упрек, еще один стыд.

Как видение — Наровчатов⁶⁹ вчерашний, о котором в обычном «разрезе» говорилось в докладе, а потом он сидел во дворике ресторана с также упоминавшимся Бауковым⁷⁰ — жуткий: толстый, рыхлый, бледный, плешивый, беззубый — некогда красавец ИФЛИ.

21. VI.61. Внуково

Очень свежо, совсем не по-летнему. Увидев, как Маша вносила в мою комнату букет пеонов (или пионов) из нашего сада, даже не догадался сам, что это день моего рождения, что мне было 50 и вдруг сразу пошел 52-й. Толку нет перегонять из пустого в порожнее — дело идет с горы вниз. Сил явная убыль, и, м.б., не столько физических (я еще способен испытывать наслаждение от косьбы, раскорчевки и «разделки» пней на дровосеке!), сколько душевных: усталость, сужение планов и замыслов. Впрочем, м.б., всему причиной тот особо трудный год, который я пережил со времени опубликования заключительных глав «Далей». Да, м.б., я поторопился, м.б., отчасти прав и Лифшиц М.А.⁷¹, но иначе быть не могло. К этому добавить журнал со всеми радостями (отход А.Дементя в сторону⁷²) и, главное, главное, неписание такой длительный срок, не считая «гимнические усилия», заведшие в тупик, и перебелку «Т<еркина> на т<ом> св<ете>», после которой вдруг появилось ощущение чего-то несостоявшегося, какой-то необратимости того, что было утрачено в 59 г. (хотя тогда вещь тоже была не готова, сыра, теперь она стройнее и компактнее).

Месяц за месяцем и год за годом откладывается рассказ о доме на буксире, не говоря уж о «главной книге» — «Пане Твардовском»⁷³, — этак можно не заметить, как годы

уйдут, а замыслы останутся воспоминаниями о замыслах. Все это грозно, тревожно и понуждает к решениям, которые, конечно, можно отложить «до XXII съезда», но рано или поздно придется принимать. Не хочется быть застигнутым бесповоротностью судьбы. Домашние дела сейчас целиком в Оле: выдержит она или не выдержит в «905»⁷⁴. М<аша> отложила свою больницу до результатов экзаменов. Я, м.б., только смогу смотаться в См<олен>ск, откуда, как и из Ярославля, наперед знаю, привезу невеселые впечатления и куда даже ехать мне не хочется со своей премией, которую неизвестно кому и на что должен передать, но и оставить этого дела не могу⁷⁵.

Что дальше, то все больше выявляется неизбежно трагический характер нашего развития в темпе непрерывного убыстрения, напряжения и отчуждения действительности от слов о ней, от названий. Мы ее называем, переименовываем, а она — все она.

Ярославль. Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах. Два сорта рыб<ных> консервов. Безрыбная Волга. — Приехал в канун снятия первого секретаря и предоблисполкома. Сняли их, в сущности, за то (с этим согласился стоящий несколько в стороне пред<седатель> СНХ Фетисов⁷⁶), что они выполнили вреднейший приказ сверху, выполнили автоматически, как положено, выполнили против своей совести и сознания (отстраняя их — «партия знает»), и, не выполнив который, они были бы сняты тогда же. — Неловкость моего положения при внезапном падении старого начальства и отсутствии нового заставила меня сократить на день намеченный срок пребывания «в округе» и, сделаводно только дело в отношении Карабихи⁷⁷ (но это существенно, и это грех с души), возвратиться домой с малыши, по счастью, потерями в отношении «соблюдения себя».

На очереди «пьеса», которая уже свыше года висит над душой, как обязательство к стыдному и мучительному делу, но, м.б., м.б., оно-то мне сейчас кстати⁷⁸.

25.VI.61. Внуково

[...]

Был помоложе, хватало сил — так ли, сяк — и для журнала, и для своей работы, и для пьянства. Теперь их только-только либо для журнала, либо для себя, а для последнего уже

* Записи новых вариантов куплетов гимна.

в любом случае нет. — В сущности, в ж<урна>ле я не для того, чтобы пропускать хорошее, а чтобы отклонять дурное, этакий щит против авторов, с которыми Заксу⁷⁹ и др. трудно спорить. Расчетливо ли это? Я мог бы даже в публицистике и т.п. больше делать, если бы не губил столько времени на чтение муры и разговоры, имеющие целью единственно — отклонение нежелательного материала. Но так или иначе, не будь меня, сами бы справились.

29. VI.61. Внуково

Третьего дня передал Воронкову «Тёркина» с «наложенными швами». Работа эта, откладывавшаяся мною изо дня в день, из месяца в месяц свыше года, наконец, когда принялся за нее, принесла, как всякая работа, неприятная в представлении, но все же одоленная практически, даже некоторое удовлетворение.

Как, в сущности, хорошо делать что-то свое, когда задача выясняется в ходе дела и вдруг обретаешь хоть малую радость из тех радостей, вместе с трудностями, ради которых только и стоит...

В ряде ударных мест, слишком знакомых и памятных, чтобы их заменять чем-нибудь, — «подведение» слабое:

— Огоньку-то: на растопку.

— Мы подбросим. И — конец...

— Нет, глядит полковник строго.

— Как же: вроде — за отца.

и др.

Но есть и маленькие находки, которые я не прочь внести и в книжный текст, вроде: — Дай проверим, что за терем, и др.

Сперва был порядочно смущен заключительной беседой Н.С.[Хрущева] с Кеннеди («Запись»). Но взял с собой, почитал, вдумался: нет, это так. Не может же быть, чтобы мы впрямь напрашивались на войну. Это проба характеров и нервов. Обе стороны имеют в запасе готовность пойти на уступки⁸⁰.

Нерешенность проблемы дальнейшего пребывания в ж<урна>ле. Намерение уйти с 15.VI в отпуск с перспективой невозвращения — это, в сущности, откладывание трудного решения на некоторое «завтра». — Конечно, с точки зрения моих собственных задач трата сил на тысячу пустяков, на ерунду, трата времени — это преступление. Но журнал, при всех его промахах, упущениях, несовершенствах,

все же некий «маяк» среди нынешнего моря глупости, безвкусицы, пошлости, спекулянтства и т.п. И уйди я — он погаснет, его задуют, он в значительной мере держится моим именем, некоторой моей «неприкосновенностью».

Из этого плена, из этого ада
Мне выскочить, выбиться, вырваться надо.

Мои читатели стареют...

3. VII. Внуково

День первого экзамена Оли в «905».

Вчерашняя поездка в Пахру, осмотр дачи — какой уж по счету! — Еголина А.М., покойного, лекции которого по XIX в. я слушал в ИФЛИ⁸¹. Опять то же самое: нужно что-то достраивать, дело затяжное, а в смысле сада и т.п. — почти все сначала. И опять — при всех несомненных преимуществах перед Внуковым (водопровод, отопление, река, местоположение, каменный дом) — опять те мелкие, почти болотные березки с елочками-сосеночками против этих могучих лесных дубов, так разросшихся даже в толщину за эти 15 лет. Нет, это не шутка — 15 лет смотреть, прикидывать, «редактировать» этот угол полувырубленной дубовой рощи с подлеском из орешника, со взрослым уже, но все же бесплодным садом, — со всем этим, что здесь уже стало «моим»⁸². Сегодня пришла мысль, что все это «борение», переходы от состояния, когда уже переносишься туда, на новое место, и начинаешь там наводить порядок, к намерениям и планам здешним, — все это от неосознаваемого страха перед тем возрастом, в котором вдруг очутишься на новом месте. Здесь мне и 50 и 35 одновременно, т.е. каким я был, когда здесь начинал, а там уже только 50 и т.д. «Поселился здесь у нас человек в годах», точно он и не был иным. Наверно, отец до конца в Загорье чувствовал себя и тем, каким он приехал туда, в «кусты», и начал корчевать эти «кусты», когда еще меня не было на свете. Он говорил, что у него при виде невыкорчеванных пней ляда «середина» (поясница) болит. Я только теперь, пожалуй, понимаю его вполне, думая о расчистке виноградовского или еголинского участка, хотя хутор отца и мой участок — со всем тем, что мы, тот и другой, связывали с ним, — вещи несравнимые. — С первых же лет он начал свои побег из Загорья — в имение Чернево, где он был «арендатором», в См<олен>ск, где снимал у деда Ореха⁸³ лавку на Киевском и где мы, дети, на короткий срок стали «городскими», наконец, уже в 20-х годах — в Поволжье, куда

звали переселенцев всякими исключительными благами — землями, климатом, готовыми постройками (из-под вымерших от голода 21 г.).

Помню, как он возвращался оттуда после «смотрин», а мы встречали его по выходе из нашего леска, со стороны Ковалева, на «уругу»* (никогда даже не паханный и некошенный выпас), и по тому, как он, прежде чем поздороваться, откинул с тропы какую-то хворостину (не на месте!), мы поняли, что в Поволжье мы уже не поедем. Привез он оттуда мешочек махорки (для «торговли», но сам и покурил) да малярю, которой долго мучился. Сам он не покинул бы этого места никогда, хотя, как никто, умел ругать его⁸⁴.

Вчера сдал Воронкову еще раз пройденный мною от строки до строки белой вариант. Убедился, м<жду> пр<очим>, что понимаю он хоть что-нибудь в стихах, он ни за что не решился [бы] «композировать» эту вещь. Жаль, что я не занес себе в тетрадку хотя бы одну из 76 стр. предпоследнего варианта, — я продемонстрировал ее до и после «наложения швов» М<аше> и Оле — они ахнули, а Маша, по обычаю, прослезилась. Там была жуткая россыпь разорванного стихотворного текста, где что-то изредка рифмовалось, ритмически все время спотыкалось — не передать, что.

Была не особенно приятна готовность В<оронко>ва соглашаться на все, что я ни сделаю. «От автора?» — «Пожалуйста». — «Новый рассказ Тёркина?» («как пришлось нам в счет войны»). — «Отлично». И т.д. И под конец робкое и, однако, обеспокоенно-настоятельное: «Начертайте своей рукой», т.е. мое одобрение, без которого он, конечно, не мог жить. А как там что — ему, пожалуй, плевать. Он рассчитал, что *эта* вещь в любом решении *должна* иметь успех, по крайней мере официальный, но и не только. Выполнил все с чувством облегчения, но запоздалой досады — ведь это я мог сделать (да ведь я и сделал!) без всякой его помощи. 1½ страницы его «текста» — это как раз то, без чего и сейчас хорошо бы обойтись, но тогда что же будет от автора («композиции»). В сущности, он меня вынудил в течение двух лет, во-первых, примириться с этой аховой (с его данными) затеей, одобрить ее, подлатать перед самой почти постановкой какие-то наиболее очевидные прорывы в тексте, т.е. портить самого себя, а потом уж и вовсе «приложить руку» сквозным по всей рукописи «наложением швов» (да и не только «швов»). Видит бог, мне не жаль и не нужно денег. Я много раз искренне готов был бы заплатить ему от себя, чтобы только не было этой затеей. Но пусть — с возу упало, пройдет спектакль, пройдет время — все это забудется, а книга останется. Вчера написал

* Уруга — пустошь (смоленский говор).

«концовку», видя полную несостоятельность того, что было там смонтировано.

...Жаль, что лучше не могу...

Разрешите заключить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

И желал бы я, друзья,
Чтоб советской власти
Не понадобился я
По известной части.

Чтоб над мирною землей,
Теплой, благодатной,
Труд мой ратный
Стал былой
Былью невозвратной.

Но поскольку от огня
Нет такой страховки,
Что касается меня,
Все — по обстановке.

Теркин вот он.
Был и есть
На посту всечасно.
Это следует учесть
Кому надо.

Ясно?

— Разойдись!

8.VIII.61. Барвиха. 4-й день здесь

Вечером и сегодня.

Когда особые причины
Для речи вызрели в груди,
Скулеж обычного зачина,
Что нету слов — не разводи.

Все есть слова, что не на ветер,
Все, что нужны для дела, — есть,
Как правда есть на белом свете
И человеческая честь.

Все есть слова — для каждой сути,
И все на месте хороши,
Но мрут, как мухи, если все
Их повторяешь без души...

Тут что-то есть для вступления к речи, которая, м.б., способна будет хоть отчасти разрядить душу от всего, что наполняет ее все эти дни, и много ранее, и особенно со вчерашнего вечера. — Водить пером по бумаге рука отвыкла.

Остерегаюсь краснословья
И мелкословья как беды

Твой сын-солдат, слуга народа,
Поверь мне, м<ожет> б<ыть>, не зря
Я не стою с дежурной одой
У твоего календаря.
(Перед твоим календарем)
Собратся с лучшими словами
Я не на каждый день готов.
Вот я в долгу и перед вами,
Орлы — Гагарин и Титов⁸⁵.

Те, которые впервые — в боевой будничной вылет, — они, простите меня, не меньшие герои, чем вы.

Да, мир — он должен быть спасен!

Из внуковских каракуль:

Стал народ на память плох
Просто до конфузу:
То забудет про горох,
То про кукурузу.

Так-то с горем пополам
В суете великой
По овсу исполнит план,
Проморгает с викой.

И чему какой черед
На земле родимой,
Из последней узнает
Грозной директивы.

Все как будто невпопад:
Сверху не подскажут —
Не припомнит — с чем едят
Гречневую кашу.

Ходит-бродит сам не свой.
Все ему неладно:
То порядок звеньевой,
То опять бригадный.

Как-то было в октябре —
Гости из отдела:
— Коммунизм на дворе,
За тобой лишь дело.

Тетке странно, что за ней
Спрос такой суровый.
— За тобою. А точнее —
За твоей коровой.

Рассуди, обдумай, мать:
В перспективу глядя,
Для чего ее держать?
— Молочишка ради.

Рассуди, раскинь умом
Ясно.
Тяжело тебе самой,
Нелегко, понятно,
(запасти) сенца — серпом.

За коровий этот хвост нечего держаться.
Запах от нее — воздух загрязненный —
близко, рядом — центр районный.
— А как с детьми в смысле молочишка?
— Обязательство возьми на себя и — крышка⁸⁶.

9. VIII. Б<арви>ха

Продолжал вчерашний набросок, вот-вот, кажется,
и пойдет хорошо и не слишком под самого себя.

После длительного неписания мне, обычно, прежде
всего требуется разыграть в стихах, хотя бы более перво-
степенными были замыслы прозы. А уверившись, что я еще
и стихи могу, могу что угодно и без всякой заботы о стихах.
Я думаю по преимуществу прозой — это как бы мой родной
язык, тогда как стихи — приобретенный, хотя бы и усвоен-
ный до порядочного совершенства. Только изредка думаю
и стихами, когда вдруг набегают строчка, «ход», оборот, лад.
Из этих «набеганий» произошли в большинстве «стихи из
Записной книжки», т.е. пришедшие вдруг строфы или строч-
ки, не получившие развития в целые «песни», которые («пие-
сы») обычно мною обдумывались в прозе. Только с годами
понял, что такие «набегания» — наибольшая драгоценность,
это как самородки, которые вдруг выблискивают из-под ло-

паты, перерывшей прорву породы ради среднего, а то и совсем малого сбора золотого песка. — Большинство, пожалуй, моих стихотворений, особенно «сюжетного ряда», отяжелены их чисто прозаической основой. Но без этой прозаичности не могло бы случиться и моих больших вещей, которые при этом сильны в частностях «ходов и оборотов» и т.д. строчками из тех, что «набегают».

Очень быстро устаю, мало успеваю и к середине дня чувствую себя вялым, расслабленным — то ли перекуриваюсь, то ли еще почему.

Грустноватые и трудноватые мысли о событиях последних дней.

10.VIII.61. Б<арви>ха

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Вранья пустого для зачина,
Что нету слов — не разводи.

Все есть слова, что не на ветер,
Все, что нужны для дела, — есть,
Как правда есть на белом свете
И человеческая честь⁸⁷...

Только раскрыл вчера папку с частью почты, захваченной сюда с собой, как расстроился, плохо спал ночью, курил и понял, что, пока не отпихну эту папку, не продвинусь ни на строчку. —

1. Папка⁸⁸.

2. Избр<анная> лирика (содержание) для «Сов<етской> Рос<сии>»⁸⁹.

3. Эренбург и Федин⁹⁰. —

11.VIII.61. Б<арви>ха

Купанье утреннее в верхнем прудике — главная процедура здесь для меня, бодрящая, как добрая начальная выпивка в иные годы, не влекущая за собой никаких бед. Как люди (которые не больные, конечно) могут, живя здесь, отказываться от такой зарядки, не понять, — скорее всего, это от въевшейся в них начальственной респектабельности, не

позволяющей унизиться до купания в простом прудике, без обслуживания сестрой и т.п.

Эренбург. В целом — жалкое впечатление. Чем ближе к взрослым годам и временам, тем страннее его мелочная памятьливость относительно своих встреч, выпивок, болтовни, плохих (своих и чужих) стихов, обид, будто бы причиняемых ему в этом мире с рождения до старости. Мир давным-давно забыл (а большею частью вовсе и не знал) о его ироничности и т.п., а он оправдывается, кается, объясняется по этому поводу⁹¹.

Можно было бы не унижаться и до памятьливости насчет нападок на «Оттепель»⁹², например, — ведь нападки нападками, а повесть-то просто плохонькая.

То, что он сидел и болтал в кабачках всех столиц Европы, дает ему право до сих пор думать, будто бы судьба Европы в значительной степени зависела от него и его друзей. Странное и жалкое самообольщение на старости лет. Не дай бог дожить!

13.VIII.61. Б<арви>ха

Утренняя прогулка вкупе с купанием дает на час-другой ощущение почти прежней наполненности здоровья и сил. Утро солнечное, но уже не июньско-июльское, когда жар уже с утра настаивается в затишье кустов и полон запахов свежей и жаркой лесной травы, — в воздухе уже есть то, что у нас называлось «ядреностью», вода немного жестковата, но все равно хорошо, пусть даже тут немного тщеславия: один во всем санатории купаюсь по утрам, даже под дождем. Конечно же, не хвойные, расслабляющие ванны и не брандспойт даже, а эта водная процедура — главная в моем здешнем «курсе лечения». Простой расчет: если бы я жил близ такой или подобной воды (как в той же Пахре), купанье намного больше поддерживало бы во мне чувство здоровья: бодрый старик, да и не старик еще, раннее вставание, купанье с прогулкой — все как здесь, но без этого регламента, из-за которого весь день куда-то спешишь, опасаясь опоздать, и всегдашнее чувство нехватки времени. Едва сядешь за стол, куда-то зовут, кто-то заходит и доводит до малого раздражения (его достаточно, чтобы испортить присест) расспросами о сне, об отправлениях и пр. Маршак⁹³ прав: за популярность приходится платить. Люди, узнавшие и признавшие тебя заочно, каждый в отдельности, не обязаны знать, как их много. Не знают они и не обязаны знать, что твои возможности помочь им совсем не такие, какими они им представляются, что ты бываешь просто слаб, раздражен, недоволен собой, у тебя не получается то, что есть главное в твоей жизни, и т.п.

Нельзя на них сетовать даже за то, что они считают твои деньги (не беря, конечно, в расчет явных вымогателей). Но ведь кроме писем и посещений, изнурительных и раздеривающих тебя, приводящих в недовольство собой (например, проезд сюда А.С.Борисенко «посоветоваться» — не могу ли я через Аджубея... и т.п.)⁹⁴, есть и другие, где вера в тебя, признательность тебе, душевное расположение, позволяющее думать, что ты не даром ешь свой хлеб (белый) с маслом, — что ты нужен людям порой не меньше, чем какой-нибудь высокий начальник, особенно начальник по духовной части. — Надписал единственный экземпляр «Далей» ([издательство] «Сов<етский> пис<атель>») для Владимира Сушкевича, написавшего, что в конце прошлого года по прочтении этой книги он принял решение уехать в Сибирь (из Зап<адной> Украины) и «никогда не пожалеет об этом».

Хорошо бы завести папку особо дорогих писем, а то «черная папка» есть, а этой «золотой папки» нет. Это же как справки с места работы с характеристиками и благодарностями.

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Вранье обычного зачина,
Что нету слов — не разводи...*

Слово-капитал

14. VIII

Добивал почту, — да, от этой платы за популярность никуда не деться, даже если что оставляешь с пометкой «б/о» [без ответа], но взятие этого греха на душу — это тоже плата. Смутное беспокойство, чувство какой-то неотклонимой обязанности редко-редко (едва ли не помню все эти случаи) позволяло мне выбросить письмо, — залежаться, излежаться до полной невозможности возвращаться к нему письмо у меня может, но чтобы — раз, и в корзину — не могу.

Какое умное, грамотное, здоровое письмо молодого татарина Каюмова о неустройствах сельской жизни, о фикциях трудодня и т.п., о необеспеченности старух и стариков, вынесших великую тяжесть работ в поле во время и после войны, а теперь оставленных детьми, колхозом (у него рабо-

* Далее записан новый вариант стихотворения «Слово о словах».

тающим дать нечего) и опять же богом... Письмо чуть-чуть подпорчено просьбой о «дешевеньком радиоприемнике», но если учесть, что это, как говорится, прикованный к постели больной человек («от книг иногда устаешь, а хочется музыку или новости послушать») и то, как он об этом попросил, то и ничего — нужно сделать⁹⁵.

Маршак тает, как свеча, не замечая или не желая себе признаться в этом, обороняясь психически от этой атаки. М.б., одним из средств «обороны» является и инертное стремление его при его немощах «работать», да еще не скажет «перевод», а непременно — «писать». Переводит Родари⁹⁶. К чему, зачем? Ведь это для него уже никакая не задача и не необходимость и ничего не может ему прибавить, — нет, работает. В этом есть и что-то удручающее. Иное дело, когда он пишет, редактирует, корректирует свои статьи, воспоминания и т.п. — Это дело, приличествующее человеку его профессии и на восьмидесятке. Но принцип — хоть что-нибудь, да делать каждый день — он приличествует всякому возрасту, моему, например. Это не одно и то же, что «ни дня без строчки»⁹⁷.

Если о чем-то нельзя ни звука,
О том, что можно — неинтересно.

Друзья мои, и в самом деле
Мы как-то дружно, разом, вдруг,
Как сговорились — постарели.

15.VIII

Наброеал вчерне что-то из того, что пришло в первые гагаринские дни и много раз потом возникало в душе и просилось наружу: подвиги эти и те, забытые, безымянные, не увенчанные ни цветами, ни звездами. Еще очень приблизительно. Все же мне приятно, что я пишу уже не «стихи», — хорошие или дурные, не для счету, не для показа своего умения и т.п., а пытаюсь высказывать, выкладывать на бумагу то, что имеет для меня существенное душевное значение и имеет прямое отношение к тому, что происходит, т.е. уже с вышки возраста, хоть нечему тут радоваться.

Ходит неподалеку от дома, греется на солнышке беле-
сый лысый высокий старик — Токарев, оружейник, числя-
щийся в паре с Дегтяревым⁹⁸. Изобрел он много всяких ско-

рострельных штук, которые отправили на тот свет, м.б., сотни тысяч людей. Но теперь ходит и примеривается фотоаппаратом собственной конструкции. Уже — дитя, слеп, глух, сонлив. Да и смертоносное его оружие — в сравнении с тем, что уже есть на свете, — это детская удочка по отношению к некоторым (до поры запрещенным) современным средствам лова.

17. VIII

В зап<исную> кн<ижку>:

Оркестры смолкли, отзвучали речи,
Парадных флагов свернут стройный фронт.
И этот гром неповторимой встречи,
Как гром грозы, ушел за горизонт.

И новый подвиг совершился в мире,
И новый праздник грянул на порог.
Он был еще торжественней и шире
И только первым быть уже не мог⁹⁹.

Плохо. Самый «разговор» начал по-другому.

Когда аэродромы полевые
Под Киевом, под Брянском, под Москвой
Из пополнения летчикам впервые
Давали старт на вылет боевой, —

Ты знаешь ли, разведчик мироздания,
Своею славой обогнавший век,
Там тоже, отправляясь на задание,
Как будто в космос делали разбег.

И, может быть, не меньшею отвагой
Бывали там сердца наделены.
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Из первой черновизны

Но так ли, смя ли — ждаться в привычку стало,
Что третий подвиг будет за вторым,
Четвертый, пятый — будет их немало,
А мы, герой, давай поговорим...

Такая же, как та былая юность,
Что поднялась в свой вылет боевой,
Но из него доселе не вернулась,
Чтоб в этот праздник встретиться с тобой.

Зачем — не знаю — памяти кровавой
Я вновь — разматываю нить,
Как будто я хотел бы частью славы
Твоей — ту юность (как бы) оделить.

Пуškai она взлетала не в ракете —
В фанерном драндулете давних дней.
Она, как юность всякая на свете,
Своих родных имела матерей.

Я не скажу — тот подвиг безусловней
И не скажу — ты перед ним в долгу,
Но тот и этот в сердце числю ровней,
Ты понял? Нет? Точнее не могу.
Ты знаешь ли?.. Ты знаешь все. Прости...¹⁰⁰

19.VIII.61. Барвиха

Когда аэродромы полевые
Под Сталинградом иль самой Москвой
Из пополнения летчикам впервые
Давали старт на вылет боевой...*

21.VIII

Вчера — впечатление из редких от киноискусства: итальянская картина «Генерал де Роверо» (телев<изор>)¹⁰¹. Настоящего героя нет, он убит немцами при высадке на берег, его заменяет пустой, жалкий полушулер, полушпион, которого гестапо (прекрасный оберштурмбанфюрер!) запикивает в политич<ескую> тюрьму в качестве «подсадной утки» под именем того нац<ионального> героя, партизанского вождя. Но именно через это мы видим, что это за человек, генерал, что значит одно его имя для заключенных патриотов, и он, как живой, присутствует в действии. Конец, м.б., чуточку натянут (мошенник подавлен грузом своего легендарного имени, плохо выполняет назначение «утки», в интересах маскировки подвергается избиению, получает письмо жены подлинного генерала и т.д.) — идет к стенке сам, имея еще, м.б., возможность еще одним предательством купить себе жизнь и свободу. — Великое право искусства обойтись и без «физического героя», если нужно. Первое, что сказали бы наши мудрецы: как, фильм о по-

* Далее здесь и в записи от 22 августа — продолжение работы над стихотворением «Космонавту».

ложительном герое, а на экране судьба мошенника, его терзания и т.д.? Кому это нужно и т.п.? Но дай этот фильм самого героя, дело наверняка запахло бы фальшью. И, как на смех, по второй программе в тот же вечер — фильм Пашки Нилина, где положительные те, что ловят и сажают (угрозыск), и фальшь!¹⁰²

22.VIII

Когда аэродромы полевые... и т.д.
В дни отступленья, скажем, под Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,

Ты знаешь ли, разведчик мироздания,
Чьим подвигом в веках украшен век, —
Там тоже, отправляясь на задание,
Как будто в космос делали разбег.

[...]

Ты знаешь ли, что та, былая юность,
Пройдя в бою теснину из огня,
Лишь малым счетом на землю вернулась,
Чтоб твоего на ней дожждаться дня.

[...]

Пусть вы по крови и по духу — братья,
Но не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу.
Как будто миру со своею рядом
Их молодость представил и судьбу...

Сделал было шире предыдущего, со включением строф о «празднике», с попыткой перейти с «ты» на «вы» («Товарищи Гагарин и Титов»), но увидел, что слова стелются по земле, а не идут вверх, растягиваются. А теперь вижу, что и этот вариант длинноват.

24.VIII

Вчерашний приезд Поликарпова — с одной стороны, радость освобождения, как бы снятие стыдного груза моих провинностей, которых он был свидетелем и устройтелем нынешней Барвихи и т.д., с другой — опять гимн и все сна-

чала. Опять бедный набор обязательных слов, и чуть что по-выразительнее (в пределах обязательных) — нет: «печали» не надо, «языки» не годятся, «осеняя» нехорошо¹⁰³. Но я все же рад, что я опять пригодился и что, м.б., мне удастся завершить этот длинный ряд попыток каким-то — хотя бы приличным только — завершением. Сколько раз уже мне (и др.) казалось, что — ну, вот оно, чего же больше или лучше можно придумать, и вновь расплозлось и оставался один «припев», который как получил уже год назад одобрение, так и остается.

Сегодня первую часть утра лепил эти три строфы. —

25.VIII

Позавчерашняя попытка «сменить ногу», — кажется, все равно плохо, растянута.

Когда аэродромы отступленья
Под Сталинградом иль Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали вылет боевой, —

Ты согласишься, разведчик мирозданья,
Чьей доблестью отмечен век

и т.д.

Не хочется переписывать — вяло, тягуче, не тот темп и тон.

И возраст — добрый лекарь,
Живу, здоров на зависть.
Покроем брюк от века
Отстать не опасюсь...

Купается на зорьке
Тщеславный старичок.

Чтоб члены отогрелись —
Нещадно тело трет.
Ополоснувши челюсть,
Вправляет в жалкий рот.

Стихи о поздней грозе.

М.б., концовка:

И церковка, где поп — майор запаса
По воскресеньям борется за мир.

Лучше бы:

Та самая, где поп — майор запаса...

28. VIII.61

Когда аэродромы полевые

[...]

И это сходство — не твоя причуда,

В нем встали сами годы и пути.

Ты знаешь ли, — но что еще я буду

Досказывать. Ты знаешь все. Прости.

30. VIII.61

Каждое утро кажется, что вот уже поймал жар-птицу, а к полудню она выглядит бесхвостой, общипанной курицей. Неужели и на этот раз — только так? [о Гимне]

Вчера проводил Машу на станцию электрички — встречать вечером Олю из Коктебеля, снаряжать в дорогу Валю, подтягивать все дела. Утром звонил, говорил с Олей, жду их сегодня — будут заездом по пути во Внуково.

Купанье прервал — зубы тревожат, застуживал. Мыслей много, но записывать нет сил. —

Маршак с его упорным, неутомимым и неусыпным стремлением прочитывать мне вновь и вновь свои старые, читанные и слышанные вещи, о которых я уже все, что мог сказать, [сказал]. Уйти от возраста нельзя. Зубы — еще два передних (нижних) покинули свои места и уже могут только быть заменены «казной» — сделать это здесь не удалось, придется в Москве безотлагательно, — еще один знак, еще один шаг... А там пойдет и пойдет.

Живут люди под одной крышей, здороваются, встречаются в столовой, в кино, на прогулках — люди больные и здоровые, но люди не рядовые, руководящие, видные, партийные. И никогда не произносят слова «коммунизм» иначе, чем в шутку, — по поводу бесплатного бритья в парикмахерской и т.п.

Гимн нынешней эпохи вообще не может быть произведением сколько-нибудь приближенным по своему воздействию «Интернационалу», — под ним нет того подъема чувств, новизны, порыва, воодушевления. Я это не только знаю, но и пытался это доказывать. И вместе с тем мне не хо-

чется, чтобы были приняты чьи-нибудь бесстыдные, «соответствующие» слова, и я не хочу, чтобы мои слова оказались такими в какой-то мере. Я должен сделать это на порядочном хотя бы уровне. —

В это же утро. Еще одна проба.

Нет, ты не первым был на свете,
Когда, земной покинув тыл,
Отдав концы седой планете,
В пучину неба уходил.

Таким же летчикам впервые
Под Сталинградом иль Москвой
Аэродромы полевые
Давали вылет боевой.

Пускай взлетали не в ракете
И знали малый потолок,
Но и в фанерном драндулете
В свой космос делали разбег.
[...]

2.IX.61. Б<арви>ха

Последний день. Отъезд Маши в город и на дачу 28.VIII. Приезд Оли, отъезд Вали в Кокт<ебе>ль. Зубные заботы. Маршак. Болтовня. Два приезда Свиридова. Вчерашнее утро отчаянных проб слепить начальную строфу гимна.

Родной земли простор державный

Бессмертен труд и подвиг славный
Страны, рожденной Октябрем.

Бесконечные вариации все тех же «16 слов», из которых должно явиться это произведение. Сегодня на прогулке возникла строка «сынов и дочерей», стучавшаяся как-то и ранее, но не введенная в оборот вариантов. Кажется, получается:

Из края в край родной державы
Все ярче свет октябрьских дней,
Все выше подвиг величавый (бессмертен)
Ее сынов и дочерей. (Лучше бы твоих.)

Нужен опознавательный знак, «история с географией»: Москва, Октябрь, Кремль, серп и молот. «Свет Октябрьских дней» — оно и хорошо, но не вдруг доходит — расширение, углубление революции, ее великих начал, преемственной связи первых ее поколений с нынешними.

3.IX. Внуково

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди...
Вранья обычного зачина,
Что нету слов — не разводи.

[...]

Чтоб дутый жар одушевления
По штату врущих языков
Не приводил к удешевленью
Ни резолюций, ни стихов.

Чтоб не мешать зерна с полóвой,
Самим себе в глаза пыля,
Чтоб курс отточенного слова
Был курсом твердого рубля.

Конца нет, не то. Нужно что-то вдруг, м.б., как я намеревался: все так, но есть случаи, когда не так уж привередлив и я, — когда я не стыжусь красивых слов, как слез бывает нам не стыдно. —

4.IX.61. Вн<уково>

Кажется, нашел-таки заглавную строку гос<ударственного> Гимна (неужели опять промах!).

Серпа и молота держава.

Почта. Письмо в стихах, весьма бойких, некоего Мих. Сальникова из заключения. Но ни слова о статье, о сроке, о приговоре.

Совершенно ясно, что затевать перемену дачи — дело не ко времени и ни к чему, но беда в том, что Маша действительно нуждается в загородном быте — об этом она вчера сказала прямо: город мне не под силу, головные и сердечные боли и т.п. На ближ<айшее> время — починить зубы, съездить в См<олен>ск, потом на м<еся>ц в Коктебель, что для Маши, чувствую, будет очень хорошо и чего ее лишать просто невозможно. Но опять — Оля, ее новая школьная жизнь, неуменье и беспомощность в делах быта, ее нездоровье, которое всегда в резерве.

Еще раз видел сон (в Барвихе перед самым отъездом), который вижу уже много раз за послевоенные годы: я зачис-

лен на третий или второй курс, время упущено, тоскливое чувство невозможности слиться со студенч<еской> семьей (в этом сне всегда факт незаконч<енного> моего образования)¹⁰⁴. И теперь мне уже лет 68.

10.IX.61. Внуково

[...]*

Третьего дня на фрунзенской райпартконференции избран делегатом на XXII съезд (вместе со Степкой Щипачевым)¹⁰⁵.

13.IX. М<осква>

Мысли к возможной речи на съезде, — они не вчера со мной, я с ними давно живу, на разных этапах жизни они возникали, укреплялись, но теперь они могут выстроиться в единую связь и явиться в цельном, развитом виде.

1. Человеческой природе свойственно чувство добра, справедливости, любви к родине, чести. Несовместимость их с законами эксплуататорского общества порождает протест, готовность к революционной борьбе, к самопожертвованию во имя высоких целей:

«Владимир Ильич очень любил рабочий класс» (Крупская)¹⁰⁶. Но станем ли мы отрицать, что и под гнетом вековой несправедливости люди сохраняли и развивали чувства и понятия добра, справедливости и т.п. Но и людям, не видевшим выхода из вековых пут неравенства, мирившимся в силу своей классовой ограниченности со всеми жестокими установлениями мира как с предопределением, не были чужды понятия добра, справедливости, личной чести. Иначе искусство не представило бы нам образцов людей возвышенных чувств и моральных качеств.

Как бы справился союз писателей с задачей выкупа Шевченко из неволи¹⁰⁷ — передал бы это дело как нетворческий вопрос — Литфонду. Иногда может показаться, что несправедливый строй обязывает отдельного человека к порядочности, к частной благотворительности, благородству, личной ответственности за неустройство мира. А строй справедливый как бы освобождает отдельного человека, члена общества.

«— Помоги, папа, ведь мы твои дети.

— Мои дети — мои книги».

Нет, он не освобождает.

* Здесь, как и в записях от 13—14 сентября, варианты строф гимна.

Герои наших книг чаще всего оцениваются по показателям правильности их поступков, решений, поведения, выполнения их общих обязательств перед обществом. Но им так не хватает обаяния хороших людей, сердечности, простой человеческой доброты (Воропаев, Тутаринов, Ершовы)¹⁰⁸.

Мы отвергли лицемерные послышки буржуазной морали (что полезно для пролет<арской> борьбы, то и морально), но мы порой забывали, что наш социалистический новый человек должен быть хорошим человеком, — ведь это требование выглядит так буржуазно, беспартийно, и, однако, коммунизм немыслим как общество людей, по взаимному соглашению лишь неукоснительно выполняющих свои обязанности перед ним (обществом) и равнодушных друг другу. Образы правильных героев, не способных вызывать наш восторг и сочувствие своей «малой» человеческой сущностью. —

Как все ясно для себя и какая беспомощность, сумбур, трюизмы, как только пытаешься изложить.

14.IX. М<осква>

Из барвихинских попыток перейти на другой ладк «Космонавту».

Таким, как ты, в года былые
Под Сталинградом иль Москвой
Аэродромы полевые
Давали вылет боевой.

Тогда взлетали не в ракете —
Твой день, он был еще далек, —
Но и в фанерном драндулете
В свой космос делали рывок.

И разве меньшею отвагой
Могли сердца их быть полны, —
Пускай цветов, фанфар и флагов
Не ведал будний день войны.

Любой тот день обыкновенный,
Огонь смыкающий с огнем,
Как твой на подступах Вселенной,
Сулил им быть последним днем.

Позволь же кой-чего такого,
Что чуждо праздничной струне,

Коснуться мне без протокола,
Как говорят, коснуться мне.

Очень плохо, решительно не то, вернее будет вернуться к первоначальному пятистопнику — более раздумчивому и затрудненному. —

16.IX.61. М<осква>

[...]

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней. —

Письмо В.Сушкевича (г. Усолье-Сибирское, Ирк<утская> обл<асть>, 2 участок, квартал 1а, д. 24/10) от 29.VI.61.

Дорогой Александр Трифонович!

Никогда я не писал писателям, но Вам не написать не могу. Я очень люблю Ваши произведения. Буду писать коротко, чтобы не отнимать у Вас драгоценного времени.

Жил я до конца 1960 года на Украине, в городе Тернополе. В декабре 1960 года прочитал «За далью — даль» и решил поехать в Сибирь. Не пожалею об этом никогда. Я — плотник-бетонщик, мы строим гигант большой химии. У меня много настоящих друзей. Сибирь покорила меня своими людьми, стройками, лесами, Ангарой.

А ведь оказался я в Сибири благодаря Вашей поэме, удостоенной Ленинской премии. Большое Вам спасибо за то, что Вы пишете так хорошо, так захватывающе, так искренне. Недавно в нашей бригаде мы вслух читали Ваши сибирские стихи. Книги Ваши трудно достать в магазинах, их очень любят, а поэтому они никогда не залеживаются.

Я очень прошу Вас, напишите мне на память хоть несколько слов, ну, хотя бы «Я в скуку дальних мест не верю...».

Очень, очень Вас прошу исполнить мою просьбу.

Большой привет Вам от членов нашей бригады.

С искренним уважением —

Ваш читатель В.Сушкевич*.

Отвечено надписью на книге «За далью — даль». Оригинал письма передан Музеем Маркса и Энгельса¹⁰⁹.

Взявший у меня книгу, фото и это письмо (додр<угих> я не стал добираться, да оно и лучшее из лучших) Л.К.Вино-

* Письмо занесено в дневник рукой А.Т.

градов из Музея Маркса—Энгельса, спросив, получаю ли я письма от заключенных, сообщил, что Гагариным за некий срок (то ли за месяц, то ли со времени полета) получено 700 или 800 писем оттуда. Никуда от родной земли не улетишь!

19.IX.61

Вчерашний партком с Поликарповым, сетовавшим на недостаточность откликов писателей по съездовским документам. Одно из тех наших совещаний, когда говорить нечего, но поговорить надо, и людям неловко друг перед другом, и все пробуют хотя бы, как-то вбок свернув, что-то сказать. Лепил что-то и я насчет ответственности и необходимости большей глубины «в свете»... Потом — сок и немного коньяку — без отвлечения от невеселых мыслей, без порыва. Потом все же какое-то успокоение. Пусть так: «диктатура пролетариата при отсутствии такового», пусть особые обстоятельства нашего развития, — от этого никуда не денешься, нужно жить и выполнять свои обязанности¹¹⁰, хотя это очень не просто, — ибо твои обязанности понимаются по-другому извне, как ты их понимать не можешь. Опять возникает дилемма: «НМ» или «приусадебный участок». Поддержание «благопристойного» журнала, «очага» — не дорого ли оно обойдется, если я буду жить по-прежнему этой недогруженной по-настоящему и перегруженной по-пустому жизнью. И — годочки, годочки — они не дают откладывать решение этого вопроса на неопределенный срок, хотя я продолжаю делать именно это. Поездка в См<олен>ск в чем-то должна помочь.

Потом съезд, где, м.б., выступлю, заранее зная, что не скажу десятой доли того, что должен сказать, и обязан буду сказать и те слова, которых не хотел бы говорить. Нужно наконец принимать решение. Либо тянуть и далее «хомут», видя в нем долг по отношению к «литературе в целом», либо пойти на выполнение долга, который не легче, тревожнее и рискованнее (от которого как бы освобождает этот журнальный долг). —

20.IX.61

К возможной речи на XXII съезде.

Неправильные, бестактные и вредные приемы нашей печати в пропаганде коммунизма.

1. Самохвальство («Подобно тому, как отдельный человек...», так и целое общ<ест>во).

Хвасть хлеба не даст.

2. «Благодарственные телодвижения» по адресу государства: «спасибо» и т.п. («Подарок 10 млн.» — «Изв<естия>» от 19.IX — «Государство и он» — шельмование за правдивую и трезвую поправку¹¹¹.)

Народ — творец истории, и он может одобрить или даже похвалить свое прав<ительст>во, но благодарить ему его не за что. Иначе мы скатываемся к представлению о государстве как о некоем божестве, способном «дарить» милости. У нашего гос<ударст>ва нет ни одной копейки, которая не была бы копеечкой народной, его собственностью.

3. Называние сов<етскими>, соц<иалистическими> фактов, поступков людей, которые не есть собственно «советские» (кошельки и т.п.).

17.X. М<осква>

Утро первого съездовского дня. Ночью улеглись терзания и сомнения — выступить — не выступить, ясно, что не выступить. Все, связанное с поездкой в См<олен>ск, требует записи — поездка особая, впечатления радостные (объективные — «рублик») и печальные (субъективные — опять «Загорье», имя которого уже не упоминается, и Дом культуры будет на сельцовской земле¹¹²). Слои воспоминаний. Удивительно, как еще я помню в неизменности свой хутор, каким он был более тридцати лет назад — весь, до самой малой луговой дорожки. Там, на месте, уже нужно было перенестись мысленно в Москву, чтобы вспомнить, как все было, а на месте уже ничего не узнать, не найти, кроме единственной нашей сажалки* с «курганом» или «островом», да вишневого застарелого куста на бывшем дворе, которого я не помнил, м.б., это какой-нибудь Яшка Сельченков посадил.

Как все по видимости никому не нужно, не интересно — все эти «слои», вся эта история моей души, по кр<айней> мере половина ее. Но только по видимости. А м.б., мы, действительно, уже в такой эпохе, что я — человек, безнадежно принадлежащий прошлому, — остается только потихоньку уходить. Недаром же мне порой кажутся такими чуждыми и безжизненными все эти объявления завтрашнего дня, будто бы желанного людям. А люди желают малого — в сегодняшнем дне, не важно, как наименованном, своего небольшого счастья, покоя, уверенности.

Никак не мог настроиться на праздничный лад в эти дни. Не смог написать чего-нибудь соответствующего, не

* Впадина с водой, запруда (смоленский говор).

вижу, чтобы кто-нибудь и написал другой, хотя пишут и печатают.

Настроение такое сумбурно-прерывистое и переменчивое, что записывать нет сил.

20.X.61

Первые три дня съезда. Прежде всего — внешняя обстановка — этот «фестивалхолл», вмещающий 6000 человек¹¹³, какая-то спешка, толчея, многолюдье, явный перебор «представительности», явное снижение сосредоточенности внимания, разобщенность, как в суеде ярмороки. Три дня, а мы, человек 30, писатели, еще не встретились, не собрались, чтобы решить, посоветоваться, условиться, кто будет, кто не будет выступать. — Физическое напряжение — просидеть в мягком, не мелком креслице, без пюпитра и без возможности вытянуть ноги 7 и более часов, — оказывается, очень нелегко. В старом дворце было спокойнее, академичнее и удобнее, сидишь, как за партой, есть на что опереться локтями, даже приспособиться, как это я замечал за опытными людьми, вздремнуть, подпершись, как бы задумавшись. Здесь это немыслимо, хотя мои соседи, старые большевики, клюют, бедняги, клюют, вздрагивают, приобдачиваются и вновь клюют. —

(С одной стороны, справа, у меня сосед Воеводин, член партии, кажется, с 1898 г., слева — слесарь, бригадир коммунистического труда, 33 г. рождения, член партии, кажется, с 59 г.¹¹⁴)

Впечатления — смесь истинно величественного, волнующего и вместе гнетущего, томительного (атмосфера «культа», Ворошилов, 80-летний старец, национальный герой, пришедший сюда и усевшийся в президиуме, чтобы выслушивать, сидя лицом к зале, такие слова о себе заодно с Кагановичем и Маленковым и др. — «интриганы», «на свалку истории» и др.¹¹⁵). — Краснословие и недоговоренность в докладах при всей их монументальной обстоятельности и сверхполноте.

А выступать — не миновать, если уж сидеть здесь три недели. Окончательно еще не решил, но чувствую, не миновать, иначе буду себя тиранить за трусость, лень, нерешительность.

Коммунизм — необходимость. Правда жизни, правда истории на стороне коммунизма. Литература и искусство. — Многие области знаний науки, составляющие двигательную

силу научно-тех<ического> прог<ресса>, — удел более или менее узкого круга специалистов, искусство — всеобщее достояние. В этом — его сила, в этом же и некоторая «неуловимость». Мнения, суждения, что и как должно быть в иск<усст>ве, общедоступны (не возьмешься судить о ракете или даже о преимуществе бобовых перед клевером, не зная, а о романе — пожалуйста). Поэтому здесь наибольшая путаница и противоречивость сторон. Но если из этой специфической сложности обращаться к самым основным мотивам споров и суждений, то они сводятся к спору о том (писать ли хорошо или похуже):

1. Изображать ли жизнь, как она есть, или «приподнимать» ее.

2. Каким *должен быть* положительный герой (тогда возникает вопрос, каким *должен быть* отрицательный) и даже

3. Писать ли хорошо или похуже. В искусстве понятие «долженствования» несостоятельно. Мне не интересен роман, спектакль, если они сделаны по схеме долженствования.

Плохо дело, если действительность нуждается в том, чтобы ее приподнимать.

В Программе сказано — *жизнь*. Конечно, программа написана не для автоматов, а для мыслящих существ...¹¹⁶

«О словесах» («Подобно тому, как отдельный человек...»).

Об инерции «культы личности».

Концовка — в стремительном движении дней, наполненных, мы порой утрачиваем чувство величайших перемен, пришедших...

21.X

Наиболее сильное впечатление за все дни съезда — вчерашняя речь Тольятти¹¹⁷, возведшего Программу в степень этапа мирового революционного движения, казалось бы, и теми же словами, что звучали и до него с этой трибуны, но сказанными с необычным благородным жаром убежденности и веры. М.б., то, что по-русски он говорит с некоторым затруднением, определило строгий выбор слов необходимых, тех, без которых не обойтись, в отличие от наших ораторов, у которых слов, фраз и фразеологических оборотов преизбыток и целые пе-

риоды — словесные омертвелости, с которыми сам оратор спешит поскорей покончить (а без них не может), чтобы сказать что-нибудь мало-мальски дельное. — Был едва ли не первый раз за все дни съезда растроган, взволнован и решил, что выступать, поскольку это зависит от меня, буду, т.е. буду готовиться. Завтрашний день — для этой задачи: намахать вчерне речь, а там видно будет. —

Любопытные «подводные», не фиксируемые никакими «дневниками съезда» течения на съезде (Чжоу Энь-лай¹¹⁸ — Микоян¹¹⁹ — Тольятти об Албании).

Когда главное содержание съезда — Программы — уже не с газетного листа, а с той трибуны, со всем тем резонансом ее, который мы услышали в речах наших гостей, вплотную подступило, надвинулось, как сама реальность дня, я как литератор сперва испытал чувство тревожное и поневоле грустное. Может быть, это же испытали и мои товарищи. Мне вдруг показалось все, что мы писали до сих пор в стихах и прозе, в драматургическом, песенном и иных жанрах, чем-то таким отзвучавшим, вчерашним, недостаточным и убогим в озарении нынешнего дня. Но нет, это чувство было недолгим и неверным. Именно в этом озарении наших нынешних дней с особой отчетливостью видно, что все то, что написано от сердца и разума, все то, что подслушано у живой нашей жизни, что сказано не по соображению, а по убеждению, что несет в себе отзвук живой действительности чувства и разума, — все это цело, все это не ушло в небытие, а, наоборот, приобретает новое и даже еще большее звучание, поскольку все это, отразив и трудности и горечи нашего пути, предвещало и призывало наш нынешний и будущий день — день коммунизма. А все то, что было продиктовано не чувством, не подлинным знанием жизни и любовью, а стремлением «попасть в точку», угодить моде, обрядиться наисовременнейшим заглавием и т.д., — все это действительно стало вчерашним, — было и нет его, как прошлогоднего снега. И слава богу.

Взыскательность читателя. — Высший критерий — читатель, хоть он и нуждается в помощи и воспитании. Плохая лит<ерату>ра порождает плохого читателя, бюрократа и формалиста, судящего не по жизни, а по усвоенным им поверхностным понятиям. Но есть другой.

Чем более ты заслужил доверия у читателя, тем строже и требовательней он становится к тебе. И это естественно — подлинная любовь всегда требовательна и неуступчива, она ничего не прощает. И если ты по увлечению или неполноте

знания и мысли допустил одну строчку, которая по видимости как будто и вполне пристойная — авось пройдет, — он тут как тут, читатель, он найдет ее и вернет тебе: не надо. И мы говорим такому читателю: спасибо, друг, будь и впредь насто-роже. Писатель тоже человек, он подвержен и увлечениям, и соблазнам поспешности, и просчетам мысли. Чуть что — хватай за руку, говори стоп; врешь. А мы друг друга хорошо понимаем — в искусстве, здесь, как в подлинной человеческой любви, солгать почти невозможно, и самая тонкая и хитрая ложь с неизбежностью ведет к утрате любви (доверия). А он, читатель, будет все более требователен и нетерпим — и тут, братья-писатели, только поворачивайся.

Демичев и бесталанности.

[Вклейка]

ПОДАРОК ПОЭТА А.ТВАРДОВСКОГО СВОИМ ЗЕМЛЯКАМ

В один из дней октября, в канун XXII съезда партии, на своей родине — в деревне Сельцо, Починковского района, побывал поэт, лауреат Ленинской премии Александр Твардовский. Радостной была встреча поэта со своими земляками.

— Повидать дорогого гостя вышли все жители деревни, от мала до велика, — рассказал нашему корреспонденту директор совхоза «Панской» Д.Г.Колосков. — Со многими из них Александр Трифонович знаком с детства, бегал вместе в школу. Поэт внимательно осмотрел хозяйственные постройки, долго беседовал с односельчанами. Всем увиденным он остался доволен. «Понравилось мне у вас, — заявил он. — Не сравнить с тем, что было прежде». Дело в том, что А.Твардовский в последний раз приезжал сюда четыре года назад. Тогда здесь были земли колхоза «Новая деревня», одного из самых отстающих в районе. Сейчас положение коренным образом изменилось. Деревня Сельцо входит в состав совхоза «Панской». Сельцовская бригада под руководством бригадира В.Мошарыгина и его помощницы В.Цурановой стала одной из лучших в совхозе. Она вовремя справилась со всеми полевыми работами, хорошо подготовилась к зимовке скота. Рабочие здесь неплохо зарабатывают, живут обеспеченно. Вот только клуб в деревне нет.

А скоро будет и клуб. Александр Твардовский в качестве подарка своим землякам выделил часть суммы из Ленинской премии на строительство клуба. Вместе с поэтом мы выбрали площадку для клуба — на краю деревни, вблизи рощицы.

— Рядом и пруд можно соорудить, — предложил Александр Трифонович. — Стоит только немного поработать мелиораторам.

Мы рады сообщить любимому поэту, что его желание осуществляется. Механизаторы уже завершают работы по устройству озера. 19 октября облпроекту дан заказ на проектирование сельского клуба. Односельчане от души благодарят поэта Александра Твардовского за его замечательный подарок.

Редакция связалась с облпроектом. Начальник конторы тов. Хайкин нам сообщил:

— Типовой проект, по которому будет построен клуб на родине А.Т.Твардовского, разработан Новосибирским филиалом института типовых проектов. Это будет красивое и добротное кирпичное здание со зрительным залом на 100 мест. По телефону и телеграфу мы заказали в Новосибирске чертежи. Как только их получим, начнем привязку к местности. Все работы закончим в кратчайший срок. За проектировщиками дело не станет (Рабочий путь. 1961. 24 октября).

28.X.61

Речь была произнесена, т.е. я был объявлен, когда уже вполне примирился с фактом непредоставления мне слова и даже предпочтения мне Грибачева, — примирился с легкостью, т.к. тому способствовало, во-первых, сознание, что я сделал все зависящее от меня, т.е. приготовился, и, м.б., чувство облегчения, что не нужно ждать, ходить в напряжении и т.д. Успех неизмеримо больший, чем это выражено в аплодисментах, которые, как известно, отчасти регламентируются почином президиума, а отчасти объяснялись некоторой необычностью речи, не рассчитанной на аплодисменты и вообще сложноватой. К тому же я «гнал» из опасения звонка, который (кажется, единственный раз за все дни съезда) был применен к академику Н.Н.Семенову¹²⁰, так что иногда аплодисменты прерывали меня на следующей фразе.

Огромное впечатление заключительной речи Хрущева. Все это не без «политики», но все равно хорошо и полезно¹²¹.

29.X.61

В «Правде» речь моя занимает целую полосу — до чего дожил!¹²²

Усталость, недосып и напряжение этих дней сменились чувством удовлетворения — долг выполнен — и некоторым тщеславным чувством. Впечатление от речи действительно большое и серьезное («Вам мало хлопали, потому что вас сильно слушали», — слова академика С.П.Королева)¹²³ и,

к счастью, действительно к счастью, оно несколько приглушено заключительной речью Н.С.[Хрущева]. Ибо не будь этого заключения и уже очевидных в тот же и на другой же день результатов в атмосфере съезда, в моей речи должны были бы видеть нечто большее, чем она есть. Она была бы единственной «отдушиной».

Все очень хорошо, но зачем вы о Москве так? — Это говорят некоторые из поздравляющих и заявляющих, что речь — из писательских лучшая. Странное дело: почему я не мог возразить против этой пошлой концепции Шолохова и др., что вся беда в Москве, которая т<аким> обр<азом> противопоставляется «жизни», столица — станице. Но, м.б., мой недосмотр в том, что я не обсказал это и с той стороны, что, мол, конечно, нельзя считать нормальным, что в Москве живут большинство писателей... Хотя опять же это восходит к общим причинам¹²⁴.

[Вклейка]

Дорогой папа!

Мама сказала мне, что ты сегодня выступал. Очень рада, даже вдвойне, т.к. выступление было, конечно, удачным. Целую. Оля. 27.X.61.

На кремлевском подворье, на высоте этого холма, почти не чувствуется Москвы, оглушенной шумами и отравленной газами, — ветерок, свежесть, грустно-успокоительная свежесть почти дачного воздуха. Новые, после 53 г., посадки — вперемежку с яблонями, вишнями, породистыми елочками — березки, причем даже простецкие, кустовые, какие бывают на опушках или открытых лесных луговинках — примета грибных местинок.

На выезде из Кремля, справа от жерла ворот, — кривая, отклоненная тенью стены старая береза. Его и рассеянный взгляд мог не замечать ее перед тем, как машина ныряла под эти старинные, как бы ступенчатые своды ворот. А сколько людей унесли память об этой простой, русской, по-матерински неприглядной и чем-то щемящей душу березе до того самого мгновения, когда уже ничего не оставалось и надеяться увидеть вновь, еще раз, — многие, многие, чьи жертвенные имена вдруг возникали на съезде вновь и обжигали сердце¹²⁵.

«Мы бы и без этого, что он теперь сказал, похлопали бы и встали бы и ура было бы, но это все не то» (мой сосед слева Саша Бабурин).

Очень, очень трудно решить, как жить дальше, чтобы жить разумно и продуктивно, покамест еще можно рассчитывать на продуктивность. Маша серьезно больна.

31.X.61

Вчера опущены бюллетени, где и мое имя в списке кандидатов в члены ЦК. Когда услышал по алфавиту фамилию Грибачева, уже знал, что и я буду здесь. Так соблюдается приравнение для равновесия. Все равно — то, что Грибачеву как «автоматчику», мне — как «незрелому» и «трудновоспитуемому»¹²⁶. — На речь — отклики уже и письменные и даже две телеграммки.

Вчерашний день — решение съезда о Мавзолее¹²⁷. Да, нехорошо, нужно исправить ошибку 53 г., но как было бы благопристойнее, если бы не было этой ошибки. Я могу себя попрекать за стишки, которые тогда были искренними, «И лежат они рядом...»¹²⁸, но кого же попрекать за то, что он положен был рядом. Так велика была инерция принятого, утвержденного всеми средствами воздействия на сознание равенства этих личностей (даже более, чем равенства!).

При оглашении списка (членского), когда был назван один из Смирновых¹²⁹, — реплика Н.С. [Хрущева]. Это тот, который... Аплодисменты. У меня руки не поднялись. Все понимаю, но ликовать не могу. Об этом же сказал на выходе к Александровскому садику Сурков¹³⁰: я старый человек, но сегодня мне было трудно, как, м.б., еще не было никогда. Это слова, но они могут быть наполнены и сутью.

Блистательный провал Кочетова на съезде. За весь съезд — два звонка к залу, возгласы «хватит». Неужели не будет скобок «шум в зале»¹³¹. Все равно.

1.XI.61. М<осква>

Вчера по окончании съезда заглянул в редакцию, поделился впечатлениями. Газеты, в т.ч. «Правда», дают речь Кочетова со скобками «Оживление, аплодисменты» как раз в тех местах, где должно было бы быть указано «Шум в зале, возгласы: "хватит!" и т.п.». «Посидели» с Дементом в ВТО¹³², обсказали некоторые недосказанности дня. Чувство исполненного долга (речь) присутствует, подкрепляемое телеграммами (уже 5 штук), письмами, звонками. У «Известий», как сказал Драчин<ский>¹³³, срезали бумагу как раз перед моей речью, даже изложения нет — «С большой речью выступил» и все. Бог с ними, хотя вряд ли причина — бумага.

Задумано с Дементом уйти мне еще на м<еся>ц в барвихинское или иное подполье, — это просто необходимо по состоянию Маши, а мне — поработать бы маленько.

С Вл. Сем. Лебедевым был прямой разговор о «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>». Он выразил готовность посмотреть конфиденциально, «посоветоваться».

Ближ<айшим> образом хотелось бы написать:

1. Стихи о кремлевской березе;
2. Записки о поездке в См<олен>ск и Загорье;
3. Записать нечто о «Далях» в свете новых суждений;
4. Дом на буксире (сегодня связалась любовная история с техникой перевозки дома).

7.XI.61. М<осква>

Впервые за много лет, когда имел и не имел возможности (приглашение было), иду на трибуны, м.б., с Машей, — она не была ни разу. Потом, м.б., соберемся и на прием. Мне это неинтересно, но ей, нигде не бывающей, годами не имеющей случая надеть свои платьишки, немного покрасоваться, потщеславиться даже...

Совершенно ясно, что «Тёркин на том свете» должен явиться в свет, появиться, быть напечатанным. «Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Это недавнее, «внутреннее» наше прошлое, к которому вновь и с таким глубоким выворотом обратились мы в ходе съезда, — что же это, как не «преисподняя». И показ ее в «снятом», победительном плане — просто необходим. Данной вещи может помешать только само это прошлое, предубеждение, «магические слова», повиснувшие когда-то (54) в воздухе и не развеянные еще¹³⁴. — Попытаемся. И пусть в этом показе «прошлого» будет в такой же мере и настоящее, в какой они смыкаются в действительности. — Этим и заняться вплотную в Малеевке, — «вновь и вновь, несмотря ни на что».

Хочется только хотя бы начерно — березу кремлевскую — это про то же, но в лирико-философическом духе.

Не может быть, чтобы помимо этой тетради не было еще главной, всеобъемлющей, ничего не упускающей и все ставящей на место, — той, которая в голове, в беспредельной емкости памяти и неустанности отбора, накопления, прослаивания и т.п. А вдруг, что и нет той «тетради», а только жалкая эта, где все мельком, кое-как, упрощенно, разрывно, сумбурно и просто мало?

Вчерашняя встреча с братом Иваном¹³⁵, его порыв «высказаться», беспредельный ужас, который он проходил на

Чукотке, покамест я строил дачу, пьянствовал, болтал и дело делал и нес на себе лишь «условную», «духовную» нагрузку этих лет. «Тюрьма не страшна сама по себе, страшно, что она не дает никакой гарантии выжить, уцелеть, что в ней быть зарезанным, убитым легко, как на передовой, но без малейшего оправдания этой гибели чем-нибудь».

Ему предложили, когда он с «партией» находился в Москве, по пути от границы к тому чукотскому берегу, свидание с братом, т.е. со мною. Он отказался, и это была его гордость и благородство: не хотел, чтобы я его видел «таким», в тогдашних понятиях, не хотел и встречаться для того, чтобы после этой встречи следовать по назначению, — лучше уж так следовать, — опасался и того, что, м.б., для меня, который не в силах был бы сделать что-нибудь для него, это будет чем-то компрометирующим, опасным.

12.XII.61. М<осква>. 5 ч. утра

Месяц этот подковеркан неудачной попыткой притихнуть в Малеевке. После напряжения съездовских дней и всего последующего выезда в эту обитель моей трудной юности и приют в иные годы («Дали») оказался неудачным: приехал уже туда хорошеньким, встретил Смелякова¹³⁶, — этого лишь и не хватало, а там началось и не веселье вовсе, а мука и унижительные экскурсии в поисках чего-нибудь, вплоть до некоего «волжского». Словом, приехала М.И.* и на другой день мы вместе уехали в Москву, — я уже больным, в сущности, и день за днем в Москве откладывалось возвращение, а следом нарастал стыд, страх, мука. Однако памятным моментом этого захода явилась ночь, кажется с 26 на 27 ноября, которая в календаре обозначена неразборчивой карандашной записью на обороте воскресного (26) листка «Ночь озарения». Я вдруг проснулся, протрезвев и в полном сознании (это не было, по видимому, полное трезвое сознание, «верховная трезвость разума»). Оказывается, я уже давно лежал и спал-не-спал, но в легком полубреду обдумывал, как я буду доделывать «Т<ёркина> на том св<ете>», которого в Малеевке даже не раскрыл, чтобы перечесть (как не сделал этого досих пор, чего-то боясь, чего-то избегая — не полной ли ясности, что ничего уже сделать нельзя или не смогу?).

Толком не могу воспроизвести сейчас этот «план», но осталось одно, что я, мол, должен подключиться к этой новогодней хорейческой однолинейной истории еще и ямбом, вторым из наиболее разработанных и освоенных мною размеров — для отступлений, ретроспекции и т.п. И втоптать

* Мария Илларионовна Твардовская, жена А.Т.

сюда все — и «культ», и послекультовские времена, и колхозные, и литературные, и международные дела. И так мне было ясно, что это будет органично и что все это, собственно, начиная с «Муравии», у меня подготовлено, пододвинуто для решения этой увенчивающей все мои стихотворные вещи задачи, что я утром начал это рассказывать Маше, хвастаясь, что все доньше написанное мною — только «крыльцо» (по Гоголю) к тому, что должен именно теперь возвести «на базе» «Тёркина на т<ом> св<ете>», и что мне ничего не страшно и не стыдно и я знаю, что мне делать, еду в Малеевку, сажусь за стол и т.д. При этом я выпросил у нее «поправку» и... задул дальше, т.е. не задул, а пошел «тянуть проволоку», помаленьку освобождаясь от этого просветленно-восторженного состояния и подумывая уже, что это, м.б., что-то сходное с переживаниями героя чеховского рассказа «Черный монах».

Потом я обмелел, притих, перетерпел свой срок (он короче сроков Лидии Дмитриевны)¹³⁷, и на меня обрушился весь подпор дел: нечитанных рукописей, неотложных дел, и я постепенно вошел в норму, а Маша съездила в Малеевку за вещами.

Но прочесть «Тёркина на т<ом> св<ете>» до сих пор не решаюсь, что-то еще не дает мне этой свободы, скорее всего, полное отсутствие «запаса покоя».

Сильнейшее впечатление последних дней — рукопись А.Рязанского (Солонжицына)¹³⁸, с которым встречу сегодня. И оно тоже обращает меня к «Тёркину на т<ом> св<ете>».

11.II.62

Вчера читал речь о Пушкине¹, взявшую у меня три недели довольно напряженного труда, хотя я успел «оббежать» лишь по верхушкам эту необъятную тему. Но это было с пользой и для настроения: не нам, дуракам, сетовать на судьбу, когда он претерпевал не только «недодачу» того, что ему полагалось, но и унижения, мучительнейшие для его натуры, и безденежье, и избрания вместе с Фаддеем Венедиктовичем одним протоколом в об<щест>во любителей словесности², и еще бог знает сколько чего.

Кроме всего, дело, от которого было бы позорно уклониться и еще позорнее, невысшимее завалить его, сделано.

[...]

4.III.62. Барвиха

Снова здесь, в обители моих душевных покаяний, порывистых усилий труда и приобщения к современной «элите», которой бы я без того не знал никогда так.

Здесь — и уже в вагоне первого класса «А» — в министерском корпусе, в двухкомнатном номере, таком, в котором меня угощал однажды рюмочкой И.С.Конев³, в таком, м.б., в самом том, где мне что-то читал и угощал меня барвихинским морсом покойный Сан Саныч [Фадеев] — немножко даже не хочется, чтобы это был тот самый номер, хотя — куда уж там, все живем, все умрем, и я, пожалуй, постарше уже годами того Фадеева, который, м.б., за этим столом писал свои письма о юности⁴.

За окном — а здесь окна в две стороны — задняя, садово-парковая сторона с серебристыми елочками и бурыми туями под не сброшенным еще снегом, голенастые лесные сосны бывшего бора. Направо — главное подворье. Тишина, только шип какой-то в уборной.

Денек светлый, легкоморозный, предвесенний. Стол стоит в полунише, окно слева, справа вся большая комната

в стиле гостиной, с круглым столом посередине и добротными мягкими матерчатыми креслами при нем, в самом правом углу — «лежак» со своей подушкой и сложенным в ногах одеялом. По сторонам — два больших балкона. Словом, тот полный уют, комфорт, о котором можно только мечтать и [в] котором, когда он в реальности, уже и мечтать не о чем, желать больше нечего — и оттого почти уже невозможно писать. По крайней мере нужна привычка, чтобы уже казалось, что чего-то тебе не хватает. Как говорит Томас Манн: «комната была как раз с таким минимумом неудобств и неуютности, какие мне нужны для работы».

В который же я уже здесь раз? М.б., уже в 10-й⁵, начиная с того первого, когда страшнее всего было выполнить первую «горшковую» обязанность этого дома (не скажу, что это и сейчас меня не беспокоит вовсе, но все же — обывк). И уже в третий раз с женой с последовательным повышением уровня удобств, отводимых нам.

И вряд ли был здесь я хоть раз без предшествующего «потрясения», дней полного уныния и затем быстрого подъема душевных и физических сил. На этот раз, хоть я и приехал уже без «остаточных явлений», вполне уже физически высвободившись от «потрясения», но оно еще тяготеет над моей памятью кошмаром стыдобы, омерзения, бессильного и отчасти уже легкомысленного раскаяния. Записывать это не следует, достаточно того, что это наверняка записано бедным К.А.Фединым, который так наверняка рассчитывал на мое выступление на его 70-летию и желал его⁶, а также, м.б., милой старушкой, моей соседкой снизу (2-й этаж) в корпусе «ВК»⁷ — Фаиной Георгиевной Раневской⁸, которая помогала Маше доставить мои 90 кило с гаком этажом выше (Сац⁹ воткнул меня в лифт и бежал, естественно, в силу сложившихся отношений с М.И., да и сам был, наверное, хорош, а я, видимо, нажал лишь вторую кнопку и, выйдя на площадку, расположился там на отдых). Все это, конечно, мне известно только со слов М.И., не помню ничего — и в этом ужас. — Имя-отчество Раневской и то, что это именно была Раневская, установлено путем косвенных заключений и расспросов. Но я убежден, что это была она, та самая старушка интеллигентного вида, которая однажды обернулась ко мне, когда я, взбегая по первому маршу нашей лестницы, поздоровался с ней, и выразила желание пожать мою руку — за то, за се, за заметку о М.Цветаевой в «НМ», в частности¹⁰, не назвав меня, правда, по имени. Я сбежал к ней и пожал ее руку (может, следовало поцеловать, но я ведь решительно не знал, что за

старушка, в память не вошло, что она здесь живет, хоть и была как-то об этом речь), и она спросила: «А вы ведь не знаете, с кем говорите?» — «Может быть, и знаю», — зачем-то так ответил я, но, м.б., это было в расчете, что она это поймет как мою подлинную осведомленность относительно ее личности. Только и всего. Теперь, когда выписана вся эта муть (словечко сэлинджеровского героя)¹¹, можно уже идти по более существенным линиям моих последних размышлений и впечатлений, которыми был занят период после моей речи о Пушкине (он отнюдь не весь был занят пьянством, видит бог, что с Фединым получилось так именно, как я и написал ему в краткой цидулке: я спутал в памяти день его вечера, думал, что это еще не беда, что я подгулял, до завтра прочухаюсь, а это уже и было завтра, боже мой!) — Правда, м.б., еще сыграло свою роль то, что я, что ближе к этому вечеру, то все больше тяготился этой, в сущности, несложной задачей.

Утром просматривал «Правду» и до встречи после завтрака с «разбойниками печати» — Сутоцким и Кудреватых¹² не отметил про себя, не заметил, что на первой полосе «шапка»: «Подъем сельского хозяйства — всенародное дело!» — дана *красным*. Это уже давно перестало действовать. Оказывается (Сутоцкий), этих «красных» выпускается только 60 тыс. тиража, т.е. только для Москвы, а остальная страна довольствуется «чернью». Казалось бы, что на эти 60 тыс. читателей незачем и красную краску тратить, т.к. это, конечно, наиболее развитая и сознательная часть, тут бы и так обошлось. Так нет: подобно тому, как масло, которого нет для всей страны, есть для Москвы, и «красочная» агитация для нее же, а ей и без интереса.

Завтра — пленум. Доклад предполагается (Сутоцкий) 5 ч. — пять полос¹³.

Из чтения последнего времени — наибольшее впечатление «Этюды» И. Мечникова¹⁴. Но хотя я из тех, как и он сам, по всей видимости, несчастных, для которых основная дисгармония человеческого бытия с малых лет ежедневное ношение, но дело, конечно, не в толстых кишках. Так ли, сям, мне кажется, что в основном эти вопросы я для себя решил до этой книги, хотя имел о ней лишь смутное, из третьих уст, известие. (Мне, например, впервые стала так ясна обманчивость «целесообразности» форм в природе — устройство цветка, защитные формы и т.п., ибо, оказывает-

ся, кроме видимой «целесообразности», столько несообразности, слепоты, непреднамеренности.) Не без грустного чувства узнал, что у наших праотцев [нрзб.] была-таки. Но, говорят, еще и у некоторых нынешних народов остаток ее есть. А чёрта мне с того, что я освобожден от хвоста. — Пришла врачиха, начинается отвратительнейшая для меня мудотня с выслушиванием, расспросами и т.п., во что я не верю ни капли и считаю только неизбежной доплатой за путевку. —

8. III. 62. М<осква>

Вот тебе и Юрьев день: только что разложил свои бумажонки-папчонки на новом барвихинском столе — Италия, куда еду только в силу данного когда-то обещания, данного ввиду иных обстоятельств¹⁵.

Но уж когда решил, что брыкаться поздно, успокоился, занялся валютными операциями (получил со своего счета во Внешторгбанке 166 дол.).

Впечатления первых двух дней пленума не таковы, чтобы справиться с ними единовременной, разовой записью. Они смыкаются и с тем, что думано и передумано до, и с тем, от чего не уйти после.

В канун пленума или в ходе его стали как-то проступать строчки о деревне, о ее исторической судьбе в социализме, о деревне, откуда не только юность, старость убегала и забивалась в щели городов, о той, где уже ни поздних одиноких гармоней, ни гулянок, ни черемух, которая увезла свои гармони на далекие стройки, в пригороды столиц, в казахстанские степи.

(Так оно было.) Пусть давным-давно. А не теперь, но так все это было.

М.б., это могло бы (и наверняка) сомкнуться с образом кремлевской березки «в углу стены и башни», мимо которой проезжал он — со звонком в воротах — звонок бежал тревожный впереди. А за нею, этой березкой, — вся та Россия, родина, деревня, которая, покамест города в тайге вставали, и возводились мощные мосты, и уносились от земли ракеты, — сиротела, перестраивалась, вытягивалась в длинные порядки новых поселков, и уходила, уходила. И пусть бы уходила — был бы прок: покой, и сытость, и краса земная. —

Еду, чтобы отбыть срок, вернуться «на дожитие» барвихинских дней, которые, авось, что-нибудь пошлют. Грустно (в целом), но, по крайней мере, освобождение от иллюзий,

какие еще могли быть, хотя уже давно оснований для них было весьма мало.

27.III.62. Внуково

Четвертый день здесь. Записи поездки в тетрадке, береженной для «Тёркина на том свете» (жаль, всего несколько страничек, а тетрадь испорчена). Сюда приехал хорошо — весна не подвинулась так резко, чтобы заметить разрыв, — без потерь. Только теперь все вдруг подвинулось: обнажились и просыхают асфальтовые дорожки, лес обмытый, — кора осины синее, весенние утренники схватили мартовский рыхлый снег — по лыжням можно идти пешком.

На душе — разное. Чувствуется большая убыль сил (м.б., просто отвычка) для серьезной работы, а главное, отсутствие запаса покоя. Вчера день ушел на телефон и письмишки — неотложные. Фоменко, попрекнувший меня телефоном в Барвихе, трижды звонил по поводу замены ему июля на август в Коктебеле — оказалось, и без меня устроилось все.

З.Н.Пастернак — письмо о помощи: о сохранении за ней дачи, о выпуске Пастернака в «Библиотеке поэта»¹⁶, о том, что деньжонки на исходе.

Вдова Голубова А.В. — навязывает председательство в комиссии по «наследию» — бог с ним, я и читал-то один роман о Карбышеве — тоска¹⁷. Отписался. Парнис — снимают «Остров Афродиты» — звонит Ю.Лукин, звонил Кулешов и т.д. — опять переоценка моих возможностей, а кроме того, «спихотехника»: я, мол, позвонил Т<вардовскому>, но он ничего не сделал¹⁸.

Так, Вильмонт пишет¹⁹, что боится обидеть свою семью систематической помощью вдове Пастернака. Отсюда ясно, что надо послать и просто денег. А рукописи из журнала — само собой. И страшно подумать, что я уже оторвался от ж<урна>ла: уже кое-что и в напечатанном виде не читал и некогда, а главное, когда уже напечатано и нет нужды читать, читать неохота (Росляков, Каверин, еще кто-то); Бондарева вторично перечесть не собрался²⁰.

Все, что предстоит делать, неизменно, но как уже давно я только собираюсь да охаю, а оно все только в намерениях: «Дом на буксире», стихи о Кремлевской березке, «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>». И точно гора, которую давно видишь издалека, а все идешь к ней, не приближаясь, — «Пан Твардовский» — «главная книга» моя, главная мечта и страх, и риск, и надежда²¹. И неотступный вопрос:

держат ли огонь в очаге ж<урна>ла или бросить все на поток и разграбление и пытаться хоть свою долю выполнить, — нет, не выходит. А не бросишь, так и будет из года в год; напряжение и суета, работа урывками, там, где первое условие — длительность и непрерывность кладки «по кирпичику».

28.III.62. Б<арви>ха

Утро — до прогулки — письма З.Н.Пастернак (без денег) и В.Н.Орлову относительно издания П<астернака> в «Б<иблите>ке [поэта]»²².

Разговор «на завалинке» в главном фойе с неизвестными лицами рукостава о проблемах с<ельского> х<озяйст>-ва. Повысить закупочные цены уже нельзя, — если они будут выше розничных, то можно было бы с выгодой покупать все в магазинах и продавать государству же. Себестоимость продуктов животноводства еще очень велика. Хрущев будто бы советовался: м.б., повысить розничные цены? Нет, говорят, нельзя, нам, мол, скажут: какой же это коммунизм. И т.д. Все всё понимают, но кивают друг на друга: скажи — ты, скажи — ты. В подмосковном совхозе — намечены к вспашке клеверища по второму году — самая трава. — Что же ты делаешь? — А не сделай я этого?

Однако в сегодняшней речи Н.С.[Хрущева] впервые за много лет сказано, что большой заработок передового колхозника или рабочего совхоза нужно-таки выдавать (пример, рассказанный З.Т.Сердюком, — 9 тонн кукурузы механизатору Голбану — «откормлю двух-трех кабанов, куплю мотоцикл с коляской»). — Слава тебе, господи, дошло²³.

Первые «кроки» — крохи (вчера и сегодня):

На выезде с кремлевского подворья,
В углу у самой той надвратной башни,
С которой бьют кремлевские куранты,
Там, отклонившись от стены кирпичной,
Стоит еще не старая береза,
Простецкая, — корявая, кривая —
На русский деревенский образец.

Машины,
Ныря под ступенчатые своды.
Звонок тревожный и беспрекословный.

Никто ее здесь не сажал, наверно,
Сама — в одну из первых наших весен —

Пробилась беспризорным самосевом
За недосмотром тех тревожных лет.
Пошла — расти.

При Ленине едва ли в кнutowище,
Годам к тридцатым — белая — в оглоблю,
А там уже, к поре послевоенной —
Береза — не березка²⁴.

То были годы странные до страсти:
Дворами поредевшее село
За торжеством родной советской власти
Никак уже угнаться не могло.

Поля машинам уступили кони,
Но все тускнел страды цветной убор.
Смолкали песни, глохнули гармонии, —
На сто невест и вдов — один шофер.

И в дальние такие деревушки
Из городов — забота велика —
Передавало радио частушки
Насчет больших надоев молока.

Уже не только юность, но и старость
Тянулась в город от родных могил...

И даже хаты —
По бревнышку размеченные (мелком)
Размеченные плотничьим мелком
В райцентр — шофером-леваком.

Давным-давно все это было —
О давнем и припомнить не беда²⁵.

Все не могу взяться хотя бы прочесть «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>», все что-то удерживает — лень ли, страх ли? — И то, и другое.

29. III

Вчера — фильм Г.Бакланова и Хейфица «Горизонт»²⁶, изо всех сил пытающийся быть правдивым и беспощадным, по всякой «видимости». Но что-то в нем не свершается, нет «узла», и в конце — обычный киноповорот, полный фальши:

едут новые мальчики и девочки на целину, поют, ликуют, а мы-то уже знаем, что там их ждет и что их предшественники с натугой называют своим счастьем («Университет? Подумаешь!»).

Все дело в том, что авторы и не пытались затронуть то, что дано как условие игры: целина — радость, счастье, отрыв от родных и привычной среды, перерыв в образовании — все это пустяки. Их, этих мальчиков и девочек, нужно здесь пережить, поселить в этом, возводимом ими самими корпусе, а там коммунизм все доделает. Но ведь, по совести говоря, так не хочется разделить их судьбу. Вот уж, действительно, не выходит так, чтобы искусство (что я давно отметил и говорил об этом) звало тебя, прельщало теми трудностями, которые приходится на долю героев произведения. Это тяжелый упрек той действительности, которая дана как условие. Если только подумать, какое множество людей, родившихся на земле, привязанных к ней и не видевших в «делании хлеба» никакого особого долга, насильно и всячески оторвано от нее, а вместо этого мальчиков и девочек (вовсе не сплошь министерских деток) с попреком, что они только умеют хлеб есть, а не делать его, посылают в добровольном (это хуже всего) порядке в эту степь для выполнения их «долга». И художники при этом пытаются представить их смешными, с их неумением запрячь коня и т.п.

Если к этому добавить, что [о] заработке ни слова, ни намек — он их не интересует (один «долг»), что пребывание здесь в течение ряда лет не сулит возвращения со славой, как с войны, или с заработком, как с золотых приисков, а уже сказано, написано на стенах вагонов «навсегда», то в целом это фальшиво и неприятно, несмотря на все усилия мелочной, обманчивой правдивости деталей, реплик и т.п.

Это вместо того, чтобы наконец приняться за моего «Тёркина» на т<ом> св<ете>» — все хочется быть совершенно свободным.

Перечел переписанное в марте 61 г. Начало нужно выпрямлять. Фокус с перерывом после первых двух строф явно не выигрывается. Нужно — с интонации, противостоящей самому заглавию: «Как так — Тёркин на том свете?» — и т.д.

30.III. Б<арвиха>

Дошел до 24 стр. двухцветной рукописи — по фиолетовым этим синими, дальше пошли синие, и уже не все так ровно. В начале обошелся сокращениями мест, которые буд-то бы и ничего, но самому прискучили, а это верный признак, что можно без них.

Вообще говоря, этот мой цыпленок, проклянувший скорлупу не вовремя, может быть, уже не будет выведен, хотя уже столько я с ним повозился. Пусть даже так. Все равно — у этой вещи уже есть своя история — часть моей, как говорят, творческой биографии. Пусть даже не суждено ей выйти в свет нормальным образом или выйти и вдруг оказаться чем-то меньшим, чем уже сложившиеся представления о ней. Но я должен привести ее в порядок для себя, для внутренних надобностей. Никаких усилий принорования, приспособления к понятиям Сатюковых²⁷ и т.п. Ан, смотришь — не угасает и эта мыслишка — «для себя» и окажется тем, что надо и «не для себя». Но, честно, и без этой мыслишки мне нужно привести этот мой опус в порядок, оторваться от него, развязать себе руку. Этот год, как я не обращался к ней, она жила во мне какой-то неполной, недоведенной. В таком виде держать ее в себе не хочу.

А там видно будет.

Утром добавил к письму Казакевичу о рассказе «Враги»²⁸ еще страничку.

1.IV.62. Б<арви>ха

Вчера набросал вставку насчет невозможности сокращения штатов.

(Пробовали, где там!)
Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной системе.

Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе, кто в Сети, —
Тоже Сеть густая.

Но помимо той Сети
И Системы штатной —
Сколько в Органах, сочти...
И в каких, понятно?

Это — ничего, но можно было и без — обойтись. А сегодня для самого начала пришла реплика, которая важна уже по одному тому, что относит действие недвусмысленно к определенному периоду.

(Чуть пониже своды)
Перекрыть — не чета
Крыше в два наката.

Вот где бомба — ни черта.
Красота, ребята.

Бомба. Глядя в потолок
И свое смекая,
Тёркин знать еще не мог,
Что — смотря какая.

Что от нынешней — случись
По научной смете,
Так, пожалуй, не спастись
Даже на том свете.

Это в скобках заключим,
И, прошу прощенья,
Отвлекаться нет причин
Нам от продолженья.

4.IV.62. Б<арви>ха

Пробитая тропа вовсе кончилась с 30 страницы — приходится нащупывать ее по слабому неуверенному следу.

(Все равно обратный путь
Повторять сначала.)

Лучше взвесил бы сперва,
Сбавив норов гордый:
Что ты — против большинства! —
Большинство-то мертвых.

Большинство на этом дне —
Тут подсчет научный.
— И, однако, лично мне
С меньшинством сподручней.

Хоть на марше, хоть в бою —
С меньшинством живых в строю.
С ним останусь добровольно
До пребудущих времен.
— Посмотрю — умен ты больно?
— А скажи, что не умен.

Посуди, товарищ милый:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Как тут будешь без ума.

Далее, может быть, развить характер «ученья» (грохот, сито, «если сразу не поймешь — ждать не любит»).

Тёркин предлагает и товарищу бежать с того света.

— Давай со мной.
— Но, во-первых, настоящий
Я мертвец, не то что ты.
Во-вторых, руководящие
Мне вверены посты²⁹.
— Брось ты эту всю халтуру,
И домой, в родную часть.
— Да, но там в номенклатуру
Я могу и не попасть.

Стаж и опыт — псу под хвост.

и т.п.

5.IV.62

[...]

Прибедняться не причина:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Как тут будешь без ума?

Прохлаждаться с той учебой
Ей-то было недосуг.
Не любила ждать особо,
Если понял ты не вдруг.

Заложила впредь задатки
Для пребудущих веков.
Нынче в умных нет нехватки, —
Поищи-ка дураков.

— Что искать — у нас избыток
Дураков — хоть пруд пруди,
И притом еще набитых —
И в Системе, и в Сети.

Да и в органах, наверно,
Хоть не пишется на лбу.
Потому-то планомерно
С ними мы ведем борьбу.

Изучаем досконально
Их природу, нравы, быт.
Этим делом специальный
Главк у нас руководит...

6.IV.62. Б<арви>ха

Собственно, в определившемся виде «Тёркин на том свете» (прохождение по этапам — встреча с другом — возвра-

щение к жизни) — вещь уже на окончании. Неплохо к концу вышло с темой «дураков». Нужно сюда (когда друг окончательно видит, что Тёркин — чужой) — «дружба, знаешь, дружбой». Но все в целом не дает ощущения полноты, исчерпанности. Возникает мысль, не внести ли частично картинки того света из верстки (домино, разбор персональных дел, еще что-нибудь), но почему-то не хочется. Страшно мешает то, что этого «Тёркина» знает большое количество людей, и многие будут разочарованы, помня кое-что из прежнего варианта.

Но уж с этим ничего не поделать. —

Как все, все, — хоть и по-разному, полны недоумения, недовольства, критики, — люди разнообразных «слоев» и «кругов», кроме, конечно, молчащих.

Стенгазета в помещении Лен<инского> отд<еления> НКВД в 37 г.: критика отстающих, показ передовиков, изображения [нрзб.] и т.п. «Тот свет». —

7.IV.62

Вчерне-вчерне, но поставил точку под старой концовкой «Жить тебе еще сто лет», закончив прохождение по листам прошлого года. Не только перечитать сейчас же, но даже мысленно поднять все от начала до конца что-то мешает, — должно быть — страх, что там провалы, пустоты, длинноты, скороговорка, повторения, беканье-меканье и т.д., и т.п.

Но все же не беда. На худой конец — перепишу в тетрадочку, для себя, не будучи обязанным возобновлять надоевшие, отжившие места — и то дело. М.б., лучше всего отвлечься сейчас тем, другим — не этим, не быть прикованным к этой тачке.

Попытаемся так поступить.

На очереди:

1. Кремлевская береза.
2. Слово о словах.
3. То были годы, странные до страсти.

Проза не идет из головы, но все лениво, бездеятельно. Пришла деталь — мост, по которому нужно тащить хату, — габариты. «Наращивание» моста — новый накат поверх старого³⁰.

9.IV

Сутки отдыхал от «Тёркина». В субботу провалился на льду за каменным мостом (по яйца) — был предлог выпить

маленько. В воскресенье ни за что не брался, ждал своих — не приехали, проехали с дачи мимо, забросили на ворота почту. — С утра сегодня стал думать, что все нужно вывесить, приподнять на подвески — вроде той, где речь идет о бомбе, чтобы время времени не мешало. В концовке чуть-чуть уточнился, но попытка вырваться. —

И еще никто не ведал
На земле наверняка,
Что великая победа
 близка.

И:

Что — чего еще
Не на том — на этом свете
Предстояло (всем живым).

Не выходит, хотя старая концовка пресновата. Нет других путей, как перебелить все насквозь.

10.IV

Все пошло по старой дорожке — в тетрадочку, где были итальянские записи, и уже вырываю листки и заполняю листы с обеих сторон — так кажется почему-то вернее, окончательней и, на всякий случай, сохранней.

Переписка, как всегда, выявляет много лишнего и недостающего. Кажется, удалось взбодрить многократно промурыженное первое — авторское отступление («Ах, читатель») и отчеркнуть («не та эпоха») с самого начала, что «не та эпоха».

Обычное при переписке обольщение — как будто все, что идет хорошо, — сейчас все и получилось. Это дает интерес, силы для переписывания, да, впрочем, только так и можно переписывать — как будто все набело сочинишь, лишь задерживаясь на некоторых узелках. Так бы и писать с самого начала.

Будь что будет, но сколько труда и терпения положено мною на эту, когда-то так легко набросанную вещь, которая так медленно выпрямляется и очищается от того (часто), на что убито столько времени, и усилий, и самовнушения (никогда полностью не усыпляющего души), что, мол, ничего, сойдет, хорошо же, право!

13.IV

Съездил в город с 11-го на 12-е, проголосовал, подписал протоколы в Комитете, привез Чуковскому премию (он и не подозревает, что не будь моего, т.е. одного еще, сверх 70, голоса, он бы остался без нее³¹).

Утром возвращался с прогулки — уже работали на разборке цоколя и фундамента, где еще недавно стоял небольшой, мальчиговых размеров, Сталин в погонах и с каким-то свитком в одной руке.

Дробится рваный цоколь монумента,
Взывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор отменного цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден памятный урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Труда неблагодарного залог.

Но как сцепились намертво камня —
Разнять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвеньи
Она таких достойна ли трудов.

Все, что бывает сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том, что камень — только камень —
Ни славы нашей, ни бесславья в нем³².

17.IV.62. Барвиха

Последние дни привычно отбывал норму, перебежал в «итальянскую» тетрадку, отказавшись уже от надежд на печатную реализацию этой штуки, но для порядка, для себя и на случай доброй компании, чтобы уже, читая, не томиться омертвелыми строфами — оставить только съедобное без оговорок и соображений. Но ближе к концу опять начал подкрадываться соблазн к реализации. Действительно, стало все стройнее, последовательнее, компактнее, почти без вялости, кроме, м.б., места насчет награды. — Сегодня вижу, что пресная концовка эта (с первого варианта), м.б., не концовка, — еще поболтать с читателем, вернувшись к некоторым его давним претензиям, и, по возможности, сделать еще один выход, если удастся, на *поверхность современного дня*.

Нашелся черновичок малеевских усилий (56 г.?)³³ — это как раз из «галереи того света». Это должно быть введе-

но — не вижу еще, до встречи с другом или потом, при совместном с ним осмотре, — скорее всего так. —

[...]

Так-то в некий срок безвестный
Поневоле, рад, не рад
Обошел (Созерцал) солдат без места
Того света комбинат.

Изучил солдат детально —
Как там что заведено.
Словно фильм документальный
Просмотрел такой в кино.

Тёркин (мертвыми) задет
Как бы за живое:
Вот тот свет, а вовсе нет
Вечного покоя.

Если некуда приткнуть —
Места нет по плану,
Я по совести отнюдь
Возражать не стану.

19.IV.62. Б<арви>ха

Отъезд отложил до завтра.

(Жить тебе еще сто лет):
— Точка?
— Вывернулся ловко
Из-под крышки гробовой
Тёркин твой.
— Лиха концовка.
— Точка все же с запятой.

И читатель густобровый,
Неподкупный до беды,
Рад продолжить суд суровый, —
Обожает он суды...*

20.IV — день отъезда

С утра вдруг стало опять казаться, что «середка» не годится, выпадает из теркинского стиля и т.п. и что вообще все это дело обреченное. Заставил себя все же прописать еще раз эту «середку» — нет, можно, пожалуй, «бюрократ» примыкает уже к бюрократизму, с которым Тёркин сталкивается по

* Далее запись нового варианта фрагмента поэмы.

ходу дела, и т.д. Хотя продолжает казаться, что заново я бы уже не писал так. Зуб болит — так и не собрался к этой лентяжке. Пасмурный день. На душе — плохо. Съезд комсомола. Разговор с Ажаевым³⁴ — несчастье.

21.IV. Москва

Тёркин хочет *пить* все время — воды простой, холодной. — Хоть из крана.

— Нету.

— Выходной водопровод?

Ну хоть из копытного следа.

— Никаких у нас копыт.

Все рога и все копыта —

Мы считаем пережиток (о копытах)

Никаких у нас копыт.

— Ну, хотя бы кружку пива.

— Пиво — только для актива —

Как снотворный аппарат.

Друг поясняет:

— Нет у нас воды живой —

Только мертвая вода.

Но если б ты снаружи

Прибыл (как-либо)

Ты на части составные

Был разъят —

Вот тогда тебе, солдат, —

Мертвая вода (нужна была бы).

13.V.62. Внуково

Со времени последней записи — всякая редакц<и>онная> труха, праздники, зубы, совещание, М.А.[Суслов], Овечкин (одноглазый) в «Москве»³⁵, где и вчера — он еще был в запое и ничего нельзя было сделать. Попадал и я под волну раз-другой, но ныне благополучно сижу утречком (после чудного вчерашнего вечера — ночной дождь и холодно-вато) у своего окна. Верно говорит А.Г.Дем<ентьев>, что изживаются какие-то периоды, полосы в жизни человека, в т.ч. и дачный. Всю зиму были слабые порывы к «переменам мест» в этом смысле, но что-то все время говорило внутри: нет. Нет, уже не хочу, не могу все начинать сначала — посадки, ратки и т.п. Еголиной отзвонили³⁶, а здесь нынче только Маша занималась наездами своими цветочками да и вдруг! — Валя завела внизу «огород» на 1,5 грядках. И ниче-

го, никаких «преобразований» мне и здесь делать не хочется, — пусть будет, как будет. Но то, что Валя, — это мне почему-то приятно: всегда было немножко грустно от ее отчужденности (понятной) от всякого нашего земледелия здесь, а теперь вдруг она, наш кандидат наук и т.п., колупается внизу у домика. Но и это не без грусти: она входит в тот наш возраст, когда меня это все необычайно занимало, и большая перемена, рубеж какой-то в том, что она теперь ждет второго ребенка. — Но все же вру: кое-что хочется сделать, по крайней мере прибраться на участке, пересадить, подчистить, а потом уж, мол, пусть так и будет. Но все это не горит. —

Вчера сдал на машинку тетрадочку с «Т<ёркиным> на т<ом> св<ете>» со вставкой (серединкой) и добавкой, т.е. в том виде, как прочел все накануне Маше и Дементу. Демент: надо печатать, ничего уже не вижу, что бы могло помешать этому (с точки зрения разума). Вчера сшил все на живую нить. С машинки будет новая полоса работы — сквозная отчистка и «введение воды» (кажется, если бы не записал в этой тетради, забыл было, что мотив воды нужен еще и для того, что на том свете нет воды живой — только мертвая). —

3. VI.62. Внуково

[...] Искал все время спасения от горьких и стыдных дум, от самого себя и от всего на свете в стариковских приборочных работах в сарае и на участке — хорошо.

М.б., над всеми этими бедами — беда главная: с машинки и после чтения у Маршака (говорил не столько он, сколько я сам) прояснилось, что вещь, м.б., и возможна к напечатанию, но отнюдь еще не выпеклась, — не оправдывает зачина, тормозится и теряется в пустяках, в дешевке сатирического набора картинок. Все не то, не то. Брать — так брать поиному — тот и этот свет, живое и мертвое — в большом философическом плане. —

Встал было фокус — встреча Т<ёркина> на том свете с Верховным.

(— Умер за меня?)

— Нет, товарищ Сталин,

За себя, скорее.

— Но ведь кричал: «За родину, за Сталина?»

— Как сказать, кричал больше матом.)

Что Сталин тогда еще был жив — не причина уклоняться от встречи: он жил, но живым уже не был. Был в живых он, но живым не был уж, пожалуй.

Но что-то заколодило. Одно ясно: пусть лучше этот опус будет погребен вообще в папке с немецким зажимом (подарена мне в Москве в 1929 г.), чем «дорабатывать» без живого, неотложного порыва и не на уровне, по крайней мере, зачина и начальных «этапов прохождения». —

На пенсию! — Последняя мечта
Из тех, что выше всяких предписаний,
По существу, последняя черта,
Что мы еще прочеркиваем сами.

А между тем — таков закон мечты —
За той чертой мы расставляем вехи
Заветной жизни вглубь, без суеты
И обозренья мира без помехи.

А сколько недочитанных страниц,
Пропущенных рассветов и закатов.
За недосугом поздно мы встаем...³⁷

19.VI.62. Внуково

Слава богу, на душе хорошо, точно вместе с вырванными вчера 2½ зубами вырвал угнездившиеся в ней, в душе, начала уныния, постыдного капитулянтства перед надвигающейся старостью, малодушия и бездеятельности. Еще раз было то, что обычно приводит к паническому бессилию и неблагородной муке — физической и еще больше нравственной — и еще раз, хотя всякий раз кажется, что уж не встать, не подняться, — вырвался, одолел винного беса.

В такие дни кажется, что все вокруг, чего ты не знаешь, враждебно тебе и со злорадным торжеством ждет зрелища расправы. Ан — глядь — ищут тебя, чтобы сообщить предложение о поездке в Америку (на условиях особо почетных и солидных) или уговорить тебя все же поехать в Грузию для участия в русской декаде (вообще уважить самолюбие грузинских литераторов), что и выполняю, дав согласие на выезд в Тб<илиси>³⁸ с М.И. (бог с ней, она тоже замучена, раздрана, устала).

Ближайшие задачи (по возвращении из Тб<или>си).

1. «Тёркин на том свете». — Чувствую, что я близок к новому и ходкому пласту, только не бояться копать поглубже.

2. Американскую поездку записать во что бы то ни стало — вольно, необязательно, имея в виду разве что дополнение к «Родине и чужбине».

3. Было бы идеально после Америки (а до нее было бы настоящей победой духа — завершить «Тёркина») успеть сделать хоть несамую длительную поездку в Сибирь («Сибирь осенняя страна»). Это бы дало мне много прав на писанье. Тогда оставалось бы объявить себя в отпуске, уехать на худой конец хоть в Ялту и запереться.

Мотив Грузии тоже может пригодиться для американских и сибирских записей. Возможно, я смогу побывать на Аляске — там у меня особые интересы — в связи с историческими отголосками пребывания русских на этой земле, и не только.

Еще раз переписал предисловие к Солженицыну³⁹ — второй подвиг ж<урна>ла в этом году на исходном положении⁴⁰. —

20.VI.62

Выехали уже за город, говорю с Н<иколаем> Ф<едоровичем>⁴¹, что надо проверить, есть ли проезд от В<нуко>ва на аэродром, потом так себе спрашиваю, работает ли он у нас завтра, оказывается — нет. — Поехали до дачи, перекусили, и обратно в город ночевать, чтобы уж отсюда обычным путем добираться. Тут мне опять предстала вся зыбкость и относительность моего величия: машину вызвать — лучше в крапиву срать идти. А такси — есть такси, т.е. либо оно есть, либо его нет. — Все же без труда обретаю спокойное (с высоты величия) отношение к этому обстоятельству. Словом, все хорошо, когда главное хорошо, т.е. в порядке. —

Запись на листке 14.VI (вот когда еще я должен был лететь в Тбилиси). Думал уже почти строчками о Т<ёркине> на т<ом> св<ете>, и уже угадывается другой простор темы (менее всего узкосатирическое уподобление «того» «этому»).

Друг:

Что ж, за родину и за?

— Как сказать.

Но кричал однако:

В бой за родину и за...

Как ходил в атаку.

— Все возможно.

Уж кому-кому не знать,

Как не нам, солдатам,

Что ходить случалось в бой
Чаще — просто — с матом.

Невозможен (скажет чит<ате>ль) такой разговор
о нем, о самом Верховном.

— Да ведь дело-то на том,
На том свете
От уставов далеки —
Здесь всех — вчерашних,
Развязались языки,
Ничего не страшно.

— Того света, дескать, нет?
Ну, а, скажем, бога.
Как выходит из газет,
То никак не скажешь — нет.

Есть Всевышний и притом
Он за власть Советов.
Там — землетрясения, ураганы и т.п.
У нас — ничего. Даже смерти нет,
Разве только редко.
Может, все это не так,
Не в таком порядке.

Вчера в редакции зашла речь о задержке вещи Евг. Герасимова «Городок на Дреме». Лакшин: Вы, А.Т., сами подвели Герасимова. — ? — Как же, Вы предложили заменить заглавие «Шелковый город» из соображений лит<ературного> вкуса («Малахитовая шкатулка», «Серебряная пряжа» и т.п.), а заглавие-то — для цензуры лучше нет: Шелковый город. Шелковый! А там неважно, что внутри, пусть то же самое, но — шелковый. А тут «Городок на Дреме». Городок? Городок Окуров. Ах, еще и на Дреме. Значит, дрема, сонное царство, — вот оно.

Я должен был признать, что он прав, умница, только сказал ему, что он далеко пойдет («до хлеборезки» — по Солженицыну). Сказал Заксу восстановить прежнее заглавие⁴², — уж не столько для цензуры, сколько для рецензентов, для них заглавие тоже важнее всего остального. Увы, во всей нашей жизни заглавие, название, вывеска важнее всего. Отсюда такая страсть — и придание исключительного значения — к переименованиям и т.п.

А сегодня еще подумал, что я сам обязан этому обстоятельству на 90% всей моей историей с «Тёркиным на том свете». Уже заглавие позволяло отнести это к «пасквилянт-

ству» и т.п. Сурков это дело быстро проиграл перед Пospelовым⁴³ и т.п. И в первой моей беседе с Н.С.[Хрущевым]: «Мне Каганович пишет записку: зачем он нашего боевого солдата отправил на тот свет?»⁴⁴ И прошли годы, столько перемен в отношении меня, уже, кажется, пиши, что хочешь, хоть на голове ходи (шутка ли, в юбилейном номере «Правды» дать «Слово о словах», вызвавшее уже столько писем, понятое всеми), ан нет, Дементьев, говоря с Абалкиным⁴⁵: я вот просил у Тв<ардовского> отрывок из «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>», он заканчивает новый вариант, по-моему, мол, все здорово. А тот: под тем же заглавием? Я-то сперва посмеялся: дурак, какое же может быть заглавие у этой вещи! А теперь мне совершенно ясно, что самая трудная трудность в этом заглавии, что переступить через него не сможет не только Абалкин. Ведь с этим заглавием связана вся история: ошибки «НМ», жупел «кружка Петефи»⁴⁶ и т.п.

Автору простили эту промашку, предали забвению, облекли всеми знаками доверия и благорасположения, а он вдруг опять. Просто неловко ставить в затруднение людей, даже тех или в особенности тех, кто с наибольшей благожелательностью относился ко мне. — И все равно я буду «доводить до ума» «Т<ёрки>на».

3.VII. М<осква>

Когда приехали в Тбилиси, в полной мере стало ясно, что не ехать было нельзя. Декада и без того была жидковата, а с отъездом Суркова совсем обмелела бы. Грузины были очевидно обижены, что против их тузов выставлены шестерки да семерки (слова П.В.Кованова, которые он будто бы сказал по телефону Поликарпову). Хозяева вида не показывали, что для них такое несоответствие обидно и даже оскорбительно, но под занавес, на прощальном обеде, Абашидзе⁴⁷, как бы желая только подчеркнуть мою роль в «укреплении декады» на ее втором этапе, сказал и про это. —

Главное впечатление — дымка некоторой грусти, невысказанности, притаенности чего-то, о чем не было слов и нет стихов. Сталинские времена были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Это при всем том, что он им давал духу наравне со всеми другими, если не больше, и что он как бы уже и грузином не хотел считаться. Сразу после Сталина — настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины,

и опасений, и затаенной боли. И — молчанка. Никто, как мне кажется, даже не попытался затронуть эту тему, а ее же не пройдеши. Об этом я сказал Карло Каладзе⁴⁸, наиболее симпатичному, может быть, из всех, кого я, к сожалению, как и других, постигал, гл<авным> обр<азом>, по тостам и застольным островам. Они считают, что на эту тему для них наложено табу. А делать поэзии вид, что ничего не было и ничего не случилось, — не выходит. Куда уж там до этой темы, когда они боятся сказать, что мяса нет в магазинах, чтобы не быть обвиненными в национализме. А между тем, с этой темой они могли бы выйти за пределы своей декоративности, и она могла бы прозвучать со страшной силой для всех. Это мера возможностей нынешней поэзии (вообще литературы) грузинской. Кто из них справится с этой темой, будет великим поэтом⁴⁹. Из нынешних вряд ли кто. Говорят, что Абашидзе пишет все лучше и лучше, что привез новый цикл стихов из Иерусалима, но боюсь, что и в нем он не отважится коснуться «запретной» темы.

Есть решение о моей с супругой и сопровождающим лицом поездке в США. Принимаю как необходимость, зная, что уклоняться нельзя не только по соображениям внешнего неудобства; но предвижу все трудности и муки безъязычия и т.п. Но в целом поездки нынешнего года (Италия, Грузия) и предстоящие Сибирь и США дадут что-нибудь для пополнения и нового отдельного издания книги «Родина и чужбина». —

Где-то впереди мнится длительный присест за работу, «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» и другое. Но все откладывается. Нужно браться за «Тёркина» завтра же, — что успею — мое. —

Сегодня иду с солженицынской вещью к В.С.Лебедеву и одновременно к Черноуцану. Дай бог, дай бог⁵⁰. —

4. VII. М<осква>

Два дня почти целиком заполнены звонками, встречами, суетой, отчаянными усилиями сделать все, что велит долг и совесть в отношении Казакевича⁵¹. «Он умирает» — слова зам<естителя> главврача Кунцевской больницы. Помочь ничем нельзя, но допустить «кочугинцев»⁵² (врачи Нина Дмитриевна Воронко и Мария Львовна Волконская), приехавших полулегально из Л<енингра>да, тоже нельзя, т.к.

это «шарлатаны». А они написали свое заключение: положение угрожающее, но попытаться помочь облегчить страдания и, м.б., отсрочить развязку беремся и надеемся, что еще что-то можно сделать.

Вчера добрался до Суслова, который вел днем Секретариат, в 5 заглянул в кабинет (доброе участие помощников Гаврилова Степана Петровича и Воронцова Владимира (отчество?)⁵³).

— Поймите, я же не могу приказать. Ведь это же шарлатаны, ЦК одобрил меры, принятые против них министерством.

— Но речь идет лишь об удовлетворении последней просьбы родных и друзей, которые и сами не ждут чуда, но не могут отказаться даже от безнадежной попытки.

— Да, я его люблю и жалею, но как же может ЦК приказывать врачам...

— Но ведь выбора нет, лечащие врачи не лечат, терять нечего.

— Да, но. Я позвоню, но скажу, чтобы сами решили...⁵⁴

В приемной. Вызванные Гавриловым из мед<ицинского> отдела (сектора) Дочалин и еще кто-то. Вчитываются напряженно в текст заключения: здесь они оставляют себе лазейку... и т.д.

Лебедев В.С., пришедший вслед за мной, помощники Суслова (еще до того, как стало известно, что скажет Суслов) — человечность, возмущение чиновничьим преклонением перед «приказом», опасение, что кочугинцы на этом деле «заработают», — как погляжу, что и тут и там, на Старой площади, — разные люди. Люди и чиновники.

И, видя этих врачей, пожилых, плохонько одетых женщин — врачей с 70-рублевым окладом, приехавших в Москву с опасностью иметь крупнейшие неприятности, вплоть до увольнения, нельзя было не думать, что безотносительно к тому, кто прав, кто не прав в научных спорах о методах лечения рака, — это люди, а их гонители — чиновники, что и в этом мире свои кочетовцы и антикочетовцы.

Г.О.[Казакевич]⁵⁵ упростила поехать с ней в Кунцево на случай встречи с Шишкиным С.С. (4-е Управление). Шишкин, как и следовало ожидать, не приехал «сегодня же», а назначил встречу на завтра в 10 ч. Я сам предложил Г.О. зайти к Казакевичу. Она пошла его спросить. Выходит: он просит,

чтобы Вы зашли — посмотрели ему глаза в глаза, ничего не говоря...

Он лежал на высокой, как операционный стол, постели, как-то наискосок поставленной среди комнаты. Лицо ужасное неестественной крутой желтизной, подобной искусственному загару, когда чем-то мажут кожу. Глаз я его толком не рассмотрел. Руки были под простыней.

— Дорогой Эм<мануил> Ген<рихович>, Вас так охраняют, что я только на минутку. Больно?

Полушепотом:

— Да и не очень больно, но ночью...

— Плохо спите?

— Совсем. Боюсь ночи.

— Все будет хорошо, Э<ммануил> Г<енрихович>.

И он, с улыбкой, такой знакомой мне, и словно бы тем же нарочитым баском, как он умел отшучиваться здоровый (а здесь это был не басок, а шепот):

— Да, все будет хорошо. (Я знаю, мол, что ты должен был сказать эти глупые слова, и не обижаюсь на тебя, и знаю, что и ты знаешь, что мне все это понятно.)

Он прощался со мною.

Я сказал ему, что он молодец, говоря как бы только о его стойкости перед муками болезни. Он явно понял меня так, что я хвалю его за стойкость перед тем самым, после чего ничего нет.

У меня было движение притронуться руками к его рукам или плечам. «Нет, нет», — с улыбкой предупредил он, и я отпрянул, вспомнив, что он лежит разрезанный и зашитый, что он весь — боль. В дверях или уже за дверьми я оглянулся, он видел это, я сделал руками знак рукопожатия. Он — молодец-таки. И потом остаешься с ощущением той самой животной радости здорового своего тела, дышащего воздухом прохладного летнего вечера, такой, в сущности, обманчивой радостью. А он и сейчас там один — на своем высоком ложе, как будто еще на операционном и уже на столе покойничком.

В первые секунды «встречи глазами» он закрыл на мгновение глаза и тотчас открыл их, точно сообразив, что с закрытыми веками у него уже совсем готовый ужасный лик. А м.б., нарочно и закрыл глаза: вот какой уже я. —

9. VII. Внуково

Ровно неделя, как каждый час был заполнен Казакевичем, его приговоренностью и разнообразными заботами и усилиями — нет, не об отмене приговора, а лишь о соблюдении известных обязательств перед близкими, настаиваю-

щими, чтобы было сделано все, только чтобы сделано было все, но, между тем, не отказывающимися еще от лучика надежды на отмену или отсрочку приговора. Уже не мог без него, без его желтого лица перед глазами ничего делать, видеть и слышать. И, страшное дело, — уже незаметно, произвольно тяготился этим несчастьем, павшим на меня как бы извне, со всеми сопутствующими несчастьем тяготами. Но разве оно извне? Оно не выбирало Казакевича, просто ткнулось в него и сжигает, как могло ткнуться в меня и в каждого из нас, наименее готовых к нему (как мой Трифон Гордеевич, который, как передавали, говорил перед смертью: «попался я»).

Последний мой шаг — беседа с министром Сергеем Владимировичем Курашовым в присутствии и при участии Ник. Ник. Блохина, президента Академии мед<ицинских> наук. На столе у Курашова лежало «ленинградское» заключение врачей (Нины Дм. Воронко и Марии Львовны Волконской). Он вычитывал из него их предписания и, взглядывая на Блохина, пожимал плечами, спокойный, приятный, улыбающийся.

— Как хотите, пусть мы бюрократы, как нас чествуют сторонники этого (кочугинского) метода, но это документ безграмотный с точки зрения медицины и опыта лечения раковых заболеваний. Выполнением этих предписаний можно лишь ускорить развязку, и разрешить это я не могу...

— Но дайте возможность жене и близким считать, что они сделали все... (и т.д.)

— Будем смотреть сквозь пальцы. Говоря по-мужски, пойдем на это, в сущности, преступное попустительство — только не в стенах больницы.

Все было так ясно и убедительно, что я, со свойственным мне легкомыслием и забывчивостью относительно других мнений, решил (и сказал это!), что, пожалуй, министру уже не будет необходимости говорить с женой.

Боже мой, как она стонала, когда я ей сообщал все это, хоть и в самом смягченном виде (ей казалось, что я предал Казакевича, пойдя к министру один, и т.д.). Она бросилась туда, я следом позвонил, чтобы ее не томили в приемной, но Курашов уже был вызван на Президиум, просидела она до конца дня, наконец, под влиянием Андроникова и Алигер⁵⁶ согласилась, что «будем смотреть сквозь пальцы» — это, в сущности, реальный максимум того, чего можно было добиться.

В субботу же Казакевич был перевезен на квартиру, вчера я звонил, все ничего, но уже целый град претензий

к Литфонду, т.е. поликлинике и т.п. Сегодня с утра — организация лекарств из нашей аптеки через Лидию Дмитриевну [Морозову] — все это так.

В 9 сегодня открывается Конгресс, который, что ближе к нему, все более представлялся мне (оказывается, не одному мне) чем-то ненужным, непродуктивным, пустопорожним. Давным-давно уже сработались и никому не нужны, и ничего не значат слова, тем более что, как сказал один из «завов» этого конгресса, предполагаются в ближайшее время наши новые испытания⁵⁷. От большого ума мы, вероятно, полагаем, что, однако, мы таким образом ничего не упустим — ни воздействия на общественное мнение мира, ни воздействия на соображения западных правителей. Одних уговорим, других предупредим — и все будет в порядке. Боже, милостив буди нам, грешным.

Прочел в суете и напряжении этих дней две книжки из тиража 300 экз<емпляров>:

«Россия 40 лет спустя» Филиппа Кревса(?) и «Джордж Оруэлл (беглец из лагеря победителей)» Ричарда Риса⁵⁸.

Круг мыслей, идей, соображений обеих, столь разных, книжек отнюдь не в такую уж новинку нашему сознанию — мы этих тем касаемся каждодневно. Все дело в том, что в печати нашей отголоски этих идей даются только в выхолощенном, негативном виде. Но что случилось бы, будь эти книги выпущены не 300 экз., а 30 или 300 тысячами? Ничего. Только расширился бы интерес, живее были бы суждения. Неужели мы так и должны бояться высказываний инакомыслящих? Или дело только в том, что и тут «закрытый распределитель»? Ведь эти 300, которым достаются эти книжки, я уверен, не очень и читают их, а если и читают, то за своим «двоемыслием» ни во что их не употребляют: то само по себе, а это само по себе.

Западногерманский альманах «Мосты» — тоже не все ерунда (проза и стихи, правда, плохие). Там впервые прочел речь Фолкнера⁵⁹ при получении Ноб<елевской> премии.

Сегодня встретиться бы с Вл. Сем. [Лебедевым] по поводу Солженицына. По телефону он высказал какую-то глубокую растерянность: «талант баснословный», но «советская власть без коммунистов» (?!).

11. VII. М<осква>

Как и предполагалось, Конгресс малоинтересен⁶⁰. Даже на словах ничто не подвинулось, не обновилось, не посвеже-

ло, не исключая речи премьера. Последняя — с малым учетом времени, места, обстановки. Она произнесена, чтобы быть ей произнесенной, но отнюдь не дает каких-либо «кончиков», за которые можно было бы ухватиться, т.е. не предполагает реальных последствий. И это почти всем ясно. —

Странное дело: несколько тысяч людей собрались в одном помещении, чтобы говорить, слушать и думать о смертельной опасности, угрожающей миру, о самом страшном, что может случиться на свете, после чего неизвестно, останется ли и этот самый свет, но ведут себя так, как если бы собрались поговорить об ужасной непредотвратимости естественного личного конца каждого из людей. Т.е. говорят, думают, слушают, а потом толпятся в буфетном зале, толкуют в перерывах и в самом зале заседаний о делах житейских. Конец мира не представляется чем-то более страшным, чем лично твой конец — естественная смерть или несчастный случай. Меня, например, не говоря уж о Г.О.Казакевич, или самого Казакевича куда больше занимает неотвратимость его конца, чем угроза конца света. Ужасное несчастье — разбился на днях Ту-104 с 75 пионерами на борту, отправлявшимися в Артек, но что это в сравнении с возможными жертвами возможной катастрофы. — В моем окне площадь — машины, пешеходы, шум движения, городской будничный день — на нем ни знака, ни тени того ужасного, что угрожает всему в целом живому и движущемуся на земле. И однако эта тень есть на земле, в сознании человечества и каждого отдельного человека. И что особенно тяжело и беспощадно, чудовищно, несообразно, отвратительно, что эта тень эсхатологического предчувствия, ожидания мало-маловком связывается с религиозно-мистическими настроениями, характерными для прошлого. Нет, конца света вынуждены ждать атеисты, материалисты, не имеющие в виду после этого какого-либо восстания из мертвых, суда, начала жизни вечной и т.п.

Возраст, что ли, или отчасти «эсхатологическая» атмосфера — все больше становится дорог сон — хоть ночной, хоть дневной. Любое уютное место — на природе или в помещении — в первую очередь воспринимается с точки зрения — поспать, отдохнуть: у моря — у моря, в лесу — в лесу и т.д.

26.VII.62

Было всякое за этот промежуток, но главное томление этого порядочного срока — Казакевич, с «повисанием» его родни и окружения, и Солженицын, потревоженный мною

в его сибирской поездке, вызванный, получивший «указания» и сейчас заканчивающий свою доработку Ив<ана> Денисыча.

Еще раз перебелить всю рукопись, еще раз пройтись мне по сопроводит<ельному> письму на высочайшее [имя]⁶¹ и по Предисловию. А там — бог ее знает, скорее всего — ничего, если не хуже того. В.С.Лебедев решительно отсоветовал изготовлять набор и тискать «для удобства чтения» — перепуг Черноуцана отразился и на нем. Идти, стучаться больше некуда, кроме этой гл<авной> двери, которая, *по существу дела*, менее всего для этого отверзается, и, однако, только через нее возможен какой-то выход из безвыходности.

Вчера на Секр<етария>те отпросился на август в счет отпуска⁶², а ехать, выходит, некуда.

8.VIII.62. Коктебель

Еще садясь в вагон, не знал, чем в первую голову займусь, если вообще смогу заняться, — рассказом ли, стихами (Грузия и др.) или Т<ёркиным> на том свете. В пути стало складываться намерение заняться им в первую голову, и занялся сегодня с утра. Всю дорогу вспоминал последний машинописный текст и как-то вдруг начал вроде бы видеть, что вещь может, будучи дополнена, наращена некоторыми новыми расширительными мотивами, — может быть завершена, складывается. Уже я совсем не в такой тьме ступаю, как при попытках отработок ее в 56 и др. годы.

Вчерашняя телеграмма С.И.В<ашенце>ва о смерти Варвары Михайловны⁶³ — Москва и здесь догнала своими ударами. Целый век жизни — с военных лет и до недавней последней встречи с С.И.[Вашенцевым] — она, эта недалекая и, м.б., не очень добрая ко всем, кроме своего Сереженьки (а следовательно, и его друзей, кто ему мил), женщина, была как-то вблизи, составляла необходимый жизненный тыл наших встреч, нашего милого празднословия и пустословия, душевности и т.д. И, казалось, вот уж семья, бронированная от несчастий и бед... По крайней мере сам Вашенцев держал на уме это, видя в этом свою, сообразную его уму и пр. особость в мире.

(Друг поясняет)

...да нет,
Он, понятно, разный,
Есть советский, наш тот свет,
Ну и буржуазный.

Тёркин думает: учтем,
Не беря на веру.

— И какая же притом
Разница, к примеру?

Ведь у них, да и у нас
Тут живое в нетях.

— А такая же как раз,
Как (была) на (этом) свете.

— Значит, что же: тут и там
Жизни все подобно:
То есть — труд и капитал
За чертой загробной?

И по смерти бой ведут
Смертный — так примерно?
— Не совсем. Какой же труд?
Отдых — это верно.

После боя всем настал
Отдых в обороне.
Точно так же капитал
Не играет роли.

Вечность вечностью течет
По своей линейке.
Капиталу только счет,
Денег — ни копейки.

Но у них, однако, счет,
То есть та же мерка.
А у нас зато — учет,
Да еще проверка...

Ну, ты, вояка,
однако

и переход к подразделам нашего Т<ого> св<ета>.

10.VIII

(вчерашний и позавчерашний карандаш)

[...]

На войне о том хлопочешь,
Без чего ей нет конца.
Что там слава, что там почесть
Без победы для бойца!

Норовишь ее, победу,
Для живых в бою добыть

И гремишь за ней по следу,
Забывая есть и пить...

Не о смертном думай часе,
Сам придет — поставит крест.
Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.

Так ли, друг?
Молчи, вояка.
Ваше время истекло.
Нет, скажи: и так,
и всяко.
Ну, сказал, — куда ни шло...
[...]

Но за гробом иль без гроба,
А за будкой пропускной
Есть еще тот свет особый —
Тут нам лучше стороной.

— Посмотреть бы тоже ценно.

— Да нельзя, поскольку он
Ни гражданским, ни военным
Здесь властям не подчинен.

— В чем же все же подчиненьи
Тот отдел? — Смущен солдат.
— Там лишь те, кто в заключеньи
Получил сюда наряд.

Воркута, Нарым, Печора. (Контингент)
Магадан — Тайшет. Переход к «культу»*.

Нечего удивляться той мере мирового разочарования в идеологии и практике социализма и коммунизма, какая сейчас так глубока, если представить себе на минуту повод и причины этого разочарования.

Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчетами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости — пищи, одежды, жилья, огрубением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т.д. и т.п. И даже ког-

* Эти две последние строчки зачеркнуты А.Т.

да ему самому, этому строю, пришлось перед всем миром — сочувствующим и злорадствующим — признаться в том, что не все уж так хорошо, назвав все это «культом личности», то, во-первых, он хотел это представить как некий досадный эпизод на фоне общего и «крутого подъема», а во-вторых, это признание и «меры» были того же, что при культе, порядка.

Здесь давно уже стоят жары, гибельные для всего растущего и живущего (кукуруза в крымской степи, овцы без травы и воды). Вот почему, должно быть, я опять не слышу того густого, южного, пряного и жаркого духа, который мне помнится с юности — с первого моего курортного месяца (Хоста)⁶⁴. Так хочется, чтобы прошел сильный дождь, ожили бы слепнувшие от зноя цветы, обвялая, точно пересаженная вдруг среди лета сирень, деревья (акация и т.д.), усыхающие на корню. Кто-то здесь воткнул несколько березок — те совсем уже пожелтели и погибают. —

11.VIII.62

Там рядами по годам
И особым метам —
Колыма да Магадан,
Воркута с Тайшетом.

За черту из-за черты —
С разницею малой —
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

Из-за проволоки той,
Белой-поседелой,
С одинаковой статьей,
Приобщенной к делу.

Кто — за что, который — чей,
Перечисли, ну-ка.
Ни оркестров, ни речей —
Вот уж где ни звука...

Невдали сиротский прах
Осенен покоем
Оплативших смертный страх
Смертью перед строем...

На военном места нет.
На гражданском — тоже.

(переход к культу.)

Вчера 35 градусов в тени. Утро, хоть встал и купался до солнца, быстро утратило свежесть. В течение дня трижды засыпал или задремывал и вскоре просыпался в поту и унынии. Пять раз залезал в море, в т.ч. в лягушатной бухте, куда ходил к вечеру.

Напряжение, толчея, ярморочность отдыха. Тщеславие тела: мужчины при мужчинах не купаются без трусов, но в трусах, с голыми косматыми или бледными ногами ходят в столовую. Бабы — пуп наружу — иной раз ужасный, увенчивающий жирный бугор живота. Свежая краснота или уже чешуистость обгорелых, обожженных спин, рук. Нынешняя «репетиция памятника». Или незабываемый дурак из ансамбля Моисеева дурит (?) под свой аппарат, переданный кому-то незнакомому: «Хотите, я вам принесу вот такую рыбу?» — художественный взмах и разворот рук. Дурак стройненький, поджарый, но уже не молоденький. И ни малейшего стеснения на людях. Все наплевать, он хочет быть на снимке красивым. — «Итак, начали... Хотите, я вам принесу вот такую рыбу?» — Ночью трижды менял место — кровать, диван, лежак на балконе.

12. VIII

Вчера в обед услышали о новом корабле «Восток-3», ждали новостей у Полевого через его приемник; Полевой⁶⁵ даже вынес половину бутылки муската и предложил выпить за успех майора Николаева⁶⁶ — все как полагается. Затем посыльные из конторы к телефону: «Москва. Вызывают вас и Мирзо Турсун-заде⁶⁷». — Вообразил, как буду объяснять Абалкину, что стихи писать мне не хочется, что они сейчас просто не нужны, по моему глубочайшему убеждению, и как он ничего этого не поймет и т.п., и не пошел к телефону, а пошел на море. 2-й и 3-й раз вызывали, пошел — молчит Москва. — «Будут звонить, скажите, что я в курсе». Сегодня будут в 10 звонить — давай выполнение, т.е. какие-нибудь рифмованные пустословные строчки. Не могу, не хочу, не стану. Ужасно, что, заказывая тебе стихи, знают, какие они должны быть, — и это не может быть иначе — и что мне, немолодому и проч., заказывают стихи до завершения событий, тогда как они еще могут обернуться ужасным кошунством, или все так ясно наперед, так безопасно, что и неинтересно. — Не пытаюсь уверить себя, что будто бы мне дает право отмолчаться от события то, что, мол, я сам сейчас веду свой корабль в бог весть каком космосе и т.д. А в сущности — вроде того.

[...]

(с листка)

Когда еще была не сбита
Роса на угренной траве
— и ни копыто
Еще не — на тропе.

Ни эта линия опор
(Перечеркнувшая простор)

Какая есть еще на свете
Благословенная краса.

И только люди, только сами
Ее способны умертвить.
— не сон.

Нет, мир — он должен быть спасен.

13.VIII.62

Жара как будто полегче. Купался до солнца, с 8 до завтрака вздремнул. Последнее, что слышал вчера: 21 виток и 5. Двое. И вот уже слава пополам, уже «групповой полет» и т.д. Вчера получил телеграмму Абалкина, которая начиналась словами: «Дорогой Мирзо»... и дальше о «космической поэме» что-то искательно-высокопарное. —

Странное дело — в голову не идет ни строчки об этих космических полетах. —

Вчера и сегодня (13.VIII):

Тот, кто службе жизнь твою
Придал безвозмездно,
За кого ты пал в бою,
Как тебе известно.

Тёркин вскинул бровь и вкось
Поглядел вполвзгляда
И устало молвил: брось,
Я прошу, не надо.

— Почему же? А печать?
Не забыл, вояка,
Что ты должен был кричать,
Как ходил в атаку?

— Знаешь, лучше умолчим,
Лучше без огласки.

На том свете нет причин
Для такой (подкраски).

Нам ли, друг, не знать с тобой,
Грамотные оба,
Что в бою, на то он бой —
Слов подбор особый.

И вступали там в права,
Вот как были кстати,
Чаще прочих те слова,
Что не для печати (Что печать!)

— Ну, допустим, что порой
Объяснялись всяко.
За кого же ты, герой,
Шел на смерть, однако?..

Едем в Новый свет*. —

14.VIII

46 и 30 (?) витков. Что-то наклеивается в голове в духе
размышления-разговора с космонавтами.

не затем ли
Вы от нее оторвались,
Чтоб эту землю
Спасти — жизнь.
Чтоб этот малый, этот малый
Незаменимый мир спасти.

Перечитал машинописного Тёркина нат<ом> св<ете>.
Кое-что охотно вычеркивается.

Встречу с другом — до «картин того света» («бюрократ»
и т.д.) — будет крепче, слианней с основной повеств<ова-
тельной> линией. А это? А это? — спрашивает Тёркин, друг
отвечает. Может быть, так. —

Пить — мертвая вода.

15.VIII

Не знаю, сколько витков, — вчера слышал, было свыше
50 у первого и соответственно у второго. Газет не видел,
М.Вас. [Исаковский] говорит — сплошной космос и ликован-
ние. «Народ ликует» — так и передают им в космос, — дру-
гих, мол, ни забот, ни хлопот.

* Поселок в Крыму.

Нет, стихи на этот случай вряд ли стоит выжимать из себя — новизна только в количестве, в чисто технической стороне рекорда.

Вчера на прогулке (отличной) по берегу от Солн<ечной> долины до Приморья подбирал какие-то двустихия (вчерне), но все это не стоит усилий. Тем более что вчера же так хорошо и расширительно думалось о «Тёркине».

Предложение друга получить посмертную награду вызывает у Тёркина соображения насчет целесообразности доставки наград «на место», — он предпочел бы быть вызванным с этого «места» хоть на сутки «наверх», отдохнуть, помыться в бане, побыть человеком, и не так беспокожно для начальства и т.д.

Мелькают возможности персонификации образов загробного мира: штрафник, [нрзб.] из обгорелого танка. Разговор о том, что хоть я, мол, убит, но зато эта война последняя, ведь все устали, и земля скорбит, как мать.

Тёркин: Ох, твоими бы устами красных девок целовать. — Не расползаться. —

16. VIII

[...]*

Пора идти по порядку, вводя вставки-добавки по ходу. Жара не дает засидеться — потом изводит, гонит к морю, едва 12 ч.

Третьего дня ночью пошел, зашелестел по листве дождик, — не поверил, выбежал — да. Утро — свежесть, влажный ракушечник на дорожках, море под дождем крапленое. И все же — к 12 ч. жара уже была в полной силе.

Вчера садовник Степан Алексеевич — помочь насчет дотации на содержание парка. Необходима регулярная посадка — деревья не доживают века своего: корни достигают соленого слоя, и дерево гибнет. А ближе к поверхности — сушь.

17. VIII

Начал с утра идти строчка за строчкой сначала, зачищая зазубринки и заусеницы. Ничего существенного. Перед завтраком отвлек вызов к телефону в контору, а после завтрака залег и вздремнул. Сейчас работать могу, но знаю, что это будет не на полную мощность — так что лучше оставить. Вставать нужно бы не позднее 5, но сегодня просыпался и курил в 3 с небольшим и потом проспал до 6. Только и возможно что-нибудь в утренние часы свежести.

* Продолжение работы над поэмой «Тёркин на том свете» — главой о награде.

Я не должен на этом этапе работы думать о тех, кто знает первый (или второй и т.д.) вариант вещи, а только о тех, кто будет читать впервые. Да, вещь эта все еще способна закиснуть в недоведенном виде, но пора уже к ней отнестись, как к «Далям», которых я тоже мог бы никогда не кончить. Допустим, что эту вещь встретят плохо — пусть; что она вообще не «этап» — пусть, я-то знаю, какой этап, — мне нужно с ней разделаться, хотя бы я даже навлек на себя голоса о «спаде» и т.п. Дальше тянуть нельзя: запрашивают о сроках поездки в Америку (не хочу, но поеду).

19. VIII. Воскресенье

Вчера телеграмма Суркова: 24-го приезжает Р.Фрост⁶⁸ — нужно встречать и т.д. Значит, от Америки не уйти.

Как было бы хорошо кончить к этому времени «Тёркина». Но жара все сшибает. Начал было вчера выравнивать по-новому середину (встреча с другом), но затоптался на месте:

— Так-то, Тёркин,
— Так, похоже,
Да смириться не могу.
(— Что поделать.)
— Предположим —
Мы попали в тыл к врагу...

— Так и есть оно, примерно,
Только разницу учти:
Ты-то вышел в сорок первом,
Я скопытился в пути.
От войны ушел и мира,
От бомбежки и огня...

(Так и подмывает, м<ежду> пр<очим>, удариться в дактилические окончания: на местности — в неизвестности.)

Что там спереди, что сзади,
Должен знать всегда наш брат.
И давай хоть где присядем —
Ноги в валенках горят.

Дай-ка им вздохнуть свободно —
От страды —
Воды, воды холодной.
— Не положено воды...

Нужно — про воду с первых слов и к делу.

Из заготовок:

Лица воинов спокойны. Мнится им в их вечном сне, будто все на свете войны в их вместились войне. Отпылал их край передний, мнится им в безгласной мгле, что была она последней, эта битва на земле. — Даже за могилой — то бы счастье наше было — знать, что больше нету и не будет войны...

...Теснота в виду наплыва —
Каждый день большой заезд.
Не хватает — и не диво —
На том свете спальных мест.

Ты, однако, не печалься,
Говорю — не подведу.
У загробного начальства
Я тут все же на виду...

Форма — тапочки — у нас.

Ордена-то — дубликаты.
Значит, он, тот свет, не главный.
Даже и не равный —
Все же он — второй.

Видит бог, я уже как-то вдолбился в работу, вижу многие возможности темы, до каких раньше не доходил. Но полтора-два часа утренних — ничтожно мало для работы, а день за днем — в томленьи от жары и купанье с 6 утра до 11 вечера, раз 5—6 в день.

21.VIII

Буксую. Новое во встрече с другом не становится как следует. Напряженность, натяженность фраз, однообразие оборотов и всяких «так ли — сяк ли», «что ж», «учти» и т.п. Но долблю, долблю, хоть и бывает еще временами чувство, что все это мертвенно, натянута и как-то врозь расходится. Утешаюсь воспоминаниями о том, как трудно давались, как безнадежны были на половине или даже перед концом «Друг детства»⁶⁹ и др. случаи. —

Вчера ходили к «татарскому святому» (говорят, это была армянская часовня) — теперь я и места не узнал, — кому-то понадобилось подорвать эту руинку, где и кирпичато не собрать. Еще у базара стал накрапывать дождь, но не верилось: небо было с большими просветами и без достаточ-

ной темноты туч. На обратном пути он уже мочил нас, а вечером уже по пути до столовой обходили лужи, и ночью он добавлял. Посвежело — можно жить. Спал с 9 до 6 — с одним перерывом, — перешел с балкона в комнату на диван. И после завтрака прилег от безрадостности «буксовки» — боже, сколько таких часов за всю рабочую жизнь. —

[Вклейка]

— Так-то, Тёркин.

— Так, примерно,

Друг-товарищ дорогой,

Из-под Вязьмы в сорок первом

Выход был. А тут — какой?

[...]

Искусство могущественнее всякой политики. Ему дано угадывать ту правду жизни, которая гораздо менее уловима для политики, берущей все по необходимости и в слишком общих чертах, и в слишком *частных*, по подсказке текущего дня. —

П<олитику> то и дело приходится изменять, и без лжи или умалчивания относительно многих сторон жизни *она* просто не может существовать.

24. VIII

Послепослезавтра мой досрочный отъезд. Только-только начала выравниваться вставка — завязка разговора с другом:

[...]

Могут быть полуавторские отступления, обращенные к живым:

— Люди, не играйте в домино:

На том свете

Надоест еще оно.

Днем не спите — отоспитесь там, за гранью...

На тоску дней не тратьте — хватит времени потом.

Выпить — выпейте, и тут, —

На том свете не дадут.

* Далее записан новый фрагмент поэмы.

27. VIII

День отъезда. Не успею даже начерно свести в одно все, что набросано было здесь для вставки-главки (перенес на листы 5 страниц). Но уже ясно, что без этой «вставки» — все, что есть с машинки — футляр, да и то он должен быть перестроен в соответствии со вставкой. — Опорные строфы есть такие, что, пожалуй, не повторяют ничего из того, что писал прежде. Кажется, «особый отдел» — что-то, что я непременно должен был сделать, — то существенное, без чего просто нельзя — из *той* темы. —

Подвигалось дело медленно, со страшной тратой сил на то, что потом отпадало решительно, с топтаньем на месте, с удручающей неотвязностью какого-либо словечка или оборота, который, глядишь, вовсе и не обязателен, с отклонениями в сторону, с излишеством детализации, сухостью словаря, надоедностью вводных и т.п.

Для автопародии:

Будь здоров, как говорится,
До свиданья, так сказать...

Но продвигаюсь, чувствую, продвигаюсь, откатываясь порой назад в смятение и безнадежность и все же возвращаясь и направляясь к некоему берегу, как тот буй, что я выловил в море.

Не в первый раз я один на один с неизвестностью, неподсказанностью и незаказанностью темы, но вряд ли когда в такой мере, как сейчас. Один на один с ее неправомочностью в понятиях «кругов», с ее незабытой компрометацией и с тем, что я могу огорчить даже «благожелателей» этой темы, которые знают первоначальное ее решение, против которого все может казаться чем-то уже не тем. Однако я бы уже ни за что не напечатал бы не только первый, но и последний машинописный текст.

Если буду в Америке — для очерка вспомнить письмо Ивана Белого брату в Америку («деньги убил, коровку закопал, доехал я благополучно» — 16 лет назад!)⁷⁰.

Москва. 11.IX.62

(с коктебельских листков)

[...]

Да и тут — порядок разный:

Есть Тот свет, что наш с тобой.

Есть — который буржуазный, —

Вот, напротив, за стеной.

Тут и там — свои уставы —
При совместном потолке, —
Все иное — быт и нравы,
И граница на замке.

Словом, все тому подобно,
Как при жизни — тут и там.
Но, позволь, в тиши загробной —
Тоже — труд и капитал?
И борьба и все такое?
— Нет, зачем, какой же труд,
Если вечного покоя
Обстановка там и тут.

Значит, как бы в обороне
Загорают тут и там?
Да, и так же прежней роли
Не играет капитал.

Никакой ему лазейки.
Вечность вечностью течет:
Денег нету ни копейки,
Капиталу только счет...

...Ну, а в части распорядка —
Наш подъем — для них отбой.
И побудка и зарядка
В разный срок, само собой.

Вот и все тебе известно —
Что у нас и что у них.
— Очень, очень интересно. —
Тёркин в горечи поник...

...Там, опять же, дисциплина
Против нашенской — слаба.
И, пожалуйста, картина:
Тут — колонна, там — толпа.
[...]

...Смерть, не так уж ты страшна,
Жизнь еще не клином,
Коль тебя твоя страна
Именует сыном.

В меру сил печаль конца,
Где б его ни встретить,
Если имя их отца —
Не бесчестье детям.

Нипочем еще тюрьма,
Вышки с часовыми,
Если буквами клейма

Мечен не своими.

— Кто же?

— Тот...

До этого возвращения к делу — всякое: Р.Фрост, декоративный старик, неизвестно зачем пересекающий океан взад-вперед, встречи и «невстречи» с ним в середине его пребывания. Поликарпов — журнальные радости (Цветаева и Каверин из 9 кн.⁷¹), решение дожидаться решительной встречи с Н.С.[Хрущевым], сообщение Абрасимова об открытии клуба в Загорье (Сельцо) и приглашение меня на это торжество⁷². Подготовка библиотеки для клуба. Все — к стати — некий итог «Загорью».

16.IX.62. Москва

Счастье, что эту новую (после черной клеенчатой) тетрадь я начинаю с записи факта, знаменательного не только для моей каждодневной жизни и не только имеющего, как мне кажется, значения в ней поворотного момента, но обещающего серьезные последствия в общем ходе литературных (следовательно, и не только литературных) дел: Солженицын («Один день») одобрен Н. С-чем.

Вчера после телефонного разговора с Лебедевым, который был ясен прислушивающейся к нему М.И., я даже кинулся обнять ее и поцеловать и заплакал от радости, хотя, м.б., от последнего мог бы и удержаться, — но мне и эта способность расплакаться в трезвом виде в данном случае была приятна самому.

В ближайшие дни я должен быть на месте — Н.С. пригласит меня — завтра или в какой-нибудь другой день, — словом, Лебедев просил меня не отлучаться, даже в Смоленск, — все это я, конечно, понял как обеспечение моей «формы» на случай вызова, но бог с вами!

«Он вам сам все расскажет, он под свежим впечатлением...» Но понемногу Лебедев мне уже все рассказал, предупредив, что это все только между нами. Н.С. «прочел» (ему читал Лебедев — это даже трогательно, что старик любит, чтобы ему читали вслух, — настолько он отвык быть один на один с чем бы то ни было). Но так или иначе — прочел. (Каюсь на этой странице, что на это я не надеялся и, больше того, на-

деялся, что он не станет читать, доверится моему письму и докладу Лебедева и скажет, что, мол, пусть их там, «по своему усмотрению». Ан — вышло куда круче!»

Прочел и, по всему, был не на шутку взволнован. — «Первую половину мы читали в часы отдыха, а потом уж он отодвинул с утра все бумаги: давай, читай до конца. Потом пригласил (или сами пришли) Микояна и Ворошилова (!). Начал им вычитывать отдельные места, напр., про ковры... Вы захватите новый экземпляр, а то этот забрал Микоян».

Видимо, было так, что он спросил Лебедева, в чем, собственно, дело — это хорошо, но чего Твард<овский> хочет. Лебедев ему — так и так, ведь и «Дали» Твардовского, если б не ваше, Никита Сергеевич, вмешательство, не увидели бы света в окончательном виде. Не может этого быть, говорит тот. Как же, Н.С., не может, когда вы сами тогда звонили Суслову по этому случаю. — А, помню, помню...

Есть два-три замечания, которых я не понял в изложении Лебедева и не придал им сколько-нибудь серьезного значения в отвлечении тех минут разговора (главным смыслом). Что-то о споре об «Иване Грозном»⁷³ и что-то о старике в столовке, который стоя ест, и этот старик — некогда большой человек, а теперь его может подстрелить любой плюгавый конвойный. — Это, словами Лебедева, со стариком этим какая-то путаница, он, по-моему, просто такой благородный интеллигентный старик. Помнится, у Толстого в отрывке к роману о декабристах есть графиня или княгиня, о которой сказано, что ни Сибирь, ни что другое не могло бы ее заставить жадно есть, отступить от нормы воспитания и врожденного изящества⁷⁴.

Но все это мелочи, я с ними слажу даже без Солженицына, хотя уже держу в уме слова телеграммы, которую пошлю ему после встречи с Н.С.: «Поздравляю победой выезжайте Москву». И сам переживаю эти слова так, как будто они обращены ко мне самому. — Счастье.

И, как всякое счастье, оно рождает в душе потребность нового, еще большего счастья, всей его полноты (Николенька Ростов в первый день приезда домой на Поварскую со службы: «ему хотелось больше и больше, еще и еще»).

Вчера же я в беседе с М.Алигер, пришедшей в редакцию, чтобы сообщить о Казакевиче (третья операция, опять

непроходимость, трехчасовое рассмотрение хирургами его внутренностей не оставляет уже даже смутных надежд), я на ее вопрос о «той повести» стал говорить ей, м.б., с большей откровенностью, чем кому другому, что если эта вещь не увидит света после всех моих усилий и обращения на высочайшее, то мое пребывание в «НМ» обесмысливается, оно даже убыточно для литературы. Она с убежденностью сказала, что да, это именно так. «Если бы вам было 30 лет, еще можно было бы считать и так и так, рассчитывать на время и т.п.» — Пусть бы 11 книжек были средними, приличными, но одна (я думаю, и не одна) такая, какая только благодаря моему присутствию могла выйти, — и тогда мне стоит здесь быть. Спросила о цикле Цветаевой — сказал ей, в чем дело, и сказал, что все это мне уже сверх меры терпения, что я буду проситься к Н.С., буду ставить вопрос об отмене цензуры, а к слову рассказал о Буковском⁷⁵ с его слезами накануне в этой же комнате, о деревенских и прочих делах вообще, она, умница, говорит: ох, может быть, вам уж и не о Цветаевой с ним (Н.С.) говорить, а об этом. — Но говорить о Цветаевой, об отмене пережиточных форм «наблюдения» — это значит говорить обо всем главном, ведь речь идет о гласности или безгласности, о литературе и журналистике, которые либо будут нести огромную благотворную службу, либо нет. Боюсь предвосхищений, но верится, что опубликование Солженицына явится стойким поворотным пунктом в жизни литературы, многое уже будет тотчас же невозможно и многое доброе — сразу возможным и естественным.

«А не хлынет такой материал вслед за этим?» — спросил, говорит Лебедев, Н.С. И Лебедев ответил ему моим доводом: уровень этой вещи как раз будет заслоном против наводнения печати подобного рода материалами, подобного, но не равноценного.

Поглядим, что нам скажет Никодим.

Корреспонденция В.Пескова в «Комсомолке» — «Дезертир» — о человеке, просидевшем 20 лет на чердаке (42—62) после того, как он, призванный в армию, бежал с дороги (дер<евня> Битюг-Матреновка Воронеж<ской> обл<асти>)⁷⁶. Глубоко задевающая история, которую никак не уложить в рамки автора статьи: трус — расплата за трусость — потеря «20 золотых лет жизни». Конечно, это бы так, если бы те ребята, с кем он, Николай Тонких, шел на призыв, так бы и вернулись все, как один из них — Васька, — живыми-здоровыми. Но взамен этого ужаса жизни на чердаке, у печной трубы, мы *навверняка* можем предложить ему только

смерть в 18 лет от осколка бомбы или мины, инвалидность после долгих страданий, плен с возвращением из него на Магадан и т.п. Васькиной судьбы *навверняка* никто ему не мог предложить взамен нынешнего удобства. — Так, наверно, я уж не вспомню, нет времени докопаться, что за книгу я читал в детстве о дезертире наполеоновской армии (про отказ от службы), который скрывался где-то в горах, в скальной пещере «Бретани».

Эту книгу я уже имел случай вспомнить по поводу подобных примеров дезертирства из жизни под страхом смерти. — Этот Тонких был единственным сыном у матери при 7 дочерях. Самые страшные моменты:

1. (маловероятный) фальшивые похороны матерью сына на огороде, которые он, сын, наблюдает с чердака.

2. Возвращение отца-фронтовика домой и его встреча с сыном на чердаке.

3. Чтение задачника и др. книг.

4. Страхи, обострение слуха, убыль зрения.

Клуб в Сельце-Загорье построен, Абрасимов (из Смоленска) приглашал меня на открытие, — вчера он был здесь, но я не дозвонился, — возможно, что его вызывали по картошке, последствия дождей и т.п., так что ему, м.б., и недо клубов. Вообще я эти дни, под влиянием мотивов «письма Шелепина»⁷⁷, с грустью думал, что столь знаменательный факт, как постройка каменного клуба в Загорье (Сельце) с моим «долевым участием», — и она может обернуться для меня новым грустным оборотом. Готовил я биб<лиоте>ку, она, пожалуй, уже до 1500 книг (с теми, что выбракованы из биб<лиоте>ки «НМ»), и все меня томило тяжелое какое-то предчувствие то ли неловкости какой, то ли даже просчета. М.б., и клуб тот ни к чему, тем более что биб<лиоте>ка, которой там сейчас некому, по правде, пользоваться. А так хотелось просто как-нибудь довести эту историю до конца, «открыть» клуб, м.б., приложить еще что-нибудь к премии, держать под своим шефством все это заведение, помогать и тем самым хоть в какой-то форме как-то подвести черту под «Загорьем», с которым у меня такие давние и такие сложные взаимные счеты. — Но теперь, если все так с Солженицыным, как сказано было вчера, и это дело выправляется, и с этим как-то легче.

Все же я не решился начать даже записью о Солженицыне мою новую тетрадь, которую возил с собой и на юг и в Барвиху, кажется, и все не могу начать (прекрасная, слишком хорошая, чтобы так-таки и начать — распечатать ее, удлиненного немного формата, в полотняном переплете, бумага в крупную «финскую» клетку), — привез мне ее, кажется,

Смирнов С.С.⁷⁸ из-за границы. А эту сшил и переплел Тарасенков-покойник⁷⁹. Она не так хороша, и это даже лучше для меня. Ту начну, когда у меня будет не одна она. То есть глупство, пан!

20.IX.62

Пятый день ожидания и постепенной утечки того настроения, чтобы сразу после лебедевского звонка. Сетовать не на кого и не на что. Никита Сергеевич, естественно, занят так, что ни щелочки времени для такого, в сущности, перед лицом очередных дел главы государства необязательного дела. Правда, иногда необязательное сильнее обязательного, но, так или иначе — каждый новый день без того звонка — безусловная потеря свежести впечатления, произведенного вещью Солженицына. Не хочу уж думать о том, о чем Лебедев намекнул, когда я попробовал «согласовать» с ним сдачу в набор рукописи. — «Я думаю, этого делать не следует. Ведь вы еще ничего не знаете, в сущности (сказанное, мол, мной — неофициальное, не из тех уст). А кто гарантирует, что здесь уже не ждало Н.С.[Хрущева] сообщение — к слову — о намерении Тв<ардовско>го печатать крамолу». —

Очень хотелось бы в такие деньки работать на участке во Внукове. У меня новый «творческий» порыв к преобразованиям в саду: хочу выкорчевать яблони, не зацветавшие все эти годы, хотя и взявшие большой рост, или даже плодоносившие, но так слабо и неинтересно, как эти две голенастые⁸⁰. Уменьшить количество и лучше присмотреть ценные (антоновка, белый налив, штрифель). Давний совет Кости⁸¹: сруби половину, от остальных будешь иметь толк. Это как с затерявшейся во времени рукописью, когда вдруг, по озарению, видишь, какие ее части, главы, строфы нужно выбросить, вычеркнуть с облегчением и радостью открытия и больше уже не думать о них, а заниматься теми, которые уцелевают при любом твоём настроении и только теперь годятся для наращивания их новыми.

С «Тёркиным» так: необходимо разложиться со всей рукописью в целом, — хватит заготовок, которые ненароком, в отрыве от целого, могут увести в сторону, вбок от конечной задачи. Вряд ли что было у меня так трудно округляющееся и с каждым новым приступом усложняющееся, уходящее от «берега», хотя если вспомнить «Дом у дороги» и те же «Дали» (в особенности), с которыми, вообще, бог весть как удалось разделаться. Нет, здесь особый случай (а если б не был особым, то стоило ли бы огород городить).

С листка (с эпиграфом из заключит<ельных> строк «Прозаседавшихся»):

...еще одно заседание
относительно искоренения

всех заседаний.

Увы! Мечта перешла в предание.

По-видимому, способ

Предложен не тот,

Поскольку означенное (желаемое)

заседание

С тех пор и донныне

без перерыва идет⁸².

21.IX.62

Вчерашний звонок Поликарпова:

— Изготовить 20 (не более и не менее) экземпляров этого твоего «Ивана, как его, Парфеныча»?

— Денисыча.

— Ну, Денисыча. Не более и не менее.

— А ты в курсе насчет...

— В курсе.

Позвонил Лебедеву: я, мол, не для проверки, но так как помню ваши слова, что не набирать до поры...

Да, это есть такое предложение. У нас часто говорят о культе, о единоличности решений, — ну вот, чтобы не было таких разговоров.

— А не значит ли это, что дело худо?

— Нет. Я думаю, не значит. Это, так сказать, предметный урок того, что культура у нас не может быть.

Бросился выполнять. Вызвал Алексея Иваныча [Кондратовича]⁸³, засадили корректоров за вычитку рукописи. Т.к. они читали разные куски с разных страниц, в отрыве от целого, то сперва ничего и не поняли — трудная рукопись и все. Потом-то разобрались: «Неужели это будет печататься?» и т.п.

К концу дня подошла С.Г. Караганова⁸⁴:

— Александр Трифонович, это что-то такое тревожное — эти верстки.

Зачем-то сказал ей, что Никита Сергеевич за нас.

— Это-то хорошо, но ведь там люди разные. — Вижу — все всё знают, но уже мысленно махнул рукой на это.

Вечером позвонил Лебедев, обрадовав меня уже одним вопросом: когда?

— К часу дня завтра.

— Вот хорошо бы под выходной. — Это я и имел в виду, поднимая Грачева⁸⁵ таинственными недоговорками («есть задание» и т.д.).

— Значит, Вл<адимир> Сем<енович>, вы не считаете, что (дело так уж плохо)...

— Нет, зачем же, все должно быть (будет) хорошо, ведь *мнение-то есть*... — Вижу, хочет он мне что-то сказать, и не может, и только хочет, чтобы я понял. Понять можно было так, что это для проформы. А днем приходили уже и такие мысли нам с Дем<ентье>вым и Кондратовичем (мне), что, кажется, попали мы в некое *дефиле*.

Между... Впрочем, может быть, отчасти оно и так, во всяком случае Л<ебеде>в обронил: «Поскольку могут быть (есть) и такие мнения, как у Дм. Алексеевича [Поликарпова]». Ах, Дм. Алексеевич, Дм. Алексеевич!

В 11 веч<ера> гранки были сданы корректурой в типографию. Сегодня с 8 утра — верстка, на всякий случай я заказал не 20, а 25, хотя знаю, что Поликарпов может устроить мне по этому поводу сцену. Заготовил ему пример, как крымское рыб<ное> управление издало приказ о том, чтобы рыбаки не ели рыбы, не варили ухи во время лова, и что из этого вышло.

23.IX.62

Вчера днем Казакевич скончался. Узнал об этом, воротившись от Поликарпова, куда возил «экземпляры». А перед этим — у гроба Погодина⁸⁶ с большим напряжением выстоял положенные пять минут: чувствую, что при полной неподвижности меня явно «ведет» — вот-вот брякнусь, — потихоньку шевелил пальцами рук, отводил глаза от лица покойника (стоял в ногах), смене обрадовался, как спасению. К этому вдобавок объяснение с Поликарповым. Люди вычитывали, набирали, верстали вчера до 11 вечера, сегодня с 8 утра, дело к концу, а он: можно в понедельник утром. Нет уж, милейший Дм. Ал-ч, упускать выходной день, когда вещь только и может быть прочитана членами, — это не модель. Привезу к часу, сказал ему, и на эту же тему позвонил Лебедеву. — Оказалось, что 20 экзем<пляров> мало, пришлось вызывать Кондратовича еще с тремя. — Поговорил в общих тонах с Некрасовым о его «Италии» (2-й) и «Америке»⁸⁷. С Верейским⁸⁸ поехали к нам обедать, он смотрел малюнки Оли (одобрил ее, хотя скупое, разумно). За обедом выпил немножко и, проводив Ореста, лег отдохнуть, чтобы потом дозваниваться до Алигер и вдовы — они днем были еще в больнице. И проспал под пледиком до 11. День вообще был пере-

насыщен. Вернулся Мих<аил> Федорович⁸⁹ с докладом. От Починка до Загорья он добирался по бездорожью 10 часов (15 км). Но клуб, оказывается, нешуточный — паровое отопление, котельная, где и ночевал мой посланец. Радио, телевизор. Библиотекари из района тотчас расставили книги на полках, — все хорошо. М. Фед-чу даже местность понравилась, озеро и проч. Швейцария, говорит. Ждут меня. Это было приятно, как было приятно позвонить Яшину, поздравить его с отличным очерком «Вологодская свадьба»⁹⁰, но все это накладывалось и не соединялось с напряжением гаданий и предположений относительно «экземпляров» и со свалившейся, хотя ижданной, вестью о кончине Казакевича. Хочу попытаться написать о нем что-нибудь — это просто долг и обязанность. Мне его очень недостает и будет недоставать даже для того, чтобы поделиться нынешними мыслями о нем самом и многом другом. —

С Н.Погодиным я вовсе не был ни дружен, ни близок, не выпил с ним ни рюмки водки, хотя однажды, в горький час, очутился у него на даче, где он меня «поправлял» специально для того организованной поллитровкой, сам тогда непьющий. Но несколько моментов (в том числе этот), связанных с ним, памятны мне.

1. Редколлегия «Литгазеты» в день выхода статейки Ермилова «Фальшивая проза» (большей подлости, чем эта, выраженная в одном этом заглавии, трудно представить!⁹¹). Все молча понуро уставились — кто в газету, кто в стакан с чаем. Один этот мрачный беспартийный человек, сбывшись, как обычно, на другом конце стола, напротив Ермилова, занимавшего верхний конец, заговорил. Заговорил о том, что ему непонятно, может быть, он дурак, но непонятно, как вдруг появляется такая статейка о члене редколлегии, которую ни один из членов этой редколлегии не читал в рукописи. Ермилов: это было поздно ночью, номер уже был готов, когда я узнал, что в «Культуре и жизни»⁹² идет материал об этой работе Тв<ардовско>го, — мы должны были предупредить «К<ультуру> и ж<изнь>» и т.п. Кстати, оказалось, что в «Культуре и жизни» не было такого материала...

Еще, помнится, Погодин выступил со статейкой, кажется, в «Театре» о юморе и «Тёркине». И еще — встретились на Лен<инском> ком<ите>те, и он вдруг, трезвый, здороваясь, поцеловал меня.

Соображения и прогнозы Дм. Ал-ча [Поликарпова]:

— Я ничего в подробностях не знаю, но думаю, что если бы нужно было отсоветовать печатать эту вещь Солженицына,

то Н.С.[Хрущев] сделал бы это без Президиума, передал бы: пусть Тв<ардовс>кий потерпит. Но так как за этой вещью предполагаются косяки подобных (ничего ты, дядя Дима, не понимаешь, это — художественное произведение, такие косяками не появляются)... Ты совершенно правильно поступил, обратившись с письмом к Н.С. за советом. — И на том спасибо.

— Цветаеву, если ты будешь настаивать, тебе разрешат, но мой тебе добрый совет (просительно) — не настаивай. Разрешить — разрешат, но осадок (!) останется...⁹³

Я сказал, что подумаю, во всяком случае не буду «настаивать», не уведомив его.

25.IX

В «Правде» не пошло (много, некролог да еще это — «мы не можем»), в «ЛГ» было уже, по-видимому, поздно. Придется подправить для «НМ». М.б., и написал не весьма⁹⁴.

Буду открывать траурный митинг. Как не хочется сказать что-нибудь, за что перед ним было бы неловко.

Примерно.

Товарищи!

Мы провожаем в последний путь нашего дорогого друга и товарища, выдающегося русского советского писателя Эммануила Генриховича Казакевича.

Нет нужды преуменьшать эту тяжелую утрату. Но эту утрату вместе с родными и близкими Эммануила Генриховича, вместе с нами, его друзьями, собратьями по перу, со всеми, знавшими его в лицо при жизни, разделяют многие миллионы его читателей.

Они не знали в лицо Эм<мануила> Ген<рихови>ча, не видели его во всем обаянии его живого человеческого облика. Но разве не встает личность автора со страниц его классической «Звезды», этой поэмы о бессмертном подвиге народа в его борьбе за свободу и независимость, — разве не встает эта личность во всей полноте ума, мужественности и человечности.

Мы лишены встречи с ним, лишены возможности услышать его живой голос, увидеть его глаза, но вместе с нами миллионы советских и зарубежных читателей его книг лишены того заинтересованного ожидания, какое читатели обращают к избранным из нас, к тем, чье слово особенно дорого и нужно.

Вместе с ними, близкими и далекими друзьями родной литературы, мы обращаем к одному из талантливейших и благородных литераторов наше прощальное слово.

По поручению Правления Союза писателей СССР, правления Союза писателей РСФСР и Московской организации митинг, посвященный памяти Эм<мануила> Ген<рихови>ча Казакевича, объявляю открытым.

Слово предоставляется...

(список)

Митинг окончен...

26.IX

Проводили. Наверно, только смерть и проводы Фадеева были для меня таким приближением, примеркой всего этого, перенесением на себя. М.Алигер заметила об ораторах: никак не видно, чтобы они допускали все это в отношении себя. Такой защищенностью моя природа не обладает. И все, все это я видел еще и его глазами — зоркими, умными и озорными. Я надеюсь, что в моих словах у гроба не было ни одного, которое бы покорило его слух. — Я не оговорился, сказав «выдающегося русского советского писателя», — я просто решил так утвердительно сказать. Вдруг уже на кладбище Анатолий Рыбаков говорит, что Казакевич, которого он навещал где-то до последней больницы, рассказал, что ему было «некое видение». Сидят (в кабинете Воронкова) Воронков с Твардовским и редактируют мой некролог. — «Выдающийся» не пройдет, — говорит Воронков. А я (т.е. Казакевич) сижу в приемной и слышу это, когда секретарша приоткрыла дверь в кабинет с какой-нибудь бумагой, но они не знают, что я здесь сижу⁹⁵.

Лицо его вроде бы лишилось того особого неестественного цвета (лимонно-фиолетового), что было в болезни, — обыкновенное покойницкое лицо — желтое, бледно-серое. Лысина обозначена (волосенки, прикрывавшие темя, совсем не видны) и откатилась к самой почти макушке. Лоб точно сузился. Нос стал выше горбинкой — совсем, как на дверце старинных [нрзб.]. Губы — с едва уловимой их прежней мягкостью — чуть-чуть открыты как бы в улыбке, но зубы, обозначившиеся меж ними, — не улыбочатые, оскально-жуткие.

Пиджак на нем — как с чужого плеча, как будто сложен и застегнут и не на того надет, а на несоразмерный манекен. Руки особенно не свои, сложенные на груди чужими руками, — какие-то неловкие, точно набитые чем-то перчатки, а не руки.

Жена у гроба — то плачущая через силу уже, то подолгу покорно и отрешенно кивающая головой над ним.

Толстоносенькие лица дочерей — не скажу, две или все три были.

На кладбище Маша передала мне цветы, чтобы я их ки-нул «прямо в могилу», так и сделал вслед за горсточкой чер-ной песчаной земли. Рядом с его могилой уже была готова такая же с досчатой «опалубкой», предохраняющей от обру-шения земли, окопанной у самых краев ямы, — все продума-но. Ребята, управлявшиеся с гробом, на вопрос Бека будто бы ответили без всякого юмора⁹⁶.

— Другой клиент... — А на «митинговом» столе уже стоял другой гроб, и на трибуне был человек с интеллигент-ной бородой и стрижкой «под чашку». Это хоронили архи-тектора Заславского⁹⁷ — вскоре он и приплыл навстречу нам, уходившим уже от могилы, белый, крупнолицый и носатый — красивый. Хватит.

В.С.Лебедев попросил по телефону (на похоронах он был с Черноуцаном) экземпляр в дорогу и прислал за ним офицера-фельдъегеря, который точно в подъезде стоял — так сразу явился. Леб<едев> сказал почему-то, что он, м.б., по-звонит и оттуда (из Туркмении, кажется). И еще сказал, что-бы я не ехал в Америку до встречи с Н.С.[Хрущевым]: «ведь он мне официально сказал, и я вас известил, что он примет вас». Это меня устраивает.

Неприятности с Паустовским этим, которого черт нас дернул просить написать о Казакевиче для «НМ». Неприят-ны в этой статейке мелкоостротные штучки, «независи-мость», «самый живой из всех живых», «все правительство» и «Август» Пастернака в чтении Казакевича⁹⁸. Копийку при-слал для прочтения у гроба. Мы, т.е. Воронков, я и др., вернее же сказать, я, несмотря на настойчивость Данина, даже, м.б., раздраженный этой настойчивостью, отклонил это дело. Будет, возможно, демарш в отношении «НМ», но бог с ними. Вообще эти люди, все эти Данины, Анны Самойловны⁹⁹ и [нрзб.] вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там — в Пастернаке, Гроссмане (с которым опять волянка по поводу заглавия очерка) и т.п. — Этого не следует забывать. —

Я сам люблю обличать и вольнодумствовать, но, изви-ните, отдельно, а не в унисон с этими людьми. —

19.X.62. М<осква>

Главное за этот период, кроме дважды возникавших «вспышек», — ожидание, ожидание, ожидание.

Последние дни оно усилено еще и тем, что уже не только Н.С.[Хрущев], но и Президиум принял решение об опубликовании «Ивана Денисовича». Вопрос об этом обсуждался в ряду с примерами «сопротивления аппарата решениям XXII съезда» («нельзя делать вид, что ничего не случилось») в связи с некоторыми письмами (Евтушенко) и случаями вроде «прохождения» «Синей тетради» покойного.

И совсем новое: вопрос о «Тёркине на том свете». Будто бы даже такие слова: «Мы тогда критиковали Тв<ардовско>го, в том числе и я, а надо было печатать». — «Он работал над этой вещью». — «Тем более».

С понедельника, когда я (еще несвежий) был у Л<ебеде>ва, только это занимает меня всего. За это время успел только сделать кое-что по редакции (Эренбург — вчера — попытка)¹⁰⁰ и кое-что прочесть.

С сегодняшнего утра (сегодня или завтра он примет меня) особо напряженное ожидание.

К беседе:

1. «Ив<ан> Денисович» и вопросы цензуры.

2. Америка и мое желание закончить сперва «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» (я бы этим занимался, и не будь этой ошеломительной новости) и семейные обстоятельства («мать не уедет в такое время от дочери»)¹⁰¹.

Пожалуй, трудно представить в моей жизни более напряженное сближение таких мощных воздействий на нервы двух сторон — подавленности сознанием своей «слабости» и сознания такого значительного успеха, победы в полном смысле, требующей, однако, сил и выдержки. —

И еще одна гача (Исаевых в Пахре).

21.X.62. Москва

Вчера, наконец, состоялась встреча с Н.С.[Хрущевым], встреча, которая последние 1—1½ м<еся>ца составляла в перспективе главную мою заботу, напряжение, а последние дни просто-таки мучительное нетерпение. И если не вчера, то лишь, м.б., накануне, мне пришла простая догадка о том, что Н.С. знать не знает о том, что я знаю о его намерении встретиться со мной. Поэтому-то никакими обязательствами обещания, назначенности дня — как если бы я сам просил о приеме или он уведомил меня о своем желании видеть меня — ничего этого у него не могло быть. И я не мог даже посетовать на него, — так уж все это сложилось. В четверг

мне Лебедев сказал, что «либо завтра (т.е. в пятницу), либо послезавтра (в субботу)». Пятница прошла — ни звука. Утром вчера Лебедев посоветовал окончательно: «Позвоните». — Поехать на вертушку? — «Зачем, по городскому». — Соединят ли? — «Я там договорился с т. Серегиним».

Звоню: «Товарищ Серегин?» — «Да, товарищ Серегин», — отвечает тов. Серегин. — Нельзя ли просить... — Нет, по этому телефону он не может. Я доложу и позвоню вам. —

Не менее чем через час: «Приезжайте к нам». — Ждал в приемной недолго — минут все же 15. Из кабинета напротив хрущевской двери вышел человек, поздоровался: «попьете чайку». Встал навстречу, приветливо поздоровался, несколько слов насчет здоровья, возраста, Роберта Фроста.

— Не знаю, первый поэт Америки — не показался он мне. Может, он был когда-то (таковым).

— Ну, так вот насчет «Иван Денисовича» (это в его устах было и имя героя, и как бы имя автора — в ходе речи). Я начал читать, признаюсь, с некоторым предубеждением и прочел не сразу, поначалу как-то не особенно забирало. Правда, я вообще лишен возможности читать запоем. А потом пошло и пошло. Вторую половину мы уж вместе с Микояном читали. Да, материал необычный, но, я скажу, и стиль, и язык необычный — не вдруг пошло. Что ж, я считаю, вещь сильная, очень. И она не вызывает, несмотря на такой материал, чувства тяжелого, хотя там много горечи. Я считаю, эта вещь жизнеутверждающая (это слово было в моем рукописном предисловии, в отпечатанном (20 экз.) уже не было — меня уговорили Дем<ентьев> и др. опустить это слово, хотя я, право же, не считал его вынужденным, но, верно, оно и банальное, и в сочетании с «материалом» звучит несколько фальшиво). Вещь жизнеутверждающая. И написана, я считаю, с партийных позиций.

— Надо сказать, не все и не сразу так приняли вещь. Я тут дал ее почитать членам Президиума. Ну, как, говорю на заседании (в пятницу, 12.X?). Ну, не сразу.

— Как же, если мы говорим на XXII съезде то, чему люди должны были поверить, — поверили, как же мы им самим не будем давать говорить то же самое, хотя по-своему, другими словами? Подумайте. На следующем Президиуме мнения сошлись на том, что вещь нужно публиковать. Правда, некоторые говорили, что напечатать можно, но желательно было бы смягчить обрисовку лагерной администрации, чтобы не очернять работников НКВД. — Вы что же, — говорю, — думаете, что там не было этого (жестокостей и т.п.)? Было, и люди такие подбирались, и весь порядок (беззакония) к тому вел. Это — не дом отдыха.

Начиная отсюда, как и в других случаях беседы, он обращается к своей неизменной теме — злодеяния и т.п. сталинской поры. Это, м.б., запишу отдельно, а здесь только отдельные общие мысли.

— У нас работает специальная комиссия, уже есть вот таких три тома, где все документально и подробно изложено про этот период. Этого публиковать сейчас нельзя, но пусть все будет сохранено для тех, кто придет нам на смену. Пусть знают, как все было. Мы вообще не судьи сами себе, особенно люди, стоящие у власти. Только после нас люди будут судить о нас: какое наследие мы получили, как себя вели (при Сталине и после него), как преодолевали последствия того периода.

— Мне многие пишут, что аппарат у нас сталинский, все сталинисты по инерции, что надо бы этот аппарат (перешерстить?). Я говорю, да, в аппарате у нас сталинисты, и мы все сталинисты, и те, что пишут, — сталинисты, м.б., в наибольшей степени. Потому что разгоном всех и вся вопрос тут не решается. Мы все отсюда и несем на себе груз прошлого, но дело в преодолении навыков работы, навыков самого мышления, в уяснении себе сути (исторической), а не в том, чтобы разогнать (или пересажать).

— Я обратился к Вам, Н<икита> С<ергеевич>, с этой рукописью потому, что, говоря откровенно, мой редакторский опыт с непреложностью говорил мне, что если я не обращусь к вам, эту талантливую вещь зарежут.

— Зарежут, — с готовностью подтвердил он. — Я напомнил ему, что заключительные главы «Далей» были запрещены. («Кто это мог, как это могло случиться?» — повторил он те свои слова, которые я слышал от Лебедева.)

Отсюда я — к вопросу (второму в моем плане-памятке, затверженной перед этой беседой) о цензуре. Все по схеме, выработанной мной в многократных дружеских изъяснениях в своем кругу, т.е.:

— «Современник» Некрасова и правительство Николая I или Александра II — два разных, враждебных друг другу лагеря. Там цензура — дело естественное и само собой разумеющееся. А, например, «Новый мир» и советское прав<ительств>во — это один лагерь. Я, редактор, назначен ЦК. Зачем же надо мной еще редактор-цензор, которого заведомо ЦК никогда не назначил бы редактором журнала — по его некомпетентности, а он вправе, этот редактор над редактором, изъять любую статью, потребовать таких-то купюр и т.п.

И, главное, хотя функции этих органов (Главлита) ограничены обеспечением соблюдения гос<ударственной> и во-

енной тайны, они решительно вмешиваются в область собственно литературную («почему такой грустный пейзаж» и т.п.) и часто берут на себя как бы осуществление литературной политики партии, опираясь, например, на постановление ЦК о «Звезде» и «Лен<ингра>де» («Зощенко»)¹⁰², которое, в сущности, уже изжито, снято самим ЦК, который давно уже не только разрешил издавать Зощенко и Ахматову, но всем духом и стилем руководства лит<ерату>рой отошел от этого постановления («диктат»).

— Я с вами совершенно согласен.

И опять отвлекся в сторону разных характеристик периода культа личности...

— Вот мне прислал письмо и свои запрещенные к печати стихи этот, как его? — Евтушенко? — Евтушенко. Я прочел: ничего там нет против советской власти или против партии. Ну что такого, если он говорит об Энвере Ходжа... (цит.)¹⁰³

...Энвер Ходжа не понимает, но я-то понимаю, почему он не понимает. Он пересажал всех вокруг себя — ему трудно понять, что сталинские времена миновали.

И опять о прошлом, о том, как он, Н.С., будучи уже членом Политбюро, никогда, кажется, не был и на заседаниях П<олит>б<юро>.

— Но тогда я был не в претензии, тогда это казалось в порядке вещей, так и надо, раз такой порядок, что уже ни Политбюро, ни ЦК — один Сталин... Это уж потом я осознал всю противоестественность этих форм руководства партией. Я помню, когда еще на заседаниях (в «полукруглом зале») было помногу людей, были протоколы, доступные и мне как члену ЦК.

...Ну, вот я вам и еще порассказал, — заключил он, улыбнувшись как-то грустно и чуть ли не застенчиво. (Как в прошлые встречи: «Не довольно ли будет с поэта всякого такого (кровавого)?..»)

Насчет Америки.

— Я хотел бы, Н.С., более всего закончить одну мою работу давнюю, вы ее, м.б., немного помните...

— А-а! Конечно, помню.

— Она тогда страдала рядом несовершенств.

— Нет, она и тогда была очень талантлива... Только там были отдельные места, которые, хотя вы, м.б., этого не хотели, могли быть восприняты, поняты совсем не так.

— ?

— ...польщен!

— Ах, боже мой, там и места этого давно нет, да и не имел я в виду того смысла ни сном, ни духом... Однако я прямо скажу, что моя доработка вещи не идет по линии сглаживания ее остроты, наоборот, она, м.б., будет еще острее.

— Конечно, конечно.

На просьбу отложить мою поездку в Америку до весны отозвался так, точно ему это даже понравилось:

— Нет, вам сейчас ехать не нужно. У нас сейчас с ними отношения вот такие (показал руками — трение или бодание), потом это пройдет. Не то чтобы вас там сейчас плохо приняли, нет, но будет вам не так интересно и приятно, как должно быть.

— Спасибо. И еще одна, последняя просьба. Когда я поставлю точку, разрешите показать вам «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>». В новом варианте.

— Буду рад прочесть. — И на прощанье:

— Будьте только здоровы (нет, не эти слова), а все остальное — слава и т.п. у вас есть и будет (как-то так, в этом роде)¹⁰⁴.

[Вклейка]

В РОДНОМ СЕЛЕ ПОЭТА

В «Рабочем пути» уже сообщалось о том, что наш земляк поэт Александр Трифонович Твардовский передал Ленинскую премию, полученную им за поэму «За далью — даль», совхозу «Панской» Починковского района на строительство клуба в деревне Сельцо.

Прошло некоторое время, и в родном селе поэта выросло красивое каменное здание. В клубе к услугам сельских тружеников просторный зрительный зал со сценой, киноаппаратная, библиотека с читальным залом, фойе.

В минувшее воскресенье в Сельце было необычно многолюдно. Здесь состоялось открытие клуба, вылившееся в настоящий праздник хлеборобов. В зале собрались рабочие и служащие совхоза «Панской» и соседних хозяйств, представители партийных, советских и общественных организаций района и области.

Секретарь Починковского райкома КПСС М.А.Фочкин, заведующая отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Т.Н.Яровая и председатель Починковского райисполкома И.М.Цюпка тепло поздравили сельских тружеников с праздником.

— Коллектив совхоза, — заявил директор И.М.Гвоздев, — горячо благодарит родную Коммунистическую партию и Советское правительство, а также своего земляка, поэта Александра Трифоновича Твардовского за заботу о хлебопашцах, о всех тружениках земли. В ответ на эту заботу мы будем работать еще лучше, чтобы своим трудом внести достойный вклад в строительство коммунизма.

Под аплодисменты присутствующих председатель райисполкома тов. Цюпка торжественно вручил ключи от клуба заведующей Марии Павловне Петроченковой.

После торжественной части на сцену вышли участники художественной самодеятельности районного Дома культуры. Начался концерт.

Допоздна в новом клубе играла музыка, танцевала молодежь.

В.Зайцев,

внештатный корреспондент «Рабочего пути».

«Рабочий путь», г. Смоленск, 19 окт.<ября> 1962.

17.XI.62. М<осква>

Почти круглый месяц с того дня, как вышел из кабинета Н.С.[Хрущева], вышел — и пошел. Нет, нельзя сказать, чтобы все дни были неразумны, заставляли мучиться стыдом за себя, за несдержанность в радости, за болтовню и пр., но были и такие именно.

Самое же главное в этих днях чувство, сперва даже не осваиваемое мыслью, что вместе с добром поперло вдруг такое, против чего душа бессильна быть спокойной и твердой. Нет, нужно помнить, что ничто в чистом виде не приходит — говно обязательно поплывет поверх потока, и как будто поток только для того и родился, чтобы нести на себе его.

(«Самородок» Аджубея и пр., и т.п.¹⁰⁵)

Третьего дня был у меня Солженицын. Опять — молодец, умен и чист, полон энергии, которой, впрочем, его бы не лишила и «катастрофа» с «Денисычем». Был только чуть более возбужден, говорлив, но все равно умен и хорош. Подержал в руках сигнал одиннадцатого, чуть было я его не дал ему (только что, к концу дня, полученный), но потом воспользовался его словами: «м.б., вам самим он нужен» — и удержался. Вчера ему был уже послан экземпляр.

Оставил рассказ (на этот раз я озаботился, чтобы рукопись не пошла по редакции до меня) «Случай на станции Кречетовка»¹⁰⁶. Опять хорошо, опять умно и сердечно, только

чуть посырее в языке и чуть-чуть тороплива концовка. Вызвал его телеграммой к телефону. Почитать дал только Дементьеву для доп<олнительной> проверки — раз уж тот говорит — хорошо, можно, то уж мне нечего осторожничать.

Неприятности по редакции при сознании своей обычной вины — набрасываюсь на журнал рывками, порывами, даже успеваю делать и самое главное, и даже всякую мелочь переписки.

Вдруг — рукопись (довольно противная) «Это было» Троицкого-Вайсберга (37-й, исключение из партии, высылка во Фрунзе — всего лишь!¹⁰⁷). Запрос Черноуцана (на имя Дементя). Оказывается, лежала в редакции с 4.1.62 «без мотивированного ответа», вернее, с лукавым письмишком Анны Самойловны, ошибочной рец<ензией> Саца и, наконец, возвращенная автору «по его просьбе».

Пришлось самому читать, формулировать решение редколлегии, и на душе обидно и гадко.

Второе. 11-я книжка вышла без собственного проспекта на 63 г. Вчера у Закса, где собрались по случаю № 11, начал говорить про это, раскудахтался, вижу: кто отмалчивается, кто отшучивается — хватил выше, впервые пригрозил: погодите, так вашу, уйду, поживете под каким-нибудь Кочетовым...

Нету у меня в редакции человека, для которого ж<урна>л был бы главной заботой, интересом его жизни, которого бы снабжал и советами, и помощью, и всей моей редакторской работой, но которому не я бы напоминал, не я бы писал деловые бумаги и т.п. (тот же проспект!), а наоборот бы!

«Тёркин» лежит в ожидании «запаса покоя». Тревожно. Вдруг — именно теперь, когда он «легализован» и уже почти что объявлен (Сатюков: когда же печатаем?..), вдруг теперь-то и заколодит. Много раз я преодолевал эти «кризисы», вновь и вновь являлись силы, и порыв, и упорство, но, боже, как я уже немолод, — уже все меньше шансов на «поток». Все же я отчасти и попугиваю сам себя. Я знаю, что то, что у меня долго валяно, что долго не выходит, не продолжается или не скругляется, — в конце концов получается, вдруг вырвавшись на какую-то свободу, которая долго-долго не давалась, загроможденная чем-то, запертая.

Чего-чего не набулгачил, получив «волю» от Америки. На юг? На юг, но, пожалуйста, звонит Поликарпов, отзывается Стуруа¹⁰⁸. Нет, не выходит на юг: Маше нельзя — Валя

в больнице (боже, забыл записать, что я уже дважды дед — у меня уже и внучка¹⁰⁹) и т.д. Праздники. В «Сосны»? Звонит Черноуцан. «Сосны» как будто уже есть, едет Маша за путевкой — «еще не было комиссии», а тут я «закурил». Закурил, остановился, переболел, уже на сухом берегу вполне (вчера был в ЦК — читал красные тетради, и в редакции). Отписал Стуруа, извиняясь и пр. А теперь думаю, не лучше ли всего в Карачарово с Ив. Сергеевичем [Соколовым-Микитовым] в «дом академика»?¹¹⁰

Этими днями получил первый, кажется, стихотворный отклик на «Тёркина на том свете». (Куда он задевался?) Там есть строфы, почти совпадающие с теми, что есть в неизвестном корр<еспонден>ту нынешнем варианте: «В век космических ракет».

На днях же получено и еще одно продолжение «Тёркин на целине» с приложением «проспекта» по главам будущих частей — вплоть до главы, конечно, «Тёркин-депутат».

На запрос «Лит<ературного> наследства» (Сов<етского> тома) предложил им публикацию «Стихов (избранных) читателей "Тёркина"».

Сейчас не без самодовольства (так ли часто оно) сравнил в этом отношении судьбу «Тёркина» с судьбой «Онегина» и «Кому на Руси» — других таких случаев в русской лит<ерату>ре нет!¹¹¹

18.XI.62

К сегодняшнему приезду Солженицына перечитал с пяти утра его «Праведницу»¹¹². Боже мой, писатель. Никаких шуток. Писатель, единственно озабоченный выражением того, что у него лежит «на базе» ума и сердца. Ни тени стремления «попасть в яблочко», потрафить, облегчить задачу редактора или критика, — как хочешь, так и выворачивайся, а я со своего не сойду. Разве что только дальше могу пойти.

Прошлый раз он говорил:

— Как я рад, что в вас не ошибся.

Но разве дело в том, что он во мне не ошибся, дело в том, что я в нем и в себе не ошибся.

— А я знал, что Хрущеву понравится. Знаете, он все-таки изо всех них — один. Человек. Так я и знал, что это должно понравиться вам и ему. На две эти точки опирался — на вас и на него.

— Ну, я и он — это «точки» на слишком разной высоте.

— Для меня на одинаковой, примерно. И я знал, что без вас это до него не дойдет...

— Знаете, у меня, оказывается, с ним общий знакомый. Нигде, как в тюрьме, не выясняется так, что мир, действительно, тесен. Любой человек войдет в камеру новый, и по прошествии времени, по сближении с ним, у вас окажется общий с ним знакомый. Так вот, со мной сидел шофер Хрущева. Московский. Тот звал его с собой в Киев (в 37?), а он не поехал: Москва, семья, квартира. А тут его и взяли вскоре. «Я, похвалялся, не только Хрущева возил, я всех вождей, как облупленных, знаю. Но скажу: есть вожди, а есть Хрущев. Он никогда меня на кухне не кормил — разве что чины у него какие-нибудь были за столом, а то всегда вместе, — завтрак — завтрак, обед — обед, садись» (по-чапаевски: обедаю — обедай со мной, чай пью — чай пей). А знаете, чтобы так, добрым словом начальника (даже «вождя») добром помянуть — это не бывает.

Перечислил мне по пальцам, что и в каком порядке будет давать мне («Я не хочу терять благоприятный срок, знаю, что он может и прерваться»).

— Значит, Матрена у вас, теперь этот («Случай на станции») рассказ. Сейчас перебеваю пьесу¹¹³, — это комедия из жизни заключенных. Странно? А — так...

— Потом — стихи. Вы мне сказали при первой встрече, что говорили бы о моих стихах, если бы не знали прозы, «Ивана Денисыча». Но я хочу вам подобрать цикл, что захотите — возьмете, не захотите — ладно¹¹⁴. Но для меня они дороги. Ужасно, что Некрасов пишет целую повесть про стерву, которая... Не с таких начинать...¹¹⁵

— Эту поэму (о Сталине, с которым у него «особые счета»¹¹⁶) я вынес в голове из тюрьмы, где за клочок бумаги или огрызок карандаша полагался «кондей», а обыскивали по два, по три раза в день...

— Потом — мечта моя, моя «главная книга» — роман о годах 1917—1930. Не все понимают, что 37 г. — это лишь бледное зарево тридцатого. —

Вчера в «Известиях» К.Симонов — прилично, но он обцитывает мое предисловье без кавычек (как директивный материал)¹¹⁷.

В «Правде» — ничего, а ждали Ермилова¹¹⁸, который должен был под одним заголовком рассмотреть два выдающихся произведения: «Денисыча» и какую-то дрянь В. Кожевникова — не читал. Это было бы особенно противно, но и это нипочем, «грубая работа», как говорил вчера М.Лифшиц¹¹⁹.

19.XI.62. Утро. Иду на пленум.

Вчера — Солженицын. Часа четыре, гл<авным> обр<азом> по «Кречетовке». Труден кое в чем до колотья в печени. («Ста-лин-град?»¹²⁰) Но молодец. Однако чем-то взвинченно озабочен, тороплив, рвется бежать, хотя, говорю, вот сейчас, через 3 м<инуты>, машина. Охвачен пьесой, предложил половину для прочтения. Вернувшись от М.Лифшица, читаю, боже мой, едва увидел перечень действ<ующих> лиц (чел<овек> 100) и приложенный («к программе спектакля») словарик лагерного языка, вижу дело фуево. Прочел — и точно¹²¹. Это то, что он сам себе запретил «Иваном Денисычем» делать (дополнять подробностями и деталями, очерком быта и нравов — образ, родившийся, выбившийся из всего этого). Вот оно, то самое, чего нужно было бояться, — он рванулся к «пьесе», написанной им 10 лет назад, рванулся сейчас, когда воспринял успех: это что, я еще не то знаю, еще что чего могу рассказать. Выходит, можно сохранить спокойствие внешнее, незаинтересованность рецензиями и пр., а между тем... — Очень похоже, как я после «Муравии» начал писать пьесу, желая досказать, досказать...

20.XI

Первый день пленума — доклад Н.С.[Хрущева]. Как всегда, длинновато, необязательно для пленума ЦК по техн<ическим> подробностям и т.п., как всегда, главный интерес не в «тексте», а в том, когда он отрывается, «т<ак> ск<азать>, от текста».

Кого я ни спрашивал, так никто и не мог мне сказать, как оно будет все в смысле территориальном, при двойственности «бюро» и исполкомов советов, обкомов и бюро национ<альных> партий¹²². Но главное было не в этой «перестановке стульев», столь привычной нам и уже всякий раз и наперед — предполагаемой при всякой нынешней. Но слова «бюрократизм», «бюрократ» и синонимы их особенно зачастили и в «тексте», и, особенно, в отступлениях от него, вплоть до:

«То, что у нас произошло в Новочеркасске, — результат бюрократического отношения к насущным нуждам трудящихся» (расценки). Это вообще впервые из уст правительства и партии о таких «происшествиях» у нас¹²³.

И далее:

«Сталин, совсем сойдя с ума, строил аппарат (партийный и правительственный) с расчетом, чтобы он стоял над рабочим классом, над народом. Он не доверял народу и боялся его»¹²⁴.

После приведения ленинской записки о «партии, стоящей у власти, защищающей своих мерзавцев»¹²⁵ — об аресте (или привлечении к суду) за последнее время 12 тыс., в т.ч. 4 тыс. партработников, за грязные дела, гл<авным> образом взятки (в том числе работниками прокуратуры и суда)¹²⁶. (Тёркин (не помню, по какому поводу): — Ах, и здесь... (берут) и об отмене пост<ановления> ЦК от 38 г. о порядке ареста и привл<ечении> к суду членов партии (санкция райкома и т.д.).

Как обычно, хорош был огонь по частностям бюрократического идиотизма в пром<ышленно>сти («шины и машины», «фиат» и «запорожец» и т.п.¹²⁷).

После вечернего заседания вышел из зала — ух ты: почти у всех в руках вместе с красной обложкой только что розданного доклада — синяя «НМ», № 11 (подвезли, кажется, 2000). Спустился вниз, где всякая культторговля, — очереди (несколько) к стопкам «НМ». И это не та покупка, когда высматривают, выбирают, а когда давай, давай — останется ли...

Вечером поделился с Заксом, а он говорит, что весь день в редакции бог весть что — звонки, паломничество. В киосках — списки на 11 №, а его еще там и нет, — сегодня, должно быть, будет.

Нужно же мне, чтобы я, кроме привычных и изнурительных самобичеваний, мог быть немного доволен собой, доведением дела до конца, преодолением всего того, что всем без исключения вокруг меня представлялось просто невероятным. —

22.XI.62

На пленуме все, как обычно, — громкое чтение «текстов» без поднятия глаз на слушателей, за исключением, м.б., вчерашнего свинаря¹²⁸, которого я назвал первым после Н.С.[Хрущева] оратором, поскольку он позволял себе хоть кое-какие отвлечения от «текста» и даже начал речь словами «от себя»: «оратор я неважный».

От 12 до 2 — наиболее тяжкий отрезок времени: просматривал новое, дополненное издание «Истории КПСС». Убожество новой лжи взамен старой лжи, обладавшей, по крайней мере, большей самоуверенностью и безоговорочностью. Культ личности, оказывается, «не мог поколебать ленинских идеологических и организац<ионных> форм»¹²⁹, а между тем ниже речь идет о «восстановлении ленинских норм». Все, что в истории советского периода неразрывно связано с именем Сталина и явилось успехами социализма, — все это делала «Партия», вопреки воле Сталина и т.д.,

и т.п. Жалкое впечатление: поручили мелкому чиновнику «исправить» известный «краткий курс», он и делает это, стремясь не упустить ни одного из «указаний» и «разъяснений», но без всякой заботы относительно убедительности целого. Горе! — Солженицына (не то 2000, не то 1700 экз.) не хватило на пленуме.

26.XI. Утро

Заключительное слово Н.С.[Хрущева] с очень знаменательным приведением лит<ературных> примеров — Евтушенко (увы!) и «Ивана Денисыча» (значительно шире и основательней — в смысле «непонимания»¹³⁰).

«Триумфальное шествие Солженицына».

Козлов Ф.Р. в коридоре¹³¹:

— Здравствуйте, т. Твардовский.

— Здравствуйте, т. Козлов.

— Ну, как жизнь?

— Ничего. На советскую власть жалоб нет.

— Да? — совершенно серьезно. — А по партийной?..

— По партийной, если они (жалобы) есть, то всегда есть возможность их изложить.

— А! Ну, давай, давай.

Он, бедняга, наверно, подумал было, что я «за советскую власть без коммунистов».

Сегодня день оформления отпуска, очень трудного разговора с Солженицыным (по пьесе), разные дела.

27.XI.62

Дочитал пьесу Солженицына (вчера он привез окончание). Мнение — то же самое: не нужно ни печатать, ни ставить. Он молча выслушал, но сказал, что очень любит эту вещь и хочет ее все же показать «специалистам», т.е. режисерам и т.п. Я не возражал было, но думаю, что и читать ее не нужно никому, — боюсь, что «специалисты» бросятся ставить¹³². —

Третьего дня статья в «Кр<асной> звезде», вчера в «Изв<естиях>» сообщение о том, что «Дэйли Мэйл» напечатала «выдержки» из повести Солженицына¹³³.

Сегодня утром телевидение (Гришаев) — просят записать мое чтение предисловия к Сол<женицы>ну. Сказал, что

лучше уж просить Козловского¹³⁴ исполнить это произведение для записи.

Опять скандал с очерком Гроссмана об Армении¹³⁵. Цензура обращает внимание на концовку (арм<янский> и евр<ейский> народы противопоставлены всем остальным). Тот случай, когда нужно идти хлопотать за то, чему не сочувствуешь. Гроссман — бык дурной: снимайте. Точно из-за этих тостов между избранными народами написан весь очерк (местами талантливый, но в целом плохой, яческий и т.п.). — М.б., буду проситься к Ильичеву¹³⁶. Кстати, о постановлении ЦК 46 г. и орфограф<ической> комиссии¹³⁷.

1.XII.62. М<осква>

Музей! Это слово пришло сегодня утром в 6 ч. перед вторым засыпом до 8. Боясь, что засплю его, записал на календаре.

Лучшего не придумать для дробности и пестроты картинок серединной части «того света». («Пламен<ный> оратор» — не годится, нужно, чтобы «по тексту» беседовали в дружеском кругу, не поднимая глаз от текста. — (Хорошо ходить в музей, если сам не экспонат.)

Друг Тёркина предлагает ему заглянуть в щелочку (через стереотрубу) и на буржуазный тот свет: тоже, как в музее, и такие есть мамзели, что...

Т<ёркин>: — женский пол условный. — А почему поглядеть только начальству. — Чтобы не было влияний на наш тот свет. Есть не стойкие покойники. Он покойник, но не стоек против (вражеских идей).

Т<ёркин> не соблазняется подглядыванием: «вот придду в Берлин, наглажусь картин в натуре».

— Ах, так ты же мертвец условный и т.д. «Тревога» и побег Тёркина.

4.XII. Пицунда

Сижу за столом перед балконной дверью (стеклянной), под самым балконом, за небольшими сосенками (большие и старые с других сторон дома, одна сбоку свесила свои старые, унизанные старыми, прошлогодними шишками лапы).

Море! С утра оно было недвижно и гладко, а сейчас уже поталкивает, пошлепывает в отлогий гальковатый берег, набивая белую кромку.

Сегодня серый, но без дождя, а вчера был солнечный день — все, как в нашей ранней осени. После московской

зимней гололедицы и зимней дороги почти до Ростова — это, как если бы оказалось, что мне еще и сорока нет.

Настроение доброе — после прочтения Маше сегодня всего (с коктейбельскими вставками) машинописного «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>». Вещь, в сущности, написана, доделки и доведения внутренние, хоть немаловажные. Нужно только сделать все без спешки, с полной отдачей себя делу. А там будь что будет, дальше тянуть нечего и незачем (?). Сколько же, однако, я добирался до этого стола, покинув коктейбельский. Месяцы эти были заполнены гл<авным> обр<азом> Солженицыным, журналом, Америкой, всякой всячиной. Наконец билеты взяты (уже приказ Воронкова [об отпуске]), последнее предотъездное посещение редакции, обзванивания кого следует, на душе хорошее чувство «отпускника», наконец вагон, дорога, абхазское утро, напоминающее наши раннеосенние утра. Даже с грустной, тонкой хрипотцой молодых петушков (как меня больно трогала эта тонкая их хрипотца в Якутске на печальном дворе «Джурзолота»!¹³⁸), наконец, Сухуми, «оркестра не видать», но нет, спешат из другого конца поезда Чилая Серго и еще один из агитпропа ЦК КП Грузии (Шота) и 2-й секретарь Абх<азского> обкома Гочохая (1-й — Бгажба уже прикоснулся к рюмочке, ожидая нас на поплавке-ресторане Умара (?). — Солнце по-абхазски.

Нет, не вдруг, добраться еще до рабочего места. Выпито-закушено — едем двумя машинами живописной дорогой (сверху и вдали от ж<елезной> д<ороги>, которой только что ехали в Сухуми), в Гагре — райначальство подключается с третьей машиной, — оно тоже хочет выпить-закусить по столь важной причине, как мое прибытие в Абхазию (отмеченное сегодня фотографией с «тостовым» текстом в «Сов<етской> Абх<азии>»), что происходит в столовой около этой виллы, где мы размещены во втором этаже.

Дом новый, самим Мжаванадзе¹³⁹ еще не обжитый, ультрамодернистский, с излившемся светом и всяческих пустот от холла внизу до холла вверху, с роскошной передней, еще не застланной лестницей, с балконами, соляриями (плоская кровля — хоть футбол гоняй) и наружными и внутренними лестничными изгибами. Санузел совмещенный, в ванне и умывальнике «хол. и гор.», но возле стульчака — ведро (не беда!). Спальня от кабинета отделена портьерой почти во всю ширину, т.е. от одного выступа стены до другого. Могло быть и лучше, но не беда, не беда. Надо же, как говорил Т.Манн, иметь какие-то терпимые недостатки рабочего месторасположения, а то и работать нельзя. И то уж: дача первого секретаря ЦК Грузии, соседи — через один пустой участок в этой реликтной (реликтовой?) сосновой роще — Хрущев, дальше — Микоян.

По приморской стороне от шоссе — только, кажется, и дач, что эти, а по ту сторону — невыясненные двухэтажные дачи министерского типа, но и общечеловеческие домишки с оградкой-штакетником разной кривизны (наколот вручную из дуба, а то и из всяких железяк, проволоки и т.п.). Безлюдье, полное отсутствие курортников, много больших свиней явно личного выращивания (это под боком-то у кого!).

— Ум-то у тебя мой? Мой. А что б ты был, если б я тебе своего ума не дал. — Это Трифон Гордеевич, бывало, говорил, как если бы речь шла о передаче по наследству движимого или недвижимого имущества, денег, «секрета» производства и т.п.

Смех при чтении художественного происходит не обязательно от намеченного автором какого-то комического, нарочито смешного момента, ситуации. Смех бывает и просто от восторга перед верностью того единственного слова, которое точно само выросло на этом месте, и пересадить его на другое место так же сложно и даже невозможно без «материнской земли», как дерево или цветок, — от радостного изумления, от счастья, как будто сам нашел это единственное слово, фразу, положение, реплику.

Кочетов не может меня заставить улыбнуться по его воле, не может тем более и растрогать, вызвать слезы, как ни старайся он об этом.

5.XII. Пицунда

Начал монтировать общий план, смыкая вставки (гл<авным> образом о двух тех светах). Идет, набегают новые строчки, образуются связки, переходы. Теперь уж, действительно, задача — подвести все под одну крышу и чтобы середина не провисала. О двух тех светах — это или весьма хорошо, или абсолютно невозможно. Но, как вспомню герценовские слова (откуда?) о том, что если явление, понятие, личность в своем величии не допускает возможности улыбки, шутки по своему поводу, то тут что-то не так. Ничего, нужно только все время на слух выверять — не дешежка ли. Но мне было так приятно все это переписывать, подключая к машинописным страницам, — это надежная примета.

Восстановил отступленьце о дружбе, кот<орое> уже есть в собр<ании> соч<инений> и «Кн<иге> лирики»¹⁴⁰. Пусть будет несколько таких «перепадов» сатирической струи. — Нужно «Лица воинов спокойны». Это будет спасать

от одногосолья. Да и невозможно иначе, нельзя вещь такого объема и такой «условности» литературного происхождения вести на одной ноте, как ни выворачивайся. Не дай бог нагнетания «смешного» ради смеха; это неизбежно вывело бы вещь на мелководье.

Я тебе о перестройке,
Ты о койке о своей.

Прошу учесть:
Кроме службы пограничной,
Служба внутренняя есть.

Вчера, когда уже начался этот дождь южной зимы, прогулял (еще не было плаща) близ участка и у моря. Море «жахает», а сосны то шумят порывом, то так мокнут. Сосны той породы, которая, говорят, на всей земле вымерла лет 30 000 тому назад. У них нет родни ни в этих горах Кавказа, от которых они отодвинуты к самому морю, ни на Урале, ни на Д<альнем> Востоке, ни в Канаде, нигде. Одинокое, отчужденное племя сосен, как будто знающих что-то свое, но и живущих уже, как во сне, за чертой своего века. Как выразительно, что они сбились у самого моря, сливают свой шум с его шумом и «жаханьем», — им есть, должно быть, о чем поговорить: у моря век еще куда более древний.

Крупные круглые электрофонари там-сям меж этих сосен, как в какой-нибудь древней пещере. От дождя поутру хвоя этих сосен под ногами — обычно светло-рыжая, красная, верней сказать, гнедая и блестящая, как эта масть на добром сытом коне. Вот и конь — древнее, вымирающее животное.

Прочел в дороге и здесь «Счастливый остров» («Корариа») Даниэльсона (участника «Кон-Тики»), ужаснулся построчными примечаниями «марксистического» порядка¹⁴¹.

О современной поэзии (14 000 в Лужниках на вечере поэзии, заочные орации Евтушенке и т.д.) можно поговорить, только начиная с самого начала — с языка. Тут можно обойтись без прямых оценок по существу этой поэзии, а подойти к ней с незыблемых и священных позиций — с языка, и тут можно вперемежку с Вознесенским кондового Софронова¹⁴² и с Евтушенкой Грибачева, пытающегося «не отстать от века», и др. всех примерно и вдумчиво посекти. Впрочем, м.б., черт с ними.

6. XII. Пицунда

Спокойствие. Сегодня встал из-за стола за час до обеда, т.е. в 1 ч., т.к. вдруг заело при переходе к тому свету гражданскому («музею»).

Полное спокойствие, иначе не могло быть.
До этого шло как будто подходяще.

[...]

Тёркин встал за другом следом,
Не конец еще трудам.
И пошли они тем светом
По разделам и рядам.

И с печалью величавой
Их встречали, как в строю, (в том краю)
Те, что с доблестью и славой
Перешли сюда в бою.

Лица воинов спокойны,
Мнилось (тся) им в их вечном сне,
Будто все на свете войны
В их вместились войне.

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле,

Что иные поколенья
Всех пребудущих годов
Не пойдут на пополнение
Горделивых (отрешенных) их рядов.

(Все это чернь)

[...]*

Нужно, пожалуй, до «музея» от военных — переход коротким хореом.

Жить нужды особой нет —
Зорок, как в разведке,
Обозреть ему тот свет
Все же случай редкий.

Не вижу еще, отнести ли особый отдел в конец, после «галереи», или примкнуть к военному.

Скорее — в конец. Чтобы потом «культ», «печать», «бог», «стереотруба» и т.д.

1. «Награда».

Друг свободен в рассуждениях о культе, он за пределами досягаемого (все равно что после смерти «культ»!), а для Тёркина все как было на самом деле.

* Далее записан фрагмент о Музее того света.

7.XII. Утро

Вчера проводил Машу в М<оск>ву.

1. «встрече будто бы не рад» — дело в том, что друг на том свете уже не рядовой, хоть, м.б., и «в той же гимнастерке».

2. Военный раздел.

Точно в госпитале тесно,
Только стонов не слышно
И среди мужчин девчонки —
Медсестренки и т.п.

3. Перестройка.

Чем гордится наш тот свет —
Это — по перестройкам
Постоянный комитет.

— Перестройка — там стройка,
А у вас?
— Я тебе о перестройке,
Ты — о койке о своей.

4. Клонит парня в похвальбу —

Хочешь в стереотрубу
Покажу капитализм,
Как в музее —
Но скажу — там есть мамзели —
Закачаешься.

Раз в музее — то условные мамзели —
Ну, а я не экспонат.

[...]*

10.XII

[...]

Вчера открыл новый маршрут за з<аво>д по побере-
жьё, красиво до слез. Слева — откос горы, крутой, почти от-
весный, с соснами по уступам к самому гребню, справа —
море, море, море.

Ходил сегодня вырезать палку в горы — едва за изго-
родь крайнего участка ступить — непролазная колючесть

* Далее (как и 8 и 10 декабря) записан новый фрагмент
о Музее.

и цеплючесть, оборвал руки в кровь, а палку вырезал уже на чьем-то участке, кажется, кизиловую.

Очень хороши могучие горные дубы с горелыми дуплами, с лишайниками и даже папоротником на коре кривого ствола. Издали они кажутся вровень с кустарником, а вблизи — мощь и древность внушительная.

Вчера прошел день в беседе с Багратором Шинкубой¹⁴³, выпито было не менее четырех бутылок из привезенного им ящика красного вина, особенного, забыл название, и действительно хорошего. Не помню, как с ним простился, как лег, но штаны были уложены правильно. Просыпался, почувствовалось, что приехал Стуруа. Кажется, ходил стучаться в спальню по коридору, но, м.б., это мне тоже приснилось. Добавлял сна андаксином.

Утром едва удержался от опохмелки (на столе же все!), но удержался, за что и вознагражден сейчас приличным самочувствием. Платить наличными, как говорят англичане, всегда дешевле.

Этот приезд мало того, что ввел меня в ненужные мне отношения абхазского начальства, но и обязал прочесть роман в стихах, над которым он работает уже лет 10. Усиленно хвалил его переводчиков — Липкина и Державина¹⁴⁴, чтобы, не дай бог, не пришла ему мысль... Представляю, сколько пито-ето нашими московскими архаровцами за счет этих авторов, так зависящих от них!

Впервые, пожалуй, узнал из уст сына своего народа о национальных напряжениях между абхазцами и грузинами.

13.XII. Пицунда

Все эти дни, как узнал, что 17.XII встреча с Президиумом, гоню, гоню, сшиваю на ходу, вставляю строфы, выбрасываю, только бы «поле оббежать». Миновал уже самое трудное — «середину», на которой печать «прежнего» «Т<ёркина> на том свете» все же остается, хотя многое подтянулось и подстроилось («домино» и «заседание») в более энергичный ряд.

Так ли, сяк — на машинку есть что сдавать, а там еще работать и работать, доводить, наращивать, отчищать. Все же это — как будто курицу, уже однажды сваренную, остывшую, вновь и вновь разогревать, варить, приправлять — уже от той птицы ничего почти не осталось. Не дай бог утвердиться в таком сравнении. Нет, в работе есть движение, она далеко позади оставила первые варианты, — все сложнее, глубже, острее (порой до немыслимости опубликования).

О встрече думается так-сяк. Звонил Д<ементье>ву утром, тот говорит: обстановка сложная, противоречивая. Кочетовщина поднимает голову в связи с суждениями о живописи. То Солженицын, а то — нечто противоположное, — разберись¹⁴⁵. Только бы не вверзться в дерьмо.

14.XII. Пицунга

«День отъезда — день приезда» в командировочных отчетах засчитывается за один день, а в моих поездках вряд ли они могут быть зачтены и за одну четверть дня, так и в нынешнем случае: приезд-встреча, отъезд-проводы, «посылки» и т.п. Сегодня я уже не работник, только бы справиться со всеми «ритуальными» и житейскими делами этого дня.

Спать, казалось бы, должен был хорошо, не ходил ужинать, не пил (немножко за обедом), но вдруг заklubились мрачные думы о «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>», о какой-то натянутости в этой вещи, об используемых в ней ранее «отработанных» «ходов и переходов», о непоследовательности в самой «условности» и т.п., и т.д.

Потом вчерашнее сообщение Маши о звонке Усиевич: она, видите ли, прочла 2-й рассказ Солженицына, опасается, что он не пройдет или не должен быть напечатан, просила ей позвонить¹⁴⁶. Сейчас же! Но главное, что и эта рукопись «ходит». Необходимо дознаться, наконец, не из нашей ли редакции она «пошла».

Вижу, что не усну, что уже готовлю «предупреждения», что передам дело в «органы» и т.п. Удержался от снотворки, читал нудную, но все же интересную книгу И.Ефремова о гоубийских экспедициях¹⁴⁷. С утра — думы о встрече, нарастает решимость сказать прямо все о «кочетовщине» резко, но без паники. И вместе — страх «вверзнуться» в «борьбу». Очень, очень нужно подумать, нужно бы и посоветоваться, но с кем? Уже и времени нет. Уезжаю не то сегодня вечером, не то завтра утречком. Лучше бы уж сегодня — лучше лишняя ночь в пути, чем день.

Записи сделаны А.Т. в марте 1962 г. в Италии. Эта его поездка в Италию была не первой — он уже побывал здесь в октябре 1957 г. в составе делегации советских поэтов как участник конференции «Поэзия нашего времени». Инициатором приглашения тогда выступило Итальянское общество дружбы с СССР. В 1958 г. по инициативе итальянских писателей было основано Европейское сообщество писателей. Целью организации было преодоление разобщенности писателей разных политических позиций и верований, представителей разных культур Запада и Востока. Сближение предполагалось достигнуть на основе гуманистических и антифашистских идей. В советской печати новое сообщество не пропагандировалось. «Новый мир» оказался едва ли не единственным изданием, освещавшим его цели и деятельность.

Немало сделал журнал А.Т. и для сближения советской культуры с культурой Европы и Америки: редкий номер выходил без публикации произведений современной мировой литературы. Только в 1962 г. А.Т. напечатал произведения Анны Зегерс, Хуана Гойтисоло, Эрнста Хемингуэя, Антуана Сент-Экзюпери, Роберта Фроста. В 1960-е гг. читатели «Нового мира» познакомились с произведениями Генриха Бёлля, Жана-Поля Сартра, Джона Сэлинджера, Ирвина Шоу, Джона Чивера, Роберта Пена Уоррена, Трумэна Капоте, Натали Саррот и других западных авторов. С 1960 г. А.Т. безуспешно бился за публикацию романа А.Камю «Чума». Еще в 1950-е гг. А.Т. печатал в «Новом мире» подборки рассказов современных итальянских писателей, в 1960-е гг. его журнал представил читателям ряд современных итальянских поэтов (в переводах Евг. Солоновича), а также новые переводы из Данте.

Записи А.Т. относятся к его пребыванию на конгрессе Европейского сообщества писателей, проходившем в марте 1962 г. во Флоренции и посвященном взаимодействию мировой литературы и средств информации: кино, радио, телевидения. В состав советской делегации входили кроме А.Т. А.А.Сурков, ее возглавлявший, М.Бажан, В.Ф.Панова, Назым Хикмет, Г.Н.Чухрай, Г.С.Брейтбург (секретарь-переводчик). Избранный в 1965 г. Европейским сообществом писателей вице-президентом, А.Т. будет неоднократно бывать в Италии, но записи 1962 г., пожалуй, наиболее отчетливо и подробно зафиксировали его впечатления об этой стране, ее культуре, архитектуре, писателях и политиках. В этой поездке, когда каждый день «был полон новизны и узнавания», он на пару недель оторвался от редакторских забот и тревог. Итальянские записи несколько выбиваются из общего содержания дневника 1962 г., как бы разрывая его: их лучше читать отдельно. В дальнейших поездках в Италию А.Т. слишком занимали дела «Нового мира», находившегося под обстрелом критики и давле-

нием цензуры. Это не давало столь же глубоко и увлеченно погрузиться в искусство и историю этой страны, которую он уже полюбил. Итальянские заметки последующих лет все более органично сливаются с общим содержанием дневников и потому оставлены в их тексте, следуя хронологии.

Спутник А.Т. в поездке по Италии 1962 г. Виктор Платонович Некрасов вспоминает о нем: «Любя и не стесняясь этого все русское, он любил и понимал все нерусское. Мне нравилось, как он ходил по картинным галереям Италии. Не торопясь и не пытаясь охватить все, он медленно ходил по залам, задерживаясь у той или иной картины, внимательно разглядывая ее и не боясь задать вопрос, обнаруживающий его некомпетентность. Твардовский никогда не писал об искусстве, считая себя, очевидно, недостаточно сведущим. Но если бы писал, то, не сомневаюсь, лишен был бы тех положенных шор приличия и условности, которые заставляют человека восторгаться тем, чем положено, и осуждать осужденное» (Некрасов В.П. Твардовский. В кн.: О Викторе Некрасове. Киев, 1992. С. 290).

10.III.62. Firenze, hotel «Minerva»

Прошло едва ли двое суток с того часа, когда эта огромная, громоздкая и вместе такая хрупкая с виду машина, похожая на некую рыбо-птицу, выхватила нас из густой мартовской вьюги Подмосковья, подняла в мутное серое небо, и земля с ее снегами и поземками, рошицами, крышами деревушек надолго скрылась из глаз.

И вот я уже миновал наши Прибалты, опустился в Амстердаме, где уже не было ни горстки снега и по аэродромному полю бегали два зайца или кролика, а над полем вертелись чайки; миновал Брюссель, где ничего не запомнил, и к вечеру очутился в Париже¹⁴⁸, где под дождем шлепал по Елисейским Полям мимо стеклянных будок-аквариумов с парочками, компаниями и одиночками за тонконогими столиками, мимо деголлевского дворца с поднятым в ночное мокрое небо флагам и автоматчиками по углам, нишам и уступам; переспал в номере со старинными шкафами и утлыми двумя кроватками; долетел на «Каравелле» до Рима; доехал поездом до Флоренции, переночевал, сижу у поднятого окна, за которым в глухом, как сундук, дворике пощелкивает вода из труб или с крыши.

Сижу в ожидании, когда мне постучит М.Бажан¹⁴⁹, чтобы идти вместе на всякие осмотры. — Только что был Витторио Страда¹⁵⁰, затем зашла и его жена — нижеамурская полутатарочка (по матери) Клара Алексеевна. У них уже дитё — год и три месяца. Татарочка как-то ежилась, смотрела в сторону, смущенная, взволнованная и точно виноватая, как я ни старался обшутить ее положение, — видимо, очень-очень тоскует по родине, любовь к которой, как мне кажется, часто бывает сильнее любви (на каком-то этапе).

Предстоящий конгресс, вчерашняя беседа после ужина с Вигорелли¹⁵¹ (ген<еральный> сек<ретарь> [Европейского Сообщества]) — беспокойства и страсти мне не доступные. Может быть, за «круглым столом» в Риме я еще буду для чего-то нужен, а тут мне только придется пережить дни заседаний, обедов, приемов — всего, что я так не люблю и у себя на родине.

Утром уже стало точно известно, что «сопроводительная» туристская группа не приедет (Некрасов и др.). Когда кончится это глупство — бог весть. Некрасов — гораздо более видный товар на вывоз в Италию, чем, например, я, хотя на родине я и Некрасов — величины разные по-другому¹⁵².

Чухрай — умница¹⁵³, талантлив, цитирует меня куда более свободно, чем это я мог бы сам, понимающий с полуслова — все — от святого искусства до проблем «мяса, молока, яиц». — Его рассказ о намерении поставить фильм о Христе.

М.б., тут уже немного и от лукавого, но молодец — думает, ищет, хочет.

[Вставка]

Утром пробежался с Сурковым, который по расторопности своей уже и Париж освоил; выпил кофе в раннем бистро, видел как бы страничку современного романа, где утро в таких заведениях: полицейские с надворья, рюмочка аперитива, кофеек и т.п. — и уже присовокупился к неисчислимой армии тех, кто впервые видел этот мировой город и попытался что-то сказать о своих впечатлениях первой встречи (впрочем, ничем я не был особенно поражен).

11. III

К вечеру опять новость: приезжают все десять, [в] т.ч., наверно, и Некрасов.

Рассказывают, что некий переводчик предложил Фортинелли (издателю «Живаго») «Кому на Руси жить хорошо»¹⁵⁴. И тот будто бы возгорелся: «Кому на Руси жить хорошо» — значит, критика советского строя. А имя Некрасов — уже достаточно известно в Италии, известно и то, что на родине его не жалуют¹⁵⁵. Т<аким> обр<азом> нынешний Некрасов, Витька Некрасов, которому я еще на первых порах его вступления в лит<ерату>ру советовал избрать псевдоним, чтобы не пользоваться отсветом имени его великого однофамильца, чуть было не вывел в люди неизвестного здесь Николая Алексеевича. —

Вчера после обеда и кое-какого отдыха (от обеда и предшествующей ему поллитровки, выпитой со Страдами) пошли в церковь Санта-Мария, рядом с гостиницей. Как это часто бывает в храмовой архитектуре (например, Вас<илий> Блаженный), с виду церковушка — внутри огромный объем, высота, люди становятся маленькими-маленькими¹⁵⁶. Автомат: опустить монету во сколько-то лир, снять трубку — прослушай историю храма.

Потом зашли в Кафедральный собор (чьего он имени?) — там пространства втрое, расположенного крестом — налево и направо от алтаря еще по целой церкви. В левом приделе — Микеланджело «Снятие со креста». Мрамор, отливающий слабой желтизной слоновой кости. Тело Христа: оно истекло кровью, как бы постарело, ребра, складки живота, особенно тощие подгибающиеся ноги (голени и бедра), совсем старческие, а не как у 33-летнего мужчины¹⁵⁷.

Вечером собрались посмотреть антисоветский фильм «Une, due, tre...». Смотреть стали с середины, войдя во время сеанса. Мурецкий фильмишко, который, действительно, как отметила В.Панова¹⁵⁸, напомнил чем-то фильм раннего кино — суеюй движений, примитивьем юмора (штаны и т.п., автомобильные перегонки). Но мне он еще напомнил и кое-что из нашего современного кино подобного «памфлетного» жанра. И было странно и неприятно слышать порой смех в зале, когда, напр., портрет Хрущева в помещении советской администрации в Берлине соскальзывает со стены, а под ним портрет черного, звероподобного Сталина. В углу — нижем — портрета Хрущева — хрюшка. Глупо, пошло, хотя вроде и американцы высмеиваются. Смотреть такую дрянь, приехав в один из древних и славных городов Италии, после Понто Веккиа (ст<арый> мост), в соседстве с Уффици¹⁵⁹ и др.

12.III.62

Вчера — открытие «генеральной ассамблеи» в палаццо Веккиа¹⁶⁰. Холодные, от веков нетопленные (отопление нельзя — фрески) помещения, стража в снаряжении не менее чем 15 века (полосатые штаны — красное с белым, алебарды, огромные кинжалы у пояса), трубачи за спиной президиума, речи (открыл мэр Флоренции Лапиро¹⁶¹ — о нем рассказывают много любопытного — веселый, небольшонький ростом, но весь какой-то сверкающий — говорун!) с переводом из будки.

Нам переводила известная здесь герцогиня Боргезе, быв<шая> графиня Олсуфьева Дарья Васильевна — имение Ершово под Звенигоро<до>м, дом старого ЦДЛ¹⁶².

Потом она сидела со мной рядом в автобусе по дороге на виллу «La Petraia» на окраине, переданную мэрией Содружеству писателей. Гигантский парк, в узкие ворота которого с трудом пролезли автобусы. Мы шли от ворот пешком. Сизые сады олив по склонам, мокрая галька на дорожках. Вилла высоко над городом. Дворец — окно 1-го и 2-го этажа с решетками (вилла Медичей), вход сразу в огромный холл, бывший двор, покрытый стеклянным верхом на железной обрешетке (вроде мостовой формы или опор для линии высоковольтной<ой> передачи).

Сестра Д<арьи> В<асильевны> оказалась моей переводчицей («Печники»¹⁶³), и Д.В. рассыпала мне неумеренные комплименты. Баба несомненно когда-то красивая, но резкая, жесткая до вульгарности. Должно быть, за 60, но крашенная, бодрящаяся. О ней говорят всякое вплоть до какой-то связи со Скорцени¹⁶⁴. Переводит плохо.

Отправились на концерт [нрзб.] Гиндемита. В первом отделении он демонстрировал свои вещи — я был в числе сбежавших. Потом, говорят, была и хорошая музыка. А то, что мы слышали, было похоже на дождь, который никак не может разойтись, — кок-кок, тиль-тиль, пшик-пшик. Чухрай говорит, что такая музыка бывает, если запись на магнитофоне пускать наоборот — с конца.

Прием в префектуре, толпеж, очередь за бутербродами и прочим. Оттуда ушли с поляками (Ивашкевич, Путрамент¹⁶⁵ и др.) в трагторию, где пили (не очень) кьянти и ели «флорентийские» отбивные — огромные с виду, но на поверку с большой сырой костью внутри.

Смотрели «Рабов» Микеланджело в «Academia»¹⁶⁶. Действительно ни с чем не сравнимое впечатление от этой незаконченности, от «вылезания» фигур из камня. Но боязно повторить те слова, которые говорятся при осмотре этих гениальных фрагментов: «освобождение из камня» и т.п.

Хикмет со слов итальянцев говорит, что у них где-то напечатан анекдот, слышанный мною неоднократно в Москве, о том, что будто бы я в беседе с Никитой Сергеевичем [Хрущевым] на его вопрос, — что за поэт Пастернак, ответил, что вот, мол, как вы меня считаете, и услышав от него, что он считает меня великим поэтом, я будто бы сказал, что, мол, Пастернак еще больше¹⁶⁷.

Напряженное, изнурительное безделье этих дней, групповое хождение и т.п. Всего и делов, что сказал вчера три фразы в микрофон для... швейцарского радио да ответил на несколько вопросов репортера бурж<уазной> газеты о Гендрякове, Казакове, о «НМ»¹⁶⁸.

Глупо и унижительно: один задрипанный репортеришко усаживает перед собой троих советских «классиков» (Сурков¹⁶⁹, я, Панова) и опрашивает их быстренько, не дожидаясь конца ответа и перехода от одного к другому. — Все от нашей безъязыкости и прочего.

Всю ночь дождь в моем дворике, и сейчас он лопочет там по плиткам. Колокольный звон однотонный, надоедный.

13.III.62

Приехали «туристы»¹⁷⁰, немного веселее, но они своим появлением (Некрасов, Казакевич и др.) лишь подчеркнули незавидную нашу судьбу «делегатов». Им одного дня хватило. Казакевич привез «Правду» от 9.III¹⁷¹. —

В который раз останавливаемся возле колокольни Джотто — поэт. Я отметил, что легкость и устойчивость ее обеспечивается каннелированной ее конструкцией. Угловая кладка выступает в виде четырех столбов — в проемах окна и узкие простенки — все это вытягивается в струнку. Верхние окна больше нижних, и поэтому она не суживается, не кончается вверху, а горделиво увенчивается как бы капителью — расширением. Сравнение с этажеркой просится, если бы это слово не было таким мелким и бытовым¹⁷². —

Вчерашний прием — обычная толчея, трубы, стража в древних костюмах (один в очках роговых). Мы с Казакевичем ушли. По набережной мутной Арно — до его гостинички — старинной, со смешанной мебелью от 15 до 20 в.

16.III

Вчера закончилось в палаццо Веккиа¹⁷³.

Не записано:

1. Посещение Барбьери¹⁷⁴ (дом, сад, оливы). Безумный ветер, камин — дрова, нештукатуренные стены внутри из плитняка. Конголез<ский> скульптор.

2. «Туристы» (Некрасов, Казакевич).

3. Выступление Чухрая и последствия¹⁷⁵.

4. Посещение флорентийского дома графа Родольфо Савиеро (?). Уголок Эрмитажа. Камин 12 века. Вино из дикого винограда.

5. Карло Можелси — рост. Отрасль Платона Зубова, изучает русский язык¹⁷⁶.

Едем в Сиену¹⁷⁷. — Вечером в Рим.

17.III. Roma

Поезд с обтекаемым корпусом электровоза (явное стремление уподобиться самолету, и верно: 160—170 [км], как говорят, в час — это скорость нашего заслуженного «огородника») донес нас без единой остановки к платформам римского вокзала. Болтанка очень значительная, и если вдуматься, то снаряд куда более опасный, чем самолет, т.к. вся эта громадина несется по рельсам и всей своей тяжестью в упор соприкасается с тяжестью всей планеты — чуть что, так тут уж и костей не собрать. Однако лица людей беспечнее, чем в самолете, где какая-то сосредоточенность, напряжение подавленной мысли о высоте и скорости и хрупкости этого комфортабельного сарая заметна всегда. Места сидячие, смежные купе не разгорожены — просто кресла спиной к спине. От коридора отделяет стеклянная стенка со шторой. — Путаница с «Че» и «Че» (Некрасов)¹⁷⁸.

День, проведенный вчера, т.е. поездка в Сиену, был очень хорош, полон такой новизны и узнавания, но он был уже после всех этих дней с ассамблеей и конгрессом, приемами, сутолокой, томительным бездельем и пр.

Уже на обратном пути проступили первые признаки того, что всегда грозит людям, вынужденным держаться вместе, поднадоевшим друг другу в поездке (В.Некрасов — В.Панова).

Дорога туда и обратно через Сан Джимоньяно (?), дела Белле Торо¹⁷⁹ (у прекрасных башен) — невысказанно очаровательная спокойствием и каким-то безлюдьем этой холмистости, переходящей в гористость, с обзором до снеговых вершин на горизонте (правда, я их не видел, но говорят, что они видны с террасы Сан Джимоньяно). Все возделано, прибрано и прибирается — виноградники, сады, придорожные деревья, которые обрезают «до голого столба» (м<ежду> пр<очим>, догадываюсь, что вымахивающие за лето сучья-однолетки идут на подпорки — садовый кол). На всем отпечаток ухоженности, склоны изрезаны уступами с подпорными

стенками из камней, «выпаханных» из этой же земли, опрятность и похожесть, как на картинах, — до чувства сомнения в подлинности всего этого пейзажа. Стога прессованной соломой возле редких, вразброс, домиков — только они, эти стожки с соломенными крышами, напоминают нашу деревню. Ни одного клочка земли запущенной, праздно́й — изредка заросли дубняка с еще не опавшей «[нрзб.]» листвой скорее походят на садово-парковые участки, чем на «лес». Благосклонность и покой земли, которая из века в век обрабатывается, вся до клочка прибрана, размечена, разлинована и не перестала быть прекрасной. Бедность, запущенность — все это где-то спрятано или вовсе их нет.

В Сиене — осмотр дворца, выдача картинок, маленькое угощение в Совете коммуны¹⁸⁰ — так, кажется; прогулка по городу с центральной площадью в виде чаши перед дворцом, обнесенной полукружьем стеной домов и разрисованной на «секторы» различного настила — кирпично-торцового, плиточного, булыжного.

Из 36 коммун провинции во главе 35 — коммунисты, получившие большинство на выборах, хорошие, серьезные и приветливые люди. Фразеология речей — закрыть глаза — как у нас: «мир», «сосуществование», «разоружение» и т.п.

Молодой носатый, с большими черными глазами католик на обеде: «Я коммунист и не социалист, но я знаю, что ваши солдаты под Сталинградом умирали и за нас»¹⁸¹.

Это очень высокий уровень сознания и понимания, т.к. он знает же, что под Сталинградом и в др. местах немало его соотечественников, которые умирали совсем за другое. —

Башни. Анекдот о башнях-близнецах, возведенных в ходе борьбы гвельфов и гибеллинов (когда я впервые прочел или услышал на лекции эти слова!)¹⁸².

Хорошие, веселые люди, чем-то действительно схожие с русскими — хотя бы даже этой готовностью по случаю нашего приезда выпить-закусить на казенный счет.

Балки — голые, грубо «профилированные» топором, обрешетка и черепица над головой, в окне — великолепное пространство холмистости и гористости, на дворе прохлада ранней весны. На дверях мясной лавки тяжелые прямоуголь-

ники свиного сала со шкуркой, присыпанные чем-то темно-серым, м.б., перцем, в глубине — туши баранов и крупного скота. Никакой очереди, хозяин смотрит на незнакомых людей с деревенским любопытством привычной праздности. —

Как много лет, когда приезжал в Москву, а еще ранее в См<олен>ск, мучительное чувство, что ты не дома, чего-то не знаешь, можешь всякую минуту оказаться смешным, как-то потеряться в недружелюбном и во всяком случае равнодушном к тебе мире. — Детские страхи, загорьевская отчужденность от большого мира, к которому нужно применяться, пристраиваться. Рим — и вдруг спать. (Некрасов так и сказал вчера на вокзале: — ох, хочу отоспаться, — это в Риме-то!)

Одеяльце тоненькое, в номере прохладно, прильнуть телом к этим чужим простыням и подушке — до мучительного чувства, надел свою шерстяную кофту и пижамные штаны, да так и спал — усталость ломает все. [...]

18.III. Воскресенье

Собственно рабочая часть поездки закончена вчерашней дискуссией за круглым столом: «Роль литературы (культуры) в современном мире». Речь шла гл<авным> обр<азом> о «завербованности» людей лит<ерату>ры и искусства, т.е. об их обязательствах перед обществом. — Первое мое выступление, как и Суркова, было бледным, расплывчатым в смысле «добра» и «зла» и т.п. Второй раз удалось выступить более удачно¹⁸³, а заключительное выступление Суркова было совсем хорошо.

Чухрай, между прочим, сказал: Твардовский в гораздо большей степени представляет здесь советскую лит<ерату>ру, чем я советскую кинематографию. И далее, отвечая на упрек Пазолини¹⁸⁴ в недостаточной трагичности мотивов нашего искусства, говорил обо мне.

Бедняга, не поняв, что «Кроче» — это имя, ляпнул — поставил это слово в ряд с «завербованностью» — выручил переводчик Брейтбурд¹⁸⁵, который, вообще, был, пожалуй, главным героем этого мероприятия, переводя обе стороны. Правда, в зальчике, набитом так, что посол, приехавший, когда уже началось, не смог пробиться, было много русских. Опять же девушки и юноши с курсов русского языка. — Все в целом это дело не носило серьезного характера, было «постановкой», но в чем-то коснулось всего самого острого. — Цитировалась (Пазолини, Пьевене) моя речь на 22 съезде¹⁸⁶. —

Часов в 12 ночи шли к такси из trattoria, где ели жирную козу и всякие ракушки (не я), вдруг в узкой безлюдной улочке — женщина со скрипкой заговорила по-русски, услышав нашу речь, — это было так неожиданно, что я не вдруг и удивился, — как так и надо. Заговорила странно, с какой-то робкой и печальной поспешностью — о том, что ее не пустили в какую-то trattoria, где она хотела играть и петь, и что может, мол, спеть сейчас на улице. Мы уклонились от этого, дали ей что-то из металлических лир (сот пять, однако), хотя она не просила, но приняла с благодарностью. Бр<ейтбур>д знал ее по прежним приездам — тихая сумасшедшая, родом из Донбасса, завезена сюда итальянцем в 43 г., бросившим ее потом или умершим.

Пока она была молода, жила уличным заработком, теперь ей за 40, подкрашена, но так стара и бедна, что уже тот заработок отошел. В какой-то она здесь конуре ночует одна среди огромного чужого города, какие сны — видит? Пожалуй, самое страшное, что она, как заметил Бр<ейтбур>д, уже не осознает вполне своей судьбы, живет как в тумане и страдает лишь физически от холода и голода. —

Вчера был простужен, голос сел, нос течет и т.п., принимал всякие таблетки, даже с коньяком на ночь (забота Бр<ейтбур>да), еще днем, а ночью сильно болела, скорее всего, печень — под нижним правым ребром — так, что кашель причинял большую боль. Должно быть, винишко и всякая излишняя козлятина. Сегодня чуть лучше. Кашель — не только простуда, но и смена сигарет — перешел на Честерфильд.

Сегодня полный туристский день, поедем смотреть всякие древности (вилла Адриана, Тиволи (?) и т.п.). Бытовые трудности — рубашка одна в запасе белая, все закрыто — два дня праздников. Ботинки желтые — черные поносил день во Флоренции и не могу думать больше о них. Половина моих московских долларов истрачена. От Бр<ейтбур>да — около ста — истрачено, хотя пропито ничтожно мало, — до сих пор жили на казенном коште Конгресса Содружества. —

19. III

Ездили вчера на виллу Адриана и в Тиволи¹⁸⁷.

Вилла Адриана — Помпея без помощи вулканических извержений, полуобнаженная от «культурного слоя» [нрзб.] 880 сотней плотности поселения, по макету реконструкции — целый город с цирками, колоннадами, бассейнами и пр. и сте-

ной вокруг (с выколупанными из нее какими-то деталями, м.б., плитками изразцов). Очень хорошо действует в смысле [нрзб.] гордыни личной и общественной.

Здесь, как и в иных подобных случаях, можно видеть, как стремилась она, гордыня, преодолеть толщу времен, уцелеть в вечных формах, казалось бы, способных противостоять разрушительному воздействию веков, предстать перед самыми отдаленными потомками в целостности и величии. Все это впечатляет, прерывает пустословие путешественников — здесь невозможны московские лит<ературные> анекдоты, — мы тоже присмирели. [...]

Денек над руинами был весенний, холодноватый, грустный, как бывают эти дни и у нас.

Тиволи. Дворец Д'Эсте¹⁸⁸ — сад-дворец, сооруженный на откосе горы, увенчанной собственно дворцом. От нижнего этажа несколько лестниц, мы спускались по винтовой (каменной) с «забежными» ступенями, и — терраса за террасой идут вниз этажи этого сада-дворца с коридорами, залами, аллеями фонтанов, скульптурами и платанами — ровесниками этих сооружений (16 в.). Можно представить себе, как в любой палящий полдень здесь было прохладно от этих фонтанов, проходить мимо которых можно местами и по тыловой стороне — гrotами, где, должно быть, и летом стоит этот холодный, не только прохладный, влажный полумрак.

Обедали наверху, где был в разгаре воскресный праздник — карусели, качели, игры на детских автомобилях (троллейбусного устройства) с резиновыми круговыми буферами. Весело.

Безъязычье [нрзб.]¹⁸⁹

Вечером.

Спрос на Евтушенку, Вознесенского, Казакова (интервью, портрет на страницу), Аксенова¹⁹⁰ определяется исключительно характером нашей критики этих авторов — браним, пугаемся, видим тут бог весть какую опасность — дай-подай. Вышел том Евтушенко, Вознесенского сватает Фортинелли*, предлагает аванс. При полном незнании тех либо тех берут, конечно, по признаку нашего к ним отношения. Тв<ардовский> — трижды лауреат Сталинской премии, теперь Ленинской, его хвалит и печатает «Правда» — дело ясное. Я приглашен за круглый стол как «прогрессистский» редактор, как автор речи на 22 съезде — отнюдь не как автор «Тёркина» либо «Далей».

Правда, Страда же говорит, что Евтушенко, изданный на итальянском, вызывает недоумение и разочарование —

* Подразумевается Фельтринелли.

там ничего такого не находят. Так же было и с «Живаго», когда после таких раскатов громовой славы буржуазная печать стала признавать, что роман с художественной стороны не так силен, хотя и хорошо, что он против советской власти.

Ездили в посольство читать «материалы» перед завтрашним мероприятием и стало как-то скучно. Ведь беда-то опять же в нас самих. —

В Германии я был, как рыба, нем.

В Италии писал о русских ссыльных...

Невозможно представить, чтобы я, как это принято, выдал бы «итальянский цикл». Настолько поверхностны и неглубоки впечатления и знания, что это в пору, пожалуй, Вознесенскому и т.п.

Кроме того, я и ехал сюда, как и в прошлые разы, с неизменным чувствованием [и] пониманием, что самое важное, и трудное, и интересное для всего мира у нас, а не где-нибудь еще, как ни причудливы и неожиданны изгибы развития капитализма.

Даже эти изгибы явились следствием нашего существования на земле. Мы заставили капитализм встряхнуться, пренебечь «предрассудками барства», применяться к обстановке. Нам бы теперь самим встряхнуться и отказаться от некоторых предрассудков барства нашего. —

Уже во Флоренции, а потом и здесь нас настигают паке-тики с газеткой (разные номера) «Наша страна» некоего «народно-монархического движения» в Буэнос-Айресе. Фото-снимки «августейшего семейства», в которые вряд ли верят сами их авторы. Во всяком случае «правнук Александра II», сулящий избавление от «крепостного права колхозов и совхозов», сроки возвращения на родину не пытается определить даже приблизительно. Оказывается, есть еще и «народно-монархический капитализм»¹⁹¹. —

20.III

Главное вчера — встреча в какой-то траттории с редактором «Униты» Аликато и с Пайето (имени не помню) — кажется — зав. межд<ународным> отделом ЦК ИКП¹⁹².

Разговор был трудный, но весьма полезный, по крайней мере для нас. Трудный, между прочим, и потому, что я здесь всего лишь редактор некоего «прогрессистского журнала», а не автор моих книг, которые на родине сообщают моим высказываниям некоторый особый вес. Не говоря уже

о Суркове и Бажане, хотя они лично уже здесь приняты и признаны — их поэзия так же не участвует в споре.

Когда мы отдаленно наводим их на тот предмет, что Евтуш<енко> и др. не могут быть единственным поэтическим свидетельством о нашей стране, обществе, они говорят, что других свидетельств они не знают, те свидетельства их не интересуют, поскольку они не выражают «нового», недоступны по форме, непереводимы, — вообще же говоря, принадлежат периоду культа личности. Возвращаться к ним не зачем.

Но суть не в том, что это обидно, скажем, для меня, для «Тёркина» и т.п. [...] А в том, что многое, что говорил Аликато, верно и неотразимо. Мы говорим, что стихи «Бабий яр» просто плохие, но не можем сказать, что у нас нет антисемитизма. Когда они (Аликато и Пайетта) говорят, что на выступления «Униты» по тому или иному случаю нашей лит<ературной> жизни (тому же «Бабьему яру») их толкает, обязывает муссирование этих случаев буржуазной печатью, что они не могут сделать вид, что ничего не случилось, мы не можем посоветовать им: поступайте, как наша «Правда», делайте вид, что ничего не случилось.

Нам трудно возразить ему, когда он говорит, что он, через Горького пришедший к партии, не может заставить своих детей читать Горького. Или — когда он говорит, что материалы агентства «Новости» — это муровая «пропаганда», которая идет в корзину, — не можем заявить, что это неправда, что эти материалы, наверно, интересны и правдивы, п.ч. очень хорошо представляем себе, каков уровень их и характер. И т.д., и т.п.

Наше самодовольство, наша нетерпимость к критике, наше всезнайство без всякого знания, инерция «закрытости» — все это стоит за нами угрозой — смертного греха, — мы не хотим знать о том, что нам не нравится. А ведь и Аликато говорит, что главный мировой интерес — мы, наша литература как единственно принимаемое ими выражение нашей идеологии. Они хотят на нас опереться, сослаться, зажечь нашим примером, но так нечасто могут это сделать. И беда наша, оппонентов Аликато, что мы обо всем этом знаем больше, чем он, и мучимся этим, но вынуждены под страхом впадения в смертный грех делать вид, что ничего-таки не случилось, даже отводить от Кочетова обвинения чисто политического порядка, лепетать нечто о несовершенстве формы и т.п., давая возможность вопроса: а за-

чем такая большая статья в «НМ», зачем мы говорим об этом плохом романе так долго и с такой горячностью? ¹⁹³

Разочарование в идеологии — эти слова М.А. ¹⁹⁴ пришли мне здесь на память, и я вижу, что это так именно и есть. Современный мир, испытанный мир, испытанный фашизм, живущий под угрозой бог весть каких катастроф, — уже не находит в привычных формулах марксизма объяснения всему, что несет каждый новый день. — Все это так сложно и смутно, что даже для себя не изложишь. —

21. III

Вчера вечер в посольстве, в целом, говорят, удачнее «круглого стола», но по крайней мере так хочется думать послу.

Препротивное выступление Вознесенского «под девочек», с жалкими приемчиками остроумия, чтением стихов («Гойя», откл<оненных> мною в «НМ») как образца «трагической лирики», с ответом на вопрос журналистов, как он относится к социализму и коммунизму — передо мной, мол, такого вопроса нет, с «хохмой» насчет того, что при коммунизме бездарных будут сажать как за мелкое хулиганство, с утверждением, что есть два «поколения» — людей талантливых и... консерваторов; с панегириком Ахмадулиной ¹⁹⁵, точно бы речь шла о Байроне и т.п. Было так противно и невыгодно выступать, что я сослался на горло, правда весьма плохое и сегодня. По счастью, выступил редактор *Contemporane* Тромадеро (?) и преизящно высек его за «игривость» тона в отношении вещей серьезных, цитировал мою речь на 22 съезде (это уже не первый случай), словом, Суркова я уже ущипнул за задницу, когда он бросился было в эту брешь — и без того было хорошо. —

Наверху у посла была закуска с водочкой (малой). Один итальянец — Карло Леви ¹⁹⁶ — застольная беседа была уже нарушена переводом длинейших сентенций по любому поводу, сопровождаемых той самой невыносимой для меня улыбкой снисходительности, превосходства и самодовольства, что так часто бывает у ученых евреев. Я не стерпел, когда он начал излагать мне содержание и смысл «Леопарда» Лампедуза ¹⁹⁷. «Зачем он мне это рассказывает — я читал». Лампедузо и Пастернак — сближение натянутое, фальшивое, обнаруживающее пристрастность и большую относительность оценок, ему самому так нравилось, он все пел, пел, снижая свой голос и улыбаясь своим кривым, как у Шкловского ¹⁹⁸, ртом со съеденными как-то к одному боку зубами.

Если меня занимали какие-либо литературные темы, так это «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» и Солженицын с его Иваном Денисычем. Некрасов: я как бы не чувствую себя вправе писать после этого¹⁹⁹.

Чухрай живет поодаль от делегации, мы еще только сегодня будем (я, Сурков и Бажан) на приеме у секретаря ЦК Джанкарло Пайетта (брат того, с кем мы ужинали), а Чухрая он уже возил по Риму с киноартистками и дразнил: «А вот повез бы так ваш Суслов де Сику или де Сантиса по Москве?»²⁰⁰...

Чухрай — умница и молодец. Уезжая сюда, говорит, оставил готовый сценарий — борьба за мир, радость жизни — и вот чувствую, что не хочется мне его ставить — надо брать за ребро.

Итальянские эпиграммы Казакевича:

Вот перед нами сам Андроников —
Любимец римских макаронников.

Сегодня речь держал в Палаццо Веккио
Сурков — простой советский человеккио.

Шутки:

— Вы видели того настоящего Давида в «Academia»?
Ведь этот (копия) против него — Абрам²⁰¹.

25.III. Барвиха

Третьего дня прибыли на Шереметьевский, переночевал дома, вчера — сюда. Тот же предвесенний снег, сегодня с утрадаже порошит сверху — как не было этого окна во времени года — двух недель Италии с зацветающими деревьями, с зеленеющими газонами и всей [нрзб.] зеленью ранней южной весны.

Самыми значительными за все время в этой поездке были, конечно, встречи с редактором «Униты» Аликатой и секретарем ЦК ИКП Джанкарло Пайетта²⁰² (его брат Джулиано Пайетта был при нашей встрече с Аликатой). Алигато мне куда меньше понравился, чем Джанкарло, хотя говорил умно. В нем был какой-то едва уловимый оттенок не то что недоброжелательства, но едкости и раздражения. Внешне он также

был мне не по душе — высокорослый, но с маленькой головой, большим, но приплюснутым к очень короткой верхней губе носом, вбирающий голову в плечи. Джанкарло — одно из тех мужских лиц, которые остаются красивыми и при лысой голове (голова красивая, лысина даже как бы выявляет ее хорошую форму — как, напр., у Ленина: трудно представить ее с шевелюрой, тогда как иные головы жестоко нуждаются в ней).

— Ну, что ж, будем спорить? — начал он, только поздоровавшись с нами в своем маленьком кабинете (с «приемной», расположенной в коридоре, куда попадаешь прямо из лифта). Но в этом было что-то дружеское и располагающее и наперед определяющее необходимость прямого и откровенного разговора при посредстве все того же Брейтбурда завязался быстро и быстро стал набирать высоту. Вот-вот он уже должен был выйти за рамки литературы и искусства, собственно, уже вышел, когда вспомнили того самого графа де Савиера, который еще во Флоренции посулился угостить нас в Риме обедом. Положение было безвыходным — отзвониться уже было нельзя, пошли на компромисс — мы с Бажаном остались, а Сурков с Бр<ейтбур>дом должны были там быстро отобедать и приехать в назначенную трактирию ужинать с нами и Джанкарло. Получилось плохо: там оказались всякие знатные люди, наши заобедались и не приехали, вроде даже как забыли. Джанкарло, который заметно обиделся, хотя и не показывал вида (ведь графа-то не забыли!), беседа без переводчика сузилась до застойной болтовни. Джанкарло был вежлив и изыщен до конца: предложил ехать смотреть Аппиеву дорогу²⁰³, поехали, и мы, изнемогавшие от усталости, вдруг были захвачены и возбуждены этим необычным, по кр<айней> м<ере> для меня, впечатлением.

Была уже ночь, сырая южная ночь с мелким дождем. Тишина, ни одной встречной, ни одной обгоняющей машины. Мы прошли с километр пешком вдоль этих странных, погруженных во тьму мемориальных сооружений Древнего Рима, выщербленных и обгрызанных временем и людьми, — здесь тоже памятники были в иные века «карьером», где добывались плиты облицовки, опиленные и обработанные прямоугольниками камня из цоколей. Как всегда, боялся выражаться и думать в принятом при созерцании подобных объектов духе. (До ужина смотрели Колизей²⁰⁴ — там я подумал, что по объему и массовости он как бы дело самой природы, но черты «рукотворности» там невозможно отмыслить. По крайней мере, это здание, эти помещения, коридоры, ходы-переходы с циклопическими опорами-колоннами или столбами скорее представляется вырубленным в толще этой

«плиточной», слоистой породы, чем выложенным на ровном месте из этих плиток и камней, привезенных или принесенных откуда-то извне.

Из того, что запомнилось в более или менее подлинных выражениях Джанкарло:

— Почему вы забываете сегодня то, что сказали вчера?

— Мы десятилетиями уверяли наших людей (через печать и всячески), что у вас все едят булочки с маслом, мы верили вам, а теперь, когда мы вслед за Хрущевым сказали, что и хлеб-то был не чистый, а с суррогатными примесями, вы сетуете на нас?

Я: — Это гордость бедности. Мы скрывали свои недостатки и недостатки, как в бедной семье скрывают от гостей недостаток в доме угощения и т.п.

Д.: — От гостей — хорошо. А от своих детей тоже?

— Мы понимаем ваше беспокойство по поводу возникшего сейчас в Италии (и не только в Италии) интереса к сочинениям Троцкого, в частности к его книге о Сталине. Но для вас Троцкий — просто запретное, грешное слово, а мы не можем обойтись так, — наши люди читают его, он продается, мы должны знать его и говорить о нем, — мы не можем делать вид, что его просто нет... И т.д., и т.п.

Может быть, это и к лучшему, что Сурков ушел и беседа не зашла слишком далеко. Хуже, если создалось впечатление, что он не вернулся сознательно.

Мою речь на 22 съезде Джанкарло назвал замечательной и «"мы" ее наизусть знаем».

1963

=====

1 января 1963 г.

Время после Пицунды было безрадостное и несвободное, только почта, почта и всякое обычное добро, в т.ч. отчетно-выборное собрание, которое на 90% я прогулял с грузинами¹, и там в ожидании бюллетеней и т.п. Сессия² целиком пошла под откос, что, конечно, непристойно, но и жалеть об этом искренне не могу, — вернее, жалеть можно не о пропущенной сессии, а лишь о времени, утраченном зря.

Чтение «Тёркина»³ в кругу членов редколлегии было полезным, но так и не принялся до сих пор за работу. А только она могла бы сообщить некое итоговое значение году, минувшему вчера. Без этого — итоги жалостные. Пожалуй, только Солженицын, да и этот успех, настоящая победа под конец года была замугнена совещанием в Доме приемов. Недоумение, подавленность, но все это минучее.

Вчерашняя встреча Н<ового> года в Кремле, опять те же тосты, та же «Кузькина мать»⁴, некоторая неполнота даже официального веселья.

Умеренность. С утра пытался что-то делать за столом, но дальше заправки нового настольного календаря что-то не пошло. —

16.1.63. Карачарово

Утечка январских дней в ожидании (и так) продолжения совещания⁵, сборы сюда, перемена условий, которые были в виду («дом Федина»)⁶, устройство на месте, неудобства печки, кое-как перемучивающей полусырые, большей частью осиновые дрова, — словом, только сегодня прочел Ив. Сергеевичу [Соколову-Микитову], с которым который уж день ведем разговоры эсхатологического характера, — прочел для разгона и начал страничку за страничкой перекладывать с малыми исправлениями.

Ничего, пусть будет, что будет, — буду доводить до конца, — нельзя уже этой вещи уйти в песок.

Карачаровские впечатления: 100 [км] от Москвы, и бог знает какие бунинские художества: бухгалтер, замерзший в пьяном виде («одеколонист») в 200 м от поселка; Тоня, жи-

вущая на дачке Ив. Сер-ча со своим сожителем и дочкой-школьницей (есть еще замужняя дочь, сын, вернувшийся из армии и завербовавшийся на Север), — Тоня эта изгнана с кухни за кражу мяса (спрятала на груди под кофтой) для своего сожителя [нрзб.], бросившего семью (дети в детдоме); шофер 1-го класса, отказывающийся от поездки по причине «колдовства» (жена, чтобы отворотить его от другой бабы, посыпала капот машины и сиденье в кабине наговоренной у местной колдуньи солью)...

Чудный — после Москвы — воздух, морозы, весь гагаринский парк и елочки ближе к «морю» — в инее. Величавые сосны вдоль берега, и на узком островке у берега — память ушедших лет, поколений, живших на дне нынешнего моря⁷.

Жизнь в корпусе № 1. Мы в спец<иальном> помещении — угловушка, разделенная [на] три клетушки с двумя печьюми. Ужасные, казарменного типа «удобства», «контингент» отдыхающих — люди в большинстве без элементарных навыков культуры, шизофреничка главврач; радио, лыжи в палатах, податься некуда, а то бежать бы. И не без неловкости: мы вдвоем занимаем помещение на семерых, да и обед нам приносят не на двоих, — правда, это в пользу доставляющих⁸.

20.1.63. Карачарово

Шел эти дни по страницам четвертой рукописи, подправлял, подчищал по малости, с удовольствием вычеркивал обнажающиеся лишки, воткнул было из верстки строфы о еде, но быстро увидел, что не к месту.

Вчера и сегодня что-то стало получаться в развитии сталинского места*.

[...]

Притомился, запотел.

— Невдомек мне словно,

Что особый ваш отдел

(Лично за) За самим верховным.

Все за ним — само собой,

Больше нету власти.

— Но ведь сам-то он живой?

— И живой. Отчасти.

Тёркин шапкой вытер лоб,

Душновато все же.

* Обширные записи 20 и 23 января посвящены сталинской теме в поэме. Оставляем лишь строфы, не вошедшие в окончательный текст или измененные при публикации.

Но от слов таких озноб
Пробежал по коже.

И смекает голова
В самый миг ознобный,
Сколь опасны те слова
За чертой загробной.

«Все за ним» — само собой,
Знай, Василий Тёркин:
Над живыми он живой,
А над нами — мертвый.

Невдомек еще тебе,
Что живыми правит,
И, однако, сам себе
Памятники ставит.

Что не зря он глух и слеп
К тем живым порою,
Что не зря в Кремле он склеп
Сам себе устроил.

Нет, он больше наш отец,
Он давно полумертвец.

Та же власть, и голос тот,
Так что он тебя найдет
За любой чертою.

— Что ж — он бог?
— Нет, как раз безбожен.

Отсюда переход к посмертной награде.

Возможно — «производство — руководство» нужно от-
нести сразу к общим картинам того света, а «особый отдел»
передвинется в конец, ибо после него все уже не так звучит.

Работается мало. Быт в точности такой, как был у меня
на даче, только там дрова сухие, а здесь сырые осиновые —
редко березовое поленце. Разогревание завтрака, обеда,
ужина, непрерывных чаев. Хождение за нуждой — немногим
удобней — теплей, чем на даче, но куда противней — много-
людство и скотство ужасное. Прогулки — истинная радость.
Сегодня сломались морозы, вернее, еще вчера порошил уже
снежок, — куда приятней сухоморозной стеклянной зимы.

Если удастся разделить сталинское место, то поездка
сюда будет с лихвой оправдана. —

Сегодня в 3 ч. обед «с секретарями»⁹. Опять! Бедный мой Ив. Серг. весьма привержен рюмочке и сну (творческому). Неужели мне предстоит такая старость?

Думаю о неизбежной необходимости выступить на неизбежном уже (речь Н.С.[Хрущева] в Германии) продолжении совещания¹⁰. Решаю нацелить все на Солженицына. Это даст возможность сказать добрые слова о ЦК и Н.С., принявших эту вещь, а также противопоставить ее качества «и тем и тем» и подключить сюда моменты —

о нравственном начале в искусстве
о существенности (Возн<есенский>)¹¹

о художественности (если мы не склоняемся к концепции обострения кл<ассовой> борьбы с приближением к коммунизму, то пора говорить о решающем значении таланта, мастерства).

23.I.63. Карачарово

[...]

— Все за ним — само собой —

Власть на всех простерта.

Над живыми он живой,

А над нами — мертвый.

Потому-то глух и слеп

Он к живым порою.

И в Кремле недаром склеп

Сам себе устроил.

Невдомек еще тебе,

Что живыми правит,

Но давно уж сам себе

Памятники ставит.

[...]

Для живых крутой отец,

И закон, и знамя.

Он давно полумертвец

С вами он и с нами.

Та же власть и облик тот,

Что войдет в преданья.

Так что он тебя ведет

И за этой гранью.

И предельной нет черты

Власти той безмерной...

[...]

С утра думал о выступлении.
Солженицын.

Если бы нужно было доказывать, что ЦК обладает необходимой широтой взгляда в вопросах лит<ерату>ры, острым вниманием ко всему новому и подлинно примечательному в ней, то достаточно было бы указать на его отношение к повести «Один день»... Мы уже привыкли к ней, более того, без нее уже не мыслим наш лит<ературный> день, но еще вчера ее появление в печати могло бы показаться маловероятным.

Политическое значение повести — она свидетельство развития и претворение в живой жизни идей XXII съезда, она означает живейший отклик искусства. Она означает, что лит<ерату>ра наша оказалась способной столь ярко отзываться на...¹²

29.1.63. Карачарово

Вчерашним и сегодняшним присестами подвинулся значительно к округлению, частично вызвав к жизни кое-что из верстки. Записывать много чего есть, но уже как-то неохота, если в главном деле не все.

Все же некоторыми новыми строфами доволен, ободрился к концу, а то уже привычно считал, что эта вещь у меня не поднимется в большую силу.

Вчера — день рождения Маши и Оли, поздравил их по телеграфу и телефону, — были очень рады.

Частушки в парке на дорожках (женские).

Я иду, меня запутала
Трава стоячая.
Не трава меня запутала —
Любовь горячая.

Говорила баба деду:
— Покупай мне, дед, «Победу».
А не купишь мне «Победу»,
Я уйду к другому деду.

Они охотно доказывали друг другу то, в чем были и без того согласны. (Наши утренние беседы у печек.)

30.1.63. Карачарово

Добежал-таки, кажется, до конца, какой он ни есть. И хотя хорошему настроению, которое держится у меня все

эти дни, доверять вполне нельзя, все же преодоление того уже почти отвращения к этой моей много раз возобновляемой работе и почти безнадежности — кое-что. —

Добежал, но внутри еще отделочных работ уйма, кое-что нужно еще взять из верстки.

1. Второй раз должен выступить буржуазный тот свет (предложение друга посмотреть в стереотрубу, которая для заробактива, на мамзелей и иные соблазны сопредельного того света). Скорее всего, это в связи с посмертной наградой.

2. Дать непременно *нагрузки* покойников, чтоб вели борьбу навзничь или боком и чтоб не менее семи-восьми было выступавших (на собраниях — вроде вчерашнего профсоюзного в Карачарове).

3. Дать Тёркину покурить на том свете своего (с хлебной крошкой пополам) табачку — тут он убеждается, что он живой — и все, что было про махорку (вроде старой злой жены) и, м.б., еду.

После всего этого будет главным вопрос о месте «культы» в расположении, — ясно, что это должно быть как можно ближе к концу — как самое ударное и многое объясняющее место.

Придумать, подчеркнуть, сделать отчетливее разделительные двустиишия, которые служат как бы границами между частями текста (проходить без опаски и т.п.). Это проклянулось само собой, но при отсутствии членения на главы очень важно иметь такие как бы перевздохи. —

Все эти задачи (кроме, м.б., [этого] места), которые хоть вчерне, на живую нитку нужно выполнить при перенесении правки на запасную машинопись. —

Прошло две недели здесь, очень утесненных бытом (дрова, печки, моя роль при обедах и т.п.) и чуть не ежедневными выпивками, но ощущения зря проведенного здесь времени, слава богу, нет. Добрая примета.

28.II.63. М<осква>

Сдал на машинку черновую, но уже полную перебелку [«Тёркина на том свете»]. Записями не отвлекался.

10.III. М<осква>

Доделываю, нашиваю кое-что в экз<емпляре> с машинки, но уже не знаю, зачем все это делаю, т.к. если уж постановка «Горе от ума» несвоевременна, то чего же тут ждать¹³.

22.III.63. Москва

Итак:

1. В 1954 г. я был снят с «НМ» за «линию» и «Тёркина на том свете». Выбыл из ЦРК и РСФСР¹⁴.

2. За эти годы, до нынешнего 63 г., я закончил «Дали», был возвращен на должность гл<авного> ред<акто>ра «НМ», был делегатом двух последних съездов партии, избран кандидатом в члены ЦК, вторично избран в Верх<овный> Совет РСФСР, отмечен различными знаками, выпустил «Собр<ание> соч<инений>»¹⁵ и т.д., и т.п.

3. Ныне, в 1963 г., в марте, я закончил, вновь написал на ¾, по кр<айней> мере, «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>», опубликовал в конце прошлого года «Ивана Денисовича» (с чего все и пошло), и опять «линия» и немыслимость опубликования «Тёркина».

Еще никогда, пожалуй, не было так трудно, однако и ясно на душе: дело плохо, но что же делать.

Иду к В.С.Лебедеву, ночью, м.б., лечу в Красноярск¹⁶. В См<оленс>ке мама ждет меня, по моим словам, сказанным гл<авному> врачу больницы. (Правда, он меня успокоил¹⁷.)

Сейчас едет из ЦК Дем<ентьев> с какими-то важными новостями.

Великое наслаждение получаю от Мих. Евграф-ча [Салтыкова-Щедрина] («Монрепо», «Круглый год»¹⁸).

На лбу у меня еще здоровая отметина последней радости этого м<еся>ца — «опоясывающего лишая». —

[Вклейка]

На 8 Всемирном фестивале молодежи и студентов представители американской, французской, итальянской и других делегаций рассказывали нам, что молодежь их стран часто спрашивает: почему в жизни мы встречаем хороших советских людей, а в некоторых советских книгах пишут совсем о других? И действительно, стоит почитать мемуары И.Эренбурга, «Вологодскую свадьбу» А.Яшина, путевые заметки В.Некрасова, «На полпути к Луне» В.Аксенова, «Матренин двор» А.Солженицына, «Хочу быть честным» В.Войновича (и все это из журнала «Новый мир») — от этих произведений несет таким пессимизмом, затхлостью, безысходностью, что у человека непосвященного, не знающего на-

шей жизни, могут, чего доброго, мозги стать набекрень. Кстати, подобные произведения «Новый мир» печатает с какой-то совершенно не объяснимой последовательностью.

«Комсомольская правда» от 22.III. С.Павлов¹⁹ — «Творчество молодежи — служению великих идеалов».

24.III.63

Вчера у Л.Ф.Ильичева.

— Можно ли понимать вчерашний выпад Павлова против «НМ», в котором он и т.д., как сигнал к ...

— Не уходить ли в отставку?

— Да.

— На прямой вопрос — прямой ответ: нет, ни в какой мере нет. Работайте спокойно, спокойно поезжайте в Красноярск...

— А здесь без меня не будет «НМ» подвергнут...

— Не будет. Во всяком случае, без главного редактора не будет.

Представил себе всю горестную беззащитность моих новомирцев перед лицом пленума при моем отсутствии, всю безнадежность выхода на трибуну Алеши Кондратовича с объяснениями и признаниями по поводу критики в адрес «НМ», красное, большое лицо умного и бессильного в данной ситуации Дементя... и решил не ехать, выдержать здесь все, на месте, и, м.б., даже выступить, но не с объяснениями и признаниями, и по самому существенному существу нынешнего дня литературы.

[Вклейка]²⁰

Что это за талант, мне и моим товарищам было ясно задолго до напечатания «Ивана Денисовича», — знали, на что шли. Но должен сказать, что и мы не предполагали во всем объеме того общественного, политического резонанса, который воспоследовал за напечатанием этой вещи. Если брать только одну литературную сторону этого события, то оно, несомненно, носит исторический характер. Это удар неотвратимой силы одновременно и по «модернизму с абстракционизмом», и по той условной, «идейно выдержанной» «традиционности», которая до сих пор противопоставляла себя только «модернизму с абстракционизмом». Конечно же, сегодняшний разговор об искусстве во всем его обострении, переборах и кособокости, так или иначе, обязан своим происхождением «Ивану Денисовичу» — это

несомненно, хотя разговор этот, по возможности, избегает упоминания своего источника. Но все это я говорю к тому опять же, чтобы подчеркнуть, как напряженно сейчас положение, репутация нашего автора, хотя он и был участником встреч в декабре и марте. Вчера в «Известиях» В.Полторацкий (быв<ший> редактор быв<шей> газеты «Л<итература> и ж<изнь>») распинается по поводу «Матренина двора»²¹. Я, кстати, знаю колхоз «Большевик», бывал там, но не писал о нем, т.к. [он] издавна объект бесчисленных праздничных описаний. Колхоз действительно выдающийся, но островной, и не знаю, как там сейчас по слиянию его с окрестными немощными колхозами. Однако хитрец-рецензент даже не пытается...

Встречам работников лит<ерату>ры и иск<усст>ва (декабрь—март) среди многих других предшествовало такое явление в жизни нашей лит<ерату>ры, значение и последствия которого, на мой взгляд, совершенно недостаточно разгаданы нашей литературной критикой. Если бы это было сделано в ту или иную сторону в смысле оценки идейно-художественных данных этой вещи, не было бы мне, редактору этой повести, сопроводившему ее в свет своим предисловием, не было бы необходимости останавливаться теперь на ней несколько подробнее, чем это я имел возможность сделать в моем предисловии к ней.

Критика покамест что, за немногими исключениями, ограничилась общедекларативным признанием этой вещи, т.е. показала только то, что ей, критике, известно отношение ЦК к этому произведению. А оно и не могло быть неизвестно. Среди присутствующих много участников пленума ЦК, на котором Н.С.[Хрущев] подробно говорил об этой, тогда еще только появившейся вещи...²²

5.IV.63. М<осква>

Три дня пленума Союзного, где я сидел со своим лишаем на лбу, сидел единственно для того, чтобы своим присутствием загородить «НМ» от «огня» Соколовых и прочих «стойких», в дикой ненависти своей готовых пойти на совсем уже непоправимые глупости. Высидел, удержался от какой-либо формы ответа на огонь, как иная батарея не отвечает на огонь по ней по необходимости²³. Было ясно, что если я не выступил там, в Свердл<овском> зале²⁴ (а тому были свои причины), где еще можно было бы что-то поправить, что-то сказать с пользой и с надеждой вдруг быть поддержанным, во всяком случае — огражденным от скрытого неистовства «стойких», буде они не усмотрят сигнала к сво-

бодному выявлению своих чувств, то здесь уже любое мое выступление, даже самое несвободное и «осмотрительное», было обречено «мечам и пожарам»: там, мол, промолчал, а здесь думаешь просунуть свои зловерные взгляды... Капут! Радость и ликование в стане «стойких», смущаемых до сих пор лишь этим «загадочным» молчанием. — Всего, всего там было, вплоть до мелкой гадости Прокофьева²⁵, но, оставляя позади эти трехдневные взвизгивания и урчания, испытывал нечто вроде чувства удовлетворения, что не поддался на провокацию, удержался. Это было единственное, чем я еще располагал и чего у меня не могли отнять, — мое молчание.

Но я забыл, что я еще и член правления [СП] РСФСР, и через два дня там началось новое и куда более безудержное выявление чувств по отношению к «НМ» и ко мне²⁶. С партгруппы пришел бледный Демент, готовый уже поддержать самое малодушное мое решение выступить там, т.к. были слова «обязать, вызвать, поручить т. Сартакову» и т.п. Позвонил Сартаков²⁷, повеяло чем-то жутко знакомым: ты не хочешь, но ты должен выступить и должен сказать не то, что ты думаешь, а то, что мы хотим, и выступишь, и скажешь, но что бы ты ни сказал, мы назовем это «попыткой уклониться», и чем более ты будешь готов «признать» и «заверить», тем беспощаднее мы тебя растопчем, оплатим тебе и [за] речь на XXII съезде, и за Солженицына, и за строптивость, и за твои удачи, и за все, но, пожалуй, более всего за Солженицына... — Удержался и здесь, уже повернув душевный рычаг на «так тому и быть», т.е. на уход из «НМ» и т.п.

Второй день пленума этого — звонок из МИДа: Замятин²⁸, зав. отделом печати, очень нужно встретиться, куда бы он мог ко мне подъехать.

Нет уж, лучше я сам заеду. — Вы должны дать интервью Генри Шапиро, это согласовано с Леонидом Федоровичем [Ильичевым], иными словами, это партийное поручение, которого выполнить, кроме меня, никто не может (так я понял и понимаю)²⁹.

Генри, видимо, очень изголодался по информации, представил мне вчера свои «26 (!) пунктов», среди которых непреодолимые с точки зрения последовательного проведения принципов совещания и всего последующего. Кашу, заваренную кем-то, расхлебывать должен я.

У меня единственно возможная позиция: «художественное качество» (неприятие нашей («НМ») практики и критики приобретает форму политических заострений,

в сущности, неправоммерно). Если бы понимали наши Леониды, то это еще полгоря. Иначе — признавать «идейные расхождения», наличие «течений» и т.п. — невозможные для нас вещи.

Вчера Черноуцан: Кеннеди все же хочет со мной обедать. Как не понять эти напоминания об ответном визите (после покойника Фроста), он им нужен сейчас³⁰. — Я не могу до встречи с Н.С.[Хрущевым], до разрешения вопроса о поэме, никуда не могу ехать, — в сущности, ничего не могу...

10.IV.63. М<осква>

Никогда, пожалуй, не был так прижат обстоятельствами и душевным смятением в совершенно трезвом состоянии.

Побывал (в пятницу — 5.IV) у Влад. Сем-ча [Лебедева], сказал, что ехать мне в США невозможно, т.к. не ясно, что и как с тем, из-за чего я получил отсрочку этой поездки, и, вообще, что со мной будет. Подвел дело к тому, что надо обнаруживать и посылать наверх моего «Тёркина» (которого, кстати сказать, уже стесняюсь, избегаю называть, как это было когда-то с тем «Тёркиным», и как было с этим же после его запрещения, вплоть до упоминания о нем Н.С.[Хрущева], и как теперь с именем Солженицына, которое «без команды» неочевидным образом неудобно для упоминаний).

— Да, но нужно посмотреть.

— Конечно, но я все время воздерживался напоминать, ожидая напоминания от вас...

— А я воздерживался, ожидая от вас...

— Сатюков мне, бывало, до последнего времени напоминал при каждой встрече: «Когда же, надо же», а теперь не напоминает...

— Я не Сатюков, как вы знаете.

— Хорошо. Завтра занесу.

Объяснились, но какое-то натяжение было очевидным. В субботу все же воздержался заезжать к нему — был «не светел лицом». Позвонил по вертушке Леониду Фед-чу [Ильичеву] (могу ли я считать это (Шапиро) партийным поручением? — Если хотите — да. Нужно, чтобы ответы появились одновременно у нас, поставьте такое условие и дайте, кройте их на уровне речи о Пушкине (но не речи на XXII съезде — было понятно).

Поехал с поэмой к Маршаку, прочел. Старик, пожалуй, устал. «Ну что ж, очень хорошо», но ясно было, что это ему не по зубам. Кроме того, ему очень хотелось читать свое, и не

стал он только потому, что видел, как я приналег уже на его водку и закуску. Оставил ему рукопись для выявления «заусениц»³¹.

В понедельник (воскресенье дурное) позвонил в МИД: так и так, при таких-то условиях пусть Шапиро звонит мне. Тот звонит, на все согласен, только просит необходимой форы во времени — «в несколько часов», иначе то, что я передам в нашу печать, будет достоянием всех корреспондентов. Это, отвечаю, мне кажется, уже только техника, о ней можно будет договориться потом. — Днем Лен<инский> ком<ите>т, где пришлось выступить в пользу Маршака³², под которого там уже стали подъезжать (м<ежду> пр<очим>, Грибачев). После ком<ите>та пошли с Расулом [Гамзатовым³³], хорошо поговорили.

Потом я поехал к художникам, по счастью, партком оказался отмененным. Вчера с утра собирался с мыслями; казалось, что в форме ответов на вопросы могу это дело продиктовать на машинку (Шапире я сказал, что все напишу сам). Думал-думал, и дело представлялось все сложнее. Если по чести и совести, чтобы не стыдно было.

Позвонил Вл. Сем-чу [Лебедеву], узнав, что он звонил накануне, — думаю, не напоминовение ли о Т<ёркине>, и чтобы ему объяснить, что после чтения у Маршака еще задержу немного, тем более что занят этим «партийным заданием». Он начал (без большого воодушевления) о том, что Н.С. заявил, что он, Вл.С., сказал о моих смущениях насчет Америки, а тот говорит, ну их к черту, пусть едет, когда захочет. А их довод об ассигнованиях на мой приезд просто ерунда, — нельзя в зависимость от этого ставить поездку. Ясно. Но о поэме до того, как я сам заговорил, — ни словечка. Видимо, он до ознакомления с ней ни словечка не сказал и хозяину, а м.б., и сказал, но не увидел интереса, что более чем понятно в нынешней обстановке. — Затем, когда я сказал о пожелании и указании Л. Ф-ча [Ильичева], он меня поправил: нет, он имеет в виду статью, а не просто ответы... Т.е. тут задача погони за двумя зайцами. Не так важны, конечно, мои объяснения с американцами, как со своими. Весь день курил, ходил по квартире (утром прогулка), все переливал из пустого в порожнее, обдумывая свой мыслимый опус. Часа три поговорил с приехавшим Дементом, растерянным не менее моего, но ищущим какого-то «легкого» выхода.

А цензура тем часом держит да держит № 4, а третий, дай бог, выйдет в середине апреля³⁴, а цензор говорит, что у него от «НМ» инфаркт будет — кругом всеобщий трус и недоумение.

А в «Дружбе народов» снята с пятой книги статья Буртина о Твардовском, т.к. именно в мае, по словам редакции, Тв<ардовский> будет снят и статья будет противоречить...³⁵ ...Дем<ентьев> сказал об этом случае Черноуц<ан>у, но что тот может! И с цензурой он может очень мало, и № 4 уже вне его компетенции, он уже и Дм. Ал-ча [Поликарпова], а тот занят съездом художников³⁶ (сегодня открытие), т<ак> что и еще четыре дня будет занят. А к вечеру статья в «Известиях» о Войновиче³⁷. А потом еще новость об очерке Ф.Абрамова, которому мы в 4 № посвятили целую статейку³⁸, — ее теперь снимать и т.д. А сегодня — партком — в 3 ч., когда нужно что-то сказать Шапире.

Иду в баню для укрепления духа омовением тела, а может, для оттяжки дела.

В тот же день, придя из бани. — Затем и пошел в баню, чтобы «начать». Буду, решил, записывать все самое дорогое для меня из мыслей о лит<ерату>ре, об искусстве вообще, уточнять хоть для себя те понятия и положения, остаться без которых не могу ради чего бы то ни было внешнего. Но, боже мой, я же знаю, что не этого от меня ждут (не о Шапире речь), а если этого, так только для окончательных выводов, которые, кажется, уже сделаны, а только не подыскана кандидатура (Ермилов, будто бы, отказался³⁹, изъявив несклонность свою к организаторской работе — еще бы!). И все же нужно хоть для себя приводить в порядок статьи своего эстетич<еского> кодекса.

И как подумаешь, что весь сыр-бор загорелся из-за того, что я, после долгих размышлений и многих своих горячих и восторженных слов о Солженицыне и всего, что услышал о нем от людей достойных и умных, решился-таки продвигать эту вещь, убедил в необходимости этого шага всю редакцию, так что и отступить уже было некуда. И как казалось, что за этим «прорывом» все пойдет куда как хорошо, легко и радостно. В голову не могло прийти, что вспучатся такие хляби земные и небесные, — казалось, что это возможно только в случае ее (вещи) неодобрения в высшей инстанции. Ан вон что!

11.IV.63

Нет, с первой же попытки увидел, что в два адреса писать невозможно, — ни богу, ни кесарю будет⁴⁰. От тоски вчера с утра, от тоски и после бани и завтрака кинуло в сон, а потом уж явилась и спасительная помеха — партком в 3 ч.,

которого никак, действительно, нельзя было пропустить. Там — тоска натужных, через силу, признаний в ошибках «нашей московской организации» и робкие выходы на свет, отклонения явных «переборов», хулиганских — слава тебе господи! — выпадов против нее на пленуме РСФСР и — вот-вот — готовое вырваться «буйство и половодье чувств», подобное тому, что было и на том пленуме, «среди своих». Сообщение Соловьевой (МГК) о лишении «непонятливых» художников — делегатов съезда — их мандатов и переведении некоторых из членов в кандидаты — новая доза удручающего. Все в целом — и звонки Шапиры — привели уже было в отчаяние, в неверие, что и к понеделнику смогу что-нибудь. Потом решил отчасти по житейски мудрому совету Маши просто отвечать на вопросы, на которые могу. Надеюсь, что пойдет, и так будет лучше, а изложение «кредо» для своих — дело особое. Но и в ответах не допущу чего-нибудь стыдного. А главное — печатайся они у нас или нет, они пройдут нашу «цензуру» — и все будет ясно и понятно: выполнение парт<ийного> задания.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

По поводу «очернительства». Вот когда она действительно лжи подобна. А в случае разоблачения угнетенными угнетателей, в случае классовой ненависти — и там не «злобно», а гневно, с ненавистью. Злобно, со злорадством — торжество мелкой души.

[Вклейка]

Дорогой Александр Трифонович!

В эти дни смуты и разврата в нашей литературе я испытываю глубокую потребность обратиться к Вам вот с этим письмом и сказать Вам великое спасибо за Вашу голубиную чистоту, мужество, заботу и тревогу о всех тех, кому дорога честь русского писателя и судьба Родины.

Не могли бы Вы в этом своем трудном сподвижничестве прибавить себе силы и уверенности в сознании той полноты любви к Вам, которой живут сейчас самые лучшие, самые честные люди!

Нужно ли Вам говорить о том, что таких людей великое большинство — людей, не свершавших моральных и физических преступлений перед Советской властью, сохранивших веру в правду на земле, а стало быть, и не боящихся расплаты за отсутствие у себя бугра подлости и глупости.

Я с упрямым удовольствием обратился бы к Вам с этим заявлением печатно, через любую нашу газету, но этой возможности нет.

Примите же мой низкий поклон и благодарность за Ваше человеческое сердце, ум и доблесть.

11.IV.63 г. Ваш К.Воробьев⁴¹.

Вильнюс, ул. Веркю, 1, кв. 25.

24.IV.63. М<осква>

Прошла ночь перед... перед — чем? Отработанный на совесть текст «Интервью» у Л.Ф.[Ильичева], который вчера «еще не успел» (чтения там на 10—15 мин.), и «сразу» будет звонить мне (читай: не звони сам, не надоедай).

Я играю в жмурки с Шапирой, Л.Ф. — со мной. Но с Ш<апиро> это дело понятное, а со мной — другое дело.

Всем нам (в редакции) ясно, что сейчас, при полной неясности всего остального, вдруг станет ясно, что и как с «НМ», с Твардовским, с «четвертым номером»⁴².

Если здесь — стена и все кончится недобром, то уже неизвестно, будет ли смысл писать мне те заготовленные слова последнего письма: «Ж<урна>л, который я редактирую, фактически прекращен...» Ибо окончательное «недобро» тоже может быть лишь с самого верху.

25.IV

Вчера утром вышел в парикмахерскую, почистил ботинки, возвращаюсь — в подворотне на Язузу Оля, отправляющаяся в свою школу:

— Иди скорей, звонили от Ильичева. Мама волнуется.

Прихожу, звоню, — был, говорят, да уехал в Кр<ем>ль. Где вас искать?

— Дома или в редакции. — Сижу, жду, к концу дня звонок. «Поздравляю. Два замечания на ваше усмотрение (пустяки)». — А как же насчет нашей печати? — Несите в любую газету. — Нет уж, это не мое дело — разносить свои интервью и т.д. — Хорошо, пришлите мне завтра окончательный вариант⁴³. — Сегодня с 5 сидел, старался, сделал вставку о Р.Фросте⁴⁴, развил «программу» ж<урна>ла со включением лауреатов этого года⁴⁵ и т.д. — Звоню в 10 — был, уехал. Опять — я дома или в редакции.

В 12 — Шапиро с женой Люд<милой> Ник<олаевной> (он Генри Семенович). Хорошо, но я должен это изложить так, чтобы и т.д.

— Нет, на комикс я не пойду. — Я посоветуюсь в отделе печати. — Советуйтесь. — Всё.

26.IV

«Считать себя милиционерами... быть агентами... уважать авторитеты...» — вот как! Гм...⁴⁶

Говорил по вертушке с Л.Ф. [Ильичевым]. — Поправки хороши, но в отношении Яшина лучше уж оставить прежний вариант (т.е. без придаточного и несправедливых нападок)⁴⁷.

— Вы правильно поступили, что не согласились на «комикс». Этого следовало ожидать, — он надеялся на «жареное»... Я позвоню [в] МИД. В случае отказа Шапиро — найдем способ опубликовать это дело.

— В виде статьи?

— Нет, может быть, в виде «невостребованного» интервью...

А № 4 лежит, а никто не знает, что и как дальше. Демент уже говорит: есть же предел, т.е. пора уже спокойнее думать о конце всей этой истории.

30.IV. М<осква>

Ни звука нового. Праздники застали журнал в недвижимом почти (не считая «обсуждения» № 4 в Союзе) состоянии⁴⁸.

Спокойствие — что еще возможно при сложившихся обстоятельствах, хотя именно спокойствие достигается с трудом и уже за счет, пожалуй, некоей внутренней отрешенности от всех этих дел, знаменующих, по одному характерному выражению, «перемещение власти в те края»...

Однако в голове складывается то ли речь (на пленуме), то ли статья для «Правды» — в защиту литературы как специфического рода духовной деятельности, против упрощенчества и установки на иллюстративщину и иное художественное мелководье. Складывается даже так, что можно будет прямо сказать о том, что, например, Кочетов не художник, поскольку он «все знает и только учит»⁴⁹ (оговориться), что Кочетов или кто другой имеет право так же (как о нехудожественном) отзываться о моих писаниях, что это только пример, чтобы не выдумывать примеров.

Вчера пересадил к нижнему нужнику вторую старую франц<узскую> сирень от веранды. —

На столестенограмма выступления Васьки Смирнова — ярославца, вот оно, это место:

«Конечно, наше положение журналов, которые меньше ошибались, — лучше. Не подумайте, что мы хотим “выспаться” на других, но мне, как коммунисту, редактору жур-

нала, члену двух правлений — Союзного и Всероссийского, — непонятно, почему журнал “Новый мир” называется органом Союза писателей. Он не выражает линию Правления Союза писателей, почему же он называется его органом? И почему мы не слышим голоса главного редактора, что он считает линию, которую он вел все время, — правильной или нет?.. И первое, что мне хотелось бы выяснить как коммунисту партийной организации, до каких пор у нас будет существовать орган Правления Союза писателей СССР — журнал “Новый мир” — с такой позицией.

Я понимаю, что, может быть, нам в нашей стране нужен такой журнал, как, извините, сточная труба для нечистот, чтобы что-то проходило туда. Но при чем тут Союз писателей?»⁵⁰

К празднику первого мая
Все отгадим, что могли. —

Это, помнится, было в какой-то газете революционных лет (20-й?), и отец, по свойственной ему манере петь «с листа» («из книги»), пел это на мотив «Смело, товарищи, в ногу», умиленный этой жалостной готовностью «их» отдать все, что могли, к своему рев<олюционному> празднику (умиленный, впрочем, весьма поверхностно). А строчки эти связывались с выдачей (или продажей) каких-то фунтов белой муки и, может быть, «песку» (сахарного).

Приезд Фиделя⁵¹, оцепление с утра, демонстрация, как бы перешедшая дорогу первомайской, разные толки в толпах народа, женщины, умоляющие пропустить их «к ребенку» и бранящиеся без опаски. — Говорят, что Фидель действительно был очень растроган, долго не мог начать речь, но оправдывается ли этим недовольство, порой озлобление людей из той «массы», которой мы как хотим, так и вертим. А тут еще это разрешение деревенским людям работать в праздничные дни, которое, конечно же, обернется большим пьянством и прогулами, чем обошлось бы разъяснение, что праздник есть праздник, а уж после праздника работаем. Более того, при разъяснении возможно инициатива отдельных колхозов какой-нибудь полосы, где самая пора работать на полях. —

6. V.63. М<осква>

С 30-го веду напряженно-отдыхательный образ жизни, т.е. занялся садом: впервые за все годы обработал приствольные круги двух антоновок по «полному профилю», с изъятием отвратительных крупных и неискоренимых корешков

дурной травы, со снятием лишней тяжелой земли (все яблони при посадке заглублены) и внесением компоста.

Пересадил:

1. старую сирень от веранды;
2. клен заморский, выявившийся в кусте жасмина, — страшно трудно дался;
3. маленькую антоновку от лесной стороны;
4. дикую «дулю»*, что разрослась внизу верхнего сада без толку (принес как-то из лесу прутик).

Думаю пересадить розовый налив из-под большого дуба на сев<еро>-вост<очном> углу и продолжать обработку лучших яблонь.

Наметил срубить (выкорчевать) по крайней мере три яблони — две «голенастые» и одну китайку у фин<ского> домика.

Работа очень трудная, заливаюсь потом, болят руки-ноги, но странным образом дает успокоение и удовольствие, думаю об этих «преобразованиях природы» больше, чем об итогах Совецаний, хотя имею в виду статью на тему об элементарных вещах, в разъяснении которых есть настоятельная необходимость.

Четвертая книжка, кажется, наконец-то разрешена к печати (а машина уже занята «Иностранкой» № 5⁵²), кроме передовой, каковую сегодня, по-видимому, заштампует-таки цензор. В ней сейчас наполовину «интервьюшного» моего текста (приводили в соответствие в соответствии с пожеланиями, высказанными Л.Ф. [Ильичевым] через Черноуцана)⁵³.

Когда выйдет сигнальный, его можно будет именовать многострадальным.

Задача сдать немедленно пятый и сдавать шестой №№, чтобы выпустить их разом, т.е. не слезая с машины, если это удастся. Так-то было бы лучше, чем сдваивать.

В субботу был у В. Гроссмана в Боткинской, в том самом урологическом, где навещал отца. Обычное чувство в таких случаях какой-то и неловкости, и виноватости, и фальшивой оживленности от усиленного стремления поскорей высидеть положенные 20—30 минут. Казакевич, теперь Гроссман, — как все это близко ходит, и как на корню обрывать всякие затеи и планы на будущее, как старит тебя. И все еще как будто в глубине где-то тщишься поведать кому-то обо всех этих вещах, кому-то, кто пожалеет тебя с твоими переживаниями возраста и проч. А его нету и не будет.

* Дуля — груша (смоленский говор).

14.V.63. М<осква>

В воскресенье вышел наконец мой многотрудный и обремененный упованиями интервьюшный опус⁵⁴. Как шутили в редакции, «НМ» как бы получил постоянную (а не временную?) московскую прописку.

В воскресенье поздно вечером на дачу вломился Яшин с женой и мальчиком: «Не приехать не мог». Новость ему принес отдыхающий в Переделкине Арк. Райкин⁵⁵. Там вообще был большой шум. Вчера К. Чуковский принес новое издание «Мастерства Некрасова» с надписью, что автор счастлив, «что дожил до 12 мая 63 г.», и что он этот день считает историческим⁵⁶. Однако, хитрец, «заодно» подsunул вдове Пастернака (не упустить подходящий момент!). Я не преминул сказать, что, поскольку причина, по которой она (З<инаида> Н<иколаевна>) обратилась ко мне за 1000 р., устранена, — договор с ней заключают⁵⁷, я воздержался дать ей свои деньги, тем более что «острая нужда» — ремонт «Волги» — меня просто смутила, а и не лучше ли ей обратиться к вам, К<орней> И<ванович>, с такой просьбой — вы человек ее круга, а я у них чаю или водки не пил. Старик неискренне, как всегда, закивал, засоглашался и исчез быстро, как и убежал.

Кто-то, кажется, Закс:

— Вот бы еще было не забыть упомянуть Гроссмана... — Как будто все дело в том, чтобы «не забыть». А кроме того, разве не менее достоин упоминания был бы, напр., Светлов Мих., о котором собираюсь чего-то черкнуть отдельно. И, кроме того, здесь каждая буква была на счету, и «золотая рыбка» могла вдруг забрать все и оставить при разбитом корыте «Н<овый> Мир»⁵⁸.

Воскресное весеннее впечатление при поездке на смотрины глупой дачи Лавочкина⁵⁹: запах молодой травы, усиленный тем, что ее скубло* стадо, т.е. рвало и отдыхало.

Сегодня вручение лен<инских> премий Маршаку и др.⁶⁰ Значит, уже два года (два года?), как вручалась мне, и с тех пор я молчу (последнее выступление со стихами 5.V прошлого года — «Слово о словах»⁶¹). Правда, кроме всяческой муры-мурецкой и двух речей (XXII съезд и Пушкинская), я еще закончил так ли сяк «Тёркина на том свете», но это вещь в себе. И надолго ли? И то ли это самое, что я должен

* Скубсти — щипать, рвать (смоленский говор).

явить «urbi et orbi» сегодня. Нет сомнений, во многом то, но и какое<-то> «устаревание» этой вещи неизбежно. —

А где моя проза? А где намечавшаяся к пленуму статья о «великой лит<ерату>ре»? Лирика? — день за днем, неделя за неделей, за «неотложкой» и праховой суетой, за отбытием возрастающих обязанностей и обязательств. Уже кажется, никому не нужно, чтобы я писал свое «художественное», а чтобы только «выступал», «откликнулся» и т.п. Но «не забыть» Гроссмана — одно⁶², но и себя нельзя забывать, т.е. упускать годы.

Вести записи в периоды хотя бы и вынужденного написания трудно и нудно. Единств<енный> смысл их в рабочем упорядочении мыслей и т.п. А так — за бортом все равно остается почти все самое большое, самое занимающее душу.

Еще был деп<утатский> прием — галерея просителей, Москва подноготная, ужасная⁶³.

«Резервная армия беспартийных, бесприютных, сорванных с места, с земли — куда ни приткнуться (но лучше всего в Москву и большие города)».

28.V

[Вклейка]

Я пишу эти строки о Михаиле Светлове, не сделав предварительно ни одной закладки в его книгах, не выписав цитат, не разыскивая статей и рецензий, в разное время посвященных его поэзии, — словом, без всякой подготовки. Я имею в виду того Светлова, который всегда при мне и во мне как один из моих любимейших современных поэтов, как часть моего эстетического бытия, моих давнишних и неизменных привязанностей в поэзии.

В самом деле, разве я не мог бы и вдалеке от книжных полок, без всякого посредства печатной страницы, назвать все его лучшие стихи, от «Гренады» и «Рабфаковки» — до самых последних, возобновить в памяти многие и многие строфы и строки из них, вспомнить восторженную статью Н.Н.Асеева по поводу его «Первой книги» 28 года — книги, сразу выделившей Светлова из ряда комсомольских поэтов его поколения, среди которых было и такое незаурядное поэтическое имя, как М.Голодный. Нынешним молодым читателям, может быть, даже трудно представить...⁶⁴

С последней записи было:

1. Передовая «Правды» от 19.V⁶⁵.
2. Чествование И.А.Саца и последствия⁶⁶.

3. Обдумывание среди дел и всяческого напряжения статейки о М.Светлове, — отказался от нее (мил, но мал, поэзия его сама себе отказала во многом; ошибка его в том, что он почитал за верх мудрости условно-шутейное отношение к жизни), передав в статейку З.Паперного кое-что из того, что набежало на ум⁶⁷.

4. Тяжба по поводу Камю. Вопрос предрешен в отрицательном смысле, может быть, еще тогда, когда я уходил от Л.Ф.[Ильичева] с его словами: «Пусть Черноуцан разберется». Черноуцан — бедный — вьется и бьется из лучших чувств: не печатать. Так одно за другим⁶⁸.

5. Очередная гадость «Известий»: обещали, зазывая «в гости», целиком перепечатать передовую № 4, дать целую полосу, ан — глядь — то же безобразие⁶⁹. Звонил вчера Аджубею: прошу вас учесть, что такие вещи исключают возможность каких-либо взаимоотношений. — Я учту, — сказал он, — и все. —

Очень верные слова А.С.Берзер (в связи с ознакомлением с наследием Эм.Казакевича) — эпопея 240 п.л. — о том, что, когда у человека есть что сказать, он пишет 2,3 листа, как Солженицын, а когда нечего, а только страсть авторства, тогда пишутся эпопеи в нескольких книгах⁷⁰. Очень верно для многих случаев, в т.ч. и бедного Фоменко, который сам взял на себя эту обузу — 2-ю книгу, — и ничего, видимо, не выходит, потому что он, м^{ежду} пр^{очим}, не Елизар Мальцев и т.п.⁷¹

Новый рассказ Солженицына — сила. Того, что там на 1½ листах, хватило бы на «острый, проблемный» роман типа Г.Николаевой⁷².

И за самое ребро, и абсолютно по-партийному, если вам угодно, и еще одной стороной повернулся талант, касаясь одной из самых важных «проблем жизни».

Нет, нет, не обязательно писать эпопеи, даже не нужно, бог с ними, лишь бы писать дело.

30.V. Москва

День отъезда в Италию⁷³. Затея вернуться морем, оказывается, довольно сложна, — скорее всего, не выйдет. Это обесцвечивает поездку, тем более что вчера Сурков и Рюриков⁷⁴ дали понять, что «еще с вас хватит»...

8.VII

Итальянские и дагестанские⁷⁵ впечатления календарно записаны в блокнотцах — дойдет вряд ли до них очередь. А между ними — пленум⁷⁶, пережитый мною на даче в состоянии хрипоты и пр. Но нет худа без добра, как стало потом ясно.

В пятницу передал Вл. Сем-чу [Лебедеву] «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>». В субботу он позвонил: «Поздравляю», «очень сильно», «читать одно наслаждение», «в сущности, это новая вещь» и т.п. Сегодня звоню я и иду выслушивать «отдельные замечания». — Вряд ли когда стоял так вопрос в смысле всей дальнейшей л<итературной> судьбы. — Стоял! И не один раз: «Муравия», «Тёркин», «Дом у дороги», «Дали» — всякий раз было так: или—или.

Но в данном случае дело связано с дальнейшим моим пребыванием на посту или уходе с такового (хотя Валя и говорит, что при всех обстоятельствах я должен оставаться. Она не знает в конкретике, каковы бывают «все обстоятельства»).

А если — победа? — Вчера весь день и всю ночь был в состоянии не то счастья, не то тревоги, работал на участке — косил, подчищал дубы, выкорчевывал внизу ср<еднего> сада голенастую яблоню и порубил на дрова сучья, а ствол оставил до пилы.

1.VIII.63

День отъезда в Ленинград, где мне делать, пожалуй что, и нечего, если учитывать присутствие Ив<ана> Ив<анови>ча и т.п.⁷⁷

Последняя встреча с Л.Ф.[Ильичевым]:

— Ну, когда же будет, что за «Далями»?

— Будет, есть. — Говорю напрямую о «Тёркине на том свете».

— Нельзя ли почитать? (Больше, по-видимому, из вежливости.)

— Так и так, объясняю, что первому — в этом духе и смысле — я хочу дать Н.С.[Хрущеву], который и т.д.

Черноуцан: — Не было бы худа, посоветуйтесь с Вл. Сем. [Лебедевым].

Вл. Сем.: — Ничего, правильно. Вещь-то загубить эту очень легко, что и не поправить после.

Сегодняшний разговор (по телефону) с Вл.С.

— Я докладывал. Охота большая, но времени нет совсем. Да и настроение (для прослушивания вещи) нужно подходящее. Ясность? Во всяком случае — вся недолга.

12.VIII

Накануне отъезда в Пицунду. — Ленинградские дни, при всем при том не были вовсе пустыми⁷⁸. Что-то еще понял, ухватил, еще больше почувствовал глупость наших радетелей и т.п.

Сегодня приехал с дачи — звонок С<офьи> Х<анановны>⁷⁹: — Звонил Л<ебеде>в, просил непременно позвонить.

— Так вот я докладывал Н.С. (2-й раз? Во всяком случае — уже когда тот был в Пицунде). — А он отдыхал в этом году? А то, может быть, мы бы здесь и встретились?.. Ну, а тут сама судьба...

— Я все захватил. Не скрою, искра надежды и т.д.

— Да, вот именно...

Словом, еду, т.е. лечу. Не будь этой «искры», ехал бы без всякой охоты.

Сейчас только что напотелся на вечере «европейцев» в ЦДЛ. Читал первым. Опять то же: «Нет, жизнь меня не обделила...»⁸⁰.

18.VIII. Внуково

Сегодня по крайней мере 5 мил<лионов> человек читают мою вещь, известную некоторому кругу читателей с 54-го г. и до последнего дня (вчерашнего) не называвшуюся по ее заглавию, даже после двух строк в сообщении о приеме Н.С.Хрущевым «европейских» писателей: «С большим интересом участники прослушали новую поэму А.Т.Твардовского, прочитанную автором»⁸¹.

Появление ее даже подготовленным к этому людям представляется невероятным, исключительным, не укладывающимся ни в какой ряд после совещаний и пленума⁸². — Третьего дня В.Некрасов исключен из партии одним из киевских райкомов. М.б., появивсь «Тёркин» днем раньше, этого не случилось бы. Впрочем, у нас все возможно и все обязательно. — «Известия», столько гадившие «Н<овому> Миру», затравившие Некрасова, вчера «с любезного разрешения редакции журнала» публикуют эту поэму. — Цензор С.П.Аветисян — сперва от себя лично, затем от имени б<ывшего> глав<ного> цензора, ныне пред<седателя> ком<ите>та по делам печати Романова, слезно просил меня опустить «одно слово»⁸³, в то же время держа «на разрешении вопроса» «Театр<альный> роман» Булгакова по соображениям, глупым до дикости⁸⁴.

Трудно еще представить, во что мне, журналу обойдется это словечко. Но уж получили! «Над нами же все будут смеяться». Я забыл, что только что говорил о безотносительности этих строк насчет цензуры к ним, ныне действующим представителям этого ордена: «Ах, уж столько от вас плакано, что не грех немного и посмеяться». — «Да ведь цензуры в нашей стране нет, А.Т.» — «Тем более, зачем же вам брать на

свой счет то, что относится к "загробным" установлениям? Почему редактор "Известий" не взял на свой счет все, что там есть о "редакторе"? — «Да ведь там об одном лице, а тут о целой системе».

Бедняга не заметил, что пользуется словом, уже подорванным, уже несерьезным после прокатки его в тексте поэмы с большой буквы. Впрочем, я слукавил под конец и сказал на всякий случай, что и хотел бы, м.б., но не могу ничего тронуть в поэме после чтения «где и перед кем — вы знаете». — «Но ведь были же замечания у Н<икиты> С<ергеевича>?» — «Были по одной строфе, и они мною учтены». —

Случилось так, что набирал (для ж<урна>ла) поэму тот же линотипист, который набирал ее 9 лет назад в первом варианте.

Все это событие укладывается в несколько решающих часов и похоже на цепь случайностей, счастливых совпадений. — В самолете еще я подбросил мыслишку В.С. [Лебедеву], что читать мог бы и в присутствии коллег — русских писателей, прибывающих с «европейцами» для встречи. В Адлере мы сели завтракать в Доме творчества Литфонда, а В.С. поехал сразу в Пицунду, чтобы встречать нас там.

Приезд. — Отсутствие «предбанника», где можно было бы переменить рубашку, как предполагалось. — Заезд в ворота, мимо которых я ходил, прогуливаясь в Пицунде в прошлом году, когда сидел там на даче Мжаванадзе за «Тёркиным». — Встреча, осмотр «хаты» (веранда, спортзал, бассейн морской воды, где Н.С. [Хрущев], обходя его, нажал некую кнопку, и вслед двинулась из стены дома стеклянная штора, говорят, 80 м в длину — это на случай дурной погоды). Официальная часть встречи в спортзале, где вдруг появился Аджубей в зебровой безрукавке и его бледная Рада⁸⁵. Речь Н.С. в духе «классовой борьбы», «идеологического несуществования» и т.п. Он представлял себе дело не иначе как так, что перед ним соц<иалистические> писатели и писатели буржуазные, «слуги капитала». Но все ничего. «Мы с вами пообедаем», — это раза 3—4. — Купанье в чудном, изумрудном, сразу глубоком, очень чистом море. — Только хвойца этих реликтовых пицундинских сосен виднелась на воде у берега. — Обед в другом помещении в 300 м от дачи Н.С., по-видимому, специального назначения для приемов. — В ходе обеда В.С. (раньше он только сказал, что чтение состоится сегодня, когда проводят иностранных гостей) подошел с новым предложением: не чи-

тать ли мне уж и в присутствии гостей (англичане и итальянцы уже простились)? Я, конечно, согласился. Вскоре Н.С. объявил меня: «поэксплуатируем». — Чтение было хорошее⁸⁶, Н.С. почти все время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю — очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки. — «Конечно, конечно», хотя никто, кажется, кроме Шолохова и меня, сидевшего с ним (до чтения) на самом конце стола, не курил. Дочитывал в поту от волнения и от взятого темпа, несколько напряженного, — увидел потом, что мятая моя дорожная, накануне еще ношенная весь день рубашка — светло-синяя, — на груди потемнела — была мокра. — Кончил, раздались аплодисменты. Н.С. встал, протянул мне руку: «Поздравляю. Спасибо». Тут пошли было некоторые реплики похвалы, но Сурков быстро сообразил, что «обсуждение» не должно быть, и предложил тост за необычный факт прослушивания главой великого государства в присутствии литераторов, в том числе иностранных, нового произведения отечественного поэта!⁸⁷ Потом я, решительно не принимавший ничего за столом (как и накануне), попросил у Н.С. разрешения (это было довольно смело) «промочить горло». Он пододвинул мне коньяк, я налил. «Налейте и мне, — сказал он, — пока врача вблизи нету». Когда я наливал ему, рука так позорно дрожала, что это многие заметили, но, конечно, это могло быть отнесено только за счет волнения. — И, собственно, дело совершилось, — подошел Аджубей с конкретными предложениями, посулами соблюдения всех необходимых условий и т.п. Там же он сказал мне, что хочет написать «врез». Я сказал: Нужно ли? — Нужно, говорит, вы потом посмотрите, — не захотите — не надо. Но теперь я, несмотря на все, соображаю, что надо, хотя написано плохо — фразисто и извилисто⁸⁸. На дорогу он пытался мне дать бутылку коньяку со стола, но я не принял, кстати, неначатой бутылки и не оказалось, как заявил позванный им «служитель». Кстати, мне особое удовольствие доставили восторженные лица «служителей» и охраны, тянувшиеся из проема, откуда носили блюда во время чтения. — Обратная дорога, Сочи, купанье перед ужином в другом уже, городском море с запашком канализации, с дрянного каменистого берега при малом шторме, ужин с Сартрами⁸⁹ и Сурковым, умеренная выпивка. Утром 14.VIII купанье в 6 ч. в компании И.Ф.Огородниковой⁹⁰, чай (слава богу, я удержался от предложенных водки или коньяка).

На аэродроме — огорчение, привезенное в последнюю минуту Лебедевым: Н.С. хочет прочесть глазами. Там насчет «большинства» и «меньшинства». Он говорит: «чтобы нам его (меня) не подводить». — Рукопись летит в Москву, с тем чтобы ей завтра, т.е. уже только 15-го, отправиться с курьером в Пицунду.

Встреча во Внукове — Драчинский с Мишей Хитровым⁹¹. — Объяснения. — Вечером приезд на дачу Лукина⁹² из «Правды» — объяснения. «Я, собственно, уже не заведу эту вещь, она уже не моя, мое дело сделано» и т.п.

Утро 16.VIII — приезд на дачу Драчинского с тем же Мишей: «Аджубей звонил — полное добро на публикацию поэмы, просьба подумать насчет "большинства" и "меньшинства"»⁹³. — Передача рукописи Др<ачинско>му с условием помочь 8-му № «НМ» в выходе. Деп<утатский> прием, обычный стыд и мука. — 17.VIII — чтение привезенных тем же Мишей накануне полос. — Днем в редакции — сверка нашего набора, сделанного в ночь, с известинским. — Выход «Известий» с «Тёркиным на том свете». Две бутылки шампанского — я, Закс, Софья Ханановна, корректорши и Миша.

Иду спасать уборную, подвешивать ее над обрушившимися краями ямы — сложная и увлекательная техническая задача. — Сосед Канюшкин, которого еле спровадил, презентовал ему № «Изв<естий>».

19.VIII.63. Внуково

Конечно, черта, за которой либо должно быть что-нибудь серьезное, либо — как это чаще бывает — спуск (воспоминания, поучения, самоповторения), а то и вовсе одно «представительство», переход в «бывшие писатели» (по Щедрину). Так или иначе — некоторое чувство освобождения, удовлетворение исполненным, доведенным до реальности «делом». Недаром одной из побудительных причин к «проталкиванию вопроса» была неравномерность объема двух томов нового издания поэм в Гослите; видя, что дело может затянуться или вовсе отложиться до пребудущих времен, уговорил Косолапова⁹⁴ сшить два тома в один («Поэмы в одном томе»). Теперь бы — либо опять расшить на два тома, подключив ко 2-му этого «Тёркина», либо даже подключить его к однотомнику, т.к. без этой вещи он уже не собрание моих поэм. Покупатель: «А "Тёркин на том свете" здесь есть?» — Нет. — «А-а!»

Совершенно ясно, что эта вещь — прямое продолжение и того Тёркина, и Далее, работа над которыми отодвину-

ла этого Тёркина, хотя, в сущности, смыкалась кое-где с ней («фронт и тыл»).

Вчера вдруг отметил, что совершенно произвольно получилось:

Автор пусть его стареет,
Пусть не старится герой —

против:

И как будто постарели
Сразу оба мы с тобой⁹⁵.

Там мы еще вместе, а здесь уже как бы врозь. Это хорошо, хотя и весьма грустно, бесповоротно.

Еще должно быть, помимо, конечно, отдельного издания, издание Тёркиных под одной крышкой. На переплете «Василий Тёркин», на титуле — оба⁹⁶.

Только сегодня прошла опухоль на ноге от укуса осы 14.VIII. Вечером, после которого я пережил, пожалуй, впервое чувство непосредственного страха — «оно»? Но не сильно струсил, только своим видом (внезапно набегающая отечность и т.п.) перепугал Машу с Олей. Оказывается, это моя злосчастная «аллергичность», — был отек легких, и я задыхался, от этого и сердце, так сказала на другой день Л<идия> Дм<итриев>на [Морозова]. —

Смоленск? Сейчас или на торжества⁹⁷, когда нужно будет играть роль «знатного земляка» в ряду с такими экспонатами и ради этого спешить к 29-му из Болгарии, где решили отдохнуть. —

22.VIII. Внуково

Вчерашний день провел здесь за чтением Евг. Герасимова (ох, жидковато!), Ковтуна⁹⁸, предавался и творческому сну. Ни в какие усадебные хлопоты и работы не тянуло. Внизу идет углубление и очистка нашего злосчастного прудика, который обещает быть водоемом со спортивно-отдыхательными добавлениями, словом, сулит мне под боком базар, шум, мат, бутылки через мой штакетник, громкое обсуждение моих заслуг и недостатков, т.е. все то, что уже отчасти накатано при наличии этого водоема до спуска его в связи с прокладкой водопроводной линии, от которой, кстати, вряд ли дожждаться толка: халтура!

Опять мысли о необходимости «бежать», но и трезвое понимание, что бежать некуда, кроме Пахры с ее начислениями, и что при любом решении остается еще вопрос, куда девать Внуково. — Нет, не те времена (не говоря уже о том, что не тот возраст), чтобы предпринимать что-нибудь житейское, требующее длительных хлопот, забот, отвлечения от запущенного своего главного «хозяйства». И вместе с тем — эти прутьики моей посадки, ставшие деревьями, дубы, которые заметно стали толще в объёме с тех пор, как здесь затеялось все это, принесшее так мало действительно-го отдыха, удобств для работы и столько одуряющих и уни-зительных порой забот, хлопот, отвлечения. — Жить тем минимумом житейских условий, какие пока что сложились, не рыпаться: никогда, м.б., всемирные осложнения не отно-сились так непосредственно к личным житейским намере-ниям, планам, усилиям⁹⁹.

«Тёркин» глухо (еще только 6 или 7 телеграмм, первые письмишки, изустные свидетельства о «звонких чтениях» га-зеты, сохранившейся с субботы, в поездах, учреждениях) вступает в свою гласную жизнь, все более уходя из меня и от меня.

Действительно, черта. Необходимо поскорее вплетать-ся в новую затею, чтобы эта черта не стала слишком знамени-тельной, возрастной. Нехитрое дело начать подведение ито-гов и т.п. Нет, дальше, дальше — есть о чем болеть и есть о чем писать. —

Смоленск. Утром на прогулке обдумывал речь на пред-стоящих торжествах 1100-летия города.

М<осква>. 4.XI.63

Более чем полуторамесячный перерыв в моем борто-вом журнале, — обычно это свидетельство о том, что угловое мое судно теряло управление, бушевали штормы, команда лежала в лежку и т.п. Отчасти было и это, но, гл<авным> обр<азом>, некая бездарность в проведении отпуска. Куда он ушел? — Две недели — Болгария, из них 6 дней того, что можно назвать отдыхом, — купанье, гулянье, сон с откры-тым на море окном, а море в двух шагах. Но и эти дни как-то без удовольствия — не мог привыкнуть к полуголым стари-кам и старухам, толстякам и скелетам (большею частью — немцы) в ресторане, в кафе, на прогулке. Приятен был адми-рал (Иван Добрев), но от него исходил слишком явный и грустный дух глубокого пьяницы, которому не миновать

катастрофы, м.б., более бесповоротной беды, чем те, что он уже испытывал. Хорош, терпелив был милый и умный Тоню (Стоянов), но он очень удручал меня своими расчетами в ресторанах, это нахлебничество угнетало меня, хотя по условиям я был гость, но одно дело бесплатная путевка, как могли бы они сделать, другое — кормежка с рук, ожидание счетов Союзу писателей и вся эта канитель. — Дорога туда и обратно — 4 суток. Л.Е.Кербель¹⁰⁰ с Татьяной Мих<айловой> — Машины покупки (получил я там отовсюду не менее 1000 левов).

Поездка в Смоленск была неудачной. Глупый праздник, грустная обстановка, Павел с его «Сетью»¹⁰¹, очень постаревшая и очень невеселая мама, — срыв, коего так не хотелось. — Потери после Смоленска — Лидия Дмитриевна [Морозова], дошло, по-видимому, и до «верха» (Вл. Сем. [Лебедев] при встрече деликатно, исподволь: отдохнуть в Барвихе, ведь вам предстоит такая трудная поездка). — Зубы. Деваться было некуда, и вот уже завтра в 6 ч<асов> получу госзубы (верхние передние) вместо своих частных-собственнических. Не болевые ощущения, о которых обычно говорят с преувеличением, а какой-то глупый стыд и глупая грусть: вот уж, мол, тех зубов, которыми я с детства кусал хлеб, морковь, яблоки, орехи, грыз кости, их — самых заметных нет, — а вместо них то, что и название имеет отгаликующее: протез. —

«Тёркин на том свете» — нет, это не то, что было с окончанием «Далей», где вслед за появлением глав в «Правде» все уже пошло своим ходом, хотя в почте было достаточно всякого. Здесь и по напечатании вещи, и официальном оповещении о ней в сообщении о встрече в Пицунде, и при всех дарах почты (правда, и она разная — на 15—20% резко отрицательная или просто глупа)¹⁰² сопротивление ей имеет куда более активный характер. «Октябрь» 2-й раз открыто поправляет Н. С-ча [Хрущева]¹⁰³, «Известия» возражают, но как-то надвое¹⁰⁴; книжку «Сов<етского> писателя» цензура уже 2 недели «читает», хотя ясно же, что она там ничего не вычитает¹⁰⁵. Это, конечно, уже «личная» месть цензуры, которую она обрушила в первую очередь на журнал (донос по 10-й книжке, отклоненной на Старой пл.¹⁰⁶, прицепки, помехи, укусы при всякой малой возможности).

Действительно, вроде того шведа, который пишет, что еще неизвестно, чем эта история (с «Т<ёркиным> на т<ом> св<ете>») кончится. Иногда мне бывает не то что страшно, но тоскливо.

Правда, вещь оказалась сложноватой, лишенной того общепобедительного качества, каким был наделен старый «Тёркин», но как же ей было быть несложной и как ей было не возбудить «мертвецов». —

6.XI.63. М<осква>

Кануны больших праздников располагают к подведению неких итогов, к оглядке назад. В этом году ничего, почти ни строчки, не было написано, кроме окончания «Тёркина на том свете», этой моей «потаенной» работы, о возобновлении и доведении которой в иные годы, казалось, не могло быть и речи. Она числилась за мной как давний грех, искупленный, непоминаемый, но годный и для напоминания при особом случае. Кроме того, после прошлогоднего разговора об этой вещи с Н.С.[Хрущевым], позволившего мне с переменными приливами надежды и полного неверия в возможность ее опубликования, наступило полугодие Совещаний, атак на «НМ» и проч., что, казалось бы, начисто исключало всякую тень надежды. Но после подведшего черту под Совещаниями пленума автор вдруг построил себе такую «концепцию», с коей и пошел к Вл. Сем. [Лебедеву] и, м<ежду> пр<очим>, вкратце изложил ее при встрече с Л.Ф.[Ильичевым], что, мол, самое время теперь, после пленума, ее и печатать, прямая выгода. Понято это было одним Вл. Сем-чем, который, слава ему, отлично знал, что по инстанциям его запускать нельзя, что ее «погубить ничего не стоит». Потребовался еще порядочный срок терпения, выжидания, переменных настроений — вплоть до Пицунды.

С момента опубликования поэмы в «Известиях» начинается новый период, длящийся и поныне, период неполного торжества, как будто она опубликована только по недоразумению или недосмотру или же так, в виде опыта, и ей еще нужно «легализоваться». Похоже, что если и не позволено на нее обрушиваться критике, то только из соображений (неписанных) приглушения ее. Это «сверху», и это очевидно и недвусмысленно. Молчание газет, торможение с изданием (с 21.X книжка лежит в той самой Цензуре, которой посвящены в ней известные строки).

А «снизу» тоже все неоднородно и сложно. Конечно, подавляющее количество писем благодарственных, сочувственных, оценивающих вещь прямым положительным образом. Но вместе с тем и недоумения, и возражения, и протесты, и бог весть что.

Почему «тот свет», зачем «темнить», говори прямо про этот? — М.б., действительно за годы от первого до нынешнего варианта так все накопилось и накалилось, что уже вся эта условность кажется лишней, уводящей от прямой сути дела. М.б., должна была бы явиться вещь более «прямая» — на всем том, что накопело. Но продолжаю думать, что и такая «условная», м.б., уже в чем-то запоздавшая вещь имеет смысл откровения возможности говорить о том, о чем не принято было говорить издавна. —

Словом, главный «итог» — продвижение вперед, удержание принципиальных позиций мною и журналом. Мы, т.е. я и ж<урна>л, до того вклинились куда-то с недостаточными силами, что уже и обратного пути нет, и продвигаться страшно трудно. — Еще один гнусный опус Кочетова («Октябрь». № 11. Ответ «Известиям») ¹⁰⁷.

25.XI. Барвиха

Третий день здесь. Еще ни врачей, ни горшков, ни уток — ничего, т.к. приехал накануне выходного дня. Комната 21 в первом этаже, непрерывный машинный шум компрессора (отопление). Плохой сон обе ночи. Временами сквернейшее состояние духа, — пожалуй, никогда еще здесь не было так тоскливо. Уже столько здесь прошлого, столько памятных теней с того первого моего заезда в 50 году, когда все было в новинку.

В пятницу — Маршак с Лакшиным, радио о Кеннеди. Маша: ранен, Оля следом — скончался. Стрелка большого времени дернулась и перескочила на некое новое деление (зарубку). — Сегодняшнее сообщение об Освальде — это уже нечто от детектива, от гангстерского фильма и чем-то нарушает величавую трагичность конца Кеннеди ¹⁰⁸: тот же госпиталь и т.д. — Господи, буди милостив [к] нам, грешным. Еще черт знает, что и как может развернуться в мире. —

Я приехал сюда на этот раз без внутренней необходимости рывка, напряжения, как это было при работе над «Далями» или «Т<ёркиным> на том свете». Этого, покамест, не может быть, и, м.б., от этого я такой полусонный и слабодушный. Годики! Пора привыкать и соразмеряться с ними. — Будем потихоньку-полегоньку входить в свое запущенное хозяйство, на «крутой подъем» которого я не могу рассчитывать немедленно. —

26.XI. Б<арви>ха

Приехал сюда с моим портативным Пушкиным, имея в виду просмотреть его заметку о Джоне Теннере, книгу ко-

того (первое полное издание на русском) недавно прочел¹⁰⁹. Так случилось, что это вошло в круг мыслей об Америке в связи с убийством Кеннеди.

Замечательно, что Пушкин не только увидел и почувствовал трагедию Д.Теннера, возвратившегося в мир белых с более высокими, чем у них, нравственными и этическими понятиями, но заканчивает свой обзор грустными выводами о постепенном вхождении Теннера в колею благополучного янки: выгодно проданная книга записок, судебный процесс с родней за часть наследства — нескольких негров, которыми этот сын лесной индейской вольницы должен будет распорядиться в соответствии с правами хозяина. —

Среди отдыхающих — уезжающий сегодня Л.Кудреватых¹¹⁰, странноватый человек, которого я знаю с войны по выпивке в разные времена, первый муж Верки Горбилевой, нынешней жены Кочетова. [...]

Рассказал мне о своем странном браке и разрыве с ней — все как-то не всерьез, как-то попутно с разными развлечениями журналистской молодости. Сын от первой жены его, умершей от туберкулеза горла, оставшийся без надзора в годы войны, пошел и пошел по преступной стезе, и ныне (ему уже лет 37) о нем уже нет никаких сведений, — последний срок у него был 15 лет каторги. Когда они виделись предпоследний раз, сын жил у него с неделю. Было уже ясно, что он целиком во власти «романтики» того мира, с воодушевлением рассказывает о выдающихся «законниках», лидерах преступного братства и т.п. А в последний раз — заехал в «Правду», вызвал отца по телефону из «Огонька» вниз, попросил 200 руб. Был с какой-то женщиной. «Ну что же, думаешь ты как-нибудь становиться на путь?» — «Поздно об этом говорить». — Дал ему деньги (при себе не было, одолжил в редакции) и больше уже его не видел. Но еще было 2—3 письма из разных мест заключения — без просьб о помощи, просто так. — «Я вычеркнул его из своей отцовской памяти. Теперь у меня, слава богу, все хорошо в смысле семьи, я сосредоточен на нынешнем сыне — ему уже 13 лет, нужно внимание, забота».

Отдыхает здесь на правах персонального пенсионера маленький лысый почти до затылка человек с помятым бритым старческим личком, на котором, однако, как и в форме маленькой, вытянутой назад и вверх головы и поваленного почти плашмя от бровей лба, проступает сходство с младенцем и мартышкой. Нижняя часть лица более всего определяет это второе сходство — тяжеловатая, выдвинутая вперед. Голос неожиданно низкий, с небольшой хрипотцой. Походка старческая, мелкими шажками, почти без отрыва ступней

движком — шмыг-шмыг-шмыг... Зад осаженный, сбитый кверху, как это бывает у стариков. Это — всего десяток лет тому назад — владыка полумира, человек, который, как рассказывают, со многими из тех, чьи портреты вывешивались по красным дням и чьи имена составляли неизменную «обойму» руководителей, здоровался двумя пальцами, не вставая с места. Это А.Н.Поскребышев, многолетний первый помощник И.В.Сталина, член ЦК в последние годы этой своей службы, генерал-лейтенант. Я помню, как его выводили из состава ЦК, кажется, на сентябрьском пленуме. Имя его в аппаратных (высоких) кругах звучало как знак высшей власти, решающей инстанции. Такому-то позвонил Поскребышев — означало, что позвонил почти что Сталин, собственно Сталин, вещающий плотью его голоса. Вспоминаю, как я имел наивность и отчаянную решимость позвонить ему по вертушке с просьбой о передаче И.В.[Сталину] рукописи романа Гроссмана на прочтение, где была (навязанная автору нами) глава о Сталине, а это было уже время, когда ничего о Ст<а-ли>не без него не было возможно в печати¹¹¹.

«Да. Ну? Нет» — слышались в телефоне односложные низкие, но такие тихие-тихие отзвуки его голоса, голоса знающих, что их должны слушать и слышать. В этом голосе была и величественная, запредельная усталость, и даже скорбь, и законное, само собой разумеющееся полувнимание (меньше того!) человека, который занят чем-то несравненно более значительным и серьезным, чем то, о чем ты ему «вякаешь». Помнится, он не отказал прямо, но сказал, что лучше отдать «аппарату», — вообще, это особая история.

И вот этот единственный в мире человек, который мог бы и должен бы явиться куда более интересным для современного мира Эккерманом, чем гётевский Эккерман¹¹², который мог бы написать великую книгу и с уходом которого исчезнет навсегда многое-многое из того, что еще, м.б., столетия будет интересовать историков, политиков, художников и т.п.

Этот человек ходит в столовую, принимает процедуры, играет в домино, смотрит плохие фильмишки в кино, словом, «отдыхает» здесь, как все старички-пенсионеры, и как бы это даже не он, не тот А.Н.Поскребышев, ближайший Сталину человек, его ключник и адъютант, и, м.б., дядька, и раб, и страж, и советчик, и наперсник его тайного тайных. Высшая школа умения держать язык за зубами, не помнить того, что не следует, школа личного отсутствия в том, к чему имеешь (имел) непосредственное касательство, и полная свобода от обязательств перед историей («Это не я — это партия в моем ничтожном естестве была на моем месте, и выполняла свою задачу, и могла избрать для этой цели чье-нибудь дру-

гое, столь же ничтожное, естество»). Пытаться к нему подступиться с разговором на тему о его исключительных, единственных возможностях и единственном в своем роде долге — дело безнадежное. «Что вы, что вы, зачем это? Ни к чему, да я и не знаю ничего», — затрепыхался он в ответ на прямую постановку вопроса Леонидом Кудреватых (по словам последнего). И даже будто бы сказал: «Я боюсь». Но дело не в страхе, хотя, конечно, страх над ним денный и ночный не может не висеть, а в том, пожалуй, что, как говорит Кудреватых, он вблизи производит впечатление прежде всего человека не только малообразованного, неначитанного, но просто недалекого и почти малограмотного. Таков этот полубезвестный, но могущественный временщик, выходец из дер. Сопляки. (Забавный эпизод, связанный с этим — по Кудреватых.)

28.XI.63. Б<арви>ха

Переселился вчера в эту, № 57 (3-й этаж) комнату, здесь действительно тихо, чуть слышен снотворный шум тепла в отопительной системе — вроде шума дождя (городского). Через комнату от меня (я в самом конце коридора) этот самый Поскребышев, который все не идет у меня из головы, вернее, не он, а все то необъятное, от которого он много лет имел ключи в единственном экземпляре. — Вчера флюс, с которым я, наверно, сюда и приехал и гулял, здесь начал меня потихоньку донимать (накануне спросили: очень болит? а то у врача очередь большая. — Да нет, конечно, не очень). Зубница (приезжая) сразу за дело — вспорола десну, вычистила, помазала и т.д. Пришел, болит, принял, кажется, аналгин, заснул, а тут и приехали мои замы¹¹³. Поговорили о № 1: худо, печатать нечего, все явственнее то, что давно уж наметилось: беллетристика доживает свой век, — она не может не быть фальшивой, когда у нас вымысла («обобщения») боятся больше, чем факта с именем и отчеством. Не может не быть фальшивой, поскольку представляет необозримые возможности конструирования действительности в заданном, избранном произвольно духе и плане. — Солженицын — не беллетристика, а Федин — она, и бедняга чувствует сам, что ничего уже не выдавить из этого пересохшего тюбика, — просит опубликовать его извинение перед читателями и редакцией¹¹⁴. —

Тем важнее было бы развитие мемуарно-очеркового жанра, фиксация того, что было или есть на самом деле, а не в наших представлениях, декретированных «свыше». И искусство никуда не уйдет, будь только правда на месте. Эти дни был воодушевлен (под влиянием отчасти пушкинских заме-

ток) замыслом записать исторические (они уже таковы!) анекдоты о Сталине¹⁵. Таких анекдотов я сам порядочно знаю от некоторых живых и покойных людей, являющихся персонажами этих произведений современного фольклора (Фадеев, Павленко, Засядько, Исаков¹⁶, наконец — Хрущев и мн<огие> др<угие>). Но для этого нужен полный досуг, отстраненность от «текучки». А вчера подумал: нет, не могу я бросить ж<урна>л, м.б., и потому, что уже вряд ли смог бы писать «в запас», без прямого предназначения, необходимости подачи снарядов во время боя. И еще мне теперь несомненно, что если я доберусь наконец до своего «Пана Твардовского», то это решительно не будет беллетристикой, построением тягучего романа-хроники со всяческими перекрестными линиями сюжетного чертежа, хотя именно этот жанр я читательски всегда очень любил и в таком плане смутно обдумывал свою «главную книгу».

Рассказывал Кудреватых: жили здесь два знаменитых председателя колхозов, — одного из них, Акима Васильевича Горшкова, я хорошо знаю, другой, кажется, Коротков, дважды герой и т.д. — Это особый разряд руководителей наших островных (в смысле успешного хозяйствования на общем фоне) колхозов¹⁷. Без этих колхозов нельзя: о них пишутся книги и брошюры «опыта», они принимают иностранных гостей — друзей или недругов, они ставятся в пример, они занимают трибуны бесчисленных кустовых и пр<очих> совещаний. Словом, нельзя, к тому же руководители их — люди большой популярности — живой и газетной. Такого председателя не только райком, но и обком снять, переместить не посмеет. Причем они очень немногочисленны, они редкость долголетия на посту (Горшков — с 1929 г.). Это своеобразные Шолоховы по «неприкасаемости». — И вот эти два председателя в одно заявили здесь, что главное и решающее условие их успехов в том, что они никогда не выполняют, обходят, игнорируют «конкретные указания партии и прав<ительств>ва». То е<сть> все, что имеет успех, что как-то оправдывает соврем<енные> формы сельскохозяйственного производ<одст>ва, — все это достигается только *вопреки*, а не *благодаря*... — Я это давно знал, знал и на войне, и в мирной жизни. Почему же мы не можем развязать повсеместно такую инициативу и самостоятельность? Почему же мы не можем поверить в народный разум, в неисчерпаемый запас талантов, положиться на них? Единственно потому, что некуда будет девать Снастиных¹⁸, а с ними Софроновых, Кочетовых, имя же им легион. Куда девать этот легион, крепко сам себя любящий и связанный своей *поглой* круговой порукой!

«Хорошему председателю никакая кукуруза не страшна», — брякнул некто с трибуны — со всей серьезностью и простодушием — в период самого остро-директивного навязывания этой панацеейной культуры.

Беда вообще, когда суть дела усматривается в совершенно невинных пропашных или многолетних, в системе квадратно-гнездовой или иной, в торфо-перегнойных горшочках, — словом, в агротехнике, а не в политике, единственно способной развязать этот «тугой узел».

Рассказывают, что проблема приемки имеющего прибыть из-за границы хлеба оказалась очень-очень непростой. Мы не имеем опыта со времен незапамятных в приемке такого рода грузов — хлеб мы лишь отгружали, отправляли, — ни складочных помещений такого рода, ни техники. — Военные порты получили задачу, новую и для них.

29.XI

Вчера лечащая (славная, скромная, немного даже припуганная) навязала мне «профессора» (фамилии она не назвала — для нее это звание превыше имени, оно само по себе как бы имя). Приятный, хоть и несколько самодовольный старикан с желтоватой бородкой. И сразу мягкие, глубоко обидные, унижающие формы вежливого насилия: усаживаю не я его в своей комнате, а он меня — на диванчике, лицом к свету, а сам в кресле, развернутом от стола. Тут же — лечащая, хотя явно разговор был рассчитан на этакую интимность, доверительность. И пошло по нотам: нет ли головных болей, страхов, тоски, неприятных ощущений в кончиках пальцев и т.п. Курение и от курения — к другому. «Сколько выпиваете зараз? Хмелеете быстрее, с меньшей дозы, чем прежде?» И все это при лечащей, которая, как при экзекуции, сидит, скорбно потупившись. И в довершение всего: «Как потенция? Я имею в виду то, что она непосредственно связана с вашей творческой активностью». — Как я ни зарекался в ожидании этого посещения говорить как можно меньше, все же, когда лечащая, после моей шутки, вышла, разговорился несколько больше, чем следовало. Это уж в таких случаях начинается разговор с самим собой или перед тем «высшим судом», который виноватые всегда имеют в виду. Расстались по-доброму, он даже успел мне сказать, что его сын или племянник написал мне ответ в стихах на нынешнего «Тёркина» (то-то диво), а ушел, и меня так все это огорчило («А здесь испытываете тягу?»), пообедал и уснул на том самом диванчике, который был мне только что «скамьей». Не хотелось ничего

обдумывать, ни оправдывать себя, ни самоутешаться. Потом сестра пришла с уколom («Б-6»?), я ничего не понял, думал, что это предписанный мне пенициллин, а часов в 11 лег (пениц<иллин>, само собой, был на ночь) и впервые здесь проспал без перерыва до 6 ч. Но и в этом есть что-то унижительное — почему бы не сказать мне, что и зачем. Впрочем, м.б., это ноксирон, о кот<ором> он говорил, что это снотворное не оставляет неприятных следов для головы. —

После этой записи разделся, лег, проспал сладко до 9 и проснулся свежим в первый раз здесь. Оказывается, это назначенная мне как лечение инъекция витамина «Б-6».

В последние 10 лет, несмотря на репутацию пьющего (эка новость это у нас!) и 54 г. (снятие с «Нового мира», запрещение «Тёркина на т<ом> св<ете>»), я, безусловно, мог достигнуть высших степеней в «системе» Союза писателей, т.е. оказаться во главе его. Во всяком случае, слухи относительно такой возможности были¹¹⁹, а «возглавить Моск<овскую> организацию» мне предлагалось официально. Но меня всегда пугала все более определенно выступавшая представительская, непродуктивная сущность этой должности. Если бы это случилось, я бы, наверно, погиб и ничего толком сделать бы не сумел, т.к. не обладал многими необходимыми для этой должности качествами Фадеева, суетной мобильностью Суркова и самобережением К.А.Федина (ни его старческим честолюбием), я бы неизвестно как бы вертелся и терзался там. —

Я избрал для себя другую упряжку, т.е. «НМ», в первый раз еще, пожалуй, и не вполне осознавая, что за роль и что за долг мне определится на этом месте, а во второй раз уже отчасти и предполагая. И получилось так, что нынче на этом КП я гораздо больше в реальности означаю, чем весь Секретариат Союза писателей. Хвасть хлеба не даст, но это очевидный факт, что «НМ» — это не мои слова — журнал, единственный из всех, занимает такое серьезное место в жизни нашего общества, отмечен и выделен из всех далеко за пределами литературных кругов — читателем. Можно с уверенностью сказать, что помимо этого ж<урна>ла ничего мало-мальски стоящего не появилось в нашей литературе за последние годы. «В<округ> да о<коло>» Ф.Абрамова в «Неве» — случайность; кстати, в «НМ» очерк в таком именно виде не появился бы (предколхоза в пьяном забытии принимает свое отчаянное решение о 30 процентах)¹²⁰. Не говоря уже о критике и библиографии нашей, столько поставившей вещей на свое место. Не говоря о зарубежном

вниманию к ж<урна>лу, — не обязательно дурном, чующим «жареного», но и самом добром. Наконец, два таких рывка, как «Ив<ан> Денисович» (и Солженицын вообще) и «Тёркин на т<ом> св<ете>», ударная сила которых еще действует и будет действовать впредь, и ничем ее — даже фигурой умолчания — не прекратить, не снять. — Все лучшее в современ<енной> литературе идет к нам, тянется за нами, несмотря (а м.б., и благодаря) на все атаки со стороны «бешеных» и попустительство (да и только ли попустительство!) со стороны идеологических верхов, на стремление «оторвать Твардовского от «НМ». Более того, эти «верхи» не против были бы не только отпустить меня «по собственному желанию», но и попросту отстранить от руководства журналом, но не делают этого, затаив на журнал и меня лично великую нелюбовь и опасения, — ждут часа! — Ж<урна>л размежевал реальные силы литературы, провел дифференциацию их на глазах у большого читателя, при его очевидном преобладающем сочувствии. Далеко не плохая картина реальной литературной борьбы, осложненной недоброжелательством «верхов» (не самых верхних!), демагогией, приемами беззастенчивой лжи, доносничества и т.п. со стороны темных сил литературы. Есть из<-за> чего хлопотать, претерпевать многие гнусности, тяготы, огорчения. (Нет мне ничего противнее, как слышать от иных доброжелателей моих слова о том, что, мол, зачем вам возиться еще с журналом, ведь у вас все есть — положение, деньги, известность, — вас, мол, пальцем тронуть нельзя вне журнала. Неужели, дескать, это червь тщеславия, желание «руководить»? и т.п.) За всем тем я отлично понимаю, что ж<урна>л далеко не соответствует такой высокой оценке — в нем видят более того, что в нем, покамест, есть — от великого желания иметь в его лице то, чего еще нет.

1. XII.63. Б<арви>ха

Прошла неделя — самая канительная и непродуктивная здесь, как обычно. — Сегодня приезжает Кондратович [с] Залыгиным, будет разговор о повести последнего после второго и внимательнейшего ее прочтения¹²¹.

Из языково-стилевой трясины крестьянствующей манеры изъяснения (полное отсутствие авторской речи) ему уже, конечно, не выбраться. Но тогда уж играть все до конца в этом духе, исключая крайности областнических речений и стилизации мужицких «внутренних монологов».

Как можно написать вещь о 30-м годе в сибирской деревне, обойдясь без имени Сталина не только в речах и ре-

пликах на собраниях, но и в задушевных беседах мужиков один на один, в бесконечных внутренних монологах и даже диалогах крестьянской души!¹²²

Очень грустно, что автор не понимает, влекомый уже, наверно, другими замыслами, что важнее, значительнее этой темы он не обретет нигде, ни в чем и что если эту вещь он не «доведед до ума», то и никакую другую он не доведет. А ясно, что он не захочет идти до дна, рисковать написать вещь, которая, м.б., не будет напечатана. Того внутреннего высоко<го> обязательств<а>, что у Солженицына, у него не найдется, хотя внешнее (в языке, в письме, в рассмотрении всего глазами Степана Чаузова и осмыслении умом Чаузова всего происходящего) он ухватил в «Иване Денисовиче».

«...ленинский план кооперации.

— План-то есть, да Ленина нет».

Оч<ень> хор<ошо>, но автор, касаясь (словами Юриста) вопросов практики с<ельско>-х<озийственной> кооперации в Сибири, молочного дела и т.п., касается этого в совсем ином плане: вот, мол, это же и есть те начала коллективного хозяйствования, которые подводят к колхозу. Все не так. Коллективизация (сплошная) смыла кооперацию, все эти маслозаводы, успешную конкуренцию с кулаком и т.д. Кооперация — экономический, хозяйственный путь, но коллективизация пошла другим путем — государственным, политическим, административным. Весь предшествующий путь кооперации (артели, маслосырзаводы и т.п.) она объявила кулацким путем.

К.Буковский — ненапечат<анный> очерк о камском животноводстве, успехах молочной кооперации еще в дореволюционное время¹²³. —

Юрист мог бы больше распространяться об индустриализации, задачах обороны, — все правильно, но лишь как призыв к жертве во имя «истории». Не из нужды крестьянского двора...¹²⁴

Вчера Маршак: прочел всего подряд «Василия Тёркина». Ты, м.б., сам не знаешь, какая необыкновенная книга, какие там есть изумительные места. Я, говорит, прочел ее всю в день, когда должен был ехать к врачу-окулисту насчет своей катаракты, больной, перемученный, с тяжелыми опасениями насчет зрения, и вдруг ощутил подъем, прирбыль сил. Нет, не может умереть поэзия, когда есть такие вещи. Это необычайная сила русского языка и стиха в слиянии их возможностей. Ах, какое счастье — быть тобой в наше время. — В этом роде¹²⁵.

Как-никак, но и мне было приятно, это как подарок, что брат-литератор, достаточный себялюбец и делопроизводи-

тель собственной славы, вдруг прочитывает от начала до конца твою книгу двадцатилетней давности. Этим мы не избалованы.

Второй день (третий раз) хожу в лес за братское кладбище, левее старого карьера, к костру, запаленному до меня рабочими, производящими «рубку ухода». Бузинный рогозливый хворост, орешник, сучья берез, черемушника, еловые лапки — это понятно. Но в костре глеют положенные с выпуском концов здоровые жерди — черемуха, осина, сухостойные дрова. Подсовываю головешки, подкидываю концы хвороста¹²⁶.

Одна из актуальнейших задач, от которой не убежать, — добиться присуждения премии Солженицыну¹²⁷. Московские писатели позорным образом провалили выдвижение этой кандидатуры, предпочтя ей гнусную Г.Серебрякову, возобновляющую свое выдвижение¹²⁸. Кстати, она носится по инстанциям со своей антисолженицынской штукой «Смерч»¹²⁹, где все не так «примитивно» и «заниженно», как у Солженицына (в «Одном дне»). Среди отводивших Солж<еницы>на — Антонов С., Н.Чуковский. Караганов, говорит, попытался напомнить, что вещь одобрена Президиумом, что о ней говорил Н.С.[Хрущев] и т.д. Тов. Тевекелян¹³⁰ (человекоподобное существо с речью на самой низкой ступени развития) разъяснил: — Это ничего не значит, Н<икита> С<ергеевич> давал политич<ескую> характеристику вещи, но он вовсе не думал нас обязать... Словом, новация: культовики отлично используют антикультовую атмосферу в своих архикультовых целях. Думаю, что делать мне больше в этом «новом составе» Ком<ите>та будет нечего, если не удастся.

3.XII.63. Б<арви>ха

Статья Лакшина об «Ив<ане> Денисыче» — первый ход (после выдвижения редакцией этой вещи на соискание) в направлении главного удара¹³¹. Статья очень хороша, но, м.б., недостаточно политична. Вчера направил письмо Лакшину и говорил с ним по телефону.

Стихи из записной книжки (в голове).

1. Береза у ворот Кремля.
2. Шум моря, сосен, хлеба —
А это жизнь моя шумела,
Что впереди еще была.
А это время

Мое шумело впереди.
Мое большое.

3. Тетка Дарья, коммунизм на дворе,
Выводи корову...

4. Ночная пахота у моря (тракторы, ровняющие пляж
зачем-то).

5. Часов кремлевских бой державный.

6.

4.XII

Тот шум торжественно-сонливый,
Доныне в памяти живой.
Как молодая, до налива,
Шумела рожь над головой.

Он был сродни совсем другому —
Как в несравнимой вышине
В вершине сосен смутный гомон
Шумел, вещал о чем-то мне.

И эти два родные шума —
Иной порой, в краю ином,
Как будто отзвук давней думы
Я распознал еще в одном¹³².

Совсем разучился. Но — лиха беда начало.

Единственно, с кем разговариваю (м.б., не стоит слишком, но больше стараюсь слушать) — Свердлов Андрей Яковл<евич>, сын первого пред<седателя> ВЦИКа, странный, загадочный человек. 16 лет работы в НКВД (или КГБ), словом, в органах, трижды сидел сам. Знает страшно много, но неизвестно, что действитель<но> знает, а что врет. До 37 г. жил с матерью в Кремле, знает как житейских соседей всех — от Сталина до кого угодно. В детстве знал Ленина. Знает бездну деталей, подробностей, сплетен, анекдотов «придворной» жизни. Куда там до него тому екатерининскому генералу, которому повезло видеть голую задницу императрицы! Этот уверяет, что видел искусственный член Ягоды (каучуковый, на пояском ремне). Знает (со слов ген<ерального> прокурора), что Берия занимался онанизмом в камере. Знает, кто под кого «копал» и кто на кого «капал», помнит десятки и сотни имен, принадлежащих той неопубли-

кованной истории нашей эпохи, которая, тем не менее, есть история. И при всем этом — какая-то в нем неуловимая недо-
стоверность, трепачество, всезнайство, надменность и вме-
сте припугнутость. Главное, хоть он и грамотный и даже пи-
сучий человек (работы о Свердлове, Дзержинском, Орджо-
никидзе), мемуаров он не напишет, а мог бы написать нечто
не менее ценное, чем Поскребышев, т.к. у него другой угол
зрения, он рос и формировался в атмосфере очевидно анти-
сталинской (м.б., отчасти, троцкистской). Чаще всего он со-
общает о людях дурное: Тухачевский — наркоман, морфи-
нист; Косарев — бабник, использовавший служебное поло-
жение¹³³, та-то — блядь, тот-то — сукин сын.

Сам начал рассказывать, как ему пришлось допраши-
вать Драбкину¹³⁴, — эпизод, о котором я был ранее слышан.
«Меня пригласили воздействовать на нее — не признается
ни в чем». Он, как явствует из его слов и из того, что слышано
раньше, попытался ее увещевать, нужно, мол, признаваться
во всем. Но ничего не вышло. Однако, говорит, «мы расста-
лись друзьями». Похоже, что так с дружескими к нему чув-
ствами она и поехала в ссылку на 17 лет. А рассказывают, что
он попытался привлечь память отца (секретарем которого ра-
ботала юная Драбкина): «если бы жив был отец...» — Если бы
он был жив, ты бы, сукин сын, не сидел бы здесь — и т.п. —

6.XII.63. Б<арвиха>

...На полке принятых приличий
Она у века на виду.
Ее цитировать — обычай —
По дням торжественным в году.

На ней печать почтенной скуки,
Величья пройденных наук,
Но взяв ее небрежно в руки,
Ты, время, обожжешься вдруг.

В нее ты вникнешь с середины,
Сначала всю пройдешь насквозь,
Нет в ней страницы ни единой
За недосугом на авось —
Нельзя оставить¹³⁵.

Почти пятидесятилетие жизни нашей страны еще, ко-
нечно, не имеет своей истории, вернее, имеет несколько ее ва-
риантов. Еще так все близко, еще этот период обнимает память
одной жизни человека, но уже все так смутно, противоречиво,
недостоверно. Старые большевики (этот особый контингент,
базирующийся ныне на Барвиху, ул. Грановского, Кунцевскую

б<ольни>цу) свои изустные воспоминания доводят, как подметил кто-то, до 21, много если до 24 года. А потом для них — как ничего не было. Они уходили в свои воспоминания, все менеепонимая, что происходило дальше при них и вокруг них. А еще более старые революционеры — те еще раньше живыми ушли из жизни (Маршак рассказывал с чьих-то (одного врача) верных слов, что шлиссельбуржец Н.Морозов жил где-то в Крыму, в своем закрепленном за ним имении, отправлял вагонами всякие фрукты и продукты в Москву и Л<енин-гра>д, и когда в войну эти пути закрылись, что-то там закапывал в землю, хранил, гноил, а когда его просили о помощи, говорил, что он здесь, мол, не хозяин, ему ничего не принадлежит. Страшно подумать, если это правда (а выдумать на чистом месте такое невозможно), о таком конце жизни этого узника. Впрочем, жизнь оказалась у него такой долгой, что из нее вышло две жизни — одна сознательная, мученическая, подвижническая, другая — растительная, инертная, — во всяком случае, вторая не может заслонить первой)¹³⁶.

А что знают или помнят из этой полувековой истории люди, сознательный возраст которых приходится, скажем, на 50-е годы, или их дети?

Повседневная современная летопись — печать только при дополнительном особом знании может быть каким-то письменным свидетельством об этой эпохе. А что, если читать все отчеты о процессах над левыми и правыми, потом материалы 20 и 22 съездов. Как-то все надо назвать поправдошнему — и внутрипартийную борьбу, и коллективизацию, и многое, многое. Лежит же где-то подо всей этой шелухой и мусором подлинная история сложнейшего и значительнейшего периода нашей огромной страны со всеми ее последствиями для мирового развития. —

9-го пленум ЦК. Неужели в этот острейший момент жизни страны речь будет идти только о пользе химии, будут приводиться цифры, таблицы, показывающие эффективность минеральных и др<угих> химических удобрений по данным опытных станций, институтов и передовых хозяйств? Или еще будет предложен новый главк или министерство и ничего не будет сказано о том, что всем очевидно, с чем нужно кончать решительно и без промедления? Поеду на доклад, намерен пропустить прения и поехать на заключительные заседания. —

7.XII. Барвиха

Первая глава мемуаров Ник. Герасим. Кузнецова (б<ывшего> наркома — министра ВМФ) о предвоенном состоянии флота¹³⁷. — Разрыв между обширными перспективами

стр<оительст>ва большого океанского флота и непосредственной готовностью флота к боевым действиям. — Переоценка Сталиным действенности пакта с Германией — и отсюда — его решительное неверие в возможность войны в ближ<айшее> время. — «Беспризорность» вновь образованного наркомата, — кому он подчинен? Необходимость принимать самостоятельные решения об усилении боевой готовности флота. — В общем — довольно прилично; о Сталине пишет, не имея перед собой копии будущего доклада на 20 съезде «о культе личности». — Рассказчик слабый. Не подчеркнута, например, то обстоятельство, что Москва узнала о нападении (бомбежка Севастополя — базы ЧВФ) впервые через него, Кузнецова, разбуженного Октябрьским, сообщившим о бомбежке. — Сталину не докладывали до его пробуждения, — никто не решался будить его. — Кузнецов позвонил Тимошенко¹³⁸. «Ум-гу...» — отозвался тот, точно ему в привычку такие сообщения. — Утром Кузнецову позвонил Маленков: «Вы понимаете, какую ответственность вы берете на себя этим сообщением», — т.е. что война началась. И затем сам позвонил Октябрьскому. А в это время граница была перейдена во всю длину от моря и до моря, за исключением лишь отдельных очагов сопротивления. —

На словах Кузнецов рассказывает интереснее, живее. Например, как он в составе группы ЦК (Молотов, Маленков, Косыгин¹³⁹, арт<иллерист> Воронов¹⁴⁰) ездил в Л<енингра>д разбирать конфликт между Ждановым¹⁴¹ и Ворошиловым. В целях безопасности (такой состав!) летели только до Череповца, а там должны были сесть в спецпоезд. Прибыли на ст<анцию> Мга, горевшую от бомбежки. Пути были разворочены — поезд не мог двинуться, ремонт велся малыми силами каких-то бабьих бригад. Ворошилов выслал за ними бронепоезд, они направились навстречу ему на дрезине ночью под осенним дождиком. Потом оказалось, что бомбежка Мги была непосредственно перед взятием ее и выходом немцев навстречу немцам, шедшим со стороны Ладожского оз<ера>, т.е. окружением Л<енингра>да, откуда группа уже — хочешь не хочешь — могла возвратиться только самолетом.

По прибытии в М<оск>ву группы Сталин расспрашивал Кузнецова об обстановке, особо о флоте, — не бранился, не допрашивал, а именно расспрашивал, расхаживая по кабинету. — «Придется нам Л<енингра>д оставить, — сказал он в заключение беседы, — обеспечьте минирование всех кораблей Балт<ийского> флота». Это у Кузнецова написано где-то (для сб<орни>ка о Лен<инградской> обороне). Его тогда спросили, есть ли где подтверждение этих слов Сталина

о намерении сдать Л<енингра>д. Кузнецов: нет, это слышал я один. Но флот действительно был заминирован весь, и экипажи известный срок жили на этих кораблях (особая история!) — вот главное подтверждение, ибо если не сдавать город, то зачем же топить флот. — Л<енингра>д не был сдан просто потому, что был окружен, — уже просто оставить его было нельзя — нужно было пробиваться (?).

В самые трудные месяцы блокады в Л<енингра>де ежедневно умирало 7—8 тыс. человек. По счету жизней — это равно ежедневной потере двух дивизий военного времени. —

Москву Сталин также предполагал сдать, но быстро отказался от этой мысли, отлучившись из Москвы всего на 2 дня и узнав о том, что там разыгралось в эти дни (остановился гор<одской> транспорт, бани, столовые, начались грабежи магазинов и т.п.).

Как тут не подумаешь о том, что называется «духом войск» и общенародным духом сопротивления. «Москва — отступить дальше некуда»; «Ленинград не сдается» — этими лозунгами, скрепленными именем того, кто допускал мысль (и не без оснований) о сдаче обоих городов, жили массы людей, весь агит<ационно>-проп<агандистский> состав фронта и тыла — народ не допускал этой мысли, по крайней мере в нем она не жила, не обнаруживалась, как жила и обнаруживалась на фронте и в тылу, скажем, критика нашей неподготовленности к войне, довоенного бахвальства и т.п.

И с этой силой, этим духом народным не только нельзя было не считаться, но на него нужно было решительно опереться, что и было сделано. Правда, трудно сказать, оправдывались ли жертвы Л<енингра>да удержанием города осажденного — с огромным населением, обреченным на смерть от голода и обстрелов. —

8. XII. Б<арвиха>

Все выше [нрзб.] — предел неведом,
Все круче времени полет.
И не поспеть той книге следом,
Не сбросить плотный переплет.

Хоть в меру принятых приличий
Она у века не в тени:
Ее цитировать — обычай
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне
Большой иль малой — все равно —
Она на полке персональной,
Как бы на пенсии давно.

Она — в чести. И, не жалея
Немалых праздничных затрат,
Ей обновляют в юбилеи
Шрифты, бумагу и формат.

Поправки вносят в предисловья,
Иль пишут заново, спеша.
И — сохраняйся на здоровье, —
Куда как доля хороша.

И пусть чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приемной,
Чтоб на глаза ему попасть...

Не опоздать к его обедне,
Потрафить к сроку в простоте.
Нет, не к лицу ей: «Кто последний?»
Той книге спрашивать в хвосте.

На ней печать почтенной скуки
Давненько пройденных наук,
Но, взяв ее небрежно в руки,
Ты, время, обожжешься вдруг...¹⁴²

Маша поехала в Пахру посмотреть дачу вдовы Дыховичной. Это которая уже по счету из осмотренных нами в Пахре! Возможен и внутривнуковский вариант: дача Утесова, который готов, говорят, продать ее «не выше балансовой стоимости», — большая, одна из роскошнейших — периода «Веселых ребят». Нелепо в наши времена смущаться тем, что напротив твоей дачи — дача Кремлева или Первенцева. Внешним образом из этой кучи-малой не уйти иначе, как в «коттедж» по шолоховскому проекту, что куда еще стыдней¹⁴³. —

10.XII

Вчера ездил на пленум. Первое общее впечатление от доклада — иная тональность: ни прежнего обычного ухарства, ни кузькиной матери, ни излишества острот и поучений на примерах собственной жизни, хотя всего этого было понемножку, но и голос был другой, и тембр, и темп чтения и отвлечений в сторону.

Давно сложившаяся манера или прием, когда вдруг нам говорят здравые вещи (напр., о том, что интенсификация с<ельского> х<озьяйст>ва лучше экстенсификации)¹⁴⁴, в которых мы никогда не сомневались, но не могли пикнуть под

страхом бог весть чего, и говорят так, как будто мы нуждаемся в доказательствах этой здравости и разумности.

Оказывается, на кукурузу мы налегали потому, что тогда у нас не было таких превосходных сортов пшеницы, дающих до 40 центнеров с га, а теперь есть, следовательно, можно предпочесть кукурузе пшеницу, и, вообще, пусть она (не тем буде помянута!) произрастает там, где ей от веку положено. Ах, как хорошо. Не забуду того безмолвного оживления, обменных улыбок в зале, когда были произнесены (зачитаны) эти слова о кукурузе, о неразумности приоритета какой-либо одной культуры перед другими. Приоритет урожая! Золотые слова¹⁴⁵. И никто не скажет, что докладчик-то об этом должен был бы сказать как-то по-другому. Ведь именно «кукурузе» (которая была «не страшна» лишь особо выдающимся предколхозам и директорам совхозов)¹⁴⁶, кукурузе как кампании, как директиве, проводившейся ряд лет со всей возможной у нас жестокостью и дроволомством; кукурузе, которой отводились лучшие земли и все, что было из удобрений; кукурузе, внесшей полнейшую неразбериху в севообороты, повлекшей чудовищные затраты, деморализовавшей и разгонявшей кадры и т.д., и т.п., мы обязаны многими радостями нынешнего состояния сельского хозяйства, вплоть до такой новации, как закупка хлеба за границей.

Кстати, благородное объяснение последнего обстоятельства нежеланием правительства и ЦК идти по следам Сталина и Молотова, не покупавших хлеба, а продававших его в то время, как хлеборобы умирали от голода, не вполне утоляет жажду полной ясности¹⁴⁷. Ведь после Сталина прошло 10 лет, и зерновая проблема была еще и еще раз решена и т.д. Кроме того, выходит, что и при Сталине бывали засухи, выморозки и т.п. объективные беды в сельском хозяйстве, а не главная беда его — забвение кровных интересов самих хлеборобов, игнорирование специфики почвенной, климатической, исторической; стандарт, администрирование, «первая заповедь — хлеб государству» и т.д.

Очень хорошо, что мы теперь вспомнили, что, помимо первой заповеди, [есть] еще и другие — семена, фураж, но грустно, что опять ни слова о «фуражировании» главной производ<ительной> силы — колхозника¹⁴⁸. Так мы и живем в предположении, что он, земледелец, ничем столько не озабочен, как задачей «надоить», «вырастить», «сдать» — ни собственным пропитанием, ни одеждой и обувью для детей, — ничем!

Заехал в редакцию, опять письма, среди них отчаянные — о бедственном положении деревни, о неверии в спасительность химии. —

Химия — опять сверхсрочное задание, опять тревожно оттого, что опять не то, что решает дело.

Зачем я рассказываю эту старую, довоенной поры историю — я толком и сам не знаю, — знаю лишь одно, что если о чем-то долго и настоятельно призывает рассказать, то это не зря и к чему-то непременно примкнет — самому сегодняшнему и даже завтрашнему.

Летом 1939 г. случилось мне побывать на родной моей Смоленщине в самый разгар той перестройки в наших издавна хуторских, в значительной части еще со времен столыпинских [местах], когда это слово — «перестройка» — имело буквальное, а не условно-образное значение перемен в деревне.

Эта перестройка сразу же породила два новых слова: «сселение» и «расхуторизация». Процесс этот тогда называли второй коллективизацией, и в известном смысле это сравнение было оправданным¹⁴⁹.

Село, деревня и хутор.

Хутор в сравнении с многодворовой деревней или селом — то же, что деревня в сравнении с городом. Это та ступень человеческого поселения, за которой уже можно считать только какую-нибудь сторожку лесника, отдаленную заимку.

Я родился и вырос на хуторе, где изредка в окно можно было увидеть прохожего или проезжего в отдалении (по зимней дороге или мало укатанной полевой дороге), и тогда все бросались к этому окну — кто бы это мог быть (чаще всего *распознавали*) и куда и зачем.

12.XII

Письмо Михайлова М.Г., внештатного корреспондента журнала «Наука и религия», о фактах дискриминации верующих сектантов (баптистов) в Калининской, Воронежской и др. областях и полной невозможности рассказать об этом в печати или иным способом (письмо на имя Л.Ф.[Ильичева] осталось без ответа)¹⁵⁰.

Фельетон в «Правде» об оклеветанном в принадлежности к баптистам человеке по признакам: не пьет, не курит, не ругается скверными словами... Совсем недавно эти добродетели вносились в перечень обязательств, принимаемых на себя бригадами коммунистического труда, — недавно, но

уже об этом нет речи, как, например, и о выдаче зарплаты без кассира. Ясно (и правильно), что эти обязательства и новации «коммунистического» оказались нереальными. Странно: верующие за такие добродетели сулят лишь посмертные блага рая, а мы — рай земной в недалеком будущем, ан — там оно крепче получается... Казалось бы, ну и на здоровье, если человек не пьет, не курит, не бранится да еще безупречный производственник. Нет, он, видите ли, еще и библию читает, — отнять ее, воздействовать подведением «под статью», по крайней мере, не дать квартиру ему, законному очереднику, по причине его религиозных убеждений, как было указано в одном документе.

Придется послать это письмо Л.Ф.[Ильичеву] с соответствующей сопроводительной. —

...А нам не присылали похоронных,
Мы вдовами остались без войны.

14.XII

Вчера высидел весь пленум — с отвычки от заседаний временами (на вечернем) боялся, что вот усну мгновенно и упаду с кресла, как будто некий сонный яд ломил голову, даже сердце вздрагивало от страха, что вот усну...

Н.С.[Хрущев] (заключительное слово)

Странно, но он повторил почти слово в слово все, что касалось повышения реальной зарплаты за счет общественных форм (завтраки в школах и т.п.) — слово в слово то, что говорил в докладе. Правда, он сказал, что «уже касался», но все вновь «в тех же выражениях» («деткишки»), как будто перед ним другая была аудитория. Правда, он еще сказал, что об этом сперва думали (в президиуме) не давать в газетах (притча, как он обещал 20 р. отцу, а тот числил уже за ним «должок» в 20 р., так и народ — «пообещаем, а он будет считать, что мы уже должны ему»), а теперь решили давать, но достаточно было перенести это место из текста доклада в текст заключительного слова (для печати). Старость?

— Мне уже семидесятый, но я еще (некий петушиный жест)... — (бурные аплодисменты), все даже встали (это в связи со словами о китайских расчетах).

— Они, китайцы, не против советской власти, не против даже партии нашей, даже ЦК, даже президиума в целом, а только против Хрущева. Они всякий раз, как объявляется наш очередной пленум, активизируются, всякий раз новая волна нападок на Хрущева. Словно надеются в ин-

формационном> сообщении прочесть, что Хрущев, мол, выведен из состава пленума, снят и т.д. Но дело же не в Хрущеве, не как во времена культа личности. Хрущев выполняет и проводит то, что партия ему поручает... —

Впервые как-то по-новому сказал о «равновесии сил», о сосуществовании, обеспеченном мощью оружия, которым располагает СССР. Они, капиталисты, тоже не дураки (о Раске¹⁵¹, который вспоминает времена своего детства, когда океан был надежной защитой, исключавшей опасность для США). Они понимают, что если они (обеими руками показал по бортам трибуны), если они нажмут свою кнопку, то наша автоматически сработает тоже. Мы не начнем (как-то особенно, точно желая сказать что-то еще большее, чем сказал), вы меня понимаете, и они не дураки начинать. А если начнут и т.д. При этом запомнилось, что он повторил относительно обязательств перед Кубой, а перед тем о Вьетнаме, надевшемся на помощь Китая, и Чжоу Энь Лае, который говорил ему доверительно, что они, китайцы, помощи этой оказать не смогут. «Так не говорите, по крайней мере, Хо Ши Мину¹⁵², пусть они борются. И Хо Ши Мин выиграл»... Гм... —

Самое причудливое и невероятное об отстающих колхозах, «об этом позоре нашем»: — Предоставить отстающим колхозам кредит на... содержание руководителей, которые будут им посланы и не должны получать менее того, что они получали там, откуда посланы. И еще: посланцы эти должны оставаться членами профсоюза, не терять стажа. И еще: колхозы, окрепнув, должны создать фонд для выплаты пенсий «своим работникам» — т.е. управленч<еского> аппарата.

Сегодня в промежутке между ранним просыпом и последующим досыпом, кажется, впервые за долгий срок почувствовал приближение поэтической темы, того, что не сказано и что мне, а значит, и не только мне, нужно обязательно высказать. Это живая, необходимая мысль моей жизни (и куда как не только моей!).

Сын за отца не отвечает —
Сказал он, высший судия...

Я не в ответе за отца.
За то, что он всегда в ответе
Был за меня (по-своему).

За то, что руки у него были,
Как рачьи скрючены клешни.
Сплошной мозолью точно пятки (пастуха)
Покрыты были — и не по росту.

Крупны, окалиной обожжены
Он (отец) отвечал за нас, детей.
— Мои не побегут...

А м<ожно> еще и так:

Сын за отца не отвечает,
Сказал он как-то,

Тот, кого мы величали
Отцом родным...

Мол, я за вас один в ответе (вы дети)
Нет, мы отвечаем за него!¹⁵³

Жаль, что эта тема не вошла в «Дали».

Третий день, как держатся порядочные морозы (вчера 25). Сегодня с утра было 20, сейчас, должно быть, отпустило — пошел снег. Правда, не тот, крупными цельными хлопьями, а как бы протертый там, вверху, через сито — половинками, клочьями, трухой и порохом. Костры мои кончились — все забито снегом.

Третьего дня и сегодня, вообще последние дни кажется, что я уже давно не чувствовал себя так хорошо физически (да и душевно).

Поскребышева я, пожалуй, очень тенденциозно записал выше. Просто старичок, радующийся, что его никто не сторонится, охотно здоровающийся и болтающий пустяки мимоходом. Правда, во всем его наглядном существе ([нрзб.] выражении глаз у очень старых людей: «Не обижайте меня, пожалуйста»), в глазах опасение и просьба: ради всего на свете — не спрашивайте меня *о том*, не числите за мной *той* роли, — было, мол, и прошло. —

А.Я.Свердлов. — Вырос и сложился в кремлевской среде, но вне современного общества людей, которое всегда выше своих правителей. По службе (16 лет в «органах») он был еще более изолирован от общества. Разве только тюрьма чему-нибудь учила, но уже в таких сильных дозах, что они могли еще больше отодвинуть его, оттолкнуть от людей как низших созданий. Вроде и знает много, и неглуп, и понаторел, (а) в оценках, симпатиях и понятиях весьма жидковат, — среднежурналистский уровень: «Лазарь — оратор», «Лаврентий очень умен, большого ума человек, любое дело схватывал сразу в самой сути (!?)». «Абакумов¹⁵⁴ — культурнейший человек» и т.п. —

15. XII. Б<арви>ха

Сын — не ответчик за отца, —
Так он сказал однажды с места,
Прервав на миг дыханье съезда
В стенах кремлевского дворца.

И не вместились в старом зале,
Рванулись к тысячам сердец
Пять этих слов, что возвещали
Проклятью тяжкому концу.

Вам, из другого поколения,
Едва ль постичь до глубины,
Что означало избавленье
От той предписанной вины.
От той графы в любой анкете.

Сын за отца не отвечает,
Отец за сына — головой...

Маша привезла шубу, а мороз пошел на убыль. — Опять палил костер в карьере, за братским кладбищем — один. А.Свердлов, передавший мне вчера свою рукопись (без всякой инициативы с моей стороны), сегодня уже сообщил слова, будто бы сказанные по этому поводу его женой: Вот почитает твое писанье — и не палить тебе больше с ним костров. — Вполне возможно: дрянь ужасная (прочел беголо стр. 40)¹⁵⁵.

Вообще — мальчик с кремлевского подворья, куривший украденные у отца (а другой раз у Рыкова¹⁵⁶) папиросы под царь-колоколом (говорит, что там еще лежаладохлая собака), живший в полнейшей изоляции от жизни вне Кремля, его среды, он и в «органы» пошел, по-видимому, не под влиянием образа Дзержинского, а под воздействием детективов, к которым до сих пор сохранил пристрастие и готов им кичиться как простительной слабостью (отдых!), а это не слабость, а, м.б., сама его суть. Никогда и он не напишет мемуаров, не расскажет об этом комдворцовом детстве, а если и попробует (он догадывается о ценности таких записок и о своих правах на эти свидетельства), то наврет, собьется — не поднимет. Зачем ему с каким-то уже совершенно безграмотным Наумовым («Будучи доставлена в милицию, гражданка заявила...») писать эту сыскную муренцию по образцу дурных милицейских фильмов? — Как оттянуть, уклониться от прямых объяснений. —

16.XII

[...]

Вам из другого поколения
Едва ль постичь до глубины,
Чем было это избавленье
Для виноватых без вины.

Иных годов и судеб дети,
Для вас отпал он сам собой,
Вопрос мучительный в анкете:
Кем был до вас еще на свете
Отец, ваш — мертвый иль живой...
(Не выбирали вы заране)

И даже пусть к беде сыновней
Родитель чести не сберег,
К стезе спустился уголовной —
Кто сына этим попрекнет...

Об отстающих колхозах и принципе материальной заинтересованности руководителей.

«Естественно, что всю работу по подъему отстающих колхозов нужно начинать с подбора в эти хозяйства грамотных, подготовленных хороших организаторов, рекомендовать их на посты председателей колхозов... При разрешении этих вопросов мы столкнемся с определенными трудностями. Дело в том, что отстающие колхозы по своему финансовому положению не могут обеспечить должной оплаты труда этих людей, которую они получают сейчас по месту своей службы за хорошую (и плохую! — следует сказать) работу. Получается своеобразное положение: с одной стороны, хозяйство отстает из-за отсутствия опытных кадров, а с другой стороны, нечем платить хорошему организатору и специалисту, если его пригласить в слабый колхоз. Надо найти выход. Мы уже обменивались мнениями по этому вопросу, и я выскажу не только свое соображение, а и мнение других членов президиума ЦК.

Видимо, придется выделить специальные кредиты для этих колхозов, чтобы они могли оплачивать труд председателей, специалистов и механизаторов (продолж<ительные> аплодисменты). Вероятно, кадры, посланные в эти колхозы,

* Здесь, как и 18 и 21 декабря, продолжение работы над первоначальным вариантом фрагмента «Сын за отца не отвечает» — записи новых стрóf.

должны оставаться членами профсоюза с сохранением за ними всех прав членов профсоюза, социальное обеспечение и пр. (Аплодисменты.)

Возможно, надо подумать, чтобы колхозы, как и предприятия, делали отчисления в государственный фонд для пенсионного обеспечения своих работников (продолж<ительные> апл<одисмен>ты).

Сейчас финансовое положение страны не позволяет в широком плане решить проблему об обеспечении пенсиями всего сельского населения. Но по мере...» («Правда» от 15.XII.63)¹⁵⁷.

17.XII

Вчера были Кондратович, Лакшин — ответ «ЛГ»¹⁵⁸ — справка о «политзагоне» за 62 г.¹⁵⁹ — Лифшиц — задача сократить на 10 стр., тем самым убрав излишества стиля¹⁶⁰. — Гроссман в больнице (не миновать мне еще одного провожать!), метастазы легких, Dіріпі (Дипин)¹⁶¹. — Подписка на 64 г. увеличилась, по предв<арительным> данным, на одну треть¹⁶². Это несмотря на такой год, на задержки с выходом и многие потери (политзагона — на 3 номера), а может быть, благодаря. Так или иначе — это настоящая радость подтверждения того, о чем хлопочем. Нельзя не учитывать, что год и в житейском (материальном) смысле трудный. Этот подъем подписки нельзя считать общим, он идет в какой-то части и за счет падения подписки на некоторые издания, напр. «ЛГ» (еще 100 тыс. потери). — Крайне грустное письмо Овечкина: «Писательство мое кончилось, всегда писал кровью, а она вроде вся из меня вытекла». Пишу ответ¹⁶³. — Предчувствую, что по выходе отсюда дела меня скрутят и понесут. — «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>», говорит Черноуц<ан>, выйдет еще в этом году.

18.XII

Вчера:

Сын — не ответчик за отца, —
То было, словно откровенье,
Весны внезапной дуновенье,
В стенах кремлевского дворца.

И не вместились в старом зале,
Пошли по тысячам сердец,
Пять этих слов, что возвещали
Проклятью тяжкому конец.

Вам, из другого поколения,
Едва ль постичь до глубины,
Чем было это избавленье
Для виноватых без вины.
[...]

Дочитал вчера (сегодня утром) «Тонкую нить» моего напарника по огнепоклонничеству, — 300 с лишком страниц, и конца еще не видать. Занимательность под конец есть, но уже чисто «семечковая» — как же вся эта мура распутается, хотя все готовенькое, из магазина уцененных товаров — инженер МТС — Черняев, обольстительница с «лондонским произношением», эксгумация и реставрация лица убитой для опознания (с простодушной ссылкой на Герасимова)¹⁶⁴, добрейшие майоры и папашистые полковники Госбезопасности и т.п., и т.д. А для чего все? — чтобы получилась книжка — «спичечный» коробок», белье дамское, заграничного производства — никакой необходимости розыска. — Возможно, из одной [нрзб.] главы получился бы полезный рассказ (там — демонстрация «осужденных методов» дознания).

Письмо, язык — никакие. У автора (или авторов) начитанность в мурецкой литературе. «Нервы его были напряжены до предела»; «мужчины смотрели на нее с нескрываемым восхищением, женщины — с трудом подавляемой (так!) ненавистью (или завистью)». «Рука его была схвачена стальными тисками» — боже мой, это не передает всех красот [нрзб.].

Неопытность элементарная: все идет, идет по следу розыска — лица, характеристики, обстоятельства, и вдруг автор от себя сообщает что-нибудь о детстве персонажа, об особых обстоятельствах его жизни, до которых не докопаться майорам с полковниками (тогда уж говори прямо — в чем дело — ведь тебе все заранее известно о подчерняевском муже Корнильевой, о Савине и др.).

Крайне неприятно раскрытие «методов» — перлюстрация переписок, осведомительство, залезание в чужие чемоданы, вторжения в жизнь под видом «инспекторов минпроса» и т.п.

В задачу авторов явно входит поэтизация и романтизация самоотверженного «труда чекистов», но от всего этого только дурной дух. — Сегодня после обеда говорить с ним¹⁶⁵.

19.XII

Завтра-послезавтра домой «в огромность квартиры», где столько дел, забот, нерешенных вопросов и т.п. Как нечто самое трудное, неприятное, фальшивое и стыдное, но неиз-

бежное предстоят встречи с избирателями. (Раз в м<еся>ц два часа — уже одно это!) Но мне уже вообще при моем литературном имени бежать некуда — ни от почты моей ужасной, ни от этой неизвестно зачем навязанной обязанности выслушивать однообразное горе жилищно-паспортное, без всякой, в сущности, реальной возможности помочь этому горю, с чувством стыда и почти отчаяния. Бежать некуда, хотя есть мыслишка отлучками из Москвы приучить людей к тому, что лучше мне просто писать, чем ждать с этим письмом за пазухой этих «часов приема». Толк-то один! —

Вчера на прогулке вечером невольно опять обогнал моего напарника по столу прекраснородушного и растительного Георгия Андреевича Митерева с Поскребышевым. И сверх всяких ожиданий, когда Митерев свернул от купальни к дому по более отлогому подъему, мы с Поскребышевым прошли дальше по более полному кругу и более крутому подъему на въезде, получилось так, что я таки заговорил с ним о необходимости писать воспоминания. Он дал мне выгодный повод, начал допытываться, что я пишу теперь, долго ли ждать и т.д. И он не стал отнекиваться, не съежился, а как раз начал поддакивать, соглашаться, что это действительно его долг, что он думал об этом и думает, но нелегко все. Пожалуй, самая ближайшая трудность для него в том, что он не хочет рассказывать о Сталине только дурное по соображениям нынешней потребности, но знает этого дурного и тяжелого немало и, м.б., на себе испытал достаточно. Так я, по кр<айней> мере, почувствовал. Кроме того, под конец он дал мне понять, что ему не неприятно было, что я завел эту речь, даже поблагодарил меня. И тут он показался очень жалким и беспомощным в своей старости, одиночестве, опасениях и с этим грузом своей исключительной роли в те времена, своего бывшего положения.

Впрочем, может быть, это поддакивание и готовность согласиться на словах с тем, что ему говорят о его «долге» перед историей, было отчасти и тактическим приемом ограничения темы: «Да, да, надо. Верно. Но трудно» и т.д.

Так или иначе, я доволен, что заговорил с ним. Оказывается, он кое-что читал и читает: Дневники Никитенко¹⁶⁶, что-то из нынешней серии «Военных мемуаров» (сказал, что там много неправды), Эренбурга... Вообще, наверно, в нем больше внутри, чем на поверхности, между прочим, в отличие от «мальчика кремлевского подворья», который все знает — (его всегдашняя нетерпеливая реплика «знаю») и все готов рассказывать при малейшем поводе.

Вчера сказал ему в дополнение к третьедневошнему, что он мог бы заняться серьезным и достойным делом на том материале, которым он располагает (бог весть, что там правда, что брехня, привычная брехня человека, желающего показать себя с выгодной стороны во всех обстоятельствах своей темной и странной биографии).

Вдруг спросил его, не знал ли он Кронида Малахова¹⁶⁷.

— Я брал его. Это трудное и загадочное дело. Он был взят по фонозаписи, где были зафиксированы его слова о том, что он собирается убить Сталина. И хуже всего, что он ничего сперва не хотел признавать.

— А <ндрей> Я <ковлевич>, как вы можете говорить такие слова. Вы забыли, что вы сами сидели за то, что готовили убийство Сталина? — Смеется, но все же продолжает наводить тенета насчет «определенной группы» и предполагавшегося места и времени акции — 1 мая, Красная площадь. Боже мой! Удивительно, как этот чуждый, казалось бы, таким пристрастиям горожанин увлечен сейчас вместе со мной нашими кострами в карьере, тащит издалека сушь на растопку, ищет и отдирает бересту, специально купил перчатки похуже, чтобы не загваздать те, с какими его отправила сюда жена. Тянется ли он ко мне из своих авторских интересов, видя во мне «специалиста», или же из других каких (не дай бог, но и наплевать!) навыков общения с людьми.

21. XII. 63. Б <арвиха>. Последний день

Вчера и сегодня утром:

Не краткой репликою с места
В стенах кремлевского дворца —
Строкой заглавной манифеста
Пять слов ударили в сердца:
Сын — не ответчик за отца.

Вам, из большого отдаленья,
Едва ль понять из глубины,
Чем было это изъявление,
Пять этих слов для поколенья
Всех виноватых без вины...
[...]

Это, должно быть, уже возрастное — тяготение к неизменности каждодневного быта, обстановки, нежелание перемещения в пространстве, необходимости освоения другого угла, четырех стен и т.п. С каким усилием, подавлением не-

желания ехал сюда, а теперь втянулся, хорошо себя чувствую физически во всех смыслах, но неприятность переезда уже не хотелось откладывать до завтра, — уже черта, так черта. А теперь вновь обживать свое «высотное» логово в Москве. Правда, это всегда легче, но как вспомнишь, что там опять — колесо, нарушения ритма, неполнота усилий и продуктивности... А все же свобода от посещений врача (в нормальное время), от необходимости показывать свою гульку дамам под душем и в ванной и проч.

«Отец атомной бомбы» говорит о трагической разобщенности узкого круга ученых, живущих высшими и неизъяснимыми для неспециалистов открытиями и достижениями, и всеми другими, даже интеллигентными кругами общества¹⁶⁸.

Нечто подобное, но в иных условиях и в другом смысле испытываем мы на уровне своего серьезного понимания специфики и роли искусства в противоположность широким кругам идеологического «актива», способного понимать (или делающего вид, что так понимает) искусство лишь в прикладной, иллюстративной его форме. Но трагичности здесь не должно быть, ибо это разобщение, разноязычность происходит не от надзвездности наших понятий по сравнению с обычными понятиями. Мы просто опираемся на общеизвестные понятия, на завоевания предшествующей мысли, на авторитеты, которые у всех на устах (но все это забыто, стоптано или знато только понаслышке). Самоуверенность невежды тем страшнее, что невежда инстинктивно страшится потерять ее, заглянув в «недозволенное». Но сколько нужно терпения, последовательных усилий разъяснения, — какие сроки нужно просто переждать, против каких наваждений нужно просто устоять! Раньше мне казалось, что решающее слово принадлежит самым победительным в своем художественном существе явлениям искусства. Оказывается, это не совсем и не всегда так. Солженицын отнюдь не разоружил темную рать, а только еще более ее насторожил.

Она продолжает врать, изворачиваться, измышлять, опираясь на толстенный слой предубеждений, внушенных бог весть с каких пор. Но дело их в конечном счете проигранное, они уже за некоей чертой, им уженикогда не взять в плен читателя. Для того, чтобы поместить одно письмишко в защиту Барабаша¹⁶⁹, пришлось, говорят, посылать человека к автору этого письма в Л<енингра>д для «доработки», «помощи» в нужном направлении.

Может быть, развести еще разок костер в карьере, допалить курчаги*; почему-то хочется это сделать, завершить нечто — вроде того, как хочется закончить эту тетрадь до нового года. —

Мысли о рассказе. — Необычные черты послевоенного пейзажа Смоленщины — остатки одичавших садов в полях — на месте бывших хуторских и деревенских усадеб, — необычная пестрота тронутых осенью красок вишневой, кленовой листвы. Зачахнувшие, обгрызенные сиреньки. — Новая картина колхозного поселка на Лучесе — у С.И.Базунова. Пруды. Назв<ание> Прудки — не от тех ли старых прудков?¹⁷⁰

25.XII.63. М<осква>

Предпраздничные хлопоты и мелочи в редакции и дома, сессия РСФСР, где, как обычно, весело¹⁷¹.

Вчера первый раз позвонил Лесючевскому, едва оторвался от его бесконечных объяснений¹⁷². Вечером он позвонил — сигнальный!

Вечером застал у себя подвыпившего Б.К.Новикова, собирающегося играть в «Тёркине» (загробном) в Театре сатиры. «Это будет лежка» и т.п. Одарен и мил, но страшно мало начитан и, кажется, не очень умен. Собирается играть в спектакле «друга», а не самого Тёркина¹⁷³. —

В голове на ходу вполне сложившийся рассказ «Письмо Игната Белого». Неужели обычная иллюзия? Не откладывать¹⁷⁴. —

Третьего дня — слушанье статьи Маршака «Английскому читателю об А.Твардовском»¹⁷⁵. Самое главное в ней — мысль об особенностях русской поэзии, где самая высшая тонкость и аристократизм формы сливаются с народностью и демократичностью (в Пушкине). Остальное так себе, но все от души.

Он очень худ, слаб, держится только этой неукротимой работящестью своей и неутолимой жаждой внимания к себе (по праву, в конце концов!).

Диафильм (?). Милые заботы старости, черт бы их побрал!

[Вклейка к записям 1963 г.]

№ 10, 1962 г. Сняты: Каверин «Белые пятна», Марина Цветаева, стихотворения¹⁷⁶.

* Курчаги — корчаги (смоленский говор).

№ 3, 1963 г. Из-за книги И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — длительная задержка номера. Сдано в набор 25.I.63 г. Подписано к печати 29.III.63 г. (2 месяца).

Снята «Трибуна читателя».

№ 4. Длительная задержка Передовой. Снят роман А.Камю «Чума». Вновь снята «Трибуна читателя». Сняты рассказ Е.Ржевской «Второй эшелон» и воспоминания Е.Габриловича. Номер сдан в набор 8.II.63 г. Подписан к печати 3.V.63 г. (три месяца!)¹⁷⁷.

№ 6. Снята повесть В.Тендрякова «Находка»¹⁷⁸. Номер сдан в набор 26.IV.63 г. Подписан 26.VI.63 г.

№ 8. Снят «Театральный роман» М.Булгакова¹⁷⁹. Номер сдан в набор 14.VI.63 г. Подписан 25.VIII.63 г.

№ 9. Задержка с подписью повести Е.Герасимова «Семья Алешиных»¹⁸⁰. Номер сдан в набор 20.VII.63 г. Подписан 17.IX.63 г.

№ 10. Сняты стихи Е.Евтушенко¹⁸¹. Долго задерживалось сообщение «От редакции»¹⁸². Номер сдан в набор 6.IX.63. Подписан к печати 21.X.63.

№ 12. Снова снят Е.Евтушенко. Задержан и потом возвращен в номер рассказ В.Гроссмана¹⁸³.

1964

19.1. М<осква>

Казалось, когда прибирал на столе перед Новым годом, как обычно, хоть и не всерьез казалось, что загруженность всякими делами и пустяками уйдет со старым годом, а там начнем. Но до сих пор — исключая дни «ослабления» после праздника, только и делаю, что прибираю на столе, подбиваю почту, дочитываю (порой задним числом) верстки журнала, очередные рукописи и т.д., и т.п. до того, что и к этой тетрадке впервые, почти что формально обращаюсь в новом текущем году. Это — до отчаяния, как вдумаешься. Валя сказала: «Папа, в твоём возрасте...» — А что мой возраст? — «Папа, тебе под шестьдесят...» — И глядит своими большими, решительными, максималистскими глазами...

Опять гимнические хлопоты и пустоутробие¹ (не миновать идти к Н.С.[Хрущеву]. — Протоколы допроса Ионесяна и его спутницы по записи Ирины Дементьевой². — Депутатский прием. — Письмо Б.П.Розанова³ и план побега в Карачарово (без уведомления властей — как бы на дачу). — Дай бог!

Сейчас едет ко мне Солженицын, позвонивший с утра. Дачные мечтания и действительность. —

20.1.64. М<осква>

Более трех часов вчера посидели с Солженицыным. Он на большом рабочем подъеме, даже сам говорит: работаю бешено. Выходит, что у него в работе три большие вещи: роман, начатый где-то еще до «Ив<ана> Денисовича», «раковая» повесть и «Замысел отроческих лет» — роман об Октябрьской революции (до 29 г.).

— Мне всего в жизни успеть 2 романа написать.

Роман «В круге первом» (первые дни (часы) после 70-летия Сталина уже написан — около 35 листов. Не даст до апреля, когда приглашает меня в Рязань, чтобы прочесть его «вне редакции и вне всего».

Для второго романа (о 20-х годах) он сейчас в Москве и поедет в Л<енинград> для работы в библиотеках. В марте поедет в Ташкент (для раковой повести).

Впервые из его уст я услышал даже похвальбу: от романа, мол, кто читал (кто?), шатаются... Но эта похвальба не страшна — это от того тонуса, который бывает на большом подъеме.

Он решил довести «В круге», чтобы не обкрадывать самого себя (при работе одновременно над тремя вещами). Я сказал, что какую бы из трех вещей он сейчас ни стал доводить, в ней будет все главное, что заготовлено для всех порознь. Иначе и быть не может. Он понял, он все, черт, понимает. — Интересно, что ему пишут многие писатели, объясняются в любви, помалкивая публично, т.е. отнюдь не объявляясь его сторонниками в печати (Ю.Герман, В.Лидин и т.п.⁴). Отвечает он им, по его словам, кратко и решительно заявляя о своих позициях в искусстве и, т<аким> обр<азом>, ставя перед ними вопрос наподобие: «с кем вы, мастера культуры?»⁵ —

Так захотелось (не без грустного чувства) самому писать, писать, не упуская времени — что бы то ни было — стихи, прозу, хоть статью. Нельзя потери времени компенсировать сомнительным чувством удовлетворения ролью «Нового мира». Нельзя тешиться в лучах этой зыбкой и весьма проходящей славы прогрессивного редактора, — это уж совсем для стариковских лет, да и то грустно. —

Все ближайшие надежды на «академический особняк» в Карачарове, где в прошлом году об эту пору заканчивал своего бедного «Тёркина»...

В «Мостах» (ФРГ), оказывается, «Т<ёркин> на том св<ете>» (по-видимому, в варианте 54 г.) был действительно напечатан в начале 1963 г.⁶

30.I.64. М<осква>

Третьего дня отметили с Дементом и Иваном Сергеевичем [Соколовым-Микитовым] день рождения Маши и Оли. Маше — 57-й, Оле — 24-й.

Все эти дни подбивал неотложки перед отъездом в Карачарово: Домбровский, Розов⁷, чит<ательская> конференция в Доме учителей (вчера)⁸.

Сегодня в «Правде» — статья Маршака «Правдивая повесть». Как все-таки потихоньку, с надломами и изгибами дело Солженицына подвигается вперед — к заданной цели. Обе крупнейшие и решающие газеты, наконец, после умол-

чаний и вихляний прямо высказались за кандидатуру Солженицына⁹. Трепещите, «октябристы» и проч.!

Вчера, хоть и понятны были обстоятельства неподготовленности вечера, хоть и очень хорошо, даже трогательно было многое, вплоть до стихов, обращенных к «Новому миру», хоть и говорил, утешая себя и соратников, что свадьбы без дурака не бывает, — все же мне была неприятна сама возможность глупого и нахального выступления некоего словесника Ремезова.

19.II.64. М<осква>

Отъезд 30.I. с Ив<аном> Сергеевичем в Карачарово. Первая «зарядка» в Грязях (ресторан «Турист»), как и в прошлом, благополучном году. — Предстоящее возвращение в Москву на Комитет [по Ленинским премиям] 4.II.1 («ах, все равно»...). — «Конаковская». — Приезд Маши и позорное возвращение из академособняка на свой московский топчанукушетку. — А за стеной, за телефоном — свальный грех в Комитете, отчаянные призывы. — В воскресенье уже мог, но не пошел, счел за благо неучастие, по крайней мере, на этом этапе.

Пленум ЦК (понедельник 10.II). Недомогание Маши. — Вечером вернулся с пленума, не решив еще — не пойти ли на концерт в Д<ворец> съездов, а Машу уже собирают в больницу. Проводы в Кунцево¹⁰. — Как увидел ее в больничной пижамке, маленькую, подавленную, но не поддающуюся, и как положили ее на ту высокую тележку, да еще прикрыли простышкой, то лучше бы и не видеть этого. — На другой день повез ей забытые вещички, «взятка» в проходной двум вахтерам — того и этого Тёркина пообещал, вынужденный их просьбой. — Слава богу, теперь она хороша, а когда ездила в первый раз Оля, увидела костыли у спинки кровати, приехала очень грустная. —

Пленум — 15, кажется, содокладов¹¹, почти все — громкое чтение «текстов», не писанных самими декламаторами. — Уныние. Кажется, один только казахстанский содокладчик заговорил о «совершенствовании» («дальнейшем») системы оплаты труда в совхозах (о колхозах уж не речь)¹². Потом были хорошие выступления (Смирнов — Крымский¹³, Аскоченский¹⁴, директор, как его, института удобрений, сделавший конфуз Н<иките> Сергеевичу в отношении «Горок Ленинских»¹⁵).

Доклад Суслова. Реплики Н.С. («лежим это мы с Мао Дзе Дуном у бассейна, а он и говорит: рису много, не знаем, куда девать...») ¹⁶.

Главный мотив — культ личности. Можно считать, что это третий вал (после 20 и 22 [съездов]) ¹⁷. Жизнь вновь и вновь заставляет допахивать эту трудную целину.

Редакционные неприятности (думаю освободить Марьямова) ¹⁸.

Уже больше года я ничего не пишу, все жду «запаса покоя». Год, конечно, был поглощен ожиданиями и последующими переживаниями в связи с Т<ёркиным> на т<ом> св<ете>, но все же. —

22.II.64. М<осква>

Вчера — очередной депутатский прием в райсовете. Задолго до этой пятницы обычно она меня тревожит и настраивает на волну раздражения, безнадежности и нереальных порывов как-то отвязаться от этого не просто трудного, неприятного, но фальшивого и стыдного дела.

Там не только нет ни Юго-Запада ¹⁹, ни миллионов квадратных метров новой жилплощади (жуткое слово, которое я ненавидел еще во времена моей бесквартирной молодости и избегал его), но порой кажется, что нет и самой советской власти или она настолько не удалась, что хуже быть не может. Там она оборачивается к народу, к отдельному человеку с его бедами, муками и томительными надеждами лишь своей ужасной стороной отказов, вынужденных и непрочных обещаний (чтобы только отвязаться), чиновничьим холодом и неподкупностью. И хочешь не хочешь ты там натурально олицетворяешь все эти ее качества, представляешь еще одну форму бюрократизма, м.б., наиболее гнусную, т.к. ты как бы *над* бюрократизмом обычным, ежедневным, служебным, — к тебе идут за окончательной правдой, тебе жалуются с глазу на глаз (правда, при секретарше, без которой, конечно, каждому было бы еще вольнее, лучше, но мне уж совсем бы невыносимо). И не так трудно с теми, кто ведет себя развязно и требовательно, кто предъявляет тебе лично спрос за всю советскую власть («Так куда же деваться? Как же жить? Так неужели же?» и т.п.), как с теми, кто приходит с наивной верой, что ты, наконец, тот человек, который все поймет, все примет к сердцу («и велит дать лесу») ²⁰. А ты, если уж не можешь с затаенным облегчением отстранить все эти жалкие затрепанные бумажонки железным, обезоруживающим: закон, ничего не могу и т.п., то, в сущности, только врешь: попытаюсь, напишу, оставьте мне это и т.п., откладывая, в сущ-

ности, ответ до получения просителем очередной бумажки: «не представляется возможным», «в порядке очереди для инвалидов 2-й или 1-й группы», «при рассмотрении лимитов на такой-то год».

И еще, что мучительно-тяжело и отвратительно, что люди (не от хорошей, конечно, жизни) несут сюда все самое ужасное свое — болезни, семейные раздоры, несчастья, часто то, что испокон веков полагалось скрывать, о чем не принято говорить («я психический», «она лежит и делает под себя», с торжеством представляют справку об открытом, а не закрытом [туберкулезном] процессе и т.п.). Вчера, напр., была мать, ходатайствующая за сына, получившего 10 лет за участие в групповом насилии («с применением извращенных форм», как указывается в приговоре), указывая на такое обстоятельство, что, мол, насилия не было, а было по добровольному согласию со стороны пострадавшей, известной своим распутством, в 19 лет уже разведенной и пр.

Но, пожалуй, самое страшное — это закон о прописке. Человек про штрафился, даже, скажем, не просчитался, а проворовался в магазине, получил срок, отбыл из двух один год, освобожден досрочно с хорошей характеристикой, приезжает в Москву к жене и детям, а его не прописывают. Или даже мать к детям не может вернуться. По сравнению с этим выселение всей семьи за ту же провинность отца или матери представляется более гуманным, причиняющим меньший урон организму общества, чем этот насильственный развал семьи, влекущий за собой самые бедственные последствия. Жена офицера, покинувшего ее, просит меня ускорить напечатание объявления о разводе — тогда, может быть, ее не выселят, и я вижу, что при этом [она] лишается пусть слабой, но все же надежды на его, мужа, отца ее дочки-школьницы, возвращение.

Конечно, где-то я уже формулировал для себя в этой тетрадке или в голове, что мне уже никуда не деться от своей известности, литературного и общественного имени, которое с неизбежностью стягивает на себя все такие и прочие беды, надежды, просьбы и т.д. Но, во-первых, мучительна переоценка, наивнейшее завышение моих возможностей реально помочь, а во-вторых... Во-вторых, допустим, что со всем этим я так ли, сяк ли могу справляться, могу привыкнуть, как могу справляться со всеми тяготами и муками журнальных моих обязанностей, но одного при всем этом не могу уж наверняка: писать.

Вот тут и подумашь. Ну, хорошо, пусть я не смогу писать, м.б., это и по другим, внутренним причинам не могу пи-

сать (это, конечно, вздор), но пусть бы я мог хоть реально, результативно, не для видимости, нужной черт его знает кому — заниматься устройством этих несчастных судеб²¹. —

23.II.64. М<осква>

Вчера пошли с Олей в Дом актера, где был «в гостях» «Василий Тёркин». Некий Александр Перельман читал того «Тёркина», Д.Радлов — «Т<ёркина> на том св<ете>». Боже мой, какая это пытка сидеть и слушать, как тебя передразнивают какие-то чуждые «Тёркину» голоса, «декламируют» (без малейшего личного чувства) с искажением и погублением интонаций, которые, казалось бы, уже утвердились настолько, что не могут быть переиначены. Дм. Ник. Орлов, которого я всегда чуть-чуть не принимал из-за его «мужиковствующей» манеры, теперь мне мысленно казался добрым гением интерпретации моего стиха²². Потом — Радлов, присовокупивший еще и чьи-то режиссерские усилия (был объявлен «режиссер» композиции). Все не так, все пошло, грубо, глупо. Вот уж поистине чувство особого, почти физического страдания, как говорил Толстой в отношении всякой фальши со сцены, — а тут еще и тебя впихивают в эту фальшь и пошлость. —

О другом. Эти люди вообще по природе своей, по крови были способны врать и подличать — это было их затаенным призванием. Когда же оказалось, что это можно делать (врать и подличать) во имя социализма и коммунизма, они удесятирили свои старания²³. —

25.II

Живу день за днем, справляясь так-сяк с нагрузкой данного дня, без попыток высвобождения сил для чего-нибудь мало-мальски продуктивного.

Переезд редакции в новое помещение, более просторное и более благоустроенное (вчера смотрел), очень схож с переездом на новую квартиру — опять черта под целым периодом жизни, безвозвратно ушедшим.

Вчера — неприятный разговор с цензорами, уже давшими разрешение на № 3 и вдруг обнаружившими в пьесе Розова пустяшную шутку насчет «винных паров», на которых будто бы запускаются ракеты. «Анекдот». «А вы знаете, как в ЦК говорили о вреде анекдотов?»²⁴ Погорячился, сказал, что все равно это место пройдет, но потом увидел, что и хлопотать-то не из<-за> чего — можно вычеркнуть, можно

оставить, говно собачье, но листы уже сматрицированы, сутки, по кр<айней> мере, мы теряем на этом деле. Нет, говорю своим соредакторам, хорошо, чтоя не вычеркнулиз «Тёркина» строчки о цензуре, хотя, м.б., именно следствием их оставления в тексте являются эти придирки. А уж если что отметят красным, то уже сами окаменевают перед этой отметкой — ни к чему никакие аргументы. Говоришь, как с телеграфным столбом. У Бёлля в «Глазами клоуна»: глупость доходит до таких пределов, когда уже ее нужно запрещать законом²⁵.

Приходил в ред<акцию> чтец Д.Радлов — не принял его под предлогом занятости в связи с переездом.

Идем сегодня с Лакшиным к Лесючевскому пропихать новое издание (дополненное) М.Щеглова²⁶. —

26.II.64. М<осква>

День памятный вчерашний. На Секретариате с 12 до 4 разбирался вопрос о подложном читательском письме в «Дружбе народов» против «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>»²⁷. Снимали стружку и скальвали щепки с Васьки Смирнова, но поначалу отвергавшего всякое неодобрение его поступка и подконец признавшего все полностью. Но «по условиям игры»²⁸ ему даже на вид не поставили, и членов редсовета, подавших в связи [с] этим инцидентом заявления о выходе (Межелайтис, Сурков, Брыль) из редсовета²⁹, многомудрый Георг. Марков призвал взять свои заявления обратно. — Завтра посмотрю стенограммы и, м.б., поставлю вопрос об опубликовании в печати результатов рассмотрения этого дела. Никуда не денутся.

Вчера же мы с Лакшиным побывали в берлоге зверя Лесючевского по поводу дополненного издания сб<орни>ка покойного М.Щеглова. Что ему, мерзавцу, до того, что талантливый Щеглов, сохраняя все нормы пиетета в отношении Леонова и Корнейчука, совершенно справедливо оценил — тогда! — и «Русский лес», и «Крылья», и др. шедевры³⁰ того времени; что ему до того, что статьи эти оказались долговечнее тех художественных произведений, которые уже давно не ставят и не читают; что ему до XXII съезда и проч.

Не читающий 99,9[%] выпускаемых книг, полагающийся целиком на мнение какого-нибудь Б.Соловьева (этот паскудник и предложил переиздать книжку, имевшую решительный успех и большую прессу, без дополнений) или Е.Книповичихи³¹, с моим мнением, именно потому, что оно мое, Твардовского, мнение, он и не подумает считаться. Наоборот, уже давно замечено, что если рекомендую я, значит, будет задержано, будет читать лично и хоть ко лему на голове теши, хоть вычитывай ему страницами то, что пишется

о «Лесе» и «Крыльях» другими авторами, — все, как к стене горох. Схватило меня, и не удержался я от сладостной утехи почти что отчаяния, обматерил его, самым прямым образом, обозвал его тупым и чуждым литературе человеком, больше того — не верящим ни в сов<етскую> власть, ни в партию — и это уже при раскрытых дверях, к восторженному ужасу «аппарата»³². — За все сразу этому костяному жуку.

Вчера же — последний день в старом помещении редакции, где в конце дня Б.Яковлев информировал нас о ходе и итогах обсуждения³³. Задумалось было выпить в стенах этого помещения, где прошло столько лет трудных и изредка радостных, где журнал помаленьку становился нынешним «Новым миром», но еще много было вещей, пачек книг к переносу. Поехали с Дем<ентьевым> и Лакшиным ко мне, где Ольга, куда более строгая, чем Маша, накормила нас обедом. Выпили поллитра.

27.II. М<осква>

Сегодня — Секретариат по «дальнейшему укреплению взаимосвязей братских литератур». Если стенограмма третьедневошного (?) Секр<етариа>та будет готова, пойду, нет — нет³⁴.

Операция у Маши отодвигается, по кр<айней> мере, до след<ующей> недели. 3.5.III — Л<енингра>д.

В середине марта — Киев³⁵, где опять же придется выжимать из себя какие-то слова (да не какие-то, а соответствующие). Дожил до того, что уже мое «неприсутствие» — скандал. «Бывший писатель?» Вроде того: гожусь для представительства. Впереди у меня, если не извернусь как-нибудь, доля Николая Тихонова: возглавлять делегации, председательствовать на вечерах и ужинах и т.п. радости полного величия³⁶.

Столько всякого насущного и острого на душе, и не просто на душе, а в ходе дел, выполнения твоих непосредственных задач, а пойти, поговорить — некуда. Никто не ждет с охотой, с готовностью понять, поддержать. Л.Ф.[Ильичев], конечно, не откажется принять меня, но будет корчиться, извиваться, переводить разговор на пустяки. А как тяжело идти к тому, кому ты не в радость, а в тягость.

Поликарпий [Д.А.Поликарпов] вновь задержал Каверина, при всей поддержке этого материала со стороны Игоря Сергеевича [Черноуцана] — «Лун<ц> — дурно пахнет» и т.д.³⁷

Мне ясна позиция этих кадров. Они последовательны и нерушимы, вопреки тому, что звучало на последнем съезде

и даже на последнем пленуме ЦК, стоят насмерть за букву и дух былых времен. Они дисциплинированы, они не критикуют решений съездов, указаний Н.С.[Хрущева], они молчат, но в душе любят свою «стойкостью», верят, что «смятение», «смутное время», «вольности», — все это минется, а тот дух и та буква останутся. Таковы в порядке расположения постов Снастин, Поликарпов, Лесючевский, цензорá. Даже ополоумевший Васька Смирнов, как и следовало ожидать, не пострадает. Да, хватил через край маленько, но «свой», и он знает об этой их молчаливой, но несомненной поддержке (да и не только молчаливой). Это их кровное, это их инстинкт самосохранения и оправдания всей их жизни. Чего ждать от Поликарпова, какого добра, если он в узком, застольном кругу, как передают, однажды не сдержался, прорвался и [с] великой горечью сказал: «Солженицын и Твардовский — это позор советской литературы». Их можно понять, они не торопятся в ту темную яму, куда им предстоит рано или поздно быть низринутым<и> — в яму, в лучшем случае, забвения. А сколько их!

Нет, прав один мой корреспондент, что не культ их породил, а они его, и верны ему — больше им ничего не остается — все остальное им кажется зыбким, неверным, начиненным всяческими последствиями, утратой их привилегий, и страшит их пуще всего. И еще: они угадывают своим сверхчутьем, выработанным и обостренным годами, что это их усердие не будет наказано решительно, ибо нет в верхах бесповоротной решимости отказаться от их услуг. И это надолго. И нечего больше делать, как только отламывать по кирпичику, выламывать, выкрошивать эту стену.

1. III.64. М<осква>

Чтение стенограммы Секретариата, обсуждавшего «Дружбу народов». Мне неловко как-то даже встречаться с вами (членами), разговаривать о чем бы то ни было после того, как вы поговорили об этом деле без меня, — сказал я Воронкову, позвонившему мне наутро. И действительно: пожурили Ваську [В.А.Смирнова], но, опасаясь «галерки» (словечко-то!), которая, будто бы, поняла бы все не так, и, опасаясь «поляризации», все свели на пшик. Суркову и Межелайтису предложено взять свои заявления обратно, т.е. почти что извиниться перед Смирновым. А Яковлеву еще до заседания была вручена выписка о принятии его отставки. С Янкой Брылем — так же: его, мол, заявление связано с отклонением его романа редакцией (это, действительно, неловко получилось). Нарочные, неискренние восклицания

Васьки: «снимите меня с поста» были мягко отклонены: «ничего не меняется».

По памяти:

Смирнов: — Не считаю предосудительным. Партия не запрещает печатать письма читателей. А что письмо взято из «Октября», так это же не антисоветский ж<урна>л³⁸.

Грибачев: — Ничего, собственно, не произошло. Над письмами мы работаем. Конечно, выписывать гонорар соавтору письма — это нехорошо. Но это — форма действия³⁹.

Чаковский: — Это дело выходит за пределы частного случая. Необходимо помнить, при каких обстоятельствах появилась поэма. Я там был в Пицунде при чтении. Говорят, что Хрущев сказал «хорошо», но я, правда, не слышал этого. Он только предложил выпить за автора. (Никто из участников встречи не поправил этого хитреца и мерзавца — ни Федин, ни Марков, ни Воронков.) И потом, у нас ведь нет культа личности...⁴⁰

Марков: — Не раздувать, не радовать «галерку», заботиться о журнале, и т.п.

Было чувство, что нужно подать заявление о выходе из Секретариата, — в перспективе и из ж<урна>ла, естественно. Нет, этот шаг был бы им на радость только. Дай бог, если удастся заставить дезавуировать «письмо читателя» в печати.

Эти люди связаны неписанным уставом, круговой порукой в отношении Солженицына и меня, подобно антисемитам при формальном запрещении антисемитизма. Они не стовариваются, не протестуют против закона о наказуемости антисемитизма, наоборот, они говорят: «у нас нет антисемитизма». Но они безошибочно, при молчаливой поддержке младшего старшим, действуют практически: «Вакансий нет...», «На эту тему мы уже имеем статью» и т.д.

Где-то незримо идет обложка (?) Лифшица. С такой фамилией он еще хочет учить уму-разуму. Он пролез в «Новый мир», говорил в Академии художеств некий Кацман (!), и немудрено: редактор вечно пьяный. Правда, говорят, одернули, зашумели⁴¹.

Больше всего стал ценить сон. Сплю охотно и днем, если есть возможность. Устаю к середине дня так, что ни на что не тянет, кроме сна.

Во вторник Маше делают операцию.

2.III.64. М<осква>

В Секретариат Союза писателей СССР

Я внимательно прочел стенограммы заседания Секретариата 25.II.64 года, на котором я не присутствовал совершенно сознательно и уведомил об этом тов. К.В.Воронкова заранее. Я полагал, что обсуждение вопроса о «письме читателя» в «Дружбе народов», направленном против моей поэмы «Тёркин на том свете», более удобно проводить без меня. Конечно, это не означало, что для меня безразлична степень серьезности со стороны моих товарищей по Секретариату в рассмотрении беспрецедентного в нашей печати факта опубликования В.Смирновым фальсифицированного письма читателя.

Теперь я вынужден в письменном виде выразить свое крайнее недоумение по поводу состоявшегося обсуждения и его выводов.

Разумеется, речь идет не о содержании названного «письма читателя», всяк волен высказывать в любой [форме] свое самое критическое суждение о любом произведении нашей литературы, в том числе, конечно, и любой моей работе. Это я всегда считал и считаю нормой литературной жизни. Так я воспринимал, например, весьма тенденциозную статью Старикова в «Октябре»⁴² или отрицательно оценивающие мою последнюю поэму письма читателей, опубликованные «Известиями» и «Лит. газетой» наряду с положительными отзывами о ней⁴³. Более того, в моей обильной почте есть письма, еще острее и непримиримее оценивающие «Тёркина на том свете», как, впрочем, и «За далью — даль», поскольку в обеих этих поэмах главным является мотив обличения, отрицания того явления, которое мы называем культом личности. И я никогда бы не унился до того, чтобы искать защиты от таких профессионально-критических или читательских суждений, потому что подлинность их я принимаю так же, как и подлинность иных, положительных оценок критикой и читателями моих поэм.

Но обширное «письмо читателя», опубликованное в «Дружбе народов», не является подлинным письмом врача пензенской больницы имени Семашко Б.Механова, — это письмо подложное, как неопровержимо свидетельствует история его опубликования.

Секретариат не дал соответствующей политической оценки той особой заинтересованности редактора «Дружбы народов» в опубликовании отрицательного отзыва о моем произведении, которая побудила его «позаимствовать читательское письмо» в редакции «Октября», переписать его заново, командировать в Пензу для согласования этого «вари-

анта» с автором первоначального текста сотрудника редакции и выплатить ему гонорар за соавторство. Это выходит далеко за пределы «частного случая» редакторской нечистоплотности В.Смирнова.

Меня не интересует мера взыскания по отношению к редактору «Дружбы народов», я оставляю в стороне тенденцию келейным образом пожурить В.Смирнова за «неловкий по форме» редакторский ход. Но в глухих и смутных выводах, которые делает Секретариат, отсутствует, совершенно отсутствует постановка вопроса о том, что «акция» В.Смирнова, допущенная им в печати, должна быть дезавуирована посредством печати же.

Я считаю, что оставление «письма читателя Б.Механова» в качестве подлинного документа читательского мнения недопустимо и не только противоречит элементам этическим нормам советской печати, но имеет определенный*

[Вклейка]

В Секретариат Союза писателей СССР

Я внимательно прочел стенограммы заседания Секретариата от 25.II.64 г., на котором не присутствовал отнюдь не случайно: я полагал, что обсуждение вопроса о «письме читателя» в «Дружбе народов», направленном против моей поэмы «Тёркин на том свете», более удобно проводить без меня, о чем я заранее уведомил К.В.Воронкова, который со мной согласился. Но, конечно, мое неприсутствие на этом заседании отнюдь не означало, что для меня безразличны характер и выводы этого обсуждения.

Разумеется, речь идет не о содержании названного «письма читателя»: всяк волен высказывать в любой форме свое самое критическое суждение о любом произведении нашей литературы, в том числе, конечно, и любой моей работе. Это я всегда считал и считаю нормой литературной жизни. Все дело в том, чтобы эти суждения были подлинными, т.е. принадлежали тому, чьею подписью они скреплены.

Однако обширное «письмо читателя», опубликованное в № 1 «Дружбы народов», не является подлинным письмом врача пензенской больницы имени Семашко — Б.Механова. Оно фальсифицированное, как об этом неопровержимо свидетельствует история его опубликования, изложенная в заявлении членов редсовета «Дружбы народов», которое обсуждалось на Секретариате.

Мне непонятно, почему Секретариат не обратил внимания на ту *особую заинтересованность* редактора «Друж-

* Фраза не закончена.

бы народов», которая заставила его «позаимствовать» читательское письмо в редакции «Октября», переписать его наново, командировать в Пензу сотрудника редакции для согласования этого «варианта» с автором первоначального текста и оплатить соавтору его работу, оставив, однако, под письмом лишь подпись «читателя Б.Механова».

Меня не занимает вопрос о мере взыскания по отношению к редактору «Дружбы народов». Но я решительно не могу согласиться с тем, что «акция» В.Смирнова, допущенная им *в печати*, не была бы *в печати* же дезавуирована⁴⁴. Оставление «Письма читателя Б.Механова» в качестве подлинного документа читательского мнения противоречило бы элементарным этическим нормам советской печати.

3.III.64 г. М<осква>.

А.Твардовский.

3.III.64. М<осква>

Сегодня сделали Маше операцию, длилась она 2½ часа. Мне разрешили повидать ее — очень, видимо, ослабела, но уже зная, что я приеду, не засыпала. Побыл у нее минут пять. Зашел в ординаторскую — тот же симпатичнейший Виталий Георгиевич рассказал об операции, а по тел<ефону> еще из города мне отвечала Вера Петровна, делавшая операцию. Все как будто хорошо, и нельзя было не делать («сгустки, плохие стенки» и т.п.).

Переписал с утра письмо в Секр<етариа>т и, отредактировав окончательно, с «моими людьми» в редакции отослал. Воронков уже пожаловался Черноуцану, что я «всех оскорбил, обидел Федина» — черт знает что!

Еду в Л<енингра>д⁴⁵ с обычными тревогами перед публичными выступлениями — только бы не закисло мероприятие!

Перехожу в новую тетрадь — по приезде.

[Вклейка]

Котельнич
Марта 8-го дня
1963

Уважаемый Александр Трифонович Здравствуйте!

А.Т. выслушав Ваше выступление 4-го января с/г после чего прочел без отрыва повесть за Далью — даль пришел к заключению, коротко Вам написать.

А.Т. мы с Вами родились и прожили детские годы в хуторе Загорье с Вашим отцом Трифоном Г<ордеевичем>⁴⁶ были близко знакомы а А<нна> Митрофановна⁴⁷ имела родство с моей матерью признаться Вас в то время я незамечал имея старший возраст, а данное время является какое-то тяготение встретиться, наверно потому что, Т.Г. оставил добрую память, он являлся хорошим односельчанином, все это помнится как будто бы было вчера.

А.Т. я осмеливаюсь просить Вас, приезжайте запросто в Котельнич, в период весенней охоты и рыбалки, здесь протекает река Вятка, Молома и Пижма, по разливам которых я провожу охоту, реки эти имеют живописные берега, во время перелета останавливается Дикий гусь в массовом количестве и разных пород утки, имеются лесные дачи, так же богаты дичью начиная от глухаря и кончая рябчиком который идет на манок.

Лодка илюменевая у меня имеется, *но мотор Москва необходим, если Вас не затруднит так везите**, буду Вам благодарен. Получа мое письмо пишите о себе какая у Вас семья, сколько Вам лет интересно все знать, имеете ли связь с родиной, меня вот, вот возмет старость мне вчера исполнилось 72, но я еще крепок, всю зиму охотился за пушным зверем за лисой.

Пишите мой постоянный адрес Кировская область г. Котельнич ул. Чкалова 15.

Гриневич Яков Гаврилович.

Барвиха, ? марта

«Книги Бунина я любил в отрочестве, а позже предпочитал его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе, которой он был знаменит. Когда я с ним познакомился в эмиграции, он только что получил Нобелевскую премию. Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть, — и он с удовольствием отметил, что держится прямее меня, хотя на тридцать лет старше. Помнится, он пригласил меня в какой-то, — вероятно, дорогой и хороший — ресторан для душевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музыки — и душевных бесед. Бунин был озадачен моим равнодушием к рябчику и раздражен моим отказом распахнуть душу. К концу обеда нам уже было невыносимо скучно друг с другом. “Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиночестве”, — сказал он мне, когда мы направились к вешалкам... (О шарфе.)

* Подчеркнуто А.Т.

В дальнейшем мы встречались на людях довольно часто, и почему-то завелся между нами какой-то удручающе-шутливый тон, — и, в общем, до искусства мы с ним никогда не договорились, а теперь поздно, и герой выходит в очередной сад, и полыхают зарницы, а потом он едет на станцию, и звезды грозно и дивно горят на гробовом бархате, и чем-то горьковатым пахнет с полей, и в бесконечно отзывчивом отдалении нашей молодости опевают ночь петухи» (Вл. Набоков. Другие берега. Нью-Йорк: Изд. Чехова)¹⁸.

Барвиха, 17.III.64

Декабрьское пребывание под этой крышей, такое недавнее, сливается со всеми прежними сроками, — как будто вообще здесь живу издавна, только отлучался на ненадолго. Это тем более живо, что почти все послевоенное («Послевоенные стихи», «Дали», «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>») в значительной части писались или дописывались здесь. — Я в восьмом люксе, таком, какой занимали с Машей в 62 г. и в каком я навещал здесь однажды Фадеева, тень которого здесь имеет особые права.

Я — здесь, Маша — в Кунцевской больнице, Оля — московская наша хозяйка. Еще ничего, кроме заполнения карточек меню, не обременяло моего пера (их целых четыре — три цвета чернил — все водянисты, — порчу начальной записью третью тетрадь из четырех, присланных Олей).

С чем сюда приехал? С мыслями в направлении «Пана»⁴⁹, возобновленными чтением заключительной части [мемуаров] Эренбурга и гл<авным> обр<азом> «Других берегов» В.Набокова. В обоих случаях «от противного». Конечно, намерения скромные — заняться подвозкой материалов к стройплощадке, возведением некоторых, м.б., времянок-навесов, будок, забора. Без разлуки с «НМ» к такой работе вплотную не приступить... А ближ<айшей> короткой задачей определяется статья о совр<еменном> лит<ературном> моменте (Солженицын — фокус)⁵⁰.

19.III.64. Барвиха

Сперва только для себя, для полного уяснения себе самого того, что происходит и чем является. Иначе начну волей-неволей — пробираться меж рифами и скалами существующих (хотя бы на бумаге) понятий, оценок и т.д. Нужна полная ясность для самого себя — будет или не будет возможно высказать это в печати (или публично), хотя бы и «в пределах разумности».

Литература и искусство никогда не были и не могут быть главным в жизни людей. Но дело в том, что они нередко способны выражать в своих формах главные общественные надежды и требования в современности. Они являются фокусом, в котором обнаруживаются самые острые на данный момент и глубокие в перспективе интересы определяющих сил общества. В формах литературы и искусства находят свое выражение (в самых неожиданных порой формах) все те сдвиги, что происходят в сознании людей, что подсказаны существенными переменами, когда новое властно стучится в жизнь и отгесненное, но никак не желающее сдавать позиций старое приобретает особую судорожную активность са-моутверждения.

Мы привыкли оперировать обзорами, инвентаризацией фактов литературы во всем неоглядном ее нынешнем объеме, стремясь ничего не забыть, не упустить в привычных перечислениях имен и названий книг, и такой именно способ нам представляется наиболее продуктивным и эффективным. Между тем — это все равно, что выводить среднюю температуру года по Союзу, в которой исчезают климатические и метеорологические особенности поясов, краев и времен года.

В искусстве чаще всего бывает так, что перед началом общего значительного поворота, принципиальных изменений в его (искусства) развитии всеобщее внимание сосредотачивают на себе немногие, единичные факты и явления, часто не только один автор, но даже одно какое-нибудь произведение — и не обязательно крупное по объему и не обязательно в предполагаемом заранее жанре.

«Хорь и Калиныч»⁵¹ — небольшой очерк в отделе «Смесь» на фоне тогдашних «многоплановых» вещей.

И не обязательно там, где предположено ожидать появления произведений, которые и т.д. (Айтматов⁵² (?), Гамзатов).

И не обязательно это произведение охватывает все стороны и проблемы момента, — не обязательно всеобъемлюще по охвату действительности, постановке и разрешению всех проблем, интересующих нас в данное время. Мы же, исходя из предположения об обязательном появлении новой «В<ойны> и мира» и т.п., хотим непременно, чтобы в такой вещи было все. В жизни получается так, что если там и далеко не все, но что-то из самых «существенных сторон», то это прощается, и на произведении, освещающем лишь одну из «сторон», сосредотачивается всеобщее внимание (за и против).

21. III. Б<арвиха>

Все это «научное» начало ни к чему. Но всегда бывает нужно начать писать, чтобы отвязаться от этой тяготины, когда стремишься все объяснить «с самого начала».

Сейчас план статейки таков:

1. *Необходимость* появления повести С<олженицы>-на (первый признак значительности худож<ественного> произв<едения>)

2. Она для самых «верхов» и для самых «низов».

3. Она имеет горячих поклонников, друзей и яростных недругов — третий признак.

Она явилась из необходимости и сейчас сама стала необходимостью.

Она оказалась фокусом, в котором... (ликвидация культа) и уже сама становится фактором борьбы за ликвидацию последствий, за перестройку сознания.

4. «Не тот герой». Можно было бы, во-первых, сказать, что в композиции вещи решающую роль играет фигура Буйновского⁵³.

Но, в конечном счете, герой тот самый, которого называл своим героем, — правда⁵⁴.

Есть люди, которые по недопониманию и по инерции поверхностного схематич<ного> понимания хулят Ив<ана> Д<енисови>ча. Иным из них помогла критика («Недругов» и «друзей») понять вещь⁵⁵.

Но есть и такие, которым ничего не поможет, — позиция их достойна сожаления.

Бывают произведения, вызывающие большой шум, споры внутри лит<ерату>ры, не задевая читателя. Здесь иное. Читатель с первых дней — активный участник обсуждения.

«Читал сегодня Бёрнса. Любопытно, чем он был бы, если бы родился знатным? Стихи его были бы глаже, но слабее — стихов было бы столько же, а бессмертия не было бы — в жизни у него был бы развод и пара дуэлей, и если бы он после них уцелел, то мог бы — потому что пил бы менее крепкие напитки — прожить столько же, сколько Шеридан, и пережить самого себя, как бедняга Бринсли»⁵⁶ (Байрон. «Дневники — Письма»).

Я обратил это место в шутку от себя на Арк. Кулешова: что было бы, если бы он писал по-русски? Он, бедняга, был польщен, смеялся, а я подумал, что писать по-русски он не смог в силу, прежде всего, своей крайней необразованности, нечитанности.

Оказывается, он с 11 лет остался сам по себе («один в хате»): мать осудили в тюрьму за производство подпольных абортов, — учительница. Отец не дождался ее возвращения из тюрьмы (полгода!) и женился на другой. Так мальчик и доучивался в семилетке «один в хате». Напустил к себе квартирантов-одноклассников, что-то вроде коммуны, а там техникум, стихи в печати и т.д. Потом наезжал к отцу и матери гостем, но уже с ними не жил. Они под конец вновь сошлись⁵⁷.

«Если человек способен на лучшее, ему не следует делаться рифмачем. Вот потому-то и досадно видеть Скотта, Мура, Кэмпбелла и Роджерса, которые могли бы быть людьми дела и вождями, а стали всего лишь созерцателями» (Байрон) — там же, с. 58.

«Партия несет ответственность за развитие социалистической национальной культуры. Партии не нужны ни дешевый оптимизм, ни лакированная картина действительности. Нам нужна правда жизни, богатая и всесторонняя, проникнутая социалистическим гуманизмом. У нас не должно быть места для произведений, идеологическое и моральное содержание которых направлено против социализма» (Тезисы ЦК ПОРП к IV съезду партии. «Правда» от 18.III.64).

22.III. Б<арвиха>

Воскресенье. В ожидании Оли, с которой поедем в Кунцевскую б<ольни>цу. Похудел за неделю на 2,5 кг, и то еще 97. Унизительные заботы, но возраст подпирает. Прекратил непрерывное чаехлебание с сахаром, принимаю какую-то специю для отжима влаги. За м<еся>ц вернуться бы хоть к прошлогодним 94—95 кг.

Вчера набросал две странички — до перехода: и это хорошо во многих отношениях (то, что у С<олженицына> есть противники).

И это хорошо и поучительно во многих смыслах.

Во-первых, когда к произведению литературы не предъявляют упреков в неправдивости его, в нехудожественности, когда попросту не отворачиваются от него, а читают, всматриваются с таким пристрастием и «отвергают» его по иным мотивам — это всегда свидетельство большой жизненной силы прочитанного, его прямого попадания в главную точку.

Претензии типа «не тот герой» исходят, конечно, из той поверхностной искусственности записного читателя, кото-

рый усвоил быгующие в нашей критике примитивные понятия о том, что нам будто бы заранее известно, каков должен быть герой (не важно, каков он в жизни).

Претензии эти несостоятельны по самой своей сути умозрительных построений: нам нужен такой-то герой, наделенный такими-то качествами, и нам нет дела до того, каков тот герой, которого автор наблюдал в жизни.

Такая претензия — от губительной предвзятости в подходе к художественному произведению, предвзятости, игнорирующей жизненную сложность явлений.

(Не того — многословно и темновато — боже, сколько наврано и как трудно вернуться к правде, уйдя так далеко от нее.)

В тот же день. — Дело Бродского (записка на вечере «НМ» в Выборгском доме культуры, пук стихов, теперь еще письма Македонова и каких-то двух геологов и «отчет» Вигдоровой — все это «в свете» настоятельных советов Вл. Сем-ча [Лебедева] «не вникать в грязное дело»)⁵⁸. Налицо очевиднейший факт беззакония: 5 лет за то, что работал с перерывами, мало зарабатывал, хотя никаких нетрудовых источников существования — отец и мать пенсионеры. Парнишка, вообще говоря, противноватый, но безусловно одаренный, м.б., больше, чем Евтушенко с Вознесенским, вместе взятые. Почему это меня как-то по-особому задевает (ну, конечно, права личности и пр.)? М.б., потому, что в молодости я длительный срок был таким «тунеядцем», т.е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал, и мучился тем, что «я не член союза» (профсоюза), и завидовал сверстникам (Осину, Плешкову, Фиксину)⁵⁹ — членам союза и получавшим зарплату. Но я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь, как-то угадывая, что служба, работа в штате (ее, кстати, невозможно было получить) может подрубить все мои мечтания, и, в конце концов, выходит, что я был прав, идя на этот риск. А как я бросил с третьего курса Смол<енский> пединститут и за год «вольной жизни» написал «Страну Муравью». Я никогда бы этого не сделал, не рискнув так решительно (много раз мне казалось, что ничего не выходит, бросить бы к черту, но бросать уже было нельзя, и так и дописал и «перешел в новое качество»)⁶⁰.

23. III

До прогулки — чтобы отвязаться от этого на редкость мерзостного впечатления. — Фильм «Секретарь обкома»⁶¹. Вернее было бы назвать его «Секретари», ибо они идут в паре как положительный и отрицательный. Однако по выходе из кинозала спрашиваешь себя: а который из них хороший, ко-

торый дурной? Оба ужасны своей культово-казенной окраской и сущностью, но на самый худой конец — в Артамонове еще есть хоть некие условные, «приданные» черты (чтобы он был отрицательный) чего-то хоть отдаленно человеческого (любит выпить-закусить, похвастаться, а под конец даже разражается монологом о том, что он «не для себя» творил свое гнусное дело: тут пристебнутой оказалась «Рязань», которой в романе, кажется, нет и в намеке)⁶².

Странное дело: Денисов (положительный по заданию) подобран в смысле обличья, типажа с каким-то роковым сходством с Кочетовым и с Козловым одновременно⁶³. Тонкогубое недоброе лицо, тяжкий «энкавдэшный» взгляд «руководителя», всегда что-то знающего, чего никто больше не знает, и видящего насквозь всех. Фильм о должности, а не о человеке, культ должности. Отвратительная отчужденность от «простых людей», хотя внешние и тошнотворные черты «близости к народу», «демократизма» не забыты: здоровается за ручку с охранником при входе в обком, запросто беседует со «своим» шофером, которого забирает с собой, как положено, при переезде в другую область. Колхозники — щебечущий, смеющийся плоским шуткам высокого начальства ансамблец — ни слова о них как людях, чего-нибудь на свете желающих, кроме выполнения плана поставок мяса и т.п. — Прав Кулешов, что мы, боясь всегда «использования за границей» того или иного случая в нашем искусстве (вроде того же Солженицына), даже не предполагаем, как выгодно могли бы использовать наши враги этот фильм. Его только показать: вот оно, их, т.е. наше, директивное, партийное, идейное искусство во всей своей мертвящей казенности, антихудожественности — вот она, их, т.е. наша, ужасная безжизненная действительность и т.д. Да, такой клеветы, такого очернения никому нарочно не придумать. Точка. Случится, скажу публично об этом фильме — это редкий по цельности образчик, это знамение того искусства и той мнимой жизни, против которых я не перестану бороться всеми силами разума и сердца до конца дней моих.

Если бы это искусство действительно могло утвердиться, — вообразить только, что это то самое, чего «хочет от нас партия», то жить уже не стоит. —

24. III

До прогулки. На вчерашней утренней прогулке постепенно успокоился. Очень хорошо: этот фильм — образцовое произведение искусства, созданное по идейно-эстетическим принципам кочетовщины. Это фокус, в котором все обнаружилось с предельной ясностью, никаких отклонений. Описать весь этот набор средств показа действительно-

сти — и все налицо. Вечером подсел к нашему столу Романов А.В. (министр кино)⁶⁴ и сообщил, что «этот фильм очень не понравился Н.С.[Хрущеву]». Главным образом из-за мотива «ларионовщины»⁶⁵. Разве, мол, дело в Ларионове, ведь мы сами его... Т<аким> обр<азом> фильм вряд ли будет выпущен, к сожалению, ибо выгоднее для дела было бы ему быть на виду и служить примером, как, например, «Куб<анские> казаки»⁶⁶. —

Позавчерашнее посещение мною соблазнителя Аркашки после кино дало вчера заметное повышение давления — 150, а было уже нормальное — 120. Впрочем, м.б., врачиха ошиблась. Вчерашнее — пустяки, вряд ли отразится, но нужно это знать. —

Вчера статья начала связываться, зачин во всяком случае. Дальше будет развита мысль о том, что, во-первых, подлинное произведение искусства, к тому же берущее за самое живое, не может быть снято посредством критики, любого охаивания и т.п. С ним ничего не поделаешь, т.к. и нападки в таком случае не только не оправдываются, но, наоборот, часто достигают противоположных результатов, т.е. никак не входивших в расчеты этой критики. Явивши<сь> в такой атмосфере «духовного освобождения», эта вещь, будучи фактом искусства, отозвавшегося не на «потребности сознания», является и фактором борьбы против того, наличие чего в нашем общ<ест>ве обозначают эти нападки (хотят или не хотят того критиканы).

Читательская критика нередко следует навыкам профессиональной — самым дурным ее приемам и посылкам, но бывает и такая (и в ней главная сила), которая не приемлет, остро возражает профессиональной и способна многому поучить ее.

Словом, все хорошо. Судьба «Одного дня» куда завиднее любого произведения, одобренного сверху в иные времена и хвалимого без удержу по всем горизонтам.

Для концовки — мысль о невозможности «запаять» настоящее в искусстве.

Собрание сочинений

в 5 томах:

Том первый: Стихотворения.

Том второй: Страна Муравия,

Василий Тёркин.

Том третий: Дом у дороги,

За далью — даль,

Тёркин на том свете.

Том четвертый: Родина и чужбина.

Том пятый: Статьи и заметки.

«Томами» являются *на сегодня* лишь первые три. 4-й и 5-й — это еще полутома. Они должны и могут быть дополнены, один — рассказами и очерками, другой — всякого рода статьями, заметками, речами (нужно включить и кое-что из того, что указано в письме одного читателя по книжке «Ст<атьи> и заметки»)⁶⁷. Это все еще до «Пана Твардовского», до настоящей старости. —

25. III

Продвигаюсь помалу, только не сбиться на мелочные возражения вздорной критике, не доказывать самоочевидного, не пускаться в боковые подробности. — С высоты времени, под знаком идейно-политической сегодняшней сути дела.

Отвлекался чтением корректуры «Тёркина» для «Шк<ольной> б<ibliote>ки» Детгиза. Давненько не читал его, — здорово все же, хотя есть главы послабей («Поединок» — вся из головы, «Т<ёркин> ранен» — обветшала, вся еще на финских впечатлениях. А так в двух-трех местах даже прослезился как чужой хорошей вещи, но не впал в умиление — вижу, что отпечаток времени уже лег на некоторые главы (длиннотки). Вычеркнуть смог лишь две строфы:

1. Мимо их висков вихрастых...

Какие же вихры, если они стриженные.

2. И покамест неизвестно...

Эта строфа только разрывает музыкальную связь:

Переправа сорвалась.

Переправа, переправа... и т.д.⁶⁸

И еще строку (пятую у собаки ногу):

В эту памятную зиму...

Она как-то уцелела с 40 г., когда в виду имелась только одна военная зима — финская⁶⁹.

И некоторые словечки: От кого *всегда* держала. Всегда на «вдали». И еще кой-что.

Попробовал было вставить строфу с «недоедом» для переключки к «недосыном»:

Мол, здоровью не во вред

Закусить покруче

И за прошлый недоед,

И на всякий случай⁷⁰.

Вчера весьма серьезное решение ЦК и Совмина «Об извращениях»...⁷¹ Пожалуй, это из тех документов, что включают более решительные и бесповоротные слова, чем многословные прения и резолюции многодневных «исторических форумов». Но неужели нужно было 10 лет, чтобы решиться на это, вернее, сказанное и записанное о самостоятельности планирования колхозами своего производства наконец-то счесть серьезным установлением жизни реальной, а не мнимой. —

Читаю «Дневники — письма» Байрона⁷². Странно, что я дождался до середины шестого десятка, имея смутное представление об этом всеевропейском и мировом для своего времени кумире, воздействие которого на многие литературы, в т.ч. русскую, так значительно. Правда, перечитывать его не тянет, читал его давно — «Каин», «Манфред» — в отрочестве без малейшего понятия, а потом еще «проходил». Подозреваю, что эти записи живее и реальнее рисуют его выдающуюся личность и ум, чем сочинения, потрясавшие его современников. А пожалуй, Бёрнс в каком-то смысле оказался долговечней Б<айро>на, хотя последнему делает честь его прозорливость относительно «незнатного» Бёрнса. —

Неприятности (опять!) по № 4⁷³. Приедут Дем<ентьев> и Лакшин. — Так или сяк, после объявления премии К<омите>том придется решать вопрос: или и без меня все идет хорошо, или же и со мной никакого толку не предвидится⁷⁴. —

26. III. Б<арвиха>

Нелепо доказывать бессмыслицу или издевательский характер упреков критики по адресу заключенного Шухова в том, например, что он думает о еде, будучи голодным, а не занят более возвышенными размышлениями, или в том, что он — натура пассивная, «каратаевская», т.к. не протестует против лагерного режима; не ведет борьбы — против чего и кого — критики обычно не договаривают⁷⁵. Но глубоко-мысленные потуги к тому, чтобы лишить Шухова отличительных черт человека, сформировавшегося в советскую эпоху, нужно решительно отвести за полной бездоказательностью таких утверждений. Человек труда, способный даже в столь специфических условиях испытывать радость труда, увлечение и порыв в артельной работе, находить в ней, и только в ней, целительную душевную отраду и опору своего человеческого достоинства — такой человек не может

быть противопоставлен понятию об особых качествах советского общества. Нет. Он поистине плоть от плоти и кровь от крови этого общества, и частица его трудовой сноровки, умелости, прекрасной рабочей удали несомненно сливается с историческим трудовым подвигом народа, прошедшего пятилетки, годы войны и послевоенного строительного напряжения. Здесь, как и там, Иван Шухов работает — воодушевленный трудовой спайкой с товарищами по бригаде, работает самозабвенно и заражает других — столь различных по своей жизненной судьбе и одинаково удрученных своим нынешним положением — заражает благородным чувством трудового участия, в чем-то неизмеримо большем, чем возведение корпуса безвестной ТЭЦ в безрадостном краю лагерного Заполярья. Да, Шухов и его товарищи не забывают и о выведении «процентовки», о том, чтобы не подвести бригадира Тюрина и, может быть, выиграть какую-то мизерную хлебную надбавку, но одного этого было бы далеко не достаточно для проявления себя в осмысленной работе, исполненной настороженной сметки мастерства и горячности увлечения. Вспомним только, как Шухов без уговора берет на себя самое ответственное рабочее место и спрямляет кладку стены там, где, должно быть, были приложены руки не такие умелые и не такое усердие. Я не знаю в нашей беллетристике описания трудового подъема, выполненного с такой неподдельной, захватывающей читателя силой. Нет, пожалуй, я мог бы сравнить — не по мастерству и безупречной экономности изображения, но по самому настроению, подмывающей музыке слаженных усилий трудового коллектива лишь с трудовыми эпизодами в небольшом и, к сожалению, еще не замеченном критикой очерке рабочего-монтажника В. (?) Кондратьева⁷⁶ в № 3 «Нового мира». Там тоже налицо эта рабочая удаля, мастерство, точность (даже щегольство) людей, связанных как бы единым дыханием. Но там не мастеров и носилки с раствором или шлакоблоками, не тяжкий ручной труд, а современные механизмы, инженерный расчет и разнообразное техническое обеспечение и не только это, [там] еще и свободные, тепло одетые, здоровые люди, привыкшие знать себе цену, гордые своей рабочей славой и участием в завершении знаменитых гидростроев страны. Но странным образом эти картины труда производят на меня, читателя, сходное волнующее впечатление прекрасной поэзии труда, задушевной связи товарищей, круговой рабочей поруки. Можно еще добавить, что и там и там выступает еще одна сила: покоряющее читателя знание авторами дела — до деталей и подробности — то безусловное знание, которое позволяет и не быть уж слишком подробным в описании, не щеголять терминологией и из-

лишне-специальными «тонкостями», чем обычно грешат авторы, не обладающие этим особым богатством художника: непосредственным личным трудовым опытом.

Заслуга С<олженицы>на как раз в том, что он избрал этого героя (его глазами и словами).

Вчера — папка с почтой из редакции, сидел с 6 ч., всех рассовал и после завтрака стал было вянуть. Особая тоска от писем по делу «тунеядца Бродского». Поговорил по телефону с В.С.[Лебедевым], с Дементом, здесь с Исаковским и Кулешовым⁷⁷. — Иду в 3 ч. к Маше, Оля, м.б., не поедет, нездорова, в чем она обычно крайне неохотно сознается. — Иду подставлять свои «статьи» под брандспойт, который направляет та или иная из молодых женщин водолечебного отделения — беда, не могу привыкнуть, чтоб совсем не испытывать неловкости. —

27.III. Б<арвиха>

Дополз до девятой странички. — Нужно все время мысленно возвращаться к началу, — то ли говоришь, что думаешь и что надо, или поддаешься капризному течению и попадаешь в один из множества возможных рукавов и уже лепишь, что набегаёт. Ах, как легко написать претенциозную глупость, как много подворачивается слов «для красоты» только, а порой и просто повторяющих кого-то или что-то пустопорожнее. —

Вчерашнее посещение Маши в больнице самое горькое из всех: показала мне зажившую ногу с черными стежками шва на икре и здесь же выступающим узелком «недочищенной» вены, на которую, оказывается, указал и профессор некий, смотревший ее в последние дни. Это значит, что может быть очень скоро опять старушке ложиться на операцию, во всяком случае — начинать ждать такой или иной штуки. Не стал говорить Оле об этом, — бедняжка моя и так, видимо, еле тянет — вчера и сегодня прихварывает, не ходила в школу.

То вдруг опять вспомню, что где-то у родни покойного А.Рутмана⁷⁸ в Москве, м.б., уцелел мой одностомный Лермонтов, переданный ему в Брянске году в 28—29 за долг в 5 р. — Предложить бы за этот одностомник любое собр<ание> соч<инений> Л<ермонто>ва, коль уж самому заботиться о реликвиях будущего музея, но это возможно только через Осина, а не хочется. Можно бы поискать и заказать это издание в Лавке⁷⁹, но это уже будет не то, не тот наш Лермонтов Загорьевский, что отец привез, из тюрьмы вернувшись, вместе с Пушкиным, которого почему-то передал мне, а Лермонтова — старшему брату Косте: м.б., это уже было,

когда я марал бумагу стихами, и мне уже отводилась должность Пушкина.

Лермонтовский Кавказ, воспринятый в отроческом чтении, не совпадающий с современным, увиденным много лет спустя — не разместить на его дорогах и курортах Бэлу с Казбичем и др. —

28.III. Б<арвиха>

Подвигается. Конечно, м.б., все, что я с известным напряжением уясняю для себя и стараюсь связно изложить, вовсе не так уж ново и глубоко, но все же я иду к главному вопросу, пытаюсь сформулировать в общедоступной форме то, что, как мне кажется, не сформулировано, во всяком случае, не стало привычным понятием, — на что не каждый решится.

Иногда мне даже кажется, что я «не по чину беру», залезаю, куда не положено, и что из этого ничего реального, печатного не получится. Но, боже мой, куда более невероятным представлялось напечатание «Ив<ана> Д<енисови>-ча», да и моих «Далей» («Так это было») или «Т<ёркина> на том свете».

Правда, до опубликования казалось, что только бы опубликовать эти вещи — остальное приложится. Опыт показывает, что это далеко не так. Нельзя думать, что и эта статейка сразу все перевернет, но она найдет отклик в душах людей, позволяющих себе роскошь думать, лично симпатизировать чему-то или отрицать что-то. А появившись она в «Правде», м.б., заставит придержать язык безответственному и наглому вранью, горлопанству и провокации. —

Не нужно бы, ох, не нужно бы заходить в дообеденные полчаса к Аркашке [Кулешову] с его обеспечением, да уж где наше не пропало!

31.III

Так-сяк статейка подвигается к концу.

Для меня и в этом скромном случае важнейшим побудителем к работе является то, что ничего необходимого и важнее для данного момента я не мог бы сейчас писать — это неотложное.

Сегодня надеюсь сдать на машинку то, что есть (или будет) к полудню, когда поеду в Москву для встречи с Эренбургом⁸⁰. —

Примерно:

Изложить о кавторанге по корреспонденции в «Известиях»⁸¹. Затем: Подчеркнуть это тем более необходимо, что, к сожалению, у некот<орых>, пишущих об «Одном дне Ивана Денисовича», проявляется почти нескрываемое отношение к Шухову, его товарищам по судьбе и ко всем-всем этим «людям из-за проволоки» странное высокомерие как к миру, с которым они, во всяком случае, слава богу, ничего общего не имеют.

1) Эти люди забывают, что только случай или ребяческий возраст мог уберечь их от такой же судьбы, и хотят они того или не хотят, но это их превосходство над жертвами произвола и беззаконий минувших лет покоится на той самой самоуспокоительной казенной философии бывалых времен, которая формулировалась обычным: «У нас зря не сажают...».

2) Есть и молчаливое неприятие «Ив<ана> Д<енисови>ча» со стороны людей того печального жизненного опыта, который говорит: подождем да поглядим, как еще оно обернется. Прочесть-то они прочли от строчки до строчки, с полным сочувствием или угрюмым неприятием, но и в частной беседе воздержатся от каких-либо суждений: о, эта житейская мудрость, крепко усвоенная и довольная сама собой.

И как это ни прискорбно, такое отношение к необычному по силе и воздействию на миллионы читателей, такая похвальная в былые времена сдержанность заметна и со стороны некоторых почтенных литераторов. Правда, здесь к прописной мудрости воздержания примешивается несомненно и другое. Эти люди не могут не видеть, не чувствовать, что какой большой читательский интерес прихлынул к этой скромной, малого объема повести и, увы, она заслоняет их многообъемные, неторопливые сочинения — лишенные жара живой жизни.

3) Все это многообразие мнений, суждений и даже умолчаний относительно повести Солженицына заслуживает глубокого внимания и изучения. — Оно весьма показательно для переживаемого нашей литературой в целом момента, хотя сама она еще недостаточно, м.б., осознает это.

Только после исторических съездов партии, вынесших окончательный приговор всему тому, что отмечено в нашем развитии знаком культа личности, могла появиться или, лучше сказать, не могла не появиться эта суровая и мужественная, пронизанная светом социалистического гуманизма повесть о человеческом в нечеловеческих условиях, о великой силе духа советских людей, — повесть, с бесстрашных партийных позиций приоткрывшая завесу над прошлым.

В этом политическое содержание повести, которого нельзя переоценить.

4) Мы в самых беглых чертах коснулись характеристики только двух героев повести, а их там много, и каждый заслуживал бы отдельного и подробного рассмотрения и толкования, — так правдивы эти мастерски исполненные портреты, иногда с минимальной затратой красок, одним безотрывным обводом контура, и такие незабываемые. Какой многоговорящей, глубоко впечатляющей тенью встает с этих страниц, например, безмолвная фигура старика, который ест, зажав шапку под мышкой, с невозмутимым благообразием человека, которого никакая форма насилия, ничто не может унижить. И это достоинство благообразия — как гордый вызов противостоит всему неблагообразию обстановки и свидетельствует о таких неодолимых духовных силах, которые заставляют вспомнить образы (оживают в нем) поистине революционеров-большевиков, людей несгибаемой воли и незапятнанной чести. Разве этот, в немногих строках набросанный безымянный портрет — не один из самых дорогих нам героев повести?

Но незримо, но явственно среди всех ее героев живет, присутствует, высказывается еще один герой этого произведения — суровый и беспощадный, сердечный и взыскательный, отвечающий за себя и за всех остальных — это ее автор, который хоть и ведет свой рассказ как бы только словами Ив<ана> Д<енисови>ча и видит все вокруг как бы только его глазами, но неотрывно с ним и со всеми другими проходит от первой до последней страницы «Одного дня». И как многозначительна его встреча с Буйновским за пределами повести, на борту легендарного крейсера «Аврора».

А в целом здесь хочется привести слова молодого Толстого, которыми он заканчивает один из своих севастопольских очерков: «Главный же мой герой, который был и всегда будет прекрасен, — этот герой правда»⁸² (отсутствие жалостливости).

5) Юмор! (нац<иональный> характер.) Работает, зябнет, тоскует, радуется и даже шутит! Да, да, и шутит, и заставляет уже нас — смеяться. Это одна из самых победительных сторон...

6) История русской литературы знает немало примеров того, как непредугаданное и неожиданное, скромное по объему и выбору объектом изображения как бы только частного случая действительности, одного из уголков ее, до поры не привлекавшего внимания прославленных мастеров пера, — как такое произведение становилось знаменательной вехой в развитии лучших, наиболее перспективных ее тенденций.

А.Солженицын опубликовал до сих пор всего четыре небольших по объему вещи. Неслыханный успех первой из них не заставил его стать певцом лагерной темы, хотя иному автору материала, которым располагает Солженицын к этой теме, хватило бы на всю его писательскую жизнь. Каждая новая вещь Солженицына — новый материал жизни: послевоенная деревня, прифронтовая ж.д. станция первой военной осени; нынешний день учебного заведения в большом областном городе. Каждая из этих вещей — новое свидетельство многосторонней талантливости автора. Перед ним большой писательский путь, на котором, несомненно, будут новые и, может быть, еще более значительные удачи, могут быть и трудности, и задержки, и промахи.

Но одно несомненно, что уже первой своей повестью он напрочно вписал свое имя в историю советской литературы, и поворотное значение этой повести в развитии советской литературы будет со временем выявляться все более очевидно.

2.IV.64. Б<арвиха>

До прогулки.

Статья, по-видимому, получилась — это явствует из того, что теперь нас уже более занимает ее опубликование в ближайшее время. Ни на что другое я не мог потратить здесь время более продуктивно. И сейчас даже подумал, что если на худой конец (весьма возможный) она не попадет в печать «к христову дню», ее прохождение по инстанциям будет иметь значение и с точки зрения той конкретной задачи, которой она посвящена (премия Солженицыну).

Намахалась она сравнительно легко, нужно было только следить за главной мыслью. Но вчерашнее «чтение» ее с Дементом и Лакшиным было архиполезно, — отваливались целые куски, иногда сами по себе даже интересные (об именах литературных героев и др.), но все же расслабляющие главную пружину, или обозначились проемы, которые необходимо занять существенным, неотложным предметом содержания. (Не обошлось, конечно, без некоторого обострения с Дементом, в котором порой просыпаются его прежние инстинкты (о «протесте» и «борьбе» против «беззаконий на местах», т.е. лагере). Продолжаю думать, что прав Солженицын, а не его критики.

Сегодня день перебелки — перенесения на чистый экземпляр всей правки и внесения необходимейших добавлений, хотя статья и так уже под печатный лист, и объем может стать ближайшей благодидной причиной к ее неопубликованию. —

1. Ленин об «использовании врагами» правды о наших изъятиях.

2. О «принципиальной невозможности» присуждения премии за такую вещь.

3. О языке повести (в др. вещах эвфемизмов у Солженицына нет!)⁸³.

4. Об особом тоне в отношении критиков к Шухову и вообще заключенным, — все-таки — заключенные, а «у нас зря не сажают».

5. Цит<ата> из Л.Ф.[Ильичева]?

«Мы нисколько не закрываем глаза на то, что всякое слово, которое будет здесь произнесено, будет перетолковываться, что к нашим признаниям будут прислушиваться агенты белогвардейцев, — но мы говорим: пусть!

Мы гораздо больше пользы извлечем из прямой и открытой правды, потому что мы уверены, что если это и тяжелая правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трудящийся крестьянин извлечет из нее единственно верный вывод» (Ленин. 4-е изд. Т. XXIX. С. 231⁸⁴).

3.IV.64. Б<арвиха>

Еду на Комитет, хотя З.Б.[Богуславская]⁸⁵ сказала, что это заседание можно пропустить — все равно там меня ждет перебеленная статья, нужно говорить с Л.Ф.[Ильичевым], нужно присмотреться к народу на К<омите>те, нужно на обр<атном> пути заехать к Маше, ее опять забинтовали, не дай бог, и отложили выход на волю до 10-го, что, конечно, неточно и т.д. Вторая половина м<еся>ца может у меня здесь пойти кувырком: из 15-ти дней — 6—7 для Москвы. —

Конечно, с провалом (очень, очень вероятным) Солженицына при голосовании еще не резон тотчас впасть в ликвидаторство, еще есть запасные позиции, на которых можно держаться с достоинством и честью, но только держаться.

Роман С<олженицы>на, бог его знает еще — что это такое, но будь он хоть какой, его встретят в штыки, обзовут так и этак (если даже удастся его напечатать). Словом, будет куда труднее. Но такова, по-видимому, наша доля. — Я иду к человеку, от которого сейчас, в данном конкретном случае (моя статья), много зависит. Но у меня не только нет уверенности, что он сочувствует мне, но, скорее, есть уверенность, что в душе он желает провала С<олженицы>на по своим осо-

бым, далеким от лит<ерату>ры, соображениям. Тут опять бескультовые условия используются в чисто культовых целях: «Демократия-с»...

Но очень хорошо, что я в эти дни сосредоточился на этом деле, я добрался, кажется, до ясности — невеселой, но, по кр<айней> мере, несомненной, я знаю, на какой стороне что. Силы тьмы — все, кто великолепные решения съездов принимает лишь внешне, в глубине считая, что все это «только так» (и не без некоторых оснований). Силы жизни считают: пусть себе отчасти это, может быть, «только так», но мы намерены понимать это не как «только так», а всерьез и утверждать эту серьезность до конца. Если бы силы тьмы перевесили, то на длительный срок вообще нечего делать в смысле журнальном, общественном, нужно уходить «на творческую работу», т.е. писать потихоньку в сундук, а это уже — как пенсия.

Третьего дня в «Изв<естиях>» статья памяти Раскольникова, где отмечается его разоблачительная деятельность против культа в условиях невозвращения (во Франции). Это беспрецедентное дело в нашей печати. Человек по вызову его в Москву из-за границы, сообразив, что к чему, едет во Францию и там в буржуазной печати (не в коммунистической же!) выступает против Сталина и его режима. Это решительно новое во многих смыслах⁸⁶.

Записи Тарасенкова о Пастернаке рисуют последнего во многом как умного, честного и глубоко несчастного человека, по-своему, но в общем правильно понимавшего то время и трагическую роль искусства. Мы, говорит он, совершаем поход на подводной лодке, с редкими выходами на поверхность, почти без воздуха, а должны петь о поездке на яхте, солнце, воздухе и всяческих озолах⁸⁷. Жаль только, что все это записал Толечка, как он иногда подписывался, который вульгарнейшим образом отказался от Пастернака, когда это было к его выгоде, и порядочно преуспел⁸⁸. —

10.IV.64. Б<арвиха>

На обороте вырезки из Литгазеты от 7.IV прочел сообщение о смерти Бориса Сергеевича Бурштына (Иринина)⁸⁹, которого я знал со смоленских времен. Незадолго до этого как-то в редакцию заходил человек, кажется, поэт Белинский⁹⁰, с просьбой от Елизаветы Яковлевны⁹¹, чтобы я позвонил Блохину (?) и попросил его лично сделать операцию Ирину, которая только и может его спасти. Еще одна история,

когда я отказал родным известных мне людей в «принятии срочных мер» (1-й раз — Еголин А.М.) и оказался как бы виновным в их смерти⁹².

Записывать сколько-нибудь подробно перипетии «битвы русских с кабардинцами» из-за кандидатуры Солженицына на Комитете не имеет смысла — она зафиксирована так ли смя в стенограмме.

Выступал дважды (еще дважды — по Серебряковой и Исаеву)⁹³.

Пережил невозможное напряжение и муку: сплоченность лагеря «кабардинцев» и иже с ними (гнусность Тихонова и Анисимова).

Что-то все же произошло: К<омите>т, несмотря и вопреки воле руководства и действиям прибывшей специально для этого случая тяжелой артиллерии в лице Павлова (от «молодежи Советского Союза») и Титова («от космонавтов»), — несмотря и вопреки всему этому — восстановил Солженицына в списке для тайного голосования.

Мне очень помогла работа над статьей — так я ее по памяти почти всю в два приема выцитировал, заостря отдельные положения и пр. Конечно, многое и упустил, хотя кое-что и добавлял по непосредственной надобности «битвы». Уже вряд ли удастся напечатать статью — *обоих* редакторов нет, как нарочно⁹⁴, В.С.[Лебедев] с Н.С.[Хрущевым] в Будапеште⁹⁵, с Л.Ф.[Ильичевым] *не удалось* связаться по телефону (трижды звонил по вертушке — то «нет», то «не будет»). А В.С. до зарезу, до крайности нужен уже не с точки зрения опубликования статьи, а в связи с гнусной выходкой Павлова в отношении Солженицына («Он, мол, *не был политическим заключенным*, и нечего ему приписывать борьбу против культа личности») и всей «постановочной» сущностью его появления на комитете.

Статью — в случае наименее возможного случая итогов голосования — можно будет напечатать без хлопот в любом месте; в случае же вероятнейшего — развить, *дополнить, в частности, сравнением с Воспоминаниями Кирпичникова (?) в изложении покойного Вл. Борисовича*⁹⁶ и напечатать хотя бы в «НМ».

Были в эти дни и очень грустные мысли, тягостное и то скливое чувство: кабардинцев много, и они стайно, позвериному дружны, идут на рожон, ничего не боятся, чувствуют, что нет на них настоящей управы — облавы.

Но все же были основания быть немножко довольным собой — сделано все, что велели долг и совесть, м.б., даже через силу — возможность. Когда поступаешь так — как иначе не

мог, не хотел поступить — на душе лучше, — что бы там ни было. — М.б., завтра привезу Машу, пошел 3-й м<еся>ц, как она в больнице. —

11.IV.64. Б<арви>ха

День этот — необычайный, тревожный, начался вчера с разговора по тел<ефону> с Дементом, который мялся, недоговаривал и явно «перепоручал» мне одному все эти радости, что предстоят сегодня.

К 3 ч. было известно, что:

1) Караганова вызывали «туда», т.е. к одному из членов К<омите>та, прямому начальнику К<арагано>ва по линии кино, стругали, стращали и т.п., рекомендовали сегодня, т.е. 11.IV, представить мнение теокиносекции в другом виде. Отказался впредь до «прямых указаний» — в этом роде⁹⁷.

2) Речь явно идет о переголосовании списка — с недвусмысленной целью.

3) Возможно, будет созвана партгруппа. Это бы неплохо, я сам подумывал, что ее необходимо созвать для приведения в чувство Грибачевых, Прокофьевых⁹⁸ и т.п. Теперь она будет созвана для других целей, но все равно.

4) В редакции появился Солженицын. На мой прямой вопрос дал четкий по-военному ответ: [Статья] 58-10, ч. 2 и 58-11. Реабилитирован за отсутствием состава.

5) Едудля оформления запроса в воен<ную> коллегую и получения выписки.

А поезд из Будапешта только вчера утром тронулся, — где он сейчас, боже мой, как это важно и нужно. —

12.IV.64. Б<арви>ха

С новой страницы и другими чернилами. Das ist alles!

Вчера вышел к завтраку до 9 ч., взял у коменданта «Правду» — вот оно: ред<акционная> статья на месте и в том, примерно, объеме, что предположенная мною моя с ее мыслившимся в течение этого м<еся>ца эффектом⁹⁹. В город поехал, чтобы оформить получение «копии судебного определения по реабилитации Солженицына» (накануне вызвал к 10 ч. С<офью> Х<анановну>, встретиться с А<лександром> Исаичем, но на К<омите>т уже думал не ходить. Однако, под влиянием, м.б., звонка моей милой девочки («Папа, все-таки, м.б., тебе лучше уж до конца...») и соображения о том, что могут попросту истолковать непоявление как трусость и загул отчаяния, поехал. Там сразу успокоился, видя себя неустрашившимся и ясным, отбыл свое, отвесил Павлову в виде «справки»¹⁰⁰, что положено, и обеспечив себе благовидный (хотя и понятный в своей демонстративной сущно-

сти) уход («В больницу, перевожу жену»...), вышел «скромно и гордо». Да, все. Новая полоса жизни, ибо «лучшего» случая уйти из «НМ» уже не дожидаться — будет хуже.

И чувство молодости странной...¹⁰¹

13.IV. Б<арвиха>

Вчера собирался на этой странице сформулировать для себя полнейшую оправданность и целесообразность моего ухода из «НМ» в связи с «манипуляциями» против Солженицына, против меня и против — бог весть кого — со стороны известного Отдела.

Но после разговора с Валею по пути от больничных ворот до гл<авного> корпуса — она просто горько заплакала, моя бедная девочка, видя, что я говорю не в аффекте, не сгоряча, а серьезно, после встречи нашей семьи за столиком больничного фойе (коридора), настроение мое подалось в сторону «непреклонности и терпенья»¹⁰², м.б., еще на некоторый срок. По крайней мере нужно убедиться в решительной невозможности продолжения работы в ж<урна>ле (ближайший случай — роман Солженицына), нецелесообразности дальнейшего «терпения».

Сегодня постараюсь увидеться с В.С. [Лебедевым] — многое прояснится. —

14.IV.64. Б<арви>ха. 6 ч.

Сегодня еду голосовать, участвовать в акции заведомо незаконной, происходящей в нарушение элементарных норм общественной демократии, т.е. в гнусном деле, и иначе не могу поступить в силу только «божественного закона» партийной дисциплины: такова воля ЦК, недвусмысленно выраженная в ред<акционной> статье «Правды» и «мероприятиях» по обеспечению недопущения кандидатуры С<олженицы>на в список для тайного голосования.

Что же, собственно, произошло и происходит? То, что подступало уже давно, издаека, сперва робко, но потом все смелее — через формы «исторических совещаний», печать, фальшивые «письма земляков» и т.п. и что не может быть названо иначе, как полосой активного, наступательного снятия «духа и смысла» 20-го и 22-го съездов.

Так только я могу оценивать это, принадлежа к тем людям в партии и наиболее близким ей вне ее рядов, которые всерьез и с радостным доверием отнеслись к этому «духу и смыслу» и несут его в себе; в противоположность тем «многоумным», которые аплодируют этим съездам вместе с нами, про себя считали и считают, что все это «только так», «для по-

литики», а на самом деле, мол, все остается, как «в старое доброе время».

Что произошло и происходит *фактически*.

1. Премия этого года принадлежит единственно Солженищину — это подтвердили его враги, опасения которых перед результатами голосования были столь основательны (несмотря на активность «бешеных»), что они пошли на прямую фальсификацию, на ложь («Правда» вопреки тому, что сама же утверждала недавно), на «организацию» мнения членов К<омите>та — коммунистов способом «команды» («была команда» — К<арагано>в).

«Какое это несчастье — быть членом партии, слава богу, что я не коммунистка и могу не участвовать в бесчестном деле против своей совести» — это слова члена К<омите>та артистки К<онюхо>вой¹⁰³ я уже услышал в редакции, переданными со слов члена К<омите>та К<арагано>ва.

2. Прием, употребленный Павловым, хоть и разоблачен мною оглашением документа, не утрачивает своего первоначального назначения и смысла: за очевидным недостатком аргументации, дискриминировать политически человека, автора повести, заплатившего за ее правдивость и силу таким «жизненным опытом», который ни в какой другой области еще не принес ничего, идущего в сравнение с ней (повестью) в смысле борьбы с культом.

3. Ссылка на «народ», на «большинство писем читателей» — ложь и мерзость. Большинство — и решительное! — письма восторженные, благодарные, умные — и они истинная ценность, в отличие от писем «против», которые делятся на две категории: 1) от недомыслия и привычного следования сигналам «бдительной критики» и 2) от ощущения или сознания того, что эта повесть то новое, что беспощадно разворачивает твердыни прошлого.

4. Кто на К<омите>те был активно, открыто за или против кандидатуры Солженищина? (из литераторов).

За — Крупнейшие писатели нац<иональных> литератур: Айтматов, Гамзатов, Стельмах¹⁰⁴, Токомбаев¹⁰⁵, Н.Зарьян¹⁰⁶, М.Карим¹⁰⁷, Марцинкявичюс, Лупан¹⁰⁸ — из них трое — лауреаты Лен<инской> премии (всего — 4)¹⁰⁹.

Против — Бездарности или выдохнувшие, опустившиеся нравственно, погубленные школой культа чиновники и вельможи от лит<ерату>ры: Грибачев, Прокофьев, Тихонов, Ив.Анисимов, Г.Марков (полтора лауреата — Прокофьев и Грибачев)¹¹⁰.

Н.Тихонов имел возможность увенчать свою пустопожнюю старость поступком, который окрасил бы всю его литературную и гражданскую жизнь самым выгодным обра-

зом, но этот «седой беспартийный гусь» предпочел другое — поделом ему презрение, в лучшем случае — забвение.

Что говорить о роли чиновников от искусства — министре Романове, Т.Хренникове или постыдной роли бедняги Титова, выступившего «от космонавтов», как Павлов «от комсомола». О последнем не речь, но Титов сказал нечто совершенно ужасное (во втором выступлении) с милой улыбкой «звездного брата»: «Я не знаю, м.б., для старшего поколения память этих беззаконий так жива и больна, но я скажу, что для меня лично и моих сверстников она такого значения не имеет» (не букв<ально>, но *точно*).

Отрывки из записи беседы с бразильским публицистом, членом компартии, товарищем Педро Мотта Лима¹¹¹.

— Как встречена повесть А.Солженицына в Бразилии?

— Так же, как 20-й съезд КПСС, учитывая, конечно, все различие масштабов и, так сказать, жанров этих явлений. Антикоммунисты, как обычно, пытаются использовать правду в интересах лжи. Но эта попытка — бумеранг, ибо надо объяснить главное: почему вы сами публикуете такие вещи. Это не манная кашка. Чтобы переварить такую правду, надо иметь крепкий желудок. Нет беспросветной правды. Беспросветна ложь. Вообще весь суровый тон Солженицына во многом родственен тону Шолохова в «Тихом Доне» и в «Судьбе человека». Солженицын, как всякий настоящий художник, нуждается не в славословии, а в понимании. И все же я не удержусь и скажу: эта повесть — один из предвестников того искусства, которым Россия еще удивит, потрясет и покорит мир не меньше, чем когда-либо раньше, — того искусства, которое расскажет миру обо всем хорошем и тяжелом, что пришлось вам пережить. Такие художники — гордость вашего народа, но они и наша гордость.

(О статье «Здравствуйте, кавторанг!»):

— Вот лучшее предисловие к зарубежным изданиям повести. Обязательно сообщу об этом в нашу прессу (тов. П. Мотта Лима выполнил свое намерение).

Если все *это* останется в силе. То будет ясно, что произошел переворот не государственный, но партийно-идеологический переворот, направленный против 20-го и 22-го съездов.

Само собою, переворачивается (открывается) новая страница и моей литературной и жизненной судьбы, независимо от того, как долго я еще смогу проявлять душевную «непреклонность и терпенье» при фактической преклонности.

Ведь я уже распорядился снять с 4 кн<иги> ж<урна>ла чудесные письма читателей в защиту кандидатуры Солжени-

цына (их нет для общественности, как нет моей статьи в печати, а есть ложь правдистской ред<акционной> статьи), т.к. я не имею права продолжать на страницах ж<урна>ла агитацию за при наличии «прямых указаний» и самого факта исключения кандидатуры Солженицына из списка на голосование. —

Вперед, и горе Годунову!

15.IV.64. Б<арви>ха. День отъезда.

Кончилась-таки эта стыдная колготня на Неглинной¹¹², если не считать, что еще, пожалуй, будут разыскивать для подписания протокола.

В.С.[Лебедев] сказал свое обычное «буду рад», но рад, конечно, он не был, вообще, как-то грустноват, похудел, м.б., это объясняется только усталостью от поездки, а м.б., и еще чем. Всезнающая Зоя Борисовна [Богуславская] в присутствии ученого секретаря¹¹³ спрашивает меня: «Правда ли, что Н.С.[Хрущев] собирается, справив 70-летие, уходить на покой?¹¹⁴» — Не дай бог, хуже ничего и придумать нельзя было бы на нынешнем этапе. Все выправят, все повернут за милую душу, само понятие культа личности снимут. Не дай бог. Впрочем, не верится, не бывает так. Тот тоже грозился уйти на покой, быть лишь советчиком (этому не оставят и этой роли — при жизни развенчают!), но ушел лишь помимо своего желания¹¹⁵.

Рассказал о своем разговоре с Н.С. в вагоне на обратном пути, о чтении ему вслух статьи в «Правде»¹¹⁶. Из всего явствует, что Н.С. действительно не хотел, чтобы Солженицыну была присуждена премия, считая, что это кем-нибудь (многими) будет понято как следствие его «прямых указаний», поскольку широко известно его участие и благословение на выход в свет этой вещи и последующие высказывания (при наличии в «кругах» иного отношения к ней). Этому можно верить, и это, как я и сказал, делает честь ему, его скромности и осторожности, но может свидетельствовать и об опасливости, нежелании раздражать кого-то.

Опять же эта статья: он не мог знать, и этого ему не мог объяснить Вл.Сем. (хотя он и объяснял ему, что статья плохая), что отзывы читателей подобраны и что даже при этой их подобранности они не дают возможности сделать вывод о «недостаточной художественности».

Конечно, Вл.Сем. не может не ощущать личной неприятности от того, что так все обернулось, — слишком известна его роль в этом деле. Он даже сказал, что он что-то упустил из виду, чего-то не предпринял, а «они не упустили».

Разговор (м.б., еще ранее, до поездки) шел и в таком смысле, что, мол, зачем же на такую высочайшую ступень Солженицына, где у нас Шолохов, Твардовский и т.д. И В.С. будто бы возражал, что невозможным это кажется людям, которые и в проведении линии партии идут лишь до какой-то ступени. Но этот (или тот вагонный) разговор был прерван: «займемся делами».

В момент нашей беседы в дверь высунулся, как почти всегда, когда я там бываю, Сатюков. При нем В.С. повторил то, что рассказал мне, но как бы в первый раз: «пусть и А<лександр> Триф<онович> послушает». Статью назвал плохой, способной только вызвать раздражение в среде творч<еской> интеллигенции. Был я у В.С. сразу после голосования, а около часу или двух в редакцию позвонила Зоя Борисовна: никто из писателей не прошел. Потопленный Солженицын увлек за собой в пучину всех остальных. Началось ликование. Ясно было, что это следствие именно нехороших приемов воздействия на К<омите>т, что будь с Солженицыным все благородно, поместились бы один-другой и из этих, канувших нежданном для себя образом. Переликовали! Поехал в К<омите>т, а там уже совещание президиума и подготовка бюллетеней для частичного переголосования (Гончар, Песков, Дейнека)¹¹⁷. Выступил (не очень удачно) против нарушения положения, предложил было перенести эти кандидатуры на обсуждение в будущем году, но поддержал меня только один член, хотя слышались и др. голоса «правильно», но больше этих голосов было в пользу переголосования, а были и выступления (Грибачев, Вучетич)¹¹⁸, вообще критикующие «лицемерие» некоторых членов, т.к. количество тайных «за» было куда меньше голосов «за» при открытом голосовании. Прокофьев не пропустил моей булавки насчет «одного» голоса, хотя и я, пожалуй, зря это. Словом, вышел было даже совсем, не желая участвовать в этой унижительной комедии, но все же проголосовал, как все, демонстративно опустив чистенький. Я не знал, что президиум действовал по прямому распоряжению Л.Ф. [Ильичева]. Бедняга Тихонов: «Что я могу поделаться?» (на мои слова перед открытием заседания — зачем ты это делаешь?). Приехал чуть живой.

Сегодня выезжаю сам и забираю по пути Машу. Домой, в огромность квартиры — в ее шум, пыль и проч.

16.IV. Москва

Позади месяц научной барвихинской жизни, если не считать, конечно, второй его половины, подчиненной задачам борьбы и муки в Комитете. Остались там по-разному очень близкие мне в разные годы Маршак и Исаковский.

Один из них очевиднейшим образом стар, одевается с помощью няньки, жалкими движениями каких-то неумелых рук («руки-крюки»), точно он в жизни ничего ими не держал, кроме пера, — так оно и есть — управляется с протезами зубов, очками и слуховым аппаратом (сломал-таки), снедаем старческим тщеславием, не дающим ему ни минуты покоя, — все же остро и живо интересуется тем, что происходит «в миру», правда, м.б., отчасти по связи со своей статьей о Солженицыне¹¹⁹, но все же.

Другой не так уж и стар, но совершенно раскис, расворился в болезнях и старческой нежности к этой бабе, играющей в супружескую нежность и развивающей в нем в силу своих медицинских (сомнительных крайне) познаний эту губительную склонность. Он полон угрюмого отвращения ко всему «мирскому», не терпит даже слабых напоминаний о работе, о каких бы то ни было возможностях продолжить жизнь в лит<ерату>ре, начисто чужд всему, что так поглощало меня всего все это время, — ни одного вопроса, ни тени интереса. Даже о Бурштыне: «А я думал, ты знал» (т.е. ни слова, — он думал, что я знал о смерти Б<урштына>, потому и молчал, хотя с этим человеком куда более ближайшим образом связана его литературная молодость, смоленские воспоминания). Глубоко честный, он страдает от ничегонеделания, понимает, что так нельзя, и поэтому с готовностью отдается малейшему недомоганию — это освобождает, это уже как бы тоже дело, — болеет — как дело делает.

И странная вещь — оба — так-сяк, один, держась за жену, другой за кого придется (целый м<еся>ц за «переводчика» Кулешова), устремляются в кино и высидивают до конца любой фильм, — один не видя ни черта, а другой и не видя и не слыша (затем и «переводчик»). Боже, милостив буди нам, грешным, страшнее этого ничего нет в старости.

Ив. Сергеевичу [Соколову-Микитову] тоже 70 лет, он тоже слеп, читает с лупой, любит вздремнуть, трубочку пососать, рюмочку пропустить, у него мало энергии, убыль сил, но он нынче смотался в Карачарово, чтобы не пропустить там раннюю весну, хотя давно уже не охотится. — Третьего дня был в редакции — говорит: написал воспоминания о Бунине, Куприне, еще о ком-то¹²⁰. В ближайшие дни нужно подработать предисловие к его новому однотомнику — по просьбе Лен<инградского> отд<еления> «Сов. писателя»¹²¹.

Завтра прием в райсовете. Нет, кажется, такой тяготы, таких издержек, каких не принял бы на себя взамен этой муки мученической, но что делать. И как подумаешь, что впереди еще чистых три года этой мучительной, непродуктив-

ной, фальшивой до отчаяния «деятельности». И — почта! Она как постоянная вина, как неумолчный недуг, от которого только редкие просветы облегчения, а лечение все то же безнадежное, формальное, как порошки и таблетки. Как ни уговаривай себя, что это плата за славу, за имя, за любовь к тебе, за сознание своей необходимости людям, что это — крест, который нести до конца...

Вчера пригласил на конец дня в редакцию Солженицына, а там еще оказался и М.Лифшиц, давно желавший познакомиться — единственно, м.б., с кем он захотел познакомиться из литераторов за все время, сколько я его знаю. Хорошо посидели за чаем. — В конце м<еся>ца еду в Рязань читать роман. Дал бы бог!

29.IV.64. М<осква>

Перерыв в записях — не следствие, так сказать, последствий двух юбилеев — Н.С.[Хрущева] и Ал. Григ. [Дементьева]¹²², хотя нельзя отрицать, что частично и последствия тут сделали свое дело.

Но в целом за эти две недели много-много передумано, доведено в мыслях до края самого, и только после этого как всегда наступила ясность и спокойствие.

Различные итоги этих размышлений:

1. Храбрость — это не когда ничего не боишься и уверен в результатах, которые за все вознаградят, а когда знаешь, что дело наверняка безнадежно в смысле конкретных результатов (ближайших), и все-таки идешь, не отступаясь от дела по его безнадежности. Это я где-то вычитал на днях (в книгах всегда попадаетея то, что нужно — в самых далеких от того, что переживаешь про себя в данную минуту), и в этом смысле я был храбр, т.е. вел себя достойным образом на К<омите>те.

2. Полное прояснение. С кем здороваться шапочным образом, а с кем и вовсе не здороваться и не зняться в дальнейшем. Отпадает пустая надобность поддержания внешних отношений, за которыми — ничего, кроме полной, предопределенной давным-давно отчужденности по существу. Я долго был беспечным в этом отношении — хватит. Грибачеву, Прокофьеву и иже с ними более нужны эти мнимые отношения приятельства или пустопорожней застольной близости со мной, чем мне с ними. Мне их все равно на свой салтык не повернуть, не сломить их внутреннего нежелания видеть меня на этом свете, мириться с моим существованием, — они хорошо показали это в решающий час: если бы могли, так же утопили бы меня (и в первую очередь), как и Солженицына,

да, собственно, утопление С<олженицы>на означает не что иное, как поход против всего, что мне дорого и без чего я не согласен жить и быть в литературе.

Точно так же ясность и в отношениях с идеологическим руководством: никаких минутных обольщений: там нас не любят, там нас только терпят до поры.

3. Нет, уходить из ж<урна>ла, а след<ователь>но, из лит<ерату>ры, нельзя. Я — не Симонов, которому все равно, где печататься: у Кож<евнико>ва ли, у Коч<ето>ва ли¹²³. Я не могу думать, что мне наплевать на все, а я вот, мол, буду писать и все. Нужно терпеть и тянуть, тянуть свой воз, пока есть хоть малая возможность — другое дело, если силком выпрягут. Тогда я не виноват и волен делать то, что останется для меня возможным в том положении. А покамест — нет. Сидеть в обороне, не допуская ничего стыдного в ж<урна>ле, но и не пузыряться по частностям, как бы они ни были мучительны. Не забывать, что мой добровольный уход — для наших «благожелателей» — благо. И он был бы как использован. Волею судеб я стал «борцом», хотя всю жизнь считал и считаю т<ак> наз<ываемую> борьбу в лит<ерату>ре самым противным делом лит<ерату>ры, но я «борюсь» не в этом, а в том смысле, когда — не бороться — значит отказаться от всего святого. Не уступаю, а уступил бы — конец, конец не мне, а тому, ради чего стоит и мне и другим жить и писать.

Покупаю дачу Дыховичного — в итоге многолетних изучений — наряду с другими объектами — пахринского дачного хоз<яйст>ва (осмотрено около 10 дач). Опять никаких обольщений — «осознанная необходимость». Вчера подгрabal листву во Внукове, чинил забор, но не испытывал уже чувства «возвращения» ко всему этому. Наверно, если бы все было благополучно (Солженицын и т.п.), я так-таки и не решился на эту негоцию: все отдавал бы дань сентиментальным факторам.

С поездкой в Рязань получилось не очень ловко (в результате «последствий»), но вполне поправимо — поеду числа второго¹²⁴.

Выставка В.С.Лебедева. Вчера были с Ал. Григом [Дементьевым], сплеховали, не заметив книги посетителей. Вчерашний вечерний звонок В.С. Да, в лит<ературной> части выставки он («против течения») остался верен, подчеркнуто и смело, тому, с чем он уже связался ранее¹²⁵.

Из письма по поводу неприсуждения С<олженицын>у премии:

«это было бы понятно, если бы речь шла о Сталинской премии».

Мелкие огорчения: книжечка [издательства] «Мол<одая> гв<ардия>» с идиотическим предисловием Витьки Гончарова и фантастической «библиографией»¹²⁶.

Соколов-Микитов, бедняга, «нацарапал», как он любит говорить, и сообщил с торжеством затаенным, предоставив в редакцию листика полтора воспоминаний о Бунине, Куприне и др., а товарцу-то маловато¹²⁷. Поотстал старина. Придется как-то выручать.

Предпраздничные хлопоты — поздравления, которым грош цена, а не поздравь иных добрых людей — обида!

1-е Мая 1964. Москва 6 ч. утра

Государственная сердечность:

«Сердечно поздравляем с праздником.

Союз писателей СССР».

«Сердечно поздравляем Вас и Вашу семью... личного счастья и больших успехов в труде.

Секретарь Смоленского промышленного обкома КПСС (Трубицын)».

И т.п.

В первом случае — маленький прямоугольничек тонкого картона, на одной стороне по красному белым: «1 Мая», на другой — вышеприведенный текст печатными буквами. Здесь сердечность неизвестно к кому обращена и неизвестно от кого исходит (Союз писателей СССР в целом не может меня (или кого другого) поздравлять сердечно). Сердечность адресуется к безымянному пространству, но она и сама почти что безымянна, мнимо-скромна и мнимо-коллективна.

Во втором случае тоже типографским способом обращение содержит одно слово: Уважаемый... дальше точки-точки, и по ним уже машинописью «Александр Трифонович».

Т<аким> обр<азом>, первоначальная сердечность этого обращения, если вдуматься, носит оттенок трактирно-звательного разряда: «Уважаемый», «почтенный», «Эй! Уважаемый, подкинь нам...»

Но зато мы хоть знаем, от кого именно лично и персонально исходит эта сердечность. Подлинная подпись перед

скобкой «(Е.Трубицын)». Но опять же — это не Е.Трубицын сердечно поздравляет меня, а лишь находящийся при исполнении своих обязанностей «секретарь промышленного обкома», и то, что это именно секретарь и в первую очередь секретарь — несомненно. А Е.Трубицын, м.б., никого и не приветствует, и это приветствие (сердечное) ни к чему его не обязывает. Но оно не обязывает и «секретаря», поскольку он в данном случае носит фамилию Трубицына, а не Иванова или Фомичева.

Получается, что приветствие (сердечное) ни к кому лично, собственно, и не обращено и неизвестно от кого оно, чье оно в действительности.

Каждый праздник выбрасываю в корзину несколько десятков таких «художественно оформленных» сердечных приветствий. — Иногда, правда, они свободны уже и от обращения, хотя бы и безымянного, и от подписи, хотя бы и безличной. Просто — картоночка, на ней цветочек или флажочек и просто: «С праздником 1 Мая!» Тут уж, по крайней мере, без лицемерия: ни от кого и ни к кому. Но, нет, бывает, что на такой картоночке по цветку или флажку начертано собственноручно: «А.Аджубей» или «А.Чаковский». Однако это, по существу, предложение автографа, собиранием которых я, например, не занимаюсь, и за автограф на листке бывают признательны лишь в том случае, если он дан по просьбе.

Словом, отвратительная мода, не замечающая, что она в полном противоречии... и т.д.

Залпом прочел «Процесс» Кафки, правда, во второй половине уже порой «партитурно», но объемя, угадывая дух и смысл бегло просматриваемых, схватываемых оком страниц. И мне уже не кажется анекдотичным то, что кто-то в Румынии или Венгрии связывал имя Кафки с моим, имея в виду «Тёркина на том свете»¹²⁸. Где-то у меня есть перевод этой заметки.

25.V.64. М<осква>

Главнейшие моменты этого м<еся>ца.

2.V. поехал в Рязань читать роман Солж<еницы>на, пробыл там 3, 4 и 5-го вернулся. Соседство с моим вагоном вагона-ресторана (правда, подготовка была уже и в Рязани) внесло путаницу дня на три, а там День победы, словом — провал недельный. Но с тех пор все хорошо.

15.V—16.V. Заседание Идеологической комиссии и с приглашением примерно того же контингента, что и на историческую встречу, в ознаменование годовщины которой, собственно, и созывался этот сбор. Пустые дни. Ничего, даже

кровопролития не было, только впервые был назван как печальное обстоятельство, которое нужно «отсечь» (?) антагонизм между «НМ» и «Октябрем», причем палка, рассчитанная как бы поровну на тот и другой объект, все же пришлась более длинным и толстым концом по «Октябрю».

На днях — покупка дачи, вступление в ДСК — пахринское. Все, как и следовало ожидать и как ожидалось, нелегко, непросто, но уж даже затаенного желанья вернуться к прежней безнадежной неустроенности рабочего места нет — при всех сантиментах. Организуется передача внуковского владения Вале — это немного смягчает перемену, а вчера уже с Машей копались на новом месте.

Серьезные записи — до полного переезда на Пахру.

28. V.64. М<осква>

Началась все-таки хоть в чем-то внешнем (нет, не только внешнем) новая полоса жизни — перемена дачного адреса. Все опять же не так, как могло мечтаться: опять «ДСКТ», соседство Кремлева (желтый забор на углу Средней аллеи). Отвыкать от внуковских дубов и привыкать к этому ельничку-березничку. Дом хорош, но опять же требует каких-то усилий, обмозговывания, хлопот — ибо многое не по душе — комнаты наверху слишком мансардовые, со скосами, сближающими потолок с низкими стенами справа и слева, — м.б., привыкну, а м.б., придется сделать, как больше по душе. Садик никакой, правда, дорожки, клумбочки, рабатки, расчистка ельничка-березничка чуть ли не такая, какую держу в памяти для рассказа «Дом на буксире». Конечно, конечно, дом зимний, все для жизни круглогодичной, вода из крана, камин, тепло, судя по кучам шлака, но кому жить? Одному? Боюсь, что будет трудновато. А Машу от Оли не оторвать и отрывать — грех. А Оле все это без интереса, как, бывало, и Вале. Сейчас, когда вчера мы заехали во Внуково, я ахнул и порадовался, и подивился: Валя, исцарапавшая руки по локоть при обработке крыжовника. И на крыше уже маляр — вот оно! Ну и давай им бог.

А у меня уженету и нетубылой жадности до «земляных работ» — делаю, только чтобы меньше копать Маше. Программа максимум: посадить осенью 4—5 яблонь, по возможности не двухлеток, а 5—7-леток. А во Внуковском саду большая моя антоновка, кажется, будет цвести порядочно — дождался яблок, но уже должен обшучивать эти дела с нынешней владелицей дома и сада. Все пустяки. Люди не только дачи, но и жен с детьми меняют, совмещают — и ничего. Мне

этого не дано. Я все же с этим Внуковым похож на моего отца с Загорьем («хутором пустоши Столпово»): вел, вел участок к красоте и выгоде, рвал, рвал пеня да коренья, а потом столько раз бросал его и не мог бросить сам, пока не помогли с этим делом в 31 г. Нет, я все же сам [...].

Ничего, кроме редакционного давным-давно (с Барвихи), и не пытаюсь делать, все жду «запаса покоя», а до него бог весть сколько еще хлопотни, и тревог, и муки, а там, глядь, он уже и запоздает.

30. V.64. М<осква>

Хлопоты и заботы по Внукову и Пахре. Всего мы приучены бояться — вот некий промежуточный срок я — владелец двух дач. Толку нет, что одну из них я в течение 17 лет с огромной затратой физических сил (не только моих, но и Маши) и материальных средств «доводил до ума» (так и не довел), а другую приобрел за деньги, которые не просто честно заработаны, но являются лишь малой частью дохода, принесенного моими книгами государству, — все равно. И я не спокоен, я слышу эти мыслимые голоса и вижу эти мыслимые строки газетного фельетона: «Две дачи, одну подарил дочери, барство» и т.п. Да еще как вспомнишь о своем «дереве бедных» в Тимирязевском райсовете!¹²⁹

Третьего дня были у генерала армии¹³⁰, — давно просил и по телефону и письменно. Чудные старики (да и не старики еще, особенно генеральша). Люди хорошие и много чего испытавшие, а теперь с простодушным удовлетворением говорят: живем хорошо, уж так хорошо, что лучше и невозможно. Действительно: квартира у Никитских [ворот], и какая! — пожалуй, 7—8 комнат, вся заставлена и завешена тяжелым «роскошным» и отчасти дурацким трофейным добром, серебро — от чайника с кофейником до пепельницы и всяческих посуды, со впущенными в днища золотыми и серебряными талерами 16—17 вв. Открытый стол, за которым каждое воскресенье 10—12 чел. Дверь, как мне и было сказано Кондратовичем, не запертая ни на какой запор — толкни и заходи. «Запираем в 11 ч.»

В нем самом еще целиком помещается простой солдат, по понятиям которого генерал есть генерал, и все свое «богатство» он понимает как само собою разумеющееся генеральское оформление. Он не смущается им, не кичится и не оправдывается, не отшучивается, мол, обрастаем. Нет, он может даже указать, что эта тяжелая в золоченой раме картина

написана не на полотне, а на фарфоре, и т.п. Также он не смущен и тем, что «живем без прислуги», и говорит об этом, чтобы только подчеркнуть хозяйские и кулинарные доблести жены, с которой они, по всему (об этом есть и в записках), живут душа в душу. Хлебосольево без видимой или мыслимой подосновы расчета или тщеславия, сам не пьет, но «водочка всегда» и «закусочка всегда». Ко всему этому благополучию — тут еще и успех мемуаров, книги жизни, которую не каждому генералу (да еще собственной рукой) дано написать и напечатать, хоть и в сокращенном виде, в самом популярном и солидном журнале, а в перспективе и выход всей в целом книги! — Вчера уже его тормозило АПН — нужна фотография для «Ассошиэйтед-пресс» и т.д.

При всем этом своем итоговом благополучии он (по кр<айней> мере, перед нами, людьми иного, чем военные, мира) не хвастун и не обременен сознанием своего величия, как могло бы случиться с иным генералом. Правда, цену себе он знает: война, говорит он, это то, что я умею, к чему я готовился и чему учился всю собственно жизнь, даже как-то сравнил себя с Ойстрахом¹³¹. Но я впервые в жизни встречаю генерала, который так часто возвращался бы к мысли (и в записках и на словах) об излишних и неоправданных жертвах войны. Не помню я ни одного генерала и вообще командира, который бы говорил о болезненнейшей стороне боя за населенный пункт, об уличных боях, о бомбежках городов, станций. Эта сторона обычно не имеется в виду. Заговорили о Жукове¹³², о котором он весьма уважительно отзывается в мемуарах, которому он, единственный из всех военных (этому можно верить, что единственный), звонит по большим праздникам, поздравляет. И вдруг он просто и ясно обрисовал картину перед штурмом Берлина — штурмовать, вести уличные бои небыло никакакой необходимости, — можно было обходить его слева и справа, так оно и было уже — и закрывать на запор. Но для рапорта, для престижа, для «историчности» там было положено свыше ста тысяч наших, не считая немцев и населения, — для водружения знамени на обгорелой крыше Рейхстага. —

Третьего же дня — новинка из ред<акционной> почты: «типографским» способом изготовленная листовка на нескольких страницах от имени «партии демократических социалистов» с призывом к свержению «диктатуры КПСС». «Типографский способ» самый жалкий — буквы вкривь и вкось, точно каждая по отдельности оттискивалась, подзаголовки «своим», ни прописных, ни курсива, ни жирного. Позвонил Вл. Сем-чу [Лебедеву] — Пришлите мне. Вчера

звонит: эти трое (один учитель и два студента) уже взяты, успели выпустить 300 экзем<пляров>. Одесса. А на конверте был штемпель «Челябинск» — наивная конспирация. Некоторое облегчение, что уже были взяты, что это не я, потому что, конечно же, это не более как мальчишество, хотя, надо полагать, оно дорого обойдется этим ребятам. —

Вчера на Горького, у сберкассы, где я ожидал Закса, возвращавшего мне остаток ссуды, выданной ему в свое время на квартиру, вдруг вижу: «примкнувший»¹³³. Заметил, что я не только не отвел глаз, но и кивнул ему, повернул ко мне и с такой очевидной радостью протянул руку, что не перекинуться двумя незначащими словами о здоровье, о чем-нибудь — было бы хамством. «Пятую книжку, — говорит, — получил»¹³⁴. — Горбатова читаете? — «Да, как же, я воевал с ним. Очень вас отвлекает журнал от своей работы?» И он об этом, но я думаю, что как и Шостакович¹³⁵, у которого я был дня три назад. Тот сказал раза два даже: «Я более всего хотел бы, чтобы вы только писали свое, берегли для этого силы, но годика два-три вы еще не должны бросать журнал». —

Вчера поехал в Пахру за Машей, куда она днем уехала на такси, чтобы встретить холодильник, организованный зятем, было после небольшого дождя, вошел в калитку, подъехавши дверца в дверцу, в чудный запах молодого веничка, точно этот настой там за штакетником отдельно стоял — по пути я его еще не слышал. И так мне все мило показалось, и я увидел, что скоро привыкну — стоит еще там пересадить или посадить что-нибудь. Пахра не Пахра, то ли се ли — имею я право быть выше всего этого. Давно уж говорю себе: живи самой банальной по внешности жизнью, не заботься об исключительности по этой части, думай о деле, в чем ты только и можешь быть самим собою и ни с кем тебя там не спутать. Забота об ином смешна, как борода Федина, отпущенная им вдруг к Киевскому плену¹³⁶. Бороду отрастил, а роман-то стронцо*, да и не выдавливаются из пересохшего тюбика.

Мои соратники по «НМ» читают Солженицына по мере перебелки рукописи¹³⁷ Софьей Ханановной. Кажется, их забирает, но уже ясно, что сталинские главы (съемные, как я их назвал еще в Рязани) придется дружными усилиями таки снять. Без них все становится не беднее содержанием, но свободнее, необязательнее, т.е. художественнее. И вся суть

* Дерьмо (*ит.*).

в одном-единственном секрете: авторская ненависть к Сталину, вполне понятная сама по себе, не опирается на такое знание личности, обстановки и обстоятельств в данном случае, как во всех других случаях, когда он, автор, знает то, о чем ведет речь поистине лучше всех на свете. Бронестены и бронеокна, пневматические запоры, ключи от графина с настойкой, подземные автострады — все это дешевка и неправда. Более того, если бы потом оказалось, что все это правда, автору-художнику выгоднее было бы оставаться не знающим всего этого. Уже пробовал я говорить обо всем этом автору, но слушал он вежливо и рассеянно и только раз оживился было: «Я имею право рисовать так, как все это представляю себе». Но самое первое соображение: малейшая неточность, клюква, перебор по части этих деталей устрашения, и уже исключается надежда на поддержку со стороны лиц, знающих все это «около» до ворсинки.

И все-таки, все-таки, как их тряхнет этот роман, именно роман — всех толкующих на разные лады об отмирании жанра. Именно роман, т.е. произведение, обнимающее своим содержанием целую эпоху в жизни общества, взятую с ее трагической и самой исторической стороны. Роман, несомненно опирающийся на традицию, но отнюдь не рабски и не ученически, а свободно и дерзновенно гнуший свое, забирающий круче и круче. Другие, как и я, заметили, что где-то вблизи есть Достоевский (энергия и непрерывность изложения с редкими перевздохами), но это и не Достоевский не только по существу дела, мысли, но и по письму, никакой не Достоевский. Только бы дал господь!

Мысленно готовлюсь к разговору с Л.Ф.[Ильичевым] или кем подобным: имейте в виду, перед нами просто-напросто великий писатель, и с этим ничего не поделать, как ни стараться. Он не только неотъемлемо принадлежит истории литературы, но он вводит в эту историю и тех, кто так или иначе стоит у него на пути и навсегда запечатлевает их в их гнусном виде. И говорит это все человек (т.е. я, Твардовский), который не бросается такими словами и куда скорее может быть обвинен в скупости, придирчивости, завышении требований, чем в готовности «опьянеть от помоев». В этакое духе.

Маршак — жуткая картина угасания не только чувства элементарной самокритичности, но просто разума и неугасимого возгорания чисто графоманской жажды стругать, выстругивать что-нибудь, хоть эти его четверостишия порой на уровне Степки Щипачева, — выстругивать и немедленно, немедленно показывать, печатать, выколачивать похвалы —

хотя бы неискренние, именно выколоченные, вынужденные. Разума нет, ибо разум исключал бы претензию на интерес мира к тебе, утратившему малейший интерес к чему бы то ни было в мире, кроме самого себя. Может быть, я жесток к нему, но сил моих нет — я должен ему звонить и хвалить еще раз уже хваленые мной и Лакшиным «эпиграммы», хвалить, но, ссылаясь на редколлегию, сказать, что часть их не будет в «НМ». [...]

1. VI.64. М<осква>

Воскресенье с 5 ч. утра до почти 5 дня работал на новом участке с увлечением, обычным во Внукове, подогретым еще и новизной. Опять «рукопись», которую так приятно редактировать, выправлять, планировать, как она будет выглядеть в результате таких-то усилий.

Дементьев и Кондратович, пришедшие звать нас обедать с чехами, как принято, расхваливая участок, дом, сказали, что теперь следует ожидать «нового этапа» в моем писательском деле. Я отшутился указанием на чеховского писателя, который, выбившись в люди, поставив большой стол в большом кабинете и т.д., увидел вдруг, что писать он не может, нечего. По правде сказать, тревога эта у меня только условная, но не исключено, что и здесь, где у меня все, о чем я мечтал годами в смысле бытоустройства — и «верх», и камин настоящий, и купанье (река), и новое поле для приложения рук и всяких «преобразований природы» (что опять же писательский городок — теперь я считаю, что это хорошо, т.к. жить так где-нибудь среди дачников обычного типа было бы попросту совестно), что здесь я буду по крайней мере некоторое время редактировать да комментировать то, что написано было в разных условиях, большею частью трудных, но при большем потенциале (возрастном). В лето нужно написать хотя бы «Дневники писателя» (Солженицын — Бунин)¹³⁸, «Ленин и печник»¹³⁹, потом, м.б., «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» и хотя кое-какие стишки для цикла «Из Зап<исной> книжки».

21. VI.64. Пахра. День рождения — 54.

Последний год мне «за пятьдесят», а тамуж пойдет «под шестьдесят», как и сказала в этом году как-то Валя: «тебе под шестьдесят». Опасное дело в этом возрасте все еще устраивать «рабочее место», переселяться с дачи на дачу и все откладывать «главную книгу». Но что другое я мог бы сделать, как иначе поступить?

Вновь и вновь встает и требует решения вопрос, тянуть ли дальше ярмо «НМ» или как?

Только что написал это, пришла впервые в этот адрес телеграмма от коллектива редакции (и отдельно от Кондратовича). Оказывается, день рождения совпадает с шестилетием (?) вторичного прихода моего в журнал. Отсюда содержание телеграммы такое, как будто сам ее вчера составил и велел Софье Ханановне отправить за казенный счет. «За эти годы журнал заслужил любовь и уважение читателей, стал центром литературных событий страны. Все это в первую очередь Ваша заслуга» и т.д.

Трудно, почти невозможно представить, чтобы я, теперешний человек в нашей литературе, оказался бы вдруг просто членом ДСКТ, сидящим у этого окна с этими двумя елками и двумя сосенками перед ним и кустами молодых березок и просто писал бы «свое». Для кого? Для какого ж<урна>ла или редактора? Ведь я так далеко залез в заострении своей литературно-политической репутации, что уже случись, что я без своего ж<урна>ла, то нечего и думать напечатать где-нибудь это «свое», если только не что-нибудь нарочито безобидное вроде лирики или воспоминаний (да, да, время мемуаров!).

Да ведь и это у меня не получится безобидным. Но дело, конечно, не во мне одном. Я-то могу, если оставят в покое, писать и в сундук просто лет несколько. А что же будет со всем тем, что тянется и растет, что есть и будет, развивается и крепнет лишь при этом «НМ». Конечно, нельзя представлять дело так, что все попросту замрет, многое, что взяло некий разгон, уж необратимо и хотя бы в сниженной форме уже не может не существовать. И однако.

Опять, когда встал вопрос с Ахматовой¹⁴⁰, которая мне не сватья, не кума, но перед которой ж<урна>л должен был схамить лицемерно по принуждению, — опять от самых решительных заявлений меня удержала куда большая задача впереди: роман Солженицына.

22.VI.64. Пахра

Двадцать четыре года назад в этот день в дер. Грязи я записывал, как ходил накануне в Звенигород и пытался писать безнадежно трудного «Тёркина», когда Маша позвала меня внушить Вале, что она повторяет нелепые слухи о начавшейся войне, наслышавшись об этом на деревенской улице. Об этом в «Родине и Чужбине»¹⁴¹.

Прошла треть жизни, да какая треть — не полубессознательная треть из детства и юности и не та, что осталась

впереди, а самая емкая серединка. И прошла она под знаком войны, сперва бушевавшей и сжигавшей день за днем свои четыре года, а затем висевшей над памятью, над сознанием и висящей до сих пор — что бы ты ни делал, о чем бы ни думал, чего бы ни замышлял. Вроде присущей некоторым людям, мне в том числе, постоянной мысли о смерти. И все в какой-то спешке, и все в лихорадочной подготовке «рабочего места» (Внуково — с его «строительством»), разработкой участка, колодцами (один из них нужно вырыть, а потом зарыть), ремонтом снизу дома, так не достроенного до сих пор.

Оленьи рожки, раковые шейки,
Березок мертвых духовитый лист.
День — Духов день. Собрание в ячейке.
Иду в село, поэт и атеист¹⁴².

10.VII.64. Пахра

Еще один рубеж: вчера похоронили Маршака, умершего еще в субботу, 5.VII.

Все верно: что утрата большая, что его нам будет не хватать, что просто жалко старика, который так яростно не хотел умирать и даже слышать слово смерть, хотя уже терял не просто здоровье, но уже просто одно за другим все свои пять внешних чувств — зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. [...] Был тяжек своим лукавым непониманием, что это старость и конец, а не недосмотр врачей и т.п. С великим трудом через его сосредоточенный эгоизм и привычный самообман пробивалось понимание того, что смерть близка и пора к ней подготовиться. Это в последних «четверостишиях». [...] За день до больницы мы с Лакшиным поехали проводить его на юг, куда он уж совсем собрался, так и поехали повидаться, а вдруг, мол, с юга не вернется.

А потом этот ужасный приезд в воскресенье 6.VII Розалии и В.Семеновны¹⁴³ ко мне в Пахру. Когда я был совсем плохой, настолько плохой, что мне в голову не пришло поехать с ними в Переделкино на поиски Воронкова или во Внуково к Суркову...

11.VII

Вчера был на первом заседании комиссии по наследию и увековечиванию памяти С.Я. [Маршака], где купался в блаженстве Михалков, которому я уступил председательство (к огорчению и обиде Элика)¹⁴⁴.

Маршака нет, остался маршакизм, а без Маршака его терпеть уж совсем невозможно. Непомерность претензий (10-томное полное, серия книг, которые были некогда отредактированы в маршаковой «редакции-лаборатории», и т.п.) удалось слегка сбить, но и этим заниматься — не моя задача. —

Подумать: около 30 лет я знал его, дружил с ним, обнимался и целовался при каждом здравствуй и до свидания (меня, по правде, угнетала эта его манера целоваться с огромным количеством людей), слышал его похвалы и сам хвалил его, держал речь на его 60-летию (на 70-летию из-за запоя не был — заменил меня Сурков) и, наконец, проводил его на Новодевичье. И как это объяснить, но я и сейчас под свежим впечатлением похорон, полной беззащитности покойника, который хоть под музыку и при большом стечении людей, и при всей помпе, но был в конце концов задвинут так-сяк в короткую экономичную ямку в сухой рушеной кладбищенской земле у стены с урнами и надписями. [...]

Но стоит ли мне так много думать о нем и все что-то доказывать себе и другим теперь. Мне кажется, никто бы о нем не мог так написать, как я, никому он так не переел плешь, хотя всем кругом говорил о своей любви ко мне и мне самому, особенно в последние годы многократно и наявливо объяснялся в любви, вымогательски требуя слов взаимности, именно слов, он любил слова самые льстивые, обнаженно-условные и потому издавна держал вокруг себя этот фальшивый, но сладостный для него хор льстецов и льстих. —

Он понуждал ко лжи и фальши, мгновенно надуваясь и сопя, как только про его строчку скажешь, что она таки слаба, нехороша, и мгновенно расцветая и аякаяя («по-маршаковски»), когда хвалили, хотя бы он и сам не мог не знать, что врут, льстят, почти не скрывая того, что именно льстят или похваляют по принятому, навязанному им самим условию. — Бог с ним, однако.

Я издавна уже терпеть не мог этой его манеры называть переводы стихами («Я новые стихи написал» — смотришь, очередной Бёрнс или Шекспир), его вымогательства всякий раз, вопреки общепринятому правилу в наше время, указывать свою фамилию сверху, а не снизу¹⁴⁵ и т.п. Или я не могу отрешиться от этих мелочных наблюдений над мелочным и обостренно тщеславным человеком, который дело-то знал, что и говорить, но уж не упускал ни копейки, ни грошика из того, что ему следовало, а стремился еще и надбавочку выклянчить. —

Тяжкий его грех было первоученичество. Маленького росточка, он сидел на первой парте, и всегда ручонка наготове: «Я знаю, г-н учитель». И он знал действительно и отличался, но ради отметки, похвалы, ради этого высовывания своих доблестей и добродетелей готов был на что угодно, как я представляю, во всяком случае, товарищи по классу его не могли любить. Да он и в своей автобиографии спустя 60 лет похвальною тогдашними своими успехами и отличиями. — Нет, я слишком еще зол на него сегодня, и то, что заносу здесь, м.б., не согласуется с тем, что говорил у гроба, и, однако, я и там не лгал ничуть, м.б., только в меру этого «жанра».

22. VII.64. Пахра

Преыдущая неделя ушла в мою беду — отнесем ее на этот раз к поминкам Маршака, уход которого не так остро чувствовался — за всякими похоронными хлопотами — в первые дни, как потом и потом. Смерть эта меня очень заметно состарила. Покамест он был жив, я был моложе.

Задачи на ближайшее светлое будущее:

1. Статейка о Кулешове (уже, кажется, найден для нее ключик — «Бесядь»)¹⁴⁶.

2. «Избранное» для Вигорелли¹⁴⁷.

3. Собрание сочинений (получено уведомление от Косолапова о включении в план 5-томного (подписка во второй половине 65 г.). Потихоньку, но в порядке дописания — нужно, по крайней мере:

а) сделать в нынешнем году статьи о Лермонтове, Бунине и свой «Дневник писателя» («Ленин и печник», «Иван Денисович»)¹⁴⁸;

б) рассказ — тот самый;

в) что-нибудь из жизни.

4. Все-таки Смоленск обязателен, неотложен — мама, Загорье, Костя¹⁴⁹.

5. Что бог даст. Зовут во все концы, повсюду угроза пустопорожнего времяпрепровождения и неизбежного пьянства. В интересах журнала (хотя такие дни, как вчерашний, позволяют думать, что его таки доконают)¹⁵⁰. — Новосибирск и Кишинев, откуда пишут министр культуры, предсоюза писателей, библиотека.

6. Франция—Италия с Машей и Олей¹⁵¹ — это было бы выполнением священного долга перед семьей. А там — зима и за большую, наконец, работу.

Покамест ты был жив, я был куда моложе —

Как при отце — в любимых сыновьях¹⁵².

8. VIII.64. Пахра

Перебрался наверх, гонимый малярами, орудующими внизу. Только сон, да утренняя зарядка с лопатой и тачкой, да еще, конечно, купанье — вот и все дачные блага этого лета. А в остальном — спешка, забывания и вспоминания разных дел при поездках в город — не реже, покамест, чем через день — хлопоты и бесконечные огорчения по журналу, почта — пустопорожняя и режущая по живому и т.д. и бесконечное, уже привычное откладывание главного — до окончания ремонта, до зимы, до отпуски, который никогда у меня не бывает отпуском в смысле свободы от журнала и проч.

Дом хорош, комната, где сейчас сижу, хороша, и я уже примирился и сжился со скосами потолка (мансарда). Недостатков, без которых, как говорил Т.Манн, ему чего-то недостает в рабочем месте, — достаточно. Образ жизни каждодневной все это время строго научный.

Нужно бы сделать много всяких записей, но в 12 машина, а тут еще нужно кое-что по ходу ремонта.

Третьего дня у Маши был явный сердечный приступ. Слышу, был на дровосеке, чего-то тюкал, зовет, а она зря не позовет, подбегаю — сидит на красной скамейке, раскинув руки, и руки в земле — высаживала свои внуковские примулы. Перестала пить кофе натошак, но дело, конечно, не в кофе, а в том напряжении, в каком она живет со времени переезда.

10. VIII

Сломилось лето как-то вдруг.

Оно стояло в ровном напряжении жарких дней, в ожидании дождя, и как только прошел первый грозовой дождь, пошла другая погода, похолодало, и хотя вновь потеплело после больших дождей, но уже не по-прежнему. Жаркое, молодое, казалось, только набиравшее силу, чтобы развернуться, оно вдруг и кончилось, уже позади его цветение и пение, запахи сена, уже и хлеба не пахнут, перестоявшие, обмытые и прибитые, прогнутые дождями. Впереди уже другие запахи, иной поры запахи — грибной, картофельной ботвы, яблоч.

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять — стоит в цвету¹⁵³.

Только в поэзии стихотворно-песенной она бушует как бы все лето. Об этом у меня уже давно что-то написано: «Как быстры смены, кратки сроки». Но это мне пришло не из литературы, хотя там испокон веков речь идет о быстротечности и т.п. Но понадобился опыт целой жизни, чтобы увидеть и заметить это через себя, и это настолько мое наблюдение и ощущение, что оно все еще кажется не высказанным. —

Много грустного. Вл. Сем. [Лебедев] уже вторую неделю, если не больше, держит отобранную нами примерно первую треть рукописи «В круге»¹⁵⁴ — небывалое дело. При последней встрече: — Нет, еще не начинал, это же Солженицын, надо не между делом... И между прочим:

— У нас с вами недоброжелателей много больше, чем доброжелателей.

— Нет, Вл.Сем., уверяю вас, доброжелателей куда больше.

— Да, в таком смысле, но я говорю о влиятельных кругах. Черноуцан о нем к слову:

— Он чувствует себя неуверенно.

Вдуматься — и правда. Он пошел поперек «отделу» и мн<огим> др<угим>. «Ив<ан> Ден<исович>» — помимо отдела (где он, конечно, был бы похоронен), «Тёркин на том свете» — помимо (он тоже был бы вновь похоронен). От Солженицына Н.С.[Хрущев] в решительную минуту как бы отказался. Это очень понятно: он обжегся на вопросах лит<ерату>ры и искусства в затеянных «отделами» исторических встречах. Тут ему наговорили об отрицательных письмах читателей — каких читателей — об этом не речь. Он мог почувствовать, что опять дал мазу. И: «Я же не говорил давать премию, но мне нравится». Могло быть совсем по-другому, при естественном ходе вещей премия решительно была бы за Солженицыным. И Н.С. было бы это приятно. Но пойти наперекор мнениям и опасениям «отделов» он не мог. Далее. Чтение в Пицунде, появление в печати «Т<ёркин> на том свете» — опять «отделы» и «подотделы» оказались в стороне и затали свое решительное неприятие этой вещи. Н.С., естественно, мог уже насторожиться в отношении помощника: что ты мне там подсовываешь? Ясно, что с новой вещью Солженицына уже не может быть решения в прежнем духе: не станет читать, не возьмется решать, пошлет в «отдел». А там — гроб. —

С Эренбургом по-своему еще хуже. Я не могу за него расстилаться, доказывать, я его сам не люблю, относился всегда как к неизбежному, и теперь, в сущности, отстраняюсь от решения этого вопроса: как хотите. Ознакомленный с за-

пиской, составленной Отделом для самого верха, я только сказал, что при такой характеристике вещи ее можно только запрещать, никакие «необходимые купюры» и т.п. не изменят положения, да и автор — вернее всего — наотрез откажется снять «еврейский вопрос» или что другое («критику политики партии в области лит<ерату>ры и искусства») ¹⁵⁵.

Седьмая книжка только-только печатается, послезавтра, м.б., будет сигнальный, след<овательно>, № поступит к подписчику в конце не своего, а уже другого м<еся>ца.

С лихорадочным напряжением тянем ремонт и прочее в надежде на какой-то иной строй жизни, рабочий покой, отрешенность от бездны сует и хлопот каждодневных, но иногда прихлынет, как жестокая реальность, что ничего, ни черта такого не будет, покамест я связан с журналом, хотя и там уже время надежд, пожалуй, миновало. В сущности, нужно мне так решить: если Солженицын не идет — все ясно. Оставить эту вещь за бортом и продолжать что-то взамен этого предлагать читателю — имеет ли какой-нибудь смысл. Один только: не дать заступить на вакантное место одному из вурдалаков.

17.VIII.64. Пахра

С 14.VIII — встреча с Ч.Сноу¹⁵⁶ и малые последствия. Наближающийся кризис с Эренбургом (его письмо Н.С. [Хрущеву], посланное с секретаршей Вл.Сем-чу [Лебедеву]), икрометания Эренбурга. Сегодня — входить во все это.

Малярка в доме едва ли закончится и в след<ующее> воскресенье. Другие рем<онтные> заботы, соображения и предположения. Необходимые расчеты со Внуковым. Много времени уже застаю себя, как бы извне наблюдая за всяческими хоз<яйственно>-строи<тельными> и т.п. заботами и соображениями. Все это под залог будущих трудов за столом, той сосредоточенности, какой давно уже нет. Вообще, вряд ли я смогу когда-нибудь, сидя за столом под крышей собств<енного> дома, отвлечься от него полностью, не думать о том, протекает ли крыша, не гниют ли половые лаги и т.п. Не говоря уже о саде. Все надежды на зиму, когда, кроме уборки снега, уже нечего будет делать.

За целый м<еся>ц, кроме журнальных материалов, прочел, кажется, только Жана де Лабруйера (заканчиваю). Это одна из «книг-одиночек», биб<лиоте>ку которых я держу в голове.

1. Джон Теннер.
2. Энгельгардт. — Письма из деревни.
3. Лабруйер. — Характеры.
4. Ксенофонт. — Анабозис (?).

5. Житие протопопа Аввакума¹⁵⁷.

6.

Есть писатели многотомные, которых можно спокойно не читать, — ничего в тебе не убавится, ничего особого не лишишься. Но есть авторы единственной (или главной) книги, которых нельзя не прочесть, без которых ты, как часть человечества, не можешь схватить хотя бы «через бездны незнания» (Т.Манн) хотя бы основные линии направления и «рукава» в развитии (духовном) человечества. Сейчас не приходят на память все эти «книги-одиночки». Но это давнее мое наблюдение в потоке чтения. —

21.VIII.64. Пахра

Третьего дня — Эренбург и внезапно резкий (нет, не внезапно) разговор телеф<онный> с Вл. Сем-м [Лебедевым]. Эренбург подавленный, старый, уже и не острит и не заедается, но взять свое письмо Н.С.[Хрущеву] не согласился: какой, мол, толк — письмо, подписанное еще и Сурковым и др., было взято, но это не лишило возможности кому надо распространяться о «существовании» в области идеологии¹⁵⁸.

Вл.Сем. заговорил со мной непривычно и необычно резко, даже грубо. «Сами себя ставите в трудное положение, а потом...» — Что — «потом»? Ведь я не прошу ни о чем, а коснулась речь — говорю об ужасном положении журнала. — «Делаете проблему из Эренбурга». — Не мы делаем, мы делаем свое дело: подготовили к печати шестую часть его записок. ЦК запросил их от редакции, тем самым снимая с нее обязанности окончательного решения. — «Пошел он ко всем чертям». — Я так не могу говорить о старом и европейски известном писателе, хотя никогда не был его поклонником, как вы по вашим недавним словам. — «Не читал и читать не хочу, с меня довольно письма идеологического отдела». — Не узнаю вас, Вл.Сем., не ваши слова: «не читал, но скажу» и т.д., и т.п. Мой разговор слышали Дем<ентьев> и Лакшин («Знаем мы этих Лакшиных», т.е. еврей).

После этого мы вышли под обратный навес кинотеатра «Россия», выпили коньяку, и я сказал, что испытываю даже как бы облегчение, стало все яснее по крайней мере. Кстати, все отметили, что разговор был с моей стороны твердый и правильный. Вл.Сем., теперь понятно, ни слова о романе С<олженицы>на. О нем, конечно, уже не может быть и речи. И вообще, бог весть, чем все это кончится. Жизни не видать, по кр<айней> мере такой, при которой имеет смысл держаться за журнал. Вопрос может, т<аким> обр<азом>, решиться не на самом Солженицыне, а до него, на Эренбурге. —

23.VIII

Все пошло ускоренным темпом. На другой (или третий?) день после крупного разговора Вл.Сем. уже искал меня по телефону, чтобы передать рукопись Солженицына со своим резко отрицательным мнением о ней.

— Я жалею, что в свое время способствовал появлению в свет «Ив<ана> Денисовича». — Вот до чего!

— Напрасно жалеете, Вл.Сем., под старость это вам так пригодится, что вы способствовали. А вот о своем отношении к этой вещи вы, пожалуй, действительно пожалеете.

Это не на лестнице, а натурально, в лицо ему. Я был доволен, что сохранил самообладание, был вежлив, благодарил «за все доброе».

Впервые он так холодно, не вставая с места, отпустил меня, хотя обычно провожал до лифта, рассыпался при дежурном охраны, благодарил, посылал приветы М.И.

К концу дня, когда я уже все сообщил Дементу и Лакшину и когда уже все это солженицынское хозяйство было передано Заксу для заключения в сейфе, С<офья> Х<анановна> позвала меня к телефону: Лебедев.

— Я забыл еще сказать, что там он (Солженицын) говорит о Бухарине как о честнейшем и т.д., одном из первых, с кем расправился Сталин.

— Да, спасибо. Я все учту при повторном чтении всего романа, когда он будет окончен. — И далее — все уже на смягчение «конфликта».

— Вы его отец, а я хоть повитуха или восприемник. Мы должны ему помочь вылезти из беды. М.б., мы встретимся вместе, когда А<лександр> И<саевич> вернется.

— Да, если мы от него отвернемся в трудном случае, это будет великая радость для некоторых.

— Еще бы. И какая радость! Вы того не знаете, не представляете, какая.

— Представляю все же.

— Нет, всего не представляете. — Это явно о том, что он имеет в виду не кочетовцев, а повыше.

Вчера впервые за лето выбрались по грибы на машине. Эпизод с Дементом, заблудившимся, испугавшимся и, выбравшись на шоссе, прождавшим нас 3—4 часа с пустой корзинкой возле лавки, где то и дело ему предлагали войти в долю «на двоих» или «на троих», но у него не было ни копейки, а одна старушка уже присматривалась к его корзинке: хорошая корзиночка.

10.IX.64. Пахра

Все не кончатся хлопоты по ремонту и подготовке жилья к зиме. — Если не иметь в виду мою сосредоточенную работу здесь, перемену самого образа жизни, то вся эта суета и усилия в жизнь на два дома обесмысливаются. Тоска наступает и здесь, даже с еще большей неотвратимостью, чем в городе.

Последнее событие огромной важности для судьбы моей, ж<урна>ла и Солженицына — статья Карякина в «Проблемах», ставящая вопрос в энергическом и недвусмысленном заострении против «маоистов», против всех, кто против 20 съезда и, следовательно, против повести Солженицына в ее политическом и идейном содержании. Разрешат ли нам ее перепечатать? Скорее всего, что нет, да еще взыщут за то, что «не советуемся». Чему быть, тому быть¹⁵⁹.

Вновь запрошен Эренбург (верстка).

Ч.Сноу и малые последствия приемов и проводов. Бог с ними, этими знатными иностранцами¹⁶⁰.

Рим и Париж решительно отпадают¹⁶¹, и не жалею — не стоит столько усилий. Читаю Лермонтова и о нем, статейка никак не образуется, все идет в голову сказанное без меня¹⁶². Нужно дописать еще «Ответ читателям» Тёркина для нынешнего издания брошюрой, а тем самым и для Собрания, — нельзя же умолчать о «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>».

16.X.64. П<ахра>

«Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу тов. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья»¹⁶³.

Н<аталья> Л<ьвовна>, заменяющая С<офью> Х<анановну>¹⁶⁴, которая в отпуске, наверно, ответила, когда звонили из ЦК, как обычно: он в отпуске, и я не был на пленуме, хотя в этот день был в городе и был в полном порядке, т.е. на 3-й и 4-й день после последнего срыва. Звонил Поликарпову, — нужно было ему сказать по телефону или встретиться в связи с письменным ответом Эренбурга¹⁶⁵ на «замечания» и отредактированным в «подотделе» проспектом антологии «НМ» для «Риццоли»¹⁶⁶. Секретарша обещала соединить с ним, как только он появится. Прождал до полшестого, уехал, а в 6 был пленум. Это было 14.X. Настроение в этот день было крайнее в смысле решимости уходить, даже не дожидаясь конца отпуска. Даже Демент уже говорил, что, пожалуй, оно к тому идет, что дальше нечего тянуть. И когда пришло это

крайнее настроение, стали, как обычно, выявляться все выгоды в связи с освобождением от ж<урна>ла: столько мучительных забот долой, столько обязательств побоку и т.д.

Утром 15.X с 6 ч. сидел, сочинял письмо Поликарпию. К этому понуждала неловкость, почти невозможность передать письмо Эренбурга, пришедшее на мое имя: «“поправки”, о которых Вас просили сообщить мне» и т.п. Нельзя было подвести Закса, который ездил к Э<ренбургу> и, выходит, сказал напрямую, что «поправки» не наши, и не предупредил относительно условности формы — вот жизнь! Письмо мое мог передать Д<ементьев> или Кондр<атович>, и тогда не обязательно было показывать письмо Э<ренбургу>, которое я в главных моментах цитировал в своем со слабой надеждой, что «трагические» мотивы того письма дойдут-таки до чьего-нибудь сознания и автора не станут понуждать к еще 11 купюрам, которые делать он уже с решимостью отчаяния отказывался и, т<аким> обр<азом>, отказывался от опубликования 6-й части.

После изложения письма Э<ренбурга> в цитатах и своими словами я писал:

«В существо дела я сейчас не вникаю, конечно, не по причине моего отпускного состояния, а по той, которую я излагал, когда мы были у тебя с Дементьевым, т.е. что считаю вопрос этот стоящим вне компетенции редакции с момента затребования тобою верстки Эренбурга. Кстати, я ахнул, когда увидел в окончательном тексте известного документа по этой книге указания на мое согласие с ним. Ведь когда меня знакомили с проектом этого документа, я лишь сказал, что, мол, можно, конечно, характеризовать рукопись И.Э<ренбурга> и так, но тогда вывода о возможности ее напечатания быть не может. Но об этом уж толковать теперь не имеет смысла. В Эренбурге, повторяю, мне, как и моим соредакторам, многое до крайности неприятно и чуждо, но неопубликование ее в сложившихся условиях обойдется нам куда дороже, чем опубликование, — об этом я тоже говорил неоднократно.

Вчера же я ознакомился с новым проспектом антологии “НМ”, предназначенным для итальянского издания (в связи с моим письмом в ЦК по поводу предложения изд<ательств>ва “Риццоли”), и опять же только и мог, что ахнуть. Проспект, перекроенный наново силами подотдела, возглавляемого тобой, выражает такое недоверие к умственным способностям моим и моих соредакторов, что дальше уже ехать некуда.

Словом, я не могу не поставить тебя в известность, что эта последняя акция в отношении журнала и меня лично, в совокупности со множеством других обстоятельств, впрямь

мую побуждает меня решить вопрос о моей пригодности для ныне занимаемой мною должности. Дни отпуска позволяют мне решить его без всякой горячности, спокойно и здраво. (Это я хотел дать понять, что не имею в виду использовать весь "творческий" отпуск.)

С приветом и добрыми пожеланиями.

А.Твардовский.

Р.С. Если ты захотел бы видеть меня, через редакцию можно вызвать в любое время».

18.X. П<ахра>

Все эти дни безотрывно почти голова занята Хрущевым и нынешним положением. И, пожалуй, не потому только, что судьба моя в это десятилетие решительным образом была связана с поворотами его настроений. Нет, скорее всего, потому, что с годами я думал о себе, о литературе все более безотрывно от того, что происходило, намечалось и поворачивалось в жизни страны и всего света.

Третьего дня, отвлеченный садовыми заботами и работами, не успел записать, что хотел записать о предшествующем этому внезапному событию моем томлении и самых тоскливых думках. Дня за три до я как-то сказал Маше за столом на кухне, что порой мне кажется, что уже никакая разумная воля нами не управляет, никто снизу доверху ничего не знает, ничего не решается, все заколодило и все это в молчанке, полной тяжелейшего недоумения и тоски.

А в день самого пленума, о котором я не знал, позвонив Лифшицу в ответ на его звонки, сказал ему, что дела дрянь, что сегодня хуже, чем вчера, а завтра, похоже, будет хуже, чем сегодня, и что в отношении журнала вижу, что терпению и выдержке наступает естественный конец, когда они уже ничем не оправдываются, не оплачиваются хотя бы минимальным удержанием позиций, т.е. когда терпение и выдержка иссякают не потому, что они тяжелы, а потому, что лишаются смысла. Ну погоди, сказал он, может, оно вдруг, как бывает, все обернется по-иному. Конечно, он сказал это просто так или в плане своих общих широких соображений. Я уверен, что ни он, ни кто другой не предполагал такого именно поворота дел. Сам я, вспоминая теперь, прикидывал невольно, сколько еще Н.С.[Хрущев] может прожить — 3, 5, 10 лет? Вне его естественного конца не мыслилось что-нибудь решительнее. Но все же М.А.[Лифшиц] как в воду глядел.

Утром, часов в 12, приехав в город, звоню Дементу, говорю, что подготовил письмо Поликарпову, советуюсь, он поддакивает без особого воодушевления, чувствую, что из

всего этого он видит только, что не мне, а ему идти к Поликарпию. Потом, точно вспомнив к слову еще что-то, относящееся прямо или косвенно к нашим заботам, говорит, что явилось какое-то новое неприятное дело, — я так понял, что он слышал что-то дурное, направленное против меня, но это, говорит, не по телефону. — Да ты скажи хоть, в каком разрезе! — Нет, нет, не могу, не стану, — прерывает он сам себя, как будто уже готов был что-то сказать, но удержался на самом краешке. — Тогда я иду сейчас к тебе. — Давай. — Иду и готовлюсь услышать о каких-то кознях, каком-то слухе, о чем-то таком, что должно еще вдобавок ко всему свалиться на меня, по пути отпускаю машину, с которой собирался ехать в ЦК или сперва в редакцию, а потом в ЦК. Он встречает меня на площадке — слышал, как я поднимаюсь на лифте. Идем в комнату, и он начинает что-то про свою Ирину, которая должна была ехать в Л<енингра>д, но позвонила вчера своему зам. редактора, тот и говорит: какой, мол, Л<енингра>д, тут такие дела... И далее будто бы она спросила в ее манере: — Ники? — Да, говорит тот, но толком ничего не говорит.

Д<емент>ев разглаживает лежащую перед ним «Правду» и, дошлая бестия, говорит, что в номере нет ни одного раза имени Н.С. [Хрущева]. Правда, во вчерашнем разговоре Ирины со своим начальством были уже какие-то темные слова «сидим вот, цитаты вычеркиваем».

Тут пошли лихорадочные гадания, домыслы, предположения. Ирина еще позвонила по одному, другому телефону — никого нет, я позвонил Поликарпову — нет, Д<ементьев> — «Мишке Кузнецову¹⁶⁷, он всегда все знает» (тот сказал, что ничего не слышал, но есть предположение, что «Ленечка» (Л.Ф. [Ильичев]) полетит, — словом, ничего не знает). Дозвонилась в конце концов Ирина, и мы уже по одной ее стороне телефонного разговора услышали, что дело серьезное, — были слова: «пленум», «по болезни» и т.п. И тут позвонил Поликарпов, разыскавший меня и приглашавший в 2.30 в ЦК на информацию. — Так пришло все это во всей своей неожиданности, внезапности и незамысловатости. —

Пришел и ушел «внутренним» порядком, — ни тогда, ни теперь никто ничего не спрашивал у народа, даже у партии. Все решается группой в десяток человек, а затем выносятся в круглый зал, происходит привычно-автоматическое голосование («прения не будем открывать?» — было спрошено и теперь для проформы) — избран.

Казалось бы, военные неудачи, народные волнения и т.п. только и могут предрешить падение такой огромной власти, а тут уехал в Пицунду покупаться в своем бассейне с морской водой в 50 м от моря — и на тебе: «выезжайте, бу-

дет разбираться ваше персональное дело». (Так, рассказывают, вызвали его на президиум после двух отказов его выехать «по чрезвычайно важному делу».) Обидный финал — никакой трагедии, никакой борьбы. «Да был ли мальчик-то?» —

То, что дальше держать его при безгласном послушании ему и при явном его маразматическом состоянии и поведении [нельзя] — это ясно. Но то, что устранение его проведено его же методом, «внутренним оформлением», без обсуждения, без объяснения народу истинных причин, под стыдливым и натянутым «собственным желанием», — это не сулит ничего доброго. Пленумов не проводить, активов не созывать, секретари обкомов соберут секретарей райкомов, те — секретарей организаций — все говорят, что уже было высказано предложение не обсуждать и «письма» — все ясно.

Ничего во всем том развернутом решении пленума, не предназначенном для печати, которое я знаю, правда, лишь по информации Поликарпова, — ничего там нового для меня и людей моего круга нет, все это называлось нами, общучивалось и обсуждалось всерьез много раз, но говорить об этом было нельзя в открытую, как, впрочем, нельзя и теперь, поскольку это лишь «для членов партии». А должен ли и может ли член партии говорить об этом с беспартийными, с которыми строит коммунизм? Или, м.б., два члена экипажа «Восход» на время партийного обсуждения вопроса должны отключить наушники третьего от общего провода?

Долгое время казалось, что ему очень трудно, что он испытывает глухое сопротивление темных сил проведению решений XX и XXII съездов, были какие-то смутные надежды, что он пойдет на них войной в открытую, во всеулышание. Но надежды все более тускнели, а уж когда он отрекся от Солженицына, совсем пропали. Перед этим его отречением от своего же прекрасного шага как-то я завел речь с Вл.С.[Лебедевым] на прогулке в Барвихе, и он подтвердил мои слова об «одиночестве» его. «Да, он очень одинок, а “они” нарочно сами ничего не решают, все подкладывают ему, чтобы потом сказать». Вл.С. знал, конечно, больше нашего и был уже тогда грустен и удручен, м.б., тем, что Н.С. был уже недоволен им, его «подсовыванием» ему Солженицына, «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>».

Давление и сопротивление он испытывал, но он не захотел назвать их своими именами, противопоставить им гласность, демократию, открытый разговор с народом. Он мог быть сломлен, и тогда «они» бы, м.б., его и смяли, но это был бы другой конец.

Та же сила, что подняла его на вершину власти, та самая, с помощью которой он устранил даже такое на своем пути восхождения препятствие, как Молотов и др., — она же теперь и стряхнула его с ветки истории — обкомы.

Помню, как на одном из первых его пленумов (по развенчанию Бериин) плакал на трибуне один довольно слащавый украинский секретарь обкома: сколько он страху натерпелся в ожидании ареста. Плакал натуральными слезами. Вообще получалось, что «культ личности» — это прежде всего и главным образом — тяжелые переживания секретарей обкомов и равных им или вышестоящих в ожидании ночного визита берианских молодцов. — С первых своих шагов Н.С. дал гарантии, что больше этого не будет, секретари могут спать спокойно. И тогда в 57 г. он позвал их в момент борьбы с «антипартийной группировкой», они явились и отплатили ему верной службой (рассказ П.И.Доронина¹⁶⁸ об этом моменте, кажется, записан у меня где-то в тетрадях).

Но когда, увлеченный «зудом реорганизации», он дошел до амебного разделения обкомов, лишил их власти («два, значит, ни одного»), лишил этого объекта честолюбивых мечтаний о месте «первого», они хоть и проголосовали автоматически за это решение, но уже простить этого ему не могли — все бы другое простили — кукурузу и пр., — а этого — нет. И вот их призвали, чтобы проголосовать против него, и они это сделали со сладостью, вложив в автоматическое голосование всю искренность своего волеизъявления — с репликами, аплодисментами, чуть ли не улюлюканьем (по словам Суркова) против него, сидевшего молча на крайнем месте за столом президиума. Боже мой, сколько запоздалого раскаяния, горечи, гнева и возмущения было в его груди на этом последнем для него пленуме в круглом зале.

19.Х. П<ахра>

Вчера Оля привезла Солженицына. Вздохан, с лихорадочной поспешностью, после первого обмена впечатлениями этих дней, излагает четко построенный план укрытия рукописи романа «В круге первом».

— Вы помните, вам не нравилось название романа «Раковый корпус», на который у нас был договор. Потом был заключен договор на «Круг», поглотивший тот договор (там был на 10 л., здесь на 30). Так вот, это было переименование романа «Раковый корпус» на «В круге первом» («первый круг лечения») и расширение объема рукописи. Я и работаю сейчас над этим романом, а «Круга первого» как такового как бы не было. Три экземпляра его вы заберите из редакции, спро-

сят — нет и не было, автор работает над рукописью «В круге первом» — это роман о больных и врачах и т.д.

— Так заберите вы его себе, если хотите, но ни в какие такие плутни я не хочу и не стану и вам не советую вплетаться. Заберите, спросят — да, автор работает над романом о культовых временах, он получил много замечаний, рукопись обсуждалась на редколлегии, рецензировалась близкими редакции людьми, имеется «досье» — вот оно все в натуре и т.д.

Но забирать рукопись он явно не хочет, ссылаясь (смех!) на большой объем этих трех экземпляров, переписанных С<офьей> Х<анановной>.

— Уложите в чемодан, — предложил было я, но вижу, что он просто не хочет забирать сам¹⁶⁹.

Едва уговорил его, успокоил.

— Я, — говорит, — исхожу из предположений худшего варианта. Представьте, что темные силы обратятся куда следует и разъяснят, что «НМ» — журнал, которому исключительно покровительствовал Н.С.[Хрущев], фактов достаточно: «И<ван> Денисыч», «Тёркин на т<ом> св<ете>», громкие чтения в Пицунде и т.п. И вот, мол, в редакции находится рукопись нового и злокозненного романа Солженицына. А тут еще это письмо американского издателя, пришедшее через «НМ», с предложением издать его. Бог знает, что можно нагородить!

Успокоить-то я его успокоил, но все же он под конец настойчиво повторял: если передумаете, то я прошу вас поступить по своему усмотрению. Т.е. забрать рукопись, ссылаясь на автора, который якобы сам ее забрал, и что угодно.

— Зачем мне ее забирать, если лучшее для нее место в сейфе Б.Г.[Закса], пока я являюсь редактором, — это же мой сейф...

— Ладно, как хотите, вам виднее, но если передумаете.

— Ладно...

В этот день это не было единственным столкновением с таким представлением о происшедшем, т.е. как о перевороте, сулящем торжество темных сил сталинистского порядка (поехал во Внуково за книгами) — Валя, насупившаяся, недоверчивая, встревоженная. Вечером пришли Верейские, и Л<юдмила> М<арковна>¹⁷⁰ попросту спрашивает: а не будет ли реабилитации товарища Сталина? — Всех я успокаивал, разъяснял, что менее всего сейчас время расположено к эксцессам и т.п. Но ночью вставал, курил, ходил вниз (отчасти из-за грибков, которым отдал дань днем и даже вечером) и к утру раздумался так и так.

Действительно же во всем, что произошло, что исподволь готовилось, накапливалось, обнаруживалось во всей идейной атмосфере последнего времени, Солженицыну принадлежит, м.б., весьма существенная роль. Возьмем хоть один момент «одобрения» «Ив<ана> Д<енисови>ча» Президиумом под очевидным нажимом единоличной воли Н.С. (акция эта да будет ему навсегда доброй памятью — на это никто, кроме него, не пошел бы). Вспомнить безнаказанные выступления «Октября», по существу, обвинявшие Н.С. в попустительстве «проискам» и т.п.

А если Солженицыну, то и мне — и не в меньшей, а в большей степени, имея в виду не только редактора «НМ», но и автора «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» и «Далей», речи мои и всякое другое. Ну и пусть. Чему быть, тому быть, но, по крайней мере, не понапрасну, — этого никто у нас не отнимет.

21. X. П<ахра>

Третьего дня за обедом вдруг решили поехать все-таки на прием в честь космонавтов (билет и пр. было прислано утром). Можно, мол, пропустить десять обычных по порядку, но этот стоит посмотреть, как новые хозяева принимают.

Было многолюдно, думаю, что пришли все приглашенные: одни, чтобы показать, что их пригласили, с ними все в порядке, другие, как, напр., я, отчасти, чтобы не навлекать на себя предположений об «оппозиционном» по отношению к новому руководству демонстративном поведении, третьи потому, что никогда не пропускают такой возможности, а все вместе с известной долей любопытства: как оно будет без привычных за все эти годы речей и тостов Н.С.

Было, по правде, довольно скучно, речей почти что не было слышно, а когда мы от нашего отдаленного стола прошли вперед, чтобы посмотреть, как там что, то оказалось, что примерно на одну четверть зала президиум отгорожен, и в проходе стоят человеки в черных пиджаках и вежливо преграждают путь. К Н.С., бывало, выстраивалась очередь чокнуться с ним, и он это делал с неутомимой готовностью. Он любил быть хозяином стола, конечно, узурпируя простодушно права остальных членов на провозглашение тостов, на малейшее обнаружение своего присутствия. Он все брал на себя: и торжественную, официальную часть, и порядки провозглашения здравниц, и затейническую часть вплоть до приглашения к танцам.

Здесь все было заморожено, несвободно и как бы неуверенно, хотя внешняя сторона была на самом высоком уровне помпезности.

Из встреч была ценна встреча с А.М.Румянцевым, разговор о статье Карякина¹⁷¹. —

Слухи, легенды, варианты легенд о крушении Н.С. — Его вызывали из Пицунды по важнейшим делам — не поеду, отдыхаю. Вторично — не поеду. Тогда: выезжайте, рассматривается ваше персональное дело, в случае неявки будет рассмотрено заочно. Прилетел, по-хозяйски вошел в зал заседания Президиума: «Ну, что тут у вас?» — и двинулся было к председательскому месту. Тут ему начали «давать». Ощетинился было, но ненадолго, видит — все против него, взял лист бумаги и написал заявление об уходе по болезни.

В аэропорту, говорят, встретил его Семичастный¹⁷² «со своими людьми»: Поедьте, Никита Сергеевич...

— Зачем он поехал в Москву, раз уж все было ясно?

— А куда же?

— Как — куда? Мало ли. Ленинград, Киев...

— ?

Рассказывают, что с крыши Мосфильма виден двор и сад его дачи на Воробьевых. И видно, как он все время кружит, бегаёт внутри той ограды. Какая бездна поздних беспродуктивных, холостых сожалений, негодования, раскаяния, доводов, отчаяния. Для человека такого типа это смерть, хуже смерти. Обычно низвергнутые или отстраненные правители имеют хоть такую отдушину, как сведение политических счетов с историей — мемуары¹⁷³. Но это ему не дано. Порассказать он бы мог много любопытного, но всему этому уже другая цена, да и кому это теперь нужно. Конец ужасный. Что ему делать, чем занять время между сном, помимо еды, туалета и т.п. Разве что слушать радио разных толков, заочные комплименты или насмешки разных «обозревателей» или «коллег» из буржуазного мира. Но скоро и радио умолкнет.

Человеку, который был занят, м.б., больше, чем сам Сталин (тот был так далеко и высоко, как царь и бог, заведомо недоступен, а этот всегда на виду, в мнимой близости к жизни и народу), которого все эти десять лет ждала день и ночь, каждый час суток неубывающая гора дел, вопросов, запросов, неотложностей, который носился по стране и по всему свету, непрерывно выступая, обедал, завтракая, беседа, принимая неисчислимое количество людей (часто без нужды), присутствуя, встречая и провожая, улетая и прилетая, уносясь несколько раз в году «на отдых», перенасыщенный теми же делами, приемами, переговорами, перепиской и т.п.,

и т.д., — этому человеку вдруг стало решительно нечего делать, некуда спешить, нечего ждать. Ничего, кроме обрушивающейся на него при столь внезапном торможении, подкатывающей под самое сердце старости, немощи, бессилия, забвения, м.б., еще при жизни. —

Удивительно все же, как такой многоопытный, прожитый, хитрый и комбинаторный человек от политики оказался столь незрячим в отношении собственного, самим им созданного окружения, не говоря уже о том, что он не заметил всеобщего нарастающего изо дня в день изменения отношения к себе, принимая за чистую монету митинговые аплодисменты «организованных» сборищ на площадях и стадионах, в многотысячных залах и в цинично-подхалимской печати — за выражение любви народной. Как он не заметил нарастания иронического к себе отношения. Ругают, боятся, даже не любят — это еще полбеды в судьбе государственного деятеля такого масштаба, а когда смеются, перестают слушать, зная все наперед, — беда непоправимая.

При незаурядном природном уме, даже одаренности, он был глубоко необразованным человеком. Калинин, напр., тоже человек из народа, но куда там!

Странное чувство с первого дня, с первого часа этой новости — чувство какого-то освобождения от безысходности, тупика (хоть худое, да другое) все еще не покидает меня, хотя вчерашний визит к Поликарпову принес ощущение, что ничего не произошло, ничто не переломилось, не пошло в другую сторону, — все как было.

Совсем забросил записывать природу, а она трогательна и прекрасна и на этом уклоне чудной, теплой и солнечной в большинстве дней осени. В нынешнем моем состоянии, кроме чтения и даже больше чтения, отдаюсь «садово-парковым» заботам, перемещаю на участке то смородину, то не играющие на старом месте кустики черемухи, то тяну линию елочек к проему напротив б<ывшего> участка Слободского, чтобы незаметно для Маши заслонить его живой оградой.

Иван¹⁷⁴ пишет о состоянии матери, очень верно и прочувствованно, но с очевидной литературной претензией. Нужно съездить, хоть это и тяжело и бесполезно.

Приглашая меня на свое пятидесятилетие (тщеславие!), он пишет, что будет оберегать меня «как зеницу ока», не даст мне ни водки, ни даже и пива, — хорошо гостеприимство, завлекательная перспектива! Но это по глупости. —

24.X.64. П<ахра>

Лечусь лопатой от бессонницы и нервов, отдыхаю в лучшем смысле, т.е. делаю то, что доставляет непосредственное и успокоительное удовольствие, устаю, но чувствую, что силенка еще есть и что все это мне еще полезно. Посадил, между прочим, два дубка в косовье толщиной и думаю за них — как им прижиться с перерубленным генеральным корнем. Вопрос этот окончательно разрешится только к будущему лету — пойдут или не пойдут («пойдет дерево» — Сталин). Так хлопочу об этих дубках я, столько выкорчевавший больших и малых дубов на внуковском участке (правда, я и берег и подчищал остальные), где березка была в редкость — сажал березки, а здесь их то и дело под топорик. — Работают плотники — выправляют крышу сторожки, затем будет заделка по форме вместо ворот «гаража», дверные коробки, тамбур, козырек над входом. Выкопана траншея через сад от столба до дома для прокладки кабеля и проводов (свет, звонок, телефон будущий). Вчера привезли машину куриного навоза — золото! За этими заботами и радостями (которым не могу все же отдаваться так, как когда-то во Внукове) душа отходит и здоровеет. — Не вторая, не третья — последняя молодость.

Перемены наверху постепенно утрачивают остроту новизны, тем более что они, эти перемены, и не желают четко обозначаться — все как было, только одно имя выпало. Что ж, Н.С., сам ты показал, как это делается, и сам подобрал и поставил тех, кто последовал твоему примеру. Но во что еще это все выльется, как обернется, в частности — для лит<ерату>ры, — бог весть. Чему быть, тому быть.

«Искренность должна взывать в каждом написанном тобой слове: так я сказал, и не могу иначе; в нем должно чувствоваться: я так написал, и готов отдать жизнь за это. И совершенно неважно, будешь ли ты жить, как собака или как князь, ибо таково достоинство правды, что ее бальзамическое благоухание заменит тебе все, чего желают люди, чуждые стремлений к ней».

«Разве есть различие между правдой искусства и человеческой правдой? Его не должно и не может быть, ибо искусство — это великая исповедальня, где мы все возрождаемся верой в смысл нашей жизни, в общий нам всем порядок, жаждой чистоты, воплощенной в совершенную форму, в красоту, которая и есть порядок и правда».

Это из романа Вацлава Ржезача «Рубежи»¹⁷⁵. Терпеть не люблю художественного из жизни писателей, размазюкивания, где сюжет создаваемого в романе произведения и все перипетии этого дела — сюжет самого романа и т.п. Чаще всего такие романы у малых народов, напр., у наших прибалтийцев.

Но это написано на очень серьезной основе углубленных раздумий об искусстве и хотя не без беллетристики, но читается. Реальность мысли рядится в условность формы, автор на глазах читателя выдумывает судьбу своего героя, но она захватывает, как реальная судьба.

Еще хотел выписать одно место о «преодолении чистого листа», но, видно, забыл подчеркнуть. Это верно, что как бы ни начать, нужно начать, чтобы, по кр<айней> мере, видеть, как не нужно начинать, оттолкнуться от этой беспомощной «реальности» письма, а там и набрести на «слой». Записывать готовое текстуально куда приятнее, но изложить смысл по памяти, от себя куда полезнее и памятнее. —

5.XI. П<ахра>

Как-то этими днями:

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева.
На корни грунт не сваливают грудю —
Разборчиво по горсточке отмеривают.

Сдобренной смесью ровно припорошивают
За слоем слой — в диэту спящей яблони.
И впрок полив, вслед за лопатой граблями
Приствольный круг любовно охорашивают.

Но как могильщики — рывком,
Давай, давай, без передышки —
Едва ударил первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Скорей, в пожарный этот срок —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок
И завалить его венками¹⁷⁶. —

Как дружно заступы шуршат —
Скорей, живей — пожарный навык.
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Как долго не было стихов —
Без них мы просто обходились
(Помимо) опыта веков.
И вот они явились.

Изведай жар такой работы,
Когда подъем смертельно круг,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут.

И ты почувствуешь, что можешь
В зените и на склоне дней
Быть самого себя моложе
И самого себя зрелей¹⁷⁷.

Ах, и рада б я
По-другому жить,
Но вся жизнь моя
По огню бежит.

Не судьбу виню...
По огню, огню —
Прямо в полымя. (Пятки голые.)

Утром по лесу. Уже позади не только «роскошь красок» нынешней осени, но и ее убыль, благодатная теплынь, поредение леса, запахи лиственной закваски (прели) — лес начисто гол, тих, листва под ногами, припорошенная уже не первым заморозком — шуршит тише — потеряла уже свой шум. Возвращался задами — из ворот бегун Тендряков. (Всяк по-своему с ума сходит.)

9.XI.64

Кажется, легла зима. 7.XI утро явилось белым, и снег был не мягкий, а сухой, порошистый, хотя земля под ним была еще не затвердела — накануне копал яму для зимней помойки. Не растаял он и вчера, а сегодня совсем зимнее, сухонькое и морозное утро — алый поздний восход.

Пожалуй, конец всяческим отвлечениям «по хозяйству» — только завершить вчерашнее сооружение для угля. И надо, наконец, писать и есть что.

Предложение «Правды» о 50-й годовщине Октября.

Статья для № 1 журнала — к 40-летию в плане освещения сегодняшнего литературного состояния. Еще никаких слов не сказано, но и старые уже неповторимы (не могут быть повторяемы). А между тем что-то проясняется, вышелушива-

ется. Недавняя статья в «Правде» о теории незаметным образом дает некоторые опоры¹⁷⁸. «Реализм — конкретнейшая черта политики КПСС. Не комментировать готовые решения, а готовить рекомендации для практических решений. Видеть действительность такой, какая она есть, со всеми (со всеми ли?) плюсами и минусами явлений, фактов».

Доклад Брежнева, маленький абзац о приусадебных участках — м.б., самый главный пункт в докладе¹⁷⁹.

11.XI

Nulla dies sine linea — цитирует Сартр в конце своей работы «Слова». «НМ». № 11¹⁸⁰.

Конечно, я знаю, что, следуя этому завету, Ю.Олеша, старый и разбитый эгоизмом и алкоголем, пытался обмануть себя и возможных читателей: авось что-нибудь получится из ежедневного выжимания из себя, как из пересохшего тюбика, по страничке, — вдруг явится нечто необычайное и значительное. Пишущий всегда на грани отчаяния и самообольщения. — Но ближайшим образом, для выхода из неписания, я решил было вспоминать и округлять ежедневно какие-то строчки — авось хоть еще цикл «стихов из записной книжки» наскребется.

Вчера:

Листва отпылала, опала, и запахом поздним
Сады и леса наполняла здоровым, сухим,

спиртуозным.

Последними пали зеленые листья сирени,
И все становилось обширней, светлей

и смиренней.

И долго оно, это редкое время, держалось. —
Такую бы старость — чтоб так же свободно

дышалось,

Чтоб малые только ее навещали недуги

И шла бы она под уклон безо всякой натуги.

Под те же снега, что укроют и голую осень

И буйно-зеленую, в даль устремленную озимь¹⁸¹.

Полувековая юбилейная дата Октябрьской революции — это вышка, с которой уже и сейчас наш сектор обзора необычайно расширяется. В повседневных заботах нашего пути мы склонны видеть этот путь только по частям, на протяжении лишь нынешнего участка, преодолеваемого нами, и склонны именно этот участок считать и называть значительнейшим в нашей истории, забывая, что такими же историческими были и все предыдущие участки, перевалы и рубежи.

Пятьдесят лет в жизни отдельного человека срок вершинный, возраст полной зрелости, за которой уже следует нисхождение. Но в жизни общества, страны, объединяющей многие народы различной исторической судьбы и даже географической среды, — этот возраст вмещается в немногих делениях многовековой исторической меры. И вместе с тем он на этот раз необычайно емок, и вряд ли на протяжении тысячелетий найдется равный ему отрезок времени, который вмещал бы столько перемен, потрясений и событий такого значения. Вряд ли в какое другое полу столетие переступало человечество столько порогов и рубежей своего развития, приходящихся на долю одного-двух поколений.

Это понятно (что мы нынешний участок пути считаем всегда самым великим и историческим), но каждая страница нашей истории — непреходящая ценность, и только в целостном постижении этих страниц мы можем найти ответы на вопросы, волнующие нас сегодня, и угадать те, что встанут перед нами завтра.

Художественной летописью Советской эпохи является в первую очередь наша литература в целом, оставленная уже ушедшими мастерами и создаваемая живущими ее мастерами всех поколений.

Она имеет немало подлинных достижений поэтической мысли, произведений редкой силы воздействия во всей мировой литературе на своих современников, редкостной правдивости свидетельства о времени, не утрачивающего своей достоверности...

Но она по справедливости так часто вызывает и недовольство взыскательного читателя. Это недовольство («не то, не так, не все») в последние годы все чаще выражается в решительных попытках самих героев нашего времени рассказать о нем и о себе. Горбатов и др.¹⁸²

12. XI

Листва отпылала,
опала, и запахом поздним
С земли отдавало —
горькавым, грибным, спиртуозным.
С тем духом мешался
машинный дымок запоздалый.
Беднее в полях,
но светлей и обширнее стало.
Как пот остывала
горячего лета усталость...
И думалось просто:
такую бы добрую старость.

Чтоб вовсе она
не казалась досрочной, случайной
И все завершала
как осень свой год урожайный,
Чтоб малые только ее возвещали недуги,
И шла бы она
под уклон безо всякой натуги.
Под те же снега,
что укроют и голую осень,
Но с ней и зеленую,
вдаль устремленную озимь.

13.XI

Потихоньку налаживаю свою домашнюю «Барвиху», т.е. научную жизнь — трезвость, регулярность, прогулки и т.п. без элементов насилия, присущих Барвихе той, т.е. без необходимости дачи показаний относительно «стула» и т.п. Не было бы полной уверенности, что «Барвиха» эта наладится и закрепится, если бы не было обстоятельства, определяющего известную безвыходность: дача, печка (котел), необходимость поддержания «вечного огня» в ней, необходимость, наконец, жить на даче, потреблять ее, раз уж сделано дело. —

Преодолевая стыд, пытаюсь лепить стишочки «зап<исной> книжки». Нужно по кр<айней> мере дать себе испробоваться до полной ясности. Это занятие, которое может быть лишь дополнительным и урывочным для человека, который должен сейчас писать «программу» статью к 40-летию ж<урна> ла. И, хотя неотложность этой серьезной работы заставляет отдавать ей предпочтение, знаю про себя, что она все же легче «стишочков». —

Написал Косте по случаю его ухода на пенсию (40 лет работы). Это в некоем пересчете, но и так — 40¹⁸³.

17.XI.64. 3 ч. утра

Вчера вернулся с пленума ЦК, закончившегося к раннему обеду в Свердловском зале, исчерпав повестку, обнимающую важнейшие вопросы внутренней и внешней политической жизни¹⁸⁴. В этом одном явно нечто новое, непривычное, но не в одной этой деловой краткости вместо былого многоглаголанья. Впервые большинство выступавших говорили без «текста», что отметил даже один из ораторов, кажется, Ахундов¹⁸⁵, признавшись, что речь у него была заготовлена, но он решил обойтись без нее. И еще: обстановка куда большей свободы, безбоязненности, — попросту *отсутствие одного*, который всегда мог прервать, сбить, ско-

вырнуть и т.п. Отсутствие одного, но уверенность и деловое спокойствие остальных, обходящихся без него. Пусть себе излишняя осторожность и опасливость — что в печать, что не в печать и т.п., пусть себе произношение Брежневым слов «начать» и «принять» с ударением на первом слоге, — дело идет, и слава богу. Приятна была также умеренность и благопристойность в отношении *одного*, названного, сколько нужно, по имени, но с неизменным добавлением «товарищ», сдержанность в оценке собственных разумных действий, — не были, напр., даже упомянуты приусадебные участки. О разделении обкомов и др. организаций сказано было, что в свое время трудно было выступить против идеи приближения руководства к производству, и даже сказано было, что все, мол, знали, что это ненадолго. (В скобках: жаль, что я только «на лестнице» придумал ответ Кованову П.В. на его критику «Забот и радостей Тимофея Лунина»¹⁸⁶. Нужно было возразить: а вы, мол, когда «стукнули кулаком» против тяжелой воли «одного» (первого и второго), которая была над вами (всеми нами), как воля «Дуба» над Тим. Луниным? Лунин тоже соображал, что, авось, это «ненадолго», и еще менее вас (нас) имел возможности «стукнуть». А я лишь сказал, что Лунин — руководитель, не порвавший пуповину, связующую его с народной, колхозной массой, но и несущий всю меру ответственности не только перед этой «своей» массой, в чем Кованов как раз усмотрел противопоставление народного разума «руководству», хотя тут же признался, что в пору, когда сам был пред<седателем> колхоза, наезжавших руководителей старался ублаготворить, обговорить и выпроводить с богом, чтобы потом заняться делом.)

Очень понравился Мазуров¹⁸⁷. Спокойная, рассудительная речь (и даже грамотная), как будто не в Кремле, а у себя в Минске выступает (при «одном» все они как-то уграчивали свою республиканскую или областную осанку и интонации первых секретарей), сказал, между прочим, что понижение советских органов, исполкомов, началось не в период «разделения», а гораздо раньше, и что, хотя этот вопрос сейчас, на данном пленуме, не стоит и не решается, нужно думать, как быть с задачей более решительной демократизации выборов в Советы, можно ли и в дальнейшем предлагать на голосование одного кандидата¹⁸⁸.

Аджубей — дерьмо, как это было известно и раньше, жаловался на свою нелегкую жизнь «в зятях», говорил, что он не злоупотреблял своими семейными связями, что жена — судьба, а он женат 15 лет, у него трое детей и т.п., и т.д. Сатюков был как маслом облитый, ликовал: меня, мол, снять-то сняли, но не вывели¹⁸⁹.

21. XI

За моим широченным окном идет не очень густой, как бы перистый снег и облепляет свежие доски «солярия» — балкона в ширину всей комнаты. Стекла потеют. Над перильцами балкона вторая, верхняя часть ельника. Тихо. Картина, чаровавшая меня с детства. На душе относительно спокойно и ясно. Вот-вот должны по всему прийти какие-то ясные, добрые мысли, но как не вдруг и как нелегко высвобождается правда-истина из-под «наслоений» многолетнего вранья, лжеучений, повторенных и перекрученных множество раз, ставших привычными и по инерции вылезаящими на первый план. —

Мы слишком много думаем и говорим об этих людях, думаем и предполагаем за них, несем вместе с ними всю эту ношу, хотя, м.б., они сами не столько и думают и не так ощущают на себе эту ношу ответственности. Слишком много в головах ежедневной политической неразберихи, очень мало остается для того, что называется поэтическим мышлением. Может быть, тут еще и возраст. Нужно, неотложно нужно, деваться некуда — писать статью для первого номера ж<урна>ла. А так бы славно под этот тихий снежок вызывать свободные, необязательные строчки «зап<исной> книжки».

Вчерашнее посещение концерта Шостаковича вызвало во мне только недоумение и какое-то не очень огорчительное сознание, что я тупица и ничего не понимаю. Со мной ничего не произошло, кроме разве что впечатления от истовой публики, — хоть и был там некий процент пришедших просто из тщеславия, не все, всё же¹⁹⁰.

1965

1. The first part of the document is a title page. It contains the title of the document, the author's name, and the date of publication. The title is "The History of the United States" and the author is "John Adams". The date is "1789".

13.I.65. Пахра

За период с последней записи прошлого года:

Работа над статьей для № 1¹, срыв, едва ликвидированный к моменту отъезда в Италию — Сицилию².

Возвращение, возобновление работы над статьей, которую монтировали по моим листкам, рукописи статьи о Солж<еницы>не к сб<орни>ку моих статей³.

Выправление статьи, запуск № 1, получение на Эренбурга «на усмотрение»⁴.

Вчера — первый отзыв из цензуры, просьба «посоветоваться» о статье А.Т. в ЦК. И тут же звонок Поликарпова, и вслед за тем (слыханное ли дело!) приезд его в редакцию.

«Посылай М.А. [Суслову], все другие пути длиннее и болезненнее». — А ты читал? — «Читал, у меня есть возражения, но если...» и т.д. Во всяком случае, спасибо: он мог поступить хуже — послать свои возражения наверх до того, как их у него запросят.

Вчера не мог позвонить М.А., сегодня специально еду за этим — на вертушку⁵.

Мих. Анд., мне не хотелось бы, чтобы Вам показалось, что вслед за быстрым разрешением вопроса об Эренбурге (спасибо!) я кидаюсь к Вам с очередной лит<ературной> нуждой. Это нужда особая. Речь идет о моей статье к 40-летию ж<урна>ла, кот<орая> задержана цензурой, и я имею все основания предположить, что будет задержана и в Отделе [культуры ЦК].

Речь идет о том, быть ли ж<урна>лу таким, каким он стал в последние годы и, главное, каким он хотел бы быть в перспективе.

Речь идет о том, быть ли мне и далее его редактором, или же...

14.I.65. П<ахра>

— Мих. Андр., ради бога не думайте, что я, поощренный быстрым разрешением вопроса об Эренбурге, собираюсь вовлечь Вас в работу редакции...

— Нет, покамест не думаю...

— Речь идет о моей статье к 40-летию журнала. Статья задержана цензурой, и у меня есть основания предполагать, что в Отделе она также будет задержана. Речь идет и т.д. (быть или не быть ж<урна>лу и мне как редактору).

— Хорошо. Только я не могу дать Вам гарантию, что прочту в ближ<айшие> два-три дня.

— Ну, хотя бы дней за пять, М.А.? Спасибо.

Иноземцев (секретарь за конторкой):

— Отдайте помощнику — т. Гаврилову (показал на дверь каб<ине>та напротив сусловского). Гаврилов (он знает меня, я его, только забыл имя-отч<ество>)⁶:

— Присядьте, присядьте.

Я ему все излагаю в тех же тонах, что и Суслову, т.е. без трагических оттенков, но по существу — быть или не быть.

— Это было бы для нас, читателей, очень, очень большой потерей. Я скажу Вам (оглянувшись на дверь), не как помощник скажу, а именно как читатель: я считаю ваш ж<урна>л лучшим. — И т.д. в таком роде. — Напрасно у нас придают такое уж значение каждому слову, словесному выражению. Я говорил Поликарпову. Вот и с Эренбургом. Вы там уж не тесните его сверх того, что было сделано. Да и нет там ничего такого. — Словом, если бы от него зависело, то, кажется, и говорить было бы не о чем. Но, м.б., тогда он по-другому бы и относился, уже как «помощник».

Зашел к Поликарпову, рассказал, поблагодарил за то, что он все же поступил не так, как мог бы поступить, желая мне зла. Но, конечно, он не поддержка, дай бог, чтобы не очень проявлял свое «несогласие».

В редакции — Сац, его рассказ о последствиях заметки в «Вечерней» Москве о ген<ерале> Горбатове и его почте⁷. — Команда по всем линиям: никаких лагерей, никаких — как темы лит<ературных> произведений. Это уже чувствовалось и ранее, приближалось. М.б., Солж<еницы>н не так уж был неправ в своей особой оценке ноябрьских событий⁸.

А в статье — статья, как выразился Овечкин в письме, внутри статьи — статья о Солженицыне, об общественном значении Ив<ана> Д<енисовича>. Кажется, ясно. Отступления нет (хотя Демент уже примеривается, что можно бы опустить «в крайнем случае»), а Солж<еницы>на недаром и сам Н.С.[Хрущев] отряхнул со своих ног в тот период, когда писалась статья о нем, вошедшая «внутри» этой, недаром и «Правда» выкинула свой фортель тогдашний⁹.

Но все так непоследовательно, что не исключен и иной выход.

Где-то здесь в январе умер Поскребышев, — унес-таки то, чего никому не восстановить¹⁰.

15.I.65. П<ахра>

Предположительно (по Поликарпову) М.А.[Суслов] прочтет статью в воскресенье. До этого — все в ожидании, даже ответы на иные письма приостановлены. Редакция работает, листы подписываются, но все притихли — не шуточки ни для кого возможные перемены.

Сам в ожидании, спокойном, но порой тоскливом: неужели? Так или иначе — впереди еще самое тяжелое, когда будут пытаться наставить на путь и будут весьма недовольны своенравием и упорством. И тогда это опять надолго, но утешимся хоть тем, что, как и бывало, это позволит подтянуть «приусадебный участок».

С утра чистил снег — прокладывал недостающую траншейку за домом, чтобы собаке бегать вокруг — потом баловался рассылкой приобретенной вчера открытки-фотографии (1962 г.!)¹¹ по разным читательским адресам, требовавшим какого-то отклика на неизм<енные> поздравления и т.п. Открытка эта — большое удобство, часто замена книги, кот<орая> в свою очередь — часто замена ответного письма.

До сих пор — нет-нет — зажмуриваюсь от стыда по поводу свинства с Л.Арагоном (хоть он и свинья по отношению ко мне — его фокус в связи с моей телеграммой насчет предисловия к Камю) и Эльзой его¹². Против воли и желания, под давлением разных [нрзб.] соображений и прямым споспешеством Симонова позвонил, пригласил («А Солж<еницын> будет?») и, задувши в дни Нового года, не явился на ужин в ЦДЛ, ни, тем более, на встречу в ред<акцию> — встреча была отложена. И вместе — чувство облегчения.

17.I.65. П<ахра>

Только здесь, встретив зиму не в городских условиях, впервые с радостным чувством как бы выздоровления от тилого и унылого недуга, отметил увеличение дня, нарастание световой части суточного времени. А третьего дня, когда еще не так и отпустило после больших морозов, выйдя утром на крыльцо, ощутил, увидел, почувствовал слабый, но явственный предвесенний настой — свет, снег, отряхнувшие снег деревья — все не то, что вчера, неделю назад. Все еще бу-

дет — и февральские морозы, и мартовские метели, и затяжные холода, но что-то уже сломилось бесповоротно. И, похоже, силенок еще не на одни только унылые итоги, но и на новые затеи. М.б., это все связано еще и с трезвенным бытом, — страшно даже подумать, что вновь он может быть нарушен дикостью и беспамятством «выхода», психофизической пыткой похмелья. Нет уж!

Ходил в лес по «тендряковской» тропе и влево через просеку под проводами высоковольтной линии. Что творится в двух шагах от поселка, в лесопарковой, по существу, зоне. Повалены могучие сосны и березы, повалены так-сяк, по необъяснимому выбору, точно дурак опробовал электропилу: свалило одно дерево — оно зависло на другом, подпилит то и т.д. Повалена одна моя знакомая — ель-двойчатка: с метр от земли один ствол, а потом раздвоение — и ровные два в струнку (грешен, наметил отрезать этот комель* и доставить к себе на дровосеку — в качестве колоды, да и какой же грех — все равно дерево сгублено). Должно быть, это «рубка ухода», в которой этот лес вовсе не нуждается, а нуждается кто-то, кому плевать на «красоту».

Стал перечитывать *Бунина* по огоньковскому изданию¹³. Правда, еще не закончил первого тома, не дошел до самых зрелых и душистых вещей, но испытал, обычное при перечитывании любимого с юности, чувство утраты того очарования, что было в памяти, уже ни «Байбаки», ни «Учитель» не подкрепили прежнего впечатления от них, которое было в запасе, держалось, как долгий запах (что-то бунинское навертывается) чего-то.

Но приятна и ясность — единственная утеха зрелых лет, видишь куда больше, что откуда и почему.

Изданию предпослана статья поганца Л.Никулина¹⁴, начинающего ее дешевым журналистским приемчиком (шел юноша с почты в Озерках и читал свое первое напечатанное стихотворение в журнале).

Уже ясно, что Бунин у нас не объяснен, не обсказан настоящему. К нему применяются слова, которые годятся для многих иных случаев русской литературы (замечательный русский, мастер пейзажа, суровый реалист, выразительность детали и т.п.).

Начать нужно с того, что Бунин писатель не знаменитый на Руси, известность его в среде читателей не идет в сравнение не только с известностью Горького или Чехова, но даже Л.Андреева или Куприна. И однако! Однако в рус-

* Комель — нижняя часть дерева.

ской литературе им проложен куда более четкий и глубокий след, чем Андр<еевым> или Куприным, и отпечаток его на культуре письма русской прозы 20 века несомненен (Шолохов, Пауст<овский>, молодые, Солженицын!). Вообще в русской литературе после Бунина стало невозможно серьезно заявить о себе, пройдя мимо его достижений (реализм «деталей» — уровень знания жизни в подробностях, язык).

До него русская литература не доходила до таких разительных подробностей бытовой жизни (исключая, конечно, Л.Толстого, но ему «жизнь чиновников и т.п. была неинтересна», а Б<унину> она как раз была интересна и мила — «и мелкопоместная жизнь хороша», да еще Достоевского — в отношении городской петербургской жизни при полном невнимании к деревне, природе, временам года и т.п.).

Запахи. Обонятельное впитывание мира в себя. — Там пахнет не только цветами и яблоками, грибной сыростью (кислым запахом ландыша), не только снегом и хвоей, свежей соломой и мякиной, но множеством запахов, кот<орые> до Б<унина> были вне обонятельной силы нашей прозы.

ландышем (кислый)
свежей соломой и мякиной
яблоками
сыростью грибной
снегом и хвоей
апельсинами и сигарой (в купе вагона)
красным деревом, старинной мебелью нетопленых помещичьих домов.

Выписать бы все — по порядку времен года.

Не доходила [литература до Бунина] до таких подробностей, как тазы, подставленные под капелю протекающих крыш и потолков, — собственно, этот образ поместного упадка покрывает собой все заглохшие сады, вырубленные аллеи, скрипучие половицы в хоромах (хотя и этого всего достаточно). Но если бы выбирать, то одного этого образа было бы за глаза.

Он любит оставлять читателя наедине с мирозданием, с думой о старости и смерти, с безмолвием природы.

Эта устремленность в космические миры, в мир вековых тайн и загадок вселенной освобождает от необходимости додумывать до конца сложности социального устройства, глубоко воспринимать несправедливости и страдания человечества — ведь все это суэта, минутная частица вечности.

А между тем, острое чувство человеческого страдания, жестоко обидного удела явиться в мир для жизни жалкой и мучительной — неотступны в сердце художника.

18.I.65. П<ахра>

Понедельник — день, когда предположительно должно быть известно, что со статьей, с ж<урналом>, со мной и др.

В 2 ч. в МГК — Тевекелянство¹⁵ на тему восстановления моск<овской> парторганизации писателей.

Все нависло — должно рухнуть в том или ином смысле. — Читаю Бунина.

Критика (скорбная) обидного и жестокого мироустройства (жизнь — смерть) как бы имеет предложить некий иной вариант: бессмертие, например, или жизнь до 360 лет. Все — ерунда. Все возвращается к тому, чтобы решать вопросы социального мироустройства, омрачающего и без того краткую жизнь несправедливостями, страданиями, ранней смертностью детей, ранним старением и болезнями и т.д.

Воображать себя современником поколений ассирийско-вавилонского или др<евне>египетского царств легче и меньше обязывает, чем каждодневно чувствовать себя современником мужиков, живущих «в батраках у жизни», узников Шлиссельбурга, жертв военно-полевых судов после 905 г.

Пережил народничество, толстовство, теперь ближе всего к С<оциал>-д<емократии>. (Горький?¹⁶)

Но чем непреднамереннее и даже вынужденнее такие фиксации «духа времени», как недослушанный разговор мужиков в вагоне («Сны»), тем они безусловнее и ценнее.

28.I.65. П<ахра>. День рождения Маши и Оли.

Третьего дня, едва «оклемавшись» после глупейшего «выхода» в результате моск<овского> собрания¹⁷, с чувством страха, стыда, томимый незнанием — что и как — звоню Поликарпову, который, как сообщил мне Кондратович, уже искал меня накануне.

— Есть замечания. Можешь завтра?

— Могу, конечно, назначай время.

Условились на 9.30. Заказал машину на 8. Приезжаю.

— Вот такие есть замечания:

Статья в этом виде имеет изъяны, которые нужно устранить, а именно:

1. Тональность, усиливающая групповщину.
2. Статья, хотя автор оговаривается, что это не так, своеобразный «перечень обид» «НМ». Это не полезно.

3. Нельзя согласиться с тем, что знаменем нашей литературы является «Ив.Ден.» Солженицына¹⁸. Увлечение — и вредное.

Напечатали, ладно, но зачем же...

4. Критика очерков Некрасова была справедливой¹⁹.
5. Говорить о «мужестве» Эренбурга, значит, подлаживаться к нему²⁰.
6. Повесть Яшина. («Автор (Яшин) не видит тех перемен в духовном облике советских людей, которые...»)²¹.

7. Сельское хозяйство и литература — без «градобития»²².

8. «Кавалер», Кочетов и т.п. упоминания не повысят уважения к журналу²³.

— Вот те замечания, что я передал тебе оттуда, а вот еще что могу сказать от себя:

1. Дудинцев (упоминание фамилии)²⁴.

2. «От Шолохова до Пастернака» — рядом!²⁵

— Да ведь «от и до» — это не рядом, а наоборот...

— Но все-таки. Но это мелочи. А вот:

1. Очерк Дороша «Дождь пополам с солнцем». Конечно, выступление «Сельской жизни» было организовано. Но дело не в этом. Самое главное — и как это ты не можешь понять, крестьянский сын, тон высокомерного отношения к крестьянству. Ярославский барин писал: «Есть женщины в русских селеньях»... А Дорош: «тощая бабенка лет 30, а м.б., и 40». Такое идет через все «дневники». Плакать хочется от обиды за народ²⁶.

2. Много раздраженности вообще. Выходит, что новоявленных авторов нельзя уже и покритиковать. Сразу ты уже гонитель и т.п.

3. «Размашистые обобщения».

4. «На Иртыше» — слишком субъективное видение процессов коллективизации. Да и сколько ему лет? 50. Значит, он тогда был мальчишкой...²⁷

— Но Толстой в 12 г. вообще еще не был на свете...

— Другое дело «Поднятая целина». Там — утверждение. Тут одна сторона — развенчивание. И все «по слухам»...

Возражаю по всем первым 8-ми пунктам, забывая, что он «не уполномочен». Но все же он заметно примолк и стал грустен. Многие, по-видимому, было даже для него убедительно. И — знакомый кивок на телефон:

— Звони.

Я позвонил, прося выслушать «мои объяснения».

— Не знаю, разве что в пятницу (четверг, т.е. сегодня, у него заседание Секр<етариа>та — это я уже знал от П<оликарпо>ва). И завязался было разговор, которым он, м.б., хотел ограничиться в отношении меня, но я все же сказал, что «хочу надеяться».

— Ну что ж, в пятницу.

— Так я позвоню?

— Хорошо.

Завтра — пятница. Сегодня мог бы не ехать, но еду в 1 ч. Во-первых, чтобы не сидеть неподвижно над своим «пасьянсом» воображаемого объяснения. Во-вторых, повидать Олю, поздравить. (Вчера все же успел купить обеим именинницам по белой сирени.) В-третьих — возмещение ущерба, нанесенного «погребу» Кост<юковско>го²⁸. Впрочем, подождет.

Намерен завтра смиренно поставить вопрос: возможен ли минимальный вариант купюр с оставлением все же Солженицына (уменьшенного в объеме)? Нет — не смогу, как это ни тяжело мне. Ночь была плохая. Все «полемизировал», пробовал заснуть, опять читал, принял одну бубочку андоксины, проснулся тяжелый и с этим пошел поздравлять Машу, подарил ей свою (початую) клеевую ленту.

31.1.65. П<ахра>

Третьего дня угречком взял верстку, вымахал из статьи всю «полемику», — все то, что к Солженицыну пристегнулось из прошлогодней статьи, вставил достаточно недвусмысленную характеристику — получилось даже категоричнее и «директивнее», т.к. полемические усилия как бы обнаруживают неуверенность, допущение иных оценок и т.д.

Вымахнул «Эренбурга», оставив один-два проходных абзаца с закруглением, что, мол, до окончания публикации — было бы неправомерно выносить исчерп<ывающую> оценку.

И еще кое-что — по мелочам, — не жалко.

С тем и поехал (машина подвела, добирался кой-как, запоздал: дяди Димы [Поликарпова] нет, вертушки нет, позвонил по городскому секретарю Иноземцеву. — В 3.30. — Забежал к дяде Диме, чтобы «посоветоваться» (политик!) с ним.

— У меня, говорит, не было такого впечатления, что Солженицын вообще неназывается.

— М<ихаил> Анд<реевич>, я не отниму у вас много времени.

— Сколько нужно (сдержанно, хоть и с улыбкой). — Первый раз обратил внимание, что он очень потемнел лицом, постарел.

— Я внимательнейшим образом... и т.д. Развернул перед ним верстку — вот и вот, но оставленного о С<олженицы> не прочел подряд — как-то так получилось.

Он:

— Главное, чтобы не было так, будто С<олженицы> н — зная, будто без него немыслим нынешний день советской литературы²⁹. Но мы вовсе не требуем... и т.д.

Все быстро — без сучка и задоринки (видимо, он ожидал, что я буду канючить, брыкаться и что со мной придется «проводить работу»).

Странное дело, все благополучно, но то, что купюра все же велика и что еще кое-что пришлось опустить, — в редакции произвело (при общем вздохе облегчения) некое невеселое настроение. Подошел Сац, развесил грибы*, потускнел Лакшин, изредка оживляясь: нет, что же, все хорошо. — А почему, хотелось сказать, вы мне раньше не сказали, что про С<олженицы> на многовато (Кондратовичу «так и казалось», но промолчал). Неужели действительно они меня боятся? — Вздор. А если бы я с самого начала сделал то, что теперь? Все равно — цензура поступила бы так же, и все равно пришлось бы звонить и ходить к М.А. [Суслову], и все равно было бы указано на необходимость таких-то изъятий. В общей части замечания не затронули ничего, но, м.б., эта общая часть играла только при расширенном Солженицыне? Нет, все же.

Мелочи:

— Я сам дал повод упрекнуть меня «перечнем обид "НМ"», сказав эти слова.

— Это адресуйте мне, это мое замечание.

— Я их снял.

— Ну, их можно оставить, если в остальном...

— «Градобитие»? — Хватит с вас засухи и вымочки³⁰. —

1. II. 65. П<ахра>

Готовя однотомник для Воениздата (моя инициатива)³¹, вдруг с наглядностью увидел, что стихи у меня, в сущности, кончаются в 60 г. (по 4-томнику)³². За 4 года еще написано два стихотворения: «Слово о словах» и «Космонавту»³³. А еще что? Правда, «Тёркин-загробный», но это, как бы там ни

* Гриба — губа (смоленский говор).

было, дописывание, — так или иначе эта вещь уже была у меня с 54 г.³⁴ Остальное, включая и «программную» статью к 40-летию «НМ», нечего и считать.

Я давно-давно не перелистывал своего одноклассника, а там, оказывается, прорва плохих вещей, — правда, я насчет них не заблуждался и при составлении 4-томника. В 5-томнике их не должно быть. Уменьшение количества строк не отразится на внешнем благообразии издания: будет другой формат.

- Т. 1. Страна Муравия, Сельская хроника.
 - Т. 2. Василий Тёркин, Фронтовая хроника.
 - Т. 3. Дом у дороги, Послевоенные стихи.
 - Т. 4. За далью — даль, Тёркин на том свете.
 - Т. 5. Проза³⁵.
- (Прошлогоднее)

Мне много лет — раз в два-три года снится
Почти без изменений этот сон:
Как будто я, с войны вернувшись,
Учусь опять в каком-то институте, (отстал)
И полон весь школярскою тревогой,
Как сдать такой-то или тот экзамен,
Да как-нибудь закончить институт.
И стыдно мне и страшно
В той юности не первой, запоздалой.
И я, проснувшись, рад сперва бываю,
Что в яви этой нету мне мороки,
Но после грустно³⁶.

(Третьего или четвертого дня видел опять этот же сон. — 2.III.66.)

2.II.65. П<ахра>

Бунин писатель незначительный, не широко читаемый, но пользующийся исключительной любовью и почитанием среди читающих его.

Бесспорно — это одна из самых ярких индивидуальностей в русской литературе 1-й половины XX в.

Я пережил в свое время такой период увлечения Буниным (гл<авным> обр<азом> прозой), что знал почти наизусть от многократного перечитывания (и вслух!) целые страницы³⁷. На собственной моей работе это влияние отозвалось самым глубоким образом (природа, язык, стремление к точности фиксации явлений деревенского быта, порой по-

гружавшего меня в безнадежные пучины натурализма; отвлечение к внешним ухищрениям формы и т.д.).

Это увлечение, опьянение пряной густотой его красок было так велико, что в ту пору заслоняло куда более великих художников.

Это прошло вместе с юностью, но я и сейчас считаю это влияние благотворным, по кр<айней> мере, в смысле воспитания моих читательских вкусов. Б<унин> учит еще более любить тех, кто больше и шире его, но и отличать «зерна от плевел», претенциозность, фальшь, так что — не мне судить, насколько продуктивные последствия это влияние имело на моей литературной работе, но я на всю жизнь приобрел эстетические пристрастия, с которыми мне уже не расстаться. В нем я находил совпадения с впечатлениями моего загорьевского детства и отрочества, в нем они впервые обрели литературную «законность», я перестал их избегать, освобождаться от них ради поверхностных влияний лит<ературной> моды, но, наоборот, стал в них вникать, осознав их как свой недостаток, который я лишь пополняю всю жизнь, но в кот<ором>, кажется, было на все про все.

Читатель, обошедшийся в жизни без Бунина, — человек, у кот<орого> словно бы не было детства, раннего общения с природой, ни зим, ни весен, ни дождей, ни метелей, ни жарких летних утр и полдней, ни коротких ночей, ни долгих ночей столь поместительного годичного цикла среднерусской полосы, хотя Б<унин> не «земляк» мне, жителю лесной и болотной стороны, его «степь» до меня доходит лишь через его страницы. Чит<ате>ль без Б<унина> — человек, кот<орый> знает лишь температурные показатели изменений в природе, кот<орый> сидит под «деревом», а не под березой и т.п., идет по траве, а не по такой-то траве, отаве, некошеному лугу, «ляду». Это — дачник в самом грустном смысле этого слова.

— До таких подробностей (быта, дорожного снаряжения, жилья и т.п.) литература не доходила.

— Когда хвалят писателя за красоту описаний природы или «чистоту языка», редко рождается искреннее желание немедленно прочесть его. Известно, что читатели более или менее сознательно «пробегают» в классических романах «отдельные» описания природы и оставляют без внимания «чистоту» языка. Здесь уже нужна внимательность иная, чем просто читательская. У Б<унина>, м.б., только отчасти есть «красота» описаний (но ведь и само небо, степь и т.п. красивы), и уж никакой «чистоты» языка, «засоренного» местными речениями, насыщенного словечками, которые только

благодаря их искуснейшему расположению в контексте понятны, приправленного «порчей» южнороссийского говора.

— *Боги Бунина* — в прошлом: Пушкин и Лермонтов; еще немногие:

Баратынский, Фет, Полонский.

Старшие его современники:

Лев Толстой, А.П.Чехов — никто еще, включая Горького.

— Бунин — в отвлечениях мысли, в эстетических признаниях — жрец «искусства для искусства», почти декадент, даже полумистик — в конкретике живописания — здоровье, жизнелюбие, сладкая тревога и грусть от избытка счастья.

3.II.65. П<ахра>

Собственно Бунин завершается в 17 году. Когда он покинул родину, ему было около 50. Жил он еще долго — свыше тридцати лет — хватило бы на целую писательскую жизнь (почти столько же, сколько он прожил со дня вступления в литературу до эмиграции (87—17?).

И еще много писал. Но все, что делает его имя в русской литературе прочным и неповторимым, было уже позади («Деревня», «Суходол» «Г<осподи>н из Сан-Фр<анциско>», лучшие рассказы и стихи). Вторая писательская жизнь Бунина не могла не быть отражением и повторением первой. Он обладал феноменальной художнической памятью относительно того мира, который оборвался где-то за кормой парохода, увозившего его из Одессы в чужие земли. Он увез с собой огромный запас вобранных в самую душу с ребяческих лет звуков, цветов, запахов родной земли. Но все же эта память уже все чаще опиралась на самое себя, ставшую ранее под пером Бунина литературой. Бунин повторялся. Все написанное им за границей написано человеком, который хорошо знал все написанное Буниным ранее. Нет ни одного существенного мотива в его зарубежном творчестве, который был бы новым по отношению с прежним Буниным. Неповторимое судорожно пыталось повториться. В этих безнадежных попытках не спасали ни опыт, ни выработанный вкус, ни высокая культура письма, ни поразительное, подвижническое трудолюбие. Собственных хоженных троп он не мог миновать, если иметь в виду собственно художественную новизну, новые открытия зрелого таланта. Другое дело идейно-политическая эволюция Б<унина>. Он коснел в своих жалких настроениях озлобленности, приверженности. Более того, Бунин заграничный поправлял Бунина отечественного, вытравливал в нем черты демо-

кратичности, неприятия самодержавно-помещичьей и буржуазной России. Это можно было сделать ровно настолько, чтобы обнаружить эту старческую саморевизию³⁸. —

Родину можно покинуть и прожить всю жизнь за ее пределами, если это ради нее, ради ее хотя бы и отдаленного будущего (Герцен, Огарев и т.п.). Но нельзя безнаказанно покидать ее ради себя, ради своих привилегий или привилегий своей касты. Это даром не проходит, особенно для художника.

Морозы пали, попархивает легкий мучнистый снежок, с которым справляюсь без лопаты, одной метелкой.

По отлогим белым склонам —
Беглый легкий березняк.

5.II.65. П<ахра>

Б<унин> обладает феноменальной художнической зоркостью на формы и краски видимого мира — будь то хлебная степь или южное море, звездное небо или заболоченный плес тихой речушки, деревенская улица с плетнями и завалинками, степная дорога, пуховая от пыли, в которой колеса утопают по ступицу, — по ней ездят вдоль пустынного жесткого щебеночного шоссе; серые заборы, булыжные мостовые уездного города — скопление маленьких усадеб с садами на задах, беседками в них и спусками к глухим черемуховым оврагам или приречным закамышленным низинам.

Ночные огни барских домов, лунные отсветы в старинных березовых аллеях, зори всех оттенков, проносящиеся мимо безлюдных маленьких станций огненные звенья поздних поездов, деревенские и городские восходы и закаты, зарева, зарницы, поля и усадьбы под проливными дождями и многодневными степными вьюгами — все это по названию найдется и у любого посредственного беллетриста. Даже больше: все это входит в примитивное понятие «художественности». Но у настоящего художника одна малая деталь, оттенок описания имеет силу как бы нашего личного восприятия. У каждого есть — пусть редкие и краткие — но памятные на всю жизнь мгновенные впечатления какого-нибудь весеннего легко-морозного утречка, свежести обмытого грозным дождем сада, запаха осеннего дымка, света в комнате от выпавшего за ночь снега, ночной вьюги, убыли или прибыли дня и множества иных явлений годичного цикла природы.

Бунин пробуждает, оживляет и обостряет эти впечатления приглушенной памяти, занятой иными житейскими, практическими соображениями и расчетами. И, пробужденные в нас, эти впечатления закрепляются, становятся постоянным душевным богатством, расширяют и облагораживают мир наших эмоций, наполняют душу как бы внутренней музыкой, от которой лица людей добреют и становятся красивее. —

Перемогаюсь после городских суток, редакции, просмотра чаплинских «Огней рампы» (лицо, улыбка, глаза, изящество и благородство каждого движения и жеста), недосмотра — амер<иканского> фильма о вторжении в Нормандию³⁹ и какой-то полупростуды. После завтрака и «сеанса» Оресту⁴⁰ вдруг прилег и заснул до слюны на подушке. Сейчас похлебал супчику и тянет меня сбросить снег с балкона, — дело! —

6.II.65

Попросту — грипп. Дважды вчера спал днем, второй раз до глубокого вечера, и всю нынешнюю ночь. В голове пошумливает, в ушах и в висках. Не выходил вчера (только утром — думал перемочься), воздержусь и сегодня. —

Когда говорят о социально-классовой природе художника, о выражении им интересов своего класса, то часто получается так, что художник как бы сознательно осуществляет такое назначение своего творчества. Еще говорят, что художник «не понял» того-то и того-то в общественном развитии, не рассмотрел таких-то процессов и т.п. Остается предполагать, что если бы он все «понял», как понимает его нынешний истолкователь, и все рассмотрел, что ему следовало рассмотреть в действительности, то было бы куда как лучше. Это, конечно, совсем не так.

Это все равно что предположить, что если бы Лев Толстой своевременно усвоил основы марксизма и принял бы точку зрения российской социал-демократии, то человечество имело бы в его лице еще более крупного художника, что оно сделало бы еще более значительный шаг в своем художественном развитии.

Несомненно, что возможности более полного в правдивости изображения мира художником расширяются, когда он постигает законы исторического развития, когда он с большей объективностью оценивает частные явления и факты жизни, видя их, как говорится, в целостной связи и взаимозависимости, угадывая в наличной сегодняшней действительности те ее стороны, какими она должна обернуться завтра, — словом, когда он обладает передовым мировоззрением.

Но дело, конечно, не в том, чтобы только художник был на уровне того передового понимания и видения общей картины действительности, которое доступно его современникам — социологам, экономистам, политикам.

Б<унин> (по самой природе своего реализма) из тех писателей, для которых определяющим запасом их жизненных впечатлений, навыков видения действительности, самых задушевных пристрастий является запас, приобретенный в детстве и ранней юности. Это его главное богатство, которое очень скоро распознал в себе и не только не стремился уйти от него или пренебречь им, но ревниво оберегал, пополнял и расчетливо расходовал во всю свою долгую жизнь. В этом его сила и известная ограниченность.

Разнообразная, пестрая, многоликая картина русской пореформенной деревни и провинциального города предстает в его стихах, и в первую очередь в прозе, с редкостной достоверностью характернейших подробностей, бытовых, языковых оттенков — что называется, всех цветов, звуков и запахов. Мужики, господа, главным образом мелкопоместные, кулаки из бывших крепостных, забирающие силу, приторговывающие земли, леса и усадьбы своих еще недавних владельцев, мещане — торговцы и арендаторы барских садов, кабатчики, лавочники, городское и сельское духовенство, учителя, лесные сторожа, портные, сапожники, шорники, нищие и богомольцы, барышники и конокрады. Весь этот пестрый мир и разноликий люд пореформенной России наблюден и воспринят с необычайной зоркостью и памятью детских и юношеских лет, проведенных писателем в жалкой, разоренной до степени нищеты отцовской усадьбе, последней из промотанных им наследственных гнезд.

Эта зоркость и памятьливость особо обострена (у впечатлительного, начитанного)* обстоятельствами семейного разорения, неурядиц, унижительной бедности, ущемленностью тщеславного чувства своей родовитости, дворянской чистокровности. Нужно было видеть «князя во князьях» Ст<епа> Лукьяныча, похваляющегося своим достатком за чайным столом обнищавших владельцев усадьбы и залезающего ложкой в общую вазу с вареньем, неряшливого и самодовольного, чтобы так описать его.

Мотивы пресловутого «оскудения дворянских гнезд» задолго до Бунина звучали в русской литературе, но это оскудение еще скрашивалось живописной меланхоличностью де-

* Так у А.Т.: по-видимому, незавершенная вставка в текст.

довских аллей, тенистых парков, пустующих барских покоев, еще не утративших благообразия и хотя бы внешней сохранности. А здесь уже чаще всего аллеи повырублены, надворные постройки проданы на снос или пошли на дрова, в барских комнатах обшарпанные, отхлупшие от сырости обои, перекосившиеся двери, потолки в подтеках с дырявых крыш. Одной такой детали, как подставляемые в комнатах тазы и ведра во время дождя, более чем достаточно для показа «оскудения» в его крайней степени, когда все неблагообразие бедности уже прет изо всех щелей.

11.II.65. П<ахра>

Только что пришел с телефона — Оля читает № 1.

Еще к истории его выхода. В пятницу прошлую Абалкин через Д<ементье>ва забрал статью, и в субботу Маша привезла мне сюда подвальный оттиск, состоящий из двух отрывков (о 50-летию Октября и о «герое») ⁴¹. Сноска: ниже (выше, конечно, — раз сноска внизу) мы публикуем «некоторые раздумья автора о нашей литературе». Просьба прочесть и позвонить. Исправил «ниже» на «сегодня», «раздумья» на «суждения», одну опечатку — был в grippe, на телефон ходила Маша. Скучно приняли поправки и, конечно, в номере (т.е. в лит<ературной> стр<анице> воскресной) не было. Во вторник я позвонил Абалкину на тот случай, чтобы, если будут все же печатать, заменили жутчайший заголовок «Мужество жизнеутверждения».

— Не получило поддержки (т.е. не пойдет).

— ?

— Говорят, что нехорошо подводить редакцию «НМ» — уже февраль, а тут № 1.

— Бог с вами, но уж лицемерить в мотивировке ни к чему. М.А. [Суслов] уже вышел (из б<ольни>цы)?

— То-то, что нет.

Многострадальный,
Вымотавший редакторские нервы,
Вышел-таки сигнальный
Четыреста восемьдесят первый...

Дни на Комитете ⁴² — пустопорожние.

Убожество руководства (Тихонов, Анисимов), согладаясь в лице Романова, Кухарского ⁴³. Плутни Бровки, которые могут лишить Кулешова почти верной премии ⁴⁴. «Второй список» утвердился как премия II степени: раз был во втором — печатать, издавать, хвалить. Мих. Алексеев и Шемякин, конечно, не пройдут при голосовании и, скорее всего, не будут

допущены до бюллетеня, но им и второго списка за глаза достаточно⁴⁵. —

Начал писать Бунина — первые две странички, самое трудное — взять «слой». —

27.III.65. П<ахра>

21-го, в воскресенье, приехала Оля и сообщила, что звонил из См<олен>ска Павел: мать в тяжелом состоянии. Меня эта весть застала в недобром состоянии, которое длилось уже много дней (с первого дня съезда РСФСР, откуда я ушел с Гамзатовым)⁴⁶. Собрался с силами, побрился, помылся и на такси, пригнанном с шоссе Володей, вместе с Машей, Олей и Володей бросился в Москву. — Дозвонился до свояченицы Рыленкова Любови Антоновны, попросил сходить узнать, как и что. Сообщает, что да, больна тяжело, но немедленного выезда вроде и не требуется. Попросил утречком сходить еще раз, звоню в 10, она привела к телефону Нюру⁴⁷. Та недаром лет 30 проработала в больнице: приезжай. Решили было ехать вечером 22.III поездом (Маша с первой минуты решила ехать со мной — спасибо ей). Потом все же стал добывать машину (Кондратович), позвонил Поликарпову, который был уже озабочен моим состоянием и уже подсылал Кондратовича с предупреждением, что пленум через три дня⁴⁸ и т.д. Перед тем мне позвонил Галкин из Общего отдела — буду ли на пленуме? Я объясняю — так и так. Поликарпов предложил было написать письмецо в ЦК с объяснением, но потом не стал настаивать.

Выехали в 1.30. С Вадимом Мих. (?) Около семи часов были в См<олен>ске. — Она была в полном сознании, но прибыл ли я из космоса или никуда и не уезжал с загорьевских времен, для нее было, по-видимому, все равно. Лицо измученное, темное, губы запекшиеся, почернелые, руки такие худые, как будто перекрученные — потерявшие форму рук — конечности. — «Нет, детка, дело мое плохое». — Вот я и приехал, чтобы помочь и т.д. В больницу — нет и нет. — Подошла к ней Маша. [...] И ее узнала. Но, видимо, сообразила, что дела действительно плохи, раз мы оба здесь. — При ней уже несколько дней попеременно и вместе находились ее сестры, тетки мои Анна и Елена.

Мы с Машей отправились ночевать в гостиницу, шофер к Павлу. — Утром я пришел, она всю ночь не спала, была еще слабее. Последний раз она пробовала попить фруктовой воды (уже дней пять ни пищи, ни питья). «Вот попробуй жить, когда нос и рот зажаты». — Я опять про больницу. — «Ладно, сынок, хоть в больницу, хоть в овраг» (или мне так слыша-

лось). И будто притихла. — Я пошел в гостиницу, куда вскоре зашел ко мне Рыленков (спасибо ему за все). Ушел Рыленков, мы спустились позавтракать, поднялись — телефон. — Павел: — Ну, Саша, все. (Скончалась.) Мы бросились туда, она лежала в той же постели навзничь с плохо подвязанным подбородком (челюстью).

28.III

...в апреле

Березняки порозовели...

Костя, седой и редковолосый, со страдальческим недоумением в глазах, Павел с красненькими от водки глазами, неприятный, замученная Нюра («мы уж давно не едим и не пьем»), Надя, беременная, непрерывно плачущая по бабушке, забивалась ото всех то в один, то в другой угол, Маруся в стареньком тесном черном платье, сама вышла из больницы «на это время»...⁴⁹

Хлопоты. Медзаключение о смерти, подписанное доктором Валентином Мироновичем Мироновым (с которым я говорил по телефону, когда мама лежала у него в смоленской «кремлевке»)⁵⁰ на кожухе санмашины заочно (он-то не сомневался в исходе!).

Загс — отделы «браков», «рождений», а «смерти», как и положено, нет, — нет такой надписи. Девушки из «отдела смертей» («Ты видела когда-нибудь Тв<ардовско>го?»). Пох<оронное> бюро, навесившее уже замок на свою дверь, когда мы подъехали (за костелом). Черная машина, смиренная просьба — открыли, выписали еще полдюжины бумажонок, квитанций. Кладбище в глубоких сугробах. Могила отца. Замок на двери сторожки. На обратном пути — прихрамывающий старик с раздвоенной декоративной бородой — сторож. Говорун и хитрец, смело вставляющий научные слова в самые простые фразы. «Володя» — могильщик с золотым зубом во рту. Гробовщики («надо ждать»). Музыка и речь Брежнева на встрече космонавтов в репродукторе мастерской⁵¹. Сырые дощечки неокоренного леса, халтура.

1.IV. П<ахра>

Дня три подряд были совсем весенние, утренние, легчайшие морозцы, матовый ледок над лужицами, под которым — проткнешь палкой — пустота, ни капли воды, и хрустит под ногами почти как стекло, только слабое, хрусткое и не жесткое. Асфальт на наших «аллеях»⁵² все шире выходил

из-под снега и уже подсыхал за день. Вчера же с ночи был малый снежок, сегодня погуще, и похолодало, но за лопату или метлу браться нет смысла и охоты — и так все стает.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону домой⁵³.

Это, кажется, последнее, что пела при мне мать, и в прежние времена не помню, чтобы пела эту старинную-престаринную песню. Вторил ей Дементьев (это было у Кости — в наш приезд лет пять-семь назад)⁵⁴, а я даже и пристроиться не мог — такая она сложная, многоголосая песня. Не помню и дальнейших ее слов — то ли речь идет о девке, стремящейся на тот берег, то ли о несчастливой замужней, задумавшей побывать у матери или совсем убежать к ней от злой доли. Не могу восстановить — и уже не восстановить! — ни одной строчки на голос, но помню, что напев был необычайной щемящей горечи и печали. И теперь она для меня сливается с маминым концом, точно она в страданиях болезни и немощи просится уже совсем по-другому «на тот берег». Перевези меня...⁵⁵

6.IV.65. П<ахра>

Чуть было вновь не сорвался (ссора с Машей по поводу «смоленских денег» — я не хотел в первый же м<еся>ц после мамы сократить пенсию сестрам), но бог уберег.

Прочел — и это было необходимо, одной памятью когда-то читанного не обойтись, — прочел «Жизнь Арсеньева», ч. 4-ю. Сегодня приступаю к статье (есть 6 страничек, набросанных до). Дело покажет, но буду стараться не впасть в «научно-монографический» стиль. Это — «Несколько слов об Ив.Бунине». Но в то же время сюда нужно вместить все необходимое: и основные черты биографии, и характеристику Б<унина>-художника, и соц<иально>-клас<совую> природу его творчества, и его «границы», и, наконец, его значение сегодня с точки зрения насущных и острых задач нашей лит<ерату>ры (язык, мастерство, экономность, культура русской прозы).

Покамест читал «Арсеньева», вдруг с отчетливостью увидел, как у меня все изготовилось для написания «Смерти деда» — м.б., первой главы «Пана Твардовского»⁵⁶. И начало, и конец, и середина — и во всем узелки дальнейшего повествования. Дай бог!

*Пятница. 20. V.65. Кунцевская больница,
хирургическое отделение, палата 566*

С прошлой субботы здесь. Выдержал атаки десятка докторов, щупавших мои ноги и все поджилки, взиравших на мою раскорябанную морду (сегодня уже только у правой брови струпик), в т.ч. невропатолога, заставлявшего меня пальцем то правой, то левой руки, при закрытых глазах, попадать в кончик носа, с чем я отлично справлялся, и невролога, нагло начавшего было допрос, сколько я зараз могу выпить водки — этого я осадил и выдворил мягко, но твердо... Со вчерашнего дня ноги мои закутаны в плотные ватные завертки выше колена, с масляными марлевыми и пергаментными прокладками. И так я буду (должен) сидеть и лежать неделю! Дальше нужника ходу нет. —

Дед умирал по ту сторону печки, где он лежал на своем «полу» — ногами ко входной двери⁵⁷. — Как трудно описать простую обстановку избы с двумя этими «полами» по обе стороны печки! Нет, это не при запеленутых ногах и не при такой жаре и не за этим столом.

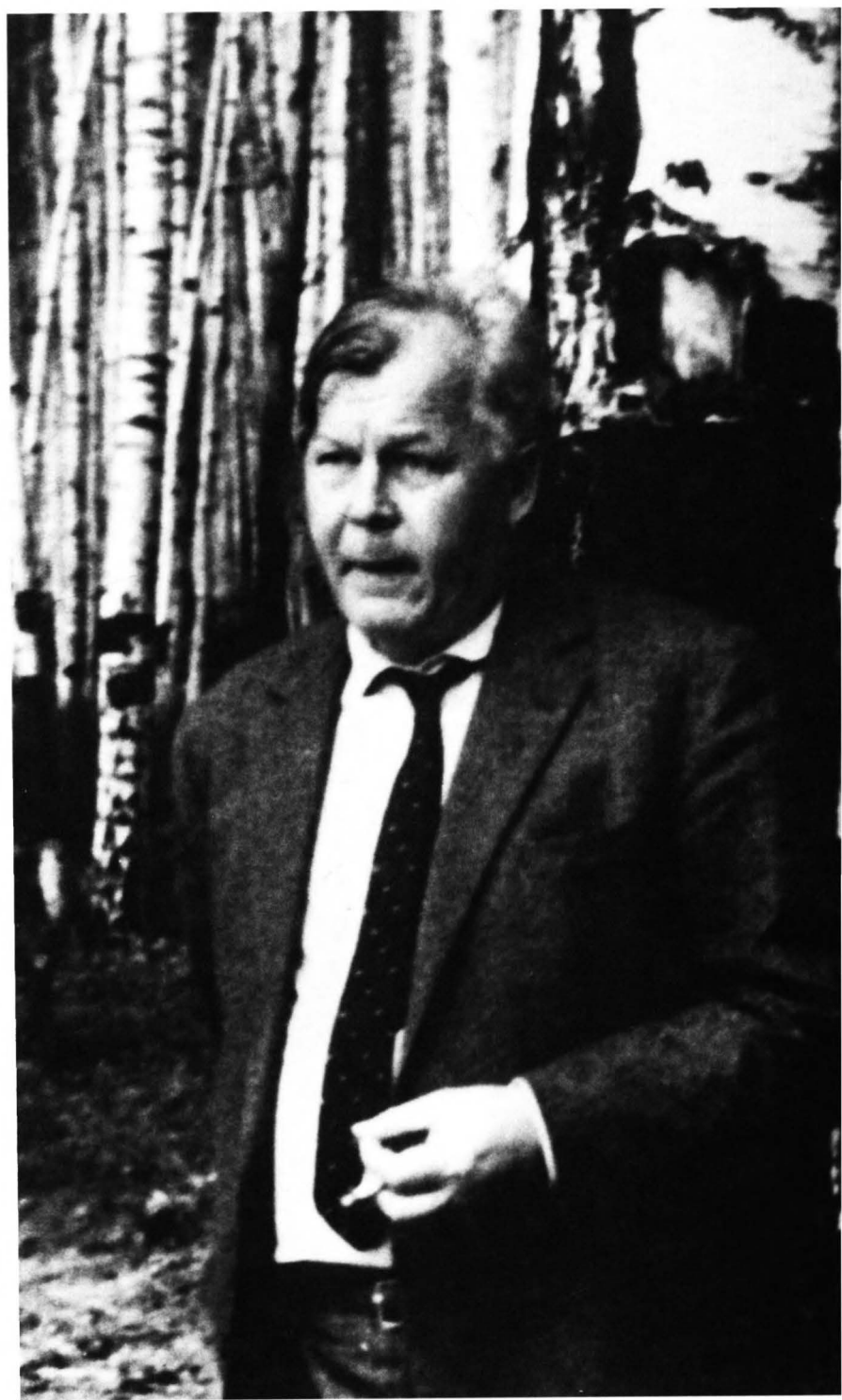
Незаконченного Бунина округлили Дементьев с Лакшиным, но я прочел — нет, нужно работать, доводить, но здесь это выше, пожалуй, моих сил.

22. V.65

Неделю здесь. За окном лучшая, нежнейшая пора неполного листка, первой зелени, первых майских гроз и дождей. Когда случалось пропускать весну, не посадив ничего, как нынче, — даже ракитовые палки, что принес из лесу, остались валяться на дровосеке — это оставалось укором на весь год, по крайней мере — на все лето — до осени, когда можно восполнить это упущение.

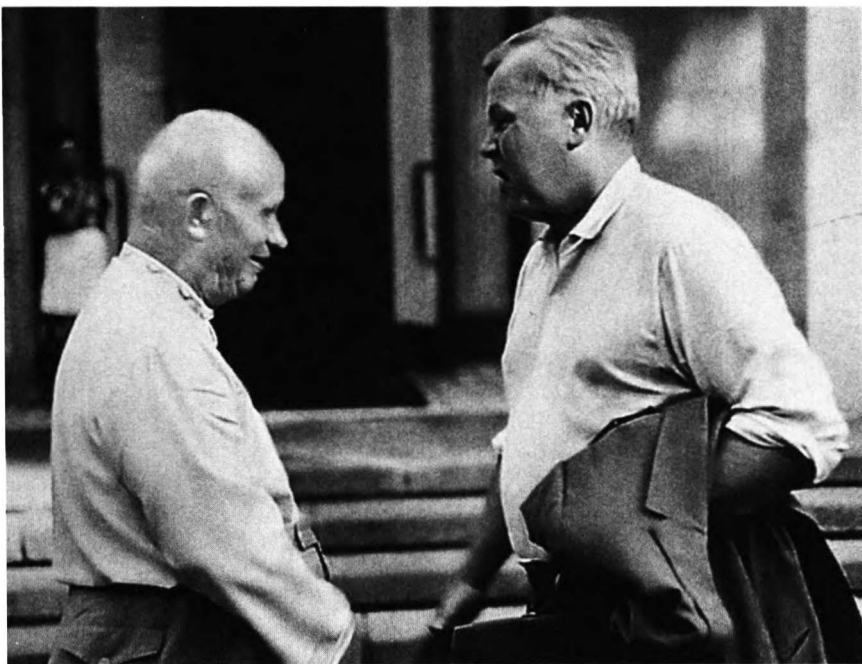
Ноги горят в этих целебных онучах. Помню, что мне, бывало, помнилось, как я не любил быть спеленутым в младенчестве, — м.б., я переносил на себя то беспомощное сопротивление, какое оказывали ручонки и ножонки младших, когда их пеленали.

Грустно-то грустно, но это все еще далеко до настоящего худа, — Маша здесь лежала с ногами в такой упаковке две недели, да еще в ожидании ножа. Я все же хожу по комнате, хожу в нужник и умывальник, у меня телефон, стол (после вчерашней перестановки все так удобно — свет слева, кровать в углу, обеденный столик отдельно). Обжился. Впереди — Барвиха. За Барвихой, если все пойдет по-доброму, — Сибирь,

А.И.Солженицын
у подъезда
«Нового мира».
Середина
1960-х годов

Н.С.Хрущев и А.Т.Твардовский в Пицунде в дни,
когда решался вопрос о публикации поэмы
«Тёркин на том свете». 1963

Твардовский и М.В.Исаковский (справа) на юбилейном собрании по случаю 1100-летия Смоленска и 20-летия освобождения города от немецкой оккупации. 1963

В аварский аул Цада Твардовский приехал, чтобы вручить Расулу Гамзатову Ленинскую премию. 1963

Слева направо за столом сидят: Твардовский, Г.Н.Чухрай, И.Л.Андроников; крайний справа – В.П.Некрасов. Италия, 1962

Б.А.Ахмадулина, А.А.Вознесенский, Твардовский; крайний справа – Р.И.Рождественский. Париж, 1965

Твардовский и Е.А.Евтушенко встречают на аэродроме американского поэта Р.Фроста. 1962

На Симпозиуме европейского сообщества писателей.
Слева направо — Твардовский, А.А.Сурков, М.А.Шолохов,
К.В.Воронков. Ленинград, 1963

С женой Марией Илларионовной. 1963

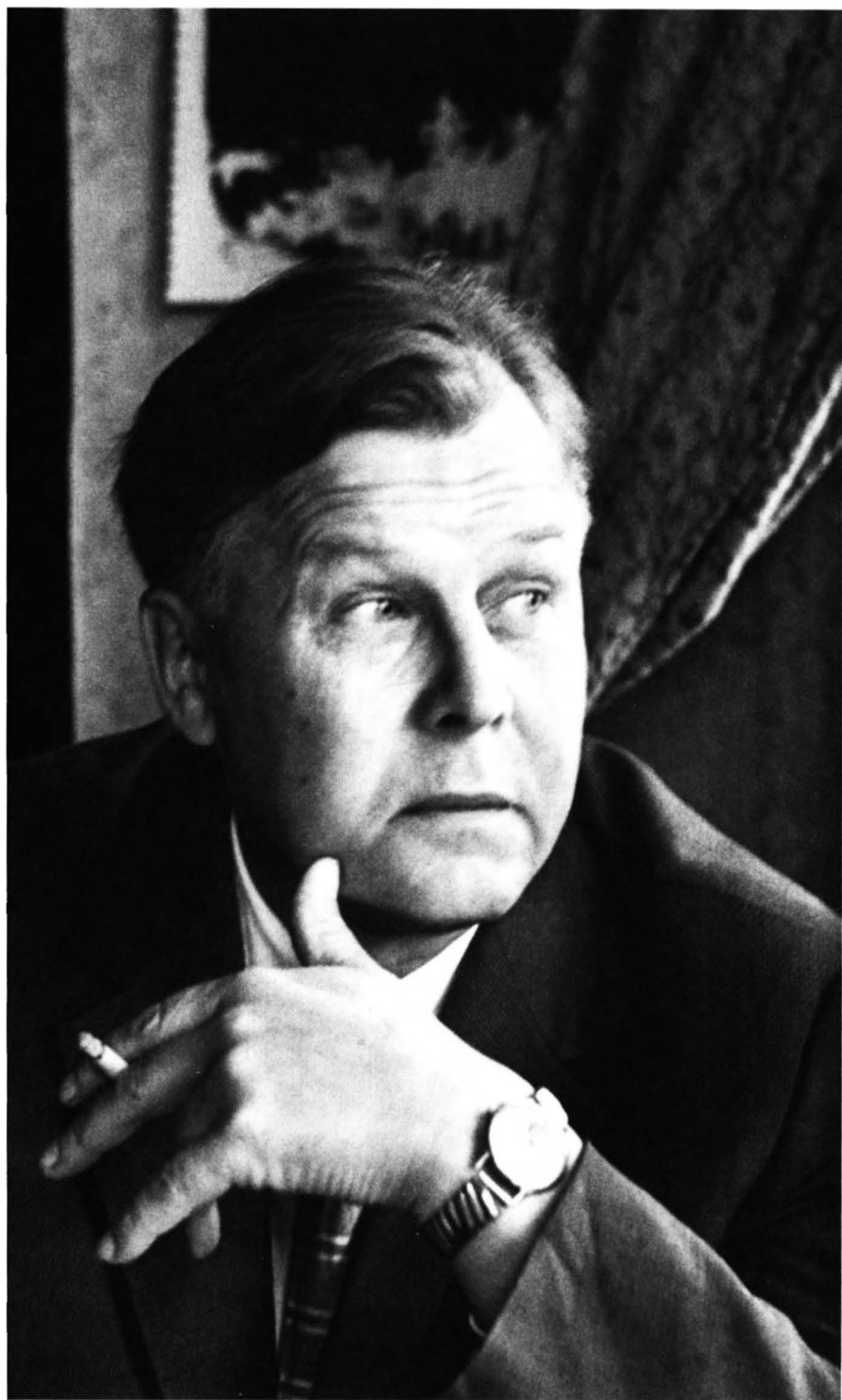
На похоронах матери. Смоленск, 1965

Дача Твардовских на Пахре. 1964

С художником
О.Г.Верейским.
Пахра, 1966.
Фото М.Озерского

поездка по Амуру до океана, — еще жизнь, жизнь. Здесь (или в Барвихе) доделать Бунина.

А стыдные и горькие воспоминания о моих скитаниях по поселку, о посещениях дачи Костюковского и др. — из них шубы не сошьешь.

Следы моего ужасного низвержения с этой дурацкой лестницы прошли почти начисто, — теперь-то перильца сделаю, так или иначе.

Страшная вялость, несвобода от этих онуч на ногах, никакой «письмоохотливости», как выражался А.И.Тургенев, кот<орого> читаю здесь⁵⁸.

23.V

Третьи сутки будут в 1 ч., как я в этой обуви. Ничего, действительно, ко всему можно привыкнуть, приноровиться, хотя сегодня ночью принял снотворенку, боясь не заснуть больше из-за тоскующих ног.

Потихоньку возвращаюсь к тому, на чем остановился в работе над Буниным. Между прочим, перечел здесь его воспоминания и убедился, что теперь уж все, что я ни читал, если к делу, то нужно перечитывать — с одного разу не застревает в памяти.

Прочел дементьевско-лакшинский «монтаж» и хотя по-прежнему рад, что хоть в таком виде было сдано Гослиту, чтобы успокоить Акопову⁵⁹ относительно реальности, но, конечно, статью нужно доводить. И как всегда, когда решаешь, что по мелочам не покроешь всех изъянов и слабизм, что нужно делать по-настоящему, стало на душе легче.

Я пойду дальше моих редакторов, счищу решительно всю описательность, изложенчество, цитатство, кроме необходимого и небанального, сгущу речь, сокращусь, елико возможно, сделаю достойно, без школярства и претензий на «диссертацию», что одно и то же, в сущности.

Сегодня у меня никого не будет — машины нет, да я и просил, чтобы не приезжали — пусть отдохнут.

№ 5 «НМ» задерживают из-за нашей подборки писем по Вучетичу, собственно, из-за письма историков Гефтера и др.⁶⁰

Всего на сей день поступило 103 письма — для статьи, для такого особого разговора это более чем значительная цифра. Из них 45 — копии отправленных в «Известия» писем. Вполне естественно предположить, что всего писем

«Известиями» получено куда больше. И молчат, мерзавцы, плевать им на глас народа, — какая это подлость, как подумаешь! Полная чиновничья безответственность в отношении этого самого «народа», от имени которого они вещают, — ответственность только перед тем, что «сверху», хотя, кажется, уже были и были уроки того, что сверху может исходить и глупость, и невежество, и гужеедство*. Нет, дело не только в том, что «сверху» — это тот слой, которому все это по душе, и без «прямых указаний» он, этот слой, берет в данном случае на себя догадку о том, что к чему и что почем. Валя говорит, что Гефтер или кто другой из этих трех историков звонил в «Известия», как, мол, с нашим письмом. Отвечали грубо и раздраженно: статья Вучетича правильная, никаких писем (нет, это мне говорил Кондратович и называл этого известинца: Гольцев)⁶¹. Иногда изумляюсь и пугаюсь: как наш журнал живет да еще карабкается на какую-то ледяную гору и что-то нет-нет да и выдает при таком крайнем неблагоприятестве и даже ненависти со стороны «верха» или «полуверха», во всяком случае, со стороны вышеназванного «слоя». Тяжко, мучительно, иной раз сил нет, но, объективно говоря, можно гордиться такой долей.

Читал здесь А.И.Тургенева (впервые, боже мой, как глубоко и непоправимо уже мое невежество, впервые узнал, что это за фигура в истории), и вот из него цитата к случаю:

«Вот ссылка из французской книги: "Критика состоит в том, чтобы предчувствовать в настоящем приговоры грядущего. Она пророчество и потому преимущественно современна". Это не противоречие, а, по-моему, глубокая истина. Пусть критик угадает, отыщет в настоящем то, что подтвердит в нем и потомство, и тогда, оказав услугу современникам, получит он право на признательность тех, кои после нас его читать будут; между тем, как то или те, к коим он прилагал общие истины, останутся только в сих приложениях и будут обязаны ему своим постыдным бессмертием» («Хроника русского»).

24.V

— в 1 ч. дня будет четверо суток позади. Остается трое.

Набросал планчик добавлений и вставок в статью. Должно быть, так подгуляла память за три недели дурного состояния, что все кажется, будто я это все писал, чего нет в машинописном полном экземпляре. Оказывается, я думал толь-

* Гужеед — кучер (*бранное*). В окружении «Нового мира» гужеедство — определение крайне правых националистов-почвенников.

ко вписать все это. Так можно дойти до того, что будешь считать, что написал целую книгу, а она только в грезах.

Не дай бог.

Вчера неожиданным образом навестил меня Тендряков (с розами от Маши) и Закс с Саррой Юльевой — нарциссы, вобла, шоколад⁶².

Вставки и дополнения к статье о Б<уни>не.

1. К месту о переписке Б<уни>на с Горьким.
2. Искусство, мастерство как средство классового самоутверждения Б<уни>на.
3. После «музыки» о поэзии стихотворной (Б<уни>н> о прозе и поэзии).
4. О языке.
5. Эмиграция. Набоков⁶³. (Родину можно покидать лишь ради нее.)

25.V.65

Сегодня пойдут шестые сутки моим онучам на ногах. Послезавтра — разуваемся.

Жуткое дело, как глохнет память во время «экскурсий», подобных моей последней. Вчера я записал, что принимал продумываемое за написанное, а сегодня, нет, вспоминаю, что что-то писал из того, что сейчас наметил в планчике и что собирался здесь вписать. Перебрал опять папку и нашел подколотыми страничек десять, написанных вчерне, но не перебеленных и не сданных на машинку, а там все, что должно идти вслед за «музыкой». Стихотворная поэзия, мотивы «любви и смерти», даже цитаты из Толстого и Достоевского. И еще кое-что из машинописных обрезков, которые имел в виду вставить при дописании статьи. Нет, шутки плохи — нельзя!

Вчерашнее «водосвятие» Шолохова по информации моих дочерей⁶⁴. Странная вещь: 50-летие его было более волнующим и значительным, чем нынешний юбилей. А он, видимо, не прочь от таких торжеств после, в сущности, бездейственного 10-летия. Сколько он наговорил глупостей и пошлостей за это время и сколько он непростительно промолчал, когда молчать нельзя было, за эти годы. Кто он и что он сейчас — трудно сказать. Сверхмерная прижизненная официальная слава — и явный отлив популярности подлинной, — слава по инерции. Умрет — великий писатель, а пока жив — шут какой-то непонятный. —

26. V.65

Ужасный разговор по телефону с Поликарповым. Одно это «надо лечиться» никогда не забуду. Таким хамом он давно уж со мной не был, да вряд ли и был когда. Попытался его поздравить с 60-летием и наградой (говорят, орден Ленина), он даже спасибо не выдал из себя.

— Сами себе устраиваете трудности и дергаете нервы тем, кто волею судеб должен быть здесь (на его посту). — Захотели лезть в драчку, нужно было (не помню, — что нужно было, кажется, «посоветоваться»)⁶⁵. — Почему твои заместители тревожат болящего (!)?

— Да ведь я сам им звоню, — у меня ноги забинтованы, а голова не забинтована.

— Хотите эстетические законы устанавливать, а кто чуть против, так сразу его...

— ?..

— Нельзя же каждый номер журнала проводить через отдел.

— Да ведь она (цензура) не задерживает и не разрешает, а просто держит — на измор. Вот повесть Тендрякова держали недели и ни единой запятой не поправили⁶⁶. Как это называется?

— Не знаю.

По глупости у меня сорвалось в отношении Вучетича словечко, обычное в своем кругу, — подонок⁶⁷.

— Я бы выбирал выражения, когда говоришь о товарище по партии, — и пошел, и пошел.

— Ну, словечко сорвалось, но зачем же ты так обрадовался?

— Я не такая сволочь, какой ты меня считаешь, и т.д.

— Я никогда тебя не считал и т.д. Ну не хочешь звонить (чтобы только они решили, наконец, — да или нет), не звони⁶⁸. Всего доброго. — На том и закончился разговор, в течение которого он сказал, что, поправившись, я должен пойти «куда следует» и выяснить раз и навсегда вопрос о том, как и что в дальнейшем.

— Да, говорю, надо, журнал не моя вотчина и не мой только интерес моральный или материальный и т.п.

Словом, звонить ему я больше не буду ни при каких обстоятельствах.

«По выздоровлении», действительно, пойду выяснять отношения к Демичеву, по крайней мере, с заготовленным в кармане заявлением.

Подборку чит<ательских> писем придется, по-видимому, снимать⁶⁹.

Т<аким> обр<азом>, ничего нельзя, пожалуй, хватит. Но я уже настолько терт, что не делаю этого немедленно, но исподволь готовлюсь.

Уж после Барвихи, после кое-каких торгов по линии собр<ания> соч<инений> (редактор уехал в отпуск), после, м.б., даже поездки на Дальний Восток. Но уже не видать иного выхода. Сейчас, конечно, вновь задержат Булгакова, а затем, почти наверняка, Семина⁷⁰.

Сегодня вставлял в статью «Любовь и смерть»⁷¹. — Вчерашнее письмо Бабореки, прочитавшего гослитовский экземпляр⁷². Он думал, что что-нибудь вроде Паустовского размажу⁷³. — В общем, задача оказалась не такой простой.

27. V

Вот оно, это знаменитое место из «Детской болезни», кот<орую> я когда-то читал, но уже кроме общего представления ничего не осталось, по статье А.Севастьянова в сегодняшней «Правде»⁷⁴.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

С тех пор, как были написаны эти строки, прошло 45 лет — почти полвека, еще «полувековая история неслыханных мук и жертв» и т.д.

Страшно подумать, что, выстрадав эту единственно правильную революционную теорию, Россия испытала за этот 45-летний срок вовсе не единственно правильную революционную практику, стоившую слишком дорого. А теорию тем временем затянуло илом догматики, формализма и гужества. Что еще впереди, — кто знает?

И еще: «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, "трещины" между врагами, всякой противоположности между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии — внутри отдельных стран, — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни гро-

ша в марксизме и в научном, современном социализме вообще... И сказанное относится одинаково к периоду *до* и *после* завоевания политической власти пролетариатом»⁷⁵.

Хоть бы они затвердили себе такие цитатки, перечитывая их изо дня в день, вдумываясь в каждое слово, и делали практические выводы в своей деятельности. Но все еще осложняется тем, что и этими поучениями нельзя пользоваться без разрешения начальства.

Наращиваю статью, вклиниваю в нее целые разделы, в воскресенье, м.б., закончу. Она будет иметь много лишку, но она явно богатеет содержанием. А из большего малое сделать всегда можно.

Прочел Р.Кента — малоинтересный и наверняка малоталантливый американец⁷⁶.

Читаю «Дневники» Гонкуров — прелесть⁷⁷.

30.V.65. Кунцевская б<ольни>ца

Первый день третьей недели, как здесь. Третьего дня сняли с ног вату, отмыл ноги, хорошо спал, но уже, похоже, спать без носков не могу. Вчера первый раз за все время вышел на волю (в халате), походил с часок по асфальту, которым разлинован по квадратам этот мелковатый, подзаболоченный лесок — береза, осина, изредка дубок — «парк» с посаженными вдоль асфальта липками, ясенями, а по краям «кругов» и яблонями (лет 15). Осина везде сводится — стволы на полметра от земли зачищены вокруг, чтоб усыхала, не давая своей неистребимой поросли. Вряд ли здесь следует начисто сводить осины — «парк» просто лесок смешанный и хорош именно своей полудикостью, четко размежеванной канавами, дорожками и проезжими линиями асфальта. Ему только нужно вырасти — это будет лет через сто, стать старым, тенистым, когда он и посаженные теперь липки придут в соответствие с этим огромным главным корпусом и другими зданиями. —

Вчера закончил вчерне наращивание статьи вклинениями из пахринских набросков, переписанных наново, и здешних добавлений. Добавляется в целом около листа, но сделаны и изъятия из Дем<нтьевско>-Лакшинского «варианта». Пожалуй, в «инвентарном» смысле уже все, но много лишку, видного еще до машинки. К приезду моих подготовлю рукопись, чтобы завтра на машинку. Как эта работа скрасила мое здешнее затворничество — я что-то делал. И так хорошо, как бы ни отнеслись к этой доработке, что я опять не смирился

с халтурным округлением незаконченной очевидным образом вещи. —

Заходит ко мне Вл. Сем. Лебедев. Он очень болен, думаю, не без воздействия крутых перемен в его жизни, очень похудел, стал разительно похож на Пospelова⁷⁸ (я сказал в шутку об этом, оказывается, это сходство отмечалось и ранее). Увы, он пишет рассказы, «слабые», как он сказал со своей рассудительной интонацией, — точно он такую задачу себе и ставил. Вспоминаю, что он признавался мне в писании стихов — даже печатался когда-то, — но ведь столько лет он писал доклады Н. С-чу [Хрущеву] и всякое такое, что может наглухо отучить от литературного письма. А этот человек мог бы потихоньку написать книгу, конечно, без расчета на опубликование в ближ<айшие> годы, которая хотя и уступала бы ненаписанной книге Поскребышева в сенсационности, но смело могла бы рассчитывать на перевод на многие языки — ведь история этого десятилетия — тоже не написана. —

Дочитываю первый том Гонкуров. — До смешного знакомы заботы второй империи об отражении ее действительности в искусстве. Романы отклонялись издателями из-за «слишком мрачного тона», вышедшее в свет критиковалось за «клевету на...». Печать кричала о росте благосостояния «низов», о жилищном строительстве и т.п. Гонкуры мучительно переживали век буржуазности, укрывались в убежище своего идеализированного XVIII века, но сами были детьми этого буржуазного века: жажда славы, выдвижения, нужда в деньгах, разгоряченное тщеславие и т.п. — Романов их мне вряд ли придется читать, но Дневники дают им право на долгое еще присутствие в истории литературы. —

1.VI.65

Вчера весь день и сегодня утром читал верстку военгизовской книги «Тёркин. Военная лирика», около 450 стр. Читать было необходимо: освободиться от плохоньких, по инерции переиздававшихся стихшков («Мать героя», «Письмо» периода фин<ской> войны и «Будь с веселой шуткой дружен» — Юго-Зап<адный> фронт), и хоть экземпляр был правленный — пришлось много поправить путаницы, опечаток и даже так, по существу строк. В письме к главреду прошу о переверстке книги, чтобы главы «Тёркина» со спуском — каждую с новой страницы, как и стихи, а разделы стихов обозначить шмуцтитулами.

«Тёркина» читал без всякой скуки, хотя отчетливее, чем раньше, видел его слабизны в отдельных местах (но

фальши — нигде), даже какие-то два-три словечка поправил, — в целом впечатление простоты предельной и в то же время некоей «неразгаданности» этой вещи, той таинственности, которая присуща подлинно художественным вещам. Признаюсь, читал немного и глазами Бунина, и было приятно, что, казалось бы, он не мог не заметить этих слабизн и много противопоставленного ему решительно, — но он не захотел отмечать этого, будучи подкупленным той подлинностью, что заложена тут⁷⁹. Боже мой, этой вещи уже почти четверть века, она живет, и вряд ли я уже смогу ее «перекрыть» — разве что в прозе повезет. Книга эта (Военгиз) кончается обрывом 1961 г. — дальше у меня нет стихов, только «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>». Что я делал эти годы? Журнал, душевные смятения, семейно-бытовое напряжение, водочка-мамочка, заботы дачные и прочие. Мало, мало, мало.

Сейчас заходил с лечащей Вал<ентиной> Михайловой профессор (?), кот<орый> сказал, что «от добра добра не ищут», и, кажется, меня отпустят в Б<арви>ху.

2.VI.65

Вчерашнее посещение меня проф. Гуляевым, кот<орый> в первый раз говорил свое «петушиное слово» о необходимости бросить курить, осмотр левой, лучшей моей ноги и заключение: от добра добра не ищут, отмена блокад и бальзам<овых> повязок, согласие на Барвиху. — Встреча еще с одним знакомцем по «воле» — Потаповым Кириллом Васильевичем из «Правды» (должно быть, на пенсии) и его слова о Пятигорске и работающем там старом враче Петелине, — настроение и куда более искренняя вера в пользу лечения там, чем в Барвихе. — Сегодня буду советоваться с лечащей Валентиной Михайловной.

Жуткий рассказ В.С.Лебедева о «неврологическом» корпусе, здешнем, откуда вчера как-то выбрался его приятель, попавший туда по незнанию, что это просто-напросто психиатричка (замки, сантиметровое стекло окон, отсутствие ножей и вилок, «смотровые» двери, через которые ведется «наблюдение», и не двери, а как будто даже стены стеклянные и т.п.). Вспоминаю, как я однажды, привезенный туда коварной или глупой Лидией Дмитриевной [Морозовой], бежал бесповоротно из приемного покоя, когда узнал, что свой бритвенный прибор мне брать с собой нельзя, — сообразил безошибочно⁸⁰. —

Еще один знакомец — Соколов Алексей Гаврилович, б<ывший> зам<еститель> пред<седателя> Смоленского облисполкома, здесь с тем же делом, что и я, но в другой ста-

дии. После того, как впервые побывал здесь, одиннадцать месяцев не курил, и вновь закурил здесь, когда вернулся сюда с ухудшением.

В этом м<есяце> мне исполняется 55 лет. Из них чистых сорок я курю, не пропустив ни одного дня, а для точности сказать, пропустив лишь один или два дня, когда лет 15 назад проф. Фогельсон нашел у меня прединфарктное состояние и велел немедленно бросить курить (с той поры я перешел на сигареты). Все, что я не только написал, но и прочитал за этот срок (40 лет), — все с дымом, не говоря уж о том, сколько я выкурил всякой табачины за время «дружеских бесед», похмельного одиночества, всяческих ожиданий «решения судьбы», а она столько раз «решалась» у меня. — Если бы был поставлен вопрос о выборе — с чем одним остался бы доживать век — с вином или куревом, то никаких колебаний не могло бы быть, — вино баловство до поры и только на некоем этапе — отчаянная необходимость, осознаваемая всегда как временная, а курево — мне никогда искренне не хотелось бросить курить. И какими пустыми и казенными кажутся мне эти советы — бросить курить, — я не так наивен, чтобы надеяться в моем возрасте на перерождение всей психофизической своей природы и думать, что брошу курить и забуду весь этот 40-летний «опыт» самоотравления, буду жить и писать без горя. Известно, что люди, воздерживающиеся 10 и 15 лет от курения, способны вновь закурить без всякого «втягивания», а так, как будто и перерыва не было. —

Из скупых рассказов Вл. Сем. [Лебедева]: первое время Н.С. [Хрущев] очень «переживал», просто плакал горячими слезами, постепенно только утих и, м.б., смирился. «Все это было полнейшей неожиданностью». О нынешнем положении говорит как о переходном-временном. «Дальше хуже будет, все будет». —

Вычитывая военгизовского «Тёркина», обнаружил два-три случая нарушения закона онегинской строфы — чередования мужских и женских окончаний при переходе из четверостишия (двустистишия) в четверостишие (двустистишие). В «Переправе»:

...Переправу обеспечим... — 1-я строка след<ующего> двустистишия (четверостишия) должна быть мужской, а у меня:

— Доложил по форме, словно...

Но — странным образом — это здесь не только не плохо, но, наоборот, как-то даже выгодно для паузы. Можно было бы заключить «доклад» Тёркина мужским двустистишем, примерно:

Не останемся в долгу,
Разогнемся. Смерть врагу!

или даже лучше:

И ударим по врагу,
Не останемся в долгу.

Но, нет, во-первых, эта глава слишком популярна, чтобы в нее втискивать что-либо новое, а во-вторых, хуже, облегченнее, — «переправу обеспечим» — лучше, потому что речь идет лишь о первой неотложной задаче, а не о том, как дальше дело пойдет. —

И в главе «О потере»:

...Перетертой, как костра*,
Спят бойцы, кому досуг...

Можно было бы:

Толь ночевка, то ли дневка —
На походе остановка —

но плохо.

Плоха концовка гл<авы> «Тёркин—Тёркин»:

Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

Несколько строк с рифмовкой через строку, но они не портят — то в силу внутренней озвученности, то просто так, — народный слух принимает такую рифмовку, не отмечая ее недостаточности. —

Вчера привезли новую машинопись статьи о Бунине — 62 стр. Уже не читая, вижу, что опять придется многое переместить, опустить и усилить. Самая большая беда статьи, что она так ли, смя ли сбивается на описательный, монографический план, в то же время неся в себе явные черты «вольного» изложения, эссе. Отсюда — безграничные возможности ее расширения, и все равно о многом будет сказано кое-как, скороговоркой, чтобы только «заткнуть щель» — сказать «и об этом».

6. VI. Кунцевская б<ольни>ца

Вчера было три недели, как я здесь. Если бы не занятия статьей, версткой военгизовской книжки, почтой, — какими долгими показались эти три недели. А так — прошли, как один день.

* Костра — кора растений, сорная трава.

С грустью думаю, что еду не домой, а еще в одно заведение, где опять неизбежные осмотры, анализы, по крайней мере в первые дни. — Сам напросился на еще одну «блокаду», — жаль стало Валентины Михайловны, лечащей, которая была как бы отстранена последним заключением проф. Гуляева. Если успею сделать еще одну — это уже будет «курс». Если бы правая нога была, как левая, о чем бы и толковать. Но правая — при ходьбе ли, при сидении ли за столом — потихоньку, но непременно начинает не помещаться в ботинке. Это давно замечалось, я уже считал, что просто у меня правая нога больше, как и правая рука.

Прочел Ив.Вольнова⁸¹. Чтобы по достоинству оценить Бунина в изображении деревни и мужиков, стоит заглянуть в «Повесть о днях [моей] жизни» этого «оппонента» Бунина, противопоставлявшего свои писания «Деревне» и др. вещам последнего. Небо и земля!

Бунин при всей своей «беспощадности» в силу художественного такта избегает давать деревенские мерзости в натуре — непосредственной картиной. Барский бык, ободраный живьем мужиками мстительной потехи ради — он бегаёт за «сценой», о нем мы знаем по изустной передаче героев — это м.б. так, а может, и не совсем так было, слух, легенда, — правда, достаточно характерная, но не прямое утверждение автора. Иванушку, «ошалевшего от долголетия», действительно сживают со свету в семье («Ай мне на похороны?» — спрашивает он у невестки, разваливающей пироги) и торопят со смертью. Но история о том, как гроб заготавливают для такого же старика в семье, а он не умирает и тем навлекает на себя нарекания за расходы, — эту историю Иванушка лишь *вспоминает* применительно к своей участи. И о том, как одноворку любящий ее муж «уступил» барину с ее согласия за «целых три воза ржи», мы узнаем только с ее слов, это тоже «за сценой». —

У Вольнова же все «ужасы» — и истязания жен и детей пьяными мужиками, причем речь идет об отце героя, и купанье барина Осташова (во время погрома усадьбы) в проруби, и езда загулявшего мироеда Шаврова в телеге, запряженной бабами и девками, и всякие смертоубийства, и калечение, и забивание насмерть лошадей, и все такое прочее — все в натуре, в непосредственной картине. Но странная вещь: вот, казалось бы, свидетельство из первых рук — автобиографическая книга писателя из народа, крестьянского сына, причем книга явно полемически заостренная именно против Бунина, который «лаптей не носил, сена не косил», которого Вольнов ставит в один ряд с неким Родионовым, «черносо-

тенцем и подлецом»⁸², казалось бы, вот уж где правда. Ан нет. Только еще большее, чем у Б<унина>, нагнетение «всего этого». И мало того: впечатление подлинности, реальности описываемого ослабевает: не жалко убитых, — их убивают, как на сцене, как бы «понарошку». И неприятно это стремление удивить, поразить, рассмешить крайностями дикости, глупости, потери образа человеческого людьми деревни (мать, которая ест муку до того, как испечь детям лепешку, невестка Шавровых, заглатывающая в погребке сырое мясо)⁸³.

У Б<унина>, между прочим, почти все приговоры и проклятия «идиотизму» деревни высказываются не им самим, а братьями Красовыми, кулаком-миroeдом Тихоном с озлоблением и ненавистью (которых Б<унин> не может разделять — [как и] его кулацких взглядов) и Кузьмой, интеллигентом-самоучкой, «автором» — с болью и отчаянием.

В статью, если удастся, добавить в верстке:

1. Вольнов — Б<уни>н — Горький.
2. Стихи — «Одиночество» и «Сонет»⁸⁴.
3. Б<унин> о Куприне, о «беллетристических» наклонностях его.
4. Портретное мастерство Б<унина>.
5. В заключение — о самооценке Б<унина> (я был неплохим моряком)⁸⁵.

Из почты: копия письма члена Партии с 29 года Баженова Николая Петровича, москвича, грамотного, сознательно идущего на такую акцию, как это письмо в Президиум ЦК, в котором говорится о противоречащих ленинским нормам действиях ЦК и Президиума. Такого раньше не бывало, как не бывало и остроумия на эту тему («Нет повести печальнее на свете»)⁸⁶. По-видимому, пенсионер. У нас, вообще, два слоя людей мыслящих, тревожащихся, взыскующих града: молодежь и пенсионеры. Первые еще не втянулись в каждодневную карусель практической службы (план, срок, установка); последние вышли из этой карусели, подводят «на покое», куда они принесли, если говорить о «служилом классе», известные обиды, ущемления, — подводят итоги, пересматривают оценки, понятия, возвращаются к исходным в своей жизни представлениям и понятиям. —

Г.П.Владыкин, зам. министра культуры «по театру» («я же когда-то работал над Островским» — так и не доработал), увидел 5-ю книжку «НМ», просил, как дети сладенького: дайте до пон<едельни>ка. А я его отлично вижу на месте нашего цензора.

7. VI. Б<ольни>ца

Вчерашний стишок, придуманный вдруг вместе с еще двумя невышедшими.

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как он ни глух, крутой бетон, —
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут — не примирится, —
Ей не по нраву взаперти:
Чуть отвернись, как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной
Прорвется, — прахом все труды, —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

И почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
Там стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз⁸⁷.

Вполне может быть поставлено среди других лучших. Думал о заключ<ительной> строфе, где было бы сказано, что и все в наш век на белом свете — требует неусыпного бденья. Но, пожалуй, не нужно.

Жаль, что явно «из-под себя» — «прахом все труды» и «сталью проплетенной». Но так давно не писал стихов, что хоть как-нибудь нужно начать, чтоб «расписаться».

В укромном тихом городке
Провинциальной заграницы,
Где и сама война ступала
Своей неполною стопой...⁸⁸

Газон с утра из-под машинки,
И на асфальте мостовой
Уже обвялые травинки
Теряли тонкий запах свой.

И запах тот, сенной и росный,
Был по проспекту разнесен.
Земля свои иные весны
Едва припомнила сквозь сон.

Когда на месте этих зданий
Лесная глушь ее была,

Был сенокосный угол дальний —
Большого людного села.

Давно для шумного квартала,
Где этот запах разнесло,
Далеким пригородом стало
Большое людное село⁸⁹.

Не вышло.

Лес, разделенный на кварталы — и кварталы города — м.б.

Какою мукою мученской
Отмечен был твой жребий женский⁹⁰.

Я не то что грущу — это хуже, чем грусть⁹¹.

Вл. Сем. [Лебедев] с новой и новой стороны (его болезнь, сознаваемая спокойно и мужественно; достоинство, с каким он не захотел «капать» на Н.С.[Хрущева] и переходить на другие роли в том же «аппарате», его обнаруженное только вчера трезвое понимание и оценка завихрений Н.С.). —

8. VI.65

Послезавтра переезжаю в Барвиху, м.б., выехав завтра, заеду переночевать на дачу, посмотреть, что там и как, — хотя очень не хотелось бы встречаться с кем-нибудь, отчитываться.

Озабоченные тем, как выглядит наше положение в отражении, гораздо больше, чем самим положением, мы крайне преувеличиваем подверженность нашего соц<иалистического> человека негативным впечатлениям. Мы оберегаем его от печальных воспоминаний, от картин минувшей войны и предположений насчет будущей; от 37 г., от «Культового колорита» («Правда» от 7.VI — «встреча с писателями»)⁹², от сообщений о стихийных бедствиях, от мыслей о болезнях и смерти. И все это из предположения, что дай мы ему все это в «отражении», что содержит жизнь, не подкармливая мы его выборочными впечатлениями, он разлюбит советскую власть, не захочет строить коммунизм, не станет выполнять планов. Но как раз такая «педагогичность» пропаганды средствами искусства, печати и т.д. способна нормального человека довести до крайнего раздражения. Неужели она так слаба еще,

полувековая власть, что опасения за нее владеют нами неотступно? —

Пробую второй раз «Перевозчика-водогребщика», но дальше четырех строк этой песни не взялось еще настоящему, хотя какая-то композиция стихотворения намечается. —

Вчера вечером гуляли с Вл. Сем., сойдя с асфальта за канаву по тропинке в неподчищенный березовый лесок, вышли к круглой поляне, где у одного края какая-то [нрзб.] — было что-то когда-то. На свежей вырубке (что? зачем?) палили костер на головешках дневного костра. —

Говорил о Маршаке-сыне.

9.VI.65

— Только что снял за 25 дней самую неприемлемую для меня униформу — пижаму с бескарманными штанами, — постоянно чувство, что ты без штанов — ни платка, ни спичек не положить, — постоянно открытая шея и грудь...

Прощусь с Фединым и Лебедевым, вызову машину — и на Пахру. Завтра — Москва, сборы, покупки, м.б., ботинки, и Барвиха. Болезнь — не болезнь, но притишиться там вне зоны непосредственной досягаемости — при всех обстоятельствах — на пользу. —

Утренний набросок:

Осока по обочинам
Асфальтовых дорожек.
Лесок подзаболоченный
Решеткой огорожен.

Больших домов порядками
Застроен в стиле новом,
Недавними посадками
С проспекта окантован.

И в те места низинные —
Грибные, травяные —
Вступает гарь бензинная
И запахи иные⁹³.

Лечащей — Вал. Мих. Горбуновой подарил «Василия Тёркина» — очень обрадовалась, говорит, хотела свою книжку принести для надписи — постеснялась. —

Набросок «Перевозчик-водогребщик» до Б<арви>хи.

10.VI.65. Барвиха

Вчера приехал в Пахру в 2 ч. — не стал обеда дожидаться, — и, подобно солдату в краткосрочной побывке, спешил как можно больше успеть по хозяйству. Окопал и удобрил научно две яблони — осенней посадки, — которые не успела присмотреть Маша. Всадил в землю у забора, где «проем», три ракитовых кола, из тех, что принес еще по снегу из лесу, — они выбросили ростки, лежа на дровосеке, но комли у них уже очень были суховаты и, хотя я отрубил их, вряд ли возьмутся — поздно. Полил все вечером и утром сегодня — встал еще до четырех. Подчищал, обрезал, в частности — рябину у крыльца оставил из двух стволов, отростки в тросточку толщиной убрал, распялил распорками кроны, чтобы не на один бок; палил дурной хворост — осина, бузина с прошлого года; городил вокруг прошлогодней компостной кучи загородку, чтобы было куда класть нынешнюю прополочную траву. Словом, едва успел побриться. Хорошо — шофер был Петя (Петр Дмитриевич), отправил с ним Машу отсюда прямо в Пахру. Маша только и держится тем, что на воздухе, и в тишине, и со своими садово-огородными утехами — как они ни изнурительны для нее физически. Оля — как всегда в последние дни перед экзаменами — истощена, измучена головными болями, комнату свою превратила в какой-то малярный и даже столярный закуток, городят там с Володей своим какие-то сценические ящики. Худа, бледна, на губах сыпь — то ли простуда, то ли худосочие какое. — Так мы опять порознь. Мне-то внешне спокойнее всех — из одного заведения с отдельным нужником в другое такое же да без больничных звуковых и обонятельных эффектов. Но только внешне. Журнал лежит: одно сами снимают, другое велят согласовывать с о<тцом> Поликарпием, который на звонки Кондратовича просто не подходит — ему что, если ж<урна>л опять в прорву запоздания уйдет с головой, — хоть вовсе не выходи, даже лучше⁹⁴. А там, говорят, Троепольский верещит со своими малыми реками, но иных, чем я, инстанций избегает, как все⁹⁵. А там Овечкин⁹⁶, а там почта (вчера обрадовался как, что нашел «тетрадь» с вырезками «басен и песен» некоего инженера М.Киселева, кот<орый> закидал запросами о «тетради». А то не тетрадь, а самодельное издание — переплет и пр., и на титульном — дарственная мне подпись!). А там Сок<олов>-Мик<итов>⁹⁷ — слепнет окончательно и т.д.

Планы на этот м<еся>ц минимальные, подготовить и сдать пятитомник, резервируя, конечно, «досыл», но сейчас — для калькуляции — хотя бы так-сяк. Но чтение военгизовского томика показало, что нужно и остальное все читать,

править, резать. Никаких «юношеских», ни спереди, ни сзади. Из ранних взять, что терпимо при наличии даты, остальное — допребудущих времен. — Взял сюда на прочтение «Дн<евник> пред<седателя> колхоза», — Буртин настоятельно советует включать в прозу Собрания. Склоняюсь к тому; он же посоветовал включить забытый мною рассказ «Заявление» — выправленная и обработанная мною запись одного из участников вечера воспоминаний в Рибшеве в 1931—32 гг.⁹⁸

11.VI

Хорошо, даже лучше в этом «полулюксе», чем в самом люксе, где я жил один и с Машей. Там уже несколько угнетала лихва удобств. Здесь — как раз: большой стол, балкон с плетеными креслами и лежаком, серыми от времени и непогод, отдельная ванная и нужник и даже телефон, который поставили, едва заикнулся.

Пора та самая, в которую я приехал сюда впервые 15 лет назад, самое цветение либо отцветание — сирень, красностовольная черемуха, дикие и садовые яблони, рябина, бульденеж (?)*. Если случится попасть сюда еще через 15 лет, я уже буду вроде Федина. Не так далеко. Но нельзя сказать, чтобы эти минувшие 15 лет прошли для меня незаметно и совсем бесплодно: «Дали» (уезжая сюда, помню, оставил Симонову для «Литгазеты» отрывок, по-газетному наскоро мной озаглавленный: «За далью — даль»)⁹⁹, «Т<ёркин> на том свете», стихи, речи, статьи, «Новый мир» по первому и нынешнему заходу¹⁰⁰, — весь я, насколько я определился в глазах многих как некоторое явление не только внутри литературного круга, — все это именно в эти полтора десятилетия. Правда, таких «полуторок» у человека не так много, в лучшем случае я могу надеяться еще на одну такую¹⁰¹, но она уже вряд ли будет более продуктивной, хотя и прожитый период нельзя считать особо плодотворным, — один читатель так и пишет, что, мол, у тебя же всего четыре поэмы.

Из мыслей от чтения гонкуровских дневников (половину 2-го тома не дочитал, забыл на даче при переезде из б<ольни>цы сюда). —

Он настолько принадлежал литературе, принадлежащей всей в целом духовной жизни человечества, что увлеченно пополнял ее страницы в старости хотя бы наблюдениями за собственным угасанием, приближением смерти, так что она сама по себе его не пугала.

* Бульденеж — декоративный кустарник.

Еще в б<ольни>це слышал анекдот (или не анекдот) о Хрущеве, который наладился шефствовать над соседним с его дачей колхозом, наставлял и поучал, что там стали утаивать от него время собраний, т.к. он очень их затягивал своими выступлениями. И еще рассказывали, как одна баба, которую он чем-то попрекнул в поле или просто надоел ей, послала его матерком. Сюжет!

Все не соберусь записать, как я с годами стал любить, вернее — ценить сон, отдых, постель, когда спится. Что-то есть у Т.Манна об этом очень умственное и изящно-основательное — вроде того, что человек в постели как бы обретает тепло и покой, какими он пользовался в утробе матери, и даже любит принимать позы, скрючиваться, как зародыш. Но еще больше я люблю утреннюю свежесть, ясность головы, охоту жить. И боюсь, просто содрогаюсь от одного представления о тех моих пробуждениях, когда ни лежать, ни встать не мило, и все же встаешь, спеша и одеваясь наскоро, чтобы не лежать, а с отчаяния дернуть куда-нибудь из дому, где единственная душа живая, не прощающая тебя и сама страдающая, спит честным сном усталого, заслужившего отдых человека, — дернуть в дальнейшее наращивание беды и отчаяния пополам с короткими «отпусками» облегчения и болезненного оживления. —

Заметно стал забывать имена, и названия, и много чего. С некоторым усилием удастся еще вспомнить то то, то другое, но худо, если это войдет в привычку. —

Была врачиха лечащая, она по специальности невропатолог, — отсюда известный уклон в расспросах и пр. —

12.VI. Барвиха

Утром до прогулки (из строчки, пришедшей, когда поднимался в 4 ч. — потом заснул, боясь, что забуду):

Есть имена и есть такие даты,
Что, время как ни силится забыть,
Они, как были, остаются святы,
Их никакой заменой не избыть.
И славословья музыкой фальшивой
Не размагнитить в праздничные дни, —
Они из буден в будни в мире живы
И за чредой годов не молчаливы, —
Устами правды говорят они¹⁰².

М.б., не очень ясно, что-про-что, но как будто ничего.
В предыдущей тетрадке под датой 8.XII.63 (Барвиха же)
стишок явно близкий сегодняшнему:

Хоть в меру принятых приличий
Она у века не в тени:
Ее цитировать — обычай
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне,
Большой иль малой — все равно,
Она на полке персональной,
Как бы на пенсии давно.

Она в чести. И не жалея
Немалых праздничных затрат,
Ей обновляют в юбилей
Шрифты, бумагу и формат.

Поправки вносят в предисловья
Иль пишут заново, спеша.
И сохраняйся на здоровье, —
Куда, как доля хороша,
[...]
Она ль от нас с тобой отстала
Иль мы с тобою от нее¹⁰³.

И еще было что-то об излишней заботе о забвенье после излишней заботы о бессмертии (как сбивали, выкорчевывали здесь в Б<арви>хе «маленького Сталина») — не нашел, а хорошо помню — было в какой-то тетрадке¹⁰⁴.

13.VI

Нашел в клеенч<атой> тетрадке:

Дробится рваный цоколь монумента,
Взывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Труда неблагодарного залог.

Но как сцепились намертво каменья,
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье —
Она таких достойна ли трудов?

Все, что бывает сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том, что камень — только камень, —
Ни славы нашей, ни бесславья в нем¹⁰⁵.

К этому же «пучку» относится и набросанное в 63 г.
«Сын за отца не отвечает» — там еще много работы¹⁰⁶.
Другого настроения набросок того же года:

Тот шум раздумчиво-сонливый
Доньше в памяти живой,
Как молодая, до налива —
Ходила рожь над головой, —

Он был сродни совсем другому,
Как в несравнимой вышине
В вершинах сосен смутный гомон
Вещал о чем-то в полусне.

И эти два родные шума
Иной порой, в краю ином
Как будто отзыв дальней думы
Я распознал еще в одном.
(шум моря)¹⁰⁷

А это жизнь моя шумела, что впереди еще была.

(Кунцевский набросок)

Перевозчик-водогребщик
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону домой.

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Не откуда — все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той родной сторонки,
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой —
Деревенской старины.

Там, где годы молодые
Я оставила свои.
До тебя еще на свете,
А и ты уже седой.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,

Если девка выходила
Замуж на берег другой.
[...]
Не дозваться, не добратся
На родимый берег тот.
Да и мать — она поплачет
И назад [уж не] вернет.
Давней молодости слезы —
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозки
В жизни видеть привелось.

Как в тридцатом увозили
Из родимой стороны
В арестантском эшелоне
Без суда и без вины...

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
В тех снегах осталось много
В зиму первую людей.

Но была она с тобою,
Песня старая жива,
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик...¹⁰⁸

Вчера был дождь с утра, и сегодня второй раз проснулся — дождь. С отрадой впиваю живительность этих по-летнему теплых дождей вместе с моими яблонями осенней посадки, особенно с той, что едва-едва проснулась, и теперь, м.б., сурово «отредактированная» мною с помощью секатора и пилки, оклемается, и ракитовые колышки авось укоренятся. —

Самое неприятное, что могло меня здесь ждать, — ждало: пошел в первый день на общий телефон, там говорят, жду-жду, — выходит Кочетов, идет прямо на меня, я на него смотрю, он на меня — ждет, что я первым поздороваюсь, но я так опешил, что не сделал этого, и он, уже проходя мимо, чуть ли не на ноги наступая (я в кресле напротив двери кинозала), выдал «здравствуйте». Я ответил. — «На лечение приехали?» — «Да, на лечение». — «Это хорошо». — «Что же хорошего?» — «А что?» — «Хорошо, когда лечиться не нужно». — «Это тоже верно». Этот глубокосодержательный диалог исчерпал все возможности дальнейшего общения. Видел его еще несколько раз, однажды с Веркой [...] (нагло оглянулась на меня) и сыном, приехавшим его навещать. — Покойный Маршак — и тот говорил, что встреча с этим человеком в коридоре — на полдня неприятность¹⁰⁹. —

14.VI

Втягиваюсь в здешний ритм и распорядок. Время до утренней прогулки — от 6 до 8 — я определил было для стихотворных упражнений, но уже второй день из-за дождя затягивается мой досып после того, как просыпаюсь и встаю по надобностям около четырех, — сегодня встал в начале восьмого. С 9 до 10 — прогулка и душ. 10—11 — завтрак, уколы и врач, 11—13 ч. — за столом. Затем до обеда — процедуры: массаж и либо ванна, либо «бурдик» (для ног). После обеда прогулка более длительная, малый отдых на диване с задремом минут на 15, до 21 ч. — за столом, после ужина либо кино, либо чтение, перед сном прогулка. Сплю при открытой балконной двери. Раздражает обувь, — легкие замшевые полуботинки не во всякую погоду — чувствительны к сырости. Новые (45 размер) неловки и опять тесны, хотя мой № 43 и хотя сам мерил эти ботинки в магазине. Шмыгал сегодня по мокрой лесной траве, пока не замочил ноги, м.б., «раздадутся».

О памяти. Замечаю во время работы над «Бунным», что с одного прочтения ничего вскоре в голове не остается, только второе действительно.

Второй день вычитываю новую верстку статьи (вновь набранную) и правлю, черкаю, но больше наспиговываю дополнительными вставками. Возможно, что еще раз придется сделать новый набор, — это уж безобразие, а все от спешки умеренной требовательности редакторов. —

15.VI

Как будто закончил вычитку и правку статьи, она пестрит вклинениями вставок, правкой на полях, перемещениями. Просто устал, а еще нужно бы внести такие моменты, как:

1. Подлинность Б<уни>на (отчасти о том, что говорит Степун о нем, если откинуть его религиозно-мистическую муру), его неподверженность, нет, противоположанность всякой литературщине, «беллетристике», моде в противоположность Куприну, — по высказываниям Б<уни>на о Куприне.

2. Б<унин> и западная лит<ерату>ра (Гёте, Байрон, которого он переводил, но я сейчас не перечитывал и не склонен предполагать там какие-либо откровения), Шекспир (Гамлета переводил, но, кажется, так и не перевел), Т.Манн (через него, пожалуй, в Б<унине> слышится Гёте, «В.Мейстер» в «Арсеньеве», хотя единственно, что известно, — что Б<унин> читал «Смерть в Венеции» [Томаса Манна] — что

натолкнуло на замысел «Г<осподина> из С<ан>-Фр<анциско>» («Смерть на Капри»), и отзывался о ней весьма сурово.

3. «Бестипье» Б<уни>на (по Ф.Степуну — в соответствии с его концепцией о том, что Б<уни>на пишет людей лишь как часть природы, космоса, вечности и бесконечности)¹¹⁰.

4. Мелочь: черезстрочная рифмовка у Б<уни>на.

5. Правомерность самооценки Б<уни>на («Завещание» и рассказ о мопассановском моряке, водившем яхту М<опасса>на — «я был хорошим моряком»)¹¹¹.

Но, пожалуй, это оставляю до корректуры гослитовской.

Звонила Валя, говорила о своей работе над предисловием к собр<анию> соч<инений> Кропоткина¹¹². — Вот мы какие с ней почтенные авторы, особенно — она.

«Художник всегда изобразитель. Высшая форма изображения та, что способна на успешное соревнование с действительностью, т.е. на такое одухотворение вещей, которое делает их для всех нас абсолютно живыми. На своих вершинах искусство всегда кажется совершенно внешним. Чем больше оно погружается вовнутрь, тем оно ближе к падеению».

Эти слова Гёте из «первого отдела» «Максим и рефлексий» приводит Ф.Степун в статье «Иван Бунин»¹¹³. Слова эти если и относятся к Бунину, то лишь в смысле близости его искусства к упадку. —

Но вообще, статья, если отмыслить ее заоблачные выкрутасы, написана, как у нас давно уже не пишут — свободным, ясным и сложным языком, с яркими, непривычными формулировками и характеристиками, [например] «скорбно-восторженный круг», в кот<ором> вращается поэзия Б<унина> (любовь, смерть — смерть, любовь). Почти все, что есть у Степуна, сказано, так или иначе, и у меня, но стиль моей статьи, даром, что писатель, а не критик, куда скучней, казенней — множество обязательных оборотов, излишних оговорок и т.п. —

16. VI

Утреннее:

Как неприятно этим соснам в парке,
Что понизу расчерчен в их местах,
Там-сям вразброд лесные перестарки
Стоят они — ни дома, ни в гостях.

Прогонистые, выросшие в чаще,
Защиты лишены своей лесной,

Под зимней стужей и жарой палящей
Стоят они наружу голизной.

Как стертые метелки, их верхушки,
Редеют в небе под стволом нагим.
Иные похилились друг на дружке,
И вновь уже не выпрямиться им.

Еще их дух смолистый благодатен,
Но, при обходе в мартовскую рань,
Обстучает одну, другую дятел
И бодро заключает: дело дрянь...

Должно быть, много краше и достойней,
Как выстояли век стволом к стволу,
Так на миру одной дружиной стройной —
Однажды — враз — под жаркую пилу¹¹⁴.

Пустячок, но что-то есть в смысле пейзажа молодых городов. Все собирался записать как-нибудь эти барвихинские сосны.

А по опушке бывшего леса — престарелые сосны иные — в полтора-два обхвата, с могучими, в толщину этих вышедших из чащи стволов, сучьями, нередко с вершинами в виде лиры (макушка сломана, два сука, огибающая пенек, выравниваются кверху). —

Вчера был Лакшин, посмотрели только мои вставки да его переставки (и отчасти Д<еменьть>ва). Предложенные им купюры принял с облегчением. Но все так перепахано, что дай бог раскопаться.

17.VI

Утреннее:

[...] Но намечается несколько вещиц «Памяти матери»:

1. «Перевозчик».
2. Рожденный под елкой¹¹⁵.
3. Весна без нее.

И м.б., еще что-нибудь, и что-нибудь выйдет достойное ее памяти. В сущности — это речь о себе, обо всем самом дорогом в этом мире — что от нее у меня.

19.VI.65. Б<арвиха>

Прощаемся мы с матерями
задолго до крайнего срока, —
Еще в нашей юности ранней,
еще у родного порога;

Когда потеплее носочки
для нас выбирают их руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
родных извещаем по почте.

И карточки им посылая
каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
заочно любить им невесток.

Но полная степень разлуки
и с ними, и с юностью краткой,
Когда за невестками — внуки,
а там уже все по порядку.

До самого этого часа,
когда ты, родимый сыночек,
За гробом идешь, — седовласый,
и нет уже больше отсрочек...¹¹⁶

Помнится, были какие-то юношеские стихи об отце,
о приезде на родину, где отец

Не предлагает мне невест,
Он знает — сам найдешь.

(Не обсуждает мой приезд —
Приехал — ну так что ж?¹¹⁷)

Вчера приезжали Дементьев, Кондратович, Лакшин. Дела плохи, журнал как в блокаде. Есть слух, что будет стоять вопрос на идеологич<еской> комиссии. «Надо кончать» — такие слова будто бы говорил нынешний зам. Демичева Степаков, опубликовавший в «Известиях» статью Вучетича. (Отдыхающая здесь сотрудница «Известий» Любовь, кажется, Михайловна, фамилии не знаю, подходила ко мне выражать сочувствие по поводу этой статьи, напечатанной без ведома редколлегии и переживаемой «всеми в редакции» как стыдное дело, потрясая версткой нашей подборки читательских писем, так и не попавшей и в № 6)¹¹⁸.

Бессовестная подсказка Поликарпова (через третьестепенных работников отдела) мне и Симонову взять обратно наше письмо о «Театральном романе» Булгакова¹¹⁹.

Дементьев уже, по словам Лакшина, говорит, что он готов пойти на пенсию, Твардовский, мол, тоже не пропадет, а вы, молодые, как-нибудь перебьетесь. Лакшин шутит о себе: в конце концов могу намахать листов 30 об Островском (давняя его работа, к которой он остыл) да еще и докторскую получить¹²⁰.

Мы, четверо, т.е. я, Дем<ентьев>, Лакшин, Кондратович, — это и есть собственно редколлегия ж<урнала>, которой нечего уже терять, кроме журнала, — зашли далеко и глубоко. Но Марьямов и Герасимов, пожалуй, могут и при коренных изменениях оставаться на месте¹²¹.

Третьего дня — беседа с Палмом Даттом (по его настойчивой инициативе). Наивность: его вопросы он бы должен направить в иную инстанцию, — на такие вопросы я сам хотел бы получить ответы и разъяснения¹²². —

Оля сдала «костюм» на отлично¹²³ — рад за нее, радешенек, м.б., не меньше ее самой.

20.VI.65. Барвиха

Завтра мне исполняется 55. «Это много», — записал в «Дневнике» Эд.Гонкур по поводу 50 своих¹²⁴. Правда, в 70 он помышлял прожить еще лет десять для осуществления своих замыслов. Эта книга, кстати сказать, так полна темы возраста, смерти, что при моем «обостренном чувстве» этого дела я иногда испытывал такое приближенное к своей плоти и духу дыхание этой неизбежности, что старался не оставаться долго с этой приближенностью. Все вспоминается, как мать говорила о самочувствии в ее возрасте: тоскли-и-во. Казалось бы, я уж «отписался» от этой темы в статье о Бунине, ан нет — это только те обязательные слова, которые положено говорить по этому поводу.

Книга Гонкуров интересна, полна тонких характеристик и наблюдений литературной жизни и явлений искусства, но мне чужда их тенденция отгородиться от большой общенародной жизни барьером литературы, мастерства, «артистизма». Собственно, натурализм для них (для Эдмона) не более как их «жила», которую они застолбили и разрабатывали в целях самоутверждения в искусстве, в целях бессмертия. Как жалки самонадеянные апелляции к XX веку, который поймет и вознаградит их за недооценку их первооткрывательской роли в XIX в. Много, слишком много мелочной заботы об этом. Как это противно, когда писатель в старости говорит, что прекращает писание из опасения написать хуже прежнего, — мыслимое ли дело такая своекорыстная озабоченность мастерством при наличии необходимости высказаться («не могу

молчать!»). В книге этой много жизни, автор интересен как персонаж ее, но читать их романы ни малейшего позыва. Ограниченность чисто «французская» в недоброжелательстве к русской и скандинавской литературам с их идейностью, «политикой». Очень мелки и Доде, и Золя, и сам Гонкур в сравнении с нашими, — дельцы, себялюбцы, буржуа¹²⁵.

Прошелся с огнем и мечом (это слишком громко) по «Сельской хронике» — много опустил стихов, решил и раздела «Юношеские» не делать — взять из ранних лишь самые памятные. Как много в ней («Хронике») навязанного временем. Еще и остались там, — м.б., еще выброшу, — такие напряженно-«идейные» стихи, как «Сын к отцу прилетел попрощаться» или «Дорога». Много сохраненной стихи, в которых была какая-то моя личная необходимость, какой-то отголосок непредуказанных настроений. Каким, например, фальшивым довеском к «Братьям» выглядит сейчас вторая половина стихотворения. Сколько я потратил сил на «подворачивание» себя, своей биографии, своей сущности к требованиям и понятиям тогдашних лет. Но без этого «подворачивания», пожалуй, не было бы меня, а был бы вроде Рыленкова (но все же лучше) певец родных перелесков и всяческого «разнотравья».

В «Муравии» восстанавливаю выброшенные еще в первом издании две строфы из «кулацкой свадьбы»:

Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.

А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, —
Милицейские ребята
Выводили под руки¹²⁶.

Вчера на утренней прогулке завязались строчки этого пустяка для «Зап<исной> кн<ижки>»:

— В живых-то меня уже нету,
Забытой старушки такой.
Как есть — в отпуску с того света, —
Зато благодать и покой.

Гуляй себе, житель вчерашний,
На лавочке сядь, посиди.
Мне даже и смерти не страшно —
Она, как и жизнь, позади.

И чем же мне худо? Не худо
Погреться на солнышке всласть.
А кто не мечтал бы *оттуда*
Сюда на побывку попасть.

Добро — ни забот, ни хлопот
И денег почти что не трачу,
А пенсийка тоже идет¹²⁷.

Неотчетливо.

«Завершается реконструкция здания Театра сатиры. И первый спектакль, которым "новоселы" откроют очередной сезон, — поэма Александра Твардовского "Тёркин на том свете"»... (Лит. газ. 3.VI.65).

Не верю, хоть Оля и передает (на днях со слов Б.Новикова), что уже первый акт отрепетирован и очень хорош и театр хотел бы мне показать.

21.VI.65. Б<арви>ха

Мне приятно, что, встав сегодня в первый раз в пять, во второй в семь, т.е. с досыпом, не вспомнил, не отметил про себя, что это день рождения. Только уже переставляя букет-цеоленьих рожек на столе (Оля), вспомнил и увидел на моем хоз<яйственном> столе между графином и термосом другой букет — белая сирень, пионы с бутонами и нарциссы (Маша) из нашего сада в Пахре (как будто здесь мало этого добра!). Вчера они приезжали, пробыли недолго, Оля торопилась к своим занятиям, да и это время прошло в моих излияниях по поводу козней, чинимых «НМ» инстанциями. Яблони все хороши, нынешние дожди их, говорит Маша, заметно ободрили, и даже та, «угловая», что еле-еле просыпалась, когда я заезжал на дачу, теперь веселей и веселей. Ракитовые колышки тоже, говорит Оля, ничего. Эти дождики им самая благодать.

Итак, — формально — до нынешнего дня уже пять лет мне было за пятьдесят, отныне под шестьдесят. Конечно, это уже где-то на середине второй половины жизни (в лучшем случае), но если уж так заплыл, то не назад же возвращаться — до того берега, откуда вошел в воду, уже куда дальше, уже не доплыть — остается тянуть до другого. — На этом оставим «гонкуровскую» тему. Долго человек кокетничает, «психологизирует» по поводу возраста, но ощущение его (возраста) невеселой и необратимой реальности несколько отстает, — однако постепенно выравнивается с ним. Хорошо бы, конечно, переживать старение, упадок сил, всяческие потери (волос, зубов и т.п.) как временное, хоть и горькое, со-

стояние — вроде временного пребывания вне партии с надеждой на восстановление. Но здесь это состояние предшествует (как в 37 г.) лишь еще худшему — в несколько большем отдалении во времени. — Но, чур, на этом точка. —

Правда ли, нет — еще один исторический анекдот. Н.С. [Хрущев] попросился на прием к Брежневу, тот его принял, в присутствии всех членов Президиума или части их, в готовности услышать какие-то признания, предложения общезначимого порядка. Но тот, говорят, попросил построить ему гараж (несколько машин — зятя, сына и т.д.), переселить его из городской квартиры в особнячок, повысить пенсию и переменить «Волгу» на «Чайку». М.б., думаю, он схитрил, увидев, что наедине с ним не хотят беседовать, но, м.б., так оно и есть, что иных забот у него уже не было. —

23.VI.65. Б<арви>ха

Записи отвлекают от прямого дела, — если утро ушло на какое-то дело, то уже трудно взяться за них.

Вчера была годовщина начала войны. Почти четверть века назад было такое же, как вчера, утро под Звенигородом, я сидел над уже задуманным, но очень туго шедшим «Тёркиным», — подумать, что осуществлением этой вещи я обязан этой ужасной войне. Но тем, что пережил эту ужасную войну, я обязан «Тёркину»¹²⁸. Счастливчик — можно сказать, но что же тогда сказать о Симонове, которому без войны не видать бы своего литературного «Клондайка». Но и война не сделала из него художника. —

Вычитал два тома (I и III). Как-то совпало, что переход из «под 50» в «за 50» совершился при пересмотре всего написанного мною, а я, так часто оглядывающийся на свое «наследие» мысленно, суммарно, теперь должен пройти и это: трезвую, один на один с самим собою оценку всего этого¹²⁹.

Многое «отболело», особенно в стихах, написанных с «мужественным» стремлением к «радостной теме», — были и такие понятия и «установки». Из «Сельской хроники» вымахнул полтора десятка вещей. Но еще остались там вещи, написанные тщательно, старательно, с затратой известных «запасов» моей «самобытности», но напряженные и конструктивные, сейчас помертвелые («Сын к отцу прилетел попрощаться», «Семья кузнеца» и др.).

В «Стране Муравии» до сих пор хороши главы зачина, — «Кулацкая свадьба», «Свояк», «Муравия», описательные строфы. Встреча с Бугровым, с попом. Попросту изумительна глава о Сталине. И вот что значит истинная непреднамеренность. Ведь глава оказалась напечатанной только

потому, что в ней Моргунок понимался как темный, смешной в своей психологии «последнего единоличника» мужичонка, — таким и я старался его представить («и шишки все еловые») ¹³⁰. Но теперь его «смешные» мечтания выглядят исторически вещими: не все сразу, не под один замах, дай «пожить чуть-чуть» — при земле, да при коне, «а там» — пожалуйста. И никто в литературе нашей не говорит так со Сталиным — это единственный случай «сближения житейской народной, мужицкой труженической мудрости с "догмой" сверху, с "революцией" сверху, по инициативе государственной власти» ¹³¹. И, казалось бы, глава архикультовая — с этим выдуманной мной «легендарным» мотивом разездов Сталина по стране, который (Сталин) первый раз выехал лишь на осмотр Беломора — памятника началу лагерного режима. (Где-то у нас лежит себе рукопись Витковского, инженера, который еще с тех пор начал «отбывание», с Соловков, а потом Беломорканала. Какая там картина прохождения парохода с писателями на борту мимо берегов канала, где стояли его строители, — картина, данная их глазами. Боже, какой символический парад «творцов-певцов», изготовившихся уже лгать по указке, умиляться и мудрствовать, и захлебываться ¹³².)

Не самое худшее в поэме «колхозная свадьба» — все же это отражение первого «медового» периода «колхозной зажиточности», когда еще не всё проели от экспроприированного добра, скота и т.д., когда еще не все настоящие землеробы разбежались, когда еще в народе жила иллюзия. Слабы и фальшивоваты главы о коне, «Верхом на коне на сером», «Тракторист», беспомощен финал встречи с Бугровым на базаре, а главное — натянута и фальшив Фролов, за которого меня больше всего хвалили, но которого сам я в душе отнюдь не считал лучшей главой, а только «необходимой». Фальшь в том, прежде всего, что такие «богатырские» семьи были семьями зажиточными и попросту кулацкими, беднота и всяческая пролетаризация начиналась с распада, разделов, ослабления таких «дворов». «Патриархальность» эта стала нравиться в литературе сразу же после того, как покончено было патриархальностью, благообразием в жизни. Приходит сейчас на память «патриархальность» (фальшивейшая!) в рабочем классе («Журбины») ¹³³, но сближение это нестерпимо для меня, — я фальшивил от чистого юношеского сердца, в самоотверженном стремлении обрести «благообразие» в том страшном неблагообразии и распаде деревни. —

«Дом у дороги» почти весь хорош по стиху, по тону, недаром его так кисло встретили, хоть и премию дали. Как мне

это памятно: «Что ты хотел? Образ женщины-героини?» и т.п. (Поликарпов — дурак, Кожевников — мерзавец (тогда сидел в «Правде»)¹³⁴.

Среди «Послевоенных стихов» есть превосходные — «В тот день», «Я убит подо Ржевом», — порядочно, — тот же «Разговор с Падуном», в котором слышатся отголоски «закрытого» тогда «Т<ёркина> на том свете», вплетенные в сибирскую фактуру (тоже и в «Моск<овском> утре» и в «Далях» — «Фронт и тыл»)¹³⁵.

Перечитывая «Дали», увидел, что последняя перепланировка по совету Дементьева была спасительной для этой книги, писанной в «две эпохи», рывками, толчками, порывами — с еле уловимой внешней связью отдельных частей. Так и осталась неловкость с образом «друга»: то это «друг детства», то Фадеев¹³⁶. Но уж исправлять поздно. Мыслится «Дополнительная глава» («Сын за отца не отвечает»), которая была бы сейчас еще одним антикультовым выходом в нынешней ситуации, оживившей в каких-то рядах и кругах тенденции к «реставрации» культа¹³⁷.

Вчера на утренней прогулке — косят круглый лужок, что справа от шоссе по дороге к мосту. Травой этой любовался еще накануне: одуванчики, высокие, жирные, еще не осыпались, а уже распустились ромашки — луг белый, молочный поверху, а понизу — дикий или подсеянный — клеверок и всякая «едомость». Косить — радость, попросил косу (дурную, с косовьем в оглоблю, тяжелую), прошел прокос. Гляжу, сгребают вилами траву в кучи, — оказывается, она пойдет в силос, — дичь, глупость такое сено губить. А ребятам — что? — ни малейшего хозяйского чувства, — смахнуть, спихнуть, выполнить норму. —

По двум-трем телеграммкам внизу узнали (Марья Ивановна) о моем — минувшем — дне рождения, поставили в комнате букет сирени. Да Валя еще привезла из внуковского нашего сада букет французской и венгерской. Да стоит бедненький букетик белой — из Пахры, что привезли Маша с Олей. Пиончик с нераспустившимся бутонем так и повиснул головкой — не распуститься ему, — понимаю, какая это жертва со стороны Маши.

25. VI

Вчера и сегодня утром:

Давным-давно, допустим, это было:

Дворами поредевшее село

Из той беды, из немощи унылой

За годом год подняться не могло.

Поля машинам уступили кони,
Но не рядилась праздником страда.
Смолкали песни, глохнули гармони
И женихи смывались — кто куда.

Затравенели старые подворья,
Навесы, пуньки — все пошло на слом.
И ни одной семьи, чтоб в полном сборе
Хоть раз в году сидела за столом.

Края родные, что же с вами случилось?
Какая непостижная судьба?
Не только юность, но уже и старость
На городские зарилась хлеба.

Казалось бы, какая в мире сила
Ее поманит от родных могил.
Давным-давно, допустим, это было,
Но ты когда в последний раз там был?¹³⁸

Это из старого наброска. Взвзвись за него, завернул
было в самую что ни на есть прозу:

Подумать только, что при нашей власти,
На нашей вольной и родной земле
Немыслимые странности и страсти
Творились год за годом на селе.

Вздыхали деды и смущались внуки,
Страде обычный подводя итог:
Казалось бы — ни шагу без науки,
А в зиму снова — зубы на поллок.

И не понять, казалось, в чем причина,
Все наставленья были хороши:
То пласт ворочай плугом в пол-аршина,
То в полвершка, то вовсе не паши.

И нынешняя заповедь вчерашней
С неспешным звоном шла наперерез,
То лес корчуй, для расширения пашни,
То огороды запускай под лес.

И шутка ли, что в той ржаной России,
Что хлебу поклонялась от веков,
На сено рожь зеленую косили,
Не успевая выкосить лугов¹³⁹.

И сельские домишки поисправней,
Размеченные плотничьим мелком,

Перебирались правдой и неправдой
В районный центр с шофером-леваком.

Из этого что-то может получиться, но, пожалуй, другим
размером.

Еще набегало днями, но что-то не то.

Мне памятно с детства неясные толки,
Что я по-иному, чем прочие дети,
На свет появился, — что я из-под елки:
Родился в лесу и прижился на свете.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки. Ну что ж, из-под елки.
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки, не трогают волки.

Такая особая выпала доля.

Мать —

Гребла на опушке сенцо молодое,
Пора подошла — далеко до постели.
И так принесли меня с поля —
С налипшей на теле еловой хвоей...¹⁴⁰

Кажется, записывал где-то этот рассказ мамы о моем
рождении именно под елкой. Налипшая хвоя — это ее сло-
ва, — иголки, иголки.

День облачный, но теплый, по-настоящему летний, хотя
нынче так все запоздало — не было теплой весны. Две по-
следние ночи — теплые, летние. Запах сена, там-сям подко-
шенного в парке у озера, вдоль дорожек. Запах сена — гово-
рят — как будто это один запах — их множество; хотя все они
запахи сена.

— Только что подкошенного с росой — это собственно
запах луга, только усиленный срезом живой травы, запах
травяного сока;

— запах обвялой в первой половине дня травы;

— запах подсохшего готового для сгребания сена —
в полдень и пополудни, в свежести вечера, в росистой свежес-
ти и прохладе ночи;

— зимнего сена, сена в стогу, в сарае, в сенях, в хле-
ву — пополам с запахом навоза. Еще затыкали кувшины
с крещенской водой клоком сена;

— окропленного дождем сена, даже скошенного луга,
где остались былинки и луговая «стерня» — после дождя;

— сгоревшегося в копне, пыльного, погибшего, гнилого
сена. —

Это по стадиям, а еще и по качеству, по роду травы: клевера — дикого и культурного, клевера с тимофеевкой, клевера первого года, который иногда подкашивают на подкормку — пополам с соломинками, жнивьем; сена молодой травы и травы перестоявшей, когда уже звенит звонец и лопаются стручки мышиного горошка; сена с заливного луга, с заболоченных лугов, особо — осоки и «двора», лесных трав — жирных, крупных — рябинник, медуница, «лапка», иван-чай и др.

Смотрел два вечера «Гамлета» (Пастернак) Смоктуновского¹⁴¹. Так себе. И перевод местами слишком модернизирован в языке. И как ни хорош С<моктуновский>, но уже очень одомашненный Гамлет, так «просто», тихо и скороговорочно можно говорить в соврем<енных> комнатах, но не в тех сводчатых покоях замка и не на площадке перед ним, не подгрохот натурального моря. — Прочел после первой серии пастернаковский перевод и, м.б., от кино-Гамлета не воспринял его, как когда-то, мельче и литературней.

Сегодня — «Гранатовый браслет»¹⁴², для ради взял Куприна, перечитал: мещанская вещица, чуть-чуть трогающая, не успокоительная, слащавая в конце концов. Почти знаю наперед, что будет из рассказа на экране, — не хитрое дело.

26.VI.65

Гулял по «большому кругу», проложенному по значительной части лесопарковых здешних угодий, любясь мощными и высоченными стволами елей и сосен, каких уже не встретить в иных, не охраняемых зонах, не могу отвлечься от перенятой у отца практически-хозяйственной мечтательности насчет всех этих богатств, как если бы я был единственным владельцем всего этого, или председателем колхоза, или директором совхоза — сколько здесь можно сделать разумных вырубок за счет перестоявших, уже утрачивающих в своей ценности стволов, сколько можно было бы попилить досок, бруса, теса, сколько подобрать дров в результате «рубки ухода». Но отец не был при этом лишен чисто созерцательного восхищения такими дарами лесной природы, — так же и я. Я даже не умею представить себе восхищение всем этим безотносительно к возможным воздействиям на все это топора и пилы. Мне почти мучительно хочется подчистить здешние чудесные — ближе к краю парка, вдоль озера — престарелые сосны, спилить у них сухие торчаки обломившихся некогда сучьев, разнять переплывшиеся и удушающие друг друга деревья разных пород, подобрать валежник. — А здесь и садовые насаждения просят подчист-

ки от «волчков»* и безобразящих крону лишних сучьев, отростков из-под корня. — Где-то в русской литературе есть полусумасшедший и, кажется, запивающий, словом, беспугный помещичий сын, занимающийся в периоды «каникул» обрезкой старых деревьев в саду.

28. VI

Вчера и сегодня утром — по старому наброску:

На выезде с кремлевского подворья
За выступом надвратной Спасской башни
Стоит еще не старая береза,
Ровесница, пожалуй, Октябрю.

Из-под стены пробилась самосевою
И, отклоняясь от кирпичной кладки,
Растет, свисая кроной однобокой,
Как будто с деревенского задворка,
С лесной опушки, с берега речушки
Вдруг на постой сюда перебралась.

И здесь, где нет дороги пешеходам,
Где только по звонку, блюда черед,
Ныряют под ступенчатые своды
Машины вниз, на площадь из ворот —
Тем седокам она уже полвека
На краткий миг бросается в глаза,
Сестра родная всех берез на свете,
Что по другую сторону стены.

Но если бы она имела память!¹⁴³

Вечерние беседы на замедленных прогулках с Коневым¹⁴⁴ и др. Господи, господи. —

Двухсерийный фильм «Великая Отечественная» — мозаика из обрывков кинохроники нашей и заграничной (больше всего немецкой). Объявлялся он в печати под названием «Ради жизни на земле» — эта строчка уже полностью обезумячилась, даже О.Берггольц в недавней статейке, так озаглавленной, приводит ее в конце без упоминания «Тёркина». Она как будто была, была и есть сама по себе, — так она и в фильме мимоходом приведена: «стояли насмерть ради жизни на земле»¹⁴⁵.

Но я помню возражение, кажется, Фадеева на эти строки, — «не ради славы, ради жизни», — почему же? И ради славы.

* Волчки — дикие побеги, отпрыски от корня плодового дерева.

Грешным делом, когда шла уже вторая серия, подумал, что в этом киноиллюстрационном и озвученном обзоре истории войны (безнадежное дело!), где нашлось место песням Кумача, Суркова и еще кой-кого, могло бы поместиться что-нибудь из «Тёркина», — есть кадры, что хоть вставляй в соответствующие главы книги. Потом утешился, когда голос ведущего привел строфу «Хоть серьезный, хоть потешный...». Лучше, мол, Твардовского не скажешь, — это, конечно, тоже «готовые слова» — не больше.

А сейчас (нет, не только сейчас) подумалось, что можно все-таки сделать фильм по Тёркину, даже, может быть, со включением этого документ<ального> материала, но со введением в действие стиха. Без меня этого сделать невозможно, а я не умею или робею. —

«Береза» напомнила, что среди бесчисленных и безнадежных вариантов гимна были какие-то строчки «не гимнические», которые просились в дело помимо гимна:

Часов кремлевских бой державный...¹⁴⁶

О том ли пишем, чем живем и дышим, —
О чем угодно, только не о том.

30. VI

Вчера образовался выходной. Встав в 5 ч., пошел искать грибы, уверившись в их реальности по тем белым, которые увидел на прогулке за оградой у парня в авоське и принял было их за булки. Набрел на один-единственный крупный и здоровый боровик в парке, повыше братского кладбища, исследовал очень грибной с виду рельеф вокруг карьера, но еще нашел 3 масленка и один не очень свежий подберезовик. Подбросил Марье Ивановне вроде букета цветов — была довольна — недоспавший сидел за столом. Несколько раздраженно и не во всем справедливо говорил с Валею о ее статье о Кропоткине¹⁴⁷, а она, умница, терпеливо слушала и мягко, но основательно возражала по частностям, признавая, что в целом у нее, «по-видимому, не вышло». Вечером смотрел странный и очень глупый фильм «Гранатовый браслет», в котором купринский образ жалкого и малограмотного маниака Желткова «осмысливается» как противостоящий «Санинщине»¹⁴⁸ и т.п. Введен Куприн, довольно пошлый, разъясняющий зрителям «идейный смысл» своего «произведения» (так он и говорит: «мои произведения») посредством интервью некоему английскому репортеру. — Зачем это я.

Сегодня «доводил» кое-как опять же старый набросок.

Как сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому,
Чем шум в просторах полевых,
Невнятный говор или гомон
В вершинах сосен боровых.

Но эти родственные шумы
Иной порой, в краю ином
Как будто отзвук давней думы
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной.
Все это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

Теперь она идет на убыль —
Уже не в гору, а с горы,
Но не скажу, что мне не любы
Ее предвестья той поры.

И все, что мне она вещала,
Что обещала мне она,
Как песню хочется сначала
Прослушать — даром, что грустна¹⁴⁹. —

1. VII.65. Б<арви>ха

Еще одну старую «баклушу» округлил:

Листва отпылала, и запахом поздним
Настоем осинник — грибным, спиртуозным.
Отраден покой, и отрадна усталость,
И думаешь даже: такую бы старость.

Чтоб нам не казалась досрочной, случайной,
И все завершалось, как год урожайный.
Чтоб малые ей помогали недуги,
И нам под уклон — без хлопот, без натуги.

Взгрустнуть напоследки по белому свету,
И — полный порядок. Да выбора нету:
Бери, что дают, что случится. А впрочем,
Еще погодим. Помудрим. Похлопочем¹⁵⁰.

Открытие: люди еще читают стихи, чего я не предполагал уже в отношении чьих-нибудь, кроме моих, стихов.

Массажистка Вера Петровна показывает книжку Шефнера, говорит, что ей дала ее жена министра Павлова. Что-то спрашивает у меня насчет Долматовского¹⁵¹.

Член коллегии К<омите>та заготовок СССР — мой сосед по столу Сергей Петрович, перечитывая «НМ» за 64 г., останавливается на публикации посмертных стихов Маршака¹⁵², оспаривает одно место из моей предуведомительной заметки — о том, что «лирика — привилегия молодости». — «А Тютчев?»¹⁵³

Это тоже следствие усталости от «реальной» жизни и ее «оформления» в лит<ерату>ре и в кино. Расходясь после «Гранатового браслета», дамы этого контингента были искренне растроганы и говорили: «Да, теперь такой любви не бывает». А фильм — глупый и пошлый. Но, правда, вчерашний датский — «Секретарша» еще глупее и пошлее. Там уж, оказывается, только «соблюдай себя», и миллионер подарит тебе свою машину на память — в несколько тысяч, которые можно положить на книжку, и т.д.

Только в горьком сне могло присниться
Все, что наяву досталось мне:
Эта койка в Боткинской больнице,
Этот сумрак утренний в окне...

(Думал о Светлове; силится он, бедняга, объявить больницу своей «бойницей», откуда, мол, он ведет огонь по врагу и т.п.¹⁵⁴)

2. VII

Вчерашнее это стихотвореньице очень плохое, ничтожное. Сегодня посмотрел другие свои вещицы кунцевско-барвихинского сидения, — нет, там есть кое-что. Конечно, в них нет выхода на большую просеку, в них еще трудно отрываешься от самого себя, иногда за ними мало чего, кроме желания «округлить» еще одну «баклушу». Но без этого «междуматья» мне не обойтись. —

3. VII

Утро после прогулки, дождь, заставший меня еще на «большом кругу» и принятый не без удовольствия, — здешняя вода из кранов очень обизвествляет волосы. — Не нарадуюсь ночам, — вчера за две прогулки — не менее 15 километров по пересеченной местности — умотал моего спутника

Сергея Петровича Ефимова. С отрадой иду, иду, не чувствуя сжатия в икрах, жжения в пятки, — почти не чувствую. Левая совсем хороша, изредка деревенеет — с пальцев, но это, может быть, от обуви. Сейчас сижу за столом в тех же ботинках, в которых пришел с прогулки, капилляроскопия (?) и осциллография (?) показали, хоть мизерные, изменения против кунцевской картины. —

Немыслимое дело в здешних условиях — на перекуре после столовой или на прогулке люди, порой не все зная друг друга, откровенничают насчет первого секретаря и предсовмина, критикуют, смеются, вышучивают самодурство глупости, фантастические несообразности его и признаются не только в нелюбви к нему, но в активной ненависти, подчеркивают свои несогласия с ним, упоминают о своих попытках на месте исправить положение. Но это делается именно в узком кругу, в порядке доверительности, крайней откровенности в наболевших вопросах, — все как если бы он был еще главой партии и государства. — Но когда был, молчали? — А что ж, пикнешь, никто тебя не поддержит и пойдешь за ни за что, ни про что. — И это-то не представляется самым ужасным, не бередит совести, принимается как нормальное. Охотно «воздают должное» Сталину, у которого «действительно были ошибки», а тут, мол, по поводу этих ошибок мы «сами себя грязью поливать», все зачеркивать и т.п. И это опять же — в узком кругу и сейчас, когда казалось бы... — Среди этого контингента может случиться и человек, «побывавший там» и ныне реабилитированный — самое страшное, что иные и из таких, пострадавших, могут поддержать общий разговор. Инерция, полнейшая отвычка от самостоятельного мышления, — что еще? Хотел сказать — малая теоретическая подготовленность, но вспомнил Пospelова, которого, говорят, только уж придержали при излишествах в «воздаянии должного», — впрочем, то, что он зазубрил наизусть какие-то тома, не есть «теоретическая подготовленность».

Возраст, по-видимому, редко совпадает с субъективным ощущением. В детстве и отрочестве мы ощущаем себя старше, умнее, понятливее, чем полагается быть в таком возрасте. В юности сохраняем многое от детства и самоощущения (робость, склонность считать других более взрослыми, готовность уходить от нарастающих трудностей и «вопросов» в раковину детства), — это в какой-то мере на всю жизнь: я нынешний 55-летний отец и дед, главный редактор, известный литератор, в какой-то степени — и тот, что оборудовал себе «кабинет» в предбаннике нашей последней бани. —

Зрелый возраст особенно неохотно расстается с ощущением молодости, — еще очень недавно я чувствовал себя (про себя) молодым, хотя очень отчетливо отмечал про себя же зарубки возраста: 30, за 30, 40 и т.д. Сейчас уже и с этим приходится расставаться. Но сколько раз, в общении с почтенными, седыми и лысыми людьми, считаешь их куда старше себя, ан, глядь, — вроде этого Вас. Ефимовича Чернышева¹⁵⁵, тучного, лысого, хриплоголового секретаря крайкома, — он моложе тебя на год-другой. И еще — деревья, посаженные тобой когда-то, или те, что видел при посадке, как эта березовая аллея, что от гл<авных> ворот — я ее видел в первый или второй год посадки, — березки не толще моей палочки, в кнуташице — теперь настоящие деревья, сомкнувшиеся ветвями над пешеходной дорожкой. Или три елочки на въезде, где стоянка машин, я их помню такими, что мог бы трогать рукой их макушки, — теперь, через 15 лет, — ели! —

Утром до прогулки:

Есть книги — волею приличий
Они у века не в тени.
Из них цитаты брать — обычай —
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне
Любой — уж так заведено —
Они на полке персональной,
Как бы на пенсии давно.

[...]

На них печать почтенной скуки
Давненько пройденных наук.
Но, взяв одну такую в руки,
Ты, время, обожжешься вдруг.

Случайно вникнув с середины,
Невольно всю пройдешь насквозь,
Все вместе строки до единой,
Что ты вытаскивало врозь.

Тогда смекнешь, ее листая
И взвесив бережно в руках:
Она ль от нас с тобой отстала
И устарела — или — как?¹⁵⁶

5. VII

Вчерашний выходной ушел на Бека с его «Сшибкой» (занятно и существенно, но, как всегда у Бека, несколько скандально: Тевосян—Онисимов)¹⁵⁷.

Опус позавчерашний, пустяшный, м.б., для «Зап<ис-ной> кн<ижки>».

Не жди, когда полномочной
Такая станет пора,
Что скажет твой друг заочный:
— Не узнаю пера.

Пора эта — род недуга,
И если сходишь на край,
По крайности — прежде друга,
Первым об этом знай¹⁵⁸.

Буду пытаться толкать еще один вариант «сталинской» темы — «Сын за отца не отвечает». Это собственно личная тема — с ней нужно разделаться, не смущаясь тем, что это будет по стиху и по существу довеском к «Далям».

«Сын за отца не отвечает», —
Сказал он, тот, что был один,
Он сам, кого мы величали
Уже тогда отцом родным.

Сказал с каким-то кратким жестом,
Как будто про себя сказал.
Но это было манифестом,
И замер тот кремлевский зал.

Вам, из другого поколенья,
Едва ль постичь до глубины,
Чем было это откровенье
Для виноватых без вины*.

6. VII

Сын за отца не отвечает, —
Так он сказал, не кто иной,
А тот, кого мы величали
Уже тогда: отец родной...

Негромко сказанные с места
Пять этих слов вошли в сердца,
Как возвещенье манифеста
В стенах кремлевского дворца...
[...]

Вчера был профессор-невропатолог, — я потерял бдительность и согласился на его посещение, навязанное лече-

* Здесь, а также 6 и 8 июля — продолжение работы над фрагментом поэмы «По праву памяти».

щей невропатологической, — очень быстро от ног перешел к расспросам, не задерживаясь даже на том, сколько курю, — у самого папиросы — к тому, сколько пью и как часто и т.д. И так расстроил меня. Вдруг я увидел, что вокруг меня какая-то игра, оскорбительный круг недоверия и озабоченности одним-единственным!.. — Ничего не поделаешь.

8. VII.65. Б<арви>ха

Сын за отца не отвечает, —
Пять этих слов за дымкой дней
Лихой рубеж обозначают
Судьбы нередкостной моей...
[...]

Пусть это «лично», пусть не про то опять, что требуется, пусть даже не оснащено новизной стиха, но здесь я знаю, что сказать, мне есть что сказать, чего, пожалуй, так-таки и не сказано до сих пор. —

Опустело «время как-то» (по разговорам, по слухам). Ни «подъема», ни воодушевления в ком-нибудь.

9. VII.65. Барвиха

Оказалось, что день отъезда — сегодня. Скучные итоги почти двухмесячного сидения в двух привилегированных заведениях при хорошем питании и относительной отрешенности от журнальных и иных дел. Собственно, говорить не о чем. Ладно, что хоть техническую работу по собр<анию> соч<инений> кое-как провернул.

Время — точно опустело.

Действительно, читаю газеты, живу среди читающих газеты и даже редактирующих их, среди членов коллегий министерств, как мой сосед по столу С.П.Ефимов, и повыше — маршалов, министров, крупных пенсионеров, коим по самой их сути полагается быть «политиками», и никаких «дискуссий», мнений, рассуждений о проживаемом времени, — как ничего не произошло и не происходит: ужение рыбы, домино, кино — и все. Разговоры на редкость однообразные, плоскошуточные, пустоутробные. Время точно онемело, — в нем умолк нескончаемый затейник-оратор, а на место его словно бы никто не пришел, — как бы все в ожидании отсутствующего «старшего». Газеты вяло, по инерции вызывают к кому-то о необходимости «убрать вовремя и без потерь», регистрируют фестивали, матчи, встречи, обеды, но все без чего-то, — трудно сказать — без чего именно.

Необходимо эти барвихинские впечатления рассеять дорогой, что-то подслушать, угадать нынешнее в ходе жизни.

План: решить вопросы о ремонте дачи, отдыхе М<аши> и Оли, дожидаться договора с Гослитом и т.п. И ехать, ехать. —

16.VII.65. Пахра

Возвращение, после почти двухмесячного «заточения» в Кунцеве и Барвихе, сюда — в свой дом, где уже прошел год, к своему столу, к заботам о древонасаждениях и т.п. — спокойное счастье. — Новомирская полка за 15 лет, которую приготовили М<аша> и О<ля> к моему приезду. — Косьба, перебазирование сиренек к сторожке, выкорчевка. — Вчера — первое в этом году, не считая Барвихи, где искупался разок в маленьком прудике, купанье. Ужасающая замученность Маши, чьи силенки поглощает эта дача, эта спешка с дачи в город — из города на дачу, некоторая неприкаянность Оли, лишь отчасти компенсируемая фестивалем кино, куда она ездит. [...]

«Первые радости» — с первой поездки в город.

1. Крайне неприятная минута встречи с «дядей Димой» [Поликарповым] в Союзе, в кабинете Воронкова, где он совещался о чем-то с Марковым и Воронковым и при моем появлении был оборван разговор, точно вошел посторонний.

2. На том же Секретариате (сообщение Суркова о П<ари>же), через полчаса, когда я вышел покурить, «дружеские» мольбы Альберта Беляева забрать письмо о булгаковском «Театр<альном> романе» — мольбы «по поручению».

Я: «Я знаю, зачем я подписывал и отправлял (вместе с К.Симоновым) письмо в ЦК, но я не знаю и мне не объясняют, почему, зачем я должен взять его обратно и выставить себя мальчишкой, не соображающим, что он делает»¹⁵⁹.

3. Вызов к секретарю Тимир<язевского> РК Вал. Вас. Быкову для унижительных объяснений по поводу жалобы «избирателя». —

Сегодня еду, чтобы, может быть, сегодня же встретиться с П.Н.Демичевым, кот<орый> по тел<ефону> сказал: «Мне тоже нужно с вами поговорить».

«Программа» беседы в кратчайших словах:

1. Успех ж<урна>ла сложился в малой зависимости от меня и редакции. Его читают как никакой другой — очередь, запись в библиотеках, почта, отзывы-уподобления «Современнику», «Отеч<ественным> зап<искам>»¹⁶⁰ и т.п. вплоть до заявления Х.Гойтисоло¹⁶¹: «лучший в мире». И т.д., и т.п.

С этим нужно считаться.

2. «Особое» отношение к ж<урна>лу со стороны «отделов»; цензуры и отдельных лиц руксостава: чуть ли не антисоветский ж<урна>л.

«Формы и методы»:

«письма читателей» — по «Волог<одской> свадьбе»; по «Т<ёркину> на том свете»;

затыкание рта, задержание писем читателей (по Яшину, по Вучетичу), применение запрещ<енных> приемов (Павлов)¹⁶².

Цензура.

3. Если журналу быть — он должен быть поставлен в равные с др<угими> условия.

Но я еще не знаю меры его возможного и вероятнейшего предубеждения и всей обстановки и нынешних настроений. М.б., вопрос повернется и так, что придется спокойно и кратко сказать: постараюсь быть полезным в своем основном качестве писателя.

19.VII.65. П<ахра>

В пятницу был у Демичева, беседовали около трех часов (!). Начал было я с ж<урна>ла, но он говорит, — нет, давайте об общем положении: что делать, например, с Союзом писателей РСФСР, нужен ли он, кем заменить Соболева — и пошло, и пошло. Главное было не в обширности тематики, а во «взаимопонимании», нарастающем расположении друг к другу. Конкретно разрешился вопрос о «Театральном романе».

— Печатайте, раз вы считаете, что нужно.

— Да, но дядя Дима...

— Ах, Поликарпов. Он вам скажет, что вы можете поступать по своему (редакции) усмотрению. (Хорош бы я был, если бы, понуждаемый через посредство «аппарата», взял обратно письмо в ЦК, подписанное вместе с Симоновым.)

Зашла речь, конечно, и о Солженицыне.

— Я хотел бы с ним встретиться. Думаю о нем слишком много, чуть не каждый день.

(Когда я рассказывал об этом в редакции, в дверь заглянул Солженицын со своей ужасной бородой — без усов — и с бакенбардами, — ничего нельзя лучше придумать, чтобы попортить его красивое открытое лицо.) Я тут же сговорился с секретарем Демичева, на другой день Солженицын был принят, — звонил мне сюда, доволен, хотя и не знает, как это вообще хорошо (для ж<урна>ла, для него и для меня и вообще)¹⁶³.

Потом об Овечкине. — Это не вопрос, — было сказано и повторено. Овечкину написал, чтобы он не мешкал с письмом на эту тему (какой ему город для жительства)¹⁶⁴.

Словом, кольцо «изоляции» разомкнулось.

Сегодня утром:

Рассказывала мать: в краю далеком том,
Где лес кругом и ни села, ни города,
Где семьи были сгружены гуртом, —
Всего там было — холода и голода.

Но не о том рассказывала мать,
Как жили там лихими новоселами,
Но как там не хотелось помирать —
Кладбище было больно невеселое.

Леса, леса — без края и конца,
На тыщи верст глухие, нелюдимые.
А на кладбище том — ни деревца,
Ни кустика, ни прутика единого.

Не так житье в родимой стороне,
Не так тот дом и двор со всеми справами,
А кладбище ей виделось во сне —
На взгорке под березами кудрявыми.

Окрест — поля, такая благодать,
Теплынь-светлынь, затишье бестревожное.
Проснусь, проснусь, — рассказывала мать, —
А за стеной-то кладбище таежное.

Теперь над ней березы, хоть не те,
Кресты и звезды, заросли зеленые.
И ничего, хотя и в тесноте,
По-городски квартира населенная.

И снятся ей, покойнице моей,
(Не веровавшей в ад и кущи райские)
То рожь под ветром хуторских полей,
То те снега да елки зауральские¹⁶⁵.

21.VII.65. П<ахра>

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
Одна тайга на тыщи верст кругом, —
Всего там было — холода и голода...*

* Далее — новые варианты стихотворения из цикла «Памяти матери».

Набросок этих дней:

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну

Деревьями. То ль в дымке снеговой,
То ль в пух весенний кротко приодеты,
То ль полной прошумят ему листвою,
Уже повеяв ранней грустью лета.

Ровесниками веку становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизней жить,
А там и наши сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...
Ты что иное мог бы предложить?¹⁶⁶

[Вклейка]

«Правда» от 20.VII.65. Статья «Самоцветы» — Б.П.Чиркова¹⁶⁷, нар<одного> арт<иста> СССР.

«Познакомились мы с товарищем Колодиным, рабочим одного из совхозов Московской области. Пришел он на студию телевидения в пиджаке, на котором тихонько позвякивал такой набор орденов и медалей, что сразу видно было — много повоевал солдат! Одним из его лучших товарищей и в бою и на отдыхе стал Вася Тёркин. Тот самый, из великолепной книги Твардовского, своей смекалкой, отвагой и весельем помогавший нашим солдатам в их тяжком ратном труде.

Дошли советские воины до Берлина — конец войне. Расписался Колодин на одной из колонн рейхстага и вернулся в родное Подмосковье. Жил покойно, радостно, а время от времени вспоминал своих военных дружков — от кого весточка придет, о ком слух донесется. И вдруг узнал, что по воле «отца своего родного» отправился Вася Тёркин на тот свет!

И обида охватила бывшего солдата. Друг его и соратник, прославленный воин, вдруг ушел из нашей жизни. Разве есть у нас в стране лишние руки? Как же мы можем списывать со счетов бойца и труженика, вожака и выдумщика?..

И бывший воин, которому до всего дело, вооружается карандашом, берет тетрадку и принимается за литературные занятия. Он, читатель и друг литературного героя, по-новому сочиняет продолжение его судьбы. Любовно, но требовательно выговаривает автору за то, что тот демобилизовал Тёркина, увел его из нашей действительности. Решительно и твердо определяет он ему место "в рабочем строю". Хозяин земли и жизни зовет Тёркина в деревню, на передовую линию борьбы и труда.

Мне кажется, в этом и триумф писателя Твардовского, создавшего образ такой типичный и живой, что читатели полагают его действительно существующим своим соотечественником и современником. Думаю, что и литературный почин Колодина — это замечательный образец гражданственности советского человека.

Надо сказать, что не только настоящим патриотизмом и убежденностью интересна новая глава Тёркина. Ее автор настолько проникся духом и стилем поэмы, что сочиненное им продолжение кажется вполне родственным тому, что мы знаем и любим уже в течение почти четверти века. Этому способствует и влюбленность Колодина в образ героя, и искренность его побуждений, и, конечно же, его литературная одаренность.

Стихи, написанные им и прочитанные в передаче "Самоцветы", имели большой успех у телезрителей. С того вечера и непосредственно сам сочинитель, и наша редакция все время получают добрые отзывы о "Тёркине в деревне" и настойчивые просьбы выслать текст этого дополнения к поэме...

«Уважаемый Борис Петрович!

С огорчительным недоумением прочел я в Вашей статье "Самоцветы" то, что там говорится о "Тёркине на том свете". Только не прочитав до конца этой поэмы, можно сетовать на то, что "прославленный воин вдруг ушел из нашей жизни" и "выговаривать автору за то, что тот демобилизовал Тёркина, увел его из нашей действительности". Так именно сетуют и выговаривают мне иногда люди, знающие "Тёркина на том свете" лишь понаслышке и непонаслышке знающие, что поэму эту можно бранить в отличие от "старого" "Василия Тёркина". Но ведь в поэме в сказочно-условной форме речь идет о том, как Тёркин попадает "на тот свет", но в силу своего жизнелюбивого характера не мирится с ним и не задерживаясь выбирается оттуда, преодолевая всяческие трудности и препятствия, с тем, чтобы "жить ему еще сто лет". Так написано мною и целиком напечатано типографским способом

в газете "Известия", в журнале "Новый мир" и в отдельной книжке, выпущенной издательством "Советский писатель".

Разумеется, можно давать любую оценку этой моей работе, как угодно относиться к ней, но нельзя судить о ней, имея в виду какое-то другое, неизвестное мне произведение, автор которого "демообилизовал Тёркина, увел его из нашей действительности"».

25. VII

Сегодня быть бы моему письму в «Правде», если бы все по-доброму, но наверняка не будет¹⁶⁸.

Отметили Лифшица¹⁶⁹, прочел стихи «Есть книги», не без некоторой мысли, но они прошли как-то незаметно — то ли как старые, уже напечатанные, то ли как набросанные специально к случаю. Конечно, они слишком в колее «Слова о словах», а «Слово» в колее «Далей». Этим ямбом что я ни напиши — будет походить на уже привычное, как всякий мой хорей — на хорей «Тёркина». — Вряд ли наберется у меня «цикл», но попробую. —

Чуть было, чуть не обошлось дорожное чествование Лифшица, которого я еще и подвез до дому и зашел «на минутку». Но — нет!

27. VII.65. П<ахра>

В который раз! Опять цензура задержала «Театр<альный> роман», наши ей: так и так, мол, Т<вардовский> был у тов. Д<емичева>, тот сказал, что «на усмотрение ред<акции>». — «А где это написано?» — И так далее. А дядя Дима, сформировав кабинет из двух замов и Барабаша, отбыл в отпуск. Кондратович звонит первому из замов, Куницыну¹⁷⁰. Тот: ничего не знаем — и даже можно было понять, что дядя Дима нечто сказал на этот счет. Легко представить, что передача (а тов. Д<емичев>, наверное, не сказал) «на усмотрение» той самой вещи, кот<орую> задержал Отдел и письмо по которой настоятельно предлагал забрать обратно, задевает кровные интересы Отдела, и надо полагать, что приняты все меры к ограждению этого престижа. Мерзость, но сегодня еду в 9 ч., чтобы застать по тел<ефону> Д<емичева>. Каков будет этот разговор. Намерен в случае «знаете ли» и т.п. проситься вторично на прием. И второе опять встает во всей крутизне: если не состоится на «усмотрение» — жизни нам окончательно не будет. — Второй вчерашней радостью было пересланное от Демичева письмо Хвалебновой¹⁷¹, кот<орая> уже знает и второй вариант бековской повести, где «Тевосян говорит с Тевосяном», и выражает благородное недоумение, почему редколлегия «НМ» стре-

мится опубликовать этот «клеветнический» опус. Будьте вы все прокляты.

О письме в ред<акцию> «Правды» — ни звука. Рум<янцеv> в больнице. Появление письма, пожалуй, было бы даже важнее всего остального.

Вчера с Дем<ентьевым> вдруг вспомнили, что живем так уже более трех лет. —

Вчера заходил в редакцию Миша Плескачевский¹⁷², некая часть моего детства — сын брата мамы — дяди Гриши (Митьково — «родовое поместье» матери), живущий в Баку уже свыше 30 лет, воевавший, контуженный, славный и слабый, прижившийся в этом Баку, журналист, специальный корреспондент «Труда».

— Как ты, Саша, еще выпускаешь этот журнал? — Вот именно — как!

Вопрос излюбленный затроньте
В кругу заслуженных вояк:
Кто чем командовал на фронте
Да кто кого сменял в боях.

На диво памятьливы люди,
Ревнивы в мелочах иных,
В давнишних счетах честолубий
И уточнениях должностных...

Равны в их памяти послушной
Несоразмерные дела.
Война для них лишь частью службы,
А служба жизнью их была.

А службы смысл непроходящий:
Кем и кому в такой-то час
Был отдан истинно блестящий
Или губительный приказ.

Не тот —
На том иль этом рубеже —
Кто, выполняя приказанья,
Сам не приказывал уже...¹⁷³

28.VII.65

Опять не переоценить бы только успех в битве русских с кабардинцами: позвонил Демичеву и получил недвусмысленное подтверждение его прежних слов, что решать вопрос о пригодности рукописей дело редакции, а не «отдела» и не цензуры. — «Они не в свое дело вмешиваются». И что особо важно: он «еще не дочитал» (я об этом не спрашивал, он сам

сказал), но опять подтверждалось, что его чтение не имеет прямого отношения к решению вопроса. Спустя часа два Кондр<атович> звонит тому самому тов. Куницыну, который вчера был неподступно холоден («у нас нет изменений»), и он говорит: да, П.Н.[Демичев] звонил, сказал, что это компетенция редакции, и я сказал (т.е. он, Куницын, «отдел»), что мы того же мнения, но вот Главлит... — Я позвоню Романову, — сказал П.Н. (уже со слов Куницына). Короче: звонит сама цензорша: мы подписываем «Т<еатральный> роман». Торжество в редакции.

Вчера же позвонил Козеву¹⁷⁴.

— Да, мы думаем дать в воскресенье в литстранице.

— Не поздно ли?

— Да нет, а в это воскресенье не смогли — День В<оенно>-Мор<ского> флота.

— А в будний?

— Не-ет, видите ли, у нас много любителей сенсаций...

Как тонко все учитывается: появление письма вне литстраницы — нечто особо значительное, а в литстранице — как бы внутрилитературная частность. Но все равно — победа. Уже для одного того, чем это будет для Плучека (бог знает, конечно, что там он натворил — едем сегодня смотреть), стоило затевать¹⁷⁵. Но дело куда большего значения для поэмы, для меня и для ж<урна>ла. —

Хорош был разговор с Косолаповым, который во всем был джентльменски расположен и очень порадовался, когда в ответ на вопрос его, не был ли я у Демичева, я ему пересказал и про «Театр<альный> роман», и про Солженицына.

Неприятности дня:

1. Нашествие (явочное) «авторов фильма» о Василии Тёркине — наглость, глупость, невежество, корысть, решимость приспособить меня к решению дурацкой задачи¹⁷⁶.

2. Посещение Элика Маршака — все с тем же долблением насчет предисловия к 12-томному Собранию. Я повторил свое: к 6-томному написал бы, а так нет. То же сказал и Косолапову¹⁷⁷.

Ходил, несмотря на пасмурное утро, купаться. Отцветающие липы дегаевского парка — запах, как у развороченной пасеки.

4.VIII.65. Пахра

Со времени последней записи.

1. Просмотр «Т<ёркина> на том свете» у Плучека.

Можно было встать и уйти от одного того, что начинается с Ошанина: «Эх, дороги...»¹⁷⁸

Но потом это забылось, и пошло, и пошло нечто занятное, энергичное и решительно талантливое. Самым невероятным было то, что только я мог замечать в иных местах неловкость от слияния первого и третьего лица в репликах. А местами это даже как-то выигрышно. Недаром Плучек потом (формалист таки!) как бы уклонился от моего предложения «наложить швы», — так, мол, оно даже пикантнее. Однако я не оставляю мысли войти в дело, может быть, с пользой вообще для этой вещи. — Плучек правильно учуял слабизну тех «образчиков» того света (домино, «бюро», оратор, доктор прахнаук), которые и мне все время, по кр<айней> мере при окончат<ельной> отделке вещи, представлялись уже чем-то как будто и обязательным, но не радующим. М.б., без этих картинок все даже энергичнее и цельнее будет. Словом, я начал уже с отрадой думать о новом «вторжении» в эту штуку и о ликвидации ее некоторой, всегда томившей меня недостаточности. Все может быть. И может быть, это вывело бы меня из той заколдованности собственным ямбом, которая — за что ни возьмись — повисает на руках и ногах. Правда, была заколдованность хореем (после того «Тёркина»), и из нее был выход именно в ямбе, но и хорей пошел, когда пришла иная задача в «Т<ёркине> на том св<ете>».

Письмо мое, после принятых редакцией мер осторожности (превращение его в заметку-отклик «по поводу напечатанного»), под заглавием «Содержание мнимое и действительное» появилось-таки 1.VIII. Когда я читал гранку, не заметил малой утечки:

У меня — «сделать хотя бы самые необходимые *напоминания* и разъяснения»

«“мертвечину” косности, бюрократизма, формализма». —

Редакцией было вставлено в скобках в первой фразе письма (Правда, 20 июля с.г.).

Так долго казалось невероятным такое «напоминание» о «Т<ёркине> на том свете», что когда вышла газета, то вдруг показалось, что это и не так важно.

Однако — «очень важно», как любил говорить П. Ник. Поспелов. И «важность» эта замечена. На другой же день было письмо, подписанное как-то знакомо «В.Полынин», но без обр<атного> адреса, да и мой адрес приблизительный, отмечающее с удовлетворением, что «Тв<ардовский> не устал».

[Вклейка]

СОДЕРЖАНИЕ МНИМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ*

По поводу напечатанного.

С огорчительным недоумением прочел я в статье народного артиста СССР Б.Чиркова «Самоцветы» (Правда, 20 июля с.г.) то, что говорится в ней о «Тёркине на том свете». Тепло оценивая «литературный почин» рабочего совхоза тов. Колодина, написавшего под заглавием «Тёркин в деревне» «продолжение» моей поэмы, Б.Чирков противопоставляет эту работу «Тёркину на том свете».

Дело вкуса — предпочесть одно произведение другому. От оценки «Тёркина», принадлежащего перу тов. Колодина и находящегося у меня среди многих рукописей и печатных продолжений и перелицовок моей поэмы, я по понятным причинам воздерживаюсь. Пропаганда таким крупным деятелем искусства, как Б.Чирков, образцов художественной самодеятельности делает ему честь. Но в своей статье он утверждает, по ходу изложения, будто бы в «Тёркине на том свете» речь идет о том, как «прославленный воин вдруг ушел из нашей жизни» и что автор «"демобилизовал" Тёркина, увел его из нашей действительности» и т.д.

С подобными представлениями о содержании поэмы, основанными, по-моему, только на ее заглавии, мне приходилось уже встречаться. Но так как повторяет их Б.Чирков со страниц печати, я вынужден сделать хотя бы самые необходимые разъяснения.

1. Поэма «Тёркин на том свете» не является продолжением «Василия Тёркина», а лишь обращается к образу героя «Книги про бойца» для решения особых задач сатирико-публицистического жанра.

2. Всякий, кто без предубеждения прочтет поэму, увидит, что в ней в сказочно-условной форме речь идет о том, как герой попадает «на тот свет», представляющий собою в сатирических красках те черты нашей действительности — косность, бюрократизм, формализм, — которые мешают нашему продвижению вперед и борьба с которыми — одна из задач нашей литературы, указанных Программой КПСС.

3. По сюжету поэмы Тёркин, в силу самой сути своего характера, отвергает «тот свет» и, преодолевая всяческие препятствия и трудности, выбирается оттуда, с тем чтобы «жить ему еще сто лет», ибо:

Там, где жизнь, — ему
привольно:
Там, где радость, он и рад,

* Правда. 1965. 1 августа.

Там, где боль, ему и больно,
Там, где битва, он —
солдат...

Разумеется, каждый вправе как угодно относиться к замыслу и выполнению этой моей вещи, давать ей любую оценку — все это нормальная литературная жизнь, но одно условие необходимо соблюдать: судя о произведении, принимать или отвергать его действительное, а не мнимое содержание.

А.Твардовский.

6. VIII.65. П<ахра>

Неделя ушла бог весть на что. Но и в ней есть — Гойтисоло, второй раз пришедший в редакцию, — уже из-за меня. Умный, милый, красивый. Замечательно было услышать от него — кому уж книги в руки-то, — о чем мы в узком кругу договаривались по переводам — о Неруде¹⁷⁹. И его смех как бы смущенный, вернее, улыбка при упоминании имени Эльзы Триоле — еще до перевода всей фразы. — Он начал с того, что, мол, хоть и не знает русского, но в курсе дел «НМ», его трудностей и считает их своими трудностями, и мне пришлось в несколько банальных выражениях объяснять характер трудностей наших [в отличие] от его трудностей; «НМ» от «Современника» — и это было, пожалуй, скучновато. — Г.Бёль, побывавший на неделях¹⁸⁰, показался мне менее интересным, хотя хорош в своей натуральности немца средних лет с лицом заурядным — тысячи таких и у нас можно увидеть на улице, в толпе. Чуть утолщенный на конце, чуть как бы вспухнувший — нос, лысина, белая рубашка без галстука, костюмчик сборный, без малейших претензий — летний, дешёвый. —

Неприятные впечатления: затея с письмом К.Чук<овского> о юбилее Зоценко — кажется, удалось направить ее в русло Секретариата. — Безрукий из Семипалатинска, — с ним нужно еще что-то закончить. — Вчерашние слова Воронкова, что на идеологической комиссии «долбают» «НМ». — Тревоги с журналом: решили запускать «Чуму» вопреки прежним запретам, — что бог даст¹⁸¹. — Г.Фиш — и его «Швеция»¹⁸².

С утра перебирал стишочки, как мелкие грибочки, где ни одного боровика.

Переправа, переправа,
Лед шершавый, кромки льда.

Кому — что? — кому слава, страшное дело — какое слово забыл было — в какой главе какой своей вещи! И хоть быстро вспомнил, но пережил наедине жалостную минуту, подбирая: почесть? счастье? имя? — Беда¹⁸³. —

Перебирал стишочки,
Как бедные грибочки,
Что только на безгрибьи...
Тут — не то что белых —
А только сыроежки и т.п.
И даже — лжегрибы.

9.VIII.65. П<ахра>

Пробую выводить из тетрадки на листы подсобравшиеся стишочки, — не жирно. Самое, м.б., значительное из набросанных в Кунцеве—Барвихе (по давней строчке) все получается вяловато и почти что под Исаковского. —

Давным-давно, должно быть, это было:
Дворами поредевшее село
Из той беды, из колготы унылой
За годом год подняться не могло...

Если этим размером, то втрое короче. Если убавить на стопу — будет энергичнее. Но при всем при том...¹⁸⁴

10.VIII

Вчерашнее изложение Воронковым по его блокноту речи Демичева и кое-что еще с совещания идеологич<еской> комиссии на тему о политическом воспитании молодежи.

Как уже замечено за ним — вслед за вполне реалистической характеристикой положения вещей романтические предложения на «дальнейшее».

Наиболее очевидные признаки покитаения:

1. Критика лозунга «существования» (это, мол, ограничено дипломатический принцип).

2. «Воевать будем», в частности во Вьетнаме, и вообще — подготовка к войне — главное в воспитании молодежи (отсюда — «барабан», «строй», «факельные шествия» и т.п. вплоть до каких-то «мантий» как средств против размагничности, пацифистских настроений у молодежи и соответствующие «задачи лит<ерату>ры и искусства»).

3. Трижды цитированный им Сталин, ссылки на Сталина, однажды даже, по старине, в соединении этого имени с именем Ленина.

В выступлениях Скабы¹⁸⁵, Кузнецова (МГК), в докладе Павлова¹⁸⁶, критика «Нового мира» вплоть до выражений: — В каком государстве издается этот журнал, раз мы на него не можем найти управы. Это, кажется, Павлов. Критика Союза писателей в части руководства журналами. — О Залыгине (критика)¹⁸⁷.

Из других источников: Д<еми>чев хорошо отзывался обо мне (о беседе) и плохо о Солженицыне. —

Давно, допустим, это было:
Большое, громкое село
Притихло в скудости унылой,
На убыль попросту пошло...

И все же — про то самое, но другая музыка:

Чудно: при всей советской власти,
Что не была отменена,
Такие странности и страсти
Видала наша сторона...

11.VIII*

12.VIII**

13.VIII.65. П<ахра>

Читал стихи в один день вчера три раза. Маше, членам в редакции (Лакшин, Закс, Сац, Кондратович), Дементьеву здесь. Все — за. Сдам для № 9 в понедельник. Будь что будет.

Вчера же, придя в редакцию, как теперь вспоминаю, увидел что-то в лицах, в общем тоне, в том, как на меня смотрели во время чтения. Оказывается, уже за день перед тем было «определенно известно», что я снят. Дементьев (со слов С.Н.Преображ<енского> и др.)¹⁸⁸. Скаба прямо говорил: надо снимать. Демичев, будто бы, с места: — Это было бы неправильно.

Кузнецов (МГК): — Нельзя человеку с замутненным алкоголем сознанием руководить журналом.

Дем<ичев>: — Мы знаем (это не новость), что Т<вардовский> пьет.

Кузн<ецов>: — Так надо его приводить в порядок, взяться за него.

Дем<ичев>: — Вот и возьмитесь.

Кузнецов: — Мы брались...

Этот «однорукий» не может забыть мне моей реплики насчет того, что лит<ерату>ру нужно «знать» не по пиджакам писателей.

И еще кто-то из радио:

— У нас есть указание не давать в эфир Твардовского.

* Записан цикл «Памяти матери».

** Здесь А.Т. заносит в тетрадь подборку стихов, подготовленную для № 9 «Нового мира».

— Не знаю, я проверю, но...

Таковы дела. Ко времени ли давать стихи? Да.

Вчера же звонил Павел: Нюра в Годооновке уже «недели две». Второй случай психического заболевания в семье. Васька — явный случай психической катастрофы¹⁸⁹. Здесь — еще ужасней. Нюра в жизни не пила ни капли, не видала ничего, кроме самого тяжелого, судьба ее, может быть, самая страшная в семье.

Еду смотреть «прогон» «Т<ёркина> на том св<ете>» в Сатире.

15.VIII.65

А ты самих послушай хлеборобов,
Что свековали век свой у земли
И все, что с ней творилось, превзошли,
И врать им нынче нет нужды особой...*

На совещании об итогах совещания («громкие чтения») Кондратович записал слова докладчика Егорова¹⁹⁰ о «Новом мире»: «Тов. Демичев сказал, что нельзя считать, будто «Новый мир» имеет одни только недостатки, у него есть и достижения». И на том спасибо.

В ред<акционной> статье Лакшина для № 10 (по образцу прежних) обратиться к статье «по поводу юбилея», пристебнуть вопросы «Европы»¹⁹¹. —

Предложение В.Жданова (Литэнциклопедия) написать о Некрасове Н.А. Стоило бы (не залезая в большую «научность»)¹⁹².

Собачья осень, подобно тому, как бывает у людей собачья старость. Холодное, мокрое лето, но уже кое-где лист тронут преждевременной — не желтизной золота, а какой-то немощной обесцвеченностью. Дождь шумит и сейчас, дверь моя настезь на мокрый помост «солярия», — проолифить хотя бы — не нашлось сухого времени.

17.VIII.65. П<ахра>

Вчера сдал на машинку, а затем и в набор 13 стих<отворений>. (Число это тревожит женско-евр<ейскую> часть

* Далее записан новый вариант стихотворения «А ты самих послушай хлеборобов...».

редакции.) Решил не давать «дрібниці» — из которой, м.б., потом образуется некий фенологический цикл или «Зап<исная> кн<ижка>»¹⁹³.

Хотя говорю редколлегии, что устраняюсь в данном случае от решения вопроса о печатании, и хотя они как бы берут это на себя, но не ясно ли, что решаю все же я. И задумай я отложить этот цикл, вряд ли бы я встретил настойчивое сопротивление. А это одна из тревог в нынешнем положении ж<урна>ла, и я не без некоторого сжатия мышцы вдруг представляю, как все эти стихи, только что из этой тетрадки — в 130 тыс. экземпляров, и под лупу всяческих Кузнецовых¹⁹⁴ и т.п. Поостеречься как будто бы все велит извне, но не остережешься, если уж на то пошло. Нужно идти прямо на медведя, — по кр<айней> мере не бежать от него — догонит. — Другая тревога — «На деревню дедушке»¹⁹⁵.

Вчерашняя информация Кондратовича об информации Егорова о совещании, — уныние поворота к предостережениям и оговоркам 56-го года. — «Существование не есть»... «Будем воевать, нужно поднимать патриотический дух». «Победа коммунизма во всем мире — конечная цель, и не обязательно мирным путем». «Забвение классовой борьбы — понятий и слов этих». «Критика нам нужна, но не разрушающая, а утверждающая». «Лакировка нам не нужна, но мы за идеал». «"Новым миром"» слишком интересуется бурж<уазный> мир».

Вчера на деп<утатский> прием пришел Розенблюм Л.М. (Ташкент), инж<енер>-констр<уктор> сельхозмашиностроения, «просто поговорить». Из всех его высказываний о бедственном состоянии нашей сельхозтехники, об отставании ее и т.д. выделилось положение об «общем уровне», который способен затормозить любой наш успех в его развитии (даже успех в космосе), и фраза о том, что у нас, к сожалению, нет бюрократизма, так как нет небюрократизма, т.е. бюрократизм не явление, с которым можно бороться, которому противостоят иные силы, а главное и сверху донизу проникающая в нашу жизнь система.

Вчерашняя доделка старого наброска, подключенная к циклу, но отравившая настроение какой-то своей несвершенностью:

Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрее минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;

Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь, —
От сладких слез, что наготове,
Усильем воли удержишь.

Года обязывают строже,
О невозвратном не жалей.
Не шутка быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей¹⁹⁶.

Для «фенологического» цикла:

Как после мартовских метелей
Свежи, прозрачны и легки
В апреле вдруг порозовели
По-вербному березняки.
Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни-другие сутки
И под корой проснется сок.
И зимний пень березовый
Зальется пеной розовой¹⁹⁷.

20. VIII

Вчера правил стихи в верстке, расставлял по местам в более оправданном порядке. Все, кто читал стихи глазами, говорили о них хорошо. — Из Новосибирска запрашивали по телефону: кто приедет на конф<еренцию> читателей, — если Тв<ардовский>, то они возьмут помещение оперы. Сегодня нужно ответить. Сегодня, наверное, привезут материал на забор, и, наконец, еще одно начатое в замысле дело «устройства усадьбы» будет так ли сяк сделано. Все вообще дела как будто в порядке — пришел договор из Гослита, будет из Военгиза, будут вольные деньжонки, но вот со вчерашнего сообщения о «дружеской беседе» секретарей союзов «в связи с совещанием» — настроение стало падать. Как 10, 20 и 30 лет назад, тебя «приглашают» какие-то дяди для того, чтобы со слов других, высших дядей чему-то тебя учить, требовать изъявления готовности и т.д., будь оно проклято. Мне под шестьдесят, я не неудачник в литературе и даже в лит<ературно>-общ<ественной> деятельности — это все реальность, но вот стоящая над этой реальностью эфемерия заведует тобой, выказывает недовольство тобой, поучает, напоминает. Нет, дяди, не хочу и не буду бояться вас больше, не хочу и не буду применяться (применяться-то, пожалуй, буду, но с полным сознанием этого). Иду на эту дружескую беседу с твердым и решительным намерением отсидеть, отприсут-

ствовать (ибо мое неприсутствие уже факт, не оставляемый без внимания) и не поддаться на приманку, даже на провокацию словесного участия в этом пустоутробии.

Сурков (позавчерашний) о Хрущеве, кот<орый> в больнице, и должно быть, умрет¹⁹⁸. Выйдет в коридор, все ныряют в палаты, чтобы не здороваться, — гнусь. Вот кому привелось испить чашу. Сталин умер в присутствии своего величия и, если бы первые дни мог знать, что было после него, мог быть доволен: газеты, речи, Ходынка и т.д. Наконец, мавзолей. А этот умер живым, живым увидел, как можно просто-напросто быть сброшенным с площадки истории (ни развенчания, ни доклада о культе личности Х<руще>ва, ни даже упоминаний иначе как под псевдонимом «субъективизма»).

Проснулся в летнее время — около 5 ч., но рассвет был уже предосенний, медлительный и грустный, почитал в постели Боборыкина (мемуары)¹⁹⁹. Днями прочел воспоминания Ходасевича, кот<орого> когда-то в юности увлеченно (под влиянием Македонова) воспринимал как поэта²⁰⁰. Перед этим восп<оминания> Н. Чуковского, бездарного литераторского сына, ставшего литератором, как и сестра, по обстоятельствам рождения, обстановки — автоматически²⁰¹.

Гершензон, по Ходасевичу, об определяющем качестве стихотворения — *первой строке*²⁰².

Сейчас должен спешно читать какую-то дрянь С. Антонова и Е. Герасимова²⁰³, уже читанных всеми и всеми воспринятых в этом их качестве, и нет никакой нужды во мне, кроме той, что я должен взять на себя, должно быть отнесено на мой счет отклонение этих вещей. Правда, печатать (прозы) до такой степени нечего, что, может быть, придется «скривя ухо» что-то делать с этим добром. —

21.VIII

Суббота, день обещает быть добрым, едем в грибы.

Видимо, это характерно: «волны» *убыстряются*, сменяя одна другую. Совещание в Союзе, по словам Куницына (зам<еститель> дяди Димы), вызвано было теми слухами и неверными перетолкованиями совещания в идеолог<ической> комиссии, которые вылились еще и в серию выступлений печати, которые и т.д. Но еще вчера повторялся слух о моем снятии (из ж<урна>ла «Воп<росы> истории»?)²⁰⁴.

1.IX — встреча с читателями в Новосибирске, согласие на которую было дано *до* этого совещания в Союзе, до смены «волны».

Звонок Павла относительно Ньюры: похоже, что перемещение ее в другую больницу встречает возражения врачей.

22.VIII

Ездили в грибы — за Наро-Фоминск на 128-й км, прихватив Дементьева и Тендрякова. День удался подарочный — почти жаркий для нынешнего лета. В предосеннем лесу, хотя и «обработанном» грибниками, никого, кроме быстро обернувшихся с машиной красного креста каких-то нарофоминцев. Лес видел каких-то летних постояльцев — может быть, солдат: скамьи из жердочек, множество консервных банок в траве по опушке, огнищ, кой-какой городни вроде шалашей. А казалось, вот уж заехали. А пока ехали, минуя старинные села старой калужской, проезжая речки — Пахра, Протва, Истья, Нара, деревушку со старинным названием Коллонтай (не переименование? — нет), по сторонам то и дело открывались виды на целые кварталы по типу Черемушек, на трубы, дымы, мачты, ограждения, строительные площадки с их неприятностью и захламленностью. Вправо остался Обнинск, бывшая Обнинская, в недавние годы получившая свое мужское городское окончание своего наименования, — станция Обнинская, неподалеку от которой в лесочке на специальной отводке путей стоял в 1942 г. поезд-редакция «Красноармейской правды», куда я прибыл примерно в такую же пору, — вот было грибов²⁰⁵.

Вчера грибов было не то чтобы много, вернее, даже маловато, но достаточно для того, чтобы, не теряя доброго настроения, провести в лесу чуть не весь день: у нас с Машей с полсотни боровиков и порядочно всякой сбордружины.

Вчера привезли материал для забора, который я решил для опрятности поставить на место похилившегося «клеточного» с двух сторон участка. Обычные плутни, вранье и запросы со стороны «рабочего класса» по отношению к богатому и предположительно глупому дачевладельцу, но бог с ней.

Вечером выкладывал штакетник в клетку, — сбросили кое-как, загородив проезд, хотя указывал где.

Утреннее:

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня,
Только день все заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот
Он за елками мокрыми
Неохотно встает.

Приготовься заранее
До конца оттерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь²⁰⁶.

Баба сеяла грибы
Серед огорода.
Мы, хвалилась, не рабы
У тебя, природа.

23. VIII

В первый раз за все годы моего редакторства пойду в типографию²⁰⁷, — как-то так получалось, что словно бы не хотели меня туда пускать. Теперь — пропуск. Это в связи с возможным спуском в машину сегодня № 8, который хотя бы в нескольких образцах хотелось захватить в Новосибирск, куда вылетаем, кажется, 30.VIII. — По проведении конференции намерен двинуться в Иркутск и Красноярск, выполняя хотя бы в минимальной степени план года. —

Какой странной жизнью мы живем со старухой: в спешке переездов между квартирой и дачей, в напряжении не забыть одно-другое житейское, не упустить из виду все, что касается, обволакивает, набегаёт, ускользает, забывается, меняется, сгущивается и т.д., в моей — точно временной — ненормальной в сущности жизни. — На прогулке (возвращаясь) встретил бегуна Тендрякова. Оббежит свой круг — и за стол, всего и забот, добавилось, правда, с рождением ребенка, но это опять же своя забота. — В кои-то веки собрал горсточку стихов, ни одно не считая для себя значительной находкой, и уж — гляди — событие. А ведь я должен бы писать и писать. Но я беру на себя все — порой как будто мелочные заботы и тревоги по журналу, погрязая в них и порой с отчаянием вижу, что никто так не «влегает», все живут с покрытием потребностей возраста на отдых. Раздражаюсь — может быть, несправедливо — на своих «поддужных». В кои-то веки собрались в грибы съездить — любимейшее семейное мероприятие, — потом Маша была убита тем, что забыла еду, заготовленную в лес, предупредив Д<ементьева> и Т<ендрякова>, что ничего брать не нужно — все есть.

24. VIII

Утренняя косьба на участке — осенняя темно-зеленая отава, трава, которой уже не цвести, грустный, по-осеннему прохладный запах. Запах позднего укуса — память унылой неуправки в хозяйстве, — даже когда косят отаву на сено, и сено хорошее, сушка еще возможна. —

Вчерашнее посещение типографии, перегруженной заказами, тесной, едва управляющейся. Очень сильное впечатление в цеху брошюровки журнала (на один номер [тиража] идет 60 т бумаги). То, что бог весть из каких умственных запасов набегает у нас на бумагу, порой черт знает, какая ерунда и вздор, — все это набирается, правится, верстается, превращается на некий срок в металлический текст (матрицы), печатается на ротациях по листам, листы собираются в пачку экземпляра, пачка с обрезанными корешками (сгибами) срезается, склеивается и одевается в обложку (без нитки), идет под резак, сразу трем книжкам равняющий края (обрез), складывается в штабеля, вывозится и развозится поездами во все концы.

Типографские люди — читатели «Нового мира», люди, которых невозможно упрекнуть в невнимании к нему, — чудесно. Как я не удосужился до сих пор сходить туда!

«Правда» — верна себе: звонили, просили от имени будто бы главреда показать «весь цикл». Так мы говорим: «покажите что-нибудь еще»: нате вам!²⁰⁸

26. VIII

Уже послышалось что-то вроде отбоя отбою — статья Абалкина об Арбузове и т.п.²⁰⁹ Ан нет. В ЦК Куницын был еще определеннее и заходил еще дальше в смысле «отбоя». Я следил, как тройца из Полторацкого, Васьки Смирнова и Лесючевского прерывала записи в определенных местах, фиксировать которые им было невмочь (я об этом [со] смехом сказал Куницыну, когда мы с ним говорили в его кабинете).

— Главное — борьба за таланты.

— Бездарности, усвоившие манеру политических обличений.

— Талант ошибается в пределах искусства, бездарность вообще за его пределами.

— Критиковать талантливое произведение нужно талантливо.

— Статья Абалкина верна по существу (?), но нехороша по тону. И т.п., и т.д.²¹⁰

«Погода» и «Климат». — Рукопожатие Полторацко-го. — Лифшиц о моей статье: в ней есть личность²¹¹. — Корчевальные увлечения. — Бианки любит командировки²¹². — Сац после 300 гр. —

29. VIII

6 ч. 30 м. утра, опять обещающего хороший день этого мокрого и холодного лета. С утра — вместо того, чтобы безоглядно заняться чем-нибудь «своим» или даже не своим, но существенным, заночу только эти записи в затянувшуюся летопись терзаний и обольщений кратковременными иллюзиями относительно жизни журнала, а следовательно, и моей, и всей литературной нашей каждодневности.

Дядя Дима [Поликарпов] приехал — и опять все сначала. Вызван был Кондратович к Куницыну для ознакомления с имеющим быть решением ЦК по поводу письма группы литераторов о 70-летию Зощенко, — того самого, которое я не подписал и вернул Чуковскому для переработки и переадресовки на Союз (тут целая особая плутня и глупство выстарившегося лукавца Корнея и самого первого секретаря К.Федина, подписавшего это письмо вместе с группой далеких от его секретариата литераторов). Иначе говоря, с проектом решения, подписанным лишь Поликарповым, но уже обращенным в действие. Ознакомиться — минутное дело (отметить, издать двухтомник, статью в «Лит. газ.», провести тихо вечер в Л<енингра>де, — все, что я предлагал Воронкову, ставя вопрос об этой бумаге), но у Куницына — Воронков, и этот выдержанный вышколенный чиновник вдруг начинает:

— А у вас идет статья Каверина.

— Не статья, а глава воспоминаний.

— Все равно. Она ошибочная. Что ж это будет — в «Литгазете» будет одно, а у вас опять свое. Статья Каверина не вскрывает ошибок Зощенко, противоречит постановлению ЦК от 46-го года и т.д.²¹³

— Но по этому поводу Т<вардовский> писал в ЦК, ему ответили, что дело редакции, т.е. на ее усмотрение.

— Почему же вы сочли, что «на усмотрение» — это разрешение? Там у вас еще идет «Театр<альный> роман» — тоже на усмотрение? А может быть, по усмотрению редакции лучше бы и не печатать.

Куницын: — Ну о «Т<еатральном> романе» не будем, я его читал, там ничего такого нет, а главное — о нем же не было постановления.

Этот же Воронков, когда я рассказывал о встрече с П.Н.[Демичевым] ему «по-дружески» (постепенно я перешел с ним на хотя бы внешне доброжелательные отношения (после смирновской истории)²¹⁴ из-за ежедневной неизбежности обращения к нему и его лояльности в вопросах мелкобюрократического обихода), — этот Воронков говорил, я запомнил эти слова: «Я читал "Т<еатральный> роман", там "ничего нет". (высшая их оценка!). Мы просто отвыкли от настоящей литературы». — Мерзавец, в чистоте. Кондратович предлагает ему пойти вместе к Поликарпову, кот<орый> «редактировал» Каверина, но Воронков уклоняется: зачем же? — и идет к Поликарпову один, а через полчаса тот звонит Кондратовичу: — Опять вы... и т.д. Едва договорились, чтобы «еще раз посмотреть в понедельник», но уже все заранее ясно. Впрочем, ничего не ясно и нет сил даже вести эту «летопись», это все не те слова, какими можно излить всю гадость, глупость и тупость, злобную чиновничью памятьливость, — набегают другие, но уже совсем невозможные, пойду лучше чего-нибудь корчевать в саду, перемещать землю — единственно, когда происходят минуты отрады. — А на очереди мой цикл стихов, а цензура наготове получить возмещение своему самолюбию, а статейка Каверина не стоит 15 коп. сама по себе. — А тут еще удар в бок — от Солженицына, с которым не могу связаться, и уж мелочи. [...] Фиш [...] по поводу шведского социализма²¹⁵. —

31.VIII.65

День отъезда в Новосибирск. —

Разговор с Куницыным о Каверине. Стихи прошли без единого замечания цензуры²¹⁶. —

31.VIII—12.IX.65. Пахра

Еще один перекат: поездка в Новосибирск и ее частные последствия²¹⁷.

Академгородок: гостям сперва показывают цветной фильм «Золотая долина» — вот где и как мы живем и что делаем. А там уж что успеется посмотреть в натуре. Неистовая активность аудитории. Перед тем в городе, в Доме офицера (а не в Опере, как обещалось, «если Твардовский», — ибо совещание уже было известно, а разъяснения к нему еще не дошли), то же самое. Бедный горком — «только вы нас не впутывайте, мы ничего не знаем». После Д<ома> оф<и-

церов> и перед конф<еренцией> в Академгородке побывал у первого — Фед. Ст. Горячева²¹⁸ из опасения, что еще будет пункт: «и в обком не зашел». Он знать не знал ни о конференциях, ни о моем приезде, мужчина хороший, на исходе — из старых комсомольцев — понятливый, — смеялся, когда я рассказывал, как нас полгода зазывали, а потом сами были не рады приезду гостей. — Славный Залыгин. — «Яшка Альперович», некогда редактор смол<енского> «Ю<ного> т<оварища>», потом «Сов<етской> Сибири», кажется, потом — 17 лет тут же неподалеку отбывший. Принес на вечер в Д<ом> оф<ицеров> старинную групповую (склеенную) фотографию, где среди других смоленских писателей и я — в кепке (первая моя в жизни фотография, не считая семейной нашей единственной)²¹⁹. Из всех тревоги сомнений сейчас, пожалуй, главная — Солженицын. Я долго не хотел писать ему в строку то, что он, явившись граду и миру через нас, через меня собственно, все время глядел в лес, держал про себя свою отдельную московскую жизнь, ни на волос не считался с общими нашими интересами, был отчужденно тороплив, с неприятной резкостью и святошеством выказывал свое отвращение, подобно Набокову, «к рюмочкам, закусточкам и задушевному беседам». Бог с ним, думалось. А столько было за ним во все это время неясности, странной большей близости его к Анне Сам. [Берзер], чем ко всем нам, каких-то утаенных от нас поступков, знакомств, встреч. Теперь, приехав ко мне для объяснений по поводу «Граней» и «Семьи и школы», он точно рад был, что приехал на моей казенной машине, которая поторапливала нашу беседу, с обидной, в сущности, поспешностью уехал. На другой день телеф<онный> разговор с ним: все-таки, говорю, несгораемый шкаф и т.д. Нет уж, говорит, ничего, заберу все четыре. — Ваше право. Потом из того, о чем договорились, сделал только первую половину, да и ту оставил мне в копии письма А.М.Р<умянцеву>, а о второй — ни звука²²⁰. А мне объясняться с Куницыным. А еще бог весть что может он, скрытый самодум, удрать* с этими экземплярами. Впрочем, никто как бог, а это не в моей компетенции. —

После статьи Румянцева, очень половинчатой, сборной, сшитой вкривь и вкось, но все же !:ключающей даже тень торжества «друзей-непосед» и иже с ними, цензура сказала: что с вами делать, раз вы «по усмотрению»²²¹.

* В смысле учинить, проделать.

13.IX.65

Закончили обе стороны забора — весьма жидкого, прожилыны-брусочки навешаны посредством железных «хомутов» на бетонных трубах, зацементированных в земле, но очень хрупких — стукнуть обушком — и нет столба. Зачем возился с этим? — Была неприятна прежняя городня в клетку из экономии, к тому же обветшавшая, неопрятная. А кроме того — были эти трубы уже завезены и был цемент, в излишке завезенный и уже «тронувшийся», — словом, все как для порядка на столе делаешь много такого, что не имеет никакой разумной цены. Сегодня — ворота. Устал от плотников, как от гостей, которым бы давно пора домой, а они все тут и требуют внимания, связывают.

После двух томов мемуаров Боборыкина (все время забываю, в каком близком родстве я с этой полуудиозной фигурой литературной по «Василию Тёркину»)²²² вдруг взял 25—26 тт. «Истории» Соловьева, царствование Екатерины Второй — прелесть. Как можно жить, не зная столько вещей из родной истории! Самое наше стариковское чтение — мемуары да История с таким обилием подлинных документов, подробностей, огромными и в то же время как-то необременительными возможностями сближений, сравнений и т.п., точно все это знал наперед.

Зовут снизу — пришел плотник, — рад, что можно уйти из-за стола. —

14.IX.65. П<ахра>

Минувший день был полон приятнейших хозяйственных забот: с утра Николай разбирал и перевязывал створки ворот, Миша делал еще одну «изящную» лестницу — для хождения по черепичной крыше; с обеда подошел с Вас<илием> Род<ионовичем>, подключился — начал отесывать воротные столбы из той самой сосны, что еще три дня назад стояла, нависая усыхающей макушкой над крышей и заслоня голым стволом окно кухни. Сам с утра подбирал дровяной хлам от старого забора, потом, узнав от Маши о яблонях, которые можно взять по соседству, приступил к давно задуманному «выравниванию лесной части участка в интересах сада и огорода»: стал корчевать березки в зоне дровосеки.

К вечеру, когда уже были установлены воротные столбы, к поперечине приживленные гвоздочками, были присло-

нены обновленные воротницы, — как из воды появился Солженицын с портативной канистренкой в руке — как бы с портфелем или чемоданчиком. Конечно, может быть, только утром сегодня я понял необратимо (если не...), что так явился поворотный час моей литературной и житейской судьбы. Но не успел нежданный гость сказать, что и как, только произнес слово «рукопись», я его перебил:

— ...и ее забрали?

— Да. Мне нужно с вами. Я дал промашку, что взял ее из редакции.

Оказалось, он не доехал двух километров до меня по пути из Обнинска из-за нехватки бензина (завернул ли бы он, будь у него бензин!)²²³. Быстро сладили, взяли бензина у Тендрякова. На машине его гостя П.Капицы (сына)²²⁴ Солженицын с бензином был доставлен к своей машине и жене, и через полчаса оба они уже сидели у моего камина, а Маша готовила на электроплите чай и ужин — газ кончился в баллоне. Обсуждение: рукопись взята на квартире его знакомого по Рязани математика заодно с какими-то теософскими (?) книжками, которыми занимался этот знакомый (значит, книжки-то привозные, «недозволенные»?), узнал он, Солженицын, об этом в Обнинске, куда приехала его родственница с этой вестью. Зачем было брать рукопись, даже если брать, отправляясь не домой, а в Обнинск, зачем ее оставлять у какого-то «знакового» с его теософией?²²⁵ Первым моим внутренним порывом было — ехать завтра в М<оскву>, звонить, проситься к Демичеву, но потом, нет, это если бы рукопись была забрана из редакции, а так — пусть он начинает. Переночевав, они в 6 ч. уехали — с тем, чтоб узнать подробнее: кто, что и как, есть ли хоть расписка. В 10 ч. он будет звонить Д<емиче>ву, не примет — письмо, кот<орое> он вчера же набросал²²⁶. — Вот оно?

Исаковский третьего, кажется, дня увезен в больницу скорой помощью — очень тревожно²²⁷.

15.IX

Вчерашние радости:

1. Воронков затребовал для рассмотрения на Секр<етариа>те каверинского Зоценко и ред<акционную> статью из № 9 («даю слово коммуниста, что это не моя инициатива» — Кондратовичу). Задержка при всех обстоятельствах обойдется невыходом № в сентябре²²⁸.

2. Из Цензуры позвонили: снимайте статью Синявского — он арестован²²⁹. Кондратович звонил Меньшутину²³⁰: «Обыск был?» — «Был». — Все ясно. Потом уже непроверенные сведения: распространение антисоветской зарубежной литературы (?).

3. Солженицыну секретарь П. Н-ча [Демичева] сказал, что тот будет через три-четыре дня. Письмо принял. Солженицын заходил ко мне, на себя не похожий, точно после похмелья, осунувшийся и воспаленный, в явном упадке духа. Он боится, что его заберут, чего накануне еще не допускал на словах, и его можно понять: он не трус, но он знает, что все можно, что самое нелепое, паническое предположение может стать реальностью, — у него опыт. Я его как мог успокоил, мы обнялись. М<жду> пр<очим>, еще одна неприятная подробность: у «теософа» забрали также пакет с лагерными стишками С<олженицы>на, отнюдь не лирическими. Зачем ему дался этот хранитель? — Я ничего не сказал в редакции об аресте рукописи, но мне показалось, что Закс что-то чувствует или предполагает.

Утром хорошо гулял в полевой стороне, утро осеннее, ранней осени, вторые клевера цветут, как и первые, только запах уже не тот. Пополнил те 4 березки, помогал («воодушевлял») Мише делать желоб. Поранил мизинец правой [руки].

16.IX

Каждодневность и ежечасность моей жизни проходит по, казалось бы, очень удаленным один от другого рядам: голова занята то печальями, тревогами и опасениями в связи с журнальными делами (сейчас это Солженицынская история), то стариковскими утехами — заботами по ремонту дома, садовыми преобразованиями, — нет, не стариковскими: я лишь изредка вспоминаю, что к чему бы мне уже все эти хлопоты по посадкам и пересадкам, раскорчевке, обеспечению долговечности столбиков забора и т.п. — ведь уже у меня не сроки впереди, что были во Внукове с первых лет. Нет, это и не суетно-корыстные заботы, — это моя отрада, в этих занятиях я ближе всего к ощущению и хоз<йственным> мечтаниям моего загорьевского отрочества, когда я уже сажал, пересаживал, устраивал себе кабинет в предбаннике и т.п., а главное — мечтал. Когда человек, в каком возрасте утрачивает эту радость замыслов, предположений, затей далеко вперед? Кажется, только о любви

я уже не мечтаю в таких определенных картинах и образах, как смолоду.

А время такое, что еще бог весть что может быть последствием всех усилий по журналу, в частности — в связи с Солженицынской историей. Какая судьба — выйти, вынырнуть из той пучины кромешной, где конец всему — человеку, личности, таланту и часто самой жизни, — успеть рассказать о том, что там, — рассказать с такой силой, стать всемирно известным писателем, быть обласканным, прославленным в течение полугода, а затем вновь ощутить на себе сперва медленное, но все более близкое дуновение той пучины и, наконец, совсем над головой ее «крылья», будучи теперь уже по-настоящему «виновным» в разглашении всему свету и времени зловещих тайн этой пучины.

Нет, с арестом Солженицына я не примирюсь никогда. Это все равно, что забрали бы меня. Я больше отвечаю за него, чем он сам за себя, каких бы он там глупостей «конспирации» ни наделал. —

Читаю продолжение Конашевича (№ 10) в верстке²³¹. Какие ценнейшие вещи стекаются в журнал отовсюду, как он вбирает все лучшее, что есть, что вызывается самим его, журнала, существованием, будь это Мих. Лифшиц или ген<ерал> Горбатов. Даром, что ли, академик Семенов звонил, предлагал свою статью именно нам (не имея понятия о сроках нашего выхода), ту самую, что так восхитила меня со страниц ж<урна>ла «Жизнь и знание»²³². На днях заходила вдова Булгакова Елена Серг<еевна> пожать мне руку²³³.

Палец мешает писать и будет мешать работать с топором и лопатой некоторое время.

Никак не соберусь записать о том, какое место в моей жизни занимает [в] последние годы сон, как я люблю засыпать, хоть встаю рано и сплю в общем мало, но уже нуждаюсь в сне, не тягочусь его необходимостью, как бывало в молодости. —

Те, что арестуют рукописи романов и т.п., полагают, должно быть, что это куда как гуманно: ведь самого же (телесно) автора [не] изолируем, как в грубые времена, а только то «вредоносное», что от него исходит. Конечно, если считать, что душа менее принадлежит автору, чем тело, то они правы. Но Гроссмана это свело преждевременно в могилу, а Сол-

женицын явно на грани психического расстройства — он ничего не сможет писать больше, если этот вопрос не разрешится в недвусмысленном плане, а вряд ли он так разрешится. И это — конец — конец даже без проведения «меры» в отношении «тела».

Кажется, впервые сегодня подумалось, что эти мои записи, эти тетрадки за более чем 30 лет, конечно же, могли бы представить интерес для охотников за рукописями. И невольно заработала мысль, как бы их спрятать — ведь это не только след всего написанного мною, это — моя жизнь — как ни отрывочны и случайны эти записи, — без них я сам для себя наполовину мертв, — но это материалы, некий черновик «Главной книги». Слава богу, что о существовании этих тетрадок никто не знает, а если я кому и говорил о них, то это могло пониматься лишь в смысле «лаборатории» писателя и вряд ли кто верил в реальность этих тетрадок — хвастается, мол, как все пьяницы хвастаются своей организованностью и т.п.

20.IX.65. П<ахра>

Записи эти все более приобретают характер не рабочей тетради писателя, а хроники журнального «мигательного» горения и редакторских мытарств. Сейчас, как уже столько раз ранее за последние годы, они еще подсвечены настроением приурочивания к повороту судьбы и возможности заполнять эти страницы своим собственным, что только и останется в жизни. —

В пятницу — у Воронкова (потом подошел Г.Марков). На сочувствие и поддержку там нечего рассчитывать: нам поручено, сами понимаете, мы должны указать на что-то, что и т.д. У этих людей — ничего, кроме опасения за свою чиновничью шкуру, — нет, в данном случае, кроме этого, полуосознаваемое самими злорадство по поводу того, что «мыкающей редакции» («мы, мы...») прижат хвост.

Условились было, что в понедельник Секретариат, на котором редколлегия «НМ» (я, Кондр<атович>, Виноградов — за отъездом Лакшина) получит разъяснения²³⁴. В субботу, однако, Воронков позвонил Кондратовичу (жене), что Секр<етариата> в понедельник не будет, а будет в пять часов у Федина на даче нечто келейное, куда просят меня одного. Вчера приезжал Кондратович с этим известием о перемене места и пр. Что там удумано — неизвестно, но я намерен недвусмысленно дать понять, что если Секретариат встанет на

сторону цензуры, то это уже не сулит журналу никакой жизни и что я вынужден буду уйти. А что это будет означать — судите сами. Мало хорошего.

21.IX.65. П<ахра>

Пожалуй, в отношении моей летописи я уже могу сказать: еще одно последнее сказанье, и она будет окончена.

Вчера уточнилось, что к Федину еду я один, а секретари (Воронков, Марков, еще кто?) уже побывали у него, а он, мол, хочет поговорить со мной, прежде чем принять участие в решении, а они, мол, не мыслят себе решения без его участия. Это уже пояснял мне Воронков, которому я позвонил, говоря, м<жду> пр<очим>: «Разговор (с Фединым) был трудный»²³⁵. Поехал.

— К<онстантин> А<лександрович>, вопрос в данном случае стоит так, что ежели Секретариат протянет руку цензуре, то житья от нее больше не будет («ваши же товарищи») и в такой роли, уже не чувствуя за собой хотя бы условной моральной поддержки Союза, т.е. литературы, я далее пребывать не смогу — я ухожу. Ухожу при полном понимании значения этого факта и всех его последствий.

— Я вас понимаю и сам точно так же поступил бы.

— Протянуть руку цензуре в данном случае означает — сделать хоть малейшие замечания, которые редакция вынуждена была бы выполнить. Поэтому идеальное и единственно правильное в данном случае решение — это: Секретариат не усматривает ничего, что препятствовало бы... и т.д. И если могут быть какие-нибудь частные мелкие замечания, то цензура могла бы их сделать в рабочем порядке.

23.IX.65. П<ахра>

Третьего дня был Секретариат, пришли все, кто в Москве: Грибачев, Кожевников, Чаковский. Потом стали разбегаться. С самого начала ушмыгнул Марков, которого я воротил от двери, чтобы он сказал что-нибудь, он и сказал нечто хитренькое и недосказанное: «я вам уже говорил», — это насчет «полноты правды», но какой, мол, правды²³⁶. Федин, Сурков — вполне прилично, насколько это возможно. Те трое — один другого краше — пришли собственно затем, чтобы отметить в смысле идейно-политической безупречности в отношении «НМ». Нет, мы не цензура, не можем брать на себя ее функции, а следовательно, не можем сказать, что мы не видим оснований к задержанию этих материалов, устранимся. Все же, видя

твердость (очень относительную) Фебина, согласились на том, что «были сделаны замечания, которые не могут быть препятствием»... Поручили Воронкову доложить завтра, т.е. 22.IX, Мелентьеву²³⁷ (это, оказывается, его указание было).

С какой готовностью Грибачев, когда я под конец сказал, что в случае неподдержки со стороны Секр<етариата> я вынужден буду сделать выводы, — с какой готовностью и невольным вздохом облегчения у него вырвалось:

— Ну, что ж... — т.е. ну что ж, очень жаль, но вольному воля, уговаривать не будем...

Вчера утром приехал на совещание руководителей соц<иалистических> союзов писателей, пишу Воронкову записку, он подошел: должно в 9 ч. и оставлено там наше решение.

Перешел из клуба в Союз, позвонил в редакцию — ничего, ни звука, журнал лежит. Позвонил по вертушке Куницыну, тот говорит, что он ничего знать не знает, он лишь говорил на совещании редакторов (на котором я был), что Союз должен руководить журналами, обсуждать их работу и т.д.

Я выпаливаю ему все, что заготовилось, в том смысле, что одно мне в ЦК говорят в лицо, другое делают за моей спиной и т.д. и что это приобретает «унизительный и даже издевательский характер» и что благороднее было бы сказать прямо, что я и редколлегия в данном составе, что называется, не ко двору.

Он попросил верстку ред<акционной> статьи (как будто ее нет в соседней с ним комнате — у Мелентьева). Сегодня даст ответ («Созвонимся», т.е. опять нужно звонить, а там он, конечно, что-то найдет, мы исправим, но цензура потребует, чтобы исправления были завизированы, и т.д.). Суркову я сказал, когда он напомнил мне о вице-президентстве и о том, что 2-го, кажется, сентября нужно ехать в Рим:

— Зачем я тебе, когда буду уже не редактор «Нового мира».

— Этого быть не может.

— Вполне может.

— Так тогда и я не поеду. — Но это слова. Разговор был при Фебине, и я сказал, что уже дважды заявил о том, что готов уйти, и мне остается еще раз — последний — сказать это — уже Д<емиче>ву.

27.IX. М<осква>

Ночевал здесь из-за пленума²³⁸. Эти дни на даче были земляные, дровяные и прочие утехи, даже за эту тетрадку не брался, да и записывать было нечего. Куницын на другой день «не успел» прочесть 4 странички верстки, потом все же прочел и, как мне сообщил Кондр<атович> по тел<ефону>, сделал-таки замечания — малосущественные, они уже выполнены. Ж<урна>л безнадежно запоздал²³⁹.

Вчера здесь произвел чистку в секретере, впервые, кажется, после переезда на эту квартиру, выбрал все переводы моих книжек — груда — на дачу, для всякого подобного добра Миша строит полки в гараже. Две толстые папки — мои тетрадки, их пора разместить по годам, скоро к ним и эта.

Чистые запасные тетради лежат годами, все не решаюсь распечатать лучшие, напр., в матерчатом сером переплете, в крупную «финскую» клетку — ее разве что под «главную книгу», — да где же решишься! —

28.IX. 5.30 утра. М<осква>

Остался на ночь здесь, хотя очень хотелось поспать на даче, кот<орая> сейчас подтапливается, и можно [спать] с открытой на балкондверью, — была усталость — ехать туда-сюда, уговариваться с диспетчершей о машине на 8 ч. — не было на все это энергии и не было большой нужды — поговорил по телефону.

С пленума. Позавидуешь работникам промышленности — они как будто дождались разумного, реалистического отношения к их делу и задачам: больше самостоятельности, больше доверия к командирам частей и соединений, учет реальных интересов и нужд и т.д. Хотя в который уж раз мы слышим с этой трибуны, что речь идет «о жизненно важных решениях». И нельзя не иметь в виду, как это обернется практически, хотя несомненно, что «необратимость» вступит в силу, подобно тому, как она вступила в деревне по линии «снятия этих ограничений» (участок, корова и т.п.). Доклад хорош, без приемов красноречия, краткий и дельный. Вообще реализм Косыгина яснее и определеннее других реализмов и чужд «романтики». Есть и очень дельные выступления (Воронов, Кунаев)²⁴⁰, но уже были «пустоутробные» (Гришин)²⁴¹ и будут еще (наверняка — Павлов комс<омольский> и др.).

Вечером по пути с работы заехала Валя. Должно быть, ей хотелось больше рассказать об успехе своего доклада о Кропоткине — успех был, видно, но она кинулась к моим делам, т.е. журнальным терзаниям и бедам, учуяв, что я «опять» настроен к отступлению, и со всей страстью и преданностью и, м.б., дочерним преувеличением значения моего на этом месте вновь стала убеждать, взывать к моему долгу, самолюбию и т.д. От матери она уже знает о солженицынской истории, правильно понимает ее, говоря, что «все пройдет тихо», по крайней мере этого хотят учинившие эту историю.

Оля, будто углубившись в газету, вслушивалась, и надо знать ее чуткость, сообразительность и проницательность ее сердечка, чтобы не сомневаться, что она все ухватила и, может быть, немного обиделась, что мы говорим при ней о чем-то, что она не должна знать.

Несколько лет назад мне иногда казалось, что дочери отдаляются от меня (отчасти из-за моей «слабости», принимавшей порой крайние формы) и не то равнодушны ко всему, чем я живу, о чем думаю, не то даже чужды. И вот все более я вижу и чувствую другое и другое: они горячо, всем сердцем воспринимают все, что касается меня и журнала, все понимают, от них идет на меня нежность, уважение, я в чем-то их опора, надежда, чувство достоинства и, может быть, чуть-чуть «тщеславие крови». Это, право же, счастье, потому, между прочим, что это часть того доверия и той надежды, какие на меня возлагают многие далекие и близкие. И всегда нужно помнить, какую боль я причиню этим далеким и близким, добрым душам и какую радость песым душонкам, если поддамся «эмоциям» и наконец не выдержу этой «системы удушения», проводимой по отношению к журналу.

Сидим рядом с Сурковым, кот<орый> «готовит» меня для поездки в Рим и чует с опаской, что я могу вдруг еще все «поломать».

В перерыве был в редакции, повторил Конд<ратови>чу и Виноградову, что уйду, если не... и т.д., как обычно.

Виноградов: — А.Т., поезжайте в Рим, вступайте в вице-президентство и уж тогда, мол, «ультиматируйте», если на то пошло...

30.IX.65. П<ахра>

Продолжение хроники редакторских терзаний и, кажется, знаменательное завершение этой тетради, — уже захватил из города «финскую» и одну из итальянских — тонкую.

Третьего дня Сурков во время заседания получил записку: позвонить т. Мелентьеву — дело неслыханное — ни входить, ни выходить во время заседания пленума не положено. В перерыв он позвонил и сказал мне, что пойдет к Мелентьеву «по нашим персоналиям», т.е. кто куда прочитается в состав рук<оводящих> органов Европ<ейского> сообщества. Я сказал, чтобы он в отношении меня излагал так, что я не хочу, но если это будет партийное поручение...

— Я так и Демичеву излагал.

— Вот и хорошо.

Третьего же дня Кондратович сообщил по телефону: подписали, — я-то считал, что уже было все подписано, т.е. и ред<акционная> статья. Но все же — слава богу: две с гаком недели задержка, две-три пустяковые поправки. Все равно идти к Д<емиче>ву — расскажу к слову эту историю.

Вчера до утреннего заседания Сурков, несущийся по коридору, спрашивает, не видел ли я Демичева, — мне, мол, нужно передать мое письмо.

— А что?

— Ничего, ничего, А.Т. — Со значительным умолчанием. — Все будет в порядке. — За минуту до открытия он сорвался с места, заметив Д<емиче>ва, и успел вручить ему письмо свое. Однако, словоохотник и хвостун, он так-таки и не сказал мне о содержании письма и заметно утратил ко мне интерес с точки зрения предстоящей поездки. С тем мы и простились по закрытии заседаний, причем он, любитель задержаться, поболтать и поболтать о чем угодно, не пошел со мной через Спасские [ворота], а повернул к Боровицким, так, мол, ему ближе в Союз, слабо спросив, как меня искать по телефону.

В редакции. Когда я уже вызвал машину, чтобы ехать домой, Кондратович входит с версткой ред<акционной> статьи.

— Сейчас позвонил Аветисян — вычеркнуть все про «правду»: указание моего министра (Романова).

— Ал<ексей> Ив<анович>, какую он «правду» имеет в виду: правду, которая истина, или газету «Правду»?

— Ах ты, я не сообразил, сейчас переспрошу.

— Вы по абзацам, по строчкам выясните.

Позвонил.

— Нет, «Правду»-газету — все, что про Семина, и чтобы Семина вообще не упоминать²⁴².

Показал мне отмеченные места.

Я хотел было тотчас ехать на вертушку, но как-то раздумался, почувствовал усталость (с 5 ч. читал верстку, потом

пленум, решил ехать с утра, заказал у калитки запиской машину на сегодня (на 10 ч.).

Сидели у камина, жег я с раздражением сосновые ветки, горящие бурно и жарко, но не споро, — ветки с зелеными шишками — с той сосны, что пошла на воротные столбы. Телефон. Звонит Сац: не хочу ли (все уже знает) посовещаться с членами (т.е. с ним, Виноградовым и Кондратовичем) перед тем как звонить — видимо, они испугались, что теперь уж я, очертя голову, просто заявлю об уходе. Ладно — в 11 ч.

1.X.65. П<ахра>

Краткий отчет за 30.IX:

Поехал сразу на вертушку. — «Кабинет тов. Демичева». — П<етра> Н<иловича> нет? — «Он принимает участников пленума». — М.б., вы позвоните мне в редакцию, когда освободится? — Хорошо. В редакции ждем час, два — звоню: не освободился? — «Нет, и вряд ли уже сможет принять вас». — Все же — доложите. — «Хорошо».

— Нету. Звоните Г.И.Куницыну.

Куницын: — Я ничего не знаю. Звоните Мелентьеву.

Мелентьев: — Видите ли, у вас там (в ред<акционной> статье) полемика с «Правдой».

— Не с «Правдой», а со статьей Лукина, даже не названной там. А если и с «Правдой» — почему «Вечерка» или «Сов. культура» может...

— Этого я не знаю. А у тов. Романова были основания... — Все.

Распускаю членов по делам и домам, вызываю машину и заказываю на 9 ч. на завтра, с тем чтобы ехать опять на вертушку, ухожу, но возвращаюсь за спичками — С<офья> Х<анановна> на телефоне: — А вот он вернулся. Сазонтов²⁴³ связал меня с Демичевым: Слава тебе господи.

— А.Т., видел вас мельком на пленуме, лицо хмурое...

Начало неплохое. И тотчас вижу, что он знает, о чем я буду говорить — о № 9. Выпаливаю всю историю в нарастающей экспрессии, он с нарочитым спокойствием тона, медлительностью и весомостью повторяет свои прежние слова о том, что в компетенции редакции решать и т.д. Однако считает, что Союз вправе от времени до времени обсуждать работу журнала...

— Да, но не таким способом, не в такой форме, как это произошло с № 9.

— Да, это получилось неуклюже... Но полемизировать с «Правдой», А.Т., не следует.

— Не с «Правдой», а с глупостью, например, по поводу того, что произведение тем более вредно, чем оно талантливее...

— Да ведь это правильно... — И тут идет длинная дискуссия с упоминаниями имен И.П.Павлова²⁴⁴, академика, Бунина. А затем речь переходит к Солженицыну («иду за героями»), и опять имена Пушкина (Татьяна), Толстого (Каренина) и т.п., и самое ценное здесь, что мы задерживаемся на Солженицыне, он говорит, что тот ему понравился, если он не изумительный актер...

— Нет, говорю, какой актер, наоборот, не в пользу себе угловатый человек, и потом эта борода...

— Мне борода ни к чему, а вот глаза у него такие ясные и честные... Да, там у него неприятность с рукописями, он оставил их у человека, который недостойн был такого доверия...

— Ах, П<етр> Н<илович>, он в страшном смятении, это так ужасно...

— Да, я уже сказал Семичастному, чтобы (разобрались и) вернули ему рукописи. (Это было дважды сказано.)

— Я счастлив, что вы так отнеслись к этой истории, благодарю и т.д.

Пожалуй, это самое важное в разговоре, освободившее от груза «тайны», легализация вопроса. Но еще и то, что после моих разгоряченных слов о том, что с отделом невозможно говорить, что там какие-то плутни, что журнал в невозможном положении и т.д., он сказал, что раз уж так, то давайте сразу после сессии соберемся, вызовем всех, кого вы (т.е. я) хотите, поговорим основательно. Только, мол, выбросите (или отбросьте) слова и мысли об уходе. Это я не мог не сказать, что дело приобретает оскорбительный и даже издевательский характер и что я хочу ясности: если я не ко двору, так пусть об этом будет сказано прямо. Такой встрече с цензурой, и отделом, и Союзом я, мол, рад, очень рад.

Но вопрос о ред<акционной> статье в № 9 так и остался («мне надо посмотреть, что там»), и я, огорошенный множественностью изъяснений, не мог уже добиваться немедленного решения этой конкретики.

Что я, пожалуй, зря сделал, так это, упомянув о «фольклорной» фразе о том, что «надо сделать так, чтобы Тв<ардовский> сам ушел» («кто это сказал?»), — назвал Соболева.

— За Соболева я не несу ответственности. — Но, конечно, он подобную или еще более радикальную постановку вопроса Скабой и др. знает по Совещанию²⁴⁵.

Суркова видел во дворе Союза, он был далек от меня, уклонился при моем вопросе о новостях, — ясно, что он что-то знает уже от Мелентьева, и даже не напомнил мне о том, что послезавтра, т.е. завтра, лететь в Рим.

— Пошел бы ты сейчас, право, посидеть с японцами.

— Пошли они в ..., — сказал я и еще что-то (при Маркове) и сел в машину.

2.X.65. П<ахра>. 6 ч. утра

Чистых страничек уже совсем немного, но их, по-видимому, хватит для завершения моей истории. Сегодня в это время я должен был находиться уже по пути к аэродрому — билеты, документы на меня — все это у Бр<ейтбур>да, я должен был за ним заехать. Но я верно угадал в поведении Суркова после вызова его с пленума к телефону. Вчера он ознакомил меня с копией своего письма Демичеву (и забыл его у меня на столе, чем был обеспокоен настолько, что после моего ухода из редакции забегал туда и изъяснялся через Софью Ханановну). Этот документ освещает дело на первый взгляд с неожиданной стороны, но если вспомнить выступление Кузнецова²⁴⁶ на совещании идеологов, то станет понятно, что тут бог послал отделу.

«29 сентября 1965 г.

Уважаемый Петр Нилович!

Вчера тов. Мелентьев вызвал меня и сообщил о том, что есть предположение остановиться на моей кандидатуре в вице-президенты Европейского сообщества писателей. Я сердечно благодарю за оказываемое мне доверие, но прошу выслушать соображения, по которым вынужден просить о снятии моей кандидатуры.

Чтобы придать наибольший вес руководству Сообщества, предполагается создать президиум из *всемирно* [известных] писателей (предположительно: лауреаты Нобелевской премии Халдор Лакснес, Иво Андрич, Жан Поль Сартр, английский романист Онгюс Уилсон), и в этом контексте возникла кандидатура А.Твардовского, чье имя обладает всемирной известностью. В таком контексте имен у меня не хватает исходных данных, чтобы рассчитывать получить нужное большинство голосов на Конгрессе. Кроме того, за последние годы, ввиду того, что мне неоднократно приходилось выступать по ряду острейших международно-литературных споров, мне в мировой прессе создана устойчивая репутация «сторожевого пса», непримиримого и несговорчивого. Так как подобная травля продолжалась долгие годы, то она имела

влияние на умы не только реакционных литераторов, но и людей прогрессивных, но мало меня знающих.

Практически же, я в предшествовавшие годы, не будучи официально выборным лицом, мог влиять на политику руководства Сообщества и, оставаясь руководителем советской группы, могу это делать и в будущем, через тех советских литераторов, которые будут избраны.

Я вновь настойчиво прошу, для пользы дела, санкционировать выдвижение кандидатуры А.Т.Твардовского в вице-президенты Сообщества. Соображение об опасности для дела его известной житейской слабости кажется мне не решающим, так как, будучи дважды вместе с Твардовским в длительных заграничных командировках, я оба раза не только не был свидетелем его житейских срывов, но, наоборот, имел возможность убедиться в его большой политической активности и последовательной защите им наших позиций и на дискуссиях, и при выступлениях для печати, радио, телевидения.

Есть в этом деле и еще одна сложность. Как один из секретарей правления, Твардовский знает о том, что его кандидатура выдвигалась нами, и будет крайне сложно объяснить ему, в конечном счете, [если] все будет решено иначе. Меня же, если будет утверждена моя кандидатура, это поставит в ложное положение и в литературной среде, и перед Твардовским, с которым у меня в последние годы наладились полезные для общего дела товарищеские отношения.

Я уверен, что при вице-президентстве Твардовского и участии в руководящем совете К.М.Симонова, при условии, что я (по крайней мере до нашего съезда) останусь руководителем советской группы, [будет] осуществлено проведение нашей правильной литературно-политической линии в этой сложной и требующей большого такта международной литературной организации.

Я никогда не отлынивал от партийных поручений, хотя назначение меня в свое время сначала редактором "Литгазеты", потом редактором "Огонька" и в руководстве литературными делами подорвало меня в трудном возрасте как литератора, пишущего книги, и я прошу поверить (!), что это письмо продиктовано не личным эгоизмом литератора, а соображениями партийной пользы дела».

«Баба с возу — коню легче», а между тем № 9 лежит, и что дальше — бог ведает. Вчера должен был приехать Дементьев. — Маше, конечно, не говорю о «мотиве» отвода — она может понять, что это по-серьезному. —

3.Х.65. П<ахра>

Баба с возу — коню куда как легче. Маша уехала в город, а я с утра, записав, что было, в тетрадку, занялся «утехами»: выкорчевал куст берез (5 корней) между двумя «заряженными» уже ямами под яблони, убирал следы своих прежних лесонарушений на участке — жег хворост от березок и сосенок (3), пошедших на столбики заднего забора, колот, рубил дровишки. А в доме, оказывается, надрывался телефон. Пришел обедать — звонит С<офья> Х<анановна>: от Демичева просили позвонить (сперва звонили из Союза, «от Воронкова», и т.п.). Соединяюсь с П.Н. [Демичевым].

— Я очень огорчен... Почему вы не поехали в Рим, возвратили билет?..

— Я билета в глаза не видел и т.д. Я узнал, что моя кандидатура в КОМЭС отклонена.

— Кто сказал?

— Сурков (я не мог не назвать его, но о письме не сказал ни слова). После того, как Мелентьев вызвал его с пленума, последний потерял ко мне интерес. (Тут еще то, что я не различал двух «списков» — делегации и кандидатов — для меня это было одно.)

— Никакой Мелентьев здесь ни при чем. Эти вопросы решает всецело Союз писателей...

— П.Н., не нужно со мной разговаривать как с малолетним или слабоумным: Союз ничего не решает без «отдела».

— Так будет учиться решать. Я сейчас велю разыскать всех имеющих в наличии секретарей, и чтобы вопрос был решен сегодня в вашем присутствии.

Следующий звонок — просьба приехать в ЦК к Куницыну, звонки и перезвонки о машине, Дементьев, интересующий мой невыезд, — в пять часов приезжаю к Куницыну — там «заседание Секретариата»: Воронков, Марков, Грибачев, Гончар, Кожевников, Абашидзе, еще кто-то. Все вопросы уже решены, т.е. их созвали для составления «директив делегации, отправляющейся в Рим». Мою попытку услышать объяснения по поводу моей кандидатуры в вице-президенты и метаморфоз с ней упреждает Куницын («мы останемся — поговорим»). Впервые, кажется, вижу Мелентьева — пренеприятный тип, из тех, что лицом и голосом стремятся выразить некие внешние полномочия, коими они наделены, и внешние соображения, не дурак явный.

Я требователен, серьезен (полгода «готовили», а потом и не извинились даже — это я и П.Н. сказал) и вынуждаю Куницына сказать в деликатнейших и туманнейших выраже-

ниях о моей эмоциональной, порой, неуравновешенности, которую имел в виду «неполный Секр<етариат>», отводя мою кандидатуру.

— Вы хотите сказать, они имели в виду, что Твардовский — пьяница.

— Ах, нет, ах, да, не мы, отдел, с этой стороны вас не знаем...

— Но если так, то его, т.е. меня, опасно посылать и в составе делегации?

— Ах, нет... — и т.д.

Но вот Мелентьев поворачивает на «директивы», и оба они начинают меня учить, что я не должен там выступать как редактор «НМ», имеющего ошибки и не всеми принимаемую «линию» (даже слов соц<иалистический> реализм нет), а как представитель всей славной сов<етской> лит<е>рату>ры.

— А вот это уже посерьезнее «эмоциональной неуравновешенности». Так я говорю, что я не намерен с ног на голову перевернуться, изменить свои взгляды и убеждения и т.д.

И когда вдруг возникает фамилия Грибачев (кот<орый>, мол, так же, как и я, стоит на своем), я говорю:

— Вот и рекомендуйте Грибачева, коль он вам больше импонирует.

— Мы посылаем вас как виднейшего, крупнейшего... — это Куницын.

Мелентьев подхватывает:

— Как поэта, а не как редактора (последнее качество мое — вот истинная причина опасений!).

Я увидел, что они бледнеют, докладывать вопрос еще раз им страшнее всего, они ищут обходительнейшие слова и, наконец, рады-радешеньки, что директивы я принимаю «лишь в самой общей форме». Будь ты проклят, — думают они про себя, — и уезжай ты и говори там, что хочешь, только уезжай ради бога в понедельник.

Потом я настоятельно приступил к вопросу о № 9, который в понедельник мог бы пойти в машину, осекал Мелентьева, попросту прочел целую лекцию о ненормальных формах руководства журналом за моей спиной, не забыл сказать, что я все это уже рассказал и еще расскажу П.Н. Отвергнул попытку Мелентьева напомнить про Синявского статью, из-за которой, мол, и произошла задержка ж<урна>ла в производстве²⁴⁷, поучил его воздержаться от слова «вызывал» («я вызвал Воронкова» — хотя, может быть, это Воронкова устраивает), а говорить «пригласил» и т.п. — все это к замет-

ному удовольствию Куницына. Условились об «исправлениях» в тексте ред<акционной> статьи²⁴⁸.

Для памяти — на случай высказывания о лит<ерату>ре «в свете последних пленумов».

Что я буду говорить на конгрессе? Пожалуй, о *читателе*, а отсюда о «видении» — в духе статьи Лифшица²⁴⁹.

4.X.65. Москва

Итак — еду, в 8.30 должен быть в аэропорту. Еду избираться в вице-президенты этого эфемерного сообщества — не потому, чтобы я этого хоть чуть-чуть добивался или хоть втайне хотел, — нет, мне так отрадно было, что куда не нужно ехать, ни к каким выступлениям не нужно готовиться, — а потому, что так оно идет само, и в который раз уже я испытываю это чувство — щепки, несомой некими волнами. Однако объективно оно вроде бы и на пользу делу, а я всякий раз лишь подчиняюсь необходимости. Правда, я не захотел подчиниться «необходимости» молча слотнуть мелентьевскую гадость (в ее особой повадке — мотив «слабости») и молча поехать «в составе делегации», и это «сработало» еще до того, как я «возвратил билет» (успели и такое придумать и пустить в обращение). Это мое естественное в таком случае «не желаю» наперед обязало и Суркова, и Симонова как-то изъясниться. Так тому и быть — еду, это во всяком случае удар по Мелентьеву и прочим. Ясно, что отведение моей кандидатуры было вызвано опасениями усиления позиций журнала, осложняющего перспективу снятия меня, и т.д. — Еду. Не подвел ли я только Суркова? Нет.

13.XI.65. Пахра

Свыше м<еся>ца ни одной записи. — Поездка в Рим, ее благополучная часть²⁵⁰ с малыми неприятностями («Синявский»). — Благорастворенный К.Паустовский в ожидании решения Нобелевского к<омите>та, которое казалось уже известным и лишь не объявленным официально²⁵¹. — Возвращение в полутьме и полной тьме пьянства — с самолета на поезд, — уже мне на днях показалось в свете отчаянной памяти, что не меня ли одного сняли с самолета, а Мустая²⁵² лишь прикрепили для сопровождения; но нет, и доказательством тому, что не так, явилась настойчивость, с какой меня вербовали (и завербовали, наконец!) в поездку

на парижское ристалище²⁵³. — Местные похождения, именно похождения, т.е. хождения по дворам с деньгами и без. Но, кажется, черта уж подведена! Я просто боюсь этих состояний — это конец. — Всего доброго, что сделал за этот м<еся>ц, — посадил-таки четыре большие (7—8 лет) яблони в заготовленные перед поездкой [ямы], окопал, присмотрел прошлогодние и те, что были до меня (три остались и сейчас запорошенные снежком, — не успел). Построил сарай для угля не в пример прошлогоднему. В последние дни кое-что сделал по линии почты и журнала. С 1.XI фактически был в отпуске, формально с 15.XI, т.е. в первый же день отпуска еду в Париж разматывать его по пустякам. — Смерть Поликарпова. — Серия смертей, увеличение количества знакомых покойников. — «Синявщина» — Абр. Терц (прочел «Любимов» — муренция). В голове — рассказ о перевозке избы на колесах («Дом на буксире»)²⁵⁴.

14.XI

Завтра еду — без охоты, но с чувством необходимости по всяким привходящим мотивам. Сегодня первый день моего официального отпуска, сидеть бы дома, приникать к столу, благо настроение трезвенное и ясное, хоть и не очень веселое. «Дом на буксире» — сколько лет я уже его обдумываю, а где-то в тетрадках есть, помнится, первоначальная запись с натуры года 1939.

Постепенно выступали трудности и сложности, которых никто как будто не хотел предвидеть за очевидной выгодой перевоза дома целиком без хлопот с места на место.

Оказывалось, мало поднять сруб домкратами, оторвать, снять его (обвязку) с дубовых стульев, нужно было оторвать сруб от сеней и двора, связанного с избой со стороны глухой стены. Печка, запечка, вырубка на своих стульях. Потом ясно стало, что настил пола лучше снять — видней. Потом уж заговорили о том, что зимой бы оно куда лучше на полозьях. Но говорили и так, что если разметить по бревнышку и уложить на меньшие полозья, то и совсем хорошо.

Он видел, что дело не получается легко и просто, что тут и убыток и т.д. Но больше всего он боялся (он понял, чего он боялся), что кто-нибудь [будет] поворачивать все это на смех. Ему стало не по себе, когда он заметил в толпе... известного остролова и насмешника.

30.XI.65. *Закрытие тетраги*
«март 1965 — ноябрь 1965»

Первое личное утро за много дней — вышел в лес за Академией общ<ественных> наук в направлении, намеченном еще летом для доставки (частичной) на усадьбу [посадочного материала]. Вечерний и ночной морозец схватил все как было за время таяния — прогалинки, лужи, подтеки по склонам овражков, согнавшие листву и хвою, как после ливня. Все как ранней весной, даже свет как будто весенний в лесу, только таких подтеков и сбитой валиком и листвы, и хвои весной не бывает, — все это сложится под снегом, смерзнется. —

От поездки в Париж осталось из всей колготы обычное тягостное чувство несвободы, беспомощности в огромном городе, где редкую вывеску разберешь по догадке, приниженности от безъязыкости, от незнания, где тут север, где юг, куда течет эта Сена (только в последние дни начал чуть-чуть ориентироваться). — В Париже, куда мы приехали из нашей зимы²⁵⁵ (мы с Р.Рожд<ественским>²⁵⁶ в пыжиковых шапках, которые пришлось оставить — слишком обращали внимание и жарко просто), была поздняя мокрая осень, листва платанов бледно-желтая и бледно-зеленая — с ночи столько осыпалось на тротуары, ее сметали, и она лежала в низеньких мокрых кучах. —

Подготовка к вечеру в Мютюалите, опасения и тревоги (нужно было читать гл<аву> «Так это было»²⁵⁷, частично переведенную — с середины и кое-как — в Антологии). Выступление мое было самым скромным из всех по густоте аплодисментов, хотя слушали хорошо, но это было явно слишком серьезно, да и читал я по необходимости фрагментами, где было и переведенное и непереуведенное. Готовясь к выступлению, пережил отчетливое представление о несовершенствах главы, ее растянутости, самооглядке, прозаичности и натянутасти иных мест. Придется за нее взяться еще раз. —

Не следует даже в шутку повторять, что в качестве «прогрессивного редактора» я в заграничах являюсь чем-то вроде лидера влиятельной партии, хотя это правда, что внимание к «НМ», авторитет ж<урна>ла необычайно велики, — можно зазнаться. Не следует и для себя слишком преувеличивать все такое, и помнить нужно то, о чем опять же

шутя говорю — об опасности превращения писателя в «дея-теля».

Занятно: мог ли я предположить когда-нибудь такое именно развитие моей литературной судьбы. На родине меня знают как автора «Тёркина» в первую очередь даже те, что понятия не имеют о моем редакторстве и самом «НМ», в за-границах далеко не все из тех, что знают редактора «НМ» и отдают ему должное, далеко не все знают, что я еще и по-пулярный автор поэм и стихов. Пусть так, на худой конец и так ничего. —

Русские парижане²⁵⁸: Померанцев Кирилл Дмитр.²⁵⁹, проф. Гринвальд Конст. Конст. с его «художествен<ными> монографиями» на темы русской истории и его посылкой Любимову²⁶⁰, Рафальский Серг. Милиевиц [...]; сотрудник «Граней», полагавший, что мы с ним «делаем одно дело», и выскочивший на пресс-конференции с вопросом о Синявском; Леонидов Леонид Давыдович («Камни и жизнь»).

Могила Бунина и его квартира (комната или две махоньких, оставшихся за Зуровым²⁶¹. Гробы Ив.Ал. и В.Н.Буниных помещены, по словам Леонида Федоровича, в склепике, чтобы их можно было удобнее перезахоронить на родине, «когда все переменится». Такие же слова сказал Зуров еще по какому-то другому поводу.

(Есть сигнальный (?) первого тома Бунина — ужасное модернистское оформление титула вроде еврейского текста для чтения справа налево. Что-то я говорил об этом, но не написал, не потребовал замены этой антибунинской стилизации.)

Два шофера такси: 1. «Андрюшка» (Андре), рассказавший через Зонину²⁶² о наших военнопленных, с которыми он дружил и помогал. Рассказ этот довел меня до самых настоящих слез. Простились, а оставшаяся Зонина не смогла ему всунуть деньги, — поцеловала его.

2. Ехали-ехали, болтали о том о сем, а потом при расчете он, видя, что дали на чай хорошо, говорит по-русски: «Спасибо вам от белогвардейца» (юнкер Владимирского училища). Сурков тут же сказал, что они с ним на каком-то участке фронта сражались друг против друга.

Голубки Арагон и Триоле²⁶³. — Кирсанов со вставным небом и неудержимым тщеславием. — Ф.Мориак и Б.Зайцев²⁶⁴ — старики, которых я забыл уведомить о моем отъезде, — они хотели меня видеть.

Юбилей Симонова К. Его «потолок»²⁶⁵.

31.XII.65. Пахра. 9 ч. вечера

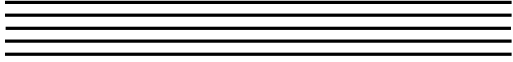
За окном балкон, полный снега, с нарощенными снегом перилами. Внизу Маша заканчивает многочасовые приготовления — зачем? — гостей не звали (позвонил уже вечером Тендряковым — придут).

В лесу (вчера ходил за елками) под старыми одиноками среди подлеска соснами — их мощные сучья, обломанные снегом (сырым, а теперь прихваченным морозцем) и потопленные в снегу. Принес один, порубил — на деревенскую печку дров. На вырубках — («рубка ухода», т.е. лучшие деревья срублены, а оставлены голенастые осинки, березки, всякая дрянь) — дугой пригнутые березки, осинки, даже у елочек погнутые верхушки. По просеке — дуги эти с обеих сторон, даже одна сосенка — уже не встать ей, не выпрямиться.

Скудные итоги года:

1. «По случаю юбилея» (в сущности, это 64 г.).
2. «О Бунине».
3. Циклишко стихов (в сущности, за 2—3 года)²⁶⁶.
4. Пожалуй, еще спектакль Плучека²⁶⁷, но это уже не мое, как и 150 т. тираж пятитомника («старые дрожжи») плюс невероятный успех ж<урна>ла (тоже 150 т.)²⁶⁸.

1966

=====

12.I.66. Пахра

Не шутки — распочать такую роскошную тетрадь-книгу из отличной бумаги в крупную «финскую» клетку для своих разношерстных, часто мелкотравчатых, прерывистых и беспорядочных записей, и я таки — долго, много лет не мог на это отважиться. Все грезилось, что уж эта тетрадь — для особых и безусловных надобностей, что пойдет она с первой страницы набело, подо что-то такое-этакое, что, однако, никогда не является набело. Но не будем преувеличивать. Записи эти, при всей их литературной неполноценности, имеют для меня серьезное значение здоровой (или нездоровой) привычки, — во всяком случае, перерыв в записях всегда почти означает, что дела мои плохи, что у меня уже нет сил даже для них. Они приобретают серьезное вспомогательное и организующее значение особенно в пору, когда что-нибудь пишется, а когда не пишется, так это хоть фиксация тех моих журнальных и прочих мытарств, которые могут составить некий интерес на будущее, не говоря о ближайших практических надобностях: даты, цитаты и т.п.

Самый Новый год начался хорошо. Встретили мы его на даче — старик со старухой — вдвоем у камина и за столом, — наутро даже голова не болела, что было странно, но так.

Основные задачи и обузы, от которых не уйти в ближай<айшие> дни, недели и месяцы, по журналу и собственным авторским делам суть следующие:

1. Доведение до конца борьбы с Гидросельстроем (в смысле «гидры» бюрократизма по поводу прошлогодней статьи Троепольского «О реках, почвах и прочем»). На сегодня положение таково, что решением Совмина РСФСР выводы комиссии по этой статье признаны правильными, а статья признана вредной даже в видах борьбы народов, «сбросивших колониальное иго», за свою экономическую самостоятельность и культуру¹. Выводы — фальсификация и подтасовка фактов представителями «заинтересованных органи-

заций», о которых, собственно, и велась речь в статье. Решение Совмина — потаенное, принятое втихомолку, скорее всего — «в рабочем порядке», во всяком случае, как говорят, без Г.И.Воронова.

Превратив нынешнюю статью Тр<оепольско>го из слезливой и многословной размазни в дельный и неотразимый документ, идти к Воронову: так и так. Не обольщаюсь, не те времена, когда большое начальствующее лицо могло одним ударом повернуть все с головы на ноги или наоборот, но идти надо, больше делать нечего. На Гавриле Троепольском уже тень маниачества провинциального «правдоискателя» — нервы, слезы и сопля².

2. Дотерпение относительно Солженицына, рукописи которого уже в распоряжении мелентьевского отдела³ и розданы на прочтение «крупнейшим» (среди них, конечно, в первую очередь — Чаковский, Кожевников, Марков, Воронков, но есть и Федин, и Симонов), предлагали и мне, но я все читал, браковал или одобрял с необходимыми требованиями⁴ и сам предложил вниманию отдела протокол редколлегии и др. материалы по роману «В круге первом».

— Новы не знаете еще его пьесы на военном материале.

— Но он ни мне, ни редакции не предлагал ее, и я не считаю возможным знакомиться с ней через посредство органов.

— А как же мы?

— Вы — другое дело, вы контролируете деятельность органов, это ваш служебный долг. А мне — это все равно, что читать письмо, которое не мне предназначалось.

— Вот и Симонов говорит, что он и роман будет читать лишь с согласия Солж<еницы>на, а наше положение... и т.д.

Симонов третьего дня сказал мне, что он готов прочесть роман и так. Я одобрил, т.к. роман был в редакции, был прочитан членами [редколлегии] и был передан на рецензии Сацу, Лифшицу. Мог быть передан и Симонову...⁵

Еще там были мои слова: хотим мы или не хотим этого, но мы решаем вопрос о судьбе писателя с огромным талантом, м.б., ошибающегося и т.д., но писателя крупнейшего из всех на сегодня. Помянул и о том, что нынешнее положение Солж<еницы>на ужасное, что Павлов обозвал его публично «власовцем», «уголовником» и, несмотря на то, что в свое время мною эта клевета была документально начисто опровергнута, она продолжает висеть в атмосфере⁶, а Солж<еницы>ну не дают сделать по этому поводу заявление в печати или как-нибудь иначе. Сказал и о его тяжелом материальном, в первую очередь жилищном [положении] нынешнем,

об отсутствии сб<орни>ка его рассказов на родине, в то время как он издается и переиздается в соц<иалистических> и иных странах. — Думаю, что все то крайне неприятное и обидное, что выявил со своей стороны Солженицын по отношению ко мне в последние наши встречи в прошлом году, не отразилось ни в малейшей степени на моих суждениях о нем в отделе⁷.

3. Попытка — не пытка: собрать за последние, скажем, три года все высказывания тов. Павлова о лит<ерату>ре и искусстве и представить их в их несовместимости с линией партии в этих вопросах на рассмотрение Президиума ЦК КПСС. Не только о «НМ», которому он всегда уделял особое внимание, но вообще⁸. Это, м<ежду> пр<очим>, присоветовал Симонов, собирающийся и сам что-то предпринять в этом направлении. —

Вчера с Тендряковым отправил письмо Плучеку [в] Малеевку, откуда он, Плучек, придет завтра, — после чего встретимся. Все более убеждаюсь в целесообразности моих пожеланий относительно обрамления спектакля главой «Смерть и воин», из которой, как кто-то из чьей-то головы (голова-глава), родился «Тёркин на том свете»⁹.

Вчерашняя церемония вручения медалей к 20-летию Победы, очень было трогательно то, как встретили типографщики, шофера и пр. издательский люд меня, хоть неудержимое и неумеренное, чрезмернейшее славословие Грачева было до неловкости крайней. Я пожалел бы, если бы там, когда названа была моя фамилия, из залы ответили бы, что нету. Любопытно, что из ред<акции> «Известий» никого не было: они и питаются, и награждаются отдельно от рабочего класса и всякой мелкой сошки изд<ательст>ва. —

Ужасное вчерашнее признание Дементя после его возвращения из горкома о его готовности, заявленной там инструктору, выступить в качестве общественного обвинителя на процессе Синявского. Правда, он оговорил эту готовность, согласие нежеланием знакомиться с материалами следствия и «терцовскими» работами С<инявского>, что, м.б., не позволит (дай бог!) воспользоваться суду его услугами, но то, что он дал согласие и обсуждал там другие возможные кандидатуры, — все это чудовищно. Нельзя отказать тем, кто решил, что грязь С<инявского> должен принять на себя «НМ», в сообразительности. А он хитрец и трус, хотя уже, казалось, и говорилось много и другими, что в последние годы, под воздействием разных факторов, в первую очередь — успехов

«НМ», лестной причастности к этому «очагу», он решительно эволюционировал в добрую сторону.

Мы — я, Кондр<атович>, Закс — в один голос выразили свои недоумение и потрясённость его сообщением. Он вздулся и отказался даже выпить с нами рюмку водки по случаю медалей, организованную по инициативе женской части редакции. Что будет — бог весть, но, может быть, тут-то и хрустнет наш хребет. Если он таки будет выступать на суде, мы предложим ему уйти из редколлегии до этого, — если он не подаёт заявление, придется мне принимать некое решение¹⁰.

16.I.66. П<ахра>

Вчера хоронили на Ваганьковском Лебедева Вл<адимира> Сем<енови>ча, — узнал о его смерти вчера же: позвонила мне с дачи М.И., которой позвонил всеведущий Лев Р.Шейнин¹¹. Поехали с Игорем [Сацем] к часу дня, там уже были люди, венки, увеличенный фотопортрет Вл.С. Мерзли мои эндартериитные ноги, вдова Вл.С., Надежда Даниловна, которую было ни за что не узнать (правда, и видел я ее как-то раз на одном из кремлевских банкетов) — так она постарела, рухнула за какие-нибудь 1½—2 года, предложила зайти в «залу ожидания» при конторе кладбища. Потом позвали на панихиду, состоявшуюся на главной аллее и преградившую на время передвижение по ней. Все было очень пристойно, серьезно и сдержанно. Был даже П.Н.Поспелов, директор ИМЭЛ, где Вл.Сем. числился после ухода из ЦК. Был Аджубей, демонстративно целовавший вдову. Когда он здоровался со мной, пахло на морозе водочкой. Могила была приготовлена у самой почти стены старого обитого тесом домишки, м.б., сторожки. Второй раз не стал подходить к вдове, — дома ее еще ждала моя телеграмма, — носки отсырели, ноги мерзли, бил кашель на морозе, — поехали к Сацу — помянуть. Там я разулся, он дал мне свой плед под ноги, ботинки на батарею, выпили, закусили, прочли вслух (я) поэму Исаковского¹². Машины у МИДа не оказалось, замерз, видимо, пришлось вызвать другую. То муна обеддал 2 р., этому, оказавш<емуся> земляком, 3 р. У Саца я сказал (еще до кладбища), что имя Лебедева В.С. принадлежит истории литературы. Всецело ему, вопреки многим невозможностям, предубеждениям, прямому сопротивлению мрачных сил, принадлежит честь и заслуга «пробития» «Ивана Денисовича», заключительных глав «Далей», а затем «Тёркина на том свете» через посредство Н.С.[Хрущева], который сам по себе вряд ли бы пошел, скорее всего, не пошел бы на такие «единоличные акции». Правда, под конец Вл.Сем. оробел, начисто не принял «В кру-

ге первом», и даже у него сорвались слова о том, что он жалеет о своей причастности к открытию Солженицына, но это было уже тогда, когда Н.С. отказался от Солженицына (с появлением в его, Н.С., отсутствие паршивой статейки в «Правде») ¹³ и когда Вл.Сем. знал и видел больше других, куда дело клонится. Помнится, на эти его слова я сказал, что он пожалеет о них под старость, но что моя признательность за все, что он сделал для журнала, меня лично и всей нашей литературы, остается неизменной. Об этом у меня, кажется, было записано в предыдущих тетрадях ¹⁴. Я ему долго не звонил, но, когда зашел он ко мне в Кунцевской больнице в прошлом году, мы обнялись, я его встретил со всем возможным расположением: как бы и не было ни нашего с ним крупного разговора, ни тех изменений в его судьбе, которые произошли за это время.

1. По делу Троепольского и «заинтересованных» организаций звонил Пысину Конс. Георг. ¹⁵, разговор принял крутой оборот, когда он и мне явно отказал дать копию выводов комиссии Куланчева, квалифицировавших статью как «вредную». Я: «Вы просто боитесь выдать нам эту копию». — Он: «Кого я боюсь, вас?» — Я: «Нет, не меня — читателей, общественность» и т.п. Вдруг он повернул: «Приходите ко мне, я вам все объясню». Я с готовностью пошел навстречу. Прихожу на завтра, запасшись, между прочим, его именем-отчеством, а то уж очень фамилия неблагозвучная, кстати, его упр<авляющий> делами, с кот<орым> я говорил по телефону, — Тупицын — наверно, нужно было произнести Тупицын ¹⁶. Пустынные коридоры республиканского правительства на Делегатской, охрана, высоченные двери, кабинеты, тоскующие секретари и помощники. Принял меня как старого доброго приятеля, тотчас на ты, начал рассказывать мне свою автобиографию — ШКМ*, педтехникум, учительство в родной сельской школе, агрофак университета, канд<идатская> диссертация, защищенная в бытность его, кажется, секретарем райкома, на тему о селекции Тагильской породы молочного скота и т.д. Я едва ввернул словечко о воронежском пейзаже, когда речь пошла об Алтае, где он проработал 15 лет секретарем обкома партии. Кнопка, входит помощник с заготовленной копией выводов... Пошли комментарии явно иного толка, чем вчерашние его суждения обо всем этом деле. Оказывается, что Троепольский прав в одном, другом, третьем, но и он «немножко» (именно это слово!) слишком, т<ак> ск<азать>, очернил все «заинтересованные организации», — не надо так огулом, конечно, обл<астные> орг<анизации> нужно крити-

* Школа комсомольской молодежи.

ковать, они допустили такие-то промахи, но ведь это дело имеет резонанс за границей, слаборазвитые народы могут предпочесть нашей помощи американскую и т.п. Словом, мы расстались чуть ли не с объятиями, он лишь просил, чтобы мы не утверждали, что пойменных земель вообще не нужно трогать, — трогать нужно, в Австралии 1 кг азота на луговых угодьях дает кг масла сливочного. Я убежден, что все дело в стремлении замять дело, не вынести из избы сор. Есть план подключить к этой истории С.Залыгина, который третьего дня был в редакции и еще зайдет завтра, — ему все книги в руки — специалист и имеет преимущества второго голоса литератора по этой теме¹⁷.

Ни магнитофонной пленки, обещанной «Юностью», ни копии стенограммы подлой речи Павлова не дождался, что-то застопорилось. Преображ<енский> сказал что-то даже о возможности смытия записи. Я переспросил: мол, чтобы речи как бы не было? — «Да, да, именно так»... Если это так, то можно предположить, что Павлову попало все же за эту хулиганскую речь, о которой столько слухов¹⁸.

17.I.66. П<ахра>

Собираясь сделать выписки из писем Т.Манна в №11 «Ин<остранной> Лит<ерату>ры»¹⁹, хотел записать в конце или в начале, что велик соблазн такого присвоения чужих прекрасных мыслей в прекрасном словесном построении, — точно это ты такой умный и тонкий. Но подумал и о том, что такое «присвоение» отчасти правомерно, когда добрые зерна ложатся в подготовленную почву, т.е. когда сложившиеся мысли другого — кто бы он ни был — уже в какой-то степени и твои. При вторичном прочтении нашел у него же и об этом. Письмо критику Юлиусу Бабу от 31 авг. 1910 г., года моего рождения: «Многим в этой статье я был потрясен так, как только можешь быть потрясен, когда из чужих уст слышишь вдруг то, что долго составляло часть немой подоплеки всех твоих мыслей и дел...»

Там же, м<жду> пр<очим>: «Самое прекрасное место в Вашей статье — это слова о "социально-воспитанной напряженности духа". Пластика хорошая вещь. Но есть что-то великолепное в критическом слове, не правда ли?»

Курту Мартенсу — 1906 г.

«Разве нужно петь дифирамбы, чтобы слыть жизнеутверждающим автором? Любая хорошая книга, написанная против жизни, — это все-таки — обольщение жизнью...»

«Я утверждаю, что способность выдумывать персонажей и интриги не является критерием писательского дарования... Я утверждаю, что тот, у кого за душой нет ничего, кроме "выдумки", не так уж далек от бульварной беллетристики. Я утверждаю, что величайшие писатели никогда в жизни ничего не выдумывали, а только наполняли своей душой и преобразовывали уже известное. Я утверждаю, что творчество Толстого по меньшей мере столь же строго автобиографично, как и мое крошечное.

...Я не говорю: писатель имеет право писать портреты людей. Такое право недоказуемо. Что выдающиеся писатели во все времена на него притязали — факт установленный. Я хочу этот факт оправдать. Я хочу указать на ошибочность практического отождествления действительности с ее художественным изображением. Я хочу, чтобы произведение искусства рассматривалось как нечто абсолютное, не подлежащее дискуссии с житейской точки зрения...

Я аскет, поскольку моя *совесть* требует от меня *работы* как противоположности наслаждения и "счастья" — тем хуже для меня, потому что я не очень работоспособен. Вряд ли, следовательно, меня можно назвать аскетом в каком-либо другом смысле, кроме такого: "Стремлюсь ли я к счастью? Я стремлюсь к своему труду!" Я не доверяю наслаждению, я не доверяю счастью, я считаю их непродуктивными. Я думаю, что сегодня нельзя быть слугой двух господ — наслаждения и искусства, что для этого мы недостаточно сильны и совершенны. Я не думаю, что сегодня можно быть бонвиваном и в то же время художником. Надо выбрать одно из двух, и моя совесть выбирает работу.

Нарушения ведут к тяжелым нравственным страданиям, хотя "наслаждения" бывают разные, напр., потребность дружеского общения, иллюзия юношеской беззаботности и т.п.

...Ты говоришь, что когда-нибудь, если я чего-то достигну, я буду вызывать больше холодного уважения, чем сердечной любви. Дорогой друг, это неправда. Конечно, если ты скажешь это людям еще раз-другой, они поверят тебе. Если ты еще раз-другойобразишь меня писателем озлобленным, холодным, язвительным и безродным, то, пожалуй, с любовью и прочим дело будет обстоять так, как ты предсказываешь. До сих пор все было иначе».

Любопытно, что при всей своей убежденности в самостоятельной силе искусства он не игнорирует значения пред-

убежденности восприятия явлений искусства. Ляпнет кто-нибудь, а кто-нибудь повторит, что «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» — уход от «жизни», и пошло надолго, а на ближайшее время непреодолимо такое не то что суждение, а дурное поветрие.

Филиппу Виткопу — 1917 г.

«Я много читаю, перечитываю от корки до корки "Войну и мир", по сути, новую для меня книгу, потому что я читал ее только один раз в незрелом возрасте. Какое могучее произведение! Таких больше уже не пишут. И как я люблю все русское. Как веселит меня его противоположность французскости и его презрение к ней, с которым встречаешься в русской литературе на каждом шагу! Насколько ближе друг другу русская и немецкая человечность (гм-гм! — А.Т.). Мое многолетнее искреннее желание — согласие и союз с Россией».

Йозефу Понтену — 1919 г.

«О политике лучше не начинать. Я разделяю Ваши чувства и, пожалуй, не желал бы, чтобы эта тошнотворно-лицемерная демократия поумнела благодаря венгерским событиям (провозглашение Венг<ерской> Сов<етской> рес<публики>), взволновавшим меня до глубины души. Пускай бы они все обострили до крайности. У нас тоже можно со дня на день ждать слияния национального возмущения и большевизма. В "коммунизме", как я его понимаю, есть много хорошего и человеческого. Его конечная цель — вообще уничтожить государство, которое всегда будет государством силы, очеловечить и оздоровить мир его деполитизацией. Кто может быть по существу против этого? Только чур меня тоже и еще раз чур меня от "пролетарской культуры"».

Б.Фучику — 1932 г.

«Кто заявляет о своей верности европейскому мышлению, того сегодня сразу же тривиально упрекают в безродности. Поэтому, вероятно, хорошо, что я чувствую себя лучшим немцем, чем многие из тех, кто ругает меня за мой европеизм.

...В молодости я вобрал в себя многое из духовного и художественного мира русского Востока и не избежал огромного влияния, которое оказал Достоевский на всю Европу. Но и тут лично мне были ближе писатели, испытавшие влияние Запада (как будто Дост<оевский> не испытал этого влияния! — А.Т.), такие, как Толстой и Тургенев...

Я не решился бы огульно назвать славянское начало анархическим и разрушительным хотя бы по той причине, что понятие разрушительности очень неопределенно и отдает буржуазной трусостью, которая не представляет собой духовной ценности. То, что называют разрушительным, бывает часто направлено не против жизни, а на освежение и обновление жизни.

Я считаю искусство изначальным феноменом, который ни при каких обстоятельствах не перестанет существовать, а художника как форму бытия — бессмертным. Если взглянуть на себя самого, то художественное изображение — насколько естественный, настолько неперемный для меня вид жизнедеятельности, что я не в силах поверить, чтобы даже самое-самое утилитарное, самое механизированное общество смогло когда-либо истребить тип, разновидностью которого я являюсь. Было время, когда один великий человек, Шиллер, мог сказать: человек лишь тогда вполне человек, когда он играет. В такие серьезные и трудные времена, как наше, это звучит фривольно, и все-таки я уверен, что та священная и освобождающая игра, которую называют искусством, всегда будет необходима человеку, чтобы он чувствовал себя действительно человеком.

Ни один художник, спору нет, не видит наперед плана своей жизни и не знает заранее всего материала, над которым он будет работать в ходе времени. Но большей частью ему удастся установить связь между отдельными своими детищами, отмечая, что ростки всякого последующего произведения содержатся уже в предшествующем, и все больше и больше убеждаясь в том, что все исходит из какого-то личного центра и в конечном счете само собой образует естественное единство».

Это как раз для моей статьи о «Далях» и «Т<ёркине> на т<ом> свете»!

«Я думаю, что переживания детства, которые и вообще-то оказывают такое решающее влияние на склад человека, играют в артистической жизни большую роль и уж как раз творчество любого писателя обильно питают мотивами и впечатлениями. Во всяком случае, относительно меня такое утверждение совершенно справедливо. Характерно, что и в автобиографиях, и в автобиографических романах детство обычно — самая поэтическая и свежая часть. Музыка я всегда страстно любил и считаю ее в известной мере классическим образцом искусства вообще. Я всегда считал свой

талант неким видоизменением музыкантства и воспринимаю художественную форму романа как своего рода симфонию, как ткань идей и музыкальное построение ("Волшебная гора"). В музыке ближе всего мне всегда была немецкая романтика, но... и Шопен, и опять-таки с давних пор я питаю решительную симпатию к славянину Чайковскому, от которого... Стравинский, чье искусство вызывает у меня живой интерес».

(18.I.66. П<ахра>)

Эдуарду Корроди — 1936 г. (По поводу его статьи «Немецкая литература в эмигрантском зеркале».)

«Нельзя быть немцем, будучи националистом. Что же касается немецкого антисемитизма, или антисемитизма немецких правителей, то духовно он направлен вовсе не против евреев или не только против них; он направлен, как все ясней и ясней обнаруживается, против христианско-античных основ европейской цивилизации: он представляет собой — символизированную, кстати сказать, выходом из Лиги Наций [попытку] сбросить узы цивилизации, грозящую ужасным, гибельным разрывом между страной Гёте и остальным миром.

Твердая, каждодневно питаемая и подкрепляемая тысячами человеческих нравственных и эстетических наблюдений и впечатлений убежденность, что от нынешнего немецкого режима нельзя ждать ничего хорошего ни для Германии, ни для мира, — эта убежденность заставила меня покинуть страну, с духовными традициями которой я связан более глубокими корнями, чем те, кто вот уже три года никак не решится лишить меня звания немца на глазах у всего мира.

И я до глубины души уверен, что поступил правильно и перед лицом современников, и перед лицом потомков»*.

Господину Кинбергеру — 1937 г.

«...Но плохо Вы знаете и меня, если, восхищаясь эстетической стороной моего творчества, пренебрегаете нравственными его предпосылками, без которых оно немислимо, и считаете меня способным отречься от них из снобизма в такое время, как наше, когда дело идет не о "парламентаризме", а о человеке и его духовной чести. Я открыто прошу избавить меня от всякого почитания, не видящего и не учитывающего

* После опубликования этого письма в «Нойес цюрхер цайтунг» гитлеровское правительство лишило Т.Манна германского подданства. — *Примеч. Т.Мотылевой.*

органической связи между всем тем, что я делал как художник, и нынешней моей позицией борьбы против Третьей империи».

Уильяму Эрлу Синджеру — изв<естный> амер<иканский> портретист — 1944 г.

«Мы много говорили об искусстве, когда Вы писали меня... о его единстве и о том, что во всех его разновидностях, будь то живопись, поэзия, музыка или ваяние, дело идет по существу об одном и том же: о порядке, организации, форме, о выразительности, о гармонии, о новом и добром, об усилении ощущения жизни посредством того, что называют очень туманным словом "прекрасное". Но, кажется, мы так и не сказали, в чем, собственно, состоит главный инстинкт искусства и художника, их сокровеннейшая потребность и цель. Это длительность. Это стремление увековечить вещь, опыт, видения, страдания и радости, мир, каким он предстал художнику, а тем самым и свое "я", свою жизнь. Художник — рожденный противник смерти, бренности.

Его цель — не слава, а нечто более высокое, по отношению к чему слава всего только несущественная потребность, — бессмертие».

Вальтеру фон Моло — 1945 г. (По поводу предложений вернуться в Германию.)

«Прямо скажу, я не вижу причины отказываться от выгод моего странного жребия, после того как я испил до дна чашу его невыгод. Не вижу потому, что не вижу, какую службу смог бы я сослужить немецкому народу (вернувшись в Германию) и какую не смог бы ему сослужить, находясь в Калифорнии.

Что все сложилось так, как сложилось, — дело не моих рук. Вот уж нет! Это следствие характера и судьбы немецкого народа — народа достаточно замечательного, достаточно трагически интересного, чтобы по его милости многое вытерпеть, многое снести. Но уж и с результатами тоже нужно считаться, и нельзя сводить дело к банальному: "Вернись, все прощено!"

Избави меня бог от самодовольства. Нам за границей легко было вести себя добродетельно и говорить Гитлеру все, что мы думаем. Я не хочу ни в кого бросать камень. Я только робею и "дичусь", как говорят о маленьких детях. Да, за все эти годы Германия стала мне все-таки очень чужой: это, согласитесь, страна, способная вызывать опасения. Я не скрываю, что боюсь немецких руин — каменных и человеческих. И я боюсь, что тому, кто пережил этот шабаш ведьм на чужбине, и вам, которые плясали под дудку дьявола, понять друг

друга будет не так-то легко. Могу ли я быть равнодушным к полным долго таившейся преданности приветственным письмам, приходящим сейчас ко мне из Германии! Это для меня настоящая, самая трогательная отрада. Но радость мою по поводу этих писем несколько умаляет не только мысль, что, победы Гитлер, ни одно из них не было бы написано, но и некоторая нечуткость, некоторая бесчувственность, в них сквозящая, заметная хотя бы даже в той наивной непосредственности, с какой возобновляется прерванный разговор, — как будто этих двенадцати лет вообще не было.

...Непозволительно, невозможно было заниматься "культурой" в Германии, покуда кругом творилось то, о чем мы знаем. Это означало прикрашивать деградацию, украшать преступление. Одной из мук, которые мы терпели, было видеть, как немецкий дух, немецкое искусство неизменно покрывали самое настоящее изуверство и помогали ему... Ездить по путевке Геббельса в Венгрию или какую-нибудь другую немецко-европейскую страну и, выступая с умными докладами, вести культурную пропаганду в пользу Третьей империи — не скажу, что это было гнусно, а скажу только, что я этого не понимаю и что со многими мне страшно увидеться вновь.

...Но... все это только одна сторона дела...

Но куда деться от того факта, что мои корни там, что, несмотря на все свое плодотворное восхищение чужим, я живу и творю в немецкой традиции, если даже время и не позволило моему творчеству стать чем-то другим, нежели за-тухающим и уже полународным отголоском великой немецкой культуры».

Рудольфу В.Бецику — 1945 г. (По поводу его ходатайства о брате, Г.Ф.Блунке, поэте, занимавшем при Гитлере пост председателя «Имперской палаты по делам печати».)

«Придется нам, пожалуй, утешиться тем, что английские лагеря безусловно отличаются от нацистских концентрационных лагерей, в одном из которых томился такой человек, как Эрнст Вихерт, без какого-то ни было протеста со стороны его коллег в Германии...»

Гансу Фридриху Блунку — 1946 г.

«Мое высказывание о Вас было совершенно случайным, непреднамеренным, оно вызвано только прямым вопросом. Я должен был просто ответить Вашему брату, а ответить я мог только, что мне, так демонстративно порвавшему с Третьей империей, было бы совсем не к лицу ходатайствовать перед оккупационными властями за представителя литературы и видного деятеля этой "империи".

...Только в Германии совершенно не понимают такой солидарности, такой гордости, такой смелости, которые нужны, чтобы протестовать или стать на чью-либо сторону. Слишком велика зато там готовность стать на сторону явного зла — покуда кажется, что «история» подтверждает его правоту. Но писателю поэтому следовало бы знать, что, хотя жизнь и со многим мирится, безнравственности *совершенной* она не терпит».

Ин<остранная> лит<ерату>ра, № 11, 1965.

В тот же день

Выписки из Т.Манна закончены с 5 до 7 утра, когда встал с нахлынувшей вдруг решительностью ехать и сегодня в Москву, звонить к Демичеву, проситься на прием, идти говорить, убеждать, что «дело Синявского» приобретает наихудший оборот из тех, что можно было бы предположить в самом плохом случае. Все это под влиянием «откликов» во вчерашних «Известиях» на статью дурака и мерзавца Еремина²⁰. Таким способом, уже не однажды приносившим нам огромный вред, этой шумихой вокруг имени заключенного, этой «мобилизацией общественного мнения» можно успешно добиться только тех результатов, которые менее всего входили в расчет затеявших это дело политических умов. Т.е., во-первых, продемонстрировать перед нашими зарубежными недругами нашу уязвленность «пасквилями», наши опасения, что они угрожают нам «потрясением основ», во-вторых, породить тягостное недоумение и растерянность у друзей и, наконец, у себя дома поднять еще выше градус тревоги в сознании людей, не ошибающихся относительно сходных черт всей кампании с крайними образцами слишком памятных времен. Даже фамилии с маленькой буквы!

Чтобы успокоиться, стал переписывать подчеркнутые места из Т.Манна, находя, впрочем, в этом какое-то горькое упоение, точно сам все так обдумал, оценил и изложил. Впервые, может быть, хоть и не сегодня, но сразу при чтении этих писем подумал о том, какая нагрузка еще эта ответственность сознательного человека, да еще литератора, «представителя» за все, что творится. Нет, не отмахнешься, не отсидишься, не спасешься — потом стыдно будет и страшно и «история» не поможет. А что делать? Объяснить Демичеву? Будто ему не ясно. Будто идеологический процесс мог быть подготовлен без него. И еще: упорное с разных концов навязывание этих мазуриков «Новому миру» наводит в совокупности с мероприятиями в отношении Солженицына и пр<очими> радостями вроде речи Павлова и мытарств спектакля в театре Сатиры на весьма определен-

ные соображения. Это все направлено в одну точку — в «НМ», в меня. Конечно, все разъяснится и определится с XXIII съездом — каким бы он ни был. И м.б., еще до него, т.е. как только буду обойден избранием в делегаты съезда.

Странно представить себе, что этим людям из отделов не понятно, что Синявский, достойный презрения и общественного остракизма, будучи арестован (а в перспективе осужден), выигрывает не только в мнении «Запада». Сила и разум должны были бы проявиться в том, что мы не увидели бы оснований для репрессии, а наказали бы великолепным презрением к нему и его заказчикам, — а во мнении друзей как бы выиграли! Но м.б., м.б., эти соображения просто не приходят им в голову...

19.1.66. П<ахра>

Еще раз попробовал читать «Палату № 7»²¹, не дочитал — противно. Все там есть, что нередко говорим и думаем почти все мы, но вывалено это с такой неразборчивостью не то что в выражениях, но с какой-то холуйской готовностью сообщить «туда» как можно больше гадостей о советской власти, марксизме и коммунизме, — напр., милиция попросту называется полицией (это еще самое невинное переименование!), что становится, во-первых, скучно от этого однообразного нагнетания «фактов», во-вторых, видишь, что бездарность несостоятельна всегда, даже если она прикасается к самым ужасающим и в основе своей действительным фактам. Все это — сумбурный, многословный монолог «пациента», объясняющего свое местонахождение в психбольнице историческим перерождением социализма в фашизм и уже ничего не желающего знать, кроме того, что «местонахождение» имеет свои привилегии — безнаказанность любой брехни.

Но можно подумать и так: почему этот автор, печатающий под своей фамилией, на русском языке откровенные призывы к свержению нынешнего строя и предъявляющий самые немыслимые (какая уж «сатира», какой «пасквиль») обвинения, — автор этот на свободе, живет в писательском доме, получает, как говорят, доллары и ничего с ним не делается. М.б., конечно, это крайнее предположение, дело в том, что он не является «сотрудником» «НМ», никак его не приписать сюда. —

В тот же день

Принялся за «Отца и сына»²². Кажется, пойдет — всегда мне важно найти какое-то начало, набросанное раньше

и уже подзабытое. Это должна быть дополнительная глава к «Далям», освещающая еще один, и существеннейший, «сектор» нашего общественного бытия и моей собственной судьбы. Без этого «Дали» — картина обрезанная.

Снег, погнувший березки, поломавший сучья (огромные) сосен, влажно-пушистый, он не был сдут с деревьев начисто, а только встряхнут, потревожен и прихвачен морозом — где сколько осталось отдельными комьями самой причудливой формы, — в виде то зайца, то маленького мишки, то белки, то просто там комом, висящим иногда на одном погнутом прутике. На березах густое грачиное поселение с полуразоренными гнездами.

Эти комья или шапки, припущенные новым и новым снегом, такие крупные и тяжелые.

Вчера утаптывал снег вокруг стволов яблонь от мышей. Даже когда мне ото всего тошно, вспоминаю, что у меня четыре вновь посаженные семилетние яблони — в ямах, с таким трудом заготовленных на месте выкорчеванных березок, — представится, как придет весна, сядет земля, оживут обрубленные с толком корни, вцепятся в землю, а кроны я еще подрежу и т.д. А еще четыре взрослые у меня по второму году пойдут, — уже могут зацвести. Стариковские радости, но они мне знакомы и радостны с отроческих лет. М.б., в этих моих привязанностях наиболее смыкаются в моей натуре — детство и зрелость, клонящаяся уже к старости. —

21.1.66. М<осква>

(в «Зап<исную> кн<ижку>»)

Ночью все раны больнее болят, —
Так уж оно полагается, что ли,
Чтобы другим не услышать, солдат,
Как ты в ночи подвываешь от боли.

Словно за тысячи верст от тебя
Все эти спящие добрые люди,
Взапуски, всяк по иному хрипя,
Гимны поют табаку и простуде —

Тот на свистулке, а тот на трубе, —
Утром забудется слово упрека:
Не виноваты они, что тебе
Было так больно и так одиноко²³.

22.I.66. П<ахра>

Кажется, пошло про «отца» и «сына». Во всяком случае, вряд ли я когда до сих пор брался за самое свое личное-переличное в такой прямой необходимости с очень и очень неличным, что составляет сейчас, м.б., главную тревогу и ближайшую проблему нашего развития. Только бы не перегреть предчувствием удачи. И пусть оно будет внешне рассудительно, рационально, эмоциональность за всем этим будет, не может не быть достаточно.

Третьего дня смотрел со своими «Обыкновенный фашизм» Ромма²⁴. Серьезное впечатление — как-никак кинодокументы, большею частью созданные не для их нынешнего использования. Фильм столько же антикультовый, сколько антифашистский. Но если бы уподобления при выборе кадров, кусков делались чуть грубее — это было бы нехорошо. Представляю, как не хотелось некоторым товарищам разрешать этот фильм, но деваться было некуда: или возражать против усугубления авторитарной сущности гитлеризма, «тенденциозности», или сделать вид, что тут ничто ничего не напоминает. Смягчить? Документы! Статья З.Кедриной в «ЛГ» («плагиат»)²⁵.

23.I (вторник) еще один просмотр «Тёркина на том свете». Возможно, на этот раз будет публика — конечно, приглашенная. По письму Плучек ничего покамест не сделал («вы реалист, я заматерелый формалист, не вижу, как пойти от гл<авы> “Смерть и воин”»), но просил «наложить швы» в отмеченных мною местах разрушения строфы. Сделал кое-как.

В сущности — этот просмотр уже должен привести к какому-то решению, т.е. разрешению спектакля или запрету. Но, скорее всего, будет действовать испытанная тактика оттяжки, уклонений, частных претензий. Все равно это одна из вышеназванных операций «холодной войны» против меня и «НМ». Вот уж воистину, мечтая с юности о своем литературном пути, не предполагал очутиться в таком политическом фокусе!

24.I.66. П<ахра>

После небольшого вчерашнего был немного не в форме — не стал переписывать то, что на листах, в тетрадку. Посмотрел, очень кстати, «Так это было» — из 95 строф погасил 20, отболевших вполне. Совершенно ясно, что между той главой и нынешней большая дистанция, многое мне тогда

не было так ясно, как теперь, многое попросту подтянуто к тогдашним понятиям дня.

«Отболевание» — это очень существенный творческий процесс и показатель; что совершь, то отболевает, просится вон. В «Тёркине» первом почти нет, в «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>» явно отболели опущенные Плучеком строфы (типы того света из прежнего (54 г.) варианта).

Завтра еще один просмотр. Беспокойно. Нет многих нужных людей — впрочем, не угадаешь, кто нужный.

Еще и еще добавляется снегу — на балконе сугробы, под окном кухни снежная гора — уже некуда кидать.

Несомненно, что в голове все время что-то работает *само по себе* — откладывается, укладывается, сцепляется, иначе непонятно было бы, откуда что берется, — невозможно представить себе полный самоконтроль и обзор этого «хозяйства». М.б., это имеет элементарное научное объяснение, м.б., это т<ак> наз<ываемое> подсознание.

13.II.66. П<ахра>

Главнейшее в этот промежуток — 1. Просмотр спектакля (чел<овек> до 600), вслед за которым разрешение и три «премьеры» 4, 6, 10 февраля!²⁶ На них не был не только по обстоятельствам «штопора», но и сознательно: не подогреть своим присутствием и не выходить еще раз для публичных целований с Плучеком и Папановым. Последний спектакль (10.II) имел, как рассказывают, накладки. Новиков был, по видимому, выпившим, м.б., и Папанов, т.к. сбивались, забывали²⁷. А между тем на этом спектакле уже были братья-режиссеры и т.п. люди, которым успех этого спектакля — нож острый. Они пришли увидеть его недостатки и увидели их без труда («шурале» и т.п.)²⁸. Говорят, был на спектакле А.И.Микоян. В целом сошло, как говорят, прилично, но не на уровне первых двух премьер. Это тем более прискорбно, что тут-то и подступили события, связанные с процессом Синявского²⁹. Ничего не хочется записывать, а есть чего. Снег, снег, трезвость, ужас при мысли, что к чему, — нет, не ужас, а тоска. — Вот и слава богу, что верстка ждет, читать нужно. —

15.II.66. П<ахра>. 6 ч. утра

Семь и пять лет со строгим режимом. Накануне еще требование прокурора казалось нарочито завышенным, все ждали еще чего-то³⁰. Результат: обычные мои слова на эту

тому, что С<иньявский> и Д<аниэль> не вызывают не только сочувствия, но, наоборот, достойны презрения и т.п., — слова эти как-то погасли во мне. 7 и 5 строгого режима. Речь уже не о «трудностях» в связи с моей «должностью» в Конгрессе [Европейского сообщества писателей], не о «контактах» — о непосредственно внутреннем нашем бытии. Вот уже есть нечто, о чем в более или менее широком кругу нельзя, нечто из той ужасной памяти (вот тебе и «зарубка»)³¹, нечто холодное и тяжкое, что в раскладку падает на все наши души, кроме, конечно, тех, что желали и ждали такой атмосферы. В сущности, ничего не хочется делать, можно сказать, что и жить не хочется: если это поворот к «тому», то, право, останется существовать. Но, конечно, вряд ли это действительно «поворот» — просто бездна слепоты и глупости невежд (а это не то ли самое?).

Нет, это не эмоциональный всплеск, не безоглядное раздражение против этих двух мазуриков, — это сознательная акция: припугнуть, шугануть, «подтянуть», подкрутить гайку.

Прочел в эти дни Н.Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» и нашел во многих его наблюдениях и заключениях прямо-таки совпадения с тем, что без всяких Бердяевых приходило из самой действительности и о чем случалось говорить и даже писать³².

Конечно, никаких совпадений с его христианствующей концепцией.

Вчера с ночи опять снег, новый снег по крайней мере в полметра, снег, что, по выражению Евг. Антоныча³³, «заполнил все закрома». С утра вчера разгребался, пробивался в этом новом снегу — работа, что в иную пору давала бы такое наполнение души хлопотливой радостью, когда люди с нарочитым сгущением «беды» говорят о небывалом за многие зимы снегопаде, вовсе не считая его бедой, — это не то что мороз небывалый и опасный. — О чем и когда смогу писать? Ж<урна>л, естественно, будет продолжать свое дело, но уже без того подъема, без той веселой отваги, без той веры и решимости идти «на вы», только бы удержаться, уберечься от стыдных слов, а так — пусть будет «академичность», читабельность, пусть по обочинам, только бы не прямо в болото. А вообще нужно реально себе представлять — не забывать, что процесс С<иньявского> и Д<аниэля>, как это одновременно с нами заметили и там, на Западе, не ради них одних и не главным образом из-за них затеян был и не

на этом все кончится. Нужно быть готовым и к свертыванию манатов, что, впрочем, соответствует настроению. —

Сын за отца не отвечает —
Пять этих слов за дымкой дней
Как бы рубеж обозначают
Судьбы нередкостной моей.

Вам из другого поколенья
Едва ль постичь до глубины
Тех слов (нежданных) откровенья
Для нас, виновных без вины...*

В «Правде» указаны только Большой, Малый, МХАТ, Кремлевский — других театров нет. Но в «Вечерке» вчера было³⁴. —

16.II.66. П<ахра>

Вчерашний день в редакции — от верстки Ч.Айтматова³⁵ отвлек Игорь Виноградов, подробно и четко рассказавший по своим записям о последних речах подсудимых. Оба опять-таки, признавая заслуживающими наказания свои «действия» в смысле использования зарубежной трибуны, решительно (С<инявский> с безнадежностью и отчаянием, Д<аниэль> более твердо) отрицали инкриминируемый их сочинениям антисоветский смысл. Говорили о том, что суд не слышит их объяснений, не опровергает их, лишь повторяя на разные голоса одни и те же цитаты, выхваченные из контекста, несмотря на то, что они, подсудимые, уже 10 и 20 раз объясняли, что криминальные слова и выражения принадлежат персонажам, а не авторской речи, и т.д.³⁶

Мы сидели вчетвером: я, Кондратович, Виноградов, Лакшин (Закс то заходил, то выходил), мы уже не острили, не смеялись, как бывало, а только с горечью и тревогой говорили о том, что дело дрянь. Это была реальность ужасного по существу поворота вещей, в которой уже не оставалось места каким-либо обнадеживающим предположениям... Еще в субботу женам подсудимых было сказано, чтобы они озаботились приготовлением теплых вещей (хотя, казалось бы, суд еще не вынес приговора). 7 и 5 лет «в колониях строгого режима» предстояли в тех краях, где главное — теплые вещи.

* Далее записано продолжение фрагмента «Сын за отца не отвечает».

Конечно, это гуманно, что есть возможность хоть передать эти вещи, чего в былые времена не могло быть. Да что говорить: сколько людей в те былые времена сочли бы за счастье, если бы у них была возможность быть услышанными кем-либо, кроме членов «троек», если бы они могли видеть своих жен, знать, что они их видят и слышат. Что говорить! Но не будем переоценивать и эту «гласность» — суд не испытывал ни малейшего воздействия этой «гласности» на ход дела (разве что поддержку своей неправоты и незаконности со стороны тех же «общественных обвинителей») и шел, не отклоняясь, к завершению постановки, к заранее известному приговору, на который не могло ничто повлиять.

Вошел в редакцию, здороваюсь, все как обычно, С<офья> Х<анановна> встает открыть мне кабинет, все как обычно, только о чем-то ни слова, что у всех на уме и на душе. Как не говорят о покойниках.

Прерывая наши невеселые суждения в связи с информацией Виноградова, я сказал, что все же журнал покамест выпускать нужно, займемся, мол, Айтматовым, и мы занялись, обсудили мои предложения насчет купюр, меня связали с Айтматовым по телефону, все уложилось, Айтматов еще уступил. Но все это было только так. Обсуждали заглавие для повести Можаяева³⁷, но все только так, для порядка. Как-то вдруг потускнело значение нашей работы, нашего «либерализма», как выражаются на Западе, всего того, что вызывало такую почту, такую любовь и уважение читателей, уподоблявших нас то «Современнику», то еще какому классическому образцу. Мы будем вести потихоньку свою «линию», печатать «смелые» вещи, от времени до времени привлекая особое внимание к какой-нибудь «ударной» рецензии, статье (так это было до сих пор). Эти 7 и 5 лет — сами по себе, о них мы не пророним ни звука (это в лучшем случае, а похоже, что будут попытки понудить нас к высказываниям типа вчерашнего «письма в редакцию» «ЛГ» кучи профессоров и доцентов МГУ (в т.ч. Любаревой, автора двух или трех книжек обо мне)³⁸. Словом, [нрзб.] дело. Личная судьба С<иньявского> и Д<аниэля> во времени отдалится, мы перестанем о них думать (вряд ли!), но то, чему положено необратимое начало этим судом, вернее, этим арестом и всем последующим, — оно не рассосется.

День вынесения приговора 14.II, оказывается, день десятилетия XX съезда (это помечено в настольном календаре, но в газетах ни звука). Любит история, между прочим, подкидывать такие неловкие совпадения. Прошло 10 лет — и еще один период нашей жизни отбыл в прошлое, и нужно считать, что его как бы и не было.

Звонил директор театра Ал-др Петрович [Левинский], приглашал на спектакль, я было согласился, но потом почувствовал себя таким усталым, что просто не мог, — поехали сюда на ночь, в театр пошла Оля. Вечером по телефону сказала, что все было хорошо, высказала очень верные замечания насчет необходимости «подтянуть» текст (что-то они там опускают, что-то переставляют — стих страдает, Папанов отсебятничает). Мне казалось, что и актеры в этот день в сходном с моим настроении и что это отразится на игре, и, наверно, это в какой-то степени так, — словом, я оробел, ослаб, не захотел еще этой нагрузки на вечер. Сейчас еще темно, 7 ч., есть опять новый снег, можно поработать, есть верстки — нужно их читать.

Нужно ехать в город (встреча с адм<иралом> Исаковым)³⁹, но лучше бы, конечно, не ездить. —

17.II.66. П<ахра>

Снег и снег уже в таком излишестве, что вместо успокоительного чувства любования великолепием этого зимнего изобилия наступает чувство изнурения и нетерпения: хватит! С утра взмок, прокладывая траншею к помойнице. К машине ходим на перекресток с Центр<альной> аллеей, разворот у дома отдыха. Расчистки нет — машина в ремонте. К машине или к Дементу идешь сперва по нашей Средней — узенькая в один след тропочка — идешь, как по бревну, а там по слабому санному следу — просто трудно, ноги мои начинают наливаться в икрах глухой, но не отпускающей (пока не остановишься постоять) болью.

Сейчас под окном кухни, в закоулке, где особенно плотно в эти ночи набивалось снегу и где я порядочно попотел (кидать некуда, сперва срезал выросший над кустами смородины отвал), свалилась с крыши гряда на добрую машину. За окном белый, опять загустевший до дремучести наш редковатый лесок дачных участков. Это одно из самых памятных мне с раннего детства очарований — лес под снегом, снег неторопливыми, но спорыми хлопьями валящий с низкого неба на притихший и похорошевший мир. Эти все дни дуло и крутило — на ветках не осталось старых залежей, и они, не распрямившиеся еще от той тяжести, принимают на себя новую пушистую ношу, заново, постепенно утолщаясь на сучьях, налипает снег, кое-где осыпаясь, попархивая белым дымком.

Постепенно успокаиваюсь насчет журнала — нужно, конечно, тянуть, покамест тянется, это лучшее, что можно придумать. Пусть как бы «в обороне», без особой лихости и «шика», пусть хотя бы только прилично. Есть еще в запасе «критика молчанием». В газетах уже сомкнулись волны над

судьбой тех двоих, уже о них и «гав-не-брехав», а они где-то близко ли, далеко ли, но, конечно, порознь друг от друга, в разных партиях, эшелонах или вагонах, уже под командой людей, для которых они только арестанты, во власти людей, которые не читали их писаний, не слышали речей. Там они где-то со своими вещевыми мешочками, в которых все, что тебе осталось для жизни, — все на тебе или под головой на нарах. А впереди — 7 и 5.

Говорят, руководство многих компартий выражает в печати или по радио свое недоумение и осуждение этого процесса и приговора⁴⁰.

Вигорелли заявил в печати, что он обсуждает вопрос (со «своей группой» (?)) о разрыве с Союзом писателей СССР. Отлично. Чем хуже, тем лучше.

У Исакова. Рассказал сперва свой рассказ, переданный нам тут же⁴¹, потом рассказал о том, что пишет или напишет, — интересно до крайности, но я спешил еще «читать документы» в комн<ате> 16.

— Я 73 раза встречался с т. Сталиным. Видел его благодушным, видел во гневе, видел, каким его никто не видел, — видел Сталина плачущим. (Записать то небольшое, что он успел рассказать.)

27.II.66. П<ахра>

Такое состояние, что вспомнишь, что нужно снег сбросить с балкона или с крыши, и радделу, которое отвлечет тихой стариковской сосредоточенностью от всего, о чем уж и думать устаешь. С отрадой дышу, хлопочу по малым домашним надобностям, все время думаю о весне, о пробуждении посаженных осенью яблонь (Евг. Антонович говорит, что необходимо с первыми угревами сделать обрезку — иначе ветки омертвеют сами собой, но дерево еще потратит на них соки). Со вкусом топлю камин, сжигая стружки, которых еще много на веранде сторожки, — точно лишние хламовые бумаги убираю, — сплю, завтракаю, обедаю, читаю, пью чай, все это со вкусом, с радостью жизни, как бы отрешающийся в этом дачном домоседстве и одиночестве от всей той невыносимой ярмороки вранья и глупости, которая окружает тебя и покрывает с головой — только дайся ей. Трезвость.

Кажется, все уже ясно, все бесповоротно, ничто не изменится в отношении Синявского, да и ошеломленность множества людей тем приговором — она для этого множества проходит уже и пройдет, она останется только для него да для

его близких в меру их душевных качеств. Но не проходит и не пройдет то, что содержал этот приговор не только и не столько в отношении обвиняемых, сколько в отношении многих и многих, кто и думать не думал о пересылке своих писаний в заграничные издания.

Дня полтора потратил на выписки из книги Н. Бердяева⁴². В эту тетрадь вносить их все же не хотелось, хотя многое там так совпадало с моими мыслями и наблюдениями, приходившими до всякого Бердяева и казавшимися куда как самостоятельными и необычными. Но от того, что они совпали с положениями книги, заведомо отлученной и преданной анафеме, от этого они еще не становятся начисто полностью неверными. Это главным образом мысли о гипертрофии «государственности», о могуществе аппарата, о нравственном окостенении его душ, о своеобразной религиозно-фанатической антирелигиозной нашей политике. Мы не просто не верим в бога, но мы «предались сатане», — в угоду ему оскорбляем религиозные чувства людей, не довольствуемся всемирным процессом отхода от религии в связи с приобщением к культуре, а хотим немедленно поломать и низвергнуть старых богов и заменить их своими, что, м<ежду> пр<очим>, и на Маркизских островах привело к падению нравов, скуке быта, росту преступности. Мы насильственно, как только делает вера завоевателей в отношении веры завоеванных, лишили жизнь людей нашей страны благообразия и поэзии неизменных и вечных ее рубежей — рождение, венчание, похороны и т.п. Наверно, я еще напишу о вступлении в колхоз всем селом, отслужившим молебен, помолившимся о новой лучшей и справедливой жизни, и о том, что было потом (попа посадили, в колхозе выявили кулаков и подкулачников, имущество роздали, дома заняли и т.д.).

И. Ст. Исаков рассказывает.

— Сталин мог задержать у себя на час, на два и на три. Так мы беседовали о добровольном воссоединении Прибалтов с СССР. Я это дело должен был обеспечивать с моря, с суши — Мерецков⁴³. Но мог, не предлагая присесть, ограничиться полутора минутами. Прилетаю по вызову из Ленинграда, это уже во время войны (м<ежду> пр<очим>, когда я впервые очутился в его подземном кабинете — в Кремле же, — не сразу понял, что это под землей: кабинет был точной копией его кремлевского каб<ине>та, — те же панели, те же размеры, высота, тот же стол и т.п., только «окна» завешаны гардинами так, что и не догадаешься, что никаких окон нет), являюсь: по вашему вызову...

— Вот что, вы полетите во Владивосток, — показал трубкой на карту на стене, — не на Владивосток, а просто на всю карту, — посмотрите, не устроят ли они нам там Пирл-Харбор (это было на другой день после разгрома японцами американской авиабазы). Все. Можете быть свободны. —

— Ни одного моего слова не понадобилось, и я полетел смотреть.

— Сталин во гневе. Это было при мне, когда у него был летчик — «испанец» Рыкачев (Рыгачов? Рогачов?)⁴⁴. Сталин, когда был в большом раздражении, акцентировал больше обычного.

— Ви не должен были этого сказать. — Это он повторял, делая по кабинету «шесть-семь галсов» — взад-вперед. Тот ему сказал, дурак, мол, зачем же нас на «гробах» в бой посылают.

— Какой молодец! — прервал я Исакова. — Он правду сказал, что наша боевая техника несовершенна, — кто другой мог это сказать в глаза самому, — никто — ни нарком, ни маршал.

Исаков ничего мне не возразил, но, видимо, не изменил своего мнения, что этот летчик был дурак, кретин.

— Однажды он пригласил меня в свой кинозал (кино он смотрел обычно один, изредка с кем-нибудь из приближенных). Шли по коридорам, на каждом повороте охранник, деликатно отступающий в проем, как бы упуская из глаз проходящих, но на самом деле передающий их за поворотом глазам другого охранника, который стоит у другого поворота и в свою очередь и т.д. Не по себе мне стало, я возьми и брякни:

— Скучно туг у вас...

— Почему скучно?

— Да вот — за каждым углом...

— Это вам скучно, а мне не скучно: я иду и думаю, какой из них мне, мне в затылок выстрелит...

Бедняга Плучек (был у меня накануне «отчета» в МГК), похудел, с лица изменился, — задергали, замордовали, затерроризировали угрожающей молчанкой. Наконец этот вызов в составе секретаря парторганизации, директора, его, т.е. Плучека, замминистров культуры СССР и РСФСР, разных других начальников.

Третьего или четвертого дня звоню: как и что. «Отчет» о подготовке к 50-летию Сов<етской> власти и пр. — все это было только так, а дело все в этом спектакле. 2-й секр<етарь>

МГК Калашникова (?)⁴⁵, сменившая на этом посту моего друга Кузнецова, ныне министра культуры РСФСР, подводила к тому, чтобы сам театр (парторганизация) догадался, сознался, раскаялся в идейно-политической ошибке (мягко выражаясь) и снял спектакль (а потом уж снять самого Плучека проще простого). М<ежду> пр<очим>, она зачитала письмо «зрителей» (или «зрителя» — кто, откуда, не было сказано) в ЦК, пересланное, мол, в МГК. В письме говорилось, что спектакль подвергает осмеянию и поруганию наших славных чекистов и все, что дорого советскому человеку.

Плучек, по его словам, выступил с решимостью отчаяния: считал и считаю, мол, спектакль удачей театра, настоящей сов<етской> сатирой. К Сталину в третий раз менять отношение я не намерен, я уж стар, говорить и делать против совести не могу и не буду. Не гожусь — снимайте.

Спрашиваю: — Но в субботу еще будет сп<ектак>ль?

— Спектакль идет и будет еще идти, но вопрос передан на райком, — разобраться, учесть требования трудящихся, — словом — снизу.

Сейчас, перед последней записью, позвонила Валя, просмотревшая вчера спектакль в пятый (!) раз: блестяще, такого еще не было, аплод<исменты> за каждой почти репликой, самый большой успех. Позвонил Плучеку, он на каком-то семинаре, З<инаида> П<авловна>, жена, говорит, что спектакль был небывалый. — Боже мой, понимаю Плучека, который с мольбой говорил: хоть бы что-нибудь в печати. Я смолodu не унизился никогда такой заботой, а вот будучи уже в годах и знаменитым, готов просить хотя бы Симонова — дай хоть что-нибудь самое скромненькое, это сейчас имеет такое большое общее значение, — дело же не во мне...⁴⁶

1. III.66. М<осква>

В Секретариат Союза писателей СССР

Дорогие товарищи!

Как меня извещает генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Джанкарло Вигорелли, 9.III в Париже созывается экстренное и конфиденциальное заседание президиума Сообщества, на котором я в качестве его вице-президента должен присутствовать. Заседание это очевидным образом вызвано теми разнообразными толками и кривотолками, которые продолжают занимать столь большое место на страницах зарубежной печати.

Я надеюсь, что мне нет необходимости специально останавливаться здесь на том, какую меру презрения и даже гадливости испытываю я вместе с вами в отношении этих двух литераторов, навсегда покрывших себя позором в гла-

зах нашей общественности своим трусливым двоедушием и гражданской бесчестностью, позволившим им, называясь советскими писателями, печатать тайком за границей свою в сущности антисоветскую и антихудожественную стряпню, под псевдонимами Абрам Терц и Н.Аршак.

Но я должен сказать без обиняков, что я не мог бы взять на себя отстаивание на предстоящем парижском заседании всех тех положений, которые содержатся в опубликованном в «Литературной газете» заявлении Секретариата Союза писателей...⁴⁷

Мне кажется, что состоявшийся процесс и приговор придали этому делу неправомерные масштабы и принесли нам немало вреда и политических невыгод, причинили очевидный ущерб нашему престижу, порадовали наших врагов и огорчили наших друзей за границей, а также вызвали чувства недоумения в душах многих людей, в частности у молодежи. Этому в первую очередь способствовали отчеты «из зала суда» и «отклики», появлявшиеся в наших газетах и стилистикой своей часто напоминавшие ходовую фразеологию недобрых времен, бесповоротно осужденных партией и народом.

Я принадлежу к той части советских писателей (думаю, что самой большой и значительной части), которые считают, что Синявский и Даниэль должны были быть осуждены и преданы всяческому ostracismu в общественном, а не уголовном порядке. Может быть, еще не поздно было бы и сейчас заменить этим людям уголовное наказание наказанием более страшным по существу, но более правоммерным в данном случае, а именно — лишением их советского гражданства и выдворением за пределы СССР. Это, между прочим, сразу лишило бы их ореола «мучеников», «узников социализма» и удешевило бы их товар на антисоветском рынке, а также подчеркнуло бы полное внутренней силы и достоинства презрение нашей великой державы и общества к еще одной форме лая из подворотни.

Все вышеизложенное ставит меня на предстоящем заседании руководства КОМЕСа в ложное положение. Я не мог бы, как уже сказал, отстаивать там официальное заявление Союза писателей, которое я не счел для себя возможным подписать при ознакомлении с его проектом. Прошу Секретариат разрешить мне не выезжать на парижское заседание, если мне не будет подсказан иной выход из положения.

28.II.66

Имелось в виду дозвониться до Демичева, пойти к нему, испросить разрешение на эту просьбу к Секретариату (предварительно посоветовавшись с Сурковым). Сложилось так,

что я изложил содержание этого письма Маркову, Воронкову, Суркову вкуче, а до Демичева мы не дозвонились, пишет «раздел», а М.А.[Суслов] сказал, что ему неудобно, а Сурков туда-сюда, а Вигорелли вызван в Москву (до Парижа). Чем мы занимаемся?

2.III.66. П<ахра>

А Вигорелли-то, как я и предполагал и говорил, ехать сюда не хочет, — занят, мол, подготовкой парижского заседания. Об этом я узнал от Огородниковой, дозвонившись до нее вчера в конце дня, — Суркова не было — обедал с [нрзб.]. Сегодня звоню ему домой — уже ушел. С тем о чем говорить? Ехать — не ехать? Если ехать — что там говорить?

Союз писателей не должен выглядеть придатком административных органов ни в коем случае. Но ведь когда составляются такие «коммюнике», как «От Союза писателей», имеется в виду не дело, не результат по смыслу, учитывается не уровень понимания тех, для кого оно составляется, а уровень и характер соображений работников «отдела».

Дочитываю книжку Б.Даниэльсона из экипажа («Контрики»), «Забытые острова»⁴⁸. Картина нынешнего быта под знаком цивилизации на Маркизских островах. Вот она, прерывность развития. Дикари, покупающие кипяток для заварки кофе, и т.п. Дочь Гогена (закурить, выпить)⁴⁹. Празднование дня 14 июля, пьяный вождь, возглашающий не имеющие для него никакого смысла слова: «Да здравствует отечество».

Позвонила С<офья> Х<анановна> — билет на открытие горпартконференции. — Утром сбросил остатки снега с балкона. Мокрый снег, не то дождь на голые доски.

Обычное после того, как кого-нибудь зарежешь, чувство — что-то, м.б., не так. А резали вчера Войновича с его «юношеской юмористической повестью»⁵⁰ (без этих указаний на жанр и назначение вообще нельзя). Благополучно-безоблачная историйка предпризывных шатаний молодых бездельников, слишком молодых для своих 19 лет — ни раздумий, ни сколько-нибудь высоких интересов, все вне всего — общественности, искусства, трудностей жизни. Я был в меньшинстве против, «молодая редакция» с Сацем пытались быть добрыми, искали достоинств (они есть: чистенько, «профессионально» вполне). Потом Виноградов говорит: однако вы, мол, говорили, что теперь нам некоторое время толь-

ко бы как-нибудь. Я объяснил, что имел в виду «невыскакивание», м.б., некоторую академичность и т.п., но отнюдь не заведомое снижение уровня, утрату «облика». Я как-то похвалил рец<ензию> Лакшина на Дороша⁵¹. Закс удивился. Но я и сам знал, что рец<ензия> не из ярких и сам Дорош не столь яркий объект, однако и там Лакшин оставался критиком «НМ», приостанавливаясь всякий раз, когда представлялась возможность что-то повторить, подчеркнуть, еще раз пояснить насчет *правды*. Так же и нынешняя передовая Кондратовича⁵² — при всей ее обязательности, заданности и общей неглубокости, как речь доходит до цит<ат> Директив («партия говорит языком правды»), так хоть абзац, да наш — о том, что лишь правда сообщает лит<ерату>ре действительную силу.

Просматривал, вышелушивая для «Записной книжки» кой-какие стишочки, набрел не на одну запись, где были попытки сформулировать для себя, для самооправдания необходимость ухода из «НМ», и теперь видно, как это было бы неправильно и дешево.

Сохранить журнал в его основном нынешнем качестве, хотя бы без сенсаций, без рывков «в незнаемое», — великая задача и долг. Но не ценой уступок основной позиции. — Каждая книжка — удержание этой позиции, еще один м<еся>ц устояния, а м.б., и частичного продвижения. —

3.III.66. М<осква>

Ночевал здесь — иду на горпартконференцию. Гостевой бил<ет> на все дни, ложа президиума, — последний, т<ак> сказать, почет не избранным делегатами нынешним членам рук<оводящих> органов.

Дем<ентьев> был вчера на встрече с судьей Смирновым⁵³ (арестовав, ходили по организациям, разъясняя, зачем арестовали; осудив, ходят разъяснять, почему так осудили, — чудны дела твои, господи!).

Те же цитаты, «две с половиной цитаты», как сказал Дем<ентьев>.

Около 60—70 записок-вопросов, — все до единой — выражение недоумения, неприятия процесса и приговора.

— Почему бы их, как Тарсиса, не лишить сов<етского> гражданства и не выдворить к их западным покровителям?⁵⁴

— Суд не располагает (с 58 г.) такой мерой наказания.

— Почему их судили в уголовном порядке, а не в общественном?

— Я судил таким судом, какому они были преданы.

— Знаете ли вы высказывания Дж.Голлона, Л.Арагона?⁵⁵

— Зная английский, я читал выск<азывания> Голлона, но франц<узского> я не знаю и Арагона не читал.

Третьего дня И.П.Арх<ангельская>⁵⁶ была в горкоме. — Сообщение Тельпугова⁵⁷: большинство писателей одобряет процесс, но еще не все наши организации (партийные) провели соот<ветствующие> собрания. Вот не дай бог, хотя Дем<ентьев> считает, что ничего.

Странное сообщение Соловьевой⁵⁸, проводившей совещание, о предполагающейся 5.III «стихийной» демонстрации старых большевиков и молодежи на Кр<асной> площади в знак одобрения решений 20-го съезда (?).

Надеюсь, что сегодняшний доклад Егорычева отчетливее скажет то, что довольно стыдливо запрятано в передовой «Правды» насчет «единения»⁵⁹.

4.III.66. М<осква>

Если удастся сегодня видеться нам (я, Сурков, Марков) с Демичевым, объяснить, что на парижском совете моя роль слишком трудна и почти бесполезна без того, чтобы я имел возможность говорить дело.

Главная трудность в том, что это разговор с друзьями, а не с врагами (о них вообще речи нет). М<ежду> пр<очим>, когда мы обо всем в целом, что вызвано за границей процессом и приговором, говорим как об «истерии» и «шумихе», мы усугубляем беду, оскорбляя друзей, которые все свои высказывания начинают с отмежевания от своекорыстных и злопыхательских толков и суждений буржуазной прессы.

Первое, что нужно объяснить друзьям, знающим обо всем лишь по дурным статьям Еремина, Кедринной⁶⁰ и по столь же дурным отчетам из зала суда, — объяснить, что с точки зрения нашего морально-этического кодекса совершены проступки, решительно не совместимы<е> со званием советских писателей, просто граждан.

Второе — что это не только [не] «выдающиеся писатели», но просто бездарь в этих своих «произведениях».

Третье, что причинен моральный ущерб «НМ», памяти Пастернака, Институту мировой литературы⁶¹.

Словом, они достойны полного осуждения и остракизма.

Самое трудное объяснить, зачем мы во вред себе затеяли всю историю в масштабах уголовного суда и приговора «со строгим режимом»... (время идет; письмо мое при мне).

5.III.66. П<ахра>

Из «ложи президиума», где мы сидели с Сурковым среди других не избранных ни на съезде, ни на эту горпартконференцию — в качестве уже отбывающих «членов руководящих органов», Сурков передал Д<емиче>ву записку за нашими двумя подписями: парижское заседание, ехать — не ехать, 10—15 [мин.] для беседы. В обед<енный> перерыв мне удалось перехватить его на выходе с задней лесенки сцены. Он не вдруг понял, что это не обычное заседание, а специальное и конфиденциальное. «Позвонить завтра». — Звоню, его нет, будет часа через полтора, но минут через 10 звонит мне Ген. Вас. (один из его двух Геннадиев): подъезжайте. Поехали — я, Сурков, Воронков (Марков подскочил дополнительно).

Сперва началась было лекция о классовой сущности «всей этой шумихи» вокруг дела Синявского, о законах борьбы и т.п., и уже казалось, что не о чем говорить, товарищ Мелентьев, Марков (с середины), отчасти Воронков начали поддакивать, дополнять, ссылаться на письма трудящихся («мало дали»), на «блистательные» ответы судьи Смирнова «всей этой шушере» в ЦДЛ.

Но я по абзацам стал декламировать свое письмо, не вынимая его из кармана.

— А где вы были? Кто виноват?

— Мы сплеховали, т.е. руководство Союза писателей. — По пути ввернул, что отлучение в отношении Тарсиса — вот умнейшая акция. Так бы и с ними (т.е. С<инявским> и Д<аниэлем>), сразу бы их товар подешевел.

И вдруг, к явному неудовольствию Мелентьева и моих коллег (кроме все же Суркова) и вопреки их явному стремлению отклонить разговор от этой постановки, П.Н.[Демичев] говорит:

— А как поступить теперь лучше? Подумайте, предложите. Я не считаю это дело бесповоротно законченным. Не думайте, что нам интересно их в тюрьме держать..

Эти же слова он повторил и на прощанье, и наше конкретное решение о том, чтобы вызывать Вигорелли и Карвера⁶² «для ознакомления на месте», и если не приедут, то и не ехать в Париж, уже убавилось в своем значении перед перспективой возможного решения дела кардинально. — Условились в воскресенье (рабочий день) собраться, обтолковать все с «дедом», т.е. Фединым (который, оказывается, правил перышком текст заявления Сек<ретария>та, даже вставил слово «хула», до которого Мелентьев не додумался бы), и что-то сочинять на имя Президиума.

Кажется, нужно подготовить письмаца и в Президиум ЦК (с просьбой обратиться в Верх <овный> Совет).

Конференция. Раздел о Синявском из доклада о печати выпал. Не исключено, что еще нас с Сурковым изберут на съезд (в дополнение к Маркову, Чаковскому, М.Алексееву, Софронову, избранным на областных конференциях (была проявлена забота). А нет — так и нет. Но если изберут, буду готовить речь (если удастся повернуть «дело»), — иначе о чем же говорить — не об этом же «деле», если оно останется без изменений. — Избран на съезд и Рыленков.

В Президиум ЦК КПСС

Обратиться с этим письмом в Президиум ЦК КПСС нас заставляет тот особый резонанс, какой получили процесс и приговор по делу Синявского и Даниэля в зарубежном общественном мнении.

Мы имеем в виду не столько буржуазную или контрреволюционную эмигрантскую печать, но в первую очередь отклики наших друзей, в том числе виднейших коммунистических деятелей Запада, которые, может быть, в силу недостаточной информированности носят характер недоумения и даже опасений за нашу социалистическую демократию в связи с этим судебным делом.

Полагаем, что нет необходимости специально останавливаться здесь на том, какую меру презрения и даже гадливости испытывали мы в отношении названных двух литераторов, навсегда опозоривших себя в глазах нашей общественности своим трусливым двоедушием и гражданской бесчестностью, позволившим им, называясь советскими писателями, тайком пересылать и печатать под псевдонимами за границей [свои произведения] в изданиях соответствующего толка.

Однако случилось так, что процесс и приговор придали этому делу неправомерные масштабы и в нынешней международной обстановке принесли нам очевидные политические невыгоды, причинили ущерб нашему престижу, порадовали наших врагов и огорчили наших друзей за границей, а также вызвали чувства некоего смятения и удрученности в душах многих наших людей, в особенности — у молодежи.

В самом деле, трудно примириться с тем, чтобы эта малоприятная, но не столь уж значительная история выглядела так, словно бы наша великая держава с ее всемирным политическим и нравственным авторитетом вдруг выказала опасение, что некие два сочинителя способны были своими ничтожными в литературном смысле опусами расшатать ее

устои. Такому смехотворному впечатлению немало способствовала наша печать, освещавшая дело и стилистикой своей, шаблонными фразеологическими оборотами часто напоминавшая худшие образцы известного периода.

Мы отнюдь не имеем в виду критиковать или поправлять суд, вынесший в соответствии с законом свой суровый приговор обвиняемым. Во всяком случае это не в нашей компетенции. Мы можем только пожалеть, что в том, какой неблагоприятный политический оборот приобрело это дело, повинен и Союз писателей, его руководство. Мы считаем, что дело это могло быть с большей пользой рассмотрено в общественном порядке и люди, уличенные в их позорной антигражданской деятельности, должны были быть преданы самому суровому осуждению и остракизму вплоть до ходатайства о лишении их советского гражданства и выдворении за пределы Родины.

Но в сложившейся так или иначе нынешней ситуации нам кажется, что еще не поздно было бы со стороны Верховного Совета СССР во внимание к просьбе ряда литераторов из числа наиболее известных в стране и за рубежом найти форму смягчения участи осужденных.

Между прочим, это сразу лишило бы их некоего ореола «мучеников» и «страдальцев», удешевило бы этот товар на антисоветском рынке. Одновременно это было бы также удовлетворение нашим многочисленным друзьям за границей и, подчеркнув полное внутренней силы и достоинства презрение к еще одному виду лая из подворотни, являлось бы акцией гуманности и новым свидетельством неизменного развития социалистической демократии в нашей стране на ее путях к коммунизму.

Мы просим разрешения обратиться с письмом в Президиум Верх<овного> Совета СССР...

Едва заставил себя перебелить — здесь начерно это письмо, показанное уже Дем<ентье>ву, — позвонил Плучек, сообщил, что на горпартконференции на чей-то вопрос-записку, до каких пор горком будет терпеть безобразный, антисоветский спектакль «Тёркин на том свете», Егорычев ответил в том духе, что, мол, ввиду переезда театра в новое помещение несколько ослабили за ним наблюдение, но что горком уже занялся этим вопросом и, хотя тов. Плучек не признает своей ошибки, будут найдены меры воздействия на него⁶³.

То ли по этому частному случаю опять готовиться к выступлению в эпистолярном жанре, то ли уж взять его в связи с выпадами и выходками Кузнецова, Павлова и вести, наконец, речь об организованной травле сверху. — Перед кем?

Умерла Анна Ахматова*.

6.III.66. П<ахра>

Перебелил на листы, еду к 11 ч. в Союз, но боюсь, что ни Суркова, ни Маркова я там не найду, хоть и условились точно. Сурков, обещавший позвонить, так-таки и не позвонил вчера, смущенный, видимо, тем, что он в числе избранных, а я нет, а м.б., уже не считая удобным держать со мной контакты в таком деликатном деле.

Говоря по правде, ждал новостей с конференции и, когда вечером позвонила Оля (ах, дочки мои, что же я могу сделать!) и нашла мне в списке в «Веч<ерней> Москве» фамилии Грибачева, Кожевникова, Суркова, меня маленько толкнуло — все же это прямая «санкция». Но виду не показал (при Дементьеве, который был у меня), отлично спал, а сегодня утром и вовсе приободрился.

С Софроновым вместе
не быть мне на нынешнем съезде.
Еще бы не знал я,
за что я лишен этой чести!

13.III.66. П<ахра>

Точности ради, — на съезд избраны: Алексеев Мих., Софронов, Чаковский, Кожевников, Поповкин, Грибачев⁶⁴, Марков, а также Сурков и Симонов. Казалось, что неизбранием и Кочетова была проявлена политика срезывания наиболее острых углов, да и приравнения меня не более как к противоположной крайности, — всего и цены-то! — (Ладно, думал я, Христа тоже распинали вместе с разбойниками!) Ан нет: Кочетов избран в Ленинграде, не забыт, как и Прокофьев, вопреки его падению как руководителя⁶⁵. И я, отлично понимая, какие невеселые последствия должны развиться из этого, все же не могу не утешаться хоть тем, что утопляем в отдельном мешке — тоже пища для гордыни. А объективно говоря, не умно, слишком наглядно. Бедные сотрудники «НМ», сколько им еще слышать лицемерно-сочувственные вздохи: «А вашего-то не избрали. Пьет, должно быть?..»

«Тёркин» идет еще сегодня и завтра и еще 20.III. А там — до послесъездовских дней перерыв, который вряд ли закончится возобновлением спектакля.

* После слов о смерти А.Ахматовой в дневнике А.Т. пустая страница.

Опять была телеграмма к Вигорелли по поводу его сообщения о перенесении Совета на 16. III. Мол, приезжайте сперва вы, а то я не смогу без предварительной беседы приехать в Париж. Он опять ответил, что очень огорчен, но не может приехать, просит «в ваших интересах» пересмотреть решение о неявке. Руководство (Марков, Воронков): не ехать, не отвечать. Потом предложение мне подписать телеграмму Ж.-П. Сартру⁶⁶ с просьбой к нему об отсрочке. Я сразу ответил Огородниковой, что не подпишу. Отсрочка, а там что? А там ехать в П<ариж> с секретариатским заявлением из «ЛГ»? Спасибо в шапку.

Вчера день и сегодня утро ушло в снег в углу между окном столовой и верандой, где сугроб макушкой был под крышу. Болело все тело, как после первой в году косьбы или другой такой работы. Читаю Ирвина Шоу «Молодые львы»⁶⁷. В городе доделал и нарастил цитатами стихов статейку об Ахматовой, встреченную самыми неожиданными благодарностями и похвалами в известинском варианте⁶⁸.

Нужно писать статью о «Далях» и втором «Тёркине». Забрал в Гослите III том для просмотра и дополнения то ли этой не написанной еще статьей, то ли «Гайдамаками», последнего все же не хотелось бы без крайней нужды⁶⁹.

Я опять на рубеже. На особом, таком, что вроде бы мне не нужно писать ничего нового, кроме самого заветного, и уже безо всяких расчетов на близкое напечатание. А написанному нужно подвести итоги, объяснить, пользуясь случаем Собрания.

«Стихи из зап<исной> книжки» — это вроде собрания марок, — если их есть несколько, то приятно прибавлять (хоть что-нибудь!) еще. Попробуем. —

17. III. 66. П<ахра>

Во вторник поехали с Машей на спектакль, уже был болен (после потения на снегоуборке большое беспечное охлаждение). Назавтра поехал в редакцию, но уже чую, что дело не полоса, собрался на дачу, а тут опять снегопад, езда медленная, опасная. Вечером померяли [температуру] — 39 с гаком. Вчера день в полусне, то возле камина, так и сегодня тянет — к полудремному чтению. Вчера — смерть Ив<ана> И<льича>⁷⁰ и Крей<церова> соната. — Не столько смерть занимала, сколько тончайшая и точнейшая «конструкция» психологии интеллигентного российского бюрократа.

Все время активно продумывается статья о «Далях» и втором «Тёркине».

13.III. В «Юманите»⁷¹ — рецензия (полуинтервью с Плучеком) на «Тёркина», — шесть колонок до подвала, — все уменьшо. Жан Конона, говорят, член ЦК КПФ.

Все более укрепляюсь в чувстве некоего освобождения от чего-то, обязывавшего в чем-то и чему-то не согласному с совестью, и даже отчасти тщеславного удовлетворения неизбранием.

Письмо «генерала-грузчика»⁷².

Вот оно:

Крайностей крайних уценка:

Чудная пара — Софронов и Евтушенко.

Толстый и тонкий, дебелий и квелый,

Оба решительно стоят друг друга — две стороны одной медали. —

18.III.66. П<ахра>

Будто совсем уж здоров, даже совестно, но сонливость, слабость и тяга к кушетке. Едва заставил себя доделать (как будто) давнишний набросок.

Листва отпылала, опала, и вновь по дубравам
Настояны просеки запахом винно-горькавым.
Последними пали поблеклые листья сирени,
И садики стали просторней, светлей и смиренней.
Как пот, остывает ушедшего лета усталость.
И дума находит: такую бы добрую старость.
Чтоб вовсе она не казалась досрочной,

случайной,

И все завершалось, как осенью год урожайный,
Чтоб малые только ее навещали недуги
И шла бы она под уклон безо всякой

натуги...

Но только в забвенье тревоги и боли

насущной

Возможны утехи и этой мечты

благодарной⁷³.

Странно: давно знаю, мог употребить в разговоре понятие «арзамасский ужас», а только вчера прочел набросок «Записки сумасшедшего» Л.Толстого⁷⁴. Вычитал оттуда Маше, — она сказала, что испытала это однажды во всей остроте, по-видимому, в связи с женским возрастным рубежом. Я — неоднократно, в последнее время довольно часто. Прочел,

стало легче — значит, и это может быть выражено, а следовательно, и побеждено.

В этом, пожалуй, и есть смысл и радость жизни, что в ней дано нам познавать, постигать и преодолевать (постигая ее ужас) этот ужас. Не будь жизнь конечна и коротка, невозможно было бы познание и творчество, — незачем, а тут сроки ближе или дальше, но они положены, а это обязывает хватывать, поспевать хоть что-нибудь, чего, однако, без тебя, м.б., никто не хватит, не успеет внести в общий фонд. — Поэзия, музыка, все искусство, все творчество, все полеты мысли человеческой обязаны своим развитием одному из условий, самому жестокому и безоговорочному из условий жизни — ее конечности и скоротечности. И как ни жалко человечества, что оно поставлено в столь жесткие условия, но пожелать иных — вечности и бесконечности личной жизни — невозможно. Не случайно, между прочим, что «на том свете» «вечность вечностью течет» и там ничего «нету» и «не будет»⁷⁵.

19.III.66. П<ахра>

Спал пунктирно, дважды вставал, курил, читал и проч. Среди всяческой неразборчивой мешанины видел Олю (должно быть, под впечатлением рассказа Толстого «Что я видел во сне», но и в связи с тревогами этих дней по поводу распределения в училище). Олю с ребеночком на руках, причем как-то посмеивающуюся, будто играющую в мать и ребенка. А когда я склонился к ней, чтоб посмотреть ребенка, она говорит что-то такое, что вот, мол, мое обязательство, я связана. И когда я с болью и нежностью хотел обняться вместе с ребенком, — что же, мол, о том толковать, только бы ты была счастлива, она перестала смеяться и заплакала.

Раздумался утром: конечно, дикость и глупость ни с того, ни с сего расставаться с последней дочкой, да еще такой квелой, слабой, а ей ехать в Ростов рублей от силы на 60 в месяц со своей, конечно, квартирой, на которую уйдет не меньше 50 р. частным образом, оставлять серьезно больную мать, вообще нас обоих стариков, для которых она как солнышко милое. И все это при том, что, я уверен, театру ростовскому она, скорее всего, не нужна, — своих хватает мазил, жаждущих заработать, и, скорее всего, она не придется там ко двору, и мне придется отхлопатывать ей московскую прописку. Все так, но она уже распределилась в Ростов вме-

сте со своим Вальдемаром, т.е. по форме уже как муж и жена, тут уж и никакой Плучек (хоть не сейчас) не поможет.

Из обзора итальянской печати этого года:

«Унита» (в связи с «делом Синявского»):

«...в решении проблемы взаимоотношений между Гражданином и Государством в Советском Союзе и соц. странах имеется отставание». — Ссылка на П.Тольятти, на его Ялтинскую памятную записку (кстати, ее нет в нашем двухтомнике Тольятти)⁷⁶.

«Мы не можем выразить наше согласие с процессом и, в особенности, с приговором также и ввиду его исключительной суровости».

«...советские товарищи не могут и не должны удивляться реакции нашей и других коммунистических партий Западной Европы... Перед рабочим движением стран Зап. Европы и перед авангардом — коммунистическими партиями проблемы взаимоотношений между социализмом и свободой, социализмом и демократией, социалистическим государством и социалистическими гражданами, между политической и культурой, — стоят иначе».

«Ринашита», статья В.Страды, написанная до суда и сопровождаемая в связи с этим редакционной врезкой за подписью Пайетта и письмом самого Страды⁷⁷.

Страда о статье Луначарского «Свобода книги и революция» (1921 г., «Печ<ать> и рев<олюция>» — в собр. соч. не введена).

«Момент свободы и момент организации».

Приводя приведенную Луначарским⁷⁸ формулу Каутского «Максимальный порядок и методичность в производстве и максимальная анархия в искусстве»⁷⁹, Страда мог бы сказать, что у нас все наоборот: макс<имальная> анархия в производстве и макс<имальный> порядок в искусстве.

У меня машинописная копия постановления Совмина РСФСР еще 1965 г. и приобретенного в узких кругах (журналистов) полумифическое хождение, впрочем, недолгое: «Об отдельных видах промыслов кустарей и ремесленников», в котором разрешено всем вне городов, даже районных, а инвалидам везде — изготовление люстр, абажуров, прищепок для белья, заливка галош и т.п., но тут же запрещено что-либо изготавливать из шерсти и перевозка пассажиров и грузов на лодках. Загадочное дело, почему нельзя было опубликовать этот

документ? Чтобы китайцы не узнали, что разрешено, а Запад не узнал бы, что было запрещено? Или все дело в запрещениях насчет шерсти и перевозки на лодках — т.е. запрещение — главное — нужно было поставить в конце разрешения? —

20.III.66. П<ахра>

Дементьев рассказал: Б.Изаков⁸⁰ (АПН) позвонил, что хотел бы взять у делегата съезда А.Т. интервью. Ему говорят: А.Т., к сожалению, не является [делегатом съезда]. — Как так, я сам видел в списке и тов. (Пищик) не может ошибаться в таких делах. Потом сам пришел в редакцию и продолжал убеждать наших, что А.Т. — делегат (от Смол<енской> орг<анизации>). Дем<ентьев> предпринял (не нужные на мой взгляд) шаги к выяснению вопроса, Ирина [Дементьева] звонила в См<оленск> — редактору «Р<абочего> п<ути>» — лишний звонок — конечно, ничего подобного, — Рыленков. Мне только помнится, что в МК при разговоре о «Тёркине» с Плучеком была какая-то смутная речь о том, что, мол, Твардовского и в См<олен>ске не избрали его земляки, возмущенные «Тёркиным» (которого они, конечно, не могли видеть). Отсюда ясно, что еще до «контингента» даже не дошло, что я из всех один выделен, еще и цензура и т.п. круги, пожалуй, не знают, оттого и нет еще резкого ухудшения положения с журналом. И еще нужно иметь в виду, что еще столько раз мне придется объясняться и извиняться за мое неизбрание перед многими людьми, которых это удивит и которые будут считать своим долгом выражать мне это свое удивление в форме упрека мне: как же это, мол, так ты допустил. Это вдобавок к предстоящему испытанию появления на съезде с гостевым билетом — господи, хоть бы соблюсти только приличие, прослушать доклад, чтоб кому надо знали — был, не игнорировал и отпустил душу на покаяние.

Со слов В.Лакшина (а тот с непосред<ственной> записи одного приятеля). Семичастный⁸¹ выступал в Академии обществ<енных> наук — 3 ч., из них не менее двух — о лит<ерату>ре и искусстве. И опять записка: до каких пор терпеть «Тёркина» на сцене Театра сатиры? Ответ: да, мол, это верно, что спектакль безобразный, вредный. Но Твардовский — есть Твардовский (в смысле не то что это серьезный писатель, с кот<орым> нужно считаться, не то в том смысле, что, мол, все знают, что такое Твардовский и чего от него ждать). Нельзя только администрировать, здесь нужна помощь общественности, ваша помощь. Соберитесь, пойдите на спектакль, устройте обструкцию и т.п. Вот мы в свои молодые годы, бывало, так поступали (ой ли!). Словом, в том же духе, что и обработка студентов

Дувакина⁸² в МГУ: не ходите на его лекции, ничего там интересного. — Нет, почему же?..

Жаловался на тех (почему-то 1150 человек), которые знали о стенгазете (?) «Колокол» и не донесли. Трудно работать.

Приходит мысль, почему нынешние органы передового края диктатуры ищут поддержки не у рабочих, солдат, молодежи, а у интеллигенции (штатной, платной, но все же интеллигенции), а между тем более всего, кажется, боятся именно ее и меньше всего ей доверяют? И в этой среде, конечно, достаточно лиц, полных готовности «выполнять свой долг», быть внештатными корреспондентами. —

Президентский совет КОМЕСа состоялся 16—17. Принят некий документ, весьма резкий уже в силу одного моего отсутствия. Сартр и Ивашкевич были против. Вигорелли телеграфирует, что на днях приезжает в Москву. Сердечный привет и пр. А что с ним здесь делать? Марков, Воронков и их непосредственные начальники хотели бы, чтоб я с Сурковым, Симоновым объяснялись за них, оправдывали их «Заявление»⁸³.

Вечером вчера заходил Симонов с Ларисой⁸⁴. Был три часа у Шауры⁸⁵ (Сурков — 5). Речь шла и о нашем письме по делу Синявского. Так или иначе, оно не провалилось в почтовом ящике — оно известно, известна наша позиция⁸⁶. В какой-то степени это дает возможность объясняться не на уровне «Заявления».

Как и Сурков, Симонов говорит о горячем желании Шауры встретиться со мной. Казалось бы — чего проще пригласить меня, ан нет: я, мол, не привык вызывать таких знаменитостей. А ты не вызывай — пригласи. Но что делать — позвоню и пойду с будничными нерешенностями «НМ». (Лифшиц, Камю, Венжер, «фигуры умолчания»⁸⁷ и, м.б., еще — понижение цены на жurna.)

Приезжал с Олей и Володей Лакшин.

В «Уните» не было еще рецензии, но было сообщение о спектакле как о событии культурного и политического значения, которому будет посвящена специальная статья. В «ЛГ» Кривицкий обвиняет «НМ» в поливании грязью героев-панфиловцев⁸⁸.

Погода последние дни после последнего снегопада — зазимовела, ночью до 18. Днем отпустило.

22.III.66. П<ахра>

Опять оттепилось, утро ясное, хотя и без солнца, но не морозное, каплет.

Лакшин сказал, прощаясь со мной здесь (об этом был у них разговор и с Дем<ентьевым>), что я на всякий случай должен быть готов к выступлению на съезде. Конечно, возможность эфемерная, но уж наши политики навострились в смысле парадоксальных предложений. Я сказал, что, если бы это оказалось возможным, я всегда готов, я и на XXII не вдруг решил выступать, а потом пропустил два-три веч<ерних> или утр<енних> заседания и приготовил речь, которую захватил с собой в последний или предпоследний день съезда (когда уж все было к концу), безо всякой почти надежды на выступление (рукопись оставил в пальто на вешалке — потом бегали туда с человеком, уведолившим меня о моем выступлении). Но то было иное время, был я делегатом, был там где-то около всего покойный Влад. Семенович [Лебедев]⁸⁹.

А по правде — есть ли у меня сила сейчас, перед сплошной стеной предубеждения, пойти напролом, сказать свое. Можно сказать, что и нет, что мне и с Шаурой не хочется говорить, — не предвижу добра. Но пойду и буду говорить о текущих делах, без жалоб, нытья, обид, в полном сознании превосходства наших убеждений перед сворой всяческих рвачей и выжиг⁹⁰, поработавших там в отделе достаточно, тем более что почва и без того подготовленная (Мелентьев, обстоятельства последних месяцев, т.е. дело Синявского, солженицынская история)⁹¹. Так же и в случае этой маловероятной возможности, — выступлю, справлюсь. —

Зашел ко мне как-то человек (сидел в коридоре, я проходя спросил — не ко мне ли?), с первых слов показавший, что не всегда угадаешь при всем опыте и глазомере — что за человек и с чем пришел. Крупный, высокого роста мужчина лет 60, крупные, но не толстые черты лица мужицкого покроя. Григоренко.

— Где работаете? — В магазине грузчиком. В недавнем прошлом генерал-майор сов<етской> армии.

И рассказал, что он, будучи (это все еще при Хрущеве), кажется, зав. кафедрой, во всяком случае, преподавателем одной из военных академий, — какая-то кибернетика, выступил на райпартконференции в таком смысле, что, мол, хватит уж говорить только о культе личности Сталина, — тут уж

с новым культом пора бороться, т.е. сказал то, что думали почти все, но что говорить было невозможно, глупо, опасно. Дальнейшее: лишение мандата делегата конференции, проведенное президиумом так-сяк, без особого сочувствия, вернее, против настроения конференции, снятие с должности, перевод с понижением куда-то в Уссурийск на Д<альний> Восток.

«Но там я продолжал борьбу, т.к. понимал, что дело мое правое. Я организовал группу “За восстановление ленинских норм”, выпустил несколько листовок. Меня арестовали и других, в том числе двоих моих сыновей (всего, кажется, 29 чел<овек>)». Затем было нечто вроде процесса, затем объявление его псих<ическим> больным и помещение в спец<иализированную> лечебницу (в Москве, где он прошел «курс» и нынче на воле). Тем временем — постановление о лишении генеральского звания (а значит, и пенсии). «Но я продолжал и продолжаю бороться». Ему установлена пенсия 120 руб., рядовому по званию (!), он работает в магазине (второй раз зашел с рукой, перевязанной кое-как грязным бинтом, — на работе сорвал, должно быть) и продолжает «бороться за правду», т.е. делает то, что дает все основания считать его сумасшедшим. «Вызывали, — говорит, — меня, предупреждали: не перестанешь писать, посадим. Но я трусом никогда не был и не буду, продолжаю». Я посоветовал ему обратить свою склонность к писанию на то, чтобы изложить всю в подробностях свою историю хотя бы «для истории». На том расстались. Заходит второй раз: хочу обратиться к XXIII съезду... — «Это дело вашей совести и ваше право, но...» Что я ему говорил — не важно, мне было жаль его, ясно было, что он уже вне нормальных понятий о том, что можно и чего нельзя. Усмехнулся, ушел, на другой день передали письмо: называет меня трусом, шкурспасателем, с горечью разочарования во мне как писателе и человеке и обещает «довести до делегатов» свое письмо⁹². —

23.III.66. П<ахра>

Совсем собрался было попроситься к Шауре, хотел с этим остаться вчера на ночь в Москве. Но под воздействием различных впечатлений дня, по соображению разных обстоятельств решительно расхотелось, в чем поддержал меня и премудрый Демент. Только с особым запасом сил и настроения можно идти на подобную аудиенцию, отлично зная, что в нынешней ситуации ничего реального она не сулит — ни крошечки. И мне стало (сегодня утром) весело, употребляя это толстовское словечко.

Нет, не время без адреса, сколько-нибудь обнадеживающего, сколько-нибудь благожелательного, взывать к разуму, справедливости, здравому смыслу. Никакой инициативы! 26.III пленум последний для меня и подобных мне избранных. Иду, конечно. 29 — съезд, будет билет — иду, не будет — проситься не буду. Пригласил бы меня Шаура, да хоть бы Мелентьев или Барабаш — пойду, ходил уже, но сам проситься не буду.

Вчерашний вызов Дем<ентьева> и Закса: почему у вас ничего о XXIII съезде? — Как же, передовая⁹³. — (Явно не предполагали, — «Знамя» дало на обложке «привет», «Октябрь» — ничего.) — Ну, это хорошо, но нужно было вообще упоминать, называть.

— Правильно, — говорит премудрый Дем<ентьев>, — учтем.

Статья Кочетова, подводящая знак равенства Синявскому (Нет, не Синявскому, — это «псевдоним!») и фашизму. «Перекосье» Долматовского — вот куда метил «враг»⁹⁴.

«Письмо в редакцию» «военного литератора Александра Кривицкого»⁹⁵. — Вчерашние посетители крымские татары, петиция XXIII съезду — 15 томов, 100 000 подписей⁹⁶. Молчанка цензуры, время, когда быть бы сигнальному 4-й книжки, а тут и третьей не видать.

24.III.66. П<ахра>

С 7 гулял, морозец чисто весенний, но ледок на лужиках порядочный, местами схвачены до дна, ног не замочишь. Розовеющие березки, освеженные, точно обмытые осинки, — по лесу и по дачным участкам — там-сям «дуги» — не поднявшиеся березки. Сосны почти все с обломанными сучьями — иные и не упали, но выворочены намертво, а которые и будут жить в таком покалеченном виде.

Послезавтра пленум ЦК, последний для меня⁹⁷. Хорошо видится перспектива моего «отхода от политической жизни»: после съезда придется уходить из журнала, жизни уже не будет никакой (вчера цензура сняла заметку Венжера — статью, — невиннейшую — Бирмана⁹⁸. Делают что хотят, ни малейшего смущения тем, что журнал и без того в трясине запоздания, наоборот — что хуже журналу, то лучше). Затем нужно будет уходить из КОМЕСа, — там я был нужен как редактор «прогрессивного журнала», а так зачем мне ездить на эти «советы», «симпозиумы», «ассамблеи» — чтобы продемонстрировать свою судьбу в мире социализма? Этого от меня не может требовать никто, как никто не может обязать

меня врать там и притворяться благополучным. Потом съезд писателей. Зачем он, если во главе его будут Кочетовы, Чаковские, Марковы? Пришел, показался и ушел. Впрочем, м.б. и по-другому: возьму слово и скажу, что думаю.

А что я думаю? В сущности, если не вилять, не применяться к вынужденной роли, то я, в общем смысле, целиком на стороне концепции автономии искусства. Только показания независимого от гос. и парт. регламента искусства, в пользу социализма и коммунизма, — только они имеют действительную силу и чего-нибудь стоят. Там, где нет автономии, искусство умирает, как у нас (имея в виду т<ак> наз<ываемое> партийное искусство) и в Китае. Оно не может быть придатком, «помощником», — оно может оказывать действительную помощь, могучую, безусловную, но не в качестве «помощника» по должности, по штатному расписанию. По должности «партийное» искусство — прибежище всего самого подлого, изуверски-лживого, своекорыстного, безыдейного по самой своей природе (Вучетич, Серов⁹⁹, Чаковский, Софронов, Грибачев, — им же несть числа). Удивительное дело: как только является художник честный, талантливый, любящий, верящий, — его «накрывают». Шолохов — ныне бывший писатель, поддерживающий свое официальное благополучие лишь своим постыдным самоустранением (да кабы еще только самоустранением) от сегодняшней судьбы искусства и литературы.

Не с этими ли суждениями вышел бы я на трибуну съезда писателей, а то и партии, не будь предупредительной меры неизбрания меня на последний? Нет, это уж было бы бог весть что. Это те слова, которых уже не нужно говорить, если так думаешь, — их может заменить молчание.

В таких и иных тщеславных и самоутешительных мыслях живу эти дни. И странное, нет не странное вовсе дело, испытываю — радость освобождения от необходимости врать, натягивать.

Высказываться, объясняться с критикой и читателем по поводу собственных сочинений писателю всегда не очень выгодно, — ведь это как бы косвенное признание того, что сами по себе эти сочинения не обладают безусловной исчерпывающей полнотой и ясностью содержания, при которых всякие пояснения излишни. Но необходимость выступления может быть такой настоящей и принципиальной, что соображения внешней выгоды или невыгоды должны здесь отступить.

Сами по себе авторские высказывания не зазорны по крайней мере при соблюдении некоторых литературных

приличий. Первым из них я бы считал время авторских высказываний: они не должны не только предварять непосредственное впечатление от его книг, но и вторгаться в самый жар споров, противоречивых суждений об этих книгах в критике и среди читателей, выждать некоторой паузы.

Однако воспользоваться такой паузой, некоторым затишьем можно лишь при полной уверенности, что эта пауза или затишье не означает, что книги уже исчерпали интерес к ним и отошли уже в ряды вчерашних литературных фактов, обращаться к которым стоит лишь в плане истории литературы. Нужно быть уверенным, что всего уже сказанного о них недостаточно — не в смысле, конечно, меры похвал, а в смысле выявления действительного и полного содержания, которое имеет неизжитую еще общественную существенность и, может быть, непосредственную актуальность.

И наконец, чисто субъективное право автора иметь суждение о собственных вещах, уже не принадлежащих ему, «отчужденных» самим фактом их опубликования, может быть подкреплено тем, что он не считает их итогом своей литературной жизни и, находясь уже во власти новых замыслов, не столь ревниво относится к судьбе уже отделившихся от него вещей, приобретших и для него уже некое объективное существование. —

О связанности и единстве всего предшествующего с последующим в творчестве писателя, о неслучайности мотивов и т.п. по Т.Манну. Отсюда — о двух книгах сразу. Они писались одновременно (попеременно) на протяжении 50-х годов, дополняя и развивая друг друга. Это не будет «творческая история» — вроде «Ответа читателям» — там был особый интерес к явлению «Книги про бойца», образу героя и т.д.

Однако — «Мост» первая проба пера для «Далей»¹⁰⁰.

«Смерть и воин» — первая схема «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>»¹⁰¹.

Читатель «Тёркина» за и против «Далей» и «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>». Я впервые узнал на себе, как он многослоен и как он может не только ласкать и любить, но и ненавидеть тебя. — «Черная папка»¹⁰². Настоящее ощущение выхода из рамок лит<ературных> оценок и т.д.

25.III.66. П<ахра>

Китайцы отклонили приглашение на XXIII съезд, — акция, в сущности, полного разрыва КПК с КПСС. Самое грозное свидетельство раскола, разброда в мировом ком<му-

нистическом> движении. Дай бог, чтобы хоть это заставило наших товарищей отпрянуть от китайских тенденций внутри. Но и здесь ничего с определенностью предположить нельзя. Мы можем и так и так. Во всяком случае, тенденции, выражаемые Кочетовыми, Архиповыми¹⁰³ и проч., вряд ли получают окорот, хотя для всех добрых людей ясно, что перспективы у этих тенденций нет. Но одно дело в сфере материального производства, где единые меры веса, объема, стоимости, — одно дело там осознать свои благоглупости, — другое в сфере идеологической, духовной, — здесь можно продолжать молчанку или долдонство на принятый манер вопреки любой реальности.

Третьего дня звонил Сурков, согласовывал телеграмму Вигорелли, чтобы он воздержался приезжать, т.к. «мы с Т<вардовским> будем заняты на съезде».

За ночь не только не заскорлупило, но еще более отпустило, вчера вечером шла «мороса». Если нынешняя зима в какой-то мере символизировала температурные колебания в политической жизни, то все же дело к весне, как там ни причудливы рецидивы зимы и пр.

27.III.66. П<ахра>

Вчерашний пленум. Впечатление серости, словесности, отсутствия воодушевления, вопреки словесному благополучию («с КПК отношения остаются неудовлетворительными»; «партия как никогда...»). Точно речь шла не о съезде, который идет вслед за XXII съездом, а об очередном скучном (обычно они веселей) пленуме. В разделе об искусстве что-то сказано о том, что партия всегда ценила и ценит работу художественной интеллигенции, что она «против всякого администрирования» в этой области, что «нам нужна и критика, но такая, которая, а не та, которая», и что такую (последнюю, охаивающую) критику народ и оценивает по заслугам (речь шла будто о Синявском, а м.б., и шире). Перспектива прослушивания еще в четырехчасовом варианте всей этой премудрости в сочетании с [нрзб.] условиями «гостевого» присутствия на съезде весьма мало приятна, но ничего не поделаешь, — не солидаризоваться же с китайцами в отношении этого съезда. —

Начал подряд читать 35 т. Ленина (послеоктябрьские страницы), все знакомо, привычно, но в своей собственной целостности — необычайная сила, подлинный дневник вождя революции, и главное в том, что это «авторитет идей»,

время, когда идеи нужно было отстаивать, утверждать, доводить (и было что и до чьего сознания доводить идеи). Теперь «идеи» в этом не нуждаются, будучи однажды объявлены, хотя бы и вопреки объявленным вчера.

Когда я наедине с Лениным, мне все понятно, мне радостно от этой ясности и силы...¹⁰⁴

28.III.66. П<ахра>

Очередная порция — в «Огоньке» рядом с весенним фотопейзажем «Весна!» как подтекстовка к нему — заметка в одну колонку — «Недостойная задача», вернее, письмо в редакцию, с «горечью и недоумением» сетующее на Кардина, который «пытается развенчать некоторые легенды, ставшие святынями для советского народа». Написана она бойким журналистским пером, скорее всего, того же Архипова, но подписана А.Белышевым¹⁰⁵, первым комиссаром Военно-революционного комитета на крейсере «Аврора», тем самым, который подписал письмо в ред<акцию> «Правды» в 17-м г., опровергающее вражеские легенды о «залпе» и утверждающее, что «был один холостой выстрел» (это-то письмо и цитирует Кардин, говоря о «залпе»), и Б.Бурковским (тем самым — Буйновским!)¹⁰⁶, нач<альни>ком военно-морского музея на крейсере «Аврора».

«Недостойную и даже вредную задачу поставил перед собой автор статьи "Легенды и факты", взявшись развенчивать святыне реликвии истории советского народа. И странно, что подобным "изысканиям" журнал "Новый мир" предоставил свои страницы». «Письмо», остается предположить, было подписано по телефону. Но от этого не легче. — А завтра идти на съезд.

Пришла мысль и решимость — сразу после съезда просить поставить вопрос о ж<урна>ле на Секретариате Союза писателей, если съезд еще оставит хотя бы такую возможность, а не будет уже там сказано нечто, исключающее всякие обсуждения. Хорошо бы напоследки под стенограмму выложить хоть малую часть фактов той политики организованного удушения журнала, которую мы несли на себе все эти годы. Пусть бы хоть для истории. А то ведь история будет иметь дело лишь с показаниями мерзавцев, извратителей и лжецов, а она, матушка, бывает простодушна и невзыскательна к «легендам и фактам». —

«Нам нужна полная и правдивая информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить» (Ленин, т. 54, стр. 446, письмо Е.С.Варге).

Нашел это место, приводимое Кардиным в статье (оно-то, м.б., более всего поперек горла нашим «критикам»), и засмутился, т.к. там далее говорится и о разделении информации на *нелегальную* (только для ИККИ) и *легальную* (для всех) и о «хорошей организации подбора фактов без заявления, что «мы» коммунисты», — для второй. Но все же прямое утверждение о независимости правды от того, кому она может послужить, — остается в силе. —

29.III.66. М<осква>

Если бы вчера не проявил, преодолевая великий соблазн бездействия и внутреннего позыва остаться вне, — если бы не назвонился через 4—5 номеров, отсылавших меня один к другому, ясно, что мне никто не предложил бы билета на съезд, который, как оказалось, я должен был получить в... книжной экспедиции ЦК. —

В отсутствие С<офьи> Х<анановны> — звонок (если бы не ожидание звонка из ЦК, не снял бы трубку):

— А.Т., корреспондент (имени не помню, название газеты — не «Нью-Йорк таймс» — тоже) хочет спросить, будете ли вы на съезде? — Это по-русски, с акцентом и не сам шеф, а его секретарь или переводчик. Как я ни опешил, отвечаю (у меня сидит Сац):

— Почему я должен, мол, отчитываться в таких делах?

— Благодарю вас. Второй вопрос: будете ли вы выступать на съезде?

— Ваш шеф хочет всех удобств, все знать наперед, но я не обязан... — Это уже я совсем недружелюбно.

— Благодарю вас. — Все.

Сац говорил: смотри, как бы не вышло так, как в истории с отказом твоим ехать в Рим осенью: «бросил билет»¹⁰⁷ и т.п. Это и еще сочувственное присутствие Виноградова, подсказавшего, что звонить нужно в управление делами (сын «аппаратчика»!), помогло мне довести первую часть положенных испытаний до некоего конца, т.е. сделать необходимые усилия, за которыми в конце концов последовал и звонок оттуда: «Вы интересовались билетом?..»

Виноградов со слов отца, работающего на полставки в ВПШ, о выступлении 7-частного [Семичастного]: «НМ» опубликовал повесть Быкова, рисующую войну в неприглядном виде, — и что-то покруче. Без записки из аудитории опять посоветовал бороться против «Т<ёркина> на т<ом> св<е-

те>», сославшись, — м<жду> пр<очим>, на Михалкова — о «кривом зеркале» в «Правде»¹⁰⁸.

— М<жду> пр<очим>, везший меня на квартиру из-вестинский парнишка вдруг говорит:

— Вот, говорят, посмотреть бы «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>». Моя тетушка работает в инст<итуте> ревматизма, как-то достала билет. Если, говорит, ты не видел, так ничего не видел. Да удастся ли — не сняли бы! — все это его слова. Начался же разговор с того, что прекратилась демонстрация «Войны и мира» в кинотеатре «Россия». — «Дорабатывают?»

Фраза Б<режнева> об «испытаниях, которые придется перенести нашему народу», слух о фразе Ш<елепина> о том, что «народу нужно говорить правду: война с Америкой неизбежна», наконец, грибачевские поучения молодежи — все одно к одному. Ближайшим образом — это нагнетение атмосферы, при которой все и всяческие «мероприятия» оправдываются высшими соображениями, как это было в прошлом. — Вообще война в иных ситуациях представляется правительствам желанным выходом из положения, — она «все спишет».

Отказался написать предисловие к избр<анному> Пушкина (составитель К.Чуковский, м.б., отчасти из-за этого). Отказался писать для Литэнциклопедии о Некрасове, — все это, может быть, напрасно, м.б., мне предстоит длительный период лишь таких «невинных» занятий, а объяснения с читателем по «Далям» и «Тёркину на том свете», м.б., и не одолею, а одолею, так никто печатать не станет. Но и набирать обязательства новые, когда старые тяготеют над сознанием, — зачем же?

Звонил Исаковский, выражал, м<жду> пр<очим>, сочувствие по поводу отсутствия и присутствия некоторых лиц в числе делегатов съезда.

Кулешов (из Барвихи): «по телефону неудобно», но все же сказал, что его вызывал З<имянин>, говорил о зловредной роли «НМ», в частности Твардовского. «Все это неправильно и нужно будет исправлять», — будто бы сказал Кулешов. А вообще «ожидается кое-что невеселое»¹⁰⁹.

Домашние и Валя понимают мое положение, верят в правоту моих позиций, не говоря лишних слов. Страшно подумать, что при всем этом сгущающемся мраке я бы еще «закурил», — не позывает, но позывает к вольной друже-

ской беседе, к людям, для которых ты не «подрыватель основ», а как раз сам основа в каком-то смысле. — Обрезал первую яблоню, думаю об остальных, вообще об утехах земных.

31.III.66. П<ахра>

Был на открытии, минут 40 стоял в проходе вместе с В.С.Емельяновым¹¹⁰, тоже гостем, потом привратник выдвинул скамью из фойе. До перерыва не дотерпел — ушел, благо что у двери самой. Засел с Сацем часа на два у него, приехал домой, завалился спать и спал, спал, покамест не выпал все огорчения и осадки. Утром рассудил, что торчать там и слушать громкие чтения того, что можно прочесть про себя, — не стоит. Кулуарные встречи — половина съездовской жизни, иногда бóльшая, чем сам съезд. А тут равно неприятны встречи — и с ликующими коллегами, и с незнающими добрыми людьми с мест («Вы будете выступать?»), и «товарищами по несчастью» — каким-нибудь Сатюковым, Снастиным, и даже с сочувствующими с другого этажа — Сурковым, Симоновым, Гамзатовым и др. — они как-то неловко должны себя чувствовать, и фальшь неизбежна. Так и сегодня считаю: незачем мне там быть, — будь что будет. —

Очень был обеспокоен, да и сейчас не спокоен в связи с тем, что сообщила Валя о письме группы историков по поводу моего избрания. Глупо и может послужить поводом для каких-нибудь «разъяснений». Сказала и [о] письме из какого-то «негуманитарного инст<иту>та»¹¹¹. Приехал сюда, а тут Тендряков сообщил о письме, разносимом за подписями по дачам супругой Фиша, — не дай бог, но хрен с ними со всеми. Был у меня Бакланов, вечером я у Бакланова, он мил, но ничего мне не сказал о письме, хотя, по словам Тендрякова, написал его и говорил, что оно прилично и тактично.

Обрезка яблонь, снегоуборочные утехы.

Валя поразила меня своим решительным неприятием того, что вокруг меня, доверием ко мне как коммунисту, верой в меня — такого еще никогда я от нее не слышал, что я для нее — образец ком<мунистической> принципиальности. М.б., здесь и желание поддержать меня, и опасения за меня в известном смысле, но все равно я рад, что дочь так понимает отца, что здесь ни тени расхождения «поколений» — вот уж нет!

Чудесное письмо «старой учительницы» — явно в связи с последними «санкциями» против меня. — Письмо из

Л<енингра>да о том, что до сих пор в Л-де не было подписки на мое собр. сочинений¹¹².

Съезд. Аплодисменты, вставания, даже «возгласы с мест», но все как-то показалось мне без достаточного воодушевления. — Управление аплодисментами: «Брежнев, Косыгин, Шелепин».

В докладе ни звука, ни слова, даже самих этих слов нет — «культ личности», как они ни условны, но то, что они обозначают в жизни нашей, отнюдь не условно, не изжито, не преодолено и не прояснено, а, наоборот, притемнено, приглушено, скомкано.

[Вклейка]

Москва, март 1966 г.

Уважаемый и дорогой

Александр Трифонович,

спасибо Вам за то, что Вы есть, что Вы такой, как Вы есть, и что Вы не складываете оружия перед Сахно и Горбачюками*.

Наверное, Вы получаете много подобных писем, и все же мне кажется, что Вы не знаете, как много людей, хороших советских людей безгранично любят и уважают Вас. А когда есть кому до конца верить и кого любить и уважать — это большое счастье.

Не стану объяснять Вам, какой Вы большой поэт, это Вы и без меня хорошо знаете. Хочу только сказать, что от всего, что Вы пишете, так легко дышится, потому что нет там никакой фальши, никакого лицемерия, а все настоящее, большое, человеческое, подлинно коммунистическое, потому что герой Ваш — правда, потому что горит в Вас тот «недремлющий недуг», который горит во всех настоящих людях нашего поколения. Вы — совесть нашей эпохи.

Берегите себя. Когда я думаю о Вас, то вспоминаю слова В.И.Ленина, что здоровье его товарищей и сподвижников — это «казенное имущество». Есть, конечно, у нас и другие хорошие поэты и люди, но такого, как Вы, у нас нет, и это не слова, а сущая правда.

Желаю самого большого счастья Вам и всей нашей стране, без ее счастья и Вы не сможете быть счастливым.

В.Немыцкая,

старая учительница**.

* Герои повести Василя Быкова «Мертвым не больно».

** Пометка А.Т.: «Отвечено фотооткрыткой "Тёркин"».

1.IV.66. П<ахра>

Впервые, должно быть, я в таком отъединении от общего, от целого, от главного и всесильного. Там съезд, а я тут грежу весенними грезами, перемещаю снег, хожу в лес, в магазин, чего-то пытаюсь писать, читать, но ни до чего нет настоящей охоты. Ко всему — побранился вчера с Машей из-за помойного ведра! Думая о своем нынешнем дачном сидении в отдалении от всего, что там, в зале Дворца съездов, невольно заготавливаю самооправдания: мое присутствие там не имело бы иного смысла, кроме демонстрации смирения. Но те выражения сочувственного недоумения, которых там бы мне не избежать, они уже не к моей невыгоде, — они совсем никчемушный диссонанс.

Начал сегодня набрасывать наклюнувшееся этими днями: «Вот Ленин встал бы...»¹¹³

Ирина Дементьева звонила в Л<енингра>д: подписка [на собрание сочинений А.Т.] будет открыта в первой декаде апреля, лимит, кажется, 5300.

2.IV.66. П<ахра>

И жаворонок, сверлящий небо
В трепещущей голубизне,
Себе и миру на потребу
Поет над полем о весне.

Все как тогда. Светла, раздольна
Окrest разбросанная даль.
И только нету сумки школьной,
Да обуви ничуть не жаль.

Как тех, бывало, береженных,
Уже чиненных (не впервой)
Моих заветных сапожонков,
Водой губимых снеговой.

Ручьями порван санный путь,
И чудно мне в дороге трудной,
Не опасаясь зачерпнуть
Воды простудной¹¹⁴.

Выступление Шолохова на съезде, немного по телевизору: нечем хвалиться, не разделяю оптимизм тульского секретаря (один Толстой, 26 членов)¹¹⁵.

Оля и Валя информировали о крайней непристойности. —

Миша сделал ящик для этих тетрадей.

3.IV.66. П<ахра>

Оля привезла газеты. Речь Шолохова — ужасно, даже ее государственный план не спасает от впечатления позорно-угоднического, вурдалацкого смысла в части искусства.

Ораторской речи известная школа:
Бесстрашно воинствуй (витийствуй)

в защиту природы,

Брани без опаски министра Ишкова, —

Зачем отравил (погубил) многорыбные воды... и т.д.¹¹⁶

Растленный старец, а как много мог бы он сделать добра литературе и всему, будь — без всякой опаски — чуть самостоятельней, свободнее и человечней. Горько и стыдно.

Вчера был Симонов, рассказывал о съезде. Шаура там опять спрашивал обо мне: вы передали А.Т. мое пожелание встретиться? — Передал, он собирался вам звонить. Странное дело, что-то криводушное, он, видите ли, стесняется «вызывать» столь знаменитого писателя. А ты не вызывай, а пригласи. А хочешь — вызови. А.Т. являлся даже по вызову Барабаша твоего. Нет, он хочет, чтобы я пришел «представиться» новому руководству отдела и постарался ему понравиться. —

В речах — там-сям — про «НМ» и пр.¹¹⁷ Все грубо, все инспирировано, все в одно: не бывать литературе иной, чем штатная. И ложь, ложь: «Известно, что у нас каждый волен писать, что хочет, но и партия верна в своем выборе — что печатать, а что нет».

Верейский: вчера «Г<олос> Ам<ерики>» отмечал мое отсутствие на съезде.

Миша принес ящик для моих тетрадей с косой крышкой, чтобы видны были корешки с №№ и годами. Шутка сказать: дневники и разные записи с 26-го г. — 40 лет¹¹⁸.

Чернил давнишних блеклый цвет
И почерк, почерк разных лет
И разных дней — то строгий, четкий,
То вроде сбивчивой походки —
Волнений отлетевших след,
Усталости иль недосуга
И просто лени и тоски.
То — вдруг — и не твоей руки
Нажимы, хвостики, крючки,
А твоего бывшего друга,
Кумира юности твоей.
То мельче строчки, то крупней,
Но отступ слева все заметней

И спуск поспешный вправо-вниз,
На нет сходя в конце страниц, —
Уже не разобрать последней.
Да есть ли толк и разбирать,
Листая старую тетрадь
С тем безысходным напряжением,
С каким мы в зеркале хотим
Смириться как-то со своим
Непоправимым отражением,
И все же, все же. —

Мне жаль и тех страниц (печальных),
Которых я не написал¹¹⁹.

Первый карандашный набросок стих <отворения>
о Ленине даже не решаюсь занести сюда, — не то, не то. —

4.IV.66. П<ахра>

Второй присест:

Простецкий вздох мечты особой
О сущей сути дней и дел:
Вот сам бы Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел

И при одной советской власти
За каждым вздохом — Ленин свой:
Тот прослезился бы от счастья,
Тот покачал бы головой. [...]*

Был Симонов, рассказал, выманив меня на улицу, про грузинский съезд¹²⁰ (Абашидзе: «позорное десятилетие»¹²¹, Мжаванадзе: о Майском — это остатки¹²²) и как он написал об этом Брежневу и вдруг был принят им, разъяснившим как бы с упреком и обидой: ну почему, мол, вы думаете, что мы пойдем на восстановление культа. —

Смешная, но неприятная и чем-то стыдная история, как я вызвался обрезать Дем<ентьев> у тополя, имея в виду взять себе сучья-черенки для посадки (что больше меня увлекало — обрезка, — есть же люди, что любят обрезать ногти и т.п.) или «корысть», трудно сказать, пожалуй, все же корысть, но при вмешательстве [...] Лидии Гавриловны [Дементьевой] и смущении Дем<ен>та я уж сказал, что пошутил,

* Далее продолжение работы над фрагментом «Сын за отца не отвечает»: запись нового варианта.

что хочу взять сучья, и не взял ни веточки. Чуюло сердце — не лезь ни в какое одолжение, там от незнания, от глупости — подозрение: не зря, мол, предлагает услуги. —

Всегда предпочитать большее — меньшему, тогда и меньшее само собой получится.

Из вновь найденных наставлений Гоголя («Наука и жизнь») ¹²³.

Там же — очень верно, что справедливый упрек больнее несправедливого, но это было знато и без Гоголя. —

«Подпустил» березовик — мало сладости ¹²⁴.

6.IV.66. П<ахра>. 6 ч. утра

Вчера ночевал в городе, был на съезде, — опять ушел до конца доклада, опять к Сацу, опять повздорили с ним — еще круче — насчет Гароди ¹²⁵ — Арагона и Егорычева — Мелентьева, — жаль, ни к чему.

Накануне у Симонова. Пришел к нему пораньше, чтобы убедиться, что мое участие в беседе с Аликатой соответствует пожеланию отдела. Опять: «Передали вы А.Т. о моем желании с ним встретиться?» И еще: «Пусть он (т.е. я) не переживает сильно — вот он и на съезде не ходит? — Он был в 1-й день и, насколько мне известно, будет на докладе т. Косыгина. Вот хорошо». Словом, я учел и пожелание Симонова — пошел.

Не было так тесно, но было еще неприятнее. Встретились В.Сорокин, Черниченко, Леонтьев ¹²⁶. Последний завел было: «Что же это делается, — кивая на Дворец съездов (встретились у Боровицких, когда я выходил), — шпыняют зачем-то. Ведь я говорю (кому? где?), что можно заменить редактора "Москвы", "Невы", любого ж<урна>ла, но "НМ" — это единственный журнал»... Я закрылся. Говорят, этот Леонтьев большая сука.

Посидели с Дементьевым в [нрзб.] на малые рублишки. Сообщил, что Синявскому и Даниэлю «строгий режим» скопчен втихую, работают С<инявский> — упаковщиком, Д<аниэль> грузчиком (?) в Коми АССР, жены их навещают, разрешены книги. Надо полагать — максимум до 50-летия ¹²⁷. Просматриваешь газеты — главный враг «НМ» Македонов пишет о моем уходе уже как [о] само собой разумеющемся, утешает.

Аликата. — То, что я говорю здесь (т.е. у Симонова), я говорил уже много раз в кулуарах съезда, при встречах с другими делегациями и буду говорить (и вся наша делега-

ция) при встрече с Президиумом ЦК. — И пошел, и пошел ставить вопросы перед четырьмя делегатами съезда (Симонов, Сурков, Бажан, Абашидзе) и одним б<ывшим> кандидатом [в члены] ЦК, которые, конечно, лучше бы ставить перед самим съездом.

— Съезд уклоняется от острых вопросов вашего развития. Нет нужды говорить о том, что вы означаете для нас, для всего мирового ком<мунистического> движения. Но мы вас не понимаем, нам тревожно за идейный уровень вашего руководства (на съезде 40% с высшим и средним образованием).

— Почему вы хотите представить октябрьский пленум в виде второй Октябрьской революции?

— Почему все говорят одно и то же одними и теми же словами? Почему слово «дискуссия» у вас равно слову «оппозиция»? И т.д., и т.п.

Слушаем мы, пятеро (да еще перев<одчик> Брейтбурд), знающие не меньше гостя и встревоженные и недовольные не менее, но не жаловаться же тут ему на свою партию. На все случаи у нас есть один козырь: вот, погодите, станете правящей партией, тогда поглядим. Он отвечает (он и второй итальянец, говорящий по-русски, фам<илию> не помню), в том смысле, что не дай, мол, бог прийти к власти, чтобы получить то, что вы имеете, да нам и не позволят приходиться к власти за этим — у нас иные условия.

«Еще один, м.б., самый неприятный вопрос: почему вы (присутствующие) отмалчиваетесь на съезде? Чего вы ждете?»

Сурков: «У меня в голове каша, а с кашей вылезать на эту трибуну я не желаю».

Симонов: «Я сейчас работаю над темой 41-го г., думаю, что это не было интересно съезду».

У Суркова была интонация даже горделивая, — я, мол, не так, как иные — прочие, с кашей в голове не полезу. У Симонова просто фальшь. Остальные непринужденно отмалчивались. Абашидзе обещал мне прислать свою речь на груз<инском> съезде.

Симоновская квартира, кабачок с винным шкафчиком с откидной дверкой, двойная дверь с портретом Хемингуэя¹²⁸ уходящим в междверье, когда закрывается, в столовой Пироманишвили¹²⁹, — все как у Симонова. Ужин был хорош, от пуза и без управления столом. —

За дни, что сидел здесь, отсиживаясь от съезда и видя свою лесную весну, не представлял, что поля уже так сбросили снег — там-сям пятнышки да полоски вдоль дороги. Со

взгорий Калужского шоссе чудные русские виды ранней весны. В Москве уже пыльно. Привез от М.Ф.[Яковлева] мою тополевую палку — «жезл Ааронов расцвел»¹³⁰. —

За окном — славно, светло, хоть и день собирается не солнечный. Птицы, запахи, резковатая свежесть воды снеговой.

9.IV.66. П<ахра>

«...И чувство молодости странной...»¹³¹

Хотя еще не все известно о новом составе ЦК, но уже есть облегчение: я выпал, но прихватил с собой и Кочетова. Нет Суркова, нет, по-видимому, Чаковского, а уж как рвался! — Все в целом даже представляется разумным. Зачем писателям занимать эти рук<оводящие> места, пусть их занимают лишь «по должности», кроме бывших писателей (Шолохов) и особо заслуженных и несомненных (Грибачев). И попросту — зря все это повелось с XIX съезда, зря этот политический ранжир, кто кандидат, кто «ревизор»¹³². Правда, я не могу сказать, что понапрасну был там с перерывом 11 лет, но пребывание это малой защитой было от того организованного и целенаправленного, всестороннего натиска, какой испытывал журнал и я сам как автор. М.б., сейчас будет еще труднее, но вряд ли речь сейчас идет об оставлении мною должности, — тогда как же Кочетов? Уже хорошо: на равных. Но как сказал Лакшин, «пребывание» как бы равняло Т<вардовского> и Коч<ето>ва; а теперь и этого как бы нет. — Если «решениями съезда» будут называть высказывания делегатов, то я вправе руководствоваться собственными выступлениями на двух предыдущих съездах, поскольку съезды эти не отменены и не осуждены. —

Какая-то мудрость есть в той «фигуре умолчания», которая характеризует этот съезд: если начать опять кроить, если вспоминать сегодня, что говорили вчера и позавчера, так тут костей не собрать: партия не готова для этого, «рукостав» не может подвергнуть себя таким испытаниям. Просто молчать, играть в единство и сплоченность, каковые есть не что иное, как привычный автоматизм послушания или скрытый, полусознательный индифферентизм. —

Смородина вышла из-под той горы снега, что была над ней под окнами кухни и которую мы с Антонычем расковыривали, перебрасывали к забору, помогали этим кустам выбиться на свет. И вот они, обмятые, с оскобленными прутиками, обрубленные лопатами, оборванные схватившими их

ледяшками — встают, выказывая некую неукротимую пружинистость живого растения, распрямляются, — просто диво. — Весенние утехы наверняка будут отрывать от стола — обычное для меня дело: и сейчас в голове больше садовых преобразовательных предположений и планов, чем того, что нужно писать, читать, обдумывать с напряжением. —

Собственно говоря, нечего мне бога гневить: у меня еще есть здоровье (с малыми изъянами — зубы, жопа); отличный дом, к которому все больше привыкаю, возможности милых моей душе утех на участке (посадки, пересадки, уход за деревьями и цветами); у меня есть и должны быть деньги, достаточные для привычного обихода, у меня безусловно доброе имя литератора в глазах многих и многих людей и, что не менее важно и даже не менее питает тщеславие, — нелюбовь тех рядов и кругов, с которыми я никогда не примирюсь, не оставляю своей «линии». У меня, наконец, есть работа и заботы — реальные, существенные и необходимые и сулящие удовлетворение и радость. Я сейчас больше сам по себе, чем при этой эфемерной принадлежности к рукоставу, которая всегда смущала и тяготила, давая лишь слабую компенсацию в смысле тщеславного самочувствия.

Нужны еще несколько дней, чтобы прояснилось — что к чему — как оно дальше поворачивается в смысле общем и конкретном: что будет с журналом. Не миновать, однако, Шауры.

Ликуй литература —
Руководит Шаура.

Арк. Кулешов: Зимянин говорит обо мне, что я озлоблен, не могу простить сов<етской> власти судьбы отца и т.п.¹³³

Все это — не его слова, — правильно подмечает Кулешов. Это — свыше.

Третьего дня:

Эпиграф:

Великий Ленин не был богом*.

10.IV.66. Воскресенье — первый день Пасхи

Я уже из того поколения, из того меньшинства ныне живущих, для которого пасха — это часть детства, одно из памятейших его впечатлений. Я еще помню долгое, полное мечтаний и фантастических предположений [время] (насчет

* Записан новый вариант фрагмента «Сын за отца не отвечает».

количества яиц на душу — 5? Вдруг — 10? — чаще было, кажется, 3). Первый день был особенно хорош — впереди был второй, главный день пасхи (в первый день взрослые спали после разговенья), он тоже был хорош, но уже тем тревожен, что за ним был третий день, еще вполне праздничный, гостевой и в смысле еды, но уже последний — до конца недели тоже была пасха, ходили попы, но уже, если весна была поздняя, работали по-будничному. А там уже оставалось обыкновенное воскресенье, а за ним только «родительский» вторник, когда тоже варили по два (?) яйца, ходили на могилки (к деду) и бывали гости (при гостях всегда было вольнее, кое-что перепало, и старшие были добрее). А там — из праздников был еще Никола весенний, Купала, когда полагалось жарить яичницу в ночном, Вознесенье (?) и Духов день, за которым праздники до осени отступали перед буднями, — начиналось рабочее пастушеское лето, раннее вставание, кончались «апуки» (лапта) и всякие игры¹³⁴. —

Запах смородины — это, конечно, и запах листвы ее, но пронзительно пахнет самый прутик ее или корешок, срезанная или надломленная древесинка, — это один из сильнейших и волнующих запахов моего детства, — смородина у нас была садовым растением, в лесу попадалась редко, — реки не было. — Помогаю кустам смородины высвободиться из-под сугробов, осевших, подтаявших, но задубевших сверху, медлящих. —

Искреннее чувство освобождения — по случаю ограничения представительства творческих кадров в руководящих органах. Так и быть должно — Серов, Хренников, Марков, Калиманджаров (?)¹³⁵.

И если я хоть знаю, за что не пришелся ко двору, и давно ждал этого выпадения своей персоны из списка, то каково самочувствие, например, Кочетова, кот<орый> утрачивает свою полумифическую, но всегда имевшую реальную силу внушения, прикосновенность к высшим кругам, и делал все возможное, из кожи лез, чтобы удержаться, или Прокофьеву, для кот<орого> это вообще конец, или для Чаковского, который — это совершенно точно — и в «Литгазету» попал с прицелом на вхождение «в состав», и уж стремился свыше всякой меры, пожалуй, больше всех. На этом — довольно об этом.

Можно так привыкнуть к необходимости записывать все и все, что несет каждый день со всеми его бесконечными разветвлениями и бесчисленными соприкосновениями впечатлений, мысли и т.д., что станет жить невозможно.

Записи должны быть рабочими (это не касается некоторых записей историко-политического характера и «НМ»)*.

27.IV.66. Пахра

Ну и бог с ним со всем — имея в виду ненужный, безнадежный приезд Вигорелли, его «целование [нрзб.]» и мое постыдное бегство от него и от всей этой «мути» в другую муть, которая опять чуть-чуть не засосала меня — во всяком случае сожаления тут «непродуктивны».

Боль в правой стороне груди — показаться бы, но все некогда, — вчера уж был необычный случай из-за попытки достать для Р.И.Линцер¹³⁶ «Комплан» — одно из тех волшебных средств, каких ищут обычно тогда, когда дела крайне тяжелы.

Сегодня едем с М.И. в давно затеянную мной сентиментальную экспедицию — во Внуково — за «прутиками» с той дачи для посадки здесь. Как всегда, посещение того нашего «участка» будет, наверно, и тяжелым — это посещение своих более молодых лет, откуда нужно вернуться в нынешние более старые, но уж нужно выполнить затею хоть в минимальных формах, тем более что самое сильное у меня сейчас и безусловное влечение — опять весенние утехи с посадками и пересадками.

После отсутствия в редакции в эти невеселые для нее дни налетел вихрем в связи со статьей Еф.Дороша о «Современнике», слава богу, успел ее задержать и вынуть из № 4¹³⁷. Боже мой, уже привычно, что мы «выходим на другой месяц».

Рецензия И.Саца на Дороша (прочел ее после, но знал о ней и раньше со слов Дем<ентье>ва), и вдруг мысль, что у Саца лежит в архивах «НМ» и отчасти в других изданиях, м.б., несколько томов «собрания сочинений» — его «внутренние рецензии». Сказал ему вчера по тел<ефону> об этом, чтобы влить ему хоть каплю честолюбивого самочувствия, в его такой нелегкой и обидной судьбе, кот<орая> никак не смогла, однако, заставить его исподличаться, разве что только пить научила, да и то это больше «так», чем по существу¹³⁸.

Вчера говорили с Дем<ентьевы>м о письмах Фадеева, публикуемых у нас¹³⁹, и вообще. По письмам о нем нельзя су-

* Далее — продолжение работы над фрагментом «Сын за отца...».

дить — это другой, второй Фадеев — фальшивый, ханжеватый, преднамеренный, — имеющий в виду не то публикацию этих писем, не то «перлюстрацию». О, «герой и жертва» эпохи, как он здесь (как и в своей обычной трезвости, «в деятельности») лишал себя всего самого обаятельного и дорогого — своей сердечности, юмора, озорства, резкости, влюбленности в литературу и жизнь — здесь «член».

2.VI.66. Пахра

Дождь загнал, наконец, под крышу, заставил отвлечься от садово-огородных утех и сесть за стол хотя бы для того, чтобы привести его в порядок. На дровосеке у меня куда больше порядка, куда меньше запущенности.

Недели две уже живу с ощущением какого-то печального счастья, какой-то свободы, — так и грезится: жить бы так, работая лопатой и топором, вставая раненько и не отвлекаясь изнурительными и опостылевшими делами. Для лопаты и топора силы есть, а для пера что-то не очень, хотя подкатывают одна за другой, одна на другую набегают необходимости (срочные):

1. Стихи из зап<исной> книжки¹⁴⁰

2. Рассказ¹⁴¹

3. Статья о «Далях» и «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>».

(Решил было уже не писать ее для т. III, но сегодня надумал, что это было бы данью малодушию — надо писать, — не скоро будет такой удобный повод — собр<ание> соч<инений>¹⁴².)

Сдал верстку 1 и 2 томов. В 1 с облегчением освободился от фальшивого «Рассказа Матрены», где только и есть что первая строфа, от «Данилина счета», фальшивого в своем роде, и кое-чего еще из первого Собрания. Сдал и однотомник «Сов<етскому> писателю» — копия первого тома.

Откуда у меня в целом хорошее настроение, вкус к жизни, пробуждение по утрам без тоски и желания заспать ее, как это бывает в иные периоды?

Во-первых, трезвость, здоровье, которое еще у меня есть и довольно быстро возобновляется при воздержании (без всяких усилий).

Во-вторых, конечно, благотворное чувство свободы от чего-то, что отвалилось от меня вместе с отрешением меня от «рук<оводящих> органов», и т.п. Свобода и чувство незаслуженной, несправедливой обиды, которая куда легче

справедливой, — она даже по-своему сладка и, во всяком случае, на время она — защита от множества тягостнейших притязаний к тебе. Но сильно привыкать к этой сласти, конечно, не следует.

Некоторые моменты послесъездовского периода. Статья Страды в «Ринашите» о «НМ»¹⁴³. Инцидент с Вале́й, разговор по телефону с П.Н.[Демичевым] («Если я заслужил, применяйте санкции ко мне, но не к моим детям — я этого не смогу понять»)¹⁴⁴. Третьего дня — спектакль¹⁴⁵ — настоящее чувство успеха, незнакомые люди: «Позвольте пожать вашу руку за этот спектакль, за "НМ", за все», — цветочки, какие можно было достать в антракте у подъезда, завал программ, билетов и всякой всячины — для автографа.

8. VI.66. П<ахра>

Стоит пойти в надворный нужник, как по пути уже что-нибудь задержит: непоколотые поленца на дровосеке, незакрытая ямка вчерашней пересадки, сухая ветка, которую нужно подрезать, сенцо детского сенокоса, — его нужно поворошить или сгрести, поливка, бесконечная приборка всяких дощечек и жердочек. Это не говоря уже о запланированных с вечера преобразованиях: перемещение елок к забору, работа с Евгением Антоновичем (работать с ним — чистое удовольствие). Каждый вечер собираюсь, зарекаюсь: с утра за стол и до обеда, а там к утехам пенсионного возраста, ан нет, и сегодня, встав в 4 ч., вышел, прошелся и давай отгребать уголь от елки, которую наметил перенести из-под березы на два метра к забору, чтобы еще прикрыть соседский нужник, все еще видный с моего балкона, т.е. с той стороны березы, куда она наклонилась всей кроной и елочка едва пробиралась разреженной макушкой сквозь этот навес и должна была захиреть. Часа два возился, с помощью ваги поднял елку с места (это уже вторая такая). Приходит в шутку и не в шутку мысль: а может, я и никакой не писатель, а просто мужик хуторской школы, с годами все более прилегающий к хозяйству, к порядку, запасу и т.п.

На очереди неумолимой:

1. «Так это было» (Не войдет ли туда хоть несколько строк из наброска «Сын за отца не отвечает». Это третий том, он лежит на столе, взятый мною у Крюкова¹⁴⁶ уже давно, его нужно сдавать.

2. Стихи из зап<исной> книжки.

3. О «Далях» и «Тёркине на т<ом> св<ете>».

4. «Дом на буксире». К этому рассказу очень идут мои нынешние усадебные увлечения и настроения.

В «Нью-Йорк таймс» — большая корреспонденция о возобновлении спектакля «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» «после снятия во время 23 съезда». *Пьеса редактора* «Нового мира». Т<аким> обр<азом>, выводит спец. корр., Твардовский остается редактором «НМ». Незаметно мое имя в мировой печати употребляется уже как общеизвестное, вроде премьеры какого-нибудь.

Вчера в «Сов. культуре» гнуснейшая, бездоказательнейшая статейка о Плучеке с точки зрения президиума горкома профсоюза раб<отников> ис<кусств>: «нарушение закона о труде», «грубые окрики» и т.п., а за всем этим — только «Тёркин», только этот «проступок» Плучека, за который он, кажется, поплатится снятием с поста, хотя «Тёркин» только разочек упомянут в ряду с двумя другими «не обсуждавшимися» спектаклями — все так хитренько, чтобы не выдать истинной причины¹⁴⁷.

Обаяние искусства сродни обаянию детского возраста во всей его чистоте, искренности, непредвзятости. Мы, может быть, до слез растроганы этой неподкупной, непосредственной, непреднамеренной ясностью и порой глубиную детских речений, игры, вопросов, святых недоумений перед фальшью и противоречиями запутанного взрослого мира. Но как только ребенок начинает подыгрывать «на публику», учуяв, что он ей мил и занятен, начинает «выкондрючиваться» в духе наивности, он становится неприятен до неловкости. Это другими словами то же самое, что я имею в виду, говоря, что искусство — орудие (воспитания и т.п.) до тех пор, покамест оно не знает, что оно орудие, а как только осознает себя орудием и начинает «орудовать», оправдывая свое назначение орудия, перестает быть таковым и отворачивает от себя.

22.VI.66. П<ахра>

Тихо и скромно в кругу семьи отметил 56-летие, много работал на участке с 5 ч. Были только Оля с Володей и Валя с Сашей¹⁴⁸. Поздно вечером зашел приехавший из Л<енингра>да Демент. — Придумал и рассказывал, будто я спутал (я-то, отмечающий про себя каждый возрастной порожек и примеривающийся к разным срокам жизни умерших до меня) и, считая с утра, что нынче мне 66 лет, приуныл было (ничего, мол, не успеть), но, идя с купанья, вдруг сообразил,

что всего 56, и успокоился, позавтракал и прилег вздремнуть: еще 10 лет в запасе¹⁴⁹. —

Прошло 25 лет, почти четверть века, — когда читаешь эти слова в книгах, — как они объемны, велики, неприложимы, кажется, к твоей жизни, где таких сроков будто бы еще и не было. 25 лет назад, четверть века назад, в такое же погожее июньское утро (только более позднее) Маша сказала (на даче под Звенигородом), что нужно поговорить с Валею, она болтает какую-то чушь, ерунду, что война, немцы напали. Но чушь, ерунда была тревожной. И с того дня прошел главный в жизни срок — от 30 до нынешних 56 лет. — Нет, не до шуток¹⁵⁰.

Самое большое, несравнимое ни с чем, кроме разве что доклада о культе 10 лет назад, впечатление от т. наз. завещания Варги¹⁵¹. Думать и думать и стараться понять, не надеясь больше ни на кого.

25.VI.66. П<ахра>

Один на даче, уже начинает жечь в мои окна, а ничего общественно — да и лично полезного не сделано, если не считать кой-чего по хозяйству да звонков по телефону.

Сдал вчера верстку 1-го тома. Как там много того, что непременно нужно было опустить, а только и смог, что заменить стишок 28-го г. «У тебя в дому во всем достаток» (прежнее название «Отцу-богатею» — стишок, чуждый настроением моей юности, «навешанный» извне, облыжный в отношении отца, хотя там, конечно, «отец» условный) «Уборщицей», — все-таки там уже «ответственный», и «посетителей робких», и «остывшие стулья»¹⁵².

Огорчился вторым стихотворением из «Памяти Ленина», — прочитав его нынешними глазами (ах, и тогда это было что-то обязательное, соответствующее, а не истинное):

И, может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем

и т.д.

Ближе! Совсем близко. «Зримые черты».

И далее:

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Что мировая, то мировая, слов нет, и действительно в трудах и боях, и могучая, но о таком ли только могуществе (государственном, державном) мечтал он! А что касается свободных народов, то из этой свободы нужно сделать некоторые «изъятия» насчет паспортов, закона о прописке и т.п., и т.д.

Ее благородным победам
История дань воздает.

Что верно, то верно. А вот относительно того, что «его проложенным следом уже пол-Европы идет», то таких слов лучше бы не произносить, а тем более не перепечатывать теперь.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных... —

Вроде бы и так, но совсем не так.

Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Все как на подбор.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас¹⁵³.

Вот именно!

И «На подвиг века» зря включил уже в верстке, а теперь изымать было и хлопотно (переверстка), и просто неловко. Не забыть поостороже подойти к однотомнику в «Сов. писателе».

Какое рассеяние и несосредоточенность проявились в отношении такого ответственного издания — ведь собр<ание> соч<инений> — это покамест единственное, с чем я могу выходить на свет без особого прижима, не говоря уже о том, что мне действительно «под шестьдесят», как выразилась Валя, когда мне было еще только за пятьдесят, и я смеялся, это действительно подведение черты (надеюсь, конечно, не последней).

Я только третьего дня, просматривая эти стихи о Ленине, вспомнил, что в этой же тетради есть уже строчки:

Простецкий вздох мечты особой
О сущей мере наших дел:
Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...¹⁵⁴

и т.д.

Жара! За столом наверху уже не усидишь. По-прежнему с охотой, со сладострастием готов что-либо «преобразовать» на участке, приводить по-стариковски в порядок, а упорное сидение за столом — на потом.

16.VII.66. П<ахра>

Пытался вчера установить по тетрадям, когда, в каком хотя бы году было это со мной, ужасное [...] ¹⁵⁵ — не удалось, хотя ясно уже, что даже не 3 года назад, а 4—5 лет, т.к. вспомнил, что В.Ардаматс<кий> ¹⁵⁶ в Коктебеле (в 63 г.?) дал мне понять, что он знает об этой истории. И спустя столько времени министр Тикунов ¹⁵⁷ нашел возможным и полезным в смысле воспитания, что ли, коснуться этого эпизода на всесоюзном семинаре пропагандистов, с приведением отвратительных добавлений и все это отнеся к нынешнему, сегодняшнему времени — «на днях».

Вырезка из газеты «Телеграф Торонто», мое интервью корреспонденту ее Петеру Воршангтону, где, м<жду> пр<очим>, сказано, что у Т<вардовского> такой авторитет, что уже ничто и никто не может его... Может!

Утешаюсь только тем соображением, что это, конечно, борьба не с моим пьянством, а с моей зловредной трезвенностью. Но — все-таки. Лучше бы мне опровергать не только это «на днях», но и вообще. Однако сколько же нужно памяти злобной и мстительной, чтобы вытащить этот факт теперь. Впрочем, м.б., этим «на днях» меня вызвали на признание самого факта — любой давности, но факта. —

20.VII.66. П<ахра>

Живем, можно сказать, в эпоху списков, копий документов, писем и т.п. После «Заявления Варги» ¹⁵⁸ — запись совещания комиссии по истории ВОВ (так пишется) при ЦК ¹⁵⁹. «Сталин — преступник», «Ворошилов, Буденный — подонки», «Калинин — старый трепач» — бог весть что там говорилось. И когда председательствующий пытался «вести в норму», его осаживали недвусмысленно: «Опять за старое», «Мы с Колымы — нас не запугаешь» (это Седых, всюду так выступающий, уже отчасти примелькавшийся). —

По редакции. Отрадный случай — «Козлотур» Искандера ¹⁶⁰ — весело, непритязательно, как бы только фельетон, разоблачающий газетную шумиху, а по существу не менее серьезно, чем самые глубокомысленные и угрюмые наши вещи. И сила: сочетание «фельетона» с лирикой детства, родных мест, природы. Вчера он был в редакции — красивое

умное лицо, не полностью восточное, но с таким очерком — отец иранец, мать абхазка. Сказал ему все приятные вещи, но и о том, что ему трудно будет писать новую вещь: тронул золотой запас детства.

Вчера же Солженицын, сделавший кое-какую, как всегда скупую, правку, измученный, напряженный и неуловимый. Мы сделали, что могли, но когда это увидит свет? ¹⁶¹ Огорчение — Панова ¹⁶².

Вчера отослал тщательно вычитанную с Дементьевым «Реплику» ¹⁶³ «уважаемому Александру Борисовичу [Чаковскому]». Нет сомнений, будет «советоваться», но должен бы напечатать, что для меня было бы большим удовлетворением, а для Плучека и театра большой и, м.б., решающей поддержкой. Как-никак они, эти критики, перехватили, выдавая поэме в целях противопоставления ее спектаклю такие выдачи, каких я не слышал даже в ее появления в «Известиях». Это сделал спектакль, хоть и не совсем в том смысле, как сказано в «Реплике», но все же. И как выгодно привести эти цитаты, которые означают, по крайней мере, признание поэмы настолько решительное, что, похоже, и это как-то согласовано. Хрен, мол, с ней, ее мы издавать все равно не будем, а спектакль — тут все наружу, все на публике. Впервые за много месяцев — почувствовал себя «автором», способным что-то написать — хоть такой опус на 4 странички. Как нехорошо долго не писать. —

Вчера же — Алексеев из Якутии, аспирант Томского университета, готовит диссертацию «Тв<ардовский> — лит<ературный> критик» ¹⁶⁴. Мне это было приятно почему-то более, чем если бы он писал, как многие, о поэмах. Разрешил ему «доступ» к моим редакторским письмам. —

22.VII. П<ахра>

Вчерашняя поездка. Сел в машину с тяжким грузом ссоры на душе, но там занялся делом, — есть все же надежда вытащить ж<урна>л из ямы запаздывания, пусть с жертвами; заехал в магазин, купил «заказ» с сосисками и пирожком, поделился с Олей, питающейся через силу от усталости и небрежения собой. Она была заметно оживлена: вызывали в деканат ¹⁶⁵, пошловато пошучивали насчет разделения с папой искусств («он, значит, поэзия, а ты — живопись»), но вызывали, чтобы «ближе познакомиться с абитуриентами», — по-видимому, то, что она там малевала, как-то было замечено, а шутки указывают на известное расположение, благоприятствие. Возможно, она пройдет. Но, боже: еще

5 лет! А ей уже 24. Бедная моя доченька, что тебе посоветовать, как помочь?

М<аша> в городе, «я на даче один»¹⁶⁶, за открытой дверью балкона — дождик грибной, завтра, м.б., выедем на грибы, — вижу, как хочется Маше — редкая для нее радость.

Антон [собака] [...] от прежних хозяев подыхает, доходит, переползает с места на место, забивается под елочки, дышит неровно, толчками. Кашляет, ничего — даже кровяной колбасы — не ест. —

24.VII.66. П<ахра>

Сегодня во Дворце спорта (где, кстати, я не удосужился побывать ни разу) вечер поэзии. Сбор в пользу Вьетнама, — от участия в котором я уклонился, что легко запомнить и припомнить мне при первой надобности. Но читать старые стихи, состязаться с любимцами публики (Евтушенко, Вознесенским и др.), это в моем возрасте негоже. И, несомненно, есть что-то фальшивое и стыдное в том, чтобы оказывать помощь Вьетнаму таким легким способом — красуясь перед многотысячной аудиторией. Не уверен, что все бы пришли, если бы в пользу Вьетнама нужно было один день отработать на стройке или уборке — были бы справки о болезни и т.п. А так — чем, в сущности, это отличается от благотворительных балов-маскарадов или концертов в пользу голодающих? —

Вчера закопал Антона. Кончился он на моих глазах утром, — он уже больше сидел, содрогаясь весь не то от кашля, не то от каких-то спазм — точно бы его рвало — и словно задышался. Но ни воя, ни ноя — только страшно тоскливый взгляд, в котором и мольба о помощи, и недоумение, и виноватость собаки, что с ней что-то происходит, что не может быть приятно хозяину. Шел в нужник, он волочил задние ноги (подогнувшиеся и уже непослушные) на дорожке у крыльца, — возвращаюсь — вижу, лежит бочком на крыльце, голова под лавкой, зубы оскалены.

25.VII

[...]*

* Здесь, как и 26 и 30 июля. — продолжение работы над главой «Сын за отца не отвечает». Записи вариантов.

[...]

День — второй уже — с явным веянием второй половины лета, — хоть и тепло, но что-то уже набежало, а что-то отошло — та ранняя жара июня, когда утра гудят медовым гудом, дымятся душистым паром, предвещая разворот длинного дня, и день набирает свою долготу и жару.

Новостишки. — Оля вчера сдала историю на 5¹⁶⁷, следовательно, должна быть принята, — дай ей бог, по крайней мере, она укрепитя в осознании себя не глупее всех, в чем я обычно старался ее укрепить. Отвечала, между прочим, на вопрос о 23 съезде (воспитательная роль литературы, — так, что ли) и выехала, как сама говорит, на критике ошибок «Нового мира». От Вали ей уже досталось за это, она и сама чуточку смущена, чувствуется, но я ни на йоту не попрекнул ее, — все это достойно только улыбки. —

В «Литгазете» опубликована моя «Реплика» с небольшим и вполне терпимым «от редакции» (прочел по тел<ефону> Кондратович). Обе эти заметки «По поводу "Тёркина на том свете"» помещу в «Приложении» к т. III Сочинений, что, признаться, было одной из побудительных причин к написанию этой заметки — мечталось, чтобы и т. III у меня был с автокомментариями¹⁶⁸. Какие пустяки иногда нас побуждают к тем или иным серьезным поступкам. — Тон «от редакции», на слух, таков, что спектакль, в общем, «на ряду и целым рядом имеет ряд».

«Живой», за которого мы так опасались, кажется, проходит, — радость¹⁶⁹.

Сегодня, разбежавшись, наваял вчерне строф 8—9, и уже как-то все скругляется, если приторочится набросок. «Вот если б Ленин встал из гроба». Не хватает; пожалуй, какой-то «далевой» черточки, уже не хочу делать встречу с «кулаком» — поселенцем, довольным жизнью («работа не страшна»). Это особая тема. —

Все эти дни — самое острое и неприятнейшее впечатление — документ об усилении мер по борьбе с хулиганством, с преступностью¹⁷⁰. Получается, что к 50-му году революции на первый план выходит фигура милиционера, имеющего право не только тащить и не пущать, но и «давать дрозда», а его не тронь. Ни одного слова оговорки относительно ответственности держащего и не пускающего, о строжайшем запрещении самоуправства и т.п. И ни одно-

го слова о причинах явления роста преступности, а ведь они — как материальные (диспропорция населения деревни и города, переполнение города барачными, беспрописочными и т.п. элементами), так и моральные (падение авторитета власти, раздражение фальшью и ложью разнообразной — выборы, напр., и т.п.).

31.VII

Встал около пяти, до 10 предавался утехам: копал, косил, купался. После завтрака сморило, задремал на малый часок. Вчерне перебелил вчерашнее. набросок о Ленине еще не приторочился по-настоящему, но концовка хороша:

Тогда уж Сталина зовите, —
Он богом был, он может встать.

Вчерашнее чтение о заплыве Мао¹⁷¹ подсказывает соблазнительную концовку — он встал, он есть на свете, только сбрил усы и на потеху всей планете дельфином плавает в Янцзы.

Нет, м.б., все же набросок о Ленине сделать отдельно. Из темы-то все же выходит.

Оля — не помню, когда ее такой видел — (всегда озбочена, удручена, утомлена, замотана) вся лучится счастьем, удовлетворением, радостью победы. Давай ей бог. Володю даже немножко жаль: он чувствует, пожалуй, что Олина удача отдалила его от нее, — она уже в другом горизонте: институт, не училище.

2.VIII.66. П<ахра>

[...]*

15.VIII.66. П<ахра>

[...]

За этот промежуток — письмо Солженицына — поступок, окончательно освободивший от недоговоренности того, что давно уже обозначалось¹⁷².

17.VIII. П<ахра>

Выдержал опять же только первые два часа вчерашней сессии¹⁷³ — тоска дремучая, время тянется так, как толь-

* 2 и 15 августа — записи новых фрагментов к главе «Сын за отца не отвечает», вошедших в поэму «По праву памяти».

ко оно умеет тянуться на этих сессиях. Доклад тов. Пысина — никто не слушает и сам он вряд ли слышит и понимает, что он читает, зал вроде читального — газеты, газеты. А это мирно беседует — сосед с соседом, в зале тихий ровный улейный гул.

Накануне Плучек в последнем порыве перед неотвратимым звонит, всячески благодаря за «реплику», взывает: не сходите ли к Шауре. Позвонил с сессии к Черноуц<ан>у, пошел к нему, от него к Шауре, тары-бары — любитель душевных разговоров, рад-радешенек, но всего только и дела, что, кажется, он решился посмотреть вчерашний спектакль. Я в таком случае решил не идти туда, отправил Лакшина.

Лакшин, его статья вторая¹⁷⁴. Только я от Шауры в редакцию, там уныние и подавленность, 8-й идет в машину, а статью задержали: «посоветуйтесь». А я только что с умыслом сказал Шауре о цензуре, что, мол, вроде бы она остепенилась, не иначе — получила разъяснения. — Да, у нас записано: содержание ж<урнал>а всецело в компетенции редакции. — Звоню Степ. Петровичу [Аветисяну]¹⁷⁵ — он жалобно просит посоветоваться. Вчера уже не дозвонился ни до Черноуца<на>, ни до Беляева — ровно в 5 их уже нет. Еду сегодня отбыть еще хоть два часа на сессии, а главное звонить, спасти статью и решать вопросы «отдыха».

19.VIII.66. П<ахра>

Начал вычитывать третий том с задачей, м<жду> пр<очим>, подразбить строки и строфы, чтобы натянуть, сколько можно, объем, но все благородно.

С удовлетворением увидел, что вещь эта написана очень хорошо, хотя, правда, в ней нет предчувствий и прогнозов на будущее. Там еще одна беда — война, т.е. внешнее, навязанное извне, пришедшее, как некая стихия на землю радости и благоденствия. Однако — «Как ты была еще бедна!»¹⁷⁶.

Поэма закончена в 46 г. 20 лет назад. Подготовка этого Собрания вообще как-то очень сокрушительно подводит черты: старый писатель, м.б., сказавший все свое самое главное, чему, конечно, верить не хочется и, пожалуй, нет еще оснований.

На днях, работая на крыше с полудурком Колей, стал слезать:

- Смотри, не загреми.
- Не такой уж я старик, — говорю.
- Старик — не старик, а уж, наверное, седьмой десяток.

Рассказываю об этом для смеха, прибавляю, будто Коля сказал: «под семьдесят». А ведь — под шестьдесят же есть!

21.VIII. П<ахра>

[...]

23.VIII.66. П<ахра>

«Здесь уместно сказать о расточительности, какую проявили авторы пособия при освещении некоторых монографических тем. Так, непомерно большое место заняла в учебнике тема "А.Т.Твардовский". По программе (и действующей и предполагаемой на будущее) на изучение всей темы отводится три часа; текстуально изучается только поэма "За далью — даль". Авторы же пособия сочли возможным отвести освещению творческого пути поэта целых двадцать шесть страниц. Одной лирике Твардовского посвящено шесть страниц, хотя по программе не предусмотрено изучение каких-либо стихотворений поэта».

А.Пластинин, «Октябрь», № 8, 66¹⁷⁷.

25.VIII

Переписал на листы, вводя новые — 10 моих страниц. Страшное нетерпение прочесть хоть условно, с оговорками. —

[...]**

29.VIII

Перед отъездом в См<олен>ск. Прочитано дважды [глава «Отцам и детям»] — Маше и группе новомирцев.

1.X.66. П<ахра>

Месяц «творческого отпуска» позади. На добрую половину он насыщен весьма невеселыми воспоминаниями. Поездка в См<олен>ск, досадное отсутствие Маруси в городе (не написавшей об этом мне). — У Кости¹⁷⁸. Ремонт самоличного дома; грустное изобилие яблок и незнакомые ранее грустные, стариковские нотки у Кости; поездка в Загорье, посещение «моего» Дома культуры¹⁷⁹, прибранного накануне по распоряжению извещенного из обкома райначальства;

* 21, 22 августа — продолжение работы над фрагментами, вошедшими в поэму «По праву памяти».

** Далее переписана глава «Отцам и детям», вошедшая в поэму «По праву памяти».

наша усадьба, от которой только одна отметка — полузаросшая сажалка, — вишня, обгрызанная и обломанная на месте двора, — мне даже не помнится, м.б., посажена уже после меня. Костя: мне уже здесь ничего не нужно, не больно. Верно, на месте даже теряешь ту отчетливую картину, как что было, какая всегда на памяти в отдалении. — «Законная» выпивка где-то в районе горы Петуховки, на природе. Возвращение то ли во сне, то ли что — беспомыслие. Ночная добавка у Кости, поспешные сборы в дорогу (машина казенная) — не побывал даже на кладбище, — для этого нужно было сворачивать — с шоссе, проезжать весь город, терять часа два, да — главное — был уже не в порядке. — Все это по проторенной дорожке этих моих поездок.

Неделя-другая по возвращении — болезни, скитаний по дачам («ходит, ищет») и просто моя четырехдневная болезнь без выходов из дому. Потом недели две — до вчерашнего дня — лечение лопатой, пилой, топором (яблоня с земляничника, смородина к одному месту, дрова, навоз, — почти все осенние работы). Путевки в Сухуми откладывались дватри раза, потом были сданы, теперь жду, что позвонит Шинкуба, м.б., поедем хоть на две недели. — От Тбилиси уклонился, нет сил для праздников, многолюдства, знакомых харь вроде Соболева, слов, слов, слов, какие не то что произносить, выдавливать из себя, но и слушать нет сил.

Испытал в период «депрессии», кажется, первый такой тяжелый приступ «возраста»: жизнь прошла, осталось дожить и т.п., не дай бог, постепенно лопата помогла. Снова стала мила, хоть и грустна и тревожна, прелесть природы даже во всей ее безнадежности, отрешенности.

В редакции, кроме обычных радостей (задержание Симонова¹⁸⁰, после предоставления всех необходимых справок и заключений вплоть до военной цензуры), новая, во всяком случае, не известная нам в такой определенности в прошлом году: «резкое ограничение» подписки на «НМ» (исключение ж<урна>ла из рекомендательных списков для бюджетной подписки в Армии и школах!).

Живу так, что не знаю, вернусь ли и из отпуска и что делать дальше. — Должно быть, буду тянуть до конца, т.е. до снятия с поста.

Только и сделал за это время, что переписал Главу доп<олнительную>¹⁸¹ из тетрадки на листы и теперь получил с машинки, но еще не прочел даже в этом виде, — завтра примусь, хоть, конечно, без иллюзий относительно напечатания. Работа еще большая, и ее нужно сделать «несмотря ни на что».

Последняя радость домашняя: вчера Оля с Володей объявили Маше, что они намерены пожениться. [...]

7.X.66. М<осква>

Ночевали здесь — в 11.40 улетаем наконец в Сухуми. Улетаем без охоты, как бы по необходимости. М<аша> считает, что наше временное отсутствие будет пользительно для Оли. У меня это дополняется тяжелыми предчувствиями насчет журнала, усталостью (не физической, хотя все эти дни отдавал лопате и порядочно сделал — почти все осенние дела), а также ненадежностью этого срока в смысле работы. Везу с собой листки с набросками из предыдущей тетради (стихи из зап<исной> кн<ижки>) и машинописную главу, которую начал уже отделять, но оборвался на серьезных местах. — В этом месяце будет идеологическое совещание (узкое), где, по сведениям, будет проборка кино и «НМ», возможно, это предварение того, что еще будет на съезде писателей. В конце концов, дело, по-видимому, идет к концу, — так дают понять люди аппарата, сочувствующие нам. Пусть бы уж! Я готов не возвращаться из отпуска и если съезд не даст возможности прозвучать голосом в защиту лит<ерату>ры, то и не сидеть на нем. Но основные положения речи думаю набросать. — Надежда на работу по рассказу¹⁸² гаснет в отношении Сухуми, — пробудем там недельки две, м.б., я останусь, если будет видно. — Тетрадь эту, как и желтую, оставляю дома.

21.X. Пахра. 6 ч. утра

Третьего дня два раза купался — утром по холодку и около часу — вода 22—23, в три часа по моск<овско>му вр<емени> погрузились мы со всеми курбурушками (Маша!), обливаясь потом, в самолет, а в сумерки увидели в иллюминаторе перемещающиеся то в одном, то в другом наклоне подмосковные мокрые, показалось, совсем голые березнячки. Ночевать нужно было в городе. Вечером пришел невеселый Демент, порассказал со своих «записей» на пустом ред<акционном> конверте кое-что о совещании в Кремлевском театре, о занятой и чем-то очень показательной встрече Лакшина с Дэви Стуруа, уже выступившим на совещании с наиболее погаными выпадами против «НМ» и, в частности, Лакшина («оскал врага» — «ответ на критику XXIII съезда»)¹⁸³. Прочел Дымшица в «Огоньке»¹⁸⁴ — точно в тихий летний вечер проехала мимо бочка с продуктами, «вывоз коих в дневное время воспрещается», статью Молдавского в «Октябре» (бедняга Демент!)¹⁸⁵. Утром пригласил Лакшина — интерес-

нейший рассказ о 5—6-часовой беседе с Дэви, его одноклассником по МГУ, в ресторане «Будапешт». Секретарь ЦК Грузии, только что так недвусмысленно выступивший на совещании и, казалось бы, ободренный аплодисментами в наиболее ударных «пассажах» своей речи («мы — сталинисты и гордимся этим»), в течение пятичасовой беседы, состоявшейся по его настоятельной, встревожившей редакцию и семью Лакшина инициативе, объясняется, извиняется, оправдывается перед заклеянным в критике, взятым уже на заметку «отделом» в смысле неразрешения выезда даже в Чехословакию, злокозненным критиком. — Наши догадки и соображения: Дэви перестарался, на что ему указали, и теперь пытался вернуть ту жертву, что принес «для пользы дела». —

Заехал в редакцию перебелить главу, заехал к Сацу навестить Раису Исаевну с кульком образчиков даров абхазской природы. Приехал Демент с совещания, поговорили весьма невесело, и при обсуждении предложенного Лакшиным плана перестройки библиографии я уже был утомлен изведенным редакционным утомлением.

Письмо полковника запаса и литератора С.С.Дорошенко из Ровно с цитатой из директивы ПУ ПриКВО (№, дата, подпись зам<естителя> нач<альника> ПУ) и мое письмо Демичеву¹⁸⁶, вчера же отправленное по согласованию с редакцией. «Неужели я должен согласиться с вытекающим из директивы ПУ приКВО положением, равным политической дискриминации одного из старейших и популярнейших в стране журналов, оставаясь его редактором?

Прошу Ваших указаний, как мне поступать в сложившейся ситуации».

Закс: Зачем же «оставаясь», лучше бы являясь. Но дружно поддержанный всеми, я оставил «оставаясь», с чем быстро согласился и Закс. — Дело заварено, остается ждать, и, кажется, на этот раз что-то должно лопнуть. № 9 с его «Без комментариев» — порск бензина (не унимаются, несмотря на...) ¹⁸⁷. Будь что будет, быть же чему-нибудь когда-нибудь. «Партия никогда не допустит того, чего вы опасаетесь, т.е. чтобы безопасность встала над партией (о себе позаботилась!), но она никогда не допустит какого бы то ни было течения, направления в идеологии, выделяющегося и привлекающего к себе внимание» (Дэви) ¹⁸⁸.

Покамест я купался в лазурном море, утешался тонкими поучениями Манна о жизни и смерти, о смысле искусства, даже в его упадке приносящем душе сладостную пищу и высокое успокоение, общался с более и менее приятными людьми, дочесывая главу, — здесь, тем временем, фамилия моя называлась соответственно двоякой моей злокозненности.

Ответ Демичева на записку о том, когда же наконец будет снят Т<вардовский> с «НМ», и ответ Фурцевой на записку о том, когда же будет снят антисоветский, клеветнический спектакль «Т<ёркин> на том свете»¹⁸⁹. Ни тот, ни другой ответ, как передают, отнюдь не содержал возражения по существу постановки вопросов, но лишь указывал на трудность и деликатность этих акций. Фурцева — та с женским простодушием и доверительностью среди своих: «...спустим на тормозах».

Похоже, если все так пойдет, то выступление на съезде будет невозможным.

Приехал, — особенно это почувствовалось вчера, когда под вечер вступили на усадьбу и теплую хату, — точно приехал из командировки, в общем приятной, но все же утомительной и оторвавшей на две недели от привычного и единственно способного держать меня «на плаву» быта и обстановки. — Дай бог.

Раздал главу членам [редколлегии]. В понеде<ельник>-вторник обсудим. Трудно, почти невозможно представить себе ее напечатанной. —

Точно в даль захолустную — из каких-то там дней, занесло меня в позднюю, грустную пору жизни моей. —

В тот же день. Еще раз прошел по главе. Мелкая штопка. Завтра еще раз по чистому экземпляру.

Осенило: почему бы в «Приложениях» ко второму тому не поместить публикацию Буртина «Стихи читателей "Тёркина"»¹⁹⁰. Если откинуть соображения псевдоскромности, то ведь это очень знаменательное сопровождение «Тёркину». Этого ни у кого нет, — у многих есть стихи подражателей-поэтов, но это другое.

И почему бы не сделать для т. III такой же обзор читательской стихопродукции, это возможность высказаться за и против поэмы стихами читателей, сопроводив их опять же соответствующими пояснениями. — Я не должен сам отгораживаться от того, что вызвано моими стихами, другой возможности хоть раз явиться на свет — не вдруг дождешься. В отношении «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» это особенно важно¹⁹¹. —

У Оли лицо постаревшей девочки: подвижная тонкая кожа, на ней уже заметный набросок морщинок, — усталость, напряжение, нерадостные думки.

Как обрадовалась Маша, что кошка Мика, о пропаже кот<орой> писала Оля, вернулась и льнет к ней. Пожилая,

уставшая от жизни женщина, отдаленная от детей и внуков — не только, — от мужа, находит эту старушечью привязанность.

22.X

Нет, пожалуй, с «приложениями» не выйдет.

С утра зачищал главу, потом перебелил «стишочки-грибочки» на листах.

«Есть два вида любви к жизни: одна ничего не знает о смерти; это незатейливая, грубоватая любовь; и другая, та, которая хорошо ее знает; только эта любовь, как мне кажется, обладает настоящей духовной ценностью. И это та любовь к жизни, которую ведают художники, поэты и писатели».

Т.Манн, т. 9.

«Лишь созрев для смерти, человек по-настоящему зрел для жизни».

Т.Манн, 9, 450.

24.X.66. П<ахра>

Перенес на листы, наскоро причесывая, около 15 штук [для] «Зап<исной> кн<ижки>»¹⁹². Работа, конечно, весьма условная, хотя бывает, что именно так, с ходу, по необходимости найти быстрее подходящую строку, слово — как в устной речи, когда выпаливаешь приблизительно то, что хочешь сказать, — бывает, что получается. Но почему-то вчера после этой пробежки стало тоскливо: м.б., просто потому, что увидел, как небогат этот сбор в целом.

Собирался было прочесть Маше и Оле, приехавшей обедать, но удержался: глава, показалось, была трудновата и чем-то далека Оле, а стишки тоже вряд ли были бы к минуте, к настроению. — Согласен, что если так пойдет, как она рассказывает, то в институте этом пропадать ей 5 лет незачем. Но что ей делать, покинув институт? Сперва нужно куда-то приторочиться. —

Глава еще не отпускает меня — завтра обсуждение на редколлегии, а все еще обнаруживается то, се.

Выгодной показалась, напр., строка «В ряды бойцов страны родной»¹⁹³, предваряющая строку нед<остающей> строфы «В рядах бойцов страны родной», но тогда строка «Пропихнуть с целью подрывной» теряет необходимые вычки.

Сегодня и завтра продолжается совещание в Кремлевском театре, возможно, выступит Суслов, во всяком случае — Демичев. Дементьев там — уехал на ночь в город. — Его изложение обстоятельств речи Г.Маркова, пытавшегося там быть приличным. Первый же вопрос к нему был: «Когда и какие меры будут приняты в отношении "НМ" ?» — «Будем обсуждать, дело это не простое, трудное». — Гул возмущения: какие такие трудности! Вряд ли это чему-нибудь научит Мокеича, кроме того, что нужно «не вякать».

Идет совещание, в печати ничего, кроме бесполой информ<ационной> заметки. Идеологич<еское> совещание, не обмолвившееся до сих пор ни словом об идеологическом содержании «культурной революции». И более того: откровенно сталинистскими выступлениями (Стуруа), скалозубовскими замашками по адресу «профессоров» и «людей свободных профессий», отнюдь не противостоящими «хунвейбинству» — только не на улице, гласно, открыто, а здесь все в закрытом помещении.

«Рев<олюционный> справочник-календарь на 1957 г.» Справки о Постышеве, Рудзутаке, Раскольникове¹⁹⁴. О последнем сказано, что он «умер на чужбине от менингита», — обычно причину смерти не принято указывать, — и сказано, что он одно время имел «колебания», но потом уж до самой смерти был хорош. П<остышев> и Р<удзутак> неизвестно от чего умерли, но умерли, достигнув высоких степеней¹⁹⁵. — Если можно у истории отнимать то, что было на самом деле, то, конечно, можно и приписывать ей то, чего не было или нет. Так оно и делается. И этого именно хотят от литературы. Мрак. Трудно предвидеть, как долго и в каких еще видах все это может продлиться. «Поймут ли нас будущие поколения?» — эти слова куда с большим правом можем повторить мы, чем сказавшие их в свое время¹⁹⁶. Но несомненно, что поймут, как понимаем мы теперь тех, кому принадлежат эти слова. —

В доме — мрачновато. М<аша> томится угрожающей неясностью с Олей. Оля молчит, она сказала, что «спешить не будет». Впереди — зима, когда нечего делать на участке, даже дров довольно. [...]

Пришла мысль съездить в Л<енинград>, м.б., с Машей и Олей? На праздники? Одному до праздников? — С Дементом? —

25.X

Где-то был набросок:

В самый угол шалаша,
Где угретая солома,
Забирается душа,
Чтоб одной побыть ей дома¹⁹⁷.

6 ч. 26.X. П<ахра>

Впервые за долгий срок проспал с 10 до 6 утра, не просыпаясь даже за стариковской нуждой. А день накануне был городской, трудный. Благодарение богу, в бушующих непогодах светел, пусть не весел, но бодр: чему быть — тому быть, но постоим до конца. Вчера при обсуждении главы и стихов сказал Лакшин то, что для всех было несомненно: наше решение напечатать главу (со стихами или без) — новый порог, еще одна ступенька, на которую ступает журнал, — отказаться от этого — значит — смириться, начать свертываться, «входить в колею» по принципу — быть бы живу. Правда, Дементьев, отчасти поддержанный Лакшиным, начал пороть нечто тяжкое по линии различения «типов кулаков» в главе и недостаточности обрисования «настоящего кулака», т.е. вел к тому, что в главе можно усмотреть тенденцию неразличения кулака и середняка и т.п. Он сделал попытку подсказать мне, что в ней неправильно и что может послужить для крайних выводов критики. Но, боже мой, «правильно» эта глава вообще не могла быть написана, она вся «неправильная», говорю, и усилия к тому, чтобы сделать ее правильной, могут только лишить ее того, чем она обладает. Относительно же заключительной части замечания его и Лакшина я принял с готовностью — это можно и нужно сделать, и есть охота, эта часть вообще меня беспокоила.

Из информации Дементьева о речи Демичева¹⁹⁸: речь в целом пустоватая, из общих мест и диалектики типа «да, но это не значит, что да». Из вопросов главным был вопрос о «НМ», на который он отвечал обширно и в духе той же диалектики, имея, м.б., в виду прежде всего экстремистские настроения. «Просто снять редактора — это не просто. Но мы не против и оргвыводов. "НМ" напечатал много ошибочных вещей, но печатает и хорошие. Т<вардовский> большой поэт, его все знают — "Тёркин", "Дали", — "Т<ёркин> на т<ом> св<ете>" мне не нравится, я ему говорил, но он...» и т.п. Большой поэт, но противоречивый человек, имеет большие слабости личные (пьянство?). Был в составе ЦК, но в результате критики ХХIII съездом его ошибок избран не был, — (это все бесподобно!), «*был депутатом (?), но не стал им*

в нынешние выборы». И далее: «мы не хотим администрировать, это дело Союза писателей, — съезда — пусть они решают». Не ясно ли.

Ну что ж, на прощанье набрать да тиснуть эту главку хоть на листах верстки! Если ее задержат, я свободен от речи на съезде, да и от съезда, — все уже будет ясно. —

Страшное расстройство по поводу отделов. «Без комментариев», сработанных без меня и глупо, в ущерб журналу, его достоинству, — поддавки для противников и огорчения для друзей. Что бы я дал, чтобы не было этих страниц в 9 и 10 номерах, — 11-й можно просто снять, а в 10 — то ли выдирку делать, то ли что¹⁹⁹. Еду в Москву, хотя не хотел, хотя лучше бы сидеть за столом — все так просветилось относительно стихов и главы. —

27.X.66. П<ахра>

К возможной (предполагаемой) беседе с Брежневым (или Суловым) по поводу задержания (вторичного, после того, когда уже отпечатаны листы) работы Симонова «Сто суток войны»²⁰⁰. —

(тезисы)

1. Факт задержания (запрещения) этой вещи К.Симонова в канун съезда писателей — сам по себе обязывает довести его до сведения Политбюро. Но дело в том, что этот факт, последний по времени в длинном ряду «санкций» против «НМ», приобретает особое значение как для судьбы журнала, так и для перспектив развития литературы в целом.

2. Для журнала этот факт увенчивает «систему мероприятий» против ж<урна>ла, которую трудно характеризовать иначе, чем установкой на умерщвление журнала (редакции). (Задержание романа Бека²⁰¹, работы Драбкиной²⁰², арест романа Солженицына²⁰³.)

Журнал становится для авторов «гиблым местом»: раз «НМ» — держи, брани и т.п. Апофеоз — запрещение подписки для армейских читателей.

3. Для литературы. Все эти «мероприятия» имеют поводом прямое или косвенное касание темы «культы», безотнositельно к тому как. «Молчанка».

4. Вопрос о культуре решен в партийно-политическом и государственном смысле постановлением 56 г. Значит ли это, что такой значительный своей трагичностью период в жизни общества автоматически закрыт для литературы? Наложить такую печать на недоговоренное, имеющее необходимость «снятия» в плане художественного выражения, — просто немислимо и губительно для искусства. Это было

практическим применением «культовых» принципов регламентации искусства.

5. Тема эта не исчерпана, только затронута, и не дать ей выговориться, выписаться нельзя, безрассудно и вредно. (М.б., о моей дополнит<ельной> главе, явившейся при подготовке «Далей» к новому изданию, без которой переиздавать эту книгу для меня теперь все равно что с купюрой.)

6. О страхе перед вымыслом при бесстрашии перед фактами.

7. О цензуре: пережиточный орган, превзошедший в формах и методах охранения общества от литературной «скверны» царскую цензуру (предварит<ельная> цензура). Уж лучше бы система предупреждений. В царской цензуре сидели, м<ежду> пр<очим>, умные люди, не говоря о либеральных (Гончаров, Никитенко), но и наиболее «зоркие» были зорки в пользу своего класса и строя. У нас — чаще всего усердие не по разуму. Над редактором (редколлегией) редактор, которого не поставишь на ж<урна>л.

8. О чем говорить на съезде?

Для журнала (к п. 2).

Откуда возникло, как сложилось такое отношение «сверху» и в критике к журналу, имеющему безусловный успех у читателей.

Во-первых, «НМ», утверждая честь и достоинство советской лит<ерату>ры — наследницы великой русской, — по мере возможности печатая образцы, напоминающие, что такое лит<ерату>ра, держится линии критического, нетерпимого отношения к мнимой литературе, к лит<ерату>ре иллюстративной, конъюнктурной и т.п.

Во-вторых, и это наиболее ходовой козырь наших противников: вас хвалит «Запад» (какой?). «Запад» же, видя нападки на журнал, порой относит к ж<урна>лу значение чуть ли не оппозиции. А это порождает новые нападки, основанные уже на этой характеристике, и т.д. Но что было бы, если бы мы, видя, как Запад хвалит Шостаковича, продолжали бы его ругать в духе статей о «сумбуре в музыке»?²⁰⁴

29.Х. П<ахра>

Симонов уклонился от совместного похода наверх с расширенной задачей, видя, должно быть, что ему это ни к чему. Он озабочен только судьбой своей вещи, а не судьбой ж<урна>ла и литературы. Ему, пожалуй, даже лучше решить бы свой вопрос при неизменности общего положения, — иметь в саду яблоки в безъяблочный год. Но он наивен, полагая, что можно, не решив главного вопроса о запрете «культуремы», решить свой частными доказательствами, готовно-

стью кое в чем уступить и т.д. Он пошел по «отделам». Вчера еще не было никаких показателей. — Меня он толкнул позвонить Сулову; тот говорит: после праздников — пожалуйста, а сейчас уезжаю за границу до 5.XI. — Отсюда *некоторые осложнения*, — мне уже как бы назначена встреча...

Вчерашний день пустоватый. Накануне поздно вечером, когда я уже мирно спал, пришла бедняжка Белла, пьяненькая, в слезах и т.п. Пила чай, потом пришел за ней Орест [Верейский] — все без меня. А вчера с утра — втроем: Верейские и она, оклемающаяся. Читала стихи искусно («Антикв<арный> магазин») и даже не без чувства («Елабуга»), но все как-то не за ребро, в полуусловных эмоциях. Но — поэт.

С утра принялся за главу, подключил строчки из наброска «Опять при имени заглавном», кот<орый> был уже отнесен к «Зап<исной> кн<ижке>».

Разные мысли: глава распадется как бы на две половины, «кулацкую» и вообще. Внимание!

Еду в город помыться, забрать зимнее: вчера первый утренний заморозок, а к вечеру — *снег*.

30.X.66. П<ахра>

Щедроснежная зима:
Снег да снег — за вьюгой вьюга,
Снег от севера до юга
Все заполнил закрома.

Стародавних лет примета
По зиме ровняет лето.
Неизменный обиход,
Вековой расчет природный:
Снегу мало — год голодный,
Снегу много — сытый год.

И от имени науки
Вторят ныне дедам внуки:
Снег заполнил закрома —
Хлеб в избытке и корма.

Лишь в примете чрезвычайной
Не примкнуть бы старине,
Что отменно урожайный
Выпадает год к войне²⁰⁵. —

В «Зап<исной> кн<ижке>», где уже выявляется «круглый год» — хотелось написать безоблачно хрестоматийную миниатюрку вроде «весны» или «лета».

«Оленьи рожки, раковые шейки»?

Вечером приходили Симоновы (ему нипочем, как он однажды в горькую мою минуту встретил меня воспитательной декларацией). Показывал свое письмо к Брежневу — как обычно длинное, многословное. Называет Сталина великим (хотя и страшным), напоминает о своей неуступчивости редакторам после XXII съезда²⁰⁶.

1.XI.66. П<ахра>

Вчера и сегодня с утра — вступление к гл<аве> [«Сын за отца не отвечает»]:

... Недосказал, нельзя оставить
На том, как высказалась речь,
Где ни убавить, ни прибавить, —
Нельзя той мерой пренебречь.

Недосказал, — пускай запретом
До срока связан был глухим,
Пускай тебе тогда об этом
Труднее было, чем другим.

Тебя смущали кривотолки:
«Ага, что у кого болит...»

Напрасно. Время недомолвки
Домолвить полностью велит.
Пытливой дочке — комсомолке
Не впору ветхий твой главлит.

Минувший век не безответен,
Не тайна чья-то от людей, —
Он нам открыт — отцам и детям
И детям нынешних детей.

Не страшно памяти правдивой,
Таит беспамятность беду.
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот врядли с будущим в ладу.

Вчера же, посоветовавшись с Дем<ентьевым> накануне, написал донесение [в] ЦК о задержании № 10, вызвал машину, отредактировал текст с Заксом и Кондр<атовичем>, отослал (и копию в Союз) и позвонил Беляеву. — «А зачем?» — «Затем, чтоб вы не спохватились где-нибудь в марте 67 г., что "НМ" не выходит давно». — «Как так?» — А так, что не можем же мы выпустить № 11 и т.д., не выпустив 10-го, а он лежит...» — «Да, это верно. Не зашли бы сюда поговорить, — есть о чем». — «О чем я теперь могу говорить, кроме этого?» — «И об этом». — «...уж либо закрывать ж<урна>л,

либо снимать редактора». — «Ни того, ни другого не имеется в виду». — Далее я спросил насчет предполагаемого обсуждения журнала в Союзе. — «Да будут обсуждать, но уж наверно в 67 г., т.к. редакция все просит отложить» — ??? — «Так говорили». — Кто? — «Да так...» (это при том, что есть текст протокола, в кот<ором> по моему настоянию указано, что обсуждение откладывается ввиду перегруженности Секретариата подготовкой к съезду).

Лакшин (со слов Лисичкина из «Правды») ²⁰⁷ о наших критиках: их корабли тонут. — О выступлении Зимянина на ред<акционном> совещании. — Смена Абалкина Куницыным ²⁰⁸, — обнадеживающие вести, но в целом все безнадежно гадко и вывод один: если из беседы с Суловым не произойдет (скорее всего, что нет) решительного поворота — уходить.

3.XI.66. П<ахра>. 5 ч. утра

(встал в 3 за обычной нуждой и уже не мог улежать — пошел работать в голове над вступ<лением> к главе.)

[...]*

Вчерашняя заведомо непродуктивная беседа с Беляевым. — «Что вы думаете о съезде?» — Прорепетировал перед ним примерное изложение того, что собираюсь сказать Сулову.

Два возможных варианта съезда:

1. Парадно-пустопорожний (тогда не более двух дней);
2. Деловой, с установкой высказаться всему, что имеет быть высказанным (вариант невозможный при нынешнем состоянии, в частности — фокусном положении «НМ»). Зачем мне съезд, если там будут развивать «оскал врага», что мне там делать, редактору фактически запрещенного ж<урна>ла? Посидеть для проформы на открытии? Воспользоваться трибуной съезда для жалоб на «руководство литературой», на советскую власть?

«Помогает вам критика?» (умоляюще настоятельное: скажи, мол, что помогает, выправляемся и т.д.). — О своих недостатках мы знаем больше, конкретнее, чем наши критики, а общее ее направление — не принимаем и знаем, на что идем.

Потом неизбежные и безнадежные объяснения по поводу последнего «Без комментариев» ²⁰⁹. Вообще он полон сочувствия нам, но сам ничегошеньки не знает и не может

* Запись варианта вступления к поэме.

и чуть ли не у меня спрашивает: что же это такое, напр., с повестью Бека?

Лакшин: $\frac{3}{4}$ всего того, что за последние годы было в центре внимания, — наши, появились в «НМ».

4.XI. П<ахра>

Везу на машинку главу со вступом и новой концовкой; не для того свершали люди всемирный подвиг в Октябре.

Во вчерашней «Литгазете» жданное и предвиденное, но оттого не менее неприятное²⁰⁹. Негодовать на моих мыслителей, так подставивших задницу для сечения, при котором нечего рассчитывать даже на сочувствие друзей ж<урна>ла, — негодовать и подчеркивать, что это не я, — утешение малое. Склонность к манипуляциям с цитатами, характерная черта Дем<ентье>ва, опять подвела. Погано, что при обсуждении этой подборки (вскоре после приезда из Сухуми) получалось, что Закс был против, еще кто-то сомневался и т.д., а все же поспешили, хотя здесь-то не грех было и меня дождаться. В основе истории, как и в др. случаях, «НМ» прав, исходил из благородных позывов, но не расчел, что это безнадежная по существу и невыгодная для ж<урна>ла форма борьбы против Кривицких и Бровманов²¹⁰, кот<орые> при этом лишь выигрывают. Вот оно «стыдное», против чего я столько раз предупреждал, наставлял и чего всегда боялся больше всего. —

5.XI. П<ахра>

Держатся морозы, хотя в городе вчера все было в развезеньи, обычном для поздней осени. А тут дни почти январско-февральские — морозносолнечные, с отблеском того зимнего света, какой вступает с прибытием дня после той скудости, которая теперь еще впереди. —

Валя прислала Кропоткина со своим предисловием²¹¹ и надписью на листке — на книге не решилась, хоть там и стоит «предисловие и комментарии В.А. ...»: «Дорогой папа! Я уверена, что никакие предисловие и комментарии не смогут испортить эту прекрасную книгу. Валя».

Вот уже дочка моя, та самая «Вальга» — сопровождает всемирно известную книгу своими суждениями о ней и знает о ней, как и вообще о многом, куда больше меня. Но я не чувствую себя в отрыве от нее, это она подравнивается, становится зрелым человеком. А я это — и я, и она, и в какой-то мере ее Андрей. Поздний возраст не остается одним сам с собою — в нем все предшествующие и, конечно, последующие.

Вышла наконец воениздатовская книга с молодым подполковником на серийном супере²¹². Это уже и в общем обиходе мой давний возраст идет по второму заходу. «Мне 19, 20 было лет, мне 21-й» и т.д. — строчки соответствующей давности. —

Планировал с Мишей кабинет-библиотеку в гараже б<ывшего> владельца дома. Тоже одна из утех возраста — представлять, как там у большого окна будет большой письменный стол, а справа поперек у стенки — лежачок, и все это под косым «неформенным» потолком, и как там будет хорошо писать. Впрочем, молодость была куда больше занята мечтаниями о рабочем месте, о жилье, о четырех стенах и двери, о моем окне. —

Переписана вновь на машинке глава, отделаю ее, додержу и вдруг даже напечатаю, а нет — раздам кой-кому, прочту на магнитофон — ладно. Праздничные дни, если все будет хорошо, посвящу «Зап<исной> кн<ижке>»²¹³. Потом — надо же наконец написать рассказ, что в голове подрабатывается уже столько лет. А потом — о смерти деда, о первой в жизни моей смерти, которая — ничего не выдумываю — хорошо помню, подступила к моему пяти-четырёхлетнему сознанию с такой же, может, неотвратимостью ужасной, что впору и зрелым годам²¹⁴. Это уже, м.б., была бы первая глава «Пана». А там засяду (если иметь в перспективе свободу от ж<урна>ла и от всего такого) за эту мою «главную книгу»²¹⁵. А потом, «е.б.ж.»²¹⁶ и е.в.х. (если все будет хорошо), совершу кругосветное путешествие по воде и запишу все по-манновски со всякими отвлечениями и т.п. А потом? Потом буду стар совсем и в кр<айнем> случае буду вести хотя бы одни эти записи, что так-сяк-кое-как веду же столько лет (сработаюсь уже, как хороший топор ссекается и стачивается по самый обух), и все же это будет дело «несмотря ни на что». —

«Песни и романсы русских поэтов» — прелюбопытная книга в смысле показателей живучести поэтического слова в общечеловеческом потреблении по самым загадочным (не вдруг понятным) причинам.

Да! «Трансвааль» («Бур и его сыновья») написан забытой или просто неведомой Г.Галиной, женщиной или девицей с немислимыми для поэтессы именем, отчеством и фамилией: Глафира Адольфовна Эйнерлинг (в замужестве Гусева-Оренбургская). «Позже Галина отошла от общественно-литературной борьбы и вместе с мужем выехала за границу, откуда на родину не вернулась». Умерла в 1942 (?) году, т.е.

когда «Трансвааль» вновь зазвучал у нас с особым смысловым наполнением²¹⁷. —

Вчерашний день в редакции. Подписание приветствий впервые на «новомирском» билете²¹⁸. — Пренеприятнейший разговор по тел<ефону> с Рюриковым по поводу истории с Бёллем²¹⁹ — этот тип показал, что он знает, как со мной можно разговаривать после XXIII съезда и идеологич<еского> совещания; не стесняясь ухватить хоть что-нибудь еще до официального извещения о распродаже с торгов имущества «НМ». — Караганов, предложившийся через С.Г. [Караганову] в советчики мне на основе добытой им у своего министра (Романова А.В.) информации (она оказалась скуднее той, что я уже имел от Дем<ентье>ва) и понудивший меня своим перепуганным тоном на, м.б., излишние высказывания. — Впрочем — бог с ними со всеми.

6.XI. П<ахра>

Вчера и сегодня:

В самый угол шалаша,
Где остывшая солома,
Забирается душа,
Чтоб одной побыть ей дома.
Отдышаться от затей
И обязанностей ложных,
От пустых речей, статей
И хлопот пустопорожных.
И не видеть их лица —
Резвых слуг любой эпохи:
Краснобая-подлеца,
Молчаливого пройдохи,
Полномочного скота,
Групповода-обормота,
Прикрепленного шута
И внештатного сексота...
Дайте, дайте в шалаше
Удрученной злым недугом
Отдохнуть живой душе
И хотя б собраться с духом²²⁰.

7.XI.66. Пахра

С утра доводил, вышелушивал лишние строчки, а что и добавлял в главе. Еще не уверен в конце, нужна, должно быть, еще строфа перед заключительной (о не чудесах, так

причудах века) и, м.б., усиление заключительной многотишием. —

Замечательное — не открытие — общее наблюдение, изложенное в книге Н.Я.Эйдельмана «Тайные корреспонденты "Полярной звезды"»²²¹.

«Было две российские истории: явная и тайная.

Первая — в газетах, книгах, манифестах, реляциях, [в устных преданиях].

Вторая — в анекдотах, эпиграммах, сплетнях и, наконец, рукописях, расходящихся среди друзей...

Если сопоставить ту историю (от Петра до...), которая была на самом деле, с той, о которой разрешалось знать, говорить и писать, то "не досчитаемся доброй половины событий".

Не было:

1. Особых обстоятельств смерти царевича Алексея Петровича или Петра III и др.

2. "Путешествия из Петербурга в Москву"

3. Мемуаров Екатерины

4. Шешковского ("Шешковского боялись до того, что произносить его имя считалось уже довольно смелым делом")²²²

5. убийства Павла I

6. 14 декабря 1825 года.

Каждое десятилетие накапливало новые главы российской тайной истории. Секретное царствование Николая I.

Постановление от 8 марта 1860 г. о том, чего вспоминать и знать не разрешается:

"...а как в цензурном уставе нет особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространение известий неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях августейших особ царствующего дома, уже скончавшихся и принадлежавших (?) истории, то, с одной стороны, чтобы подобные известия не приносили вреда, а с другой — дабы не стеснять отечественную историю в ее развитии, — периодом, до которого не должны доходить подобные известия, принять конец царствования Петра Великого. После сего времени воспрещать оглашение сведений, могущих быть поводом к распространению неблагоприятных мнений о скончавшихся лицах царствующего дома".

«При Александре II... началась длительная, упорная война за рассекречивание прошлого. Подвижную зыбкую грань между "нельзя" и "можно" колебали десятки оппозиционно

настроенных историков и литераторов и пытались удержать десятки (только-то!) цензоров».

«В Зимнем дворце боялись прошлого едва ли не больше, чем будущего».

8.XI

Мучался все утро (с пересыпом после завтрака) над строфами, назначение которых была связь главы²²³ с «Далями» — картинка в репликах о том, куда в лихие сроки... Решительно пытался перевести из вставной «картинки» в «изложение»: там называли Зауралье, — помимо древних Соловков, для среднерусских земляков; для зауральских — Забайкалье — для забайкальских — даль за далью — угожья ленских берегов (для забайкальских казаков) — нет, не хватило еще одного слова на «Валье» — стыдно сказать, — и последнее двустушие было слишком очевидно пушкинским.

Потом ходил к Дементьеву, гулял, болтал с его гостями-немцами, говорящими по-русски и знающими все, выпивал там и дома, и — вдруг — пришло решительно, что «Картинки» не нужно и даже «изложения» — это м.б. для особого случая, а здесь достаточно двух строф от «Я помню» до «чего-чего вы эти дали не повидали на веку». Также: не нужно двух строф: да, он умел без оговорок... — Строки: как будто чей-то злой и странный узнал и отменил закон — полностью охватывают содержание этих «общих» строф. — Решение принято в подпитии, но на предшествующей трезвой основе. —

10.XI. П<ахра>

Ясно, что эти строфы уже как бы и не на тему, но опустить их жаль, они все же «фон». Покамест оставляю, несколько переиначив. Недоволен «тем потоком» — в первый раз не совсем ясно, во второй — годится. —

Вчерашний звонок Суслову, — он явно уклоняется от беседы, и это понятно. Сказал, что имеет задание, над которым будет работать «за городом», чтобы удалиться от звонков. Разрешает позвонить «на той неделе».

В Секретариате, не хуже нас, новомирцев, сидят на реках вавилонских.

Звоню Беляеву. Он говорит, что Шаура хотел со мной говорить до того, как я «куда-нибудь» пойду. Звоню ему — похоже, что не взял трубку. Буду звонить сегодня от Верейского, м.б., поеду.

11.XI.66. М<осква>

Ночевали в городе (после спектакля «Смерть Тарелкина» — впечатление, прежде всего, огромной жажды зрителя услышать, угадать нечто в этой обветшавшей соц<иально>-ист<орической> фактуре; уж если не «Тёркин» на том св<ете>», то дай хоть классику (кстати, отпечаток «Тёркина» на постановке очевиден)²²⁴. С утра отвлекся от невеселых дум главой — окончательно опустил место насчет «кулацких маршрутов» — м.б., случится втиснуть где-нибудь в основном тексте «Далей». Добавил строфу в конце, переставив на место «кит<айский> образец».

Проведу день здесь, но уже звонить сам не буду — обзвонил все этажи, — все явно избегают встречи и неприятных объяснений. От Демичева позвонил обязательный Ген<надий> Алексеевич²²⁵: он вас примет, но еще не осмотрелся по приезду. Шауро молчит, но вчера Галанов затребовал два экзем<пляра> Симонова²²⁶, — все идет опять малой скоростью. Наверняка в интересах романовского мундира потребует каких-нибудь для блезиру купюр и, тем самым, положение останется ужасным — новый набор и т.д. Надоело все с преизбытком, но уже нет охоты горячиться и, собственно, развязать бы этот узел с № 10, да и концы!

Уже мне неловко появляться в общественных местах: вчера две дамы (порознь) — одна из Свердловска, педагог, искусствовед: Знаете ли вы, как вас любят? — Знаю и как не любят. — Другая — дура, по-видимому, москвичка, пыталась целоваться²²⁷.

Переделанное начало опущенного места:

И по команде — сборы кратки, —
С детьми, с узлами — в эшелон,
В других краях по разнарядке
Землей вторично наделен.

Я помню, речь зашла в дороге, —
Экспресс «Москва—Владивосток» —
О том, куда в лихие сроки
Был разнаряжен тот поток.

Там, как по карте, называли,
Помимо древних Соловков,
Обширный север Зауралья —
Для среднерусских земляков;
Для зауральских — Забайкалье...

И — по порядку — даль за далью —
До океанских берегов.
Легли пути того потока
По отдаленнейшим местам...

А, скажем, с Дальнего Востока и т.д. до конца: «Премудрость».

Моя редакторская слава и на родине уже заслоняет немодную славу поэта, отмеченного почти всеми знаками официального признания. Все это — прах, ото всего нужно быть свободным.

20.XI. П<ахра>

Хроника событий и небытий с 11.XI.

В конце дня (пятница 11.XI) в ред<акции> Дем<ентьев> подошел к телефону, и ожидание погоды у моря окончилось: «Симонов не идет» — сказала цензура, сказала уже без обвиняков. Это означало, что № погиб, пошли-таки под откос 1200 тысяч уч<етных> тетрадей²²⁸.

Нездоровое чувство «освобождения»: чего еще ожидать, — разве что завтра еще позвонят от Шауры или Демичева. А пока пошли к Лакшину (с Сацем), усидели три четвертинки, погоревали, поахали. Поехали с Сацем к нему, — хотел только его завезти, но по пути взято было еще по 100, а у парадного своего он впервые сказал мне такие слова: «Р<аиса> Ис<аевна> умирает». Я поднялся к нему, выпил еще без нужды и, ничем ему не пособив, отправился на такси домой на гор<одскую> квартиру, где переночевал, а наутро пождал-пождал звонков, да ведь суббота — махнул к Мих. Фед. [Яковлеву], т.е. вошел уже в «невесомое состояние», успев, однако, записать у него главу на магнитофон, и, вызвав машину туда, поехал на дачу, уже без особых запечатлений своего состояния. Здесь уже смутно помню, чтобыл Симонов, смотревший на меня своим утратившим интерес ко мне взглядом «резвенника» и человека дела.

Поход на фабрику²²⁹, поправка дома и т.д.

В эти дни — звонки Воронкова: меня искал Федин, которого я все не мог разыскать, а 21.XI — Демичев — встреча с секретарями союза. В четверг — разговор по тел<ефону> с Дем<ичевым>: редакция переделывает №, из ЦК запросили 20 экз. симоновских листов, ищет меня Федин. В пятницу еще полубольной поехал к Федину — оказывается, он в ту, прошлую, пятницу (или субботу) был у Демичева и, в сущности, по его поручению должен был встретиться со мной, чтобы объяснить положение с журналом. Свел к тому, что «нужно что-то

уступить» (не только в смысле признания ошибок, но и готовности обновить или «укрепить» редколлегию). Был отчасти он жалок: вроде бы все понимает, но в этот момент, когда, в сущности, от него мастиго-беспартийного почти все зависит, «забыл» даже дать сноску к отрывку в «Правде» о том, что в целом вещь идет в «НМ»²³⁰. Чего же больше! Но как бы и все понимает, хотя и полон самозащитной готовности отступить, как уже не раз делал (Пастернак²³¹ и др. случаи), а для чего и во имя чего? Неужели только для этого не столь уж веселого почетного бытия в чинах, болезнях, творческой импотенции и просто старости? По-видимому. Сговорились на том, чтобы до Демичева встретиться «малому секретариату» с «малой редколлегией», т.е. завтра, где как-то «обменяться мнениями»: — помочь Секр<етариату> выпутаться из этой ситуации. Демичев указал в числе причин перенесения съезда²³² (Сессия, Пленум) еще и нерешенность вопроса с «НМ» — решение же сводилось к тому, чтобы, по словам Федина, сохранить Твардовского, которого он, Демичев, очень любил, да и теперь любит такого, каким он, т.е. я, был, прежде чем стал проводить «линию» «НМ», — сохранить Тв<ардовско>го, «укрепив» журнал.

Мои слова Федину: ни в чем принципиальном уступать ни я, ни ред<акция> не могут, хотя, конечно же, готовы признать ошибки, которых, м.б., больше, чем даже видит критика. Что же касается «укрепления» редколлегии при «сохранении» Тв<ардовско>го, на это я не пойду по той простой причине, что я не был «шеф-редактором» и ничто серьезное и решающее в ж<урна>ле без меня не являлось.

На прощанье, когда уже шофер постучался — нельзя ли ему отлучиться пообедать, прочел ему (и его подруге Ольге Викторовне) главу²³³. Та все время слезилась, по окончании сказала, к заметному его смущению, что это «История КПСС», а он хвалил: «живопись», «рука» и т.п. и спросил, можно ли это будет напечатать. — Я бы напечатал, — сказал я, и он засмеялся этому как шутке, понятной нам обоим. Простились дружески, но уже без объятий, как обычно, ввиду заявленного им наперед гриппа. —

От него в редакцию, где хотел подготовить своих и где было все так мучительно некстати: посещение Лифшица, благодушно-умудренного и покровительственного, невыносимого Майского²³⁴, кот<орый> приковылял со своим инсультом и намерением поговорить часок-другой, высказаться о том, как он оценивает «НМ» и меня в этой ситуации («я видел ваш портрет в “Экономисте”»²³⁵ — для него это, по-видимому, знак мировой славы), запоздание увальня Демента, самоподключение к беседе непосредственно мной для этого Виноградова, сообщение С.Г.[Карагановой] о том, что А.В.[Караганов] имеет

сообщить нечто особо важное (о речи Демичева в МК), но не хотел бы делать этого в «НМ» (я не вдруг понял, что она всерьез о том, что у меня, конечно же, звукозапись в кабинете) и т.д. со всеми подробностями (я уехал было на дачу, поручив выслушать К<араганова> Кондратовичу и Лакшину, но потом не уехал) вплоть до вчерашнего изложения Кондратовичем у меня доклада Демичева со слов (запись) Караганова при Дементьеве и Виноградове. — Воздержусь от особой записи о странном в чем-то поведении последнего, т.к. в случае ошибочности моего впечатления — она ни к чему, а в случае верности — я все помню до мелочей. —

В речи Демичева «НМ» занимает чуть ли не целый раздел, и, говоря обо мне, он уже обходится без реверансов, а повторив опять, что я не был избран ни в ЦК, ни в Верх<овный> Совет, сказал, что это, мол, предупреждения Тв<ардовскому>, — не учтет — примем дальнейшие меры. Словом, я в компании с Хрущевым все это (Солж<еницын>, «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>») учинил. Боже правый, не Хрущев ли снимал меня с этого же поста 12 лет назад и не с теми ли же формулировками²³⁶.

«Заутра — казнь»... — записывать надоело.

Ошибки признаем, но работа «НМ» — это не ошибки в уч<еническом> сочинении — должна быть рассмотрена *во всем объеме*.

Симонов сегодня — перед обедом, когда я дворничал вокруг дома — подошел с прогулки — новостей нет, про речь Демичева знает из того же источника, посидел, поговорили на эту тему — и вдруг (это весьма необычно для него) о себе:

— Я человек по-внешнему скрытный, но вот вижу, что меня это так садануло, так это меня садануло, как второй раз в жизни, когда было с «Дымом отечества», вещь-то весьма слабенькой, но казавшейся мне тогда необходимой: приехал из Америки, побывал в избирательном округе, посмотрел жизнь — надо про это. И вдруг — нет, не надо!

Вообще-то «Сто суток» для меня особая вещь. Пишешь роман, пьесу — пишешь потому, что это доставляет известное удовлетворение: пишу роман. Ну и даже, можно сказать — пишу, хочу и прославиться, допустим. А эту вещь я писал, отвлекаясь начисто от того, что я писатель-не-писатель и как напишу, а лишь считая, что не могу этого не написать. Написал — и вот. Что же я теперь буду писать новый роман, пьесу? Или болтаться просто, выслушивая соболезнования и красуясь тем, что у меня запрещенная вещь? Нет. Не знаю. Наверно, поеду на Д<альний> Восток — в войска, погляжу, послушаю, сдается мне, что у нас что-то вроде 41 г. складывается, — буду писать хоть докладные ЦК.

21.XI. П<ахра>

Встал в пять — еще до того, как Евг<ений> Ант<онович> грюкнул дверкой котла внизу, но встал не по-доброму, когда спешишь к делу, пользуясь ранним часом, и не по-ужасному (слава богу!), когда не знаешь, куда рвануться от тоски и муки, а так и весьма спокойно, без малейшего трепета перед торжественностью предстоящего дня, — торжественностью и значительностью, — речь идет о дальнейшей жизни ж<урна>ла, которому отдано в общей сложности 12 лет жизни и который за это время — так ли, сляк ли — стал частью жизни многих людей, частью истории и т.д. Потому что знаю по опыту, по известной до малейших тонкостей природе обстановки, что сколько ни заготовляй неотразимо логичных доводов, убедительных и ясных, как божий день, построений на основе самоочевиднейших фактов, как ни вооружайся насчет существа дела, — все это не играет, если машина заработала, — она все равно свое сработает и найдутся, всегда есть люди, которые представляют винтики и колесики этой машины, хотя бы они и понимали в какой-то части эту свою роль, — высшая мудрость для них — не задумывайся по существу дела, делай, двигайся, как угодно машине. Единственно, что остается — не задираться, не выглядеть слишком защищенно — машина этого терпеть не может, — проявлять в обычных, привычных ей словах готовность «воспринять любую критику», но желательно прояснить ее в отношении всей в целом работы, т.е. подводить к необходимости обсуждения, пусть там уже все готово: «чего еще обсуждать?». —

7 ч. 23.XI.66. П<ахра>

Понедельник — утреннее совещание в малом секретариате (Федин, Марков, Воронков — я, Дем<ентьев>, Кондр<атович>, Лакшин).

Воронков: речь идет о журнале, который мы все любим и уважаем и о котором последнее время слышишь, что говорят уже черт знает что. И о Твардовском, чье имя и т.д. — Тут, конечно, не без «перста», но и то слава богу. Условились провести обсуждение ж<урна>ла на расширенном Секр<етариа>те 12.XII, нет, передумали, чтобы не получилось, что это вместо съезда, открытие которого намечалось в последний раз на это число, — на 18? — Оттуда мы пошли вчетвером в редакцию, обсуждая по пути слушок, пересказанный Кондратовичем и восходящий к Эренбургу, насчет «четырех и восьми».

В 3 ч. нужно быть у Демичева.

Там все получилось так, как будто хозяин, созвав гостей на обдуманый и пристойный по всем правилам проходивший обед, вдруг был оглоушен совершенно неприличной, неуместной и, м.б., неумной выходкой одного из гостей, вынужден был уже в ходе обеда осадить его, а тот не вдруг-то послушался, — начался «диалог, пикировка» (как выразился Корнейчук, желая пристыдить «гостя»), а затем, когда уже все разошлись, гость, подошедший попрощаться и, м.б., пробормотать какое-то извинение, был удержан хозяином, продолжавшим «пикировку», объяснение, и они присели на отодвинутых так-сяк стульях — и пошло, и пошло — просидели с 6 до 12 ч., причем хозяин предложил остаться и одному из своих приближенных (Шауро), вернувшемуся за своим... оставленным на стуле, где уже сидел задержавшийся гость. Правда, этот приближенный помалкивал, склоняясь то к тому, то к иному настроению хозяина в ходе продолжавшихся объяснений. И получилось так, что хозяину не меньше, чем гостю, важны были эти объяснения, он точно ждал только случая, а у него уже было заготовлено столько вопросов, упреков, наставлений, претензий и раздражений против этого гостя, которые он сдерживал до поры. И они говорили, говорили, перебивая друг друга, припирая к стенке, уворачиваясь, бросив одно и цепляясь за другое, но все в напряжении этих проравшихся счетов. Дополнительно посылали за чаем, за сигаретами для «гостя», искурившего все свои и захлабившего край стола импровизированными пепельницами (приближенный деликатно выявил настоящую среди так еще и неприбранного стола). Слабели, задремывали, выбегали посать — не по очереди, а в одно время, дотерпевшись до края, — и опять, и опять за свое. Приближенный уже вовсе клевал носом, отставая. Наконец, надо было кончать, и кончали с выражениями взаимного удовлетворения, что так получилось («Я рад», — говорили и хозяин, и гость), с чувством обычной в таких случаях неловкости²³⁷.

Едва нашел в предыдущей тетради этот заваливший набросок и округлил его примерно для «Зап<исной> кн<ижки>», которую хочу дать в № 12 вместо главы, забранной мною уже [из] корректорской (Зельма Яновна, говорят, прослезилась, шутка ли!).

Оленьи рожки, раковые шейки —
Вдоль стежки лугом, что еще росист,
Погубленных березок ранний лист —
Не более монеты в три копейки —
Как сено чуть обвялое душист.
День — духов день. Собрание в ячейке

И служба в церкви. Слабый гармонист,
Но широкоизвестный атеист,
У школы подвизаюсь на скамейке
И счастлив я. Со мною мой секрет,
До времени для мира не раскрытый,
Что я в чреде нераспечатых лет
Еще, помимо прочего, поэт,
Какой хочу, такой и знаменитый²³⁸.

Где-то набросок: город спит и вбирает сквозь сон запах свежей натоптанной хвои — запах праздников и похорон. В нем есть что-то, эта «деталь» может выстрелить с большим смыслом²³⁹.

Письмоносец нашего дома, как потом узнал, Нина, поднимаясь со мной в лифте, попросила надписать ее сыну мою книжку, которая у него есть, — наверно, «Тёркин». Не удивительно, что знает по имени-отчеству — столько адресов разобрала, но, честное слово, это кое-что в жизни бедной, небогатой.

24. XI. П<ахра>

Погубленных березок блеклый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика душист...
Ах, духов день. Собрание в ячейке
И служба в церкви. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый
В душе поет под музыку секрет,
Что я в полете бесконечных лет —
Еще, помимо прочего поэт,
Какой хочу, такой и знаменитый²⁴⁰. —

Хорошо, но жаль оленьих рожек и раковых шеек, самих нежнолюбимых моих простеньких цветочков моей пешеходной юности, цветов поры любимой. Авось, еще найдут место себе.

Перебелял для цикла, подправляя, где мог.

Выбросил из цикла, помимо заведомо неподходящего «опустевшего времени», еще и старушку, и сон, не считая уже «Опять при имени заглавном», ушедшего в главу²⁴¹.

Предложить «Правде» на выбор «из цикла, публикуемого в № 12».

Все время с утра думаю в плане редакторской исповеди — о нравств<енной> стороне этой работы, о родительском в ней.

25. XI. П<ахра>

23 ноября — день рождения Вали, пропущенный не только мною, но и Машей и Олей, — какой беспамятной, напряженной, перегруженной жизнью живем мы все трое — каждой по-своему. Вчера Валя по телефону отвергала мои объяснения и ахи по этому поводу, не считая это существенным, стоящим объяснений, но, м.б., в голосе была и обида, — впрочем, нет, она сама живет такую же перегруженной донельзя, м.б., больше всех нас — жизнью. — Вале 35 лет, она уже старше того меня, что на суперобложке последнего издания «Тёркина».

Мне бесконечно дорого то, что мы с ней, являясь представителями, как говорится, двух поколений, не только не отдаляемся с годами друг от друга, а наоборот — становимся ближе и ближе. Это — счастье, по крайней мере для меня.

То и дело наплывает чувство какой-то не то неловкости, не то тревоги за последствия моего ахового выступления на совещании у Демичева и многочасового «выяснения отношений» с ним в тот день. Бог весть что за всем этим. Но пусть. А мысли о том, что надеюсь высказать на обсуждении «НМ», все дальше от «отчета», все более складываются в нечто общее и принципиальное.

Придется изъять из цикла «Кремлевскую березу» — она явно не сделана и явно вырастает из цикла, требует другого развития, чем «запись», — все это, конечно, весьма условно. Во всяком случае в ней недостает — многого: птиц — потомков стай, что, может быть, еще при Грозном над куполами этими взлетали; зарниц ночного неба прифронтовой столицы; кратких слов о том, что такое «диво» было ревниво укрыто за этой стеной и видеть ее могли лишь немногие. Невидящим иль отчужденным взглядом в тот краткий миг, как проносились рядом²⁴². —

Вклеил «кулацкие маршруты» в книжку «Далей» («Огни Сибири»), но нет, не встает на место — вроде бы к месту, как

раз, но насколько тут другая степень по сравнению с протиснувшимся там словечком «беда» — другая степень свободы.

27. XI. П<ахра>

Вчера и сегодня развернул-таки «Березу», изъятую из «Зап<исной> кн<ижки>», примерно так, как это представлялось в первоначальном замысле. —

Гулял по «черной тропе», т.е. по траве мокрой из-под стаявшего почти на нет снега. Утром чуть-чуть подсушило, посветлело, но лужицы не затянулись. Выходил сейчас на балкон посуху, хотя уже с месяц он лежал по-зимнему занесенный. Сейчас снег только у наружного края — у стены стоял, и доски просохли.

Оля привезла газеты. В «Правде» должны были быть «Стихи из "Зап<исной> кн<ижки>"» (4 вещицы), но утром вчера Куницын позвонил, похвалил стихи, сообщил, что идут, только редакция не дает сноску «из публикуемого в "НМ"». Не даете — не надо. Из-за этой-то сноски я решил выйти хоть с кое-какими невинными стишочками в «Правде», чтобы назвать «НМ»²⁴³.

Настроение так себе, более того — невеселое, спал плохо, среди ночи читал Грекову²⁴⁴, курил, пил кофе. Но работать силы есть, а значит, можно тянуть — так ли, сяк ли.

Где же все-таки опубликовать главу?

Дементьев: если «Ив<ан> Ден<исович>» и «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» ошибки «Нового мира», то спорить не о чем, нужно уходить. — Он прав, долбали Семина и др.²⁴⁵, п<отому> ч<то> не могли долбать «гл<авных> преступников» — меня и Солж<еницы>на.

28. XI. П<ахра>. 4 ч. утра

Забыл записать пятницу прошлой недели, когда дозвонился до Воронкова, что, мол, хотел бы поделиться с ним и Марковым тем, что было в понедельник после окончания у Демичева, т.е. о моей беседе с ним. — Очень хорошо, но здесь и Федин (по поводу юбилея Тихонова) — вы не против? — Наоборот, рад. — Мы будем свободны к часу. — Но передчасомдня он звонит мне (я уже в редакции): вдруг к нам едет Шауро с Мелентьевым, я сказал, что ждем вас, он сказал, что очень хорошо, — словом, как вы хотите. — Я немного задержусь. — Приезжаю — они еще там — Шауро, М<елентьев>, Беляев: съезд еще откладывается, уже с января на...

Марков: если не январь, так уж и не апрель, давайте — на май. Поддерживаю майский вариант. Прошу Шауро позвонить Грачеву: № 10 переформирован, готов, но в машину пойдет лишь с 7.XII, т<аким> обр<азом>, выйдет уже в 67 г. и т.д. Обещает, уезжает. Остаемся четвером, рассказываю в избранных моментах (гл<авным> обр<азом>) о том, что я отклонил предложения об «укреплении» ж<урна>ла, о пожеланиях Д<емиче>-ва быть союзу самостоятельнее в решении своих вопросов («вы могли бы быть вовсе независимой ни от кого организацией»). Воронков: я в нужник сходить не могу без «отдела», не то что... Переходим в «чулан» закусить, Вор<онков> представляет начатую поллитровку, с отменным лицемерием уклоняюсь (правда, спешил на ред<акционное> партсобрание). Уславливаемся о совещании перед обсуждением (20.XII) «НМ». Благорасположение крайнее, кажется, кто же будет критиковать нас — все свои...²⁴⁶

30.XI.66. П<ахра>

БЕРЕЗА

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надворной башни Спасской,
Сорочьей черно-белую раскраской
Рябеет — вдруг прогиб ее ствола.

Должно быть, как пробилась самосевом —
Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени.

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая — точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра.

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть и вновь ронять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле строптивной
От гибельного грохота и воя,

Когда полосовалась над Москвой —
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы,

Где только по звонку, блюда черед,
Машины — вниз — на площадь, на народ,
Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И столько здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз
Своих, чужих — каких там ни попало —
И отразилась в столькох парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом.

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле, — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть, тебе предстанет вся,
Запас диковин мало чем пополнит,
Но что-то, что-то многое напомнит,
Чего веки забывать нельзя.

Стал переписывать с утра после прогулки по заскорлупившим, подсушенным морозцем тропинкам, вытаявшим за дни оттепели.

Переписывал, чтоб отвлечься каким-никаким делом (есть недотяжки) и не сразу пытаться записать все, что на душе от чтения двух папок Р.Медведева²⁴⁷, — читать закончил во втором часу ночи за столом. Вчера устроил полку поэзии, сняв ее с «надвратной» высоты и расположив за спиной.

1.XII.66. П<ахра>

Несколько перебил густоту впечатления от работы Р.Медведева чтением рукописи Б.Поршнева о снежном человеке, — талантливо, интересно, но вряд ли вполне научно — не хватает хотя бы скелета, хотя бы черепа или той засушенной руки сн<ежного> человека, — будь это покороче, пожалуй, можно бы и напечатать. Неприятна широковещательная, при такой нехватке вещественных доказательств, интонация: открытие совершилось. А совершилась остроум-

ная концепция «звена» между зверем и человеком, развитая с такой решимостью, как если бы вещь<естественные> док<азательств>ва были уже налицо²⁴⁸.

У Медведева мало того, что бы не было известно ранее, хотя бы в отрывочках и разрозненных деталях, но все это охвачено обстоятельным, последовательным изложением, опирающимся на документы, на даты, цифры, имена людей, на фиксированные в печати показания, — это история, и потому это вступает в сознание с новой силой и не как оглушительная сенсация, а как приведенное в систему множество фактов. Нет, утопическая задача — «коллективно забыть» все это, что коллективно усвоено, воспринято, распочато так или иначе.

Ужасы и вся фантастическая причудливость минувшего режима — они, конечно, не были в такой степени жутки для общественного сознания и даже сознания самих пострадавших, т.к. воспринимались в большинстве порознь как трагическая беда отдельной судьбы (Б<ухари>н в своем письме говорит лишь о своей личной невинности и непричастности к «группам» и «центрам», отнюдь не отрицая реальности этих групп и центров с их фантастическими планами реставрации капитализма, с их шпионскими связями и т.п.)²⁴⁹. Кроме того, помню по себе, ужасаясь по-человечески тем, что происходило, мы не допускали мысли, предположения, что это просто ужас, всегда будучи готовы уйти под защиту привычного: «партия знает, он знает, ему видней» и т.п.

Работа Р.Медведева — не просто эмоциональный всплеск возмущенного и непримиримого сознания: ужасно, нельзя забыть, не должно повториться, но именно работа, м.б., беглый, первоначальный набросок, но набросок истории, некая хроника общеизвестных событий с подчеркнутыми в ней обстоятельствами, ускользавшими, как-то опускаемыми или не замечаемыми «наукой» Трапезниковых²⁵⁰, как, напр., *внезапность* коллективизации в ее практических масштабах сплошной, никак не вытекавших из решений 15 съезда и др.

Стало вдруг совершенно ясно, впрочем, и без того уже осознававшееся, что все «ошибки "НМ"» — следствие чисто-сердечного и отчасти наивного восприятия указаний о культе личности без учета того глухого и мощного сопротивления развенчанного культа, которое было, есть и имеет тенденцию развиваться ныне (правда, всегда с опаской).

Работа Медведева Р., как и работа его брата Жореса о Лысенко²⁵¹, — свидетельство неусыпности того, что разбужено было в сознании общества XX и XXII съездами. Люди предпринимают труд поистине подвижнический, осознавая, что, не сделав этого, не взяв на себя с риском и отвагой этой задачи, не скоро дождешься чего-нибудь. Люди изучают, насколько это возможно, по нашим источникам, наловчившимся издавна прятать концы в воду, работают, чтобы выявить, вынести на свет то, что охранители в силу инстинкта самосохранения замазывают, затушевывают, искажают, скрывают.

Веселая мысль: охранители, по счастью, не умеют и не любят писать, а если пишут, то крайне плохо, бездоказательно, опираясь лишь на законы о сохранении военной тайны в отношении вещей, которые не являются военной тайной. Трудно представить, чтобы они могли написать что-нибудь подобное по убежденности и основательности в защиту культа, выдать такой документ своего сознания — партийного, гражданского, — каким является эта работа. Они умеют умалчивать, но не умеют говорить в открытую, — не смеют. Их сила в молчаливой их круговой поруке, в навыках догадливости относительно «последних указаний», но продуктивной, творческой силы они не имеют. — Внушения темных и трагических лет — долго ли они еще смогут влиять на души?

Все дело в том, что мы всерьез восприняли то, к чему призывали съезды и другие решения партии относительно ликвидации последствий культа личности, не учитывая, не желая догадываться, что все это езда с ограничителем, тогда как в проведении сталинистской политики и практики никаких ограничителей не было — любое безумное и изуверское развитие принципа «бдительности» поощрялось («врачи-отравители»). Мы всерьез, а критики наши себе на уме: погодите, мол, дурачки, покаетесь, заплатите. Да что говорить, если Хрущев, если вспомнить его критику о пернатых (не могу вспомнить, но речь о глупых птицах, которые сами идут на манок, что ли), его слова о ношении медалей Сталинскими лауреатами (вопрос, конечно, Михалкова): «Я сам бы носил и гордился»²⁵², — да и вся его двойственность, открывание и закрывание ящика — то так, то этак.

Работа Р.Медведева, между прочим, строго держится соблюдения авторитета партии, признания великих достижений народа под ее руководством, незыблемой преданности идеям марксизма-ленинизма. Она чужда всякому нигилизму, ниспровергательству, «очернительству», но отлично может быть обвинена во всем этом по системе, завещанной от сталинских времен.

Вдруг какая-нибудь газета 6 декабря перепечатает мою «Балладу о Москве», хотя она уже исключалась мною из собр<ания> соч<инений> и сборников²⁵³. Да по нашей манере не обязательно и дату ставить внизу. Но нет, этого все-таки не сделают — что-то запрещает.

4.XII.66. П<ахра>

Последние дни — главное, переполняющее душу впечатление и содержание мыслей и представлений, воспоминаний — все в связи с тремя папками Р.Медведева.

Какой поистине подвижнический, огромный, дерзкий и благородный труд предпринял один человек, чтобы собрать все, что доступно, и выстроить в цельном, убедительном и глубоко партийном изложении историю сталинской эпохи. Как нужна эта книга, как непостижимо после нее и без того непостижимое и удручающее стремление верхов спрятать голову в песок от этой темы, — от нее не спрятаться.

Говорят, что рукопись была найдена в столе Ильичева²⁵⁴, покинувшего свой кабинет в ЦК, и возвращена автору с надписью секретаря ЦК: «ЦК и Президиум не могут еще решить вопроса о культе личности, а какому-то Р.М.Медведеву все ясно». Вот оно: не позволено, не твое дело, сами все знаем. Чисто культовое представление, что мысли могут быть только наверху и, по мере надобности или готовности их, *вносят*ся в сознание низов, т.е. всех, всего общества, для усвоения и пользования ими впредь до замены новыми.

Голова ломится, сердце замирает, и просто жутко от этого всего, что наплывает, связывается, обступает и не дает жить вне этого. — Какова еще будет судьба книги и автора? Что-то нужно делать.

Побывал на тоскливом юбилее Н.С.Тихонова²⁵⁵, — первый из писателей Герой соц. труда и т.д., а в зале недоумение: наряжают седого толстого дядьку то в один, то в другой халат и тюбетейку, подносят цветы, папки, подарки, а кто он такой, что он — нет узнавания, душевного отклика, и не зря. Ватный человек со своей запланированной беспартийностью и чиновничьей готовностью потрафить чему полагается. И стишки вчера были в «Правде» — подводит итог 70 лет жизни, полувековой взрослости, говорит о «чертовых мостах», но ни звука о том, о чем не положено. Пустота, не приведи господь. —

Думается об обсуждении — оно все ближе. Кое-что складывается в голове.

1. Овечкин — начало «линии» «НМ»²⁵⁶.

2. Эренбург, Горбатов, Залыгин, Можаяев — это все ошибки «НМ»? Лучше было бы не печатать этих вещей²⁵⁷[?]

3. Солженицын — ошибка? Не следовало печатать? А как быть с Айтматовым — «Прощай, Гюльсары», — этой по-вести не было бы на свете без Солженицына²⁵⁸.

4. Быков²⁵⁹.

5. Кардин — Кривицкий²⁶⁰. Ошибка («Без комментариев»)²⁶¹, но из чего она произошла. Не из дурной мысли, но из недостаточности ее. —

5.XII. П<ахра>

Встал близ восьми, и от закрытой форточка или вчерашнего чревоугодия чувствовал себя несвежим и почти несчастным до первого глотка кофе и сигареты. Но вышел погулять, уже рассвело, был легонький, 10 градусов морозец, сеялся мелкий, как мука-крупчатка (но не крупа), снежок на снег, накрывший и заровнявший тот первый снег, что был порван проталинами и промоинами, — прошелся по северному своему кругу — помолодел и взбодрился. Обдумывал после словице к Марьенкову²⁶², думал и *об этом*, но уже не в таком тупом раздражении и унынии, как вечером.

Неоспоримо, священно право павших в войне за родину на память, на почести, которые воздаются им посмертно и дают некое удовлетворение их близким, друзьям, родным и всем, кто был с ними в одной доле, но остался в живых по жребии войны, и тем, конечно, кому еще воевать и быть готовыми к смерти во имя родины, — по крайней мере, они знают, что о них вспомнят грядущие поколения. (Правда, и в этом во всем немалая примесь «воспитательной политики», государственного соображения по руководству настроениями «масс», которым нужно «подбрасывать» этикие сентиментальные выданы, вроде организованной на днях могилы неизвестного солдата — не дай бог ему оказаться каким-либо чудесным, непредвиденным образом — солдатом известным — лишние хлопоты, подобно тому, как совершенно некстати 5 и 6 из 28 [панфиловцев] оказались живыми, — все так, но все же неоспоримы и священны права павших на войне.)

Но как быть с памятью тех, что были лишены возможности заслужить ее знаки, общенародное внимание к ней? Медведев, по-видимому, справедливо подытоживает: ни одна армия в мире никогда ни в какой войне не имела таких потерь в комсоставе, какие понесла наша армия накануне войны и отчасти после войны²⁶³. Как быть с этой памятью? Помнится, XXII съезд принимал решения (или об этом толь-

ко говорилось) о сооружении памятника жертвам культа личности²⁶⁴. Но это тоже непросто: здесь идут заодно Тухачевский, Якир, Уборевич с Егоровым, Блюхером, Беловым, судившими и осудившими на смерть первых²⁶⁵. И так сверху донизу. Жертвы, и судьи, и палачи, вместе ставшие жертвами высших судей и палачей, осужденных историей, но со свойственной ей мягкостью. Это — относительно только военных кадровых. Но живыми и мертвыми героями минувшей войны никак не меньше счетом являются люди до войны не только не кадровые, но вовсе штатские. И опять непросто. Такой же памяти, как эти последние, заслуживают, несомненно, и те, что погибли в канун войны и во время войны не на войне, а в тюрьмах, лагерях, в застенках безумного режима. Но среди этих погибших сколько таких, чьи руки в крови, тех, что погибли после того, как приложили немалые усилия и усердие по умерщвлению своих предшественников. И наиболее крупные из этих еще упоминаются, значатся жертвами сталинизма: Постышев, Косиор²⁶⁶ и т.п., тогда как те, что не успели отличиться (или куда меньше успели) по части фабрикации «врагов народа», идут чохом, не поименно, суммарно. Бог знает, как тут быть. Однако были же, как показывает история, и подлинные герои сопротивления самоистреблению партии и общества в роковые годы — североказахстанский секретарь обкома Н.С.Кузнецов, ленинградский работник НКВД Дровяников, принявшие свой крест с истинно коммунистическим мужеством²⁶⁷. Но и на этом еще не конец, — нельзя все относить к 37 году.

6.XII. П<ахра>

Вчера и сегодня с 5 ч. намахал заметку о Марьенкове — 9 моих страниц. Не нужно, чтобы слишком очевиден был личный повод к этому напугствию, но и без него совсем нельзя²⁶⁸. Поправил верстку стихов для № 12. Немножко доволен собой — как всегда, когда хоть что-нибудь делаешь, а не только витийствуешь в мечтательных экскурсах. У Толстого молодого в дневниках — это очень частый мотив. Сейчас читаю его по 20-томному собранию — досадны отточия в скобках, не говоря уже о сокращениях не отмеченных — из 13 т<омов> дневников — здесь два²⁶⁹.

Предстоит трудный разговор с дамским автором — И.Грековой²⁷⁰. — Кажется, 20 градусов мороза — не выходил по занятости перед Москвой. —

Сдам Марьенкова — и за тезисы к обсуждению «НМ». —

8.XII.66. П<ахра>

Вчера и сегодня доводил с увлечением послесловие к Марьенкову — работа приятная — выполнение некоего обязательства юношеской дружбы, да и по существу: несомненно, что после меня это самый талантливый человек в Смоленске, которому, кстати, я сам многим обязан — об этом еще будет случай рассказать. Для ж<урна>ла это замена, м<ежду> пр<очим>, литературно-крит<ические> статьи, кот<орые> прочтут — да как — не только друзья ж<урна>ла. Рад, что не был выведен из строя даже в результате вчерашней перебранки с Машей («Так ты не едешь сегодня?» — «Я же сказал, что не еду...» — «Когда ты сказал?» и т.п. вплоть до «твоя — моя машина»). Еду сегодня из-за этой заметки, не дожидаясь Маши, ночевавшей в городе и нынче навещающей Елену²⁷¹. Буду ночевать, мыться (м.б., в баньку?) и завтра — день в редакции — деп<утатский> прием. —

Обсуждение 20.XII может не быть, но готовым быть нужно.

10.XII. П<ахра>

«Марьенков» хорошо принят в редакции, вычитывали его вместе (я, Дем<ентьев>, Закс, Кондрат<ович>, Виногра<дов>). Потом — отдельно Сац с Лакшиным.

В тот день мне дали сигнальный 10-го с наклейкой «сотый номер» (из «пятисотый») — мой сотый во второй редакторский срок. Отмечали вечером в пустынном ресторане зимнего Эрмитажа.

Рассказываются «исторические анекдоты». Будто бы «НМ» обсуждался на Политбюро. Вызывают Тв<ардовско>-го: вам предоставляется слово. — Что я, бывший редактор этого порочного ж<урна>ла, могу еще сказать?.. — Зачем же — бывший? Настоящий, но вот есть мнение, что нужно укрепить журнал, дать вам крепкого заместителя — Грибачева. — Грибачева? Я с ним на одном поле [...] не сяду, а не то что... — Смятение, негодование, неловкость, Брежнев, по видимому, хочет как-то поправить дело, другие — ни в какую. Наконец все уходят, Бр<ежнев> оставляет Тв<ардовско>-го и говорит: — Видишь, Ал-ндр Триф., с кем работать придется. —

Тираж подписки на 67 г. (при таких запозданиях ж<урна>ла, позволявших наверняка многим предполагать что угодно: будет ли та же редакция, будет ли выходить ж<урна>л вообще), [подписка] не только не упала, но чуточку вроде поднялась даже. По одной Москве — прибыль сви-

ше 3000 подписчиков. (Приятно сознавать, что среди них, м.б., есть и те, кому на Идеологич<еском> Совещ<ании>, на активе МК тт. Демичев, Семичастный и др. объясняли, в чем пороки ж<урна>ла.) — По армии — заметная убыль, но меньше московской прибыли²⁷².

Что же с Симоновым, будет ли обсуждаться на обсуждении эта последняя и такая беспримерная «ошибка» ж<урна>ла (ликвидация тиража — второй случай за 41 г. — первый в 26 г. «Свет непогашенной луны»)?²⁷³

Звоню Воронкову вчера. Он сообщает («только вам»), что Секр<етария>ту отказано в тех 20—30 экз., которые он просил: недоверие уже такому органу, кот<орый>, по словам Дем<иче>ва, «мог бы быть независимым ни от кого». «Мы доложили куда следует — ответа еще нет». — Похоже, что обсуждение может быть отложено.

После «Правды» от стихов из «Зап<исной> кн<ижки>» отказались и «Известия» по той же причине. Хитров рассказывал нашим, что все шло хорошо, стихи очень понравились, Полторацкий (!) чуть ли не прослезился, но дошло до редколлегии — сноску? Нет. Мы еще, мол, не расквитались за сноску к отрывку Симонова, — могут понять так, что мы продолжаем, и т.д.²⁷⁴

В тот же день — записка Чаковского: не дадите ли что-нибудь в первый № новой «ЛГ»? Пожалуйста (посоветовался со своими: нам нельзя ничем пренебрегать). Дадут сноску — пожалуйста. Отобрал 4 штучки, в т.ч. «волки», и передал Гале, дочке С.Г.[Карагановой], работающей там. Должно быть, откажутся²⁷⁵. А еще у меня на минуту была мысль предложить главу! Что же, все-таки, делать с главой? Как ее довести до третьего тома?

Задумал и отчасти предложил Заксу и С.Г. — заменить в № 12 «Березу» двумя-тремя добавочными «Записной книжки», а «Березу» — в первый.

С этим заглянул в послевоенные тетради, ища набросок «Запах свежей, натоптанной хвои...», хоть и знал, что там не более того, что и так помнил. Нашел в конце второй толстой тетради.

День прошел, и в неполном покое
Спит столица, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Строчки эти были задолго до смерти Сталина, но теперь, когда мне их вдруг как-то напомнил Закс, захотелось подвести и вторую строфу:

Что же (там) за мартовской серой
Полумглой —
Просто день (новый день) или целая эра
Наступает за этой чертой²⁷⁶.

Но пока искал, набрел на россыпи всяческого рифмованного и нерифмованного добра, пришла мысль — не выписать ли кое-что для «Дн<евника> писателя», а там и пошло — вплоть до решения уже на прогулке и за завтраком организовать из этого нерифм<ованного> добра нечто вроде второй книги «Родина и чужбина». И сейчас ничем не могу заниматься — хочется провериться, увериться, пробежать все тетради за 20 лет, обводя красным места, которые выписать, как, впрочем, было и с «Родиной и чужбиной», м.б., с подстрочными примечаниями изредка — все, что «из жизни» и об искусстве. Сейчас почти что счастлив и очень встревожен — не обмануться бы — уж очень вдруг нашлось. Спокойствие!

11.XII.66. П<ахра>

Просмотр — (за два дня) тетрадей с 45-го по 55-й, примерно, годы развевал, конечно, бурный самообман насчет «второй книги», но добра там, действительно, порядочно, хотя записи не так однородны, как в годы войны*.

Несомненно уже, что можно будет

1. пополнить «Родину и чужбину» несколькими главками — записями, напр.:

- 1) Нюрнберг — См<олен>ск.
- 2) Колхоз «Большевик».
- 3) Старушка-попутчица («ночной сторож»).
- 4) Рассказ Коли-шофера.
- 5) Уральские странички.
- 6) Теплоходом по Волге.
- 7) Из записей Фролова.
- 8) Природа — погода — Малеевка (?).
- 9) Из Болгарии²⁷⁷.

* Тут главным образом бесконечные перебелки начал, варианты кусков и целых глав, иногда отличающихся очень мало одна от другой — какой-нибудь строфой, строчкой. — Автобиографические, самовоспитательные и покаянные записи, записи из жизни, копии «исторических писем» в высокие адреса, природа-погода, попутные замыслы и т.п. — *Примеч. А.Т.*

2. Решительно нужно написать статью о «Далях» (чтобы поспеть с нею к III тому)²⁷⁸.

При подготовке к печати нынешнего собрания сочинений я нашел не лишним сопроводить и вторую мою [по] объему книгу «За далью — даль» — некоторыми пояснениями, подобно тому, как это было сделано лет за до этого в отношении «Василия Тёркина». И там и тут ближайшим побудителем явилась почта...

Примерный план статьи, как он уже сейчас обрисовывается:

1) Двуетное зарождение замысла «Далей» («Когда в безвестности до срока» и «Мост» и, м.б., «свет всему свету»)²⁷⁹.

2) «Борьба» стихотворного варианта с прозаическим «Пан» — без упоминания²⁸⁰.

3) Книга, переломившаяся на середине («На мартовской неделе»)²⁸¹.

4) Эволюция темы Сталина.

5) «Дали», «Тёркин» и «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» («Фронт и тыл», лит<ературный> раз<говор>).

6) «На Ангаре», «Друг детства», «Так это было»²⁸².

7) Читатель о «Далях» («как ты посмел» и «как ты мог» — точно один читал первую половину (главы и книги в целом), а другой — вторую). «Черная папка».

8) «Глава дополнительная»²⁸³.

Продолжаю просмотр тетрадей за второе 10-летие (после войны), тут будет гл<авным> обр<азом> ж<урна>л.

14.XII. П<ахра>

Из находок при чтении дневников*.

Не приведи судьба, — нашим детям и внукам пройти через всякое такое. И опыт вынести такой. Да будет опыт наш порукой²⁸⁴. —

Подключены к «Зап<исной> кн<ижке>» вместо «Березы», отнесенной в № 1 или для др. случая:

1. День прошел, и в неполном покое

Стихнул город, вдыхая сквозь сон

Запах свежей натоптанной хвои —

Запах праздников и похорон.

* Далее записан вариант главы «На сеновале», вошедшей в поэму «По праву памяти».

Сумрак полночи — мартовский, серый.
Что за ним, за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой.

2. Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли,
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли.

Да что они! Девчонки-медсестренки
Едва из школьных, из вчерашних лет,
В родных краях иль на чужой сторонке
В рядах солдат ступали в тот же след.

И не затем, чтоб доблесть их мужскую
Убавить равной доблестью своей,
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней²⁸⁵.

Вечером:

Как мог я забыть, просто забыть, что вчера Валю увезли
в больницу, какую-то 46-ю, на обследование по подозрению
чего-то ракового. Сегодня она уже дома, но, по словам Оли,
очень навпечатлялась обстановкой, хотя сама «комок муже-
ства». Сейчас говорил с ней. —

3. Стой, говорю: всему помеха
То, что, к перу садясь за стол,
Ты жажды низменной успеха
В душе своей не поборол.

Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.

Прочь отгони расчет порочный,
Не надо платы никакой,
Ни той, посмертной, ни построчной,
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, незримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

4. Я сам дознаюсь, доищушь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть,
А не по вашим нотам.

Мне проку нет — я сам большой —
В пустой самозащите.

Не стойте только над душой, над ухом не дышите²⁸⁶.

Вчера — ред<акционный> день, Надя со своими разводами и примирениями с мужем (отправил в См<олен>ск), Рой Медведев с товарищем (прекрасное впечатление от этих людей). Вечером и утром читал предпоследнюю папку²⁸⁷. Соображая тезисы к обсуждению — а будет ли оно 20? И к чему приведет?

15. XII.66. П<ахра>

В чем был почти уверен заранее, хотя только что собирался засесть за тезисы выступления, — обсуждение «НМ» отложено, по обстоятельствам болезни К.Федина и Г.Маркова, на неопределенный срок. Пожалуй, что все, кому ведать надлежит, рады этому прискорбному обстоятельству, относящему необходимость хоть какой-то определенности в отношении «НМ» на некий срок, — «а там видно будет» (т.е. как и со съездом).

Мое слово в кратких чертах сводилось бы к тому, что оно не нужно, подобно авторским объяснениям по поводу представляемой рукописи, — ведь все дело в ней. Но там хоть рукопись, т.е. данность, ограниченно известная или вовсе неизвестная. А тут книжки журнала, доступные всем для обозрения и изучения. И редактор ж<урна>ла, в сущности, еще меньше может сказать, чем автор рукописи. Однако, поскольку редакторам свойственно в отношении того, что они печатают, чувство почти что авторства, по крайней мере соавторства, хотя бы в ином случае он не заменил, как говорится, там ни одной запятой, — допустимо, что и ему хочется сказать некие сопроводительные слова к тому, что сейчас представлено на рассмотрение.

Этот позыв оправдывается прежде всего некоторым недоумением по поводу критических замечаний журналу, предшествующих этому обсуждению. Таких замечаний много, и тут нечему удивляться, — их могло бы, со всеми основаниями, быть еще больше.

Но очень важно тут прояснить кое-что.

Обсуждение журнала — это нечто больше, чем обсуждение одной какой-либо книги или рукописи, как бы они ни были значительны сами по себе. Журнал, обладающий сколько-нибудь развитой и признаваемой журнальной «физиономией», обликом и т.п., — это явление общественной жизни, это некий узел, где сходятся и ввязаны интересы и настроения, взгляды и оценки не только одного редактора или редколлегии, или даже коллектива ближайших и неближайших сотрудников, и не только более или менее значительной армии читателей (о чем нельзя забывать), но и ближайшим образом тех органов печати и контингента их сотрудников, которые так или иначе отзывались на существование журнала.

Должен ли обсуждаемый журнал иметь в виду только критические замечания и суждения критики и читателей, отбрасывая все одобрительные отзывы как тех, так и других, хотя бы этих отзывов было неизмеримо больше?

Можно ли только к журналу и его редакции обращать упрек за опубликование произведений, которые были приняты литературной общественностью с удовлетворением или, по крайней мере, интересом и оценивались в духе, наиболее благоприятном для редакции?

Может ли журнал сделать для себя полезные выводы из той критики, которая часто бывает основана не на конкретных образцах его продукции, а на тех крайне общих голословных и тенденциозных характеристиках этой продукции, которые явились извне и не сопоставляются этой критикой с самой продукцией (статья Кардина из «Литературки», vznikшая по поводу этой статьи).

Иными словами, ж<урна>л живет и действует под общепринятым знаком «порочности», «очернительства» и т.п., а между тем самый беглый обзор того хотя бы, что написали различные органы печати о вещах, напечатанных в нем, дает совсем другую картину. Журнал куда более хвалили, благодарили и приветствовали, чем бранили и упрекали. И дело не в прямом количественном сопоставлении оценок, но в том, что положительные конкретны, доказательны, обращены непосредственно к материалу страниц ж<урна>ла, а отрицательные чаще всего основаны на трудно уловимых «дуновениях» молвы, на письмах земляков, мимоходом брошенных обвинениях руководящих товарищей, не дающих, м<ежду> пр<очим>, оснований заподозрить их в самоличном прочтении произведений, о которых идет речь. —

Хватит покамест.

Дальше о «линии НМ» — линия с «Рай<онных> будней» — линия жизненной правды — в *двуедином направлении* (лит<ературно>-худ<ожественном> и публицистическом).

Кто возьмется доказать, что опубликование вещей Солженицына принесло нашей лит<ерату>ре вред, урон, словом, является ошибкой ж<урна>ла? А между тем, Солженицына уже и упоминать не разрешают, как будто это уже решенный вопрос. И т.д. Эренбург (по-другому), «Дали» и «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>».

Третьего дня, вышелушивая для № 12 всякие крохи в «Записной» кн<ижке>», выписал было из одной тетрадки:

Нет, что бы люди ни сказали,
Но скромный дружеский уют
Я предпочту банкетной зале,
Где хоть и пьют, да скучно врут.

Где веселиться — способ жалкий:
Вставай — садись, раз-два, раз-два;
Где даже тосты по шпаргалке
Провозглашают на-трезва.

И где, как батюшка с амвона,
Уж надоел, а все таков,
Держась за шейку микрофона,
Поет усиленный Сурков. —

Да не стоит, слишком очевидно, что из «Далей», да и Суркову много чести²⁸⁸. —

Захвачен тетрадями, записи по работе над «Далями» все более выглядят годными для напечатания просто в виде «страниц дневника» — с предисловием, заключением и, м.б., кое-какими построчными примечаниями. Но и др. записи интересны.

16.XII.66. П<ахра>

Пролистал 22-ю тетрадь²⁸⁹.

Конечно, в этой публикации будут наибольшее место занимать страницы дневника, в отличие от «Ответа», где к дневниковым записям я лишь прибегал, — эта вещь писалась в других условиях и как бы с сознательно поставленной «лабораторной» фиксацией ее «творческой истории». И есть большая выгода говорить теми словами и теми мыслями, но все же вчера показалось, что одним введением и подстрочными примечаниями не обойтись, — нужны «связки».

Еще стало ясно «перекрестие» в эти годы «Далей» с «Тёркиным-загробным». Не позволяет разъединять их, —

придется, как и было задумано с самого начала, обозреть две эти работы этих лет совокупно. И хоть мельком касаться примыкающих к ним вещей — «Моск<овское> утро», «Разговор с Падуном», «Басня» (?) и «Сиб<ирские> стихи»²⁹⁰.

Очень хорошо бы надиктовать из тетрадей весь этот материал, но еще не решил окончательно.

Дневник Толстого — совсем другое дело, масса житейских заметок «для памяти» в плане неусыпного самонаблюдения, — о том, что пишет только информации, — дневник отдельное дело. Однако в швейцарской 57 года записи очень значительное:

«...память о себе, которая производит бессилие...

Всемогущество есть бессознательность — бессилие — память о себе. Спасаться от этой памяти о себе можно посредством любви к другим, посредством сна, пьянства, труда и т.д.; но вся жизнь людей проходит в искании этого забвения...

Отчего самое ужасное наказание, которое придумали люди, есть вечное заточение? (Смерть как наказание выдумали не люди, они при этом слепое орудие провиденья.) Заточение, в котором человек лишается всего, что может его заставить забыть себя, и остается с вечной памятью о себе. И чем человек спасается от этой муки. Он для паука, для дырки в стене хоть на секунду забывает себя. Правда, что лучшее, самое сообразное с общечеловеческой жизнью спасенье от памяти о себе есть спасенье посредством любви к другим; но нелегко приобрести это счастье».

Поразительное наблюдение человека, изнемогавшего от памяти о себе, от самонаблюдения и спасавшегося от них всю жизнь в своих титанических художественных сооружениях или, потом, в «учениях», поисках веры (ни того, ни другого без «памяти о себе» не было бы).

Хочется записать одну, наверно, глупость. В нас есть некий ум, который умнее и справедливее нас, и если бы слушаться его, то как бы все было хорошо и правильно, но мы убегаем от него, от того безошибочного и доброго человека, в нас самих находящегося, и поступаем по-своему — в утуду страстям и страстишкам, т.е. по-дурацки. Хотя знаем о его присутствии даже в состоянии опьянения и даже немножко (до поры) слушаемся его²⁹¹.

Дневник — работа, только до поры не контролируемая, как, например, само писанье — дело, непосредственно предназначенное, находящееся под контролем читателей, а пре-

жде редакторов, цензоров и т.п. Но как всякая работа, она выполняется не в совершенстве, с упущениями и стремлением уклониться от нее. Удивительно, как в дневнике наряду с пустяковыми и даже стыдными по своей ненужности, мелочности записями не находишь записанными факты, переживания, мысли, которые отлично помнишь много лет — они в том «дневнике», который у «того человека», все помнящего, все отмечающего, который все время живет в нас. И нечего в дневнике искать совершенства и полноты, — их нет даже в том, что пишется для непосредственного употребления в дело — в самих наших писаниях, — и они лишь часть того, что мы хотели или даже были способны сделать. Несомненно, что и у самого Толстого, помимо всего, что в его писаниях, выданных наружу, помимо, кажется, предельно доходящих до корня, до дна, — бог весть что, чего за бортом всего этого, нанесенного на бумагу. —

Где-то у меня есть запись о том, что человек по природе своей нуждается в обществе себе подобных столько же, сколько и [в] уединении от них (это сказал как-то М.А.Лифшиц). Отсюда два рода мучительнейших для человека условий: одиночка и общая камера.

Одиночка страшна до ужаса, но и безысходное пребывание в общей камере может свести с ума. Мухина-Петринская²⁹² рассказывала, что она, проведя лишь недели три в общей камере, была на пороге безумия и с тех пор даже в отдельной комнате ялтинского дома творчества ей было не по себе, и она признавалась, что боится ночью. А Олег Волков²⁹³, проведший в тюрьмах около 30 лет в общих камерах и бараках, рассказывает (в своих рукописных воспоминаниях), как он чуть ли не целое лето наслаждался полным, абсолютным одиночеством (по выходе на волю, но еще без права возвращения) на островах какой-то сибирской реки, где было достаточно рыбы для пропитания и т.п., как он там был бесконечно счастлив, что никого нет. Думаю, впрочем, что это счастье вполне можно и даже полней испытать в подобных условиях вдвоем с добрым товарищем. —

18.XII.66. П<ахра>

Оказывается, ничего я не понял по звонку Воронкова о перенесении обсуждения «НМ» на неопределенный срок.

Можно написать предельно кратко и в то же время точно по существу: «По сложившимся обстоятельствам прошу ЦК КПСС освободить меня от должности главного редактора "Нового мира"».

Можно добавить еще фразу: «Постараюсь быть полезным партии моим пером, принадлежащим ей безраздельно».

Можно с коротким изложением «сложившихся обстоятельств», т.е. предложением Отдела «укрепить журнал», освободив и заменив Дементьева и Закса на их должностях неизвестными мне людьми и совершенной невозможности согласиться с ними.

Можно написать на прощанье письмо с кратким очерком *судьбы журнала* под моим и нынешней редакции руководством — это больше для истории.

Во втором варианте остается зацепка — надежда на то, что сверху Отделу предложат посчитаться с моими предложениями об укреплении журнала. Вряд ли стоит. Нужно свыкаться с мыслью, что и этот период моей жизни уже остается за чертой²⁹⁴.

А что дальше?

Чудесное письмо — заносу его сюда целиком как знак того, что «есть память обо мне, есть в мире сердце (и не одно!), где живу я»²⁹⁵.

«От г<ероя> гражданской войны пенсионера 1900 г. рожд., проживающего: Московская область, г. Истра, ул. Войкова, д. 21, кв. 24. Фролов Емельян Дмитриевич.

Уважаемый и любимый поэт, Александр Трифонович, как я и вся моя семья любим ваши произведения, но к большому сожалению, как говорят, их не найдешь даже с огнем, даже в Москве на центральных улицах в книжных магазинах Ваших произведений нет, в других городах и подавно нет Ваших произведений. Раньше хотя по радио передавали, а сейчас и по радио не услышишь, один раз только слышали, как Василий Тёркин ходил на тот свет, но, к большому сожалению, я и моя семья слушала только один раз.

Какую массу я прочел книг, но так замечательно, как Вы пишете, никто не писал, не пишут, и, наверное, и в будущем никто не сумеет так написать.

У всех авторов их сочинения какие-то обыкновенные, а Ваши произведения отдельное, от всех произведений, и мне очень хотелось приобрести Ваши книги. Почему не выпускают больше Ваших книг, или они кому не по душе. Еще год назад я писал в Московское радио, почему не передают по радио Ваши произведения, но они ни звука, даже удивительно!

Дорогой Александр Трифонович пожелаем Вам долгой жизни и больших успехов в Вашей честной и трудной работе.

15/ХІІ 1966. Фролов».

«Что касается "Нового мира", то он никаких деклараций не делал и продолжает вести свое дело. Я думаю, что его нелепо и нельзя было бы закрыть. Это — явление, выражающее настроения определенных писательских кругов и даже такой обывательской интеллигенции, — они должны иметь свой печатный орган, иначе они за границу будут направлять, что мы видели на примере Синявского».

Из речи Д.Старикова на конф<еренции> читателей (библиотекарей?) в Уфе...²⁹⁶

21.XII. П<ахра>

*Вчера — сигнальный первого тома*²⁹⁷.

Оказалось, что не так легко сообщить тому, кто ждал от меня немедленного или отсроченного по необходимости «подумать» ответа на предложения относительно «укрепления» ж<урна>ла.

Заехал вчера на Секретариат, он уже окончился, «приняв решение» по поводу съезда²⁹⁸, — на май. Рассказал все, м.б., и лишнего, Воронкову, как было решено с Дементьевым — «поставил в известность». Воронков начал было о том, что важнее всего «сохранить ж<урна>л и сохранить Тв<ардовско>го», но потом махнул рукой и сказал: «Я вас понимаю»²⁹⁹. Ближайшим образом он как бы задет тем, что Секр<етариа>т Союза оставлен в стороне при решении вопроса об «укреплении» — оргвыводах, предпосланных обсуждению, которое, в всяком случае, должно было им предшествовать. А это было 20.XII, т.е. день обсуждения, отложенный на неопр<еделенное> время в связи с болезнью Федина («ему лучше») и Маркова. Еще что-то о том, что «Демичеву трудно — его нужно поддержать» (!) и также и «Федин будет переживать». Словом, забот у меня достаточно. Звоню раз, и другой, и третий по вертушке — Шауры нет. Не там ли Сурков — вроде там. — В редакции похоронные шуточки. «Звонили от Ш<ауры>, еще позвонят». Не дождался — звоню сам. «Ах, Ал.Триф., у меня тут был Сурков, 4 часа просидели, а секретарша не поняла». — «Так я хотел сообщить, что, к сожалению, ничего не могу добавить к тому... По зрелом размышлении и т.д. предложения принять не могу, так что вряд ли есть нужда мне отнимать у вас время...» — «Нет, как же, нужно будет встретиться, я вам позвоню завтра». — А то, что я сказал, — мимо ушей.

С разных листков:

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного — не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы,
Когда над изгибом тропинки
С разлтых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошок
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье
Спасибо, — не знаю кому,
Но, может, сегодня отчасти
Спасибо себе самому³⁰⁰.

Как в оны дни цензура-дура,
Ей за поэтом не поспеть:
О том, чего не смог он спеть,
Извещена бывает впредь
Его святая агентура, —
Его читательская сеть³⁰¹.

Условные сокращения, используемые
в комментариях

Архив А.Т. — Личный архив А.Т.Твардовского.

Соч. — Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1976—1983.

Письма... — Твардовский А.Т. Письма о литературе. 1930—1970. Составитель М.И.Твардовская. М.: Советский писатель, 1985.

«Я в свою ходил атаку...» — Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941—1945. М.: Вагриус, 2005.

Воспоминания... — Воспоминания об А.Т.Твардовском. М.: Советский писатель, 1978, 1982.

НМ — Новый мир.

ВЛ — Вопросы литературы.

ДН — Дружба народов.

ИЛ — Иностранная литература.

КП — Комсомольская правда.

ЛГ — Литературная газета.

ЛР — Литературная Россия.

ЛО — Литературное обозрение.

СП — Союз писателей СССР.

═══════1961═══════

- 1 Дачный поселок под Москвой.
- 2 Работу над поэмой «За далью — даль» Твардовский датировал 1950—1960 гг. В 1960 г. А.Т. исполнилось 50 лет. Глава «Так это было» о Сталине из поэмы «За далью — даль» (Правда. 1960. 29 апреля; НМ. 1960. № 5) вызвала многочисленные и разноречивые отклики — от горячего одобрения до негодования. Первое собрание сочинений Твардовского в 4 томах вышло в 1959—1960 гг.
- 3 См. запись от 10 февраля и примеч. 9.
- 4 Так А.Т. называл собственное творческое хозяйство.
- 5 Эммануил Генрихович Казакевич (1913—1962) — прозаик, автор «Нового мира». Журнал А.Т. неоднократно откликнулся на произведения Казакевича. А.Т. сблизился с ним в послевоенные годы. В 1959 г. они совершили совместную поездку в Забайкалье и на Дальний Восток. Повесть Э.Казакевича «Синяя тетрадь», с нетрадиционным для советской литературы изображением Ленина и его окружения, запланированная

в 1959 г. для № 4 «Нового мира», не получила санкции Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, потребовавшего многочисленных купюр и исправлений. Однако журналу В.А. Кочетова в визе ИМЛ не отказал, и «Октябрь» напечатал повесть в № 4 за 1961 г. «Новый мир» опубликовал на нее рецензию В. Сурвилло «Вместе с народом» (1961. № 10).

- 6 Правительство санаторий под Москвой.
- 7 Константин Васильевич Воронков (1911—1984) — писатель, секретарь Правления СП по организационным вопросам (1959—1970). Сценическая композиция Воронкова по поэме Твардовского «Василий Тёркин» была поставлена Театром им. Моссовета в 1961 г. (режиссер — заслуженный деятель искусств А.Л. Шапс).
- 8 Василий Павлович Соловьев-Седой (1907—1979) — композитор, лауреат Государственных и Ленинской (1959) премий. Автор популярных песен «Подмосковные вечера», «На солнечной поляночке» и др.
- 9 К созданию нового текста Гимна СССР взамен прежнего (С. Михалкова и Г. Эль-Регистана), славившего И.В. Сталина, А.Т. был привлечен в 1959 г. вместе с другими поэтами. Накануне отъезда А.Т. в Крым в сентябре 1960 г. на встрече группы поэтов с секретарем ЦК КПСС М.А. Суловым последний одобрил припев гимна, написанный А.Т. В сентябре состоялись новые совещания о гимне, о которых М.Исаковский 21 сентября 1960 г. общал А.Т., что решено, «поскольку никто не написал приемлемого текста, то дальнейшую работу продолжать коллективно» (Архив А.Т.). См. подробнее: Твардовская В.А. Гимнические усилия // Независимая газета. 2001. 1 августа.
- Михаил Васильевич Исаковский (1900—1973) — поэт, земляк А.Т., поддержавший его первые шаги в литературе. В «Автобиографии» А.Т. отмечал благотворное влияние на него Исаковского: «Я увидел, что предметом поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша неприятная смоленская природа, собственный мир впечатлений, чувств и душевных привязанностей» (Соч. Т. 1. С. 22). М.Исаковский неоднократно выступал в «Новом мире» А.Т. со стихами и переводами.
- Сергей Васильевич Смирнов (1913—1993) — поэт. Грибачев Николай Матвеевич (1910—1992) — поэт, публицист, секретарь Правления СП, кандидат в члены ЦК КПСС (1961—1990), член Комитета по присуждению Государственной и Ленинской премий, главный редактор журнала «Советский Союз» (1950—1954, 1956—1990).
- Петрусь (Петр Устинович) Бровка (1912—1980) — народный поэт Белоруссии (1962), автор «Нового мира». (См.: Бровка П. Он и наш, белорусский // Воспоминания...).
- 10 Сергей Аполлинариевич Герасимов (1906—1985) — кинорежиссер, сценарист, народный артист СССР (1948), лауреат Государственных премий. Постановщик фильмов «Семеро смелых» (1936), «Учитель» (1939), «Молодая гвардия» (1948), «Тихий Дон» (1957—1958). Киносценарий Герасимова «Дочь народа», предложенный им «Новому миру», был отклонен А.Т.

(См. его письмо С.А.Герасимову от 8.III.54 // Современная драматургия. 1993. № 3/4. С. 232. Публ. И.Б.Брайнина.)

- 11 Село Рибшево Пречистенского района Смоленской (в 1920—1930-е гг. — Западной) области — место действия ряда очерков и стихов молодого А.Т. («Заметки о колхозе "Память Ленина"», «Рассказы о колхозе "Память Ленина"» и др. // Соч. Т. 4).
- 12 Письмо вклеено с пометкой «не отправл.». На обороте вклейки адрес Я.В.Бендик: Москва. Центр. Большевикский пер., д. 4, кв. 2.
- 13 Имеется в виду глава «Друг детства» поэмы «За далью — даль», вызвавшая противоречивые отклики. В собирательном образе «друга детства» по-своему отразились судьбы репрессированных друзей юности А.Т. — Адриана Македонова, Владимира Муравьева, Ефрема Марьенкова, Степана Курдова, Ивана Зиборова.
- 14 Грибачев Н., Кривицкий А., Смирнов С. Десна-красавица. М.: Советская Россия, 1955. Наиболее известный коллективный труд с участием Грибачева был увенчан Ленинской премией: Аджубей А., Грибачев Н., Жуков Г., Ильичев Л., Лебедев В., Литошко Е., Матвеев В., Орлов В., Сатюков П., Трояновский О., Шевченко А., Шуйский Г. Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С.Хрущева в США. М.: Госполитиздат, 1960.
- 15 Продолжение работы над новым вариантом поэмы «Тёркин на том свете». Сверстанная для майского номера «Нового мира» за 1954 г., поэма была запрещена как «клеветническая», «идейно-порочная и политически вредная». Вместе с публикациями «Нового мира», линию которого признали в партийных верхах ошибочной, послужила основанием для снятия А.Т. с поста главного редактора журнала постановлением Секретариата ЦК КПСС от 23 июля 1954 г. (См.: Петров Ан., Буртин Ю. «Едва раскрылись первые цветы...»: «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году // ДН. 1993. № 11.) К поэме А.Т. вновь обратился в 1956 г., в Малеевке. Там же А.Т. работал над «Тёркиным на том свете» и в 1959 г. (См.: Записи октября-ноября 1956 г. и декабря 1959 г. // Знамя. 1989. № 7, 9.)
- 16 Александр Федорович Засядько (1910—1963) — министр угольной промышленности (1947—1955), с 1958 г. — заместитель председателя СМ СССР, член ЦК КПСС, депутат ВС СССР. В феврале 1961 г. одновременно с А.Т. находился в Барвихе.
- 17 Имеется в виду строфа: «Да будет песнь побед народных / Как слава Родины в веках / Жива на всех твоих свободных / Больших и малых языках».
- 18 Замысел этой прозаической вещи будет еще неоднократно упоминаться в записях, но останется неосуществленным.
- 19 Василий Семенович Гроссман (1905—1964) — прозаик, сблизился с А.Т. в годы войны («Я в свою ходил атаку...» См.: Указ. имен). Роман Гроссмана «Жизнь и судьба» находился в редакции «Нового мира» с октября 1960 г., когда был передан автором А.Т. с просьбой «просто прочитать». Ранее Гроссман отнес его в журнал «Знамя», не без влияния неостывшей обиды на «Новый мир», редколлегия которого во главе с А.Т. признала

в 1953 г. своей ошибкой публикацию романа «За правое дело». К тому же Гроссман предположил, что у руководящих ретроградов от литературы «есть сила, размах и смелость бандитов. Они скорее, чем прогрессивные, способны пойти на риск» (Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А. Прощание. М., 1990. С. 54). Прочитав роман «Жизнь и судьба», А.Т. испытал «самое сильное литературное впечатление за, может быть, многие годы», «впечатление радостное, освобождающее, открывающее тебе какое-то новое... видение самых важных вещей в жизни...» «Вещь так значительна, — записывал он в октябре 1960 г., — что она выходит далеко и решительно за рамки литературы... В сравнении с ней "Живаго" и "Хлеб единый" — детские штучки». Прочитать роман «не как редактору» А.Т. не удалось. Не сумев «отмыслить своей редакторской сущности», он стал искать пути к опубликованию романа, понимая, что оно «означало бы новый этап в литературе», «возвращение ей подлинного значения правдивого свидетельства о жизни» (Знамя. 1989. № 9. С. 200—202). Трудные переговоры с автором об изменениях в тексте, нужных, по мнению А.Т., не только по цензурным соображениям, оставались безуспешными. Но экземпляр романа сохранялся в редакции «Нового мира», на что было указано самим Гроссманом при аресте других экземпляров, свершившемся по доносу редактора «Знамени» В.М.Кожевникова.

- 20 Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905—1965) — секретарь Правления СП (1944—1946, и 1954—1955), заведующий Отделом культуры ЦК КПСС (1955—1965); заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК, член Идеологической комиссии при ЦК (1962—1965). Поиски Поликарпова связаны с хлопотами А.Т. о возвращении рукописи Гроссмана.
- 21 Из письма В.Г.Белинского И.И.Панаеву от 5 декабря 1842 г. (Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. XII. М., 1959). Иван Иванович Панаев (1812—1862) — писатель, журналист. В 1832—1846 гг. сотрудничал с «Отечественными записками», куда привлек как ведущего критика В.Г.Белинского (1811—1848). С 1847 г. издавал вместе с Н.А.Некрасовым журнал «Современник». В 1961 г. отмечалось 150-летие со дня рождения Белинского, и «Новый мир» опубликовал ряд материалов о критике (см.: Указ. содержания // НМ. 1961. № 12).
- 22 Речь идет о киносценарии С.А.Герасимова «Люди и звери», по которому им был снят фильм в 1962 г. Сценарий опубликован в том же году (Искусство кино. 1962. № 2). Александр Моисеевич Марьямов (1909—1972) — критик, очеркист, член редколлегии «Нового мира», заведующий отделом публицистики (1959—1970), автор «Нового мира». Александр Александрович Фадеев (1901—1956) — писатель, автор любимых А.Т. романов «Разгром» (1927) и «Последний из Удэге» (1929—1940), Генеральный секретарь СП (1946—1954), член ЦК ВКП(б) с 1939 г., кандидат в члены ЦК в 1956 г. Один из первых отметил и поддержал талант молодого А.Т. О многолетних и сложных отношениях А.Т. с Фадеевым см. в их переписке

(Фадеев А. Письма и документы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.И.Дикушиной. М., 2001).

- 23 Александр Григорьевич Дементьев (1904—1986) — литературовед, критик, автор книг по истории советской литературы, главный редактор журнала «Вопросы литературы» (1957—1959). В 1953—1955 и 1959—1966 гг. — заместитель главного редактора «Нового мира», автор журнала, а также ряда статей об А.Т. (Дементьев А.Г. Статьи о литературе. М., 1983).
- 24 Валентин Владимирович Овечкин (1904—1968) — писатель, очеркист, член редколлегии «Нового мира» (1958—1968). У истоков своего журнала А.Т. видел очерки Овечкина «Районные будни», печатавшиеся здесь в 1952—1954 гг. В них впервые в советской литературе говорилось о неустройстве в деревне. Переписку А.Т. с Овечкиным (с цензурными изъятиями) см.: Север. 1979. № 10; 1980. № 2. Публ. М.И.Твардовской.
- 25 А.Т. вел в те дни безрезультатные переговоры с заведующим отделом культуры ЦК КПСС Д.А.Поликарповым и секретарями Правления СП К.А.Фединым и К.В.Воронковым о возвращении В.С.Гроссману рукописи его романа.
- 26 Всеволод Николаевич Столетов (1906—1989) — биолог, автор работ о генетике, министр высшего образования СССР (1951—1953), кандидат в члены ЦК КПСС (1952—1956), министр высшего и среднего специального образования РСФСР (1959—1972). А.Т. обращался к нему в 1953 г. с ходатайством о переводе новомирского критика М.А.Щеглова (больного костным туберкулезом) в очную аспирантуру филфака МГУ из заочной. Оно было удовлетворено (Письма... С. 85).
- 27 ВАК — Высшая аттестационная комиссия — государственный орган при Министерстве образования, руководящий присуждением ученых степеней и контролирующий качество диссертаций.
- 28 С Валентиной Михайловной Мухиной-Петринской (1909—1993) А.Т. познакомился в 1958г. в Ялте, где и узнал ее историю. Работала в бактериологическом институте. Оклеветанная своим сотрудником, арестована в 1937 г. После реабилитации вернуться к работе по специальности не смогла: сделанное ею до ареста было использовано другими. Выступила автором ряда книг для юношества. А.Т. побуждал Петринскую писать воспоминания. По его обращению в Саратовский обком КПСС ей предоставили квартиру (Письмо А.Т. В.М.Мухиной-Петринской от 4.XI.61 // Соч. Т. 6. С. 181; письмо Петринской А.Т. от 6.VII.62 // Архив А.Т.).
- 29 Тамара Федоровна Макарова (1907—1997) — народная артистка СССР; жена С.А.Герасимова.
- 30 Михаил Андреевич Суслов (1902—1982) — секретарь ряда обкомов, с 1941 г. — член ЦК, с 1947 г. — секретарь ЦК, с 1955 г. — член Политбюро ЦК КПСС. Ведал вопросами идеологии.
- 31 Василий Семенович Лебедев (1915—1968) — в 1940—1950-х гг. работник аппарата ЦК, с 1953 г. — помощник Хрущева по вопросам культуры.
- 32 Никита Сергеевич Хрущев (1894—1971) — член ЦК (1934—1966), секретарь ЦК (1949—1953), кандидат в члены Политбюро

- ЦК (1938—1939), член Политбюро ЦК (1939—1964), Первый секретарь ЦК КПСС (1953—1964), Председатель СМ СССР (1958—1964).
- 33 Совместная работа над Гимном СССР послужила сближению А.Т. с композитором Георгием Васильевичем Свиридовым (1915—1997), который уже писал музыку на его стихи («Смоленский рожок», 1958; «Станция Починок», 1959 — для голоса и фортепьяно). Памяти А.Т. посвящена «Весенняя кантата» Свиридова для симфонического оркестра на слова Н.А.Некрасова, в которой звучат и смоленский рожок, и многоголосые колокола (1973). В 1978 г. на слова А.Т. (из «Василия Тёркина») Свиридовым написана песня «Солдатская шинель». В дневнике композитор признается, что почему-то нет контактов с другими поэтами: «хорошие люди и поэты талантливые, но ощущение близости, какбыло, например, к Твардовскому, — не возникает почему-то» (Свиридов Г.А. Музыка как судьба. М., 2002. С. 79. Другие высказывания Свиридова об А.Т. см. по Указ. имен).
- 34 Сергей Григорьевич Островой (1911—2005) — поэт. В рецензии Г.Н.Владимова на книгу «Пародии и мелодии» (М., 1960) цитировалась эпиграмма А.Раскина на С.Острового: «Пишет басом... Тихо вянут уши, / Волос прибавляется седой. / Островым мы назовем часть суши, / Окруженную водой» (НМ. 1960. № 4. С. 270).
- 35 Дмитрий Николаевич Орлов (1892—1955) — артист театра Революции (1929—1944), народный артист РСФСР (1943), с 1944 г. — артист МХАТ. Читал по радио «Василия Тёркина» главу за главой во время войны (Твардовский А.Т. «Я в свою ходила ту...»). См.: Указ. имен). А.Т. считал Орлова одним из лучших чтецов поэмы.
На старинном золотом брегете, подаренном А.Т. вдовой Д.Н.Орлова, актрисой Анной Васильевной Богдановой, выгравировано: «У самого сердца моего "Василий Тёркин", так говорил мой муж и друг Д.Н.Орлов. Спасибо».
- 36 Имеется в виду статья «Как был написан "Василий Тёркин" (Ответ читателям)». (Соч. Т. 5.) «Автобиографию» А.Т. см.: Соч. Т. 1. Замысел пополнения названных произведений воспоминанием об Орлове остался нереализованным.
- 37 набросок вошел в очерк Твардовского «"Василий Тёркин" Дм.Орлова» (см.: Дмитрий Николаевич Орлов. Книга о творчестве. М.: Искусство, 1962).
- 38 Вадим Михайлович Кожевников (1909—1984) — прозаик, секретарь Правления СП, редактор журнала «Знамя» (1949—1984), лауреат Государственной премии (1971), Герой Социалистического Труда (1974). Георгий Мокеевич Марков (1911—1991) — прозаик, автор романов о социалистическом переустройстве в Сибири. В 1956—1971 гг. — секретарь Правления СП, с 1971 г. — Первый секретарь Правления СП. Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Ленинской премии (1976).
- 39 Ленинские премии в области литературы в 1961 г. были присуждены (кроме А.Т. за поэму «За далью — даль») А.А.Про-

- кофьеву за книгу стихов «Приглашение к путешествию» и М.А.Стельмаху за трилогию «Хлеб и соль» (1959), «Кровь людская не водица» (1957) и «Большая родня» (1949—1951).
- 40 Семен Михайлович Буденный (1883—1973) — герой Гражданской войны, Маршал Советского Союза (1935), член Президиума ВС СССР (1938—1973). В феврале—марте 1961 г. находился одновременно с А.Т. в Барвихе.
- 41 А.Т. имеет в виду верстку «Тёркина на том свете», набранную в мае 1954 г. для «Нового мира».
- 42 Подразумевается строка из стихотворения В.Маяковского «Юбилейное» (1924): «Ненавижу / Всяческую мертвечину, / Обожаю / Всяческую жизнь».
- Далее — перефразировка высказывания К.Маркса (Из «Введения» к «К критике гегельянской философии права»): «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 418).
- 43 Дмитрий Петрович Горюнов (1915—1992) — главный редактор «КП» (1949—1957), генеральный директор ТАСС (1960—1967), затем — на дипломатической работе.
- 44 Александр Александрович Котов (1913—1981) — шахматист, международный гроссмейстер, заместитель председателя шахматной федерации СССР, многолетний корреспондент А.Т.
- 45 Первую «свою» комнату (в Смоленске) семья А.Т. отдала его родителям, которые усилиями А.Т. были в 1936 г. возвращены из ссылки. М.И. с дочерью возвратилась к своей матери Ирине Евдокимовне Гореловой. Здесь (Смоленск, ул. Марселя Кашена, д. 1) в одной комнате коммунальной квартиры вместе с ними проживала сестра М.И. Вера Илларионовна со своим ребенком. А.Т., командированный СП в ИФЛИ, уехал в Москву.
- 46 Б. Могильцевский, д. 6, кв. 1 — первая своя «жилплощадь» А.Т. в Москве. Комнатка в пятикомнатной коммуналке воспринималась как проходная: из-за нехватки пространства дверь в общий коридор часто оставалась открытой. Обрусевшие немцы — прежние владельцы квартиры — занимали комнату, через которую жильцы попадали на кухню с дровяной плитой (см. подробнее: Твардовская В.А. Первый московский адрес поэта // Москва: Город и человек: Альманах. Вып. 2. М., 1989). Петр Васильевич Орешин (1887—1938) — поэт, один из инициаторов создания крестьянской секции при Пролеткульте. Арестован в марте 1938 г. — спустя несколько месяцев после переезда в квартиру А.Т. По рассказам М.И., обыск у Орешина и его арест произвели на А.Т. сильное и гнетущее впечатление. Он сам в ту пору находился на грани ареста как автор «контрреволюционных» произведений (Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. Из истории репрессий против Смоленской писательской организации. 1937—1938 гг. Смоленск: Траст-Имаком, 1996. См.: Указ. имен).

- 47 Первая квартира А.Т. с ванной, где на кранах были указатели горячей и холодной воды, новшество ранее для семьи неведомое, как и газовая плита.
- 48 Семья А.Т. поселилась здесь в конце 1950 г., после его назначения редактором «Нового мира». За десятилет проживания в ней адрес трижды изменялся: Б. Дорогомиловская, 1-я Бородинская, Кутузовский проспект (угол набережной Шевченко). Сейчас на этом доме мемориальная доска с указанием, что А.Т. жил здесь в 1950—1961 гг.
- 49 Квартира в Высотном доме на Котельнической набережной для А.Т., по сути, осталась неким «перевалочным пунктом»: после приобретения дачи на Пахре в 1962 г. именно дача стала постоянным местом обитания. В очерках Л. Колодного о Высотном доме на Котельниках о проживании здесь А.Т. сообщаются фантастические сведения, не имеющие отношения к реальности.
- 50 Родители безуспешно пытались дать дочерям музыкальное образование: ни у одной из нас охоты к нему не проявилось.
- 51 См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 268.
- 52 Речь идет о замысле рассказа, который будет неоднократно упоминаться А.Т. как «Дом на буксире» или «Изба на колесах», но останется не осуществленным.
- 53 Имеются в виду очерки «На литовской земле», «В глубине Литвы», «Усадьба графа Тышкевича» (Родина и чужбина // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1960).
- 54 набросок, сделанный под впечатлением космического полета Ю. Гагарина 12 апреля. Не публиковавшийся вариант стихотворения «Оркестры смолкли, отзвучали речи...», напечатанного в 1969 г. (НМ. № 1), датированного 1961 г.
- 55 Речь идет о вручении А.Т. в Кремле Ленинской премии за поэму «За далью — даль». «Я не могу не сделать одного признания, — сказал А. Твардовский в этот торжественный день получения большой награды. — Я переживаю, как ни странно, чувство некоторой неловкости. Получаешь награду за то, что ты не можешь не делать, что приносит тебе муки, но и счастье... Спасибо, Родина, за счастье / С тобою быть в пути твоём, / За новым трудным перевалом — / Вздохнуть / С тобою за одно. / И дальше в путь — / Большим или малым, / Ах, самым малым, / Все равно!» (ЛГ. 1961. 27 мая).
- 56 Владимир Дмитриевич Фоменко (1911—1990) — автор романа, в основе которого — мотив вынужденного переселения хуторян с обжитых мест на новые земли (Фоменко В. Память земли // НМ. 1961. № 6—8).
- 57 Выступая на Всероссийском съезде учителей 7 июля 1960 г. (Учительская газета. 1960. 8 июля; ЛГ. 1960. 9 июля), А.Т. говорил о ключевом значении литературы в процессе воспитания, утверждая, что формальным подходом к преподаванию «школа отучает и отлучает от литературы» (Соч. Т. 5. С. 335—345). Речь А.Т. имела серьезный резонанс. Задуманная по откликам на нее статья не была написана.
- 58 Елена Илларионовна Горелова — младшая сестра М.И., болевшая туберкулезом легких.

- 59 В отсутствие А.Т., бывшего в отпуске, его заместитель А.Г.Дементьев пропустил в печать материалы, вызвавшие неприятие редактора. Очерк Б.М.Рахманова «Поле деятельности» (НМ. 1961. № 5) о Герое Социалистического Труда Надежде Загладе рассказывал о рекордах «труженицы кукурузных полей», оставив в стороне наболевшие проблемы сельского хозяйства. Статья А.П.Штейна «Перечитывая старую пьесу. К 75-летию со дня смерти А.Н.Островского» (Там же. № 6), не став новым прочтением «Леса», содержала односторонне-негативную оценку наследия В.Э.Мейерхольда. Заявление Дементьева об уходе из редакции осталось без последствий.
- 60 А.Т. был депутатом ВС РСФСР по Ярославской области (1959—1962).
- 61 Виктор Владимирович Виноградов (1894—1969) — языковед, литературовед, академик АН СССР, директор Института русского языка АН (1958—1968).
- 62 Сохранились наброски этого несостоявшегося выступления «О поэзии молодых». А.Т. подвергал сомнению само понятие «молодости» в литературе, напоминая о богатстве жизненного опыта, с которым входили в нее двадцатилетние М.Шолохов и А.Фадеев. Собирался остановиться на стереотипах и враждебной настороженности критики к новому поколению в поэзии, ко всему, «что не похоже на уже привычный образ выражения» (Архив А.Т.).
- 63 Имеется в виду дискуссия о поэзии, начатая статьей Б.Рунина «Спор необходимо продолжить» (НМ. 1960. № 11), продолженная статьями А.Меньшутина и А.Синявского «За поэтическую активность» (НМ. 1960. № 11), Н.Коржавина «В защиту банальных истин» (НМ. 1960. № 3) и Б.Платонова «По поводу самовыражения» (НМ. 1960. № 6). Итоги дискуссии подведены были в статьях Б.Рунина «Логика спора и логика искусства», А.Меньшутина и А.Синявского «Давайте говорить профессионально», «От редакции» (НМ. 1960. № 8). В первой из названных статей Б.Рунин отмечал незаурядное дарование Е.Евтушенко, его новаторство и популярность, хотя и упрекал поэта в поверхностности. Редакция журнала поддержала отстаиваемое авторами, в противовес официальной критике, право поэзии на «самовыражение».
- Евгений Александрович Евтушенко (р. 1933) — поэт, с конца 1980-х живет в США.
- 64 Сергей Васильевич Васильев (1911—1976) — поэт.
- 65 Рецензию на книгу Е.Евтушенко «Яблоко» (М., 1960) А.Т. не написал. Несмотря на серьезные претензии к содержанию и форме его стихов (см.: Соч. Т. 6. С. 163, 213), А.Т., член редколлегии «Библиотеки поэзии», в том же 1961 г. назвал Евтушенко в числе поэтов, достойных пополнить «Библиотеку советской поэзии» (Там же. С. 180). Критическое отношение А.Т. к Евтушенко не воспрепятствовало тому систематически печататься в «Новом мире».
- 66 Петр Нилович Демичев (р. 1918) — с 1961 г. секретарь ЦК КПСС, курировал культуру. С 1970 г. — министр культуры СССР.

- 67 Немецкая овчарка Нора появилась у А.Т. весной 1950 г. — вскоре после поездки его в Норвегию, в память о которой и была названа. На перекидном календаре А.Т. (9 февраля 1961 г.) запись Марии Илларионовны: «Операция Норы». Нора погибла в мае 1961 г.
- 68 А.Пасынков — сосед по даче во Внуково.
- 69 Сергей Сергеевич Наровчатов (1919—1981) — поэт, прозаик, публицист. Автор ряда статей и заметок об А.Т. К окружению «Нового мира» Наровчатов не принадлежал, но после вынужденного ухода А.Т. из редакции отказался занять его пост, лишь в 1972 г. сменив на нем В.А.Косолапова. В статье «За далью — даль. К шестидесятилетию А.Твардовского» (НМ. 1970. № 6) Наровчатов писал об А.Т. как о поэте, развитие которого шло не от малого к большому, а «от большого к большему», а в центре внимания всегда оставалось «главное содержание жизни народа». «И уже не только уму, не только сердцу, а некоему глубинному чувству, переданному нам с молоком матери, неизъяснимо много скажет сама речь Твардовского — прекрасная русская речь — где, по гоголевскому выражению, что ни звук, то и подарок» (Там же. С. 283).
- 70 Иван Петрович Бауков (1909—1977) — поэт. В 1941 г. окончил Литературный институт им. М.Горького. В годы Великой Отечественной войны — корреспондент фронтовой газеты. Автор нескольких сборников стихов. Во внутренней рецензии на книгу стихов Баукова А.Т. писал: «Автору нельзя отказать в хорошей горячности, некоторых признаках поэтического темперамента, но все его стихи, хотя и написаны человеком, как будто всерьез видевшим войну, — не содержат в себе серьезной новизны, не добавляют ничего к тому, что уже с избытком представлено в так называемой фронтовой лирике» (Копия. 1942 // Архив А.Т.).
- 71 Михаил Александрович Лифшиц (1905—1983) — философ, искусствовед, критик. А.Т. сблизился с Лифшицем в годы учебы в ИФЛИ. Лифшиц критически отнесся к ряду глав поэмы «За далью — даль», будучи в ту пору более негативно, чем автор, настроен против советской системы.
- 72 А.Т. считал, что ИМЛИ, где Дементьев заведовал сектором советской литературы, отвлекает его от журнала. Со временем Александр Григорьевич убедил его, что это не так.
- 73 Речь идет о замысле автобиографической прозы, оставшемся нереализованным.
- 74 Художественное училище «Памяти 1905 года».
- 75 А.Т. передал Ленинскую премию на строительство клуба в своих родных местах на Смоленщине.
- 76 Иван Иванович Фетисов — председатель совнархоза Ярославской области. Будучи ее депутатом, А.Т. неоднократно вступал с ним в рабочие контакты.
- 77 О постоянной и действенной помощи А.Т. музею-усадьбе Н.А.Некрасова в Карабихе свидетельствовал его директор Анатолий Федорович Тарасов: А.Т. доставал дефицитные стройматериалы для ремонта музея, «выбивал» деньги на ремонт и поддержание усадьбы в должном состоянии. По его совету

вдова Д.Н.Орлова А.В.Богданова передала в дар музею картину художника 60-х гг. XIX в. Горохова «Крестьянка». И перестав быть депутатом ВС РСФСР от Ярославской области, до своей смертельной болезни А.Т. помогал Карабихе (Тарасов А.Ф. А.Т.Твардовский и Карабиха // Северный рабочий. 1989. 22 января).

- 78 Скорее всего, речь идет об изложенном в записях 1957 г. замысле пьесы «Пан Твардовский» (Знамя. 1989. № 8. С. 146—148). Фабула пьесы (как и задуманного произведения в прозе под тем же названием) имела автобиографическую основу: трагедия крестьянской семьи в период «раскулачивания». Средний сын — идейный комсомолец, чью душу рвет неразрешимый для него конфликт между любовью к родным и преданностью делу революции. Замысел остался неосуществленным.
- 79 Борис Германович Закс (1908—1996) — ответственный секретарь редакции «Нового мира» (1959—1966).
- 80 Запись беседы Н.С.Хрущева с президентом США Джоном Кеннеди (1917—1963) на встрече в Вене (май 1961 г.) в советской печати не публиковалась. О содержании ее можно судить по выступлениям Дж.Кеннеди (Правда. 1961. 9 июня) и Н.С.Хрущева (Там же. 15 июня), где подводились итоги встречи. Признанная полезной, беседа не разрядила напряженности между США и СССР. В речи Н.С.Хрущева на митинге, посвященном советско-вьетнамской дружбе, говорилось: «Бряцанием оружия нас не запугать. У нас найдется, чем ответить. Если противники мира и мирного сосуществования все же объявят мобилизацию, мы не позволим застигнуть нас врасплох...» (Правда. 1961. 29 июня).
- 81 Александр Михайлович Еголин (1896—1959) — литературовед, критик, член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в 1944—1946 гг. — заместитель начальника этого управления. С 1951 г. — директор ИМЛИ.
- 82 Получив в 1946 г. участок во Внуково — глинистый склон, поросший орешником и дубками, А.Т. сам, без всякой помощи со стороны, выкорчевал часть орешника под яблоневоый сад, расчистил оставшийся лес, дав простор дубам, елям и березам. Яблони, посаженные А.Т., до сих пор плодоносят, хотя их осталось немного. Любимая — белый налив — погибла накануне смерти А.Т., с корнем вырванная в грозу. А вот могучие дубы гибнут во всем поселке.
- 83 Прозвище родственника Михаила Арефьевича Арефьева, женатого на сестре Марии Митрофановны — матери А.Т.
- 84 В 1931 г. хозяйство Трифона Гордеевича Твардовского (1881—1949) признали кулацким, а он с семьей (сын Александр покинул родительский дом в 1928 г. и жил в Смоленске) был выслан на Северный Урал.
- 85 Как видно по этому наброску, замыслы стихотворений «Космонавту» (1961) и «Слово о словах» (1962) первоначально объединялись поэтом.
- 86 Несмотря на высокую степень готовности, стихи остались незаконченными и никогда не публиковались. Замысел их существова-
тельно по-иному и на другой ритмической основе был реали-

- зован в стихотворении «А ты самих послушай хлеборобов...» (1965).
- 87 Далее записан вариант стихотворения «Слово о словах». Впервые: Правда. 1962. 5 мая; НМ. 1962. № 5.
- 88 Имеется в виду папка для писем, ответить на которые А.Т. считал для себя необходимым. В Барвихе он написал десятка полтора важных и обстоятельных писем. Из них опубликованы (Соч. Т. 6) письма авторам «Нового мира» — В.Д.Фоменко (от которого редактор ждал продолжения романа «Память земли») и И.Г.Эренбургу (мемуары которого печатались в «Новом мире» с 1960 г.), Е.С.Страшунской (давнему его издательскому редактору, просившей работы в журнале), Е.С.Маргулис (жаловавшемуся на трудности с публикацией «пересозданных» им былин), читателю З.Каюмову, делившемуся своими размышлениями о жизни, Г.Мушта (работавшей над диссертацией об А.Т. и просившей о встрече). «Участие автора в судьбе того, что о нем пишут, — дело, на мой взгляд, вообще не очень удобное в смысле этического», — отвечал А.Т. (Там же. С. 174). Ответил А.Т. и на письма (июня-июля 1961) М.А.Лифшица, сообщавшего о планах работы для «Нового мира», молодого критика В.Я.Лакшина, просившего рекомендацию А.Т. для вступления в СП, художника Н.А.Близневского из Брянска, задумавшего писать портрет А.Т., а также земляков: литературоведа А.В.Македонова, преподавателя истории Г.П.Сиводедова, краеведа И.И.Киселева и др.
- 89 Книга лирики. Избранные стихи 1933—1961 гг. (М.: Советская Россия, 1962).
- 90 Упоминание этих писателей в перечне текущих дел связано с публикацией их произведений (Федин К.А. Костер // НМ. 1961. № 8—12; Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Кн. третья // НМ. 1961. № 8—11).
- 91 В письме к И.Г.Эренбургу, написанном на другой день, А.Т. призвал его быть «щедрой и беззаботней» по отношению к давним обидчикам. «Вы слишком крупны, Илья Григорьевич, чтобы унижаться до такой памятности относительно причиненных Вам обид и огорчений, слишком много чести для тех, кто это делал, чтобы помнить о них». В то же время подчеркивал: «Я не собираюсь просить Вас вспомнить о том, чего Вы не помните, и опускать то, чего Вы забыть не можете» (Черновик. Архив А.Т. Ср. с текстом в кн.: Почта И.Эренбурга. 1916—1967. М.: Аграф, 2006. С. 464—466). Критическое отношение к отдельным сторонам и мотивам мемуаров Эренбурга не помешало А.Т. последовательно и настойчиво бороться за их публикацию с ЦК КПСС и Главлитом (см. далее).
- 92 Повесть И.Эренбурга «Отгепель» (Знамя. 1954. № 5; 1956. № 4) «прорабатывалась» партийной критикой за «пессимистическое» изображение советской действительности. Название повести стало обозначением относительной либерализации, отличавшей хрущевский период советской истории. Симптоматично, что публикация «Отгепели» порой приписывается «Новому миру» (см.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 192).

- 93 Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964) — поэт, переводчик, драматург. Отметил талант автора «Страны Муравии» и сблизился с А.Т. в первые же годы после его переезда в Москву. В «Новом мире» неоднократно печатались переводы Маршака из английской поэзии, а в 1960 г. — его воспоминания («В начале жизни»). Автор книги «Ради жизни на земле. Об Александре Твардовском» (М.: Советский писатель, 1961). На ее дарственном экземпляре надпись: «Я не то еще сказал бы, — / Про себя поберегу, / Я не так еще сыграл бы, — / Жаль, что лучше не могу». Дорогому Александру Трифоновичу — с любовью — С.Маршак». Ялта. 15.XI.61. Переписку А.Т. с С.Маршаком см.: ЛО. 1978. № 3. В августе 1961 г. С.Маршак также находился в Барвихе.
- 94 А.С.Борисенко — журналист, сотрудник АПН. Алексей Иванович Аджубей (1924—1993) — зять Н.С.Хрущева, главный редактор газет «КП» (1957—1959) и «Известия» (1959—1964), член ЦК КПСС (1959—1964), депутат ВС СССР.
- 95 См. письмо А.Т. З.Каюмову от 14.VIII.61 (Соч. Т. 6. С. 176—177).
- 96 Джанни Родари (1920—1980) — итальянский писатель, участник движения Сопротивления, член Итальянской компартии. С.Маршак перевел его стихи для детей и сказку «Приключение Чипполино». Переводы Маршака Дж.Родари А.Т. уже печатал (НМ. 1953. № 2, 11).
- 97 «Ни дня без строчки» — под таким названием вышли в свет дневниковые записи Ю.К.Олеши (первая публикация: Литературная Москва. 1956. Сб. 2).
- 98 Василий Федорович Токарев (1871—1968) — конструктор автоматического оружия (пулемета МТ, пистолета ТТ, самозаряжающейся винтовки). Герой Социалистического Труда (1940). В 1940 г. одновременно с А.Т. получил тогда же учрежденную Сталинскую премию. Василий Алексеевич Дегтярев (1880—1949) — конструктор оружия (пистолеты, пулеметы, противотанковое ружье). Многократный лауреат Сталинских премий.
- 99 Как видно, восьмистишие, посвященное второму космическому полету, совершенному Г.С.Титовым 6—7 августа 1961 г., первоначально рассматривалось автором как часть стихотворения «Космонавту». Опубликовано как отдельное стихотворение (НМ. 1969. № 1).
- 100 Первые наброски стихотворения «Оркестры смолкли...», работа над которым продолжена 19 и 22 августа. Впервые опубликовано там же.
- 101 Речь идет о фильме Роберто Росселини «Генерал делла Ровере» (1959) с Витторио Де Сика в главной роли.
- 102 Имеется в виду фильм В.И.Герасимова «Испытательный срок» (1960) по одноименной повести прозаика Павла Филипповича Нилина (1908—1981), опубликованной в 1956 г.
- 103 Подразумеваются строки гимна, написанные А.Т.: «В дни торжества и в дни печали мы неразрывны с ней / (с Отчизной) всегда», а также, что песнь о Родине будет звучать на всех ее «свободных больших и малых языках».
- 104 Этот мотив нашел воплощение в стихотворении «Который год мне снится, повторяясь...» (1966). А.Т., не имея законченного

- среднего образования, получил высшее, начав его в Смоленском педагогическом институте (откуда вынужден был уйти с 3-го курса) и завершив в ИФЛИ (куда был зачислен на 4-й курс).
- 105 Степан Петрович Щипачев (1898—1980) — поэт, член Правления СП, в 1959—1963 гг. возглавлял Московскую писательскую организацию. В 1929—1931 гг. — и.о. редактора журнала «Красноармеец». О встрече с А.Т. в 1930 г. см.: Щипачев С.П. В редакции «Красноармейца» // ЛГ. 1967. 6 сентября. См. также его стихотворение «Стою у окна. Памяти А.Т.Твардовского» (1972).
- 106 В библиотеке А.Т. сохранилась книга «Н.К.Крупская о Ленине» (М., 1960). Записанное А.Т. высказывание Крупской повторяется во многих ее статьях этого сборника. Откликаясь на 90-летие вождя, «Новый мир» в числе других ленинских материалов напечатал и рецензию Н.Стриевской на эту книгу (1960. № 4).
- 107 Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861) был выкуплен из крепостных поэтом В.А.Жуковским и украинским писателем Е.П.Гребенкой за 25 тыс. руб.
- 108 Главные герои романов П.Павленко «Счастье», С.Бабаевского «Кавалер Золотой звезды», Вс.Кочетова «Братья Ершовы».
- 109 Музей К.Маркса и Ф.Энгельса основан в Москве в 1960 г., открыт в 1962 г.
- 110 А.Т. неоднократно пользовался этой формулой, восходящей к заключительной фразе романа А.Фадеева «Разгром».
- 111 В «Письме из редакции» под ироничным заголовком «Государство и он» (Известия. 1961. 20 сентября) Б.Прокофьев отчитал москвича В.Н.Озерецковского, автора помещенного в том же номере отклика на корреспонденцию «Подарок 10 миллионам» (Там же. 1 сентября). На примере платы за радио и пользование телевизором читатель показал, что советское государство не только не дарит что-либо населению, но само получает от него недобровольные дары. В ответ Озерецковский был объявлен неблагодарным крохобором, заслоняющимся «ворохом квитанций от правды нашей жизни».
- 112 В Смоленск А.Т. уехал 28 сентября. Загорье — родина поэта. Речь идет о клубе в Сельце, на строительство которого А.Т. передал Ленинскую премию 1961 г.
- 113 Кремлевский Дворец съездов.
- 114 Петр Иванович Воеводин (1884—1964) — в революционном движении с 1899 г., в РСДРП с 1902 г. Неоднократно побывал в тюрьмах и ссылках. После очередного ареста в 1910 г. бежал в Америку, откуда вернулся в 1913 г. Снова был арестован и сослан в Нарымский край, где стал организатором крестьянской и рыбацкой кооперации. После Октябрьской революции — член ВЦИК 5-го и 6-го созывов. Работал в «Правде», «Известиях ВЦИК». С 1928 г. — редактор журналов «Электричество», «Электрификация». Александр Филиппович Бабурин — бригадир слесарей, делегат от Московской городской парторганизации.
- 115 Перечислены участники антихрущевского заговора — так называемая антипартийная группа, разгромленная в 1957 г. Климент

- Ефремович Ворошилов (1881—1969) — один из организаторов Красной Армии, герой Гражданской войны. С 1934 г. — нарком обороны, в 1953—1960 гг. — председатель Президиума ВС, член Политбюро ЦК ВКП(б)—КПСС в 1926—1960 гг.; Лазарь Моисеевич Каганович (1893—1991) — член Политбюро ЦК (1930—1957), заместитель председателя СМ СССР (1953—1957); Георгий Максимилианович Маленков (1902—1988) — член Политбюро ЦК (1946—1957), заместитель председателя СМ СССР (1955—1957).
- 116 XXII съезд КПСС принял новую программу партии.
- 117 Пальмиро Тольятти (1893—1964) — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии (ИКП) с 1926 г. С 1944 г. — директор журнала «Ринашита».
- 118 Чжоу Эньлай (1898—1976) — заместитель председателя ЦК Коммунистической партии Китая (1956—1966). Имея в виду Албанию, объявил неприемлемым открытое осуждение «какой-либо братской партии».
- 119 Анастас Иванович Микоян (1895—1978) — член Политбюро ЦК (1935—1966) — заявил, что «в Албанской партии труда сложилась порочная обстановка». П.Тольятти поддержал это заявление: «Критику в адрес Албанской партии труда... мы полностью одобряем» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. 1962. С. 325, 458, 483).
- 120 Николай Николаевич Семенов (1896—1986) — академик, один из основоположников химической физики, лауреат Нобелевской премии (1956), кандидат в члены ЦК КПСС (1961—1966), председатель Всесоюзного общества «Знание».
- 121 Темпераментное заключительное слово Н.С.Хрущева по осуждению отчета ЦК КПСС и программы партии, произнесенное на вечернем заседании 27 октября, явилось кульминационным моментом съезда. В своей речи, изобиловавшей отступлениями от заготовленного текста и выразительно рассказанными эпизодами внутрипартийной борьбы, Хрущев существенно заострил критику Сталина, сталинского Политбюро («антипартийной группы»), а также сталинистской линии албанского руководства. Все это прозвучало как обещание продолжать и углублять реформаторский «курс XX съезда» (Правда. 1961. 28 октября).
- 122 Речь А.Т., главными мотивами которой стали требования полноты жизненной правды в литературе, объективного и углубленного исследования действительности, осуждение иллюстративности, приспособленчества, трусливой оглядки на «указания», имела программный характер. В ней впервые отчетливо и полно были сформулированы без упоминаний о «Новом мире», но с опорой на его публикации («Деревенский дневник» Е.Дороша, «Районные будни» В.Овечкина, «Память земли» В.Фоменко) основные идейно-эстетические принципы, которым А.Т. будет неуклонно следовать как редактор (Правда. 1961. 29 октября). Речь А.Т. на XXII съезде КПСС никогда полностью не перепечатывалась, публикуясь с сокращениями (Соч. Т. 5. С. 353—355).
- 123 Сергей Павлович Королев (1916—1966) — конструктор в области ракетостроения, создатель первых в мире космических ко-

- раблей «Восток» и «Восход», на которых совершились первые полеты в космос.
- 124 Большой раздел своей речи на съезде М.А.Шолохов посвятил критике писателей, которые не знают жизни, поскольку живут в столице (Правда. 25 октября). «Само по себе географическое место жительства писателя еще ничего не решает», — замечал А.Т. Отвергая представление о Москве как о «некоем Вавилоне... как бы противостоящем праведной жизни», он замечал, что и сама Москва, подобно бальзаковскому Парижу, — достойный и «богатейший объект изучения жизни во всех ее сложнейших переплетениях».
- 125 Запись легла в основу стихотворения «Береза» (1966).
- 126 Об отношении к А.Т. в партийном аппарате говорит «Справка» для Секретариата ЦК, подготовленная в декабре 1961 г. в Отделе культуры ЦК КПСС. Основные тезисы речи А.Т. на XXII съезде признаются здесь ошибочными и подвергаются развернутой критике, зато выступление Вс.А.Кочетова, лидера охранительного направления в тогдашней литературе, получает поддержку. Требования А.Т. «правды жизни в искусстве, ничем не ограниченной», «раскрывающей всю сложность действительности», названы здесь односторонними и ошибочными, поскольку «главная линия развития литературы» определяется не правдой, а партийностью творчества (Аппарат ЦК и культура. 1958—1961. Документы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 475—479).
- 127 Имеется в виду решение о выносе тела И.В.Сталина из Мавзолея.
- 128 Строки из стихотворения «У великой могилы» (1953). Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1954.
- 129 Речь, возможно, идет о Л.В.Смирнове, заместителе Председателя Государственного комитета СМ СССР по оборонной технике. В партийно-правительственных кругах был известен как последовательный сталинист, с весьма агрессивной позицией в ходе «холодной войны» СССР и США. Реплика Н.С.Хрущева по поводу избрания Смирнова в члены ЦК в стенографическом отчете о работе XXII съезда отсутствует.
- 130 Алексей Александрович Сурков (1899—1983) — поэт, Первый секретарь Правления СП (1953—1959), кандидат в члены ЦК (1956—1966), в 1960-е гг. ведал международными связями СП.
- 131 Всеволод Анисимович Кочетов (1912—1973) — прозаик, с 1961 г. — редактор журнала «Октябрь», ставшего ярким противником «Нового мира». Член ЦРК (1956—1966).
- 132 Ресторан Всероссийского театрального общества (Дом актера) на Пушкинской площади, рядом с редакцией «Нового мира».
- 133 Николай Николаевич Драчинский (1918—1978) — заведующий фотоотделом «Известий», ответственный секретарь редакции, числился среди особо приближенных к редактору газеты А.И.Аджубею.
- 134 См. примеч. 15 к записи от 16 февраля.
- 135 Иван Трифонович Твардовский (1914—2002) — брат А.Т. Переживший плен, был арестован в 1947 г. и приговорен к 10 годам заключения.

- 136 Ярослав Васильевич Смеляков (1913—1972) — поэт, неоднократно подвергался арестам, реабилитирован в 1955 г. «Новый мир» откликнулся на его стихи рецензией З.Паперного (1961. № 10).
- 137 Лидия Дмитриевна Морозова, лечащий врач А.Т. из Кремлевской поликлиники.
- 138 Рукопись «Щ-854» была подписана псевдонимом «А.Рязанский». А.Т. «со слуха» запомнил настоящее имя автора неточно. Александр Исаевич Солженицын (1918—2008) — писатель, имя которого стало широко известно с выходом в «Новом мире» (1962. № 11) упомянутой в записи повести, по предложению А.Т. озаглавленной «Один день Ивана Денисовича». Солженицын в автобиографии для Нобелевского комитета (1970) объяснял, что предложил свою повесть «Новому миру» под воздействием речи А.Т. на XXII съезде КПСС (Солженицын А. Библиографический указатель. М., 1991. С. 11). Это подтверждает его тогдашняя жена (Решетовская Н.А. А.И.Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С. 52—53). Рукопись была послана А.Т. в начале ноября, но из-за посредления посредников дошла до него лишь в декабре.

═══════1962═══════

- 1 «Слово о Пушкине», произнесенное А.Т. 10 февраля на торжественном заседании, посвященном 125-летию со дня смерти поэта, в Большом театре (Правда. 1962. 11 февраля. Отдельным изданием: М.: Советская Россия, 1962).
- 2 В Общество любителей российской словесности А.С.Пушкин и писатель Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859), сотрудничавший с III отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии, были приняты 23 декабря 1829 г. (Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911).
- 3 Речь идет о маршале Иване Степановиче Коневе (1897—1973), позднее печатавшемся в журнале А.Т. (Конев И.С. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний // НМ. 1965. № 5—7). Генерал-полковник И.С.Конев в качестве Командующего Западным фронтом в феврале 1943 г. подписывал приказ о присвоении А.Т. звания подполковника («Я в свою ходил атаку...». С. 166).
- 4 Письма-воспоминания А.А.Фадеева к другу юности А.Ф.Колесниковой писались в 1949—1956 гг. (Юность. 1958. № 12). Вошли в кн.: Фадеев А. Повесть нашей юности (М., 1961), сохранившуюся с дарственной надписью ее составителя С.П.Преображенского в библиотеке А.Т.
- 5 Первый раз в Барвихе А.Т. побывал в 1950 г.
- 6 Константин Александрович Федин (1892—1977) — прозаик, Первый секретарь Правления СП (1959—1971), член редколлегии «Нового мира», депутат ВС СССР (1962—1977), Герой Социалистического Труда (1967). 29 февраля А.Т. пишет «повинное» письмо К.А.Федину, замечая в заключение: «Одно меня утешает, что положение спас Н.С.Тихонов, которого

- я считал по всем данным (возраст, ленинградская память и т.д.) наилучшим председателем Вашего вечера» (Черновик // Архив А.Т.). Переписку А.Т. с К.А.Фединым (1953—1970) см.: Октябрь. 1990. № 11. Публикация М.И.Твардовской.
- 7 Речь идет о Высотном доме на Котельнической набережной, где А.Т. поселился в 1961 г.
- 8 Фаина Георгиевна Раневская (1896—1984) — в ту пору актриса Театра им. Моссовета, заслуженная артистка РСФСР.
- 9 Игорь Александрович Сац (1903—1980) — критик, переводчик, искусствовед. Участник Гражданской и Отечественной войн. Литературный секретарь А.В.Луначарского (1923—1933), сотрудник редакции журнала «Литературный критик» (1936—1940). Заведующий отделом критики «Нового мира» (1953—1955), член редколлегии (1965—1970).
- 10 Имеется в виду рецензия А.Т. на первое советское издание М.Цветаевой (Избранное. М., 1961). «Своеобразную и сильную, но не вдруг доступную» книгу М.Цветаевой А.Т. назвал «подарком читателю». «В книге много боли сердца, горестных раздумий, мучительных усилий выразить мир, представляющийся автору часто темным и жестоким... но в ней же столько ясной и жаркой любви к жизни, к поэзии, к России...» (НМ. 1962. № 1; Соч. Т. 5. С. 35).
- 11 «Дэвид-копперфилдовская муть» — выражение героя повести Д.Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (ИЛ. 1960. № 11).
- 12 Сергей Борисович Сутоцкий (1908—1989) — сотрудник «Правды», затем «Известий», печатал рецензии в «Новом мире» 1950-х гг. на издания историко-партийной тематики; в 1960—1970-е гг. выступал в основном в органах ЦК («Коммунист», «Партийная жизнь» и т.д.). Леонид Александрович Кудреватых (1906—1981) — в 1950-е гг. — заместитель главного редактора «Огонька», в 1960-е гг. — сотрудник «Известий». О его встречах с А.Т. см.: Кудреватых Л. Дом «Известий» // Воспоминания... 1978.
- 13 Пленум ЦК КПСС, открывшийся 5 марта, посвящался «коренной перестройке управления сельским хозяйством». Доклад Н.С.Хрущева на пленуме опубликован 6 марта на семи полосах «Правды».
- 14 Илья Ильич Мечников (1845—1916) — биолог, один из основоположников эмбриологии и иммунологии, Нобелевский лауреат 1908 г. Речь идет о его книге «Этюды о природе человека» (М.: Наука, 1961), где он размышляет о дисгармонии человеческого организма.
- 15 Подразумевается поездка на конгресс Европейского сообщества писателей. «Итальянская тетрадь» с записями о пребывании на конгрессе (10—25 марта) публикуется в приложении к записям 1962 г.
- 16 Зинаида Николаевна Пастернак (Нейгауз) (1896—1966) — вторая жена поэта. В 1960 г. А.Т. в записке в Гослитиздат уже ставил вопрос об издании Пастернака. В 1961-м он пишет об этом же В.Н.Орлову, главному редактору «Библиотеки поэта», членом редколлегии которой был А.Т. (Соч. Т. 6. С. 158).

- 17 Сергей Николаевич Голубов (1894—1962) — член редколлегии «Нового мира» с 1955 г. — еще при К.М.Симонове. А.Т. ходатайствовал о помощи больному Голубову перед ЦК КПСС (Там же. С. 188). Герой романа Голубова «Когда крепости не сдаются» (М., 1953) генерал Дмитрий Михайлович Карбышев (1880—1945) — участник Первой мировой, Гражданской и Отечественной войн. Попавший в фашистский плен, был замучен в лагере Маутхаузен. Журнал А.Т. откликнулся на роман рецензией (НМ. 1954. № 4).
- 18 Речь идет о снятии пьесы греческого поэта-политэмигранта Алексиса Парниса «Остров Афродиты» (НМ. 1960. № 9) с репертуара Малого театра, где, как и во многих театрах страны, она шла с большим успехом. По свидетельству А.Парниса, после его исключения из Компартии Греции из-за идеологических разногласий ее руководство с помощью ЦК КПСС всячески препятствовало работе писателя в СССР: задерживались его книга, съемки фильмов по его сценариям (Письмо А.Парниса в Отдел культуры ЦК. Б.д. Копия // Архив А.Т.). А.Парнис свидетельствовал: А.Т. «знал об этом и помогал мне, сколько мог, в этот трудный для меня период» (письмо Парниса О.А.Твардовской. 3.II.99. Греция). На книге А.Парниса «Греция моя родина. Стихи и поэмы» (Пер. с новогреч. М., 1958) автограф: «Александру Трифоновичу с любовью и благодарностью. Москва. 2.VIII.58». Подпись на новогреческом. В книгу вошли стихи, которые печатал А.Т. (НМ. 1954. № 6). Юрий Борисович Лукин (1907—1998) — критик, сотрудник литературного отдела «Правды». Аркадий Александрович Кулешов (1914—1978) — народный поэт Белоруссии (1968), автор «Нового мира», с 1966 г. — член редколлегии. Переписка А.Т. с А.Кулешовым опубликована М.И.Твардовской в «Немане» (Минск. 1980. № 9).
- 19 Николай Николаевич Вильям-Вильмонт (1901—1986) — литературовед, критик, переводчик И.-В.Гёте и Ф.Шиллера, редактор и составитель собраний их сочинений, автор работ о Гёте, Шиллере, Т.Манне. Высоко оценил творчество А.Т. (Вильям-Вильмонт Н.Н. Заметки о поэзии А.Твардовского // Знамя. 1946. № 7).
- 20 Имеются в виду повести В.Рослякова «Один из нас», В.Каверина «Семь пар нечистых» (НМ. 1962. № 2) и роман Ю.Бондарева «Тишина» (Там же. № 3—5). Василий Петрович Росляков (1921—1991) — прозаик, более в «Новом мире» не выступал. На отдельном издании его новомирской повести надпись: «Дорогому мне человеку Александру Трифоновичу Твардовскому, с оглядкой на коего пишет нынче вся честная Россия, а не только мы, маленькие росляковы. 27.1.63». Вениамин Александрович Каверин (1904—1989) — прозаик, постоянный автор журнала А.Т. с 1952 г. на протяжении 1950—1960-х гг. Юрий Васильевич Бондарев (р. 1924) — более в «Новом мире» А.Т. не печатался.
- 21 Об этих планах и замыслах см. записи 1961 г.
- 22 Владимир Николаевич Орлов (1908—1985) — литературовед, в 1956—1970 гг. — главный редактор серии «Библиотека поэта»

(издательство «Советский писатель»). На письме З.Н.Пастернак 15 марта 1962 г. помета А.Т.: «Отвечено. Запрошен В.Н.Орлов...» (Архив А.Т.).

В письме к Орлову 27 марта 1962 г. А.Т. просил внести в план «Библиотеки» том Б.Л.Пастернака, ссылаясь на рецензию «Нового мира» на последнее издание его «Стихотворений и поэм» (М.: Художественная литература, 1961), в которой А.Синяевский указывал на серьезные изъяны в составе книги (НМ. 1962. № 3). «Кроме того, поэзия Пастернака сама по себе имеет все права на место в "Библиотеке поэта"», — подчеркнул А.Т. Он отметил, что ему важно «знать, какие (во времени) виды могут быть у вдовы Пастернака на гонорар, т.к. она пишет о своем затруднительном... материальном положении». Том Пастернака был дополнительно включен в план «Библиотеки поэта» (Письма... С. 241, 446), вышел в 1965 г. На письме З.Н.Пастернак 24 апреля 1963 г. помета А.Т.: «Отвечено. Договор можно заключать. Литфонд не сделает вычетов. (Воронков)» (Архив А.Т.).

- 23 На заседании Бюро ЦК КПСС, посвященном «коренной перестройке управления сельским хозяйством», первый секретарь ЦК КП Молдавии З.Т.Сердюк рассказал об опыте передовых колхозов в оплате труда. Реплика А.Т. вызвана заключением Хрущева: «Человек своим честным трудом заработал деньги и пусть себе катается на мотоцикле» (Правда. 28 марта).
- 24 Первые наброски стихотворения «Береза», не вошедшие в окончательный текст. Опубликовано в 1966 г. с датировкой 1964—1966 (НМ. № 12).
- 25 Наброски стихотворения «На новостройках в эти годы...». В завершённый текст вошли с изменениями (Там же. 1965. № 9).
- 26 Фильм «Горизонт» вышел на экраны в 1962 г. Режиссер Иосиф Ефимович Хейфиц (1905—1995), сценарист Григорий Яковлевич Бакланов (р. 1923) — прозаик, в «Новом мире» опубликовал повесть «Пядь земли» (1959). См. об А.Т.: Бакланов Г. Остановить мгновение // Воспоминания... 1982; Бакланов Г. «Заполненный товарищами берег...» Книга про бойца — книга о народе // Его же. О нашем призвании. М., 1972.
- 27 Павел Алексеевич Сатюков (1911—1971) — главный редактор газеты «Правда» (1961—1964), член Идеологической комиссии ЦК КПСС (1962—1964).
- 28 Имеется в виду рассказ Э.Казакевича «Враги», где мудрый, всепрощающий Ленин дает возможность нелегально уехать за границу своему врагу — «полному фракционной злобы» Ю.О.Мартову. Рассказ был отклонен А.Т., увидевшим в нем «обнаженную и простодушную тенденцию» (письмо Э.Казакевича А.Твардовскому 9.IV.62 // Архив А.Т.). Опубликованный в «Известиях» (1962. 22 апреля) рассказ «Враги» вызвал отклики, отмечавшие его фактическую недостоверность. Мартов в 1920 г. не только не был в подполье, но участвовал в работе VII Всероссийского съезда Советов, был избран в Московский Совет. Его отъезд из России не был тайным: «Мы охотно выпустили Мартова за границу», — писал В.Ленин в статье «О продналоге»: разрешение

на его выезд было принято на пленуме ЦК (см.: За правдивое освещение исторических событий в художественной литературе // Вопросы истории КПСС. 1963. № 4).

По словам М.Алигер, А. Т. и Казакевич «были друзьями по большому счету». «...В их отношениях не раз возникали осложнения, но их всегда неизменно тянуло друг к другу» (Воспоминания о Э.Казакевиче: Сб. М.: Советский писатель, 1979. С. 382). «Было общее в их отношении к литературе горячем и самозабвенном... Бесребреничество. Скрамность жизненного уклада», — объяснял взаимное тяготение А.Т. и Казакевича В.Кардин (Там же. С. 298).

- 29 Строки, изъяты из поэмы цензурой.
- 30 Имеется в виду задуманный рассказ «Дом на буксире».
- 31 Речь идет о голосовании в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, членом которого был А.Т. Корней Иванович Чуковский (1882—1969) в 1962 г. получил Ленинскую премию за книгу «Мастерство Некрасова» (М., 1952; 4-е изд.: М., 1962). Обстановка в Комитете для него не была благоприятной (см. Записку ЦК КПСС о нежелательности выдвижения на Ленинскую премию К.И. Чуковского // Аппарат ЦК КПСС и культура 1958—1961. С. 514).
- 12 апреля Чуковский, находившийся в Барвихе, записал: «Чудесный Твардовский провел со мною часа два, шутил, рассказывал подробности обсуждения книги перед голосованием». В день голосования машина за А.Т. в Барвиху не пришла, и он, напрасно прождав ее, поехал в переполненной электричке (Чуковский К.И. Дневник 1930—1969. М., 1994. С. 310).
- 32 Первоначальный вариант стихотворения, опубликованного в 1965 г. (НМ. № 9).
- 33 См. примеч. 15 к записям 1961 г.
- 34 Василий Николаевич Ажаев (1915—1968) — прозаик. Печатался в «Новом мире» К.Симонова, в журнале А.Т. не выступал. Возможно, «тяжелый разговор» с ним шел об отказе от предложенного журналу произведения.
- 35 А.Т. навещал в гостинице «Москва» В.В.Овечкина, впервые приехавшего из Курска после тяжелой болезни. В ходе глубокого конфликта с Курским обкомом КПСС он пытался застрелиться и лишился глаза.
- 36 Речь идет о несостоявшейся покупке дачи А.М.Еголина.
- 37 Стихотворение осталось незавершенным. Опубликовано по-смертно (КП. 1972. 17 декабря) М.И. Твардовской.
- 38 Имеется в виду участие в декаде русской поэзии в Грузии (15—25 июня).
- 39 А.Т. работал в те дни над предисловием к готовящейся в «Новом мире» публикации повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тем самым он пытался облегчить появление в печати произведения на запретную «лагерную» тему никому не известного тогда автора, взяв на себя всю полноту ответственности.
- 40 «Первым подвигом» журнала в 1962 г. А.Т. считал статью А.Марьямова «Снаряжение в походе» (НМ. № 1) — критику

- сталинистского по своему духу романа Вс.Кочетова «Секретарь обкома».
- 41 Шофер служебной машины редактора «Нового мира».
- 42 Повесть Евгения Николаевича Герасимова (1903—1986) — члена редколлегии «Нового мира» (1958—1965) — вышла в свет под названием «Шелковый город» (НМ. 1962. № 8). Владимир Яковлевич Лакшин (1933—1993) — литературовед, критик, член редколлегии «Нового мира» (1962—1970), автор ряда статей об А.Т. и воспоминаний о нем. См.: Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное. 1953—1964. М., 1991; Лакшин В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Его же. Литературно-критические статьи. М.: Geleos, 2004.
- 43 «Проиграл» — в смысле разыграл представление. Секретарь Правления СП и секретарь партийной группы Правления СП А.А.Сурков в 1954 г. был одним из организаторов кампании против «Нового мира» и его редактора А.Т. Активная роль в ней принадлежала и Петру Николаевичу Поспелову (1898—1979), секретарю ЦК КПСС по идеологии (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957. М., 2001. С. 292—295).
- 44 Встреча А.Т. с Хрущевым состоялась 29 июля 1954 г. См.: Знамя. 1989. № 7. С. 141.
- 45 Стихотворение «Слово о словах» А.Т. впервые напечатано в «Правде» 5 мая 1962 г. — в день, когда орган ЦК отмечал свое 50-летие. Николай Александрович Абалкин (1906—1986) — член редколлегии газеты «Правда» (1958—1966), заместитель заведующего отделом литературы и искусства редакции.
- 46 Шандор Петефи (1823—1881) — венгерский поэт, один из руководителей революции 1848—1849 гг. в Венгрии, имя которого стало знаменем объединения интеллигенции, готовившей анти-тоталитарную революцию в Венгрии в 1956 г. Стихи Петефи в переводах М.Исаковского и С.Маршака печатались в «Новом мире» (1951. № 8).
- 47 В день прилета А.Т. (20 июня 1962 г.) газета «Вечерний Тбилиси» публикует интервью с ним. А.Т. рассказывает, что первый раз приезжал в Грузию в 1941 г. и тогда завязалось его знакомство с И.Абашидзе, С.Чиковани и др. ее поэтами. 27 июня в Концертном зале им. Руставели состоялся творческий вечер А.Т., на котором он сам и грузинские поэты читали его стихи (Заря Востока. 1962. 28 июня). П.В.Кованов (1907—1986) — работник аппарата ЦК, с 1956 г. — второй секретарь ЦК КП Грузии.
Ираклий Виссарионович Абашидзе (1909—1992) — грузинский поэт, неоднократно печатался в «Новом мире» (1960. № 12; 1968. № 8; 1969. № 11). См. об А.Т.: Абашидзе И. Первая встреча // Воспоминания...).
- 48 Карло Ражденевич Каладзе (1904—1988) — грузинский поэт, автор «Нового мира». На книге К.Каладзе «На холмах Грузии» (Тбилиси, 1959) автограф: «Моему старшему брату Александру Твардовскому с любовью. 28.VI.62».
- 49 Этой записью А.Т., по сути, сформулировал тот социально-исторический и эстетический «заказ», который много лет спу-

- стя отчасти будет выполнен фильмом Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1987).
- 50 От помощника Хрущева В.С.Лебедева во многом зависела судьба повести Солженицына — выбор благоприятного момента для передачи рукописи патрону с положительной и убеждающей рекомендацией. Полезно было также заручиться содействием Игоря Сергеевича Черноуцана (1918—1990) — инструктора Отдела культуры ЦК, с декабря 1962 г. — заведующего сектором Отдела. На встречу с ними А.Т. шел максимально подготовленным — после многочисленных телефонных переговоров, вооруженный поддержкой ряда видных писателей, которых ознакомил с повестью. К.И.Чуковский, С.Я.Маршак, К.Г.Паустовский, К.М.Симонов по просьбе А.Т. согласились дать письменные отзывы об «Одном дне Ивана Денисовича». К.А.Федин и И.Г.Эренбург в этом ему отказали.
- 51 М.И.Алигер, близкий друг Казакевича, вспоминала о его болезни: «...Когда грянула беда, Твардовский со всем присущим ему жаром сердца кинулся на помощь и принимал горячее участие во всех наших хлопотах и заботах» (Воспоминания о Э.Казакевиче. С. 381—382). О том, как А.Т. во время болезни друга «хлопотал о дефицитных лекарствах, медицинских консультациях, вникал в лечебные подробности», рассказывает и В.Кардин (Там же. С. 298).
- 52 «Кочугинцы» — последователи нелегальной целительницы Н.Кочугиной.
- 53 Владимир Васильевич Воронцов (1907—1980) — работник аппарата ЦК, с 1953 г. — помощник секретаря ЦК КПСС М.А.Суслова. Степан Петрович Гаврилов (1905—1983) — работник Управления кадров ЦК, с 1947 г. — помощник М.А.Суслова.
- 54 Эту ситуацию во многом повторяет та, что сложилась во время смертельной болезни А.Т. в 1970—1971 гг.
- 55 Галина Осиповна — жена Э.Казакевича. Имеется в виду встреча в Кунцевской больнице с заместителем начальника 4-го (лечебно-санитарного) Управления Министерства здравоохранения СССР.
- 56 Маргарита Иосифовна Алигер (1915—1992) — поэт, автор «Нового мира». См. ее мемуарный очерк «Тропинка во ржи» (Воспоминания... 1982). Ираклий Лаусарбович Андроников (1908—1990) — литературовед, исследователь М.Лермонтова, автор «Нового мира» 1950-х — начала 1960-х гг., мастер устного рассказа.
- 57 Всемирный конгресс за всеобщее разоружение открылся 9 июля 1962 г. О скептиках, не верящих в его результативность, есть упоминание в статье И.Эренбурга «Накануне конгресса» (Правда. 1962. 8 июля). На осень 1962 г. в СССР планировалась «серьезная серия» испытаний термоядерного оружия (Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 315).
- 58 Как кандидат в члены ЦК КПСС (1961—1965) А.Т. имел доступ к изданиям, предназначенным для узкого круга лиц из партийно-государственного руководства, где каждый экземпляр был номерным. Книга Р.Риса «Джордж Оруэлл. Беглец из лагеря по-

бедителей» была издана и в варианте для широкого читателя (М.: ИЛ, 1962).

- 59 «Мосты» — литературно-художественный и общественно-политический альманах русской эмиграции (Мюнхен, 1958—1970). Уильям Фолкнер (1897—1962) — американский писатель, автор трилогии «Деревня» (1949), «Город» (1957), «Особняк» (1959): книги имелись в библиотеке А.Т. Речь при вручении Нобелевской премии произнесена Фолкнером в 1949 г. А.Т. были сродни многие ее мысли о творчестве, особенно призыв писать, руководствуясь лишь «старыми истинами сердца», без которых всякий литературный труд эфемерен и обречен. Разделял он и веру Фолкнера, что поэту дано великое право поддержать человека, «возвышая его душу, напоминая ему о мужестве и чести, о надежде и сострадании, жалости и жертвенности» (Мосты. 1958. № 1. С. 390—392).
- 60 Судя по публиковавшимся материалам конгресса, большинство выступлений на нем сводилось к протестам против наращивания США военного потенциала. Речь Н.С.Хрущева «Всеобщее и полное разоружение — гарантия безопасности народов» напечатана в «Правде» 11 июля.
- 61 В письме Первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву (датированном 6 августа 1962 г.) А.Т. писал: «Я не счел бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай. Речь идет о поразительно талантливой повести А.Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы... Но в силу необычности материала, обещаемого в повести, я испытываю настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении» (Копия // Архив А.Т. Впервые опубликовано в «Континенте» в 1993 г.).
- 62 Вопрос об отпуске редактора «Нового мира» решался на Секретариате Правления СП СССР: «Новый мир» был органом СП.
- 63 С Сергеем Ивановичем Вашенцевым (1897—1969) — журналистом, прозаиком — А.Т. был знаком со времени первой поездки в Москву в 1929 г. Сын волостного писаря Вашенцев учился в Военно-педагогическом институте и на филологическом факультете МГУ. С 1920-х гг. выступал в столичной печати, работал в редакции «Правды». Особенно сблизился с А.Т. во время финской войны 1939—1940 гг., когда оба были корреспондентами газеты Ленинградского фронта «На страже Родины». На повести С.И.Вашенцева о военных курсантах «Канны» (М., 1936. 2-е изд.) надпись: «Дорогому Александру Трифионовичу на память о холоде, морозе, огне и льде на фронте, о чудесных людях и незабываемых днях, проведенных вместе. С дружбой. 16.IV.40». В первые месяцы Отечественной войны они оказались в газете Юго-Западного фронта «Красная армия», но в конце 1941 г. Вашенцева перевели в Москву, в редакцию «Правды». В 1960-е гг. Вашенцев — работник издательства «Советская Россия». Варвара Михайловна Вашенцева (1910—1962) — жена писателя.

- 64 Первая поездка А.Т. на юг (в Хосту) состоялась в августе 1935 г., по завершении первоначальной редакции поэмы «Страна Муравия».
- 65 Борис Николаевич Полевой (1908—1981) — прозаик, очеркист, главный редактор журнала «Юность» (1962—1981).
- 66 Андриян Григорьевич Николаев (1929—2004) — летчик-космонавт, совершивший полет на космическом корабле «Восток-3».
- 67 Мирзо Турсун-заде (1911—1977) — народный поэт Таджикистана (1961).
- 68 Роберт Фрост (1874—1963) — поэт, классик американской литературы, переведенный на десятки европейских языков. Поэзия Фроста, бывшего фермера, связана с сельской жизнью. Стихи Р.Фроста (в пер. А.Сергеева) печатались в «Новом мире» (1960. № 6; 1965. № 12).
- 69 Речь идет о главе поэмы «За далью — даль».
- 70 Возможно, А.Т. имеет в виду героя очерка «Пусть Игнат Белый скажет» (1933), рассказывавшего о поездках смоленских крестьян в Америку в начале XX в. (Соч. Т. 4).
- 71 Начальник Главлита П.К.Романов направил 23 августа в ЦК КПСС докладную записку с ходатайством о запрещении очерка В.Каверина «Белые пятна» как противоречащего оценке творчества М.Зощенко в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (1946). Здесь же говорилось о «нецелесообразности» публикации стихов М.Цветаевой, которые редакция «Нового мира» преподносит как «творчество большого и своеобразного поэта», тогда как они «не могут способствовать идейному воспитанию советского человека» (Буртин Ю. Власть против литературы (60-е годы). Публикация документов И.Брайнина и А.Петрова // ВЛ. 1994. Вып. 2). Несмотря на цензурный запрет, редакция продолжала продвигать в печать очерк В.Каверина и стихи М.Цветаевой — они появились лишь в № 3 и № 9 «Нового мира» за 1965 г.
- 72 Клуб, на строительство которого в родных местах А.Т. отдал Ленинскую премию. Петр Андреевич Абрахимов (1912—2009) — с февраля по декабрь 1962 г. — первый секретарь Смоленского обкома КПСС.
- 73 В повести А.И.Солженицына спорят о фильме С.М.Эйзенштейна «Иван Грозный» заключенные: кинорежиссер Цезарь Маркович, восхищавшийся фильмом, и каторжанин-«двадцатилетник», осуждающий фильм как «оправдание единоличной тирании».
- 74 В подтянутости, опрятности, гордой осанке «жилистого старика» высокопоставленные читатели повести Солженицына усмотрели признаки крупной должности в прошлом. А.Т. увидел в этом врожденное чувство достоинства и своеобразный аристократизм.
- 75 Константин Иванович Буковский сотрудничал с «Новым миром» А.Т. еще в 1950-е гг. В 1962 г. цензура запретила его статью о дореволюционной крестьянской кооперации, успешно конкурировавшей с частнособственническим хозяйством. Был

- опубликован лишь очерк Буковского «Малые города» (НМ. 1965. № 8).
- 76 Имеется в виду очерк В.Пескова (КП. 1962. 16 сентября) о событиях в воронежском селе Матреновка на реке Битюг. Размышления А.Т. во многом предвосхищают художественный анализ подобной ситуации в повести В.Распутина «Живи и помни» (1974).
Василий Михайлович Песков (р. 1930) — очеркист, фотохудожник, корреспондент «Комсомольской правды». Очерк «Дезертир» вошел в его книгу «Шаги по росе» (М., 1963), сохранившуюся в библиотеке А.Т. с автографом: «Мужественному и талантливому человеку Александру Трифоновичу Твардовскому с искренним уважением от почитателя, радующегося первой своей книжке. Август 1963».
- 77 Александр Николаевич Шелепин (1918—1994) — председатель КГБ СССР (1958—1961), секретарь ЦК КПСС (1961—1967), член Политбюро ЦК (1964—1975), лидер складывавшейся в ЦК КПСС антихрущевской группировки (см.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 230), а также идейный руководитель партии русских националистов (Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953—1985. М.: НЛО, 2003. Указ. имен). Известно несколько записок А.Шелепина 1960—1961 гг., в том числе и о настроениях советской интеллигенции. Упоминается в них и А.Т. Какое «письмо Шелепина» имеет в виду А.Т. — неясно (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1964. Документы. М.: РОССПЭН, 2005).
- 78 Сергей Сергеевич Смирнов (1915—1976) — прозаик, драматург, сценарист, заместитель А.Т. — главного редактора «Нового мира» в 1950—1954 гг.; главный редактор «Литературной газеты» (1959—1960), секретарь Правления СП. Письма А.Т. С.С.Смирнову см.: Соч. Т. 6.
- 79 Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — критик, литературовед, библиограф. В 1950—1952 гг. — заместитель главного редактора «Нового мира». Один из первых в Москве оказал серьезную поддержку молодому А.Т., подвергавшемуся травле в Смоленске как «кулацкий подголосок» (см.: Несгоревшие письма. А.Т.Твардовский и М.И.Твардовская пишут А.К.Тарасенкову в 1930—1935 гг. // Знамя. 1997. № 10; отд. изд.: Смоленск: Маджента, 2006). А.К.Тарасенков — заместитель главного редактора журнала «Знамя», где А.Т. печатал главы «Василия Тёркина», поэму «Дом у дороги», очерки «Родина и чужбина». Об А.Т. см. в кн.: Тарасенков А.К. Статьи о литературе. Т. 2. М.: Советский писатель, 1958. О Тарасенкове см.: Соч. Т. 5. С. 276—278; Т. 6. Указ. имен.
- 80 Этот план не был реализован А.Т., а позднее, незадолго до его смерти, в сильную грозу в октябре 1971 г. пострадало несколько яблонь, в их числе и любимая — «белый налив», — вырванная с корнем.
- 81 Старший брат А.Т. Константин Трифонович Твардовский (1906—1994).

- 82 Строки из стихотворения В.Маяковского «Прозаседавшие» (1923), «продолженные» А.Т.
- 83 Алексей Иванович Кондратович (1920—1984) — критик, очеркист, старший редактор отдела прозы «Нового мира», с мая 1961 г. — заместитель главного редактора. В 1970-е гг. — автор воспоминаний, статей и книг об А.Т.
- 84 Софья Григорьевна Караганова — заведующая отделом поэзии «Нового мира».
- 85 Грачев — директор издательства «Известия», в типографии которого печатался «Новый мир».
- 86 Николай Федорович Погодин (1900—1962) — драматург, прозаик, главный редактор журнала «Театр» (1951—1960). «Новый мир» отзывался на его пьесы о Ленине (1959. № 4).
- 87 Речь идет о путевых очерках В.Некрасова «По обе стороны океана» (НМ. № 11—12). Виктор Платонович Некрасов (1911—1987) — прозаик, очеркист, мемуарист, постоянный автор «Нового мира». А.Т. немало содействовал тому, чтобы повесть никому тогда не известного автора вышла в свет. Именно А.Т. в качестве внутреннего рецензента рекомендовал ее к печати в журнал «Знамя» и в издательство «Советский писатель» (Твардовский А.Т. В.Некрасов. В окопах Сталинграда // ВЛ. 1988. № 10). Редакцию «Знамени» А.Т. уверял, что повесть принята «Советским писателем», а в издательстве утверждал, что ее печатает «Знамя». На первом издании книги «В окопах Сталинграда» (М.: Советский писатель, 1947) автограф: «Александру Трифоновичу Твардовскому, настоящему поэту и человеку — от искренне любящего его и втянутого им в литературу В.Некрасова. 7.VII.1947».
- По свидетельству В.Некрасова, А.Т. как редактор «никогда не старался казаться умнее, чем он есть, но почему-то всегда чувствовалось его превосходство, даже в споре, когда оказывалось, что прав именно ты, а не он... Да, в нем было рыцарство, в этом сыне смоленских лесов... умение отстаивать свою правоту, глядя прямо в глаза, не отрекаться от сказанного и не изменять в бою. Это навсегда привлекло меня к нему» (Некрасов В.П. Твардовский // О В.Некрасове: Сб. Киев, 1992. С. 285).
- 88 Орест Георгиевич Верейский (1915—1993) — народный художник РСФСР (1962), член-корреспондент Академии художеств СССР, график, иллюстратор произведений А.Т., а также Л.Толстого, И.Бунина, А.Чехова и других классиков русской литературы.
- 89 Михаил Федорович Яковлев — фотограф, приятель А.Т.
- 90 Александр Яковлевич Яшин (1913—1968) печатался в «Новом мире» как поэт и прозаик в 1950—1960-е гг. А.Т. неоднократно упоминается в дневниковых записях Яшина (Октябрь. 1980. № 1). О судьбе очерка А.Яшина «Вологодская свадьба» (НМ. 1962. № 12) см. далее в записях 1963 г.
- 91 Владимир Владимирович Ермилов (1904—1965) — литературовед, критик, главный редактор «Литературной газеты» (1946—1950), где А.Т. был членом редколлегии. В статье Ермилова «Фальшивая проза» (ЛГ. 1947. 20 декабря) резко осуждался цикл фронтовых и послевоенных очерков А.Т. «Родина и чуж-

- бина» (Знамя. 1947. № 11—12). Критик утверждал, что автор искажил образ народа, включив в него людей «негодных» — «"оборотистых", думающих о наживе и собственном благополучии». А.Т. обличался в «абстрактном гуманизме», в «христианском восприятии» действительности. Статья Ермилова открыла кампанию разносной критики очерков А.Т. как идейно порочных.
- 92 «Культура и жизнь» (1946—1951) — орган Управления пропагандой и агитацией ЦК ВКП(б), печатавший директивные материалы по вопросам литературы и искусства.
- 93 В докладной записке Д.А.Поликарпова в ЦК КПСС (август 1962 г.) отмечалось, что А.Т. «настаивает на опубликовании стихов М.Цветаевой». В сентябре 1962 г. разрешение на публикацию Цветаевой было получено, но затем снова сменилось запретом (ВЛ. 1994. Вып. 2. С. 230—232). Лишь в 1965 г. А.Т. добился возможности напечатать стихи М.Цветаевой (НМ. № 3).
- 94 Статья-некролог А.Т. о Э.Казакевиче «Памяти друга» появилась в «Литературной газете» 27 сентября (Соч. Т. 5). В ноябре редколлегия «Нового мира» выдвинула Э.Казакевича на соискание Ленинской премии за рассказы, печатавшиеся в журнале, и повесть «Синяя тетрадь». А.Т. стал председателем комиссии по литературному наследию Казакевича.
- 95 Похороны А.А.Фадеева прошли в мае 1956 г. на Новодевичьем кладбище.
- Анатолий Наумович Рыбаков (1911—1998) — прозаик. В 1964 г. в «Новом мире» будет напечатан его роман «Лето в Сосняках». А.Т. планировал опубликовать и роман «Дети Арбата», объявленный в планах журнала на 1966 г., но сделать это не удалось. В «Романе-воспоминании» Рыбаков передает рассказанное им А.Т. со слов Казакевича иначе, отметив недоверие А.Т., публично выраженное на поминках, что не подтверждается записью А.Т. (ДН. 1997. № 8. С. 32).
- 96 «У края глубокой могилы — Твардовский, с силой метнувший вслед за гробом, на который уже стали кидать лопатами землю, большой букет ярких цветов. Туда, к нему. В этом жесте и непокорность судьбе, и боль, и нежность...» (Рубен Б. Судьба и память // Воспоминания о Э.Казакевиче. С. 269).
- Александр Альфредович Бек (1903—1972) — прозаик, очеркист, автор «Нового мира» 1950—1960-х гг.
- 97 Абрам Моисеевич Заславский (1899—1962) — заместитель главного архитектора Москвы.
- 98 Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) — прозаик, публицист. Автобиографическая повесть Паустовского «Время больших ожиданий» была отклонена журналом А.Т. В нарочитой отстраненности автора от революционных и политических событий в стране редактор увидел «пафос безответственного, в сущности глубоко эгоистического "существовательства"... гордыни, которой плевать на "мировую историю" с высоты своего созерцательского, "надзвездного" единения с вечностью» (Письмо К.Г.Паустовскому 26.XI.58 // Письма... С. 145—146). Несмотря на суровую отповедь А.Т., сотрудничество писателя с «Новым миром» не оборвалось: он напечатал здесь «Книгу ски-

- таний» (1963. № 10—11), ряд очерков и рецензий. Журнал А.Т. откликнулся на творчество Паустовского (1967. № 4; 1969. № 4). В опубликованном некрологе о Казакевиче (НМ. 1962. № 10) нет отмеченных А.Т. «штучек». Не восстанавливались они и в дальнейшем (см.: Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1983. С. 531—532).
- 99 Даниил Семенович Данин (1914—2000) — критик, прозаик, очеркист, работал в жанре научно-художественной литературы. Его статья «Жажда ясности» (НМ. 1960. № 3) вызвала дискуссию о научно-художественной литературе (Там же. № 4 и 6). Анна Самойловна Берзер (1917—1994) — старший редактор отдела прозы «Нового мира», постоянный автор «Книжного обозрения» журнала. О мытарствах с очерком В.С.Гроссмана «Добро вам! Путевые заметки по Армении» см. далее.
- 100 Подразумеваются трудные переговоры с И.Эренбургом по поводу 5-й книги его воспоминаний «Люди, годы, жизнь», которую «Новый мир» готовил к печати и, преодолев яростное сопротивление цензуры и ЦК КПСС, опубликовал в № 1—3 за 1963 г. Так, А.Т. не мог согласиться, что накануне войны в Москве царил «свадебное настроение». «Это, простите, неправда», — писал он автору, определяя предвоенное время как «пору всенародного тревожного предчувствия» — «нельзя же тогдашний тон газет и радиопередач принимать за настроение общества». Отказывался А.Т. печатать страницы о Фадееве, несовместимые с его уважением к памяти этого писателя, которого воспринимал как фигуру трагическую (Письмо И.Г.Эренбургу 5.IV.62 // Почта И.Эренбурга... С. 490—493). Большинство замечаний редакции Эренбург принял. Первоначальный текст не восстанавливался ни в его собрании сочинений (Т. 9. М., 1967), ни в отдельном издании мемуаров (М.: Советский писатель, 1990).
- 101 А.Т. предполагал выдвинуть в числе причин своего отказа от поездки с женой в Америку беременность старшей дочери.
- 102 Имеется в виду постановление ЦК от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», обличавшее их в аполитизме и безыдейности и отчуждавшее от советской литературы таких авторов, как Михаил Зощенко и Анна Ахматова (см.: Литературный фронт. История политической цензуры 1932—1946 гг. М., 1994. С. 221—225). Не будучи отменено, оно сохраняло значимость для цензуры. См. запись от 11 сентября и примечания к ней.
- 103 Стихи Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» появились в «Правде» 21 октября. Поэт утверждал, что Сталин после смерти не сдался: «Он что-то задумал, / Он лишь отдохнуть прикорнул». Поэту чудится, «будто поставлен в гробу телефон: Энверу Ходжа сообщает свои указания Сталин». Энвер Ходжа (1908—1985) — с 1948 г. бессменный первый секретарь ЦК Албанской партии труда.
- 104 См. также рассказ А.Т. в редакции о встрече с Хрущевым в кн.: Лакшин В. Указ. соч. С. 75—76.

- 105 Речь идет о рассказе Г.Шелеста «Самородок» (Известия. 1962. 5 ноября), которым редактор газеты А.Аджубей поспешил предварить публикацию повести А.И.Солженицына, чтобы приписать «Известиям» первооткрытие «лагерной» темы, дав ей одновременно нужное направление. В рассказе заключенные на Колыме, найдя золотой самородок в 1,5 кг, сдают его властям: «настоящие ленинцы, мыслят по-коммунистически». Георгий Иванович Шелест (1903—1965) — прозаик, печатался с 1924 г. Репрессирован в 1937 г. После реабилитации в партии не восстанавливался.
- 106 Опубликовано в «Новом мире» (1963. № 1).
- 107 В печати воспоминания Троицкого-Вайсберга не обнаружены.
- 108 Дэви Георгиевич Стура — член ЦК Компартии Грузии.
- 109 Поздравительное письмо дочери в родильный дом А.Т. послал вместе с сигнальным экземпляром № 11 «Нового мира». На обороте письма — поздравление А.Т. от сотрудников редакции в связи с выходом повести А.И.Солженицына.
- 110 Имеется в виду дом отдыха в Карачарове на Волге, где подолгу жил писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов (1892—1975), с которым А.Т. с начала 1950-х гг. связывали дружеские отношения (см. их переписку: Север. 1978. № 4—6. Публ. М.И.Твардовской).
- 111 Стихи читателей «Василия Тёркина». Публ. Ю.Г.Буртина // ЛН. М., 1966. Т. 78. Кн. 1. С. 563—601. А.Т. имеет в виду сотворчество читателей, вызванное его поэмой.
- 112 Рассказ А.Солженицына «Не стоит село без праведника», опубликованный под названием «Матренин двор».
- 113 Рассказ «Случай на станции Кречетовка» (НМ. 1963. № 1); пьеса «Олень и шалашовка».
- 114 Стихи Солженицына были отклонены А.Т. как написанные ниже уровня его прозы.
- 115 Речь идет о повести В.Некрасова «Кира Георгиевна» (НМ. 1961. № 6). Написанная в 1959 г., она явилась первым в советской литературе произведением о человеке, вернувшемся из лагеря, о его разрушенной жизни. Сам автор любил эту «маленькую печальную повесть», А.Т. считал ее недооцененной.
- 116 Поэма «Пир победителей» журналу А.Т. не предлагалась.
- 117 Константин Михайлович Симонов (1915—1979) — поэт, прозаик, драматург, главный редактор «Нового мира» в 1946—1950 и 1954—1958 гг. В рецензии на повесть «Один день Ивана Денисовича» К.Симонов повторил ряд положений предисловия А.Т. к ней, в частности то, что Солженицын описывает обычный лагерный день, без нагнетания «ужасных фактов жестокости и произвола», а его героев, «волею обстоятельств поставленных в особые условия физических и моральных испытаний», легко представить и в обыденной жизни — «на фронте, на стройках послевоенных лет» (Симонов К. О прошлом во имя будущего // Известия. 1962. 17 ноября).
- 118 В статье «Во имя правды, во имя жизни» В.Ермилов, находя в повести Солженицына «толстовскую художественную силу», стремится уравнивать ее с повестью В.Кожевникова «День лета-

- щий», по словам критика, разрешающей народную тему в том же «художественном ключе» (Правда. 1962. 23 ноября).
- 119 В отзыве на повесть Солженицына, написанном по просьбе А. Т. в период продвижения ее в печать, М.А.Лифшиц отмечал: «Автор так же умен и глубок в своей психологичности, живописи и в своем выборе каждого слова, как и в общем взгляде на жизнь» (ВЛ. 1990. № 7. С. 73—74).
- 120 Недоверие А.Т., как и многих в редакции, вызывала ключевая для сюжета рассказа деталь: герой не знал о переименовании (еще в 1925 г.!) Царицына в Сталинград.
- 121 Речь идет о пьесе «Олень и шалашовка».
- 122 Доклад Хрущева, занявший в «Правде» (20.XI) 10 полос, посвящен переходу к новым формам партийного руководства в народном хозяйстве — разделению территориальных партийных и советских органов на «промышленные» и «сельские».
- 123 Волнения рабочих в Новочеркасске, в мае 1962 г. протестовавших против повышения цен на продовольствие при одновременном снижении расценок. Подавленные войсками, они завершились массовыми жертвами. О событиях в Новочеркасске в советской печати не упоминалось. Записанное А.Т. высказывание о них Хрущева в опубликованном тексте его доклада отсутствует.
- 124 В печатном варианте доклада это положение было значительно смягчено.
- 125 В письме в Политбюро ЦК РКП(б) от 18 марта 1922 г. в связи с попытками МК партии и Моссовета прикрыть злоупотребления своих сотрудников при распределении жилья, обнаруженные проверкой, Ленин писал: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает "своих" мерзавцев!!!» (Впервые процитированное в «Правде» (1962. 26 ноября) в выступлении Н.С.Хрущева письмо опубликовано: Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 45. М., 1964. С. 53).
- 126 Эти данные в опубликованном тексте доклада отсутствуют.
- 127 Речь шла о том, что план выпуска шин не учитывал производство автомобилей, и новые машины стояли на колодках из-за нехватки шин.
- 128 А.Т. имел в виду Н.И.Белаша, свинаря Гутовского совхоза Новосибирской области. В печатном варианте его выступления (Правда. 24.XI) отсутствуют все отмеченные А.Т. «отвлечения» от заготовленного текста.
- 129 См.: История КПСС. 1-е изд., дополненное. М., 1962. С. 505.
- 130 Заключительное слово Н.С.Хрущева не было опубликовано.
- 131 Фрол Романович Козлов (1908—1965) — член Президиума ЦК КПСС (1957—1964), секретарь ЦК (1960—1964).
- 132 Позднее А.И.Солженицын объяснял отрицательное мнение А.Т. о пьесе «Олень и шалашовка» неосведомленностью его в вопросах драматургии. К моменту их разговора (26.XI) пьеса уже была отдана театру «Современник», который над ней работал, однако постановку запретили. В 1990-е гг. пьесу поставил МХАТ, но она быстро выпала из репертуара. В том пьес собрания сочинений массового издания (Т. 7. М., 1991) автор ее не включил.

- 133 Митин Г.А. Во имя человека // Красная звезда. 1962. 25 ноября. Статья ставила повесть Солженицына в ряд самых значительных произведений советской литературы. Симптоматично, что мимо внимания А.Т. не прошло краткое сообщение, напечатанное мелким шрифтом в «Обзоре зарубежной печати», относящееся к повести Солженицына (Известия. 1962. 26 ноября). «Дейли мейл» — английская ежедневная либеральная газета (Лондон, Манчестер, Эдinburgh). Тираж 1,75 млн экз.
- 134 Иван Семенович Козловский (1900—1993) — певец, народный артист СССР.
- 135 «Твои замечания по очерку Гроссмана вполне основательны и совпадают с теми, что сделаны мною и другими товарищами из редколлегии при повторном (некоторыми в 3-й и в 4-й раз) чтении этой вещи», — писал А.Т. члену редколлегии «Нового мира» В.В.Овечкину 20 сентября 1962 г. «Хотя В.Гроссман — автор трудный, вроде В.Овечкина, и хотя его легче всего было просто не печатать, печатать его нужно, пусть это и очень дорого обходится для редакторских нервов» (Север. 1980. № 2. С. 86—87. В 6-м томе собрания сочинений цитируемое письмо А.Т. опубликовано с цензурными изъятиями). После отказа В.С.Гроссмана выполнить требования цензуры очерк «Добро вам!» был снят из номера. Опубликован посмертно с купюрами (Литературная Армения. 1965. № 6—7). Несколько раньше в «Новом мире» (1962. № 6) был напечатан рассказ Гроссмана «Дорога», год спустя — рассказ «Несколько печальных дней» (Там же. 1963. № 12).
- 136 Леонид Федорович Ильичев (1906—1990) — секретарь ЦК КПСС (1961—1965), медал вопросами пропаганды, с 1965 г. — заместитель министра иностранных дел.
- 137 В 1962 г. в печати появились сведения о работе Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР. А.Т. с опаской относился к плану реформы русской орфографии, не раз возникавшим в 1950—1960-е гг.
- 138 А.Т. вспоминает о поездке в Якутию в июле 1953 г.
- 139 Василий Павлович Мжаванадзе (1902—1988) — первый секретарь ЦК Компартии Грузии (1953—1978).
- 140 Речь идет о стихотворении «В дружбе есть святая проба...» (1954), строки которого входили в первый вариант «Тёркина на том свете». В окончательном варианте поэмы (1963) их нет.
- 141 В книге «Счастливый остров» (М., 1962) шведского этнографа Бенгта Даниельсона, участника экспедиции Тура Хейердала на плоту «Кон-Тики» (1947), рассказывается о жизни полинезийцев, аборигенов кораллового острова Рароа. Под примечаниями А.Т., по-видимому, подразумевает предисловие С.А.Токарева. Автор, усматривая благо в положении острова вне «тлетворных влияний капиталистической системы», одновременно говорит о вымирании островитян из-за нежелания властей приобщить их к достижениям цивилизации (С. 1, 8, 13 и др.).
- 142 Анатолий Владимирович Софронов (1911—1990) — поэт, драматург, публицист, главный редактор журнала «Огонек» (1953—

- 1985), активно выступавшего против «Нового мира» и его авторов.
- 143 Баграт Васильевич Шинкуба (1917—2004), народный поэт Абхазии, председатель Президиума ВС Абхазской АССР (1958—1978). По-видимому, А.Т. имеет в виду его роман в стихах «Песнь о скале», отрывок из которого под заглавием «Кольчуга» в переводе Риммы Казаковой позднее опубликует (НМ. 1967. № 5).
- 144 Семен Израилевич Липкин (1911—2003) — поэт, прозаик. Переводы Липкина с узбекского, армянского, якутского, татарского и др. языков народов СССР регулярно печатались в журнале А.Т. в 1950—1960-х гг. Владимир Васильевич Державин — переводчик с языков народов СССР, а также персидского и фарси.
- 145 После посещения Хрущевым выставки в Манеже «XXX лет МОСХ» и его резких высказываний против художников, отступивших от «соцреализма», произошла очередная мобилизация сталинистов в партийных «верхах». Встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства состоялась 17—18 декабря. Наряду с художниками резкой критике здесь подверглись и писатели, в том числе авторы «Нового мира» И.Г.Эренбург и В.П.Некрасов. Следствием декабрьской встречи было ужесточение идеологического режима, что сразу же сказалось на положении журнала А.Т.
- 146 Елена Феликсовна Усиевич (1893—1968) — критик, член КПСС с 1915 г., дочь деятеля международного революционного движения Ф.Я.Кона, члена ВЦИК СССР, жена видного участника революции 1917 г., члена ВРК Г.А.Усиевича. Автор одного из первых откликов на «Страну Муравию».
- К печати были подготовлены два рассказа А.И.Солженицына — «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» (НМ. 1963. № 1). А.Т. опасался, что распространение их рукописных текстов помешает публикации.
- 147 Иван Антонович Ефремов (1907—1972) — писатель-фантаст. А.Т. читал его книгу «Дорога ветров» (М.: Географиздат, 1962) — художественно-документальный рассказ о палеонтологических экспедициях в пустыню Гоби. См. также отзыв о научно-фантастических рассказах И.Ефремова в кн.: «Я в свою ходил атаку...». С. 292.
- 148 На открытке из Флоренции с видом города А.Т. писал 9 марта жене Марии Илларионовне о благополучном прибытии в Италию, отмечая: «Париж — подарок».
- 149 Микола Бажан (1904—1983) — украинский поэт, общественный деятель, неоднократно печатался в «Новом мире» А.Т.
- 150 Витторио Страда (р. 1930) — историк и литературовед, русист. Переводчик на итальянский язык ряда произведений советских писателей, автор статьи о Б.Л.Пастернаке, А.И.Солженицыне. В 1990-е гг. опубликовал в России ряд статей и эссе из истории русской литературы и общественной мысли.
- 151 Джанкарло Вигорелли — генеральный секретарь Европейского сообщества писателей, главный редактор журнала «Europa letterari». Напечатал в нем наряду с другими произведе-

- ниями советской литературы отрывок из книги А.Т. «Родина и чужбина».
- 152 Повесть В.П.Некрасова «В окопах Сталинграда» была переведена на ряд европейских языков, в Италии издана в переводе В.Страды.
- 153 Григорий Наумович Чухрай (1921—2001) — кинорежиссер: фильмы «Сорок первый» (1956), «Чистое небо» (1961), за который получил Ленинскую премию. А.Т. особенно любил его «Балладу о солдате» (1959).
- 154 Речь идето Джакомо Фельтринелли, издавшем в 1957 г. в Милане итальянский перевод «Доктора Живаго» Б.Л.Пастернака. Эта первая публикация романа вызвала гонения на поэта на родине. Здесь имеется в виду поэма Николая Алексеевича Некрасова.
- 155 А.Т. подразумевает нападки на В.П.Некрасова за опубликованные в «Новом мире» повести «В родном городе» (1954), «Кира Георгиевна» (1961). Но самому серьезному обстрелу критики подвергнутся путевые заметки В.Некрасова «По обе стороны океана» (НМ. 1962. № 11—12) — о поездках в Италию и США, навлекшие на писателя гнев Н.С.Хрущева.
- 156 Церковь Санта Мария Новелла — первая монастырская церковь Флоренции (XIII в.). Ощущение ее «огромного объема, высоты» создавалось, в частности, расположением пилястров, расстояние между которыми по мере приближения к алтарю уменьшалось.
- 157 Имеется в виду Кафедральный собор Санта Мария дель Фиоре (Собор Св. Марии с цветком), строившийся в XIII—XV вв. Скульптура Микеланджело «Пьета» (Снятие с креста) известна и как «Положение во гроб».
- 158 Вера Федоровна Панова (1905—1973) — прозаик, драматург, сценарист, автор «Нового мира» («Времена года», 1953; «Сентиментальный роман», 1958; пьеса «Проводы белых ночей», 1961). О сотрудничестве ее с журналом А.Т. в 1960-е гг. см. далее. В «Новом мире» опубликован ряд статей и рецензий о творчестве В.Пановой. Письма к ней А.Т. см.: Соч. Т. 6.
- 159 Понто Веккиа — самый старый мост Флоренции, построенный из камня через реку Арно в XIV в. и единственный уцелевший во время Второй мировой войны. Дворец Уффици, предназначавшийся для городского управления, с конца XVI в. становится художественной галереей, наиболее полно представляющей сокровища искусства Средневековья и эпохи Возрождения.
- 160 Палаццо Веккиа — дворец, построенный в XIII в. для местного самоуправления — Флорентийской Коммуны. В XVI в. — резиденция Медичи, флорентийского рода, выдвинувшего ряд правителей Флоренции. Заседания проходили в Зале Пятисотдворца, расписанном фресками Джорджо Вазари (живописца и историка), изображавшими завоевание Тосканы войсками Медичи.
- 161 Мэра Флоренции Ла Пира В.Некрасов назвал «сердцем конгресса». Правовой католик, близкий Папе Римскому, обитавший в одном из монастырей францисканского ордена, он

- проявлял горячую симпатию к русским, ратовал за сближение между Италией и СССР, за дружбу между их городами (Некрасов В. По обе стороны океана // НМ. 1962. № 11. С. 130).
- 162 Боргезе — римский род, происходивший из Сиены, среди представителей которого были папы, кардиналы, генералы, князья. Титул герцога получил от Наполеона Бонапарта Камилло Боргезе, женатый на сестре императора. Дом № 50 на Поварской (в советские годы — ул. Воровского), в котором в 1933 г. открылся Центральный дом литераторов (в 1930-е гг. называвшийся Клубом писателей), был построен в 1890-е гг. архитектором П.С.Бойцовым для князя Святополк-Четверинского и, по-видимому, в начале XX в. поменял владельца. Олсуфьевы были крупными землевладельцами — имения представителей этого разветвленного рода находились в разных губерниях.
- 163 Рассказ А.Т. «Печники» впервые опубликован в «Огоньке» (1958. № 7). Перевод его на итальянский язык пока не обнаружен. Возможно, что он затерялся на страницах итальянской периодики. В библиографии зафиксированы только книги А.Т., выходявшие за рубежом (А.Твардовский. Указ. переводов. Сост. Г.Цапенко. М., 1981).
- 164 Отто Скорцени — офицер СС, близкий соратник Гитлера. По поручению фюрера в 1943 г. после падения фашистского режима в Италии предпринял освобождение арестованного Муссолини.
- 165 Ярослав Ивашкевич (1894—1980) — прозаик, поэт, автор романа «Хвала и слава» (1956—1962) из истории Польши XX в. Ежи Путрамент (1910—1986) — поэт, прозаик, общественный деятель, с 1964 г. член ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). В СССР вышел его роман «Сентябрь» (М., 1961). Стихи Я.Ивашкевича и Е.Путрамента печатались в «Новом мире» 1950-х гг.
- 166 Речь идет о четырех статуях Микеланджело во флорентийской Академии изящных искусств: «Атлант», «Юный раб», «Бородатый раб», «Просыпающийся раб», выполненных в «незаконченном стиле».
- 167 Назым Хикмет (1902—1963) — турецкий поэт, общественный деятель, с 1951 г. жил в СССР. Член Президиума Всемирного Совета Мира. Печтал в «Новом мире» 1950—1960-х гг. стихи. Журнал А.Т. отзывался на его творчество (1951. № 1; 1963. № 10). Высокие оценки Б.Л.Пастернака, поэта А.Т. не близкого, но признаваемого им крупным явлением русской культуры, сохранились в выступлениях и письмах А.Т. См.: Соч. Т. 5, 6. Указ. имен.
- 168 Владимир Федорович Тендряков (1923—1984) — прозаик, автор «Нового мира». Вопросы итальянского корреспондента могли быть связаны с повестями «Тройка, семерка, туз» (НМ. 1960. № 3) и «Суд» (Там же. 1961. № 3), подвергшимися в советской печати нападкам за «очернительство». Журнал А.Т. поддержал позицию Тендрякова как писателя, активно ставящего острые вопросы современности статьями И.Виноградова (1958. № 9), И.Соловьевой (1962. № 7). Юрий Павлович Казаков (1927—1982) попал в поле зрения А.Т., когда предложил «Новому миру» подборку рассказов. Отклонив

- их, редактор отметил талант молодого автора, находившегося под сильным влиянием Бунина (Соч. Т. 5. С. 292—293). Внимание к Казакову за рубежом во многом объяснялось участием его в альманахе «Тарусские страницы», подвергшемся разному в советской печати. Особенно резко критиковались рассказы Казакова.
- 169 А.А.Сурков, курировавший международные связи СП, был главой советской делегации на Конгрессе Европейского сообщества.
- 170 Имеется в виду группа писателей и переводчиков, приехавших в качестве «гостей конгресса» (И.Л.Андроников, С.П.Антонов, Е.М.Винокуров, А.А.Вознесенский, Д.А.Гранин, Э.Г.Казакевич, В.П.Некрасов, И.Ф.Огородникова, Н.Б.Томашевский, В.Б.Шкловский).
- 171 «Правда» 9 марта 1962 г. печатала материалы пленума ЦК КПСС, посвященного положению в сельском хозяйстве.
- 172 Сооружение колокольни Кафедрального собора Флоренции по замыслу и проекту Джотто ди Бондони (1266—1337) продолжили Пизано и ди Фиорованти, изменившие проект: вместо шпиля конструкцию венчает горизонтальная терраса.
- 173 Заседания конгресса проходили 11—15 марта.
- 174 Речь идет, по-видимому, о Горацио Барбьери — генеральном секретаре общества «Италия—СССР».
- 175 Выступление Г.Н.Чухрая оказалось в центре внимания итальянской прессы. Соглашаясь, что для художника нет запретных тем, советский кинорежиссер протестовал против «спекуляции на сексуальной стороне любви». За это был подвергнут критике «левых» как «моралист» и заслужил одобрение «правых» и ортодоксальных католиков.
- 176 Платон Павлович Зубов (1796—1857) — из дворян Владимирской губернии, беллетрист, автор исторических романов и агитационно-патриотических стихов, распространявшихся в период Крымской войны.
- 177 Сиена — главный город провинции Сиена (область Тоскана), знаменитый средневековой архитектурой и своим университетом, основанный римлянами в I в. до н.э.
- 178 Часть речи (*che*), имеющая в итальянском языке многозначный смысл — в зависимости от словосочетаний: который, какой, что, чтобы, когда, пусть и т.д.
- 179 Старинные города Тосканы — центральной области Италии.
- 180 Палаццо Пубблико (XIII—XIV вв.) славится фресками А.Лоренцетти и С.Мартини. Совет Коммуны — орган местного самоуправления, зародившегося в Италии в XII в.
- 181 В.Некрасов также передал смысл выступления католика на обеде в Сиене: «Вы отстаивали Сталинград. Вы воевали и гибли так не только за себя, но и за нас, людей других убеждений, другой страны — страны, которая воевала против вас. Вы в Сталинграде сломали хребет фашизму» (НМ. 1962. № 11. С. 121).
- 182 Гвельфы и гибеллины — группировки, возникшие в Италии в XI в. в период противоборства папской и имперской власти. Вражда гвельфов — приверженцев папы и гибеллинов — сторонников императора разделяла города на лагеря, где внутренние противники строили в целях обороны башни.

- 183 «Круглый стол» проходил в Риме в палатце Мариньоле. В. Некрасов вспоминает, что в ответ на обличения советской литературы в «завербованности» А.Т. сказал: «Мы очень признательны нашим итальянским коллегам за то, что они так хорошо ориентируются во всем, что касается нашего развития, но лично я не решился бы поступить так же в отношении итальянского искусства и литературы» (НМ. 1962. № 11. С. 127).
- 184 Паоло Пазолини (1922—1975) — писатель, поэт, кинорежиссер: «Мама Рома» (1962) и др. Особенно ценил А.Т. его фильм «Евангелие от Матфея» (1964). Этот «до крайности "авангардистский"» фильм, по словам А.Т., «воодушевлен благородной идеей, высокочеловечной идеей добра и правды, идеей единства слова и дела, страстным, яростным осуждением того мира, который обрекает человечество на крестные муки» (Речь на конгрессе Европейского сообщества писателей (1965) // Соч. Т. 5. С. 387).
- 185 Бенедетто Кроче (1866—1952) — итальянский философ, историк, политик, основатель «этико-политической школы». Георгий Самсонович Брейтбурд (1921—1976) — переводчик, сотрудник Иностранной комиссии СП, неоднократно сопровождавший А.Т. в поездках в Италию в 1960-е гг. (см.: Брейтбурд Г.С. А.Т.Твардовский в Италии // Воспоминания... 1982).
- 186 Речь А.Т. на XXII съезде цитировал Гвидо Пьевене (1907—1974) — граф, писатель, публицист, автор ряда антивоенных романов. Он говорил, что ответственность и искренность речи А.Т. «не входит в противоречие с вдохновенной чистотой его собственной поэзии» (Унита. 1962. 18 марта). О выступлении А.Т. на съезде и общественном резонансе на него см. записи в ноябре—декабре 1961 г.
- 187 Имеется в виду вила римского императора Адриана (76—137) на реке Анио у древнего города Тибур. Тиволи — позднее название Тибура. Здесь на реке Тавероне у водопада сохранились остатки античных вилл богатых римлян.
- 188 Д'Эсте — древний знатный итальянский род, разделившийся в XI в. на две линии: немецкую (дома Брауншвейгский и Ганноверский) и итальянскую (герцоги Медонский и Феррарский, возглавившие в XII—XIV вв. гвельфов).
- 189 «Томлюсь недугом безъязычья, обрекающим меня на немоту и глухоту», — писал А.Т. С.Я.Маршаку из Флоренции 14 марта. «Я только зрячий вне страны родной. Этого бывает мало. Завидую моим соотечественникам, умеющим не только спросить ключ от своей комнаты» (Соч. Т. 6. С. 372). Маршак в свое время делал безуспешную попытку приобщить А.Т. к английскому. Молодой А.Т. столь же нерезультативно брал уроки немецкого у материкритика А.К.Тарасенкова. Пребывание в «любимой загранице» А.Т. сравнивал «с чтением книги с неразрезанными страницами».
- 190 Андрей Андреевич Вознесенский (р. 1933) — поэт. Об отношении к нему А.Т. см. далее в записях 1960-х гг. Василий Павлович Аксенов (р. 1932) — прозаик, выступил в «Новом мире» с рассказами.

- 191 Единственным прямым внуком и наследником Александра II был убитый вместе с царской семьей царевич Алексей, сын Николая II. Претендовал на российский престол великий князь Владимир Кириллович, внук великого князя Владимира Александровича (брата Александра III и дяди Николая II). В привезенной А.Т. газете «Наша страна» — фото семейства претендента на горнолыжном курорте в Швейцарии.
- 192 Марио Аликата (1918—1966) — главный редактор газеты Итальянской компартии «Унита». С 1946 г. — член ЦК ИКП, с 1956 г. — член Руководства ИКП. Джулиано Пайетта — брат члена руководства ЦК ИКП Джанкарло Пайетты.
- 193 В статье о романе Кочетова «Секретарь обкома» критиковалась нравственная и политическая позиция автора, предпринявшего попытку реабилитации сталинизма (Марьямов А.М. Снаряжение в походе // НМ. 1962. № 1).
- 194 По-видимому, Михаил Александрович Лифшиц.
- 195 Белла Ахатовна Ахмадулина (р. 1937) — поэт, в «Новом мире» печатались ее переводы грузинских поэтов.
- 196 Карло Леви (1902—1975) — писатель, общественный деятель, участник Движения Сопротивления. В библиотеке А.Т. сохранилась его книга «Христос остановился в Эболи» (М., 1955). В.Некрасов в своих путевых заметках с большой симпатией пишет о К.Леви.
- 197 Джузеппе Томази ди Лампедуза (1896—1957) — итальянский писатель, автор романа «Леопард» (М., 1961. Пер. с ит. Г.С.Брейт-бурда). Книга сохранилась в библиотеке А.Т.
- 198 Виктор Борисович Шкловский (1893—1984) — критик, литературовед. Неоднократно печатался в «Новом мире».
- 199 Отложив в сторону поэму «Тёркин на том свете», новый вариант которой он готовил к публикации, А.Т. в 1962 г. на первый план поставил продвижение в печать повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В.Некрасов читал повесть в рукописи: она появится в № 11 «Нового мира». Поэма будет опубликована в августе 1963 г.
- 200 Витторио Де Сика (1901—1974) — актер, кинорежиссер («Похитители велосипедов» (1948) и др.), основоположник неореализма. Исполнитель главной роли в фильме Роберто Росселини «Генерал Делла Ровере» (1959). «Впечатление из редких от киноискусства» — отметил А.Т. в записи от 21 августа 1961 г. после его просмотра.
- Джузеппе Де Сантис (1917—1997) — кинорежиссер, член ИКП, участник Движения Сопротивления. Один из основоположников неореализма (фильмы «Нет мира под оливами» (1950), «Рим, 11 часов» (1952) и др.).
- 201 Речь идет о сравнении оригинала скульптуры Микеланджело «Давид» (в Академии изящных искусств во Флоренции) и ее копии, установленной на площади Сеньории в Риме.
- 202 Джанкарло Пайетта — один из организаторов Движения Сопротивления в 1943—1945 гг. С 1945 г. — член ЦК ИКП. В 1954—1966 г. — член руководства ИКП.
- 203 Первая мощеная дорога в Италии, построенная в 312 г. до н.э. цензором (высшее должностное лицо в Древнем Риме) Аппием Клавдием как военная дорога из Рима в Капую.

204 Колизей — величайший из амфитеатров Древнего Рима. Построен в 75—80 гг. н.э. для гладиаторских боев и других зрелищ. Сооружен из туфа, конструкции укреплены бетоном и кирпичом. Вместал свыше 80 тыс. зрителей.

═══════1963═══════

- 1 Имеются в виду грузинские писатели, приезжавшие на встречу руководителей партии и правительства с интеллигенцией 17 декабря 1962 г.
- 2 Сессия ВС РСФСР (19—20 декабря 1962 г.), депутатом которого от Ярославской области А.Т. был в 1958—1962 гг., утверждала план развития народного хозяйства на 1963 г.
- 3 С новым вариантом поэмы «Тёркин на том свете» автор познакомил членов редколлегии «Нового мира» 25 декабря 1962 г.
- 4 «Мы им покажем кузькину мать» — выражение, употреблявшееся Н.С.Хрущевым по отношению к противникам советского строя.
- 5 Т.е. продолжения декабрьской встречи партийного руководства с творческой интеллигенцией.
- 6 Так называемый академический особняк «с удобствами» д/о ВЦСПС в Карачарове, в котором обычно останавливался К.А.Федин.
- 7 Парк английского типа был разбит князем Г.Г.Гагариным, владевшим имением Карачарово в 1860—1870-е гг. Имеется в виду Московское море, при образовании которого в 1937 г. были затоплены десятки деревень и город Корчевá.
- 8 О пребывании в Карачарове см.: Соколов-Микитов И.С. Друг мой и земляк // Воспоминания... 1982. С. 415—433, а также в переписке А.Т. с Соколовым-Микитовым (Север. 1978. № 4—6).
- 9 Обед с местным партийным начальством.
- 10 Речь Н.С.Хрущева на VI съезде Социалистической единой партии Германии в Берлине, посвященная проблемам международного коммунистического движения, остро ставила вопросы идеологической борьбы: «Мы вели и будем вести борьбу против всякого отклонения от марксизма. Мы убеждены, что только путем такой борьбы и можно добиваться подлинного укрепления наших рядов, творческого подхода к решению коренных проблем современности, обеспечить новый успех коммунистическому движению» (Правда. 1963. 17 января).
Продолжение декабрьской встречи с интеллигенцией партийных руководителей, неоднократно переносившееся, состоялось 7—9 марта 1963 г.
- 11 Андрей Андреевич Вознесенский (р. 1933) — поэт. В журнале А.Т. на его стихи уже звучали критические отзывы, отмечавшие недостаток в них «серьезного и глубокого чувства» наряду с «внешней игрой словом» (Меньшутин А., Синявский А. За поэтическую активность // НМ. 1961. № 1). После нападок на Вознесенского Н.С.Хрущева на встрече с интеллигенцией А.Т. не стал публично высказывать свои претензии к его поэзии. В период опалы поэта «Новый мир» с его критикой не выступал.

- 12 Это положение в качестве одного из аргументов защиты линии журнала вошло в редакционную передовую (НМ. 1963. № 4) и ряд выступлений А.Т.
- 13 Запись сделана под впечатлением «встречи» партийного руководства с творческой интеллигенцией 7—9 марта. В центре речей Н.С.Хрущева и возглавлявшего Идеологическую комиссию ЦК Л.Ф.Ильичева — тезис об обострении идейной борьбы и невозможности мирного сосуществования идеологий социалистической и буржуазной. Грубому разносу подвергся ряд значительных явлений в искусстве, в том числе постановка комедии Грибоедова Г.А.Товстоноговым в БДТ. Негодование Хрущева по поводу мемуаров И.Г.Эренбурга и путевых очерков В.Некрасова адресовалось «Новому миру». («И это пишет советский писатель в советском журнале», — возмущался Хрущев.) Мрачные мысли А.Т. о судьбе «Тёркина на том свете» вызваны были и уподоблением сатиры «опасной бритве», которой «надо уметь пользоваться». По словам Хрущева, «правильно поступают матери, которые не дают острых вещей детям, пока они не научатся пользоваться острыми вещами» (Правда. 10 марта).
- 14 Запись — подведение итогов в ходе осмысления последствий «встречи» 7—9 марта и накануне пленума Правления СП. Сложившаяся ситуация вызывает в памяти А.Т. события 1954 г., когда, будучи снят Секретариатом ЦК с поста редактора «Нового мира» за «идейно-порочную» и «политически вредную» линию журнала, он «выбыл» из ЦРК КПСС и из депутатов ВС РСФСР (в 1951—1954 гг. был депутатом от Владимирской области). См.: Знамя. 1989. № 7. С. 138 и след.
- 15 Поэма «За далью — даль» завершена и полностью опубликована в 1960 г. В 1961 г. отмечена Ленинской премией. С 1958 г. А.Т. вновь главный редактор «Нового мира». В том же году избран депутатом ВС РСФСР (от Ярославской области) — в третий раз: в 1947—1950 гг. — от Владимирской области, в 1951—1954 гг. — от Воронежской. В 1959 г. был делегатом XXI съезда КПСС, в 1961 г. — делегатом XXII съезда, на котором избран кандидатом в члены ЦК КПСС. Собрание сочинений А.Т. (в 4 т.) вышло в Гослитиздате в 1959—1960 гг.
- 16 Предполагалась командировка А.Т. на перекрытие Енисея.
- 17 Мать поэта — Марию Митрофановну Твардовскую (1888—1965) — поместили в больницу с воспалением легких.
- 18 При чтении очерков М.Е.Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» и «Круглый год» внимание А.Т., судя по его пометкам, привлекали размышления о роли литературы и ее взаимоотношениях с властью. Особо выделено высказывание: «Истина — не клад, случайно находимый в поле, и не болид, падающий с неба совсем готовым; она дается ищущему ценой величайших жертв и усилий, ценой заблуждений» (Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1954. Т. 8. С. 196. Курсив автора).
- 19 Сергей Павлович Павлов (1929—1995) — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1959—1968). Перечисленные им произведения опубликованы в «Новом мире» в 1960—1963 гг.

- 20 На вклейке — неотосланная страница из письма А.В.Македонову. Отправленное письмо (от 1 апреля) см.: Твардовский А.Т. Удел земной. Публ. В.Д.Савченкова. Починок, 1998. С. 13—15. Адриан Владимирович Македонов (1909—1994) — литературовед, критик, доктор геолого-минералогических наук (1960). Один из друзей смоленской юности А.Т. Репрессирован в 1937 г. Среди обвинений, предъявленных Македонову, числилась поддержка «кулацкой», «контрреволюционной» поэмы А.Т. «Страна Муравия». Хлопоты А.Т. и М.В.Исаковского о пересмотре дела Македонова были прерваны войной (Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова. Из истории репрессий против Смоленской писательской организации. 1937—1938 гг. Смоленск, 1996). После реабилитации в 1956 г. Македонов жил в Ленинграде, продолжив начатое в 1930-х гг. исследование творчества А.Т.
- 21 Виктор Васильевич Полторацкий (1907—1982) — поэт, прозаик, публицист, главный редактор газеты «Литература и жизнь» (1958—1962), редактор отдела литературы «Известий» (1964—1967). А.Т. имеет в виду его статью «Матренин двор и его окрестности» (Известия. 1963. 29 марта), осуждавшую рассказ А.Солженицына за беспросветность и ограниченность авторского взгляда. Критик упрекал писателя в том, что тот «не заметил в сегодняшней деревне черт нового времени», воплощением которых является колхоз «Большевик» в том же Мещерском крае, что и деревня Матрены.
- 22 Два последних абзаца, заключающих запись от 24 марта, — возможно, заготовки выступления на предстоящем пленуме Правления СП. Речь здесь идет о повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича».
- 23 IV пленум Правления СП СССР проходил 26—28 марта в Кремле. В выступлении главного редактора журнала «Дон» М.Д.Соколова «Новому миру» вменялись в вину мемуары И.Эренбурга, путевые записки В.Некрасова, рассказы Солженицына и делался вывод: «Очевидно, не все у нас обстоит благополучно с партийным руководством в журналах...» (Соколов М. Партия учит требовательности // ЛГ. 1963. 2 апреля). Когда М.Соколов требовал А.Т. к ответу, тот, сидя в президиуме, непроизвольно рассмеялся, а за ним и весь зал. «Ты не представляешь, как ты всех подкупил тем, что рассмеялся, а не нахмурился, не рассердился», — говорили А.Т. в перерыве (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 115).
- 24 В Кремле на мартовской встрече Н.С.Хрущева с интеллигенцией.
- 25 Александр Андреевич Прокофьев (1900—1971) — поэт, Первый секретарь Ленинградского отделения СП (1955—1965). Выступил на пленуме с резкой и желчной критикой поэзии «молодых», упрекая «Новый мир» за поддержку поэта В.Сосноры (ЛГ. 1963. 28 марта). Прежде дружеские отношения А.Т. с Прокофьевым разлаживались по мере усиления в нем консерватизма и казенного патриотизма. А.Т. решительно осудит Прокофьева за участие в травле И.Бродского. В конце 1960-х гг. Прокофьев окажется в одном стане с самыми яростными противниками «Нового мира».

- 26 Речь идет о пленуме СП РСФСР, открывшемся 2 апреля. Посвященный проблемам жанра рассказа, он, по сути, сосредоточился на обсуждении журнала А.Т. На требование приехать на пленум и выступить с признанием ошибок А.Т. ответил отказом. См. далее запись от 30 апреля.
- 27 Сергей Венедиктович Сартаков (1908—1993) — прозаик, член Правления СП РСФСР, председатель Литфонда.
- 28 Леонид Митрофанович Замятин (р. 1922) — заведующий Отделом печати МИД, в 1970-е гг. — член ЦК, Генеральный директор ТАСС.
- 29 «Встречи» Н.С.Хрущева с интеллигенцией и вызванное ими «похолодание» идеологического климата справедливо оценивались на Западе как откат от линии XX съезда. Потребностью сгладить это впечатление определялась заинтересованность партийного руководства в интервью А.Т. — признанного лидера демократической интеллигенции — корреспонденту одного из ведущих информационных западных агентств — Юнайтед Пресс Интернэшнл. А.Т., поначалу воспринявший «партийное поручение» как тяжкую обузу, вскоре увидел в нем способ укрепить положение своего журнала, оказавшегося после упомянутых «встреч» в положении критическом, о чем свидетельствовало блокирование цензурой № 4 «Нового мира».
- 30 Джон Кеннеди (1917—1963) — президент США (1961—1963). Слух об обмене визитами Кеннеди и Фроста в СССР, Хрущева и А.Т. в США циркулировал еще летом 1962 г. (Чуковский К.И. Дневник 1930—1969. М., 1994. С. 313).
- 31 С.Я.Маршак начиная с 1930-х гг. оставался для А.Т. весьма значимым судьей в литературе. «Испытание Маршаком» в важных случаях (как с Солженицыным) А.Т. считал обязательным. Побывавший у Маршака по следам А.Т. В.Я.Лакшин записал 8 апреля: «Маршак считает поэму вещь замечательной, совсем новой в сравнении с прежним вариантом». «Прежде был немного фельетон против бюрократов, а теперь вещь очень серьезная, и швов не видно». Но, расхвалив А.Т., Маршак «на другой день испугался, позвонил ему и уговаривал повременить, не давать читать “выше”» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 122).
- 32 Маршак был выдвинут редакцией «Нового мира» на Ленинскую премию за новые стихи в книге «Избранная лирика» (М., 1962) и ряд детских книг (Правда. 1963. 19 февраля).
- 33 Расул Гамзатович Гамзатов (1923—2003) — народный поэт Дагестана (1959), член Президиума ВС СССР (1962—1966), автор «Нового мира» и член его редколлегии с 1967 г. «Высоко ценя Пастернака, — писал Гамзатов, — я все-таки чаще снимаю с полки Сергея Есенина, Александра Твардовского. В их стихах естественность без видимого усилия. Они сообщают значительные вещи непринужденно. Такая органика для меня — идеал поэтического слова. Нарочитая острота эксперимента, игры мне лично как поэту чужды» (Гамзатов Р. «Историю, как книгу, приоткрой» // ЛО. 1981. № 1).
- 34 № 3 «Нового мира» (как и № 2) был задержан из-за воспоминаний И.Г.Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Цензурная история пятой книги воспоминаний Эренбурга отражена в докладных

записках начальника Главлита П.К.Романова, секретаря ЦК Л.Ф.Ильичева и в др. документах, связанных с именами М.А.Суслова и самого Н.С.Хрущева (см. в кн.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1964).

№ 4 «Нового мира» за 1963 г. — едва ли не первый в истории советской печати журнал, запрещенный цензурой почти полностью. Его передовая вызвала раздражение цензуры уже тем, что в ее названии и тексте слово «реализм» употреблялось без обязательного эпитета «социалистический». «Судя по передовой, — доносил П.К.Романов, — журнал намерен по-прежнему акцентировать внимание своих читателей на произведениях, в которых критическое начало в изображении отрицательных явлений советской действительности будет преобладающим». Записка Главлита «Об идейных недостатках № 4 журнала "Новый мир"» // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1961. С. 607—609).

Снят был из № 4 антитоталитарный роман-притча Нобелевского лауреата А.Камю «Чума». Попытку напечатать его А.Т. предпринял еще в 1960 г. Предвидя цензурные трудности, послал Луи Арагону — члену ЦК Французской компартии — телеграмму с просьбой о «двух-трех страничках предисловия». Арагон выразил в советском посольстве несогласие с намерением печатать писателя, «выступавшего с антикоммунистических позиций». Отрицательный отзыв о романе дал редактор «Иностранной литературы» Б.С.Рюриков — в ответ на запрос ЦК, куда цензура переслала роман Камю. Отдел культуры ЦК КПСС указал А.Т. на ошибочность его позиции: публикация Камю «вызвала бы недовольство французских друзей» (Записка Отдела культуры ЦК о нецелесообразности публикации романа А.Камю «Чума» в журнале «Новый мир» // Там же. С. 403). Однако А.Т. продолжал числить роман А.Камю в планах «Нового мира» (Журналы в 1963 г. Сообщение гл. редактора «Нового мира» А.Т.Твардовского // ЛГ. 1962. 8 декабря). Роман «Чума» увидел свет в СССР лишь в 1969 г. (Камю А. Избранное. М.: Прогресс, 1969). Высокая оценка романа, его антифашистской направленности дана в Послесловии И.А.Саца к повести А.Камю «Падение» (НМ. 1969. № 5. С. 155).

В рассказе Е.Ржевской, снятом из № 4, цензура усмотрела «картины произвола, бесчеловечности... бессмысленности жертв» в Отечественной войне (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1967. С. 608). Рассказ напечатан год спустя (НМ. 1964. № 6).

«Рассказы о том, что прошло» Е.Габриловича были запрещены в № 4 за «изображение советских людей, в том числе коммунистов, как людей ограниченных, слепо подчиняющихся указаниям сверху». С конца 1963 г. рассказы Габриловича печатались в журнале «Искусство кино».

О цензурных задержках и запретах в 1963 г. см. вклейку в конце записей 1963 г.

- 35 Юрий Григорьевич Буртин (1932—2000) — критик, литературовед, публицист. Автор «Нового мира» с 1959 г., а с 1967 г. — старший редактор отдела публицистики журнала. Другое объясне-

- ние отказу от статьи, посвященной особенностям поэтического мира А.Т., вряд ли возможно.
- 36 На втором Всесоюзном съезде художников (10—12 апреля) в духе выступлений Н.С.Хрущева на встречах с творческой интеллигенцией критиковались молодые художники, «отступившие от главной линии развития советского искусства», — Э.Неизвестный, Н.Андронов, П.Никонов и др.
- 37 Имеется в виду «Письмо в редакцию» инженера Ю.Узюмова (г. Горький), резко критиковавшего рассказ В.Войновича «Хочу быть честным» (НМ. 1963. № 2). Автор письма посчитал порочной основную мысль рассказа, что «в нашем обществе честно-му человеку, правде — нелегко пробить себе дорогу» (Узюмов Ю. Кочка и точка зрения // Известия. 1963. 9 апреля).
- 38 Федор Александрович Абрамов (1920—1983) — прозаик, очеркист. Очерк Ф.Абрамова «Вокруг да около» (Нева. 1963. № 1) рассказывал о бедственном положении деревни, выход из которого автор видел в поощрении материальной заинтересованности колхозников. Обсуждавшийся на Секретариате ЦК очерк был признан клеветническим, разжигающим частнособственнические инстинкты. Его опубликование, как и первые положительные отклики на него, квалифицировалось здесь как грубая политическая ошибка. В печати развернулась травля Ф.Абрамова (ВЛ. 1991. Вып. 2. С. 236—241). Статья И.Виноградова — в поддержку очерка «Вокруг да около» — была снята из № 4 «Нового мира».
- 39 От А.Г.Дементьева, заведующего сектором советской литературы в ИМЛИ, А.Т. стало известно, что В.В.Ермилов на Ученом совете института, т.е. открыто и публично, рассказывал о сделанном ему предложении возглавить «Новый мир», от чего он якобы отказался.
- 40 Речь идет о попытках работы над текстом интервью для Г.Шапиро.
- 41 Константин Дмитриевич Воробьев (1919—1975) — прозаик. В 1963 г. вышла в свет его повесть «Убиты под Москвой» (НМ. № 2) — о роте кремлевских курсантов, попавших в окружение осенью 1941 г. Эпиграф автор взял из стихотворения А.Т. «Я убит подо Ржевом...». Два года мыкался он по разным редакциям — повесть нигде не брались печатать. В конце 1962 г., отчаявшись, «решился на дерзость» — послал рукопись в казавшийся ему недосыгаемым «Новый мир». Неожиданно скоро получил телеграмму от А.Т., вызывавшего в редакцию. Всего две встречи было у К.Воробьева с редактором, но А.Т. остался в его памяти человеком, который помог ему «писать и жить» (см.: Воробьев К. Вызывает Твардовский // Воспоминания... 1978. С. 270—272).
- 42 См. примеч. 34.
- 43 Присутствовавший при телефонном звонке Л.Ф.Ильичева в редакцию В.Я.Лакшин отмечает независимость, с которой вел разговор А.Т.: «Ильичев имел неосторожность сказать ему, что дня два разыскивал его. — Как Вы изволили выразиться, Леонид Федорович? Искали два дня? Да я уже двое суток сижу у телефона, в уборную не выхожу, жду Вас, — желчно и агрессивно сказал Твардовский» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 125).

- 44 А.Т. написал, что ему близок «глубокий демократизм и реализм» поэзии Р.Фроста. «Приятно и лестно было встретиться с ним в моем доме в Москве», и «грустно думать, что, если доведется быть в США», он «придет уже только на могилу Р.Фроста» (Правда. 1963. 12 мая).
- 45 Перечислив лауреатов Ленинской премии за 1963 г., А.Т. подчеркнул, что это авторы «Нового мира», и впредь собирающиеся с ним сотрудничать. Так, «Новый мир» познакомил читателей с Ч.Айтматовым и «ждет его новую повесть». С.Маршак готовит для журнала «статью-беседу о мастерстве писателя», Р.Гамзатов обещал новые поэмы (Там же). Напомним, что речь шла о планах журнала, находившегося под огнем критики, судьбу которого в верхах непрерывно пытались решить по-своему.
- 46 А.Т. имеет в виду выступление Н.С.Хрущева 24 апреля на совещании работников промышленности и строительства РСФСР. Говоря о важности контроля, Хрущев призвал граждан самим выявлять антиобщественные элементы, не дожидаясь, пока это сделает милиция. «Долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером, то есть человеком, который стоит на страже обеспечения общественного порядка... (Аплодисменты)» (Правда. 26 апреля).
- 47 В интервью А.Т. среди авторов «Нового мира» назван А.Яшин, «опубликовавший отличный, полный поэзии очерк "Вологодская свадьба"». В телефонном разговоре 25 апреля Л.Ф.Ильичев посчитал ненужным упоминание очерка, раскритикованного в печати. «Но я не считаю, что "Вологодскую свадьбу" критиковали справедливо... Я не могу идти против себя», — отвечал А.Т. «Но тогда хоть скажите, что ее критиковали в печати». — «Хорошо, я напишу после слов в тексте "поэтичная «Вологодская свадьба»" ... подвергшаяся несправедливым нападкам в печати» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 125).
- 48 Обсуждения № 4 «Нового мира», переданного Идеологическим отделом ЦК КПСС на суд Секретариата СП, по сути, не было: А.Т. не случайно берет это слово в кавычки. На заседании присутствовали, кроме А.Т., только Г.М.Марков и К.В.Воронков. Руководство СП просто протемпелевало спущенное сверху решение: изъятие из № 4 произведений А.Камю, Е.Ржевской, Е.Габриловича (см. примеч. к записи от 10 апреля).
- 49 Вариация мысли Л.Толстого, которую А.Т. развивал в интервью Г.Шапиро: «Художник, чтобы действовать на других, должен быть ищущим. Если он полагает, что все нашел и все знает и только учит, он не действует, так как читатель не сливается с ним в поиске и остается безучастным» (Правда. 1963. 12 мая).
- 50 Василий Александрович Смирнов (1905—1979) — прозаик, секретарь Правления СП с 1955 г., председатель редакционного совета и главный редактор журнала «Дружба народов» (1959—1966). А.Т. приводит цитату из его выступления на пленуме СП РСФСР 3 апреля 1963 г. (см. запись от 5 апреля).
- 51 Фидель Кастро Рус (р. 1926) — премьер-министр Революционного правительства Кубы (1959—1976), Первый секретарь ЦК

- Коммунистической партии Кубы с 1965 г. Лауреат международной Ленинской премии (1961), Герой Советского Союза (1963).
- 52 Журнал «Иностранная литература», как и «Новый мир», печатался в типографии издательства «Известий».
- 53 Ссылаясь на одобрение Л.Ф.Ильичевым текста интервью А.Т. Г.Шапиро, куда А.Т. включил ряд положений передовой № 4, ее удалось провести через двойную (Главлита и ЦК КПСС) цензуру, что в ином случае было бы невозможно.
- 54 Публикация в «Правде» (1963. 12 мая) интервью писателя (хотя А.Т. тогда и был кандидатом в члены ЦК КПСС) представителю «буржуазной» прессы — случай беспрецедентный. Подобные интервью в органе ЦК КПСС были привилегией исключительно главы партии и государства, недоступной даже членам Политбюро. Интервью А.Т. Генри Шапиро заняло полтора подвала газеты. Оно никогда не перепечатывалось. Здесь, казалось бы, было все, что требовалось тем, кто дал А.Т. это «партийное поручение»: признание важности принципов социалистического реализма и партийности в литературе, подтверждение значимости для нее «встреч» партийного руководства с писателями и т.д. Но то, что удалось А.Т. сказать здесь с большой силой и искренностью «от себя», делало явным ритуальный характер этих заявлений. Опираясь на мысль Л.Н.Толстого (см. примеч. 49) о постоянных поисках истины как сути творчества, А.Т. утверждал: «Советскому писателю менее всего пристала роль ментора, который все знает, нашел и намерен только поучать». А ведь именно на такую роль ориентировала партия литературу: «единственно верное учение» не подлежало сомнениям и исключало какие-либо идейные поиски. Представив поименно блестящую плеяду авторов «Нового мира», А.Т. назвал среди них и тех, кто подвергался разностной критике, — И.Эренбурга, А.Яшина, В.Некрасова. Повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» он охарактеризовал как «явление особо значительное и принципиальное», подчеркивая, что «всем своим художественным строем она утверждает непреходящее значение традиций правды в искусстве...». На страницах главного органа ЦК КПСС А.Т., по сути, подтвердил свои идейные и эстетические принципы, свою общественную позицию. Все это объясняет энтузиазм, с которым было воспринято его интервью демократической интеллигенцией.
- 55 Аркадий Исаакович Райкин (1911—1987) — актер и художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр, народный артист СССР (1968).
- 56 Книга сохранилась в библиотеке А.Т. Полный текст автографа: «Я счастлив, что дожил до 12 мая 1963 года. Этот день для меня — исторический. Спасибо, дорогой Александр Трифонович! К.Чуковский. 12 мая 1963 г.»
- 57 А.Т. мог иметь в виду как договор с «Новым миром» на публикацию подборки стихов и прозы Б.Пастернака, напечатанной в № 1 за 1965 г., так и договор с редакцией «Библиотеки поэта», о котором он хлопотал в начале 1960-х гг. (см. примеч. к записи от 27 мая 1962 г.).

- 58 Назвать в интервью всех достойных А.Т. не мог — он упомянул в первую очередь авторов своего журнала, находившихся под огнем критики. А.Т. остро ощущал предел отпущенных ему возможностей: партийные консерваторы-догматики встретили интервью А.Т. с досадой и раздражением. В записке Отдела культуры ЦК «О положении дел и настроениях в творческих союзах» (9 июня) заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК Д.А.Поликарпов и заведующий входившим в него подотделом пропаганды В.И.Снастин вынуждены были оправдываться: «Разумеется, не со всеми положениями и оценками, содержащимися в интервью, можно согласиться, но несомненно, что в целом оно имеет положительное значение и для нашей, и для зарубежной интеллигенции» (Аппарат ЦК КПСС и культуры. 1958—1967. С. 634—638).
- 59 Семен Александрович Лавочкин (1900—1960) — авиаконструктор, член-корреспондент АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда.
- 60 О премии Маршаку см. в записи от 10 апреля и примеч. 32.
- 61 Стихотворение «Слово о словах» опубликовано в «Правде» 5 июня 1962 г. и в «Новом мире» (1962. № 5).
- 62 О том, что А.Т. делал для Гроссмана и его памяти, свидетельствуют предшествующие и последующие записи и примеч. к ним. После смерти писателя в 1964 г. А.Т. вошел в комиссию по литературному наследию Гроссмана. Отказавшись от председательства в ней из-за загруженности, по сути, выполнял функции главы комиссии, ходатайствуя об издании собрания сочинений Гроссмана, о его захоронении на Новодевичьем кладбище и пр.
- 63 В 1962—1965 гг. А.Т. — депутат ВС РСФСР от Тимирязевского избирательного округа г. Москвы. В житейских делах, с которыми шли к нему избиратели, он часто был бессилен помочь, что его крайне угнетало. «В претензии ко мне столько людей, жаждущих... пересмотра "дела", перемены жилья, устройства в больницу, назначения пенсии и т.д.» (Письмо В.В.Овечкину 28.II.63 // Соч. Т. 6. С. 443).
- 64 набросок незавершенной заметки о поэте Михаиле Аркадьевиче Светлове (1903—1964). Речь, по-видимому, идет о книге М.Светлова «Ночные встречи» (М., 1927). Именно на нее восторженно откликнулся поэт Николай Николаевич Асеев (1889—1969), ученик и последователь В.Маяковского (На литературном посту. 1927. № 10). Михаил Семенович Голодный (1903—1949) — поэт, автор ряда революционных песен (О Щорсе, о коннице Буденного, о партизане Железняке).
- 65 Передовая призывала деятелей литературы и искусства к «творческой смелости и самостоятельности». Отмечая, что они «искренне благодарны» партии «за неослабное внимание», газета заявляла, что партии нет надобности «опекать их каждый шаг». Утверждалась необходимость создать творческую атмосферу в организациях деятелей культуры, а то кое-где еще встречаются «проработки, критиканство, злопыхательство». Как и интервью А.Т. Г.Шапино, передовая 19 мая была попыткой сгладить

- впечатление от «встреч» интеллигенции с партийным руководством и несколько смягчить их последствия.
- 66 15 мая в редакции чествовали Игоря Александровича Саца по случаю его 60-летия.
- 67 Зиновий Самойлович Паперный (1919—1996) — критик, литературовед, писал о В.В.Маяковском, А.П.Чехове и др. Автор статьи «Поэтическое слово Твардовского» (ВЛ. 1979. № 7). См. также: Паперный З. Две беседы // Воспоминания... 1982.
- «Переданное» А.Т. Паперному просматривается в том, что говорится в статье последнего о светловской «иронии снижения высоких понятий», и в оговорке, что не один Светлов «перебивает поэзию прозой». В поддержку этого наблюдения цитируется М.Исаковский: «Ой, понравилась ты мне целиком и полностью» (Паперный З. Романтика человечности. К 60-летию со дня рождения М.А.Светлова // НМ. 1963. № 6. С. 246). Позднее, в статье «Поэзия Михаила Исаковского» (НМ. 1967. № 8), А.Т. возвращается к этой же аналогии, приводя те же примеры. Симптоматично, что предшествующая статья З.Паперного о М.Светлове сосредоточена на высоком пафосе его поэзии, «рожденной революцией». Стих поэта, по выражению критика, «не опускает высоких крыльев» (Паперный З. Высокий костер // Октябрь. 1961. № 1).
- 68 Как видно из этой записи, тяжбу по поводу А.Камю А.Т. продолжал и после снятия «Чумы» из № 4 «Нового мира» (см. запись от 10 апреля и примеч. 34). В начале июня редколлегия журнала снова обсуждала вопрос о публикации Камю (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 130).
- 69 27 мая под шапкой «За идейность и социалистический реализм. В гостях у "Известий"» редакция вместо обещанной перепечатки передовой № 4 «Нового мира» дала ее изложение, выделив места, где речь шла об упущениях и недостатках журнала. «Известия» не упомянули ни о программной установке на жизненную правду, ни о планах, связанных с писателями, подвергнутыми критике, создавая тем самым впечатление капитуляции новомирцев.
- 70 Имеется в виду неоконченный роман-эпопея Э.Казакевича «Новая земля», «гигантский», по определению автора, задавшегося целью создать «энциклопедию советской жизни» 1920—1950-х гг. В романе предполагалось более 50 действующих лиц, в том числе и реальных деятелей эпохи. Среди них значился и А.Т. (Казакевич Э. Слушая время. Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 207 и след.). «Верные слова» А.С.Берзер А.Т. приведет в выступлении на Европейском форуме писателей: «Один из моих соредкторов, я считаю, очень удачно заметил на основании многолетнего опыта: когда человеку есть, что сказать, он пишет роман в 2—3 печатных листа. Когда человек хочет быть романистом, он пишет роман в трех книгах, шести частях» (Твардовский А.Т. Убежденность художника // ЛГ. 1963. 10 августа).
- 71 Опубликовав первую книгу романа «Память земли» (НМ. 1961. № 6—8), В.Фоменко задерживал вторую. Сетуя, какой журна-

лу попался «досадный автор», он сообщал, что «полоса неудач, зацепившая его семью», продолжается, не давая сосредоточиться на работе (Письма В.Фоменко А.Твардовскому. 1962—1963 гг. // Архив А.Т.). Вторая книга романа печаталась уже после ухода А.Т. из журнала.

Елизар Юрьевич Мальцев (1917—2004) — прозаик. На его роман «Войди в каждый дом» «Новый мир» откликнулся рецензией Ю.Буртина (1962. № 1). Поддержав публицистическую идею романа, критик весьма сдержанно оценил его художественные достоинства.

- 72 Имеется в виду рассказ «Для пользы дела» (НМ. 1963. № 6). Автор вспоминает, что написал «проходимый рассказ», который «был встречен в редакции с единодушным одобрением (недобрый знак). А все лишь потому, что укреплял позиции журнала» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // НМ. 1990. № 6. С. 59). Между тем на рассказ сразу же обрушилась официозная критика, предъявляя претензии и к «Новому миру» (статьи Ю.Барабаша, М.Синельникова, А.Дымшица, В.Чалмаева и др.). Журнал А.Т. вновь встал на защиту Солженицына, опубликовав подборку читательских писем в поддержку рассказа (НМ. 1963. № 10).

Роман Галины Евгеньевны Николаевой (1911—1963) «Битва в пути» выступал в критике той поры в качестве образца изображения «недостатков» советской действительности с партийных позиций.

- 73 Речь идет о поездке в составе делегации советских писателей на заседания Европейского сообщества писателей.

- 74 Борис Сергеевич Рюриков (1909—1969) — критик, главный редактор «Литературной газеты» (1953—1955), заместитель заведующего Отделом культуры ЦК (1955—1958), заведующий отделом редакции журнала «Проблемы мира и социализма» (1958—1961), главный редактор журнала «Иностранная литература» (1963—1969).

- 75 Дагестанские впечатления связаны с поездкой в республику (25—30 июня) на торжества по случаю присуждения Ленинской премии Р.Гамзатову. В состав делегации входили директор ИМЛИ И.И.Анисимов, режиссер Ю.А.Завадский, писатели Ч.Т.Айтматов, К.Ш.Кулиев, К.Р.Каладзе, редактор «Комсомольской правды» Ю.П.Воронов и др. В своем выступлении на церемонии вручения премии Гамзатову 26 июня в Махачкале А.Т. объяснял успешное развитие его поэзии тем, что, опираясь на национальные традиции, она осваивает богатство поэзии общесоюзной и общеевропейской (Дагестанская правда. 1963. 28 июня). 27 июня состоялась встреча писателей со студентами Дагестанского университета. 28 июня гости выступали в Дагестанской филармонии: А.Т. читал отрывки из поэмы «За далью — даль» и, по просьбе слушателей, — из «Василия Тёркина» (Праздник литературы и дружбы // Там же. 29 июня).

- 76 На пленуме ЦК КПСС, посвященном «Очередным задачам идеологической работы партии» (18—21 июня), с докладами выступили Л.Ф.Ильичев и Н.С.Хрущев. Подчеркнув невозмож-

ность мирного сосуществования идеологий, Ильичев призвал «привести в боевой порядок все виды идейного оружия». В речи Хрущева снова обличались писатели-«дегтемазы», в качестве примера фигурировал В.П.Некрасов. Пленум признал главной задачей «обеспечить победу идеологии коммунизма» (Правда. 1963. 20 и 21 июня).

77 Речь идет о поездке на сессию Европейского сообщества писателей, посвященную современному роману (5—12 августа). Иван Иванович Анисимов (1899—1966) — литературовед, член-корреспондент АН СССР, с 1952 г. — директор Института мировой литературы им. Горького (ИМЛИ). В 1954 г. он послал в ЦК КПСС доклад на польских писателей, поддержавших новоявленную статью В.Померанцева «Об искренности в литературе» (ДН. 1993. № 11. С. 236—237). А.Т. столкнулся с Анисимовым и в Дагестане. Выступая на банкете в честь Р.Гамзатова, А.Т. произнес тост за доброе сердце поэта. Тут же последовала «поправка» Анисимова, славившего в своем выступлении «злое сердце Расула», полное ненависти к врагам. Ненависть, похоже, Анисимов считал необходимой чертой поэта (см.: Анисимов И.И. Сила любви и ненависти // ЛГ. 1963. 18 июля). Зарубежных писателей он делил на сторонников и противников «социалистического реализма», а смысл Европейского форума видел в противоборстве социалистической и буржуазной идеологий (Анисимов И. Ленинградский диалог о современном романе // ИЛ. 1963. № 11).

78 В.Я.Лакшин, приехавший в Ленинград днем позже А.Т., 3 августа, нашел его на Волковом кладбище у могилы А.Блока. Возмущенный тем, что никто из руководства СП не позаботился встретить И.Эренбурга, А.Т. вместе с Лакшиным поехал на Московский вокзал встречать писателя (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 145—146). Выступить на сессии А.Т. не собирался, однако обстановка заставила: западные писатели грозились уехать, если их не перестанут воспитывать. Ортодоксы типа И.Анисимова призывали дать решительный бой противникам «соцреализма». Вынужденный выступить, осознав сложность обстановки, А.Т. вышел на трибуну без подготовленного текста. Он заговорил об общезначимых и близких всем проблемах романа, в основе которого — исследование художником человеческой души. Полемизируя с некоторыми советскими писателями (К.Симоновым, И.Эренбургом) о природе творчества, А.Т. поддержал тех западных авторов, которые утверждали, что подлинный художник — первооткрыватель, что он «находится в поиске, в постижении действительности» и «ничего не может знать наперед»: «он высекает искру из неподвижного камня, не тронутого искусством». А.Т. закончил выступление строками своего стихотворения «Вся суть в одном-единственном завете...» — о праве художника сказать то, что он хочет, и так, как он хочет (Твардовский А.Т. Убежденность художника // ЛГ. 1963. 10 августа). Речь А.Т. на европейском форуме 1963 г. никогда не перепечатывалась.

79 Участники сессии Европейского сообщества в Ленинграде были приглашены на встречу с Н.С.Хрущевым в Пицунде.

Софья Ханановна Минц (1920—1989) — секретарь А.Т. в редакции.

- 80 Имеется в виду вечер в Центральном Доме литераторов для участников Европейского форума. А.Т. прочел отрывок из поэмы «За далью — даль».
- 81 В «Известиях» опубликована поэма «Тёркин на том свете»: 17 августа — в московском вечернем выпуске, 18 августа — в основном тираже (5 млн).
- 82 Подразумеваются мартовская и декабрьская «встречи» с интеллигенцией партийного руководства и июньский пленум ЦК КПСС по вопросам идеологии.
- Оценив опубликование «Тёркина на том свете» как «событие огромного значения», А.Я.Яшин, как и многие тогда, признавался: «Не все для меня, конечно, понятно: как это получилось? Что это такое?» (Яшин А. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 356).
- 83 Просьба относилась к стихам о цензуре, завершавшим пассаж о номенклатурных дураках: «От иных попросишь чуру, / И в отставку не хотят. / Тех, как водится, в цензуру, / На повышенный оклад. / А уж с этой работенки / Дальше некуда спешить...».
- С августа 1963 г. Главлит вошел в систему Государственного комитета по делам печати, что вызвало недовольство органов цензуры в центре и на местах. Руководство Главлита доказывало необходимость выделения цензуры в самостоятельный орган, подчиняющийся Совету министров, и в 1966 г. добилось требуемого статуса (История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 614). «Бывший главный цензор» Петр Константинович Романов вновь стал начальником Главного управления по охране государственных тайн в печати при СМ СССР.
- С.П.Аветисян в 1963—1966 гг. — заместитель начальника Главного управления Государственного комитета по делам книгопечатания. В 1930-е гг. дважды исключался из партии за связи с врагами народа (Там же. С. 68). В конце 1970-х гг. — заместитель заведующего Общим отделом ЦК КПСС (Там же. С. 215).
- 84 «Театральный роман» М.Булгакова снят из № 8 «Нового мира» как подрывающий авторитет мастеров МХАТа и учения Станиславского. А.Т. «тщетно уверял цензора С.П.Аветисяна, что это не пасквиль на Художественный театр, а шарж, добрый юмор» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 152). Роман опубликован в № 8 за 1965 г.
- 85 Рада Никитична Аджубей (р. 1929) — дочь Н.С.Хрущева, жена А.И.Аджубея, член редколлегии журнала «Наука и жизнь».
- 86 По свидетельству А.Аджубея, слушая А.Т., писатели «то хохотали в голос, то переносились в далекие дали, вслед за мыслями автора». «Даже иностранные гости слушали, а вернее, наблюдали внимательно всю эту поучительную картину с особым настроением» (Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 7. С. 99).
- 87 А.А.Сурков — тогда Первый секретарь Правления СП и секретарь партгруппы Правления — был одним из инициаторов за-

прещения первого варианта поэмы в 1954 г. как «идейно-вредной» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957. Документы. М., 2001. С. 292). Сейчас он писал: «И как прекрасное завершение этой встречи было чтение новой поэмы А.Твардовского» (Сурков А.А. Ответственность художника // Правда. 1963. 18 августа).

- 88 Вот как рассказывает об этом А.Аджубей: «Прозвучали последние строки. Хрущев обратился к газетчикам: "Ну, кто смелый, кто напечатает?" Пауза затягивалась, и я не выдержал: "«Известия» берут с охотой"» (Аджубей А. Указ. соч. С. 99). Говоря о новой «сверхнеобычной» встрече читателей с Тёркиным, Аджубей не сомневался, что она вызовет «споры и возражения». Такое преуведомление уже звучало как приглашение к критике.
- 89 Жан-Поль Сартр (1905—1980) — французский писатель, философ, публицист. Странник марксизма, стремившийся дополнить его экзистенциалистскими идеями. Симона де Бовуар (1908—1986) — французская писательница, жена Сартра. Спустя год в «Новом мире» (1964. № 10—11) появится автобиографическая повесть Ж.-П.Сартра «Слова».
- 90 Ирина Федоровна Огородникова — переводчик с румынского, сотрудник Иностранной комиссии СП.
- 91 Михаил Николаевич Хитров (1931—2001) — редактор литературного отдела «Известий», с 1967 г. — член редколлегии «Нового мира».
- 92 Ю.Б.Лукин — сотрудник литературного отдела «Правды» — просил дать в газету хотя бы отрывок из «Тёркина на том свете».
- 93 По просьбе Н.С.Хрущева, которому, скорее всего, ее подсказало бдительное окружение, были сняты следующие строфы: «Пусть мне скажут, что ж ты, Тёркин, / Рассудил бы, голова, / Большинство на свете мертвых, / Что ж ты, против большинства? / Я оспаривать не буду, / Как не верить той молве. / И пускай мне будет худо — / Я останусь в меньшинстве». Впервые восстановлены в тексте поэмы в издании: Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Тёркин на том свете. М.: Раритет, 2000.
- 94 Валерий Алексеевич Косолапов (1910—1982) — редактор «Литературной газеты» (1960—1961), директор издательства «Художественная литература» (1963—1970).
- 95 Строки из последней главы поэмы «Василий Тёркин» — «От автора».
- 96 Издать такую книгу А.Т. не дали. После 1963 г. поэма перепечатывалась только в пятитомном собрании сочинений (М., 1967) и посмертном шеститомном (М., 1978). А.Т. не удалось включить ее ни в одно из изданий своих избранных произведений. Редколлегия «Библиотеки поэта» (Н.М.Грибачев, Н.С.Тихонов, А.А.Сурков, Е.Исаев, Р.Гамзатов и др.) отказалась печатать «Тёркина на том свете» в томе, подготовленном к 70-летию поэта М.И.Твардовской, хотя она представила доказательство того, что А.Т. видел эту поэму в числе наиболее значительных своих работ. Не возымело действия и письмо главного редактора «Библиотеки поэта» Н.С.Тихонова, дока-

зывавшего целесообразность издания «Тёркина на том свете» по тактическим соображениям (Тихонов Н. Из могилы стола. М., 2005. С. 440—442). Замысел А.Т. впервые осуществлен издательством «Раритет», подготовившим благотворительное издание к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне для ее ветеранов.

- 97 Торжества по случаю 1100-летия Смоленска и 20-летия освобождения его от немецкой оккупации.
- 98 Речь идет о повести Е.Герасимова «Семья Алешиных. Из рассказов о старых товарищах» (НМ. 1963. № 9) и «Севастопольских дневниках» генерал-майора Андрея Игнатьевича Ковтуна (1900—?) (Там же. № 8).
- 99 Имеются в виду недавний карибский кризис и ухудшение отношений с Китаем. 21 августа в «Правде» были опубликованы Заявления Советского и Китайского правительств по поводу договора СССР, США и Англии (6 августа 1963 г.) о запрещении испытаний ядерного оружия. Китай обвинял СССР в сговоре с империализмом, подтверждая, что будет развивать свой ядерный потенциал.
- 100 Лев Ефимович Кербель (1917—2003) — скульптор, автор памятника К.Марксу в Москве (1961), лауреат Ленинской премии (1962). Татьяна Михайловна — жена скульптора. А.Т. считал Кербеля среди земляков: его детство и юность прошли в Смоленске.
- 101 Павел Трифионович (1917—1989) — брат А.Т., работник торговой «сети».
- 102 В архиве А.Т. сохранилось более ста откликов на «Тёркина на том свете», адресованных автору (часть их, посланных в «Новый мир», осталась в редакции, часть осела в архиве газеты «Известия», опубликовавшей поэму). Здесь письма учителей, врачей, инженеров, рабочих, военных, благодаривших автора. Высоко оценили поэму художники И.Бруни и Н.В.Кузьмин. Отрицательные отзывы, как правило, противопоставляли нового Тёркина старому в пользу последнего. Сам А.Т. подчеркивал нерасторжимую связь двух поэм: «"Тёркин на том свете", при всей особливости и специфичности его идей и художественной задачи, неотрывает от "книги про бойца". Он взят оттуда для решения этих особых специфических задач... является на тот свет во всеоружии привычного слуху читателя юмора, своей словесности» (Письма... С. 493—498).
- Обозревая отклики на поэму, пришедшие в «Известия», критик А.Сергеев заключает, что большинство восприняло поэму с энтузиазмом. «Поэт идет на бой, ненавидя всяческую дрянь, с гордостью пишет о силе простого советского человека». «Нужно иметь не только талант, но и мужество, — по мнению другого читателя, — чтобы критиковать, вернее, бичевать еще живых, а подчас и сильных культовых приверженцев, бороться за социалистическую демократию, за правду...» (Сергеев А. О различных мнениях и объективности критики // Известия. 1963. 5 октября). Высоко оценили поэму В.Н.Орлов в статье «Вторая встреча с Тёркиным» (ЛГ. 1963. 12 сентября) и С.Я.Маршак

- в предисловии к готовившемуся английскому переводу поэмы (Маршак С. Служба жизни // Юность. 1964. № 9).
- 103 А.Т. отмечает здесь факты активизации сталинистской оппозиции, не встречающие официального отпора. В статье Н.Сергованцева, по сути, пересматривалась высокая оценка Н.С.Хрущевым повести А.Солженицына. Герой повести предстает здесь тупым и ограниченным существом, «жизненная программа которого не простирается дальше лишней миски баланды и жажды тепла» (Сергованцев Н. Трагедия одиночества и сплошной быт // Октябрь. 1963. № 4). Отрицательным отзывом на поэму «Тёркин на том свете» журнал снова «поправляет» Н.С.Хрущева, давшего ей «путевку в жизнь». Повторив, по сути, все упреки поэме, которые А.Т. предвидел у ее будущего «критика—грамотея», рецензент «Октября» усмотрел в ней «недостаток социальной определенности позиции героя» и автора (Стариков Д. Тёркин против Тёркина // Октябрь. 1963. № 10).
- 104 Споря с «Октябрем», критик «Известий» одновременно замечает, что поэма «не может не вызвать различных мнений относительно ее художественных и идейно-эстетических качеств» (Сергеев А. Указ. соч.).
- 105 Поэма «Тёркин на том свете» сдана в набор 24 сентября, подписана к печати 16 ноября 1963 г. (М.: Советский писатель, 1963).
- 106 Сообщение «От редакции — “Новый мир” в 1964 году» заставило цензуру и Идеологический отдел ЦК КПСС обратиться в Секретариат ЦК. Гнев руководящих органов вызвало утверждение «правды жизни» основным достоинством произведения. В перечне авторов 1964 г. начальника Главлита П.К.Романова возмутили имена И.Эренбурга, В.Некрасова, А.Яшина, В.Дудинцева, К.Паустовского, А.Ахматовой, Е.Евтушенко. Руководители Идеологического отдела ЦК поддержали и расширили сообщение П.К.Романова, добавив к списку нежелательных авторов А.Солженицына и В.Войновича (ЦХСД. Ф. 5. Оп. 55. Д. 44. Л. 124—125). А.Т. удалось отстоять сообщение «От редакции» после нелегкой борьбы.
- 107 Статья Вс.Кочетова, воспринятая А.Т. как ответ «Известиям», нерешительно, «надвое» возражавших на критику в «Октябре» «Тёркина на том свете», по сути, отвечала и на выступление А.Т. на Европейском форуме в Ленинграде (см. примеч. к записи от 12 августа). Кочетов ополчился против «общечеловеческого направления» в литературе как противостоящего «социалистическому реализму». Если критик его журнала лишь намекал на защиту в поэме «кулацких собственных начал в нашей жизни» (Стариков Д. Указ. соч. С. 200—202), то редактор «Октября» уже весьма определенно высказался о связи «общечеловеческого направления» с кулацкой идеологией (Кочетов Вс. Не все так просто // Октябрь. 1963. № 11. С. 220—221).
- 108 По-видимому, А.Т. имеет в виду статью Б.Стрельникова «Как “бешеные” готовили преступление в Далласе» (Правда. 1963. 25 ноября). Харви Ли Освальд — террорист, совершивший покушение на президента США Кеннеди.

- 109 Речь идет о книге «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера» (М., 1963). В основе статьи А.С.Пушкина «Джон Теннер» (Современник. 1836. Кн. 3) — французский перевод (1835) записки американского писателя (Нью-Йорк, 1830).
- 110 Л.А.Кудреватых вспоминает о совместном пребывании с А.Т. в 1963 г. в Барвихе: «Он не вливался в эти группы [отдыхающих]... встретившись или обгоняя "дискуссионников", он, молча кивнув головой, что означало приветствие, проходил мимо» (Кудреватых Л. Дом «Известий» // Воспоминания... 1978. С. 389 и след.).
- 111 Александр Николаевич Поскребышев (1891—1965) — в 1950-е гг. заведующий личной канцелярией И.В.Сталина и Секретного Отдела ЦК ВКП(б). Став в 1950 г. редактором «Нового мира», А.Т. искал способы опубликовать роман Гроссмана «За правое дело», отклоненный симоновской редакцией как «непроходимый». Письмо А.Т. Поскребышеву, где он просит разрешения на публикацию романа «Сталинград» (первоначальное название), см.: Цензура в Советском Союзе. 1917—1991. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 258—259). Ответа А.Т. не получил: по-видимому, письмо не было показано И.Сталину и вождь ознакомился с романом Гроссмана, уже напечатанным А.Т. на свой страх и риск. После публикации (НМ. 1952. № 7—10) роман, по указанию И.В.Сталина, был подвергнут уничтожительной критике. А.Т. пришлось — в первый и последний раз в его редакторской практике — признать напечатание романа Гроссмана ошибкой.
- 112 Иоганн Петер Эккерман (1792—1854) — личный секретарь Иоганна Вольфганга Гёте. Мемуары И.П.Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. 1837—1848» (М., 1934) находились в библиотеке А.Т.
- 113 Александр Григорьевич Дементьев и Алексей Иванович Кондратович.
- 114 А.Т. писал К.А.Федину 22 ноября, что не считает его извинение (НМ. 1964. № 1) «крайне необходимым», но неким «"добрым молодцам" (авторам) — урок здесь будет полезен. Кроме того, дано будет понять, что наши обещания в проспектах не с потолка, а имеют под собой серьезную основу — обязательства авторов» (Октябрь. 1990. № 12). «Костер» К.Федина — едва ли не единственное произведение, которое «Новый мир» печатал по соображениям тактическим, принимая во внимание статус автора — внештатного члена редколлегии и Первого секретаря Правления СП.
- 115 Имеются в виду изустные истории и предания о Сталине.
- 116 Петр Андреевич Павленко (1899—1951) — прозаик. После войны жил и работал в Крыму, где встречался со Сталиным. Иван Степанович Исаков (1894—1967) — в 1937—1938 гг. — командующий Балтийским флотом, в 1938—1946 гг. — заместитель наркома ВМФ. В 1946—1950 гг. — заместитель Главнокомандующего ВМФ. «Невыдуманные рассказы» адмирала Исакова печатались в «Новом мире» в 1959—1963 гг. Автор

- определял их как «полуистории, полурассказы» (Письмо И.С.Исакова А.Т. 24 декабря 1959 г. // Архив А.Т.).
- 117 С Акимом Васильевичем Горшковым (1898—1973) А.Т. познакомился, будучи депутатом ВС РСФСР от Владимирской области (1947—1950). В 1951 г. Горшкову присвоено звание Героя Социалистического Труда как председателю (с 1928 г.) выдающегося колхоза «Большевик». А.Т. склонял А.Горшкова писать воспоминания. Заявляя о намерении журнала «предоставить свои страницы для воспоминаний председателя одного из крупных колхозов, возглавлявшего его со дня организации», А.Т. имел в виду Горшкова (Твардовский А.Т. По случаю юбилея // НМ. 1965. № 1. С. 8). Дважды Герой Социалистического Труда Сергей Ксенофонтович Коротков (1908—1961) руководил колхозом в Чувашии (1945—1961).
- 118 Василий Иванович Снастин (1913—1976) — заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК (1962—1965).
- 119 Слух о том, что А.Твардовского «готовят в первые секретари», зафиксировал в 1959 г. историк, профессор С.С.Дмитриев, заметив, что для самого А.Т. «это плохо», а для писателей — «безразлично» (Из дневников С.С.Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 5. С. 171).
- 120 В очерке Ф.Абрамова «Вокруг да около» (Нева. 1968. № 1) председатель обещает колхозникам 30% заготовленного сена, тем самым поднимая их на дружную и спорую работу, обеспечившую уборку сена в рекордные сроки. См. примеч. 38.
- 121 А.Т. имеет в виду роман С.Залыгина «На Иртыше. Из хроники села Крутые Луки», готовившийся к печати (НМ. 1964. № 2). Сергей Павлович Залыгин (1913—2000) — прозаик, публицист. Печатал в «Новом мире» А.Т. рассказы (1952. № 9; 1953. № 9). Выступив с романом «Тропы Алтая» (НМ. 1962. № 9), обратил на себя внимание читателей и критики, став постоянным автором журнала А.Т.
- 122 Сам А.Т. в «Стране Муравии» не обошелся без такого «внутреннего монолога» мужицкой души, отразившего тревогу, смятение и надежду: «Товарищ Сталин! Дай ответ, / Чтоб люди зря не спорили: / Конец предвидится ай нет / Всей этой суетории? / И жизнь — на слом, / И все на слом — / Под корень, подчистую. / А что к хорошему идем, / Так я не протестую...» (Соч. Т. 1. М., 1976. С. 253).
- 123 См. запись от 16 сентября 1962 г. и примеч. 75 к записям 1962 г.
- 124 Мысль о том, что отнюдь не «нужда крестьянского двора» была причиной коллективизации, как это утверждалось в советской литературе, а потребности государства, — давний вывод А.Т. Уже в 1953 г. он видел общий изъян книг о коллективизации в том, что авторы решали вопрос о вступлении мужика в колхоз «исходя из необходимости самого единоличного хозяйства. Мол, “из нужды не выйти” и т.п... И это тогда, как мужик имел Советскую власть, получил землю, построил хату из панского леса, пользовался с/х кредитом и т.п., но главное, конечно, земля. Он только начал жить, только поел хлеба вволю. И в этих условиях он мог, по моему глубокому убеждению, воздерживать

- ваться от "коммунии" еще лет этак 200—300» (Письмо А.Т. А.Г.Дементьеву 18 декабря 1953 г. Копия // Архив А.Т.).
- 125 С.Я.Маршак заинтересованно и пристрастно следил за творчеством А.Т. Как уже упоминалось (см. примеч. 93 к записям 1961 г.), свою книжечку о поэте он надписал А.Т. его же строками: «Я не то еще сказал бы, / Про себя поберегу»... За несколько месяцев до смерти Маршак как будто стремился досказать это невысказанное.
- 126 Л.А.Кудреватых вспоминал, как А.Т. взял с собой к костру его и А.Я.Свердлова: «Устроившись на пеньках, мы сидели молча, устремив взгляд на огонь». «С детства люблю жечь костры, — не обращаясь ни к кому, проговорил Александр Трифонович. — Люблю огонь костров. В нем есть что-то стихийное и вместе с тем успокаивающее. Вы заметили: люди у костров, как правило, стоят или сидят молча, точно слушая музыку, уходят в свои думы...» (Кудреватых Л. Указ. соч. С. 389).
- 127 Повесть А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (НМ. 1962. № 11) выдвинута журналом на соискание Ленинской премии в конце 1963 г., когда обсуждались кандидаты в лауреаты 1964 г. С присуждением премии Солженицыну А.Т. связывал изменение нравственного и политического климата в стране.
- 128 Речь идет о повторном выдвижении на Ленинскую премию Галины Иосифовны Серебряковой (1905—1980). Ее трилогия «Прометей» (о К.Марксе), высоко оцененная в советской печати, была представлена на премию Союзом писателей РСФСР, издательством «Художественная литература», редакцией журнала «Дон», Институтом литературы и искусства имени М.Ауэзова АН Казахстана, Новосибирским монтажным техникумом, Управлением Гидрометеослужбы центральных областей и т.д., и т.п. Выдвижение А.Солженицына редакцией «Нового мира» поддержал только Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ).
- 129 А.Т. имел в виду воспоминания Г.Серебряковой об ее аресте в 1937 г. и пребывании в семипалатинской тюрьме. Набранные «Литературной Россией» в 1963 г., они не были пропущены цензурой. Г.Серебрякова предстает в них как убежденная коммунистка, не усомнившаяся в правоте партии после своего ареста, готовая поверить в справедливость ареста мужа — Г.Я.Сokolьникова, кандидата в члены ЦК ВКП(б), заместителя председателя Госплана (Серебрякова Г.И. Смерч // Подъем. 1988. № 7).
- 130 Сергей Петрович Антонов (1915—1995) — прозаик, сценарист. Активно печатался в «Новом мире» А.Т. 1950-х гг. Николай Корнеевич Чуковский (1904—1965) — прозаик, поэт, переводчик. Сын Корнея Ивановича Чуковского, всемерно поддерживавшего Солженицына. Александр Васильевич Караганов (1912—2007) — критик, литературовед, киновед, с 1963 г. — заместитель председателя Организационного комитета работников кинематографии (с 1965 г. — Комитета кинематографии при СМ), председатель секции кинематографистов Комитета по Ленинским премиям. Варткес Арутюнович Тевекелян (1902—

- 1969) — куратор Московского отделения СП от Московского городского комитета (МГК) КПСС.
- 131 Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // НМ. 1964. № 1.
- 132 Подступ к стихотворению «Мне сладок был тот шум сонливый...» (1964).
- 133 Я.М.Свердлов (1885—1919) — участник Октябрьской революции, с 1917 г. — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно — председатель ВЦИК. Г.Г.Ягода (1891—1938) — нарком внутренних дел (1934—1936), организатор массовых политических репрессий. Л.П.Берия (1899—1953) — нарком внутренних дел (1938—1953), продолжил политику репрессий в широких масштабах. Расстрелян по обвинению в заговоре против советской власти. Ф.Э.Дзержинский (1877—1926) — с 1917 г. — председатель ВЧК (с 1922 г. — ОГПУ), нарком внутренних дел (1919—1923) и путей сообщения (с 1921 г.), председатель ВСНХ (с 1924 г.), с 1921 г. — член ЦК ВКП(б). Г.К. (Серго) Орджоникидзе (1886—1937) — с 1930 г. — председатель ВСНХ, с 1932 г. — нарком тяжелой промышленности, с 1921 г. — член ЦК ВКП(б). М.Н.Тухачевский (1893—1937) — участник Гражданской войны, маршал Советского Союза, кандидат в члены ЦК (с 1934 г.), расстрелян в 1937 г. А.В.Косарев (1903—1939) — с 1927 г. — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, с 1934 г. — член ЦК ВКП(б), репрессирован в 1939 г.
- В печати А.Я.Свердлов выступал по темам революционного движения, как правило, с соавторами. В литературной записи А.Свердлова изданы воспоминания К.Т.Свердловой, а также П.Д.Малькова (Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959, 1961, 1962). Своих воспоминаний А.Свердлов не оставил.
- 134 Елизавета Яковлевна Драбкина (1901—1977) — прозаик, мемуарист, автор «Нового мира» А.Т. с 1950-х гг. Член ВКП(б) с 1917 г., репрессирована в 1937 г. Дочь соратника В.И.Ленина С.И.Гусева (Я.Д.Драбкина) — члена ЦК ВКП(б) с 1923 г., репрессированного в 1933 г.
- 135 набросок стихотворения «Есть книги — волею приличий...» Впервые опубликовано в 1965 г. (НМ. № 9).
- 136 Сведения о бывшем шлиссельбуржце, полученные А.Т. от С.Я.Маршака, неверны. Николай Александрович Морозов (1854—1946) жил не в Крыму, а в имении своего отца Борок Ярославской губернии, постановлением Совнаркома переданном ему за заслуги перед революцией и наукой в пожизненное пользование. В Борке было налажено рентабельное хозяйство, отчасти работавшее и на рынок. По инициативе Морозова здесь создана Верхневолжская база АН СССР, ставшая основой для Института биологии внутренних вод АН. До конца жизни Н.А.Морозов стоял во главе Естественно-научного института им. Лесгафта, руководя работами по исследованию космоса. Его вторую, послереволюционную, жизнь никак нельзя назвать «растительной и инертной».
- 137 Николай Герасимович Кузнецов (1902—1974) — нарком Военно-морского флота СССР, главнокомандующий ВМФ

- (1939—1946), адмирал (1941), Герой Советского Союза (1945). Фрагменты воспоминаний Н.Г.Кузнецова печатались в 1965 г. в «Октябре», «Неве», «Вопросах истории». Отд. изд.: Кузнецов Н.Г. Накануне. Воениздат, 1966. В опубликованных мемуарах нет многого из того, что зафиксировал А.Т. при чтении рукописи: сведений о конфликте Жданова и Ворошилова, о численности погибших в блокаду и т.д. Намерения печатать воспоминания Н.Г.Кузнецова, по-видимому, у А.Т. не возникало: образ Сталина — мудрого, волевого, справедливого — в обстановке «ползучей» ресталинизации мог способствовать ее усилению.
- 138 Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов) (1899—1969) — с 1939 г. — командующий Черноморским флотом, в 1941 г. — вице-адмирал. Семен Константинович Тимошенко (1895—1970) — маршал (1940), в мае 1940 — июле 1941 гг. — нарком обороны СССР.
- 139 Алексей Николаевич Косыгин (1904—1980) — заместитель председателя СНК (СМ) в 1940—1953 гг. В январе—июле 1942 г. — уполномоченный Государственного Комитета Обороны в Ленинграде, участвовал в эвакуации населения и снабжении города, с 1964 г. — председатель СМ СССР.
- 140 Николай Николаевич Воронов (1899—1968) — с начала войны — начальник Главного управления ПВО, с июля 1941 г. — начальник артиллерии Советской армии, с 1944 г. — главный маршал артиллерии.
- 141 Андрей Александрович Жданов (1896—1948) — секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) в 1934—1944 гг., в июне—августе 1941 г. — член Военного совета Северо-западного направления; с сентября 1941 г. — член ВС Ленинградского фронта. Член ЦК с 1934 г., член Политбюро ЦК с 1939 г.
- 142 Продолжение работы над первоначальным вариантом стихотворения «Есть книги — волею приличий...».
- 143 Владимир Абрамович Дыховичный (1911—1963) — драматург, сценарист, писал в соавторстве с М.Слободским. Леонид Осипович Утесов (1895—1982) — артист, руководитель эстрадного оркестра. Илья Львович Кремлев (1897—1971) — прозаик, автор трехтомной эпопеи «Большевики» (М., 1957). Аркадий Алексеевич Первенцев (1905—1981) — прозаик, в 1960-е гг. автор «производственных романов» о рабочем классе. Имеется в виду усадьба М.А.Шолохова в станице Вешенской Ростовской области.
- 144 На пленуме ЦК КПСС (9—13 декабря) Н.С.Хрущев выступил с докладом «Ускоренное развитие химической промышленности — важное условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа». Интенсификация (с помощью химии) объявлялась «коренным вопросом развития сельского хозяйства» (Правда. 1963. 9 декабря).
- 145 «У нас не должно быть приоритета для какой-нибудь одной культуры. Приоритет должен быть для урожая. Та культура, которая в условиях определенной зоны дает наиболее высокий урожай, лучше оплачивает вложенный труд, эта культура в хозяйстве и должна быть первой культурой (Продолжительные аплодисменты)».

- 146 См. запись от 28 ноября.
- 147 По словам Хрущева, «хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди пухли от голода. Да, товарищи, это факт, что в 1947 г. в ряде областей страны, например в Курской, люди умирали с голоду. А хлеб продавали. Партия решительно осудила и навсегда покончила с подобным методом (Продолжительные аплодисменты)» (Там же).
- 148 «Хлебозаготовки считали первой заповедью, семена — второй, а об удовлетворении нужд животноводства в кормах даже не вспоминали. Такое деление на заповеди порочно в своей основе» (Там же).
- 149 набросок к давно задуманному рассказу «Дом на буксире», так и оставшемуся незавершенным. Тема «расхуторизации» легла также в основу стихотворений «На старом дворе», «На хуторе Загорье», «Поездка в Загорье», «Садик в поле открытом...», элегическая тональность которых, как и некоторых других стихов «загорьевского цикла» 1939—1940 гг., ощутимо контрастировала с оптимизмом более ранней лирики А.Т.
- 150 Михаил Григорьевич Михайлов писал о положении верующих и пороках советской антирелигиозной пропаганды, за что подвергался всяческим утеснениям от властей. Изредка печатался в «Науке и религии». В «Новом мире» будет опубликован его обзор «Рекомендации, не сулящие удач» (1968. № 10). В письме А.Т. Михайлов сообщал о закрытии в Воронеже молельного дома баптистов, а также о высылке из Калинина секты «молчальников».
- 151 Дин Раск — в то время Государственный секретарь США.
- 152 Хо Ши Мин (1890—1969) — председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама с 1951 г., президент Демократической Республики Вьетнам с 1946 г., одновременно премьер-министр (1946—1955).
- 153 набросок к будущей поэме «По праву памяти».
- 154 В рассказе А.Я.Свердлова Лазарь — Л.М.Каганович, Лаврентий — Л.П.Берия. В.С.Абакумов (1908—1954) — министр Государственной безопасности СССР с 1946 г. Арестован в 1951 г., расстрелян.
- 155 См. запись от 18 декабря.
- 156 А.И.Рыков (1881—1938) — председатель Совнаркома (1924—1930), член Политбюро ЦК (1922—1936), в 1938 г. расстрелян.
- 157 Выписка из заключительной речи Н.С.Хрущева на декабрьском пленуме ЦК КПСС. Оценку этим соображениям см. в записи от 14 декабря.
- 158 А.И.Кондратович и В.Я.Лакшин привезли А.Т. подготовленный ответ на редакционную статью «Пафос утверждения, острота споров» (ЛГ. 12 декабря), поставившую под сомнение объективность публикации в № 10 «Нового мира» писем в поддержку рассказа А.И.Солженицына «Для пользы дела» и против статьи Ю.Барабаша «Что есть справедливость» (ЛГ. 1963. 31 августа). Ю.Барабаш упрекал Солженицына в том, что он решает идейно-нравственные проблемы, оперируя абстрактными категориями, и настаивал, что критерием справедливости должна быть государственная польза. Читатели «Нового

- мира» высказались за независимость нравственности от утилитарных соображений. «Трудно предположить, — заявила "Литературная газета", что в редакцию "Нового мира" пришли только письма, превозносящие рассказ» (Там же. 12 декабря). В ответе новомирцев сообщалось, что редакция получила 58 откликов на рассказ Солженицына и только в одном из них содержалась его отрицательная оценка. 12 писем пришли в виде копий: оригиналы были посланы в «Литературную газету» (Письмо редакции журнала «Нового мира» // ЛГ. 26 декабря). Газета, интересовавшаяся соотношением положительных и отрицательных отзывов, полученных «Новым миром», отреагировала на ответ журнала по-своему: «Никогда еще арифметический подход к сложным явлениям литературы не приносил пользы ни читателям, ни художнику, ни искусству в целом» (От редакции // Там же).
- 159 «Политзагон» (выражение А.Т.) составляли произведения, не пропущенные цензурой и оставшиеся в портфеле редакции. О «политзагоне» за 1963 г. см. вклейку к записям 1963 г.
- 160 Речь идет о статье М.А.Лифшица «В мире эстетики» (НМ. 1964. № 2), высмеивавшей «пустозвонство» и невежество пропагандиста официальной эстетики В.Разумного.
- 161 Дипин — дефицитное в ту пору лекарство от разрастания опухолевых тканей и метастазов. А.Т. доставал его для В.С.Гроссмана.
- 162 В выходных данных журнала тираж 1963 г. указывался от 113 до 120 тыс.
- 163 «Иногда, Саша, мне кажется, что писательству моему пришел конец. Что-то будто оборвалось в душе. Я не тот, каким был: другой человек, совсем другой, остатки человека. Писать-то надо кровью, а из меня она как бы вытекла вся» (Письмо В.Овечкина 11.XII // Север. 1980. № 2. С. 91). В ответном письме от 17 декабря, успокоив тревогу Валентина Владимировича по поводу житейских дел (долг журналу, хлопоты о пенсии), А.Т. пишет о главном: «...То, что ты говоришь о недостатке крови для писания, — это все вздор. Кому из нас, грешных, не приходила столько раз мысль о том, что, мол, "мог когда-то, а вот уж больше не могу". — Это законное чувство для каждого серьезного писателя... Бойся другого: когда вдруг поперет и станет все легко... Более того, особенно трудно бывает как раз перед взятием новой высоты. Это я знаю отчасти и по собственному опыту» (Соч. Т. 6. С. 444—445).
- 164 Михаил Михайлович Герасимов (1907—1970) — антрополог, историк, археолог, скульптор, воссоздавший по черепным костям облик ряда исторических деятелей Древней и Средневековой Руси.
- 165 Повесть А.Свердлова и Я.Наумова «Тонкая нить» со всеми «красотами» и штампами, отмеченными А.Т., издана в серии «Библиотека приключений» (М., 1965) традиционным для ее изданий тиражом 100 тыс. экз.
- 166 Дневники А.В.Никитенко (Т. 1—3. М., 1955—1956) — чиновника цензурного ведомства, литературного критика, академика — сохранились в библиотеке А.Т. с его пометками.

- 167 Кронид Иванович Малахов — критик, помощник А.С.Щербакова — секретаря СП в 1934—1936 гг. Возглавлял Комиссию при СП по областным издательствам. В разгар травли поэта за «кулацкую» «Страну Муравию» Щербаков поручил К.Малахову представить отзыв о ней. Малахов написал о поэме А.Т. как об одном из лучших произведений о коллективизации, отметив талант автора. Отзыв Малахова вскоре был подкреплен состоявшимся в декабре 1935 г. в СП обсуждением поэмы. Его участники (В.Ф.Асмус, Б.Л.Пастернак, В.А.Луговской, В.М.Инбер, М.Голодный и др.) признали «Страну Муравию» значительным и ярким явлением советской поэзии. В докладной записке И.В.Сталину 2 января 1936 г. А.С.Щербаков назвал «новое имя в поэзии» — Александр Твардовский (Счастье литературы. Государство и писатель. 1925—1938. М., 1997. С. 206). После публикации в «Красной нови» поэма в том же 1936 г. вышла в Смоленске (Запгиз), несмотря на серьезные препятствия, чинимые местной цензурой. К.Малахову принадлежит одна из наиболее глубоких и серьезных статей о раннем А.Т., творчество которого он, один из первых, связывал с пушкинской традицией (Малахов К. Александр Твардовский // Известия. 1939. 24 апреля).
- 168 В записи сказывается знакомство А.Т. с книгой М.Рузе «Роберт Оппенгеймер и атомная бомба» (М.: Госатомиздат, 1963). Мысль великого физика, что наука «становится собственностью незначительного коллектива специалистов», ускользая от всеобщего понимания, многократно варьируется здесь (С. 87, 120, 130 и след.).
- 169 Среди трех писем в поддержку статьи Ю.Барабаша (ЛГ. 1963. 31 августа; см. примеч. 158) из Ленинграда опубликовано письмо Н.Селиверстова — инструктора Дзержинского райкома КПСС (ЛГ. 1963. 19 октября).
- 170 Лучеса — поселок на реке Лучеса — центр Ленинского округа Починковского района Смоленской области. С.И.Базунов — в ту пору председатель колхоза. Деревня Прудки — центр Прудковского сельского округа Починковского района. Расположена на берегу реки Осекино, превращенной в большой пруд. На окраине деревни — городище Прудки, где при раскопках найдены орудия эпохи неолита и фрагменты керамики железного века.
- 171 Сессия 6-го созыва ВС РСФСР, утверждавшая государственный план и бюджет на 1964—1965 гг.
- 172 А.Т. имеет в виду объяснение по поводу задержки отдельного издания «Тёркина на том свете». Николай Васильевич Лесючевский (1907—1978) — с 1951 г. — главный редактор издательства «Советский писатель». Известен тем, что препятствовал выходу в свет ярких и талантливых книг. При обсуждении решения Секретариата ЦК КПСС «Об ошибках журнала "Новый мир"» (1954) Лесючевский подчеркнул, что оно имеет не меньшее значение, чем постановление «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (1946). Он советовал А.Т. отнести к «Тёркину на том свете» как Тарас Бульба к сыну-изменнику (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957. С. 295).

- 173 Борис Кузьмич Новиков (1925—1997) — артист, играл Василия Тёркина в одноименном спектакле Театра им. Моссовета, в спектакле Театра Сатиры «Тёркин на том свете» (в постановке В.Н.Плучека) он выступил в роли друга Тёркина, а Тёркина играл А.Д.Папанов.
- 174 Персонаж очерков А.Т. «Пусть Игнат Белый скажет» (1930), «Игнат Белый» (1934) «занимает в колхозе особое положение. Он знает почти всех. На его глазах прошли десятки лет жизни этих людей, он несет в себе полувековой опыт, их мечты и разочарования, историю каждого двора и хозяина» (Соч. Т. 6. С. 105). Возможно, к образу этого настоящего хозяина, его пониманию, как поднимать деревню, А.Т. обращается под впечатлением декабрьского пленума. Замысел рассказа о смоленской послевоенной деревне не был реализован.
- 175 Маршак С.Я. Служба жизни // Юность. 1964. № 9. Статья написана как вступительная к готовившемуся в Англии изданию «Тёркина на том свете». Поэзию А.Т. Маршак называет здесь «сильной, полнокровной, не боящейся грубой прозы жизни и в то же время сложной и тонкой».
- 176 См. запись от 11 сентября 1962 г. и примеч. 71, а также запись от 23 сентября 1962 г. и примеч. 93.
- 177 О цензурных изъятиях из № 3 и 4 за 1963 г. см. запись от 10 апреля и примеч. 34. В рубрике «Трибуна читателей» № 3 снята подборка откликов на повесть А.Яшина «Вологодская свадьба» (НМ. 1962. № 12), резко отрицательно встреченную критикой. Появились заведомо организованные письма земляков А.Яшина, обличавшие его в очернительстве (Свадьба с дегтем. Открытое письмо писателю А.Яшину // КП. 1963. 31 января). «Известия» перепечатали письмо из Вологодской молодежной газеты, обвинявшее писателя в искажении действительности (1963. 30 января). В подборку откликов, самоотечески пришедших в «Новый мир», также были включены письма с Вологодчины: земляки благодарили Яшина за то, что затронул «столько важных вопросов жизни нашей деревни». Односельчане писателя свидетельствовали: «В записках Яшина так оно и есть, как происходило» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Д. 84. Л. 65—66).
- 178 Повесть В.Тендрякова «Находка» опубликована в журнале «Наука и религия» (1965. № 1—2).
- 179 См. примеч. 84.
- 180 О повести Е.Герасимова «Семья Алешиных (Из рассказов о старых товарищах)» см. запись от 22 августа 1963 г. и примеч. 98.
- 181 Две попытки редакции напечатать стихи Е.Евтушенко в 1963 г. не удалось: после упоминавшихся «встреч» в верхах поэт, несмотря на признание своих «ошибок», подвергался нападкам в печати, и цензура относилась к нему с особой настороженностью. Но с 1964 г. Евтушенко печатается в «Новом мире» достаточно регулярно.
- 182 См. примеч. 106.
- 183 Рассказ В.Гроссмана «Несколько печальных дней».

- 1 Речь идет о создании нового Государственного гимна, над которым А.Т. работал вместе с композитором Г.В.Свиридовым (см. записи от 10—11 февраля 1961 г.). В феврале 1964 г. Идеологический отдел ЦК КПСС негласно закрывает конкурс по созданию гимна, поручив С.В.Михалкову (автору гимна, отредактированного И.Сталиным) представить новый текст на музыку «действующего гимна» (Записка Л.Ф.Ильичева — Н.С.Хрущеву о создании Гимна Советского Союза. Февраль 1964 // История советской политической цензуры. М.: РОССПЭН, 1997. С. 144).
- 2 Ирина Александровна Дементьева, работавшая в газете «Известия», познакомила А.Т. со своими выписками из материалов следствия по громкому тогда уголовному делу убийцы-грабителя. О деле Ионесяна см.: Ардаматский В. Наказание неотвратимо // Известия. 1964. 15 января; Галич Б., Резвутин А. Сначала туineaдeц, затем убийца // Там же. 4 февраля.
- 3 Борис Петрович Розанов — директор дома отдыха в Карачарове, родственник И.С.Соколова-Микитова.
- 4 Юрий Павлович Герман (1910—1967) — прозаик, сценарист. Владимир Германович Лидин (1894—1979) — прозаик, библиофил.
- 5 Вопрос, обращенный М.Горьким к интеллигенции в памфлете под таким же названием, опубликованном в «Правде» и «Известиях» 22 марта 1932 г. В библиотеке А.Т. сохранилась книга: Горький М. Публицистические статьи (Л., 1933), где статья «С кем вы, мастера культуры? (Ответ американским корреспондентам)» выделена А.Т. в оглавлении вместе с несколькими другими.
- 6 Альманах «Мосты», издававшийся в Мюнхене Центральным объединением политической эмиграции из СССР, уже попадал в поле зрения А.Т. См. запись от 9 июля 1962 г. Поэма «Тёркин на том свете» опубликована в выпуске 1963 г. с некоторыми расхождениями с авторским текстом 1954 г.
- 7 Речь идет о готовившихся к публикации повести Юрия Осиповича Домбровского (1909—1978) «Хранитель древностей» (НМ. 1964. № 7—8) и пьесы Виктора Сергеевича Розова (1913—2003) «В день свадьбы» (Там же. № 3).
- 8 Подразумевается встреча новомирцев с читателями в Доме учителя 29 января. В ней кроме членов редколлегии участвовали авторы журнала В.Н.Войнович, Е.Я.Дорош, Ю.В.Бондарев, А.И.Солженицын. Вел вечер А.Т., говоривший о важности связи журнала с читателями, о толстом журнале — «литературно-художественном и общественно-политическом» — как особом типе издания, сложившемся в России и не характерном для Запада. Рассказал А.Т. и о планах «Нового мира» (см. подробнее: Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева... С. 112). В печати о встрече новомирцев с учителями не упоминалось (вопреки обыкновению «Учительской газеты» и «Литературной газеты» давать подобную информацию).
- 9 Статья С.Я.Маршака о повести «Один день Ивана Денисовича» была написана по просьбе А.Т. поддержать ее автора, выдвину-

- того редакцией «Нового мира» на Ленинскую премию. Маршак использовал в ней свою внутреннюю рецензию, заказанную А.Т. в период подготовки повести к печати. А.Т. имеет в виду и статью В.Паллона «Здравствуйте, кавторанг» (Известия. 1964. 15 января), где повести Солженицына также дается высокая оценка.
- 10 Марию Илларионовну госпитализировали с диагнозом «острый тромбофлебит».
- 11 Пленум ЦК КПСС был посвящен интенсификации сельскохозяйственного производства. У выступившего с докладом министра сельского хозяйства СССР И.П.Воловченко было 17 содокладчиков (Стенографический отчет пленума ЦК КПСС 10—17 февраля 1964 г. М., 1964).
- 12 Имеется в виду выступление министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Казахской ССР Б.Н.Дворецкого.
- 13 Б.С.Смирнов, директор совхоза «Горный» Крымской области, на примере своего хозяйства доказывал выгоды гидропоники, признаваясь, что для пользы дела не всегда следовал рекомендациям из центра. Его живой рассказ прерывался смехом и аплодисментами.
- 14 А.И.Аскоченский, академик ВАСХНИЛ, призывал перейти к единому плану преодоления засухи.
- 15 Директор Всесоюзного исследовательского института удобрений и агропочвоведения Г.А.Черемисинов пытался протестовать против засилья лысенковщины, убеждая, что нельзя допускать игнорирования одних и «пропаганду других направлений в агрохимии». Он подверг сомнению информацию о блестящем состоянии дел в опытном хозяйстве Т.Д.Лысенко в «Горках», приведя о нем иные данные. Н.С.Хрущев в своей речи поддержал Лысенко, ссылаясь на то, что сам видел успехи его хозяйства. А.Т. скептически относился к опытам академика Трофима Денисовича Лысенко (1898—1976), что видно и из записей о пленуме.
- 16 В центре доклада М.А.Суслова — разногласия между КПК и КПСС. Зафиксированные А.Т. реплики Хрущева в печать не попали.
- 17 Мотив борьбы с «культом личности» присутствовал и в речи Хрущева на пленуме.
- 18 А.Т. был неприятно удивлен книгой А.М.Марьямова о Вс.Вишневском — «Революцией мобилизованный и призванный» (М., 1963), написанной с иных идейно-эстетических позиций, чем те, что отстаивались «Новым миром». В январе 1964 г. Марьямов дал отрицательный отзыв на повесть Д.Витковского «Полжизни» — на «лагерную» тему. А.Т. она понравилась, с автором был заключен договор, но напечатать ее не удалось. Расхождения с Марьямовым А.Т. оказались менее существенными, чем то, что их объединяло. Александр Моисеевич оставался заведующим отделом науки и публицистики в «Новом мире» и некоторое время после ухода А.Т.
- 19 Речь идет о запланированном тогда жилом районе Москвы.
- 20 Строка из стихотворения Н.А.Некрасова «Забытая деревня».

- 21 В.Я.Лакшин записал в дневнике 22 февраля 1964 г., что в редакцию А.Т. приехал «хмурый, будто больной» после приема избирателей. «Возмущается антигуманностью закона о прописке... Нет, если я еще пойду к Хрущеву, вот о чем я буду говорить с ним, а не о литературе» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 202).
- 22 О Д.Н.Орлове см. также запись от 1 марта 1961 г. и примеч. к ней.
- 23 Возможно, одним из конкретных поводов для такого обобщения стало обсуждение 11 февраля в Московском отделении СП журнальной критики, которое свелось к проработке статьи В.Я.Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги» (НМ. 1964. № 1) и нападкам на саму повесть Солженицына. «Литературная газета» в редакционной статье 20 февраля поддержала это «обсуждение».
- 24 Шутку насчет «винных паров», на которых будто бы запускаются ракеты, цензура восприняла как намек на важный источник бюджета — водку. Политический анекдот становится к этому времени основным жанром фольклора.
- 25 Роман Г.Бёлля «Глазами клоуна» А.Т. читал по рукописи, поступившей в редакцию, но появился он в журнале Б.С.Рюрикова (ИЛ. 1964. № 3). Это будет не последнее столкновение А.Т. с редактором «Иностранной литературы», который с помощью высших инстанций направлял зарубежного автора, шедшего в «Новый мир», в нужное место. Судя по записи, А.Т. читал полный текст рукописи Бёлля без сокращений. Журнал А.Т. одним из первых откликнулся на роман «Глазами клоуна» (Адмони В. С позиций человечности // НМ. 1964. № 12). Г.Бёлль опубликовал у А.Т. «Ирландский дневник» (НМ. 1964. № 5) и продолжал здесь печататься.
- 26 Цель визита к Н.В.Лесючевскому — директору издательства «Советский писатель» — переговоры об издании сборника статей новомирского критика Марка Александровича Щеглова (1925—1956). А.Т. был председателем комиссии по литературному наследию М.А.Щеглова, опубликовал его «Студенческие тетради» и литературные заметки, развенчивающие идейные установки и эстетику «соцреализма» (НМ. 1963. № 6). Сборник «Литературно-критических статей» М.Щеглова, за который хлопотал А.Т., вышел в 1965 г. О М.Щеглове см.: Письма... Указ. имен.
- 27 Речь идет о публикации: Механов Б. Атака в одиночку // ДН. 1964. № 1. Читательское письмо, подписанное врачом из Пензы Б.Механовым, было составлено с помощью сотрудника журнала А.Богданова, получившего за эту работу гонорар. См.: История одной фальшивки. Публ. В.А. и О.А.Твардовских // ВЛ. 2007. № 1.
- 28 «А потом на вид поставят / По условиям игры» — строчки из «Тёркина на том свете».
- 29 Руководство СП ограничилось в отношении главного редактора «Дружбы народов» В.А.Смирнова даже не «постановкой на вид», а более мягкой формулировкой: «обратить внимание В.А.Смирнова на нетерпимость таких методов работы...» Эдуардас Межелайтис (1919—1997) — литовский поэт, автор

- «Нового мира», член редакционного совета «Дружбы народов». Янко Брыль (1917—2006) — белорусский писатель, член редакционного совета «Дружбы народов». Все названные члены совета «Дружбы народов», забрав свои заявления, остались в нем.
- 30 А.Т. имеет в виду статью М.Щеглова «“Русский лес” Леонида Леонова» (НМ. 1954. № 5), послужившую (наряду с другими критическими выступлениями журнала) обоснованием ошибочности линии журнала А.Т. при его смещении с поста редактора в 1954 г. А.Т. отстаивал статью М.Щеглова, как и статьи В. Померанцева, М.Лифшица, обращаясь в ЦК (см.: Письмо А.Т.Твардовского в ЦК КПСС о несогласии с критикой работы журнала «Новый мир». В кн.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 225—227). О пьесе А.Е.Корнейчука «Крылья» — статья М.А.Щеглова «Реализм современной драмы» (Литературная Москва. 1956. Вып. 2).
- 31 Борис Иванович Соловьев (1895—1976) и Евгения Федоровна Книпович (1898—1988) — критики, литературоведы, редакторы издательства «Советский писатель».
- 32 В литературной среде держался слух о сотрудничестве Н.В.Лесючевского с 1930-х гг. с органами госбезопасности и его причастности к арестам ряда писателей, в частности Н.А.Заболоцкого и Б.П.Корнилова, что ныне подтверждено документами (Невский проспект. 1990. № 1—2).
- 33 Борис Владимирович Яковлев (1913—1994) — критик, публицист, сотрудник редакции «Дружбы народов». Выступал в «Новом мире» со статьями и рецензиями по историко-партийной тематике. В знак протеста против публикации «читательского письма» Б.Механова подал заявление об уходе из редакции. В отличие от заявлений упомянутых А.Т. членов совета «Дружбы народов», оно было принято.
- 34 Заседание Секретариата СП по вопросу «О дальнейшем усилении взаимосвязей литератур народов СССР» проходило 27—28 февраля. А.Т. имеет в виду стенограмму заседания Секретариата Правления СП по обсуждению фальсифицированного «читательского письма» в «Дружбу народов» о поэме «Тёркин на том свете».
- 35 В Ленинграде планировалась встреча редакции и авторов «Нового мира» с читателями. В Киеве — торжества по случаю 150-летия Т.Г.Шевченко, к творчеству которого А.Т. был причастен как переводчик его поэмы «Гайдамаки» и ряда стихотворений. А.Т. был награжден настольной медалью, выпущенной к 125-летию поэта в 1939 г. Стихотворение Шевченко «Заповіт» в переводе А.Т. (1937) воспроизведено в «Новом мире» (1964. № 3).
- 36 Николай Семенович Тихонов (1896—1979) — поэт, общественный деятель, председатель Советского Комитета защиты мира (1949—1979), с 1960 г. — председатель Государственного комитета по Ленинским премиям.
- 37 Речь идет о неоднократно упоминавшейся в записях 1963 г. статье В.А.Каверина «Белые пятна». Лев Натанович Лунц (1901—1924) — прозаик, драматург, член литературного объединения «Серрапионовы братья» (В.А.Каверин, М.М.Зощенко, К.А.Фе-

- дин, Н.С.Тихонов и др.), ставившего целью поиски новых художественных форм. В статье В.Каверина Л.Лунцу отводилось значительное место.
- 38 Публикацию сфабрикованного письма В.Смирнов оправдывал его направленностью против А.Т., линию журнала которого он оценивал как «ошибочную и вредную для советской литературы» (см.: История одной фальшивки... // ВЛ. 2007. № 1).
- 39 Н.М.Грибачев посчитал, что письмо Б.Механова написано «в правильной и хорошей манере», «форму действия», избранную редакцией «Дружбы народов», он признает допустимой: «все редакции этим пользуются». «За рубежом Твардовского называют либералом (это было в зарубежных газетах), лидером, вождем либералов. Но в нашем понимании либерализм — это бранное слово...» (Там же).
- 40 Александр Борисович Чаковский (1913—1994) — главный редактор «Литературной газеты» — солидаризировался со Смирновым и Грибачевым в оценке редактора «Нового мира», давая понять, что А.Т. пора снимать с его поста: «Твардовский для заграницы и для всех, кто поднял вокруг этой истории шумиху, — лидер либерального направления» (Там же).
О том, как, вопреки изложению Чаковского, проходило чтение «Тёркина на том свете» в Пицунде, см. запись А.Т. от 18 августа 1963 г., сделанную под непосредственным впечатлением этого события.
- 41 Имеются в виду критические выступления против статьи М.А.Лифшица «В мире эстетики» (НМ. 1964. № 2), раскрывавшей убожество и схематизм официальной эстетической мысли. Евгений Александрович Кацман (1890—1976) — член Московского союза художников (МОСХ), член-корреспондент Академии художеств.
- 42 Стариков Д. Тёркин против Тёркина // Октябрь. 1963. № 10. См. о ней примеч. 103 к записям 1963 г.
- 43 Сергеев А. О различных мнениях и объективности критики // Известия. 1963. 5 октября; Редакционный дневник. Принципиальность критики // ЛГ. 1963. 19 ноября.
- 44 В печати фальшивка так и не была дезавуирована. Руководители СП не могли допустить гласного разоблачения приема, широко использовавшегося официальной пропагандой, — организации «мнения простых советских людей».
- 45 Встречи редакции и авторов «Нового мира» с читателями в Ленинграде прошли 4—5 марта в выборгском Дворце культуры и Дворце искусств. Открывая встречу, А.Т. говорил о новых условиях в литературной жизни после XX и XXII съездов, о новых требованиях к писателям. «Новым является то, что читатель позволяет себе роскошь не читать то, что в качестве художественной литературы мы давали читать много лет подряд. Привычка к чтению должна быть достойной, рука об руку с полным сознанием, полным авторитетом, а не потребительской, лишенной мыслительного начала. Это весьма существенно» (цит. по кн.: Романова Р.М. А.Твардовский. Труды и дни. М.: Водолей, 2006. С. 608; см. также: Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 204—208).
- 46 Чтение А.Т. глав из поэмы «За далью — даль» давалось по радио в записи.

- 47 Александра Митрофановна, урожденная Плескачевская, се-
стра Марии Митрофановны — матери А.Т.
- 48 Выписка из воспоминаний В.Набокова (Нью-Йорк, 1954) будет
использована А.Т. в его статье о Бунине, где она сопровождается
наблюдением А.Т., что Набоков незаметно переходит на па-
родирование бунинского стиля, выказывая незаурядные «спо-
собности к имитации» (НМ. 1965. № 7 // Бунин И.А. Соч.: В 9 т.
Т. I. М., 1965).
- 49 Речь идет о замысле автобиографической книги «Пан Твар-
довский», неоднократно упоминавшемся в записях предше-
ствующих лет.
- 50 А.Т. говорил В.Я.Лакшину, что хочет написать об оценке
Солженицына «разными по своим понятиям людьми совершен-
но открыто»: «Поставлю все точки над *i*, чего вы еще не могли
сделать» (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 209. Запись от 16 марта
1964 г.). Одной из целей А.Т. было поддержать кандидатуру Сол-
женицына, выдвинутого редакцией «Нового мира» на Ленин-
скую премию. С середины марта до начала апреля наброски
этой статьи составят значительную часть записей А.Т.
- 51 Очерком И.С.Тургенева «Хорь и Калиныч» (Современник.
1847. Кн. I) открывался цикл рассказов и очерков «Записки
охотника», получивших большой общественный отклик и ока-
завших существенное влияние на подготовку крестьянской ре-
формы.
- 52 Чингиз Терекулович Айтматов (1928—2008) выступил в «Новом
мире» с повестями «Джамиля» (1958), «Материнское поле»
(1963), «Прощай, Гульсары» (1966). Член редколлегии журнала
А.Т. с 1967 г. В произведениях Айтматова 1960-х гг. А.Т. усма-
тривал влияние Солженицына.
- 53 Кавторанг Буйновский — герой повести Солженицына, заклю-
ченный.
- 54 Любимая у А.Т. мысль Л.Толстого, назвавшего героем своих
«Севастопольских рассказов» правду.
- 55 Имеется в виду статья В.Я.Лакшина «Иван Денисович, его дру-
зья и недруги» (НМ. 1964. № 1).
- 56 Байрон Дж.Г. Дневники. Письма. М., 1963. Выписка А.Т. из за-
писи от 16 ноября 1813 г. Роберт Бёрнс (1759—1796) и Ричард
Бринсли Шеридан (1751—1816) — английские поэты. Упоми-
наемые ниже Томас Кэмпбелл (1777—1844) и Сэмюэл Роджерс
(1763—1855) — английские поэты, Вальтер Скотт (1771—1832) —
английский писатель, Томас Мур (1779—1852) — ирландский
поэт. В библиотеке А.Т. сохранился экземпляр «Дневников»
Байрона с дарственной надписью переводчика — «верной
и благодарной читательницы его поэзии и его журнала —
З. Александровой (апрель 1964)», а также приобретенный ра-
нее, читанный в Барвихе — с его пометками.
- 57 Во время пребывания в Барвихе в марте 1964 г., по свидетель-
ству А.А.Кулешова, они с А.Т. делились впечатлениями детства,
и А.Т. побуждал его писать воспоминания (Письмо А.А.Ку-
лешова М.И.Твардовской. 16.VIII.75 // Архив А.Т.).
- 58 Иосиф Александрович Бродский (1940—1996) — поэт. В начале
1964 г. арестован по обвинению в тунеядстве. По суду сослан

в Архангельскую область на 5 лет, возвращен в Ленинград через полтора года.

А.Т. уже пытался вмешаться в дело Бродского, о чем свидетельствуют и «советы» В.С.Лебедева. Как и Н.С.Хрущев, его помощник был резко отрицательно настроен к «антисоветчику» Бродскому. После поездки в Ленинград, где на встрече новомирцев с читателями А.Т. передали стихи Бродского, его внимание к делу поэта усиливается. Письмо А.В.Македонова, написанное под впечатлением суда над Бродским 13 марта, призывало ходатайствовать за поэта. Свою запись процесса над Бродским (опубликована в альманахе «Воздушные пути». Т. 4. Нью-Йорк, 1965) прислала Фрида Абрамовна Вигдорова (1915—1965) — писатель, педагог.

В то же время такие новомирские авторы, как М.И.Алигер, В.Ф.Панова, О.Ф.Берггольц, отзывались о Бродском отрицательно. Вопреки «настоячивым советам» сверху, А.Т. продолжал вникать в дело Бродского. «Я еще буду иметь возможность разузнать о подоплеке этого дела, но сейчас мне неясно, в чем она», — писал А.Т. Македонову 30 марта 1964 г. (Твардовский А.Т. Земной удел. Починок, 1998. С. 15—16). В литературной среде стал известен конфликт А.Т. с одним из главных обвинителей Бродского — А.А.Прокофьевым (Дело Бродского по дневнику Л.Чуковской // Знамя. 1999. № 7. С. 143—144).

59 Дмитрий Дмитриевич Осин (1906—1983) — поэт, прозаик, в Смоленске 1920—1930-х гг. работал в редакциях газет «Юный товарищ», «Рабочий путь». В 1950-е гг. А.Т. напечатал в «Новом мире» ряд его рассказов и стихов. Алексей Александрович Плешков — поэт, сотрудник «Юного товарища». Сергей Андреевич Фиксин (1907—1978) — поэт, прозаик, переводчик, сотрудник редакции «Юного товарища», а позднее — газеты «Большевицкая молодежь». См. об А.Т.: Фиксин С.А. Первая даль поэта // Воспоминания... 1978).

60 По приезду в Смоленск в 1928 г. А.Т. не имел постоянной работы не только вследствие безработицы, но и как «сын кулака» и автор политически вредных стихов, за которые в 1930 г. был временно исключен из смоленской писательской организации. В декабре 1931 г. стал секретарем редакции журнала «Западная область», редактор которого Аркадий Николаевич Локтев опекал молодого поэта и содействовал его поступлению в 1932 г. в Смоленский пединститут на отделение литературы и языка. В ноябре 1934 г. А.Т. был отчислен из института «по собственному желанию».

61 Фильм, снятый по одноименному роману Вс.Кочетова режиссером В.Чеботаревым. Роман был подвергнут критике в журнале А.Т. (Марьямов А.М. Снаряжение в походе // НМ. 1962. № 1), которая в Справке Отдела культуры ЦК определена как «разносная» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958—1964. Документы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 479), а Вс.Кочетов взят под защиту (Недопустимые приемы // ЛГ. 1962. 19 января).

62 Имеется в виду самоубийство секретаря Рязанского обкома, члена ЦК КПСС А.Н.Ларионова, когда обнаружилось, что принятые областью заведомо нереальные обязательства по сдаче

- мяса привели к крупномасштабному очковтирательству. В романе Вс.Кочетова этот сюжет отсутствовал.
- 63 Главную (положительную) роль секретаря обкома Денисова играл в фильме В.Я.Самойлов. Речь идет о сходстве героя фильма с секретарем ЦК Ф.Р.Козловым.
- 64 Алексей Владимирович Романов (1908—1988) — партийный деятель, журналист, с 1963 г. — председатель Государственного комитета Совета министров по кинематографии — министр СССР; с 1965 г. — председатель Комитета по кинематографии при Совете министров.
- 65 О «ларионовщине» см. примеч. 62.
- 66 «Кубанские казаки» — фильм режиссера И.А.Пырьева (1950) — для А.Т. образец «лакировки» действительности.
- 67 Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. М., 1963. 2-е изд., дополненное.
- 68 Строфы из главы «Переправа» были все же автором сохранены.
- 69 Строка «В эту памятную зиму...» (из главы «Тёркин ранен») также осталась в тексте.
- 70 Глава «Два солдата».
- 71 Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О фактах грубых нарушений, извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства» осуждало планирование «сверху», навязывание приказным порядком планов по посевам, урожайности, поголовью скота и т.д. Колхозам и совхозам отныне предписывалось самим определять размер посевов, выбор культур, агротехники и т.д., руководствуясь Постановлением ЦК КПСС от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования», которое, оказывается, не выполнялось. О постоянном вмешательстве власти в «порядок жизни деревенской», превратившем ее в «муку-мученскую», — стихи А.Т. «А ты самих послушай хлеборобов» (1965).
- 72 Из отмеченных А.Т. при чтении Байрона мест приведем одно: «Какие противоречия уживаются в нем! Нежность — грубость — деликатность — неотесанность — чувствительность, чувственность — парение и ползание в грязи — низменное и божественное — все смешано в одной горсти вдохновенного праха».
- 73 Из № 4 «Нового мира» была изъята подборка писем читателей «Еще раз о повести А.Солженицына "Один день Ивана Денисовича"». Задержанная цензурой повесть Ю.Бондарева «Двое» напечатана в № 4 с некоторыми купюрами.
- 74 Речь идет о присуждении Ленинской премии А.И.Солженицыну, которое А.Т. считал принципиально важным для литературы в целом.
- 75 А.Т. имеет в виду упреки, высказанные Ивану Денисовичу в статьях Ф.Чапчахова (Дон. 1963. № 1), Н.Сергованцева (Октябрь. № 4) и др.
- 76 А.Т. подразумевает очерк А.Терентьева «На Воткинской ГЭС. Записки рабочего монтажника» (НМ. 1964. № 3).
- 77 Несмотря на предостережения В.С.Лебедева, А.Т. вновь обращается к нему по делу Бродского. Перечислены те, с кем он вел

- переговоры, пытаясь опереться в своих хлопотах на мнения известных поэтов.
- 78 Александр Исакович Ругман — поэт, земляк А.Т.
- 79 Книжная лавка писателей с ее букинистическим отделом на Кузнецком мосту.
- 80 Встреча с И.Г.Эренбургом была связана с подготовкой к публикации очередной — шестой книги его мемуаров «Люди, годы, жизнь». Предыдущие части воспоминаний встречали резкое противодействие Главлита и ЦК КПСС, их появление в журнале стоило редакции длительной изматывающей борьбы. Разгромная критика Н.С.Хрущевым мемуаров Эренбурга на встречах с интеллигенцией особенно осложнила их судьбу. У А.Т. были и свои претензии к автору, крайним выражением которых (правда, единственным в этом роде) стал отказ принять главу об А.А.Фадееве. «Фадеева Вы, конечно, не желая того, рисуете в таком невыгодном и неправильном, на мой взгляд, свете, что, напечатав ее, я поступил бы дорогой для меня памятью друга и писателя» (Письмо И.Г.Эренбургу 19.V.64 // Соч. Т. 6. С. 220). «Главный редактор журнала А.Т.Твардовский знал Фадеева не хуже меня, — объяснял Илья Григорьевич этот инцидент, — и оказалось, что мы видели двух различных людей и расходимся в понимании природы, да и судьбы этого крупного писателя и очень сложного человека» (см. Эренбург И. На цоколе истории. Письма 1931—1967. М.: Аграф, 2004. С. 572). Глава о Фадееве в «Новом мире» не публиковалась. В отдельном издании мемуаров И.Эренбурга она появилась с несколько смягченными оценками этой личности.
- 81 В корреспонденции В.Паллона «Здравствуйте, кавторанг» (Известия. 1964. 15 января) рассказывалось о встрече летом 1962 г. А.И.Солженицына с Борисом Васильевичем Бурковским (прототип кавторанга Буйновского в повести «Один день Ивана Денисовича»). Б.В.Бурковский — начальник Центрального Военно-морского музея на крейсере «Аврора» — поддержал выдвижение Солженицына на Ленинскую премию.
- 82 А.Т. цитирует по памяти рассказ Л.Н.Толстого «Севастополь в мае», который заканчивается словами: «Герой же моей повести, которого я старался воспроизвести во всей красоте его и который был, есть и будет прекрасен: правда».
- 83 Имеется в виду смущавшее некоторых критиков употребление героями «Одного дня...» нецензурных выражений в их измененных (эвфемистических) звучаниях. Не допуская мат в литературу, А.Т., понимая необходимость сохранения в повести особого лагерного языка, предложил (вместо традиционной замены матерщины первой буквой с многоточием) прибегнуть к эвфемизмам.
- 84 Предполагаемая А.Т. цитата из выступления Л.Ф.Ильичева, как и из В.И.Ленина, являлась не только необходимым «декором» публицистики той поры, но и защитой тех или иных авторских идей.
- 85 Зоя Борисовна Богуславская (р. 1924) — прозаик, в то время секретарь Комитета по Ленинским премиям.

- 86 См.: Тихомиров В. Красный адмирал // Известия. 1964. 1 апреля. Федор Федорович Раскольников (1892—1939) — участник Октябрьской революции и Гражданской войны, в 1920 г. — командующий Балтфлотом, с 1923 г. — ответственный редактор журналов «Молодая гвардия», «Красная новь», издательства «Московский рабочий». В 1930-е гг. — полпред в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. С 1938 г. — в эмиграции. Заочно исключен из партии и лишен советского гражданства. В эмигрантской печати были опубликованы статьи Ф.Ф.Раскольникова «Как меня сделали "врагом народа"» (Последние новости. Париж, 1939. 26 июня) и «Открытое письмо Сталину» (Новая Россия. 1939. 1 октября). В статье «Известий» не было только отмечено, что большевик Раскольников выступил против Сталина, лишь когда опасность со стороны вождя нависла над ним самим.
- 87 Записи А.К.Тарасенкова 1934—1939 гг. о Б.Л.Пастернаке (ВЛ. 1990. № 2) А.Т. читал в рукописи, предоставленной ему вдовой критика М.И.Белкиной. Высокие оценки Пастернаком поэзии А.Т., зафиксированные в записях, подтверждают стенограммой обсуждения «Страны Муравии» с участием Пастернака (ВЛ. 1984. № 8. С. 189—190. Публ. Р.Романовой).
- 88 В период «борьбы с космополитизмом» А.К.Тарасенков (тогда заместитель главного редактора журнала «Знамя») опубликовал «Заметки критика» (Знамя. 1949. № 10), где отрицательно оценивал поэзию Пастернака, которую на самом деле высоко ставил.
- 89 Борис Сергеевич Бурштын, псевдоним Б.Иринин (1893—1964) — переводчик. Был знаком А.Т. еще по Смоленску: заведовал отделом в газете «Рабочий путь», где печатался А.Т. Он ценил Бурштына как знатока литературной жизни 1920—1930-х гг. В «Новом мире» А.Т. 1950-х гг. печатались переводы Бурштына с чувашского и белорусского. Письма А.Т. Бурштыну см.: НМ. 1981. № 1.
- 90 Яков Львович Белинский — поэт, переводчик.
- 91 Елизавета Яковлевна — жена Б.С.Бурштына.
- 92 Просить об особых условиях для родных, друзей и знакомых значило для А.Т. признать свое право на привилегии. Так, он не просил для Марии Илларионовны «хорошего» хирурга, рекомендованного семье, а согласился с уже назначенным, сделавшим неудачную операцию. Позднее он выразил свое недовольство брату Ивану Трифоновичу, прибегнувшему к ссылкам на А.Т. при устройстве в больницу и т.п.
- 93 Имеются в виду выступления на заседаниях Комитета по Ленинским премиям 7—8 апреля: в поддержку кандидатуры А.И.Солженицына и против оставления в списке кандидатов на премию прозаика Г.И.Серебряковой с ее трилогией о К.Марксе и поэта Егора Александровича Исаева (р. 1926) с поэмой «Суд памяти».
- 94 Речь идет о главных редакторах «Правды» (П.А.Сатюкове) и «Известий» (А.И.Аджубее).
- 95 Н.С.Хрущев вместе с В.С.Лебедевым находились в Венгрии по случаю 19-й годовщины освобождения ее от немецких захватчиков.

- 96 Рукопись И.Ф.Колодникова (у А.Т. ошибочно — Кирпичникова) вошла в очерк В.Б.Александрова «Фронтные рукописи» (НМ. 1963. № 2). Владимир Борисович Александров (1898—1954) — критик, литературовед. Его статьи А.Т. особо выделял из написанного о своей поэзии (Александров В. Три поэмы Твардовского // Люди и книги. М., 1956). А.Т. был председателем комиссии по литературному наследию В.Б.Александрова.
- 97 Секция театра и кино Комитета по Ленинским премиям, возглавляемая А.В.Карагановым, высказалась (20 человек из 21 при одном воздержавшемся) за оставление в списке для тайного голосования А.И.Солженицына. А.Т. отмечал аргументированные выступления в поддержку писателя актеров А.В.Баталова и М.А.Ульянова.
- 98 Члены Комитета по Ленинским премиям.
- 99 Под заголовком «Высокая требовательность» «Правда» 11 апреля опубликовала обзор писем читателей о повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Приуроченная к решающему голосованию в Комитете по Ленинским премиям, статья от имени читателей давала недвусмысленные указания забаллотировать кандидатуру Солженицына. Здесь говорилось о противоречивой позиции автора с его «уравнительным гуманизмом», ненужной жалостливостью, праведничеством — всем тем, что мешает «вдохновлять читателя на борьбу за социалистическую нравственность».
- 100 На заседании Комитета А.Т. огласил полученный в Военной коллегии Верховного суда ответ на свой запрос о причинах ареста А.Солженицына, опровергавший версию секретаря ЦК ВЛКСМ С.П.Павлова об уголовном характере преступления писателя.
- 101 Строка из стихотворения И.А.Бунина «Дочь» («Все снится: дочь есть у меня...», 1923): «И чувством молодости странной, / Как будто после похорон, / Кончается мой сон туманный».
- 102 Любимые строки А.Т. из Пушкина («Предчувствие», 1928): «Сохраню ль к судьбе презренье, / Понесу ль навстречу ей / Непреклонность и терпенье / Гордой юности моей...».
- 103 Татьяна Георгиевна Конюхова (р. 1931) — киноактриса.
- 104 Михаил Афанасьевич Стельмах (1912—1983) — украинский писатель, лауреат Ленинской премии за 1961 г.
- 105 Аалы Токомбаев (1904—1988) — народный поэт Киргизии, академик АН Киргизской ССР.
- 106 Наири Зарьян (1900—1969) — армянский поэт, прозаик.
- 107 Мустай Карим (1919—2005) — народный поэт Башкирии, автор «Нового мира».
- 108 Андрей Павлович Лупан (1912—1992) — молдавский поэт и общественный деятель, депутат ВС СССР.
- 109 Четыре лауреата Ленинской премии среди членов Комитета, голосовавших за Солженицына: Р.Гамзатов, Ч.Айтматов, М.Стельмах и А.Т.
- 110 Н.М.Грибачев вместе с несколькими соавторами получил в 1960 г. Ленинскую премию за сборник панегирических репортажей о визите Н.С.Хрущева в США «Лицом к лицу с Аме-

- рикой». А.А.Прокофьев — лауреат Ленинской премии 1961 г. за сборник стихов «Приглашение к путешествию».
- 111 Мотта Педро Лима — бразильский публицист, сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма», где выступал с предупреждениями об опасности возрождения «культы личности». Запись беседы с ним в советской печати не обнаружена. О статье В.Паллона «Здравствуйте, кавторанг!» см. примеч. к записи от 31 марта 1963 г.
- 112 Т.е. в Комитете по Ленинским премиям.
- 113 И.Васильев — ученый секретарь Комитета.
- 114 70 лет Н.С.Хрущеву исполнялось 17 апреля.
- 115 Имеется в виду И.В.Сталин.
- 116 Речь идет о редакционной статье «Правды» 11 апреля. См. запись от 12 апреля и примеч. 99.
- 117 Все трое получили Ленинскую премию: Александр Александрович Дейнека (1899—1969) — художник, классик советской живописи, за панно и росписи в общественных зданиях. В.М.Песков за книгу очерков с авторскими фотографиями «Шаги по росе» (см. запись А.Т. от 16 сентября 1962 г. и примеч. к ней); Олесь (Александр Терентьевич) Гончар (1918—1995) — за роман «Тронка».
- 118 Евгений Викторович Вучетич (1908—1974) — скульптор, народный художник СССР. Автор памятника Ф.Э.Дзержинскому в Москве, советским воинам на Мамаевом кургане в Волгограде, в Трептов-парке в Берлине.
- 119 Маршак С.Я. Правдивая повесть // Правда. 1964. 30 января.
- 120 Воспоминания И.С.Соколова-Микитова не появились в «Новом мире». Очерк о Бунине был напечатан в «Звезде» (1964. № 11. См. также запись от 29 апреля).
- 121 Имеется в виду предисловие А.Т. к кн.: Соколов-Микитов И.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1959, которое А.Т. предполагал предпослать и однотомнику писателя (Л., 1965). См.: О родине большой и малой // Соч. Т. 5.
- 122 70-летие Н.С.Хрущева и 60-летие А.Г.Дементьева.
- 123 У В.М.Кожевникова (главного редактора журнала «Знамя») печатался роман К.М.Симонова «Живые и мертвые»: кн. 1 (1959. № 10—12); кн. 2 «Солдатами не рождаются» (1963. № 8—11); кн. 3 «Последнее лето» (1970. № 6—8); повесть «Случай с Польшинным» (1969. № 8), а также ряд очерков 1960-х гг.
- 124 Имеется в виду запланированный визит в Рязань к А.И.Солженицыну для чтения романа «В круге первом».
- 125 На выставке фотографий В.С.Лебедева демонстрировался портрет А.И.Солженицына.
- 126 Александр Твардовский в серии «Библиотека избранной лирики» (М., 1964). В библиографической справке в книге «забыт» «Василий Тёркин», а «Тёркин на том свете» отнесен к эпическому жанру, отсутствует ряд важных изданий, в том числе и «Тёркин на том свете» (М., 1963). Упомянуто лишь первое, неполное издание «Василия Тёркина» (1943), ошибочно датированное 1942 г. Но назван коллективный сборник «Страдания. Частушки» (Куйбышев, 1945).

- 127 См. примеч. 120. «Сам вижу, что очерки мои коротковаты, отрывисты — что-то в них нужно изменить, поправить», — писал И.С.Соколов-Микитов А.Т. 10 мая, забирая из редакции рукопись своих воспоминаний (Соколов-Микитов И.С. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1986. С. 393).
- 128 Франц Кафка (1883—1924) — австрийский писатель. В романе «Процесс» отразил, как и в ряде других своих произведений, абсурдность в окружающей действительности. Определенная связь «Тёркина на том свете» с «Процессом» Кафки прослеживается в высказываниях самого А.Т. Читатель, по словам А.Т., «охотно идет на допущение любых прихотливых извитий формы, если за произведением угадывается жизненно важное и существенное для него содержание». А.Т. напоминает такую деталь из «Процесса» Кафки, как «неперенесение» служащими «Дома Правосудия» свежего воздуха, с которым они соприкасаются при выходе из этого помещения, полагая, что деталь эта «необыкновенно выразительна с точки зрения содержания, которое заложено в романе Кафки» (Речь на конгрессе Европейского сообщества писателей (Рим, 1965) // Соч. Т. 5. С. 384).
- 129 Имеются в виду депутатские обязанности.
- 130 Вместе с А.И.Кондратовичем и В.Я.Лакшиным А.Т. навещал генерала Александра Васильевича Горбатова (1891—1973), чьи воспоминания «Годы и войны» печатались в журнале (НМ. 1964. № 3—5). Участник Гражданской войны, А.В.Горбатов в 1937 г. был репрессирован. С 1941 г. — на фронтах Отечественной войны — Юго-Западном и Сталинградском — командовал рядом армий. Герой Советского Союза (1945). Первой встречей с А.Т. генерал Горбатов считал встречу с его «Книгой про бойца». В 1943 г. в армии Горбатова побывал Б.Л.Пастернак. «Нам было ясно, что Пастернак человек совсем другого происхождения, другой жизни, других литературных взглядов, чем Твардовский, — вспоминал А.В.Горбатов. — Однако при этом он с такой искренностью восхищался "Василием Тёркиным" и так интересно говорил о значении этой книги, что мы его и за это полюбили» (Горбатов А.В. Характер прямой, мужественный // Воспоминания... 1982. С. 335).
- 131 Давид Федорович Ойстрах (1908—1974) — скрипач, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии (1960).
- 132 Георгий Константинович Жуков (1896—1974) — маршал, в Великой Отечественной войне — заместитель Главнокомандующего Советской армией. В 1944—1945 гг. — командующий 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами.
- 133 Дмитрий Трофимович Шепилов (1905—1995) — в 1952—1956 гг. — редактор «Правды», в 1955—1957 гг. — член ЦК КПСС, в 1956—1957 гг. — кандидат в члены Президиума ЦК и одновременно министр иностранных дел СССР. В июне 1957 г. на пленуме ЦК был снят со всех постов за участие в «антипартийной группе». Перечень ее участников (В.М.Молотов, Г.М.Маленков, Л.М.Каганович и др.) в партийных документах заканчивался формулировкой: «и примкнувший к ним Шепилов».

- 134 Майский номер «Нового мира», где печаталось окончание воспоминаний генерала А.В.Горбатова.
- 135 Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906—1975) — композитор, народный артист СССР (1954), Герой Социалистического Труда (1966). Писал музыку гимна к тексту А.Т., собирался писать музыку к «Тёркину на том свете».
- 136 Пленум Правления СП, посвященный 150-летию Т.Г.Шевченко.
- 137 Роман А.И.Солженицына «В круге первом».
- 138 А.Т. думал вернуться к незавершенной статье о Солженицыне (см. записи января—апреля 1964 г.). Статья о Бунине планировалась для готовящегося в Гослите издания сочинений писателя (см. записи 1965 г.).
- 139 Назрела потребность в ответ на многочисленные письма читателей, особенно учащихся, рассказать о том, как было написано стихотворение «Ленин и печник», в основе которого — запись рассказа крестьянина, жителя Горок, сделанная в 1937 г. Поэт отразил в нем представление человека из народа о том, каким должен быть вождь: ценить в людях прежде всего труд и мастерство, быть справедливым, лишенным мстительности, прощать невольные обиды. В апреле 1964 г. А.Т. писал директору Дома-музея В.И.Ленина в Горках, автору книги «Ленин в Горках» В.В.Волковой, надеясь получить дополнительные сведения о названной записи. Его интересовало, в частности, «кем записано и является ли эта запись дословной или отчасти "обработанной"» (Соч. Т. 6. С. 219—220). Однако новых сведений от Волковой он не получил.
- 140 Речь идет о цензурных претензиях к публикации: Анна Ахматова. Из трагедии «Пролог, или Сон во сне» / Предисл. А.Синявского // Раскованный голос. К 75-летию А.Ахматовой. НМ. 1964. № 6.
- 141 О первом и последующих днях войны см. в кн.: Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...»
- 142 Первоначальный набросок зачина стихотворения «Погубленных березок вялый лист...» (1966).
- 143 Розалия Ивановна Виатцин — многолетний секретарь и экономка С.Я.Маршака. Валентина Семеновна Гриненко — редактор Гослитиздата.
- 144 Иммануэль Самуилович Маршак — сын писателя. См. об А.Т.: Маршак И.С. Мой отец и А.Т.Твардовский (Воспоминания... 1978).
- 145 Т.е. сначала имя переводчика, а затем автора.
- 146 Твардовский А.Т. Зрелость таланта // Правда. 1964. 16 августа (Соч. Т. 5. С. 50. В комментарии ошибочно указана дата публикации 16 февраля). Откликаясь на «Новую книгу» А.А.Кулешова (М., 1964), А.Т. касался и его творчества в целом. Проходящий сквозь стихи белорусского поэта мотив речки Беседа созвучен теме «малой родины» в творчестве А.Т. 28 августа А.Кулешов благодарил А.Т. за статью: «Я как-то снова почувствовал себя человеком, чего-то стоящим, а это, поверь, очень важно для меня сейчас» (Неман. 1980. № 9. С. 138).

- 147 Имеется в виду планировавшееся Дж.Вигорелли издание произведений А.Т. в Италии. Замысел не был осуществлен.
- 148 Статья о Бунине будет опубликована в «Новом мире» (1965. № 7) и откроет Т. 1 собрания сочинений И.А.Бунина в 9 томах (М., 1965). Статья о повести Солженицына осталась на страницах Рабочих тетрадей 1964 г. Статью о стихотворении «Ленин и печник» А.Т. опубликует в 1967 г. (История одного стихотворения // Известия. 15 апреля; Соч. Т. 5). Среди читательских откликов оказались и те, что содержали новые подробности о предании, легшим в основу произведения.
- 149 Константин Трифионович Твардовский, старший брат А.Т.
- 150 Из № 7 «Нового мира» сняты цензурой мемуары И.Эренбурга (6-я книга).
- 151 Участие в «туристской поездке для писателей», намеченной на октябрь 1964 г., было оформлено, однако «выполнить долг перед семьей» А.Т. помешал долг перед журналом, положение которого все более усложнялось.
- 152 Строки, возникшие под впечатлением смерти С.Я.Маршака.
- 153 Зачин стихотворения, опубликованного в 1965 г.
- 154 Роман А.И.Солженицына «В круге первом», подготавливаемый к публикации в «Новом мире».
- 155 Идеологический отдел ЦК не давал санкции на публикацию 6-й книги мемуаров И.Г.Эренбурга, требуя многочисленных купюр. На встрече с редколлегией «Нового мира» 19 августа Эренбург, как и предвидел А.Т., отказался смягчить свою критику политики партии в области литературы и искусства, а также изъять страницы об антисемитизме. До конца 1964 г. А.Т. продолжал борьбу за 6-ю книгу воспоминаний писателя, увидевшую свет в 1965 г. (НМ. № 1—4).
- 156 Чарльз Перси Сноу (1905—1980) — английский общественный деятель, ученый-физик и писатель. А.Т. познакомился с ним в 1960 г. во время поездки в Англию, переписывался и неоднократно встречался с ним, когда Ч.Сноу и его супруга, писательница Памела Хенсфорд Джонсон, приезжали в СССР. В письмах и в жизни они были на «ты», обращаясь по именам: Саша, Чарли, Пэм.
- 157 Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века (М.; Л., 1964). Записки Джона Теннера (М., 1961). См. об этой книге записи в январе 1962 г.; Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем (1872—1887) (М., 1960). Ксенофонт. Анабасис (М.; Л., 1951) — сочинение древнегреческого историка о походах Кира Великого. Житие протопопы Аввакума, им самим написанное (М.: Academia, 1931). Эта книга была одним из первых приобретенных А.Т. для своей библиотеки, оставшихся одной из любимых. Рукой М.И.Твардовской приписаны книги, которые А.Т. также мог иметь здесь в виду: «Герцен — "Былое и думы"», Сервантес — «Дон Кихот», «Слово о полку Игореве», Достоевский — «Записки из Мертвого дома», Тургенев — «Записки охотника», Гончаров — «Фрегат «Паллада»», Анненков — «Литературные воспоминания», Эд.Гонкур — «Дневник», Томас Манн (многое).
- 158 Приезжавший 19 августа в редакцию И.Эренбург познакомил А.Т. и его соредакторов с записью разговора своего секретаря

- с В.С.Лебедевым, настроенным резко против его письма Хрущеву, в котором писатель жаловался на препятствия опубликованию своих воспоминаний. Лебедев заявил, что дело не в цензуре: редакция «Нового мира» якобы также относится к ним отрицательно. Эренбург не хотел отзываться свое письмо, как советовал Лебедев. Он напомнил о письме группы деятелей культуры партийному руководству с призывом распространить принцип мирного сосуществования на область идеологии. После того как оно вызвало гнев властей, подписавшие стали оправдываться, А.А.Сурков отозвал свою подпись, но обличение в печати сторонников «примиренчества», в том числе и Эренбурга, не прекратилось.
- 159 Карякин Ю.Ф. Эпизод из современной борьбы идей // Проблемы мира и социализма. 1964. № 9. Статья перепечатана в «Новом мире» (1964. № 9). В ней показано, что полемика вокруг повести «Один день...» стала «звенем идеологической борьбы на международной арене». Цитируются отзывы французской и итальянской коммунистической печати в поддержку Солженицына и резко отрицательные отклики на его повесть китайской компартии, с которой у КПСС отношения в ту пору обострились. Юрий Федорович Карякин (р. 1930) — философ, историк, Достоевсковед. Автор (совместно с А.И.Володиным, Е.Г.Плимаком, И.К.Пантиным) ряда трудов по истории русской общественной мысли.
- 160 В 1974 г. в Англии вышли избранные произведения поэзии и прозы А.Т. с предисловием Ч.Сноу. Признаваясь в своей привязанности к А.Т., Сноу характеризует его как «честного и глубокого человека». «Он стоял как скала, при необыкновенной утонченности своей эмоциональной натуры, обладая простым и сильным умом», «Он был — и это самое глубокое чувство — страстным патриотом России, с такой привязанностью к русской земле, русскому народу, русскому языку, какую на Западе вряд ли кто смог бы понять» (Чарльз Сноу и Александр Твардовский. Публ. Р.Романовой // ВЛ. XI—XII. 1990).
- 161 Предполагавшаяся поездка в Италию—Францию с женой и младшей дочерью не состоялась.
- 162 В.Я.Лакшин зафиксировал в дневнике некоторые размышления А.Т. над лермонтовскими текстами на подступах к статье о нем (в частности, про образ неба у Лермонтова и у Толстого) (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 115).
На 150-летие М.Ю.Лермонтова журнал А.Т. откликнулся статьями И.Виноградова «Философский роман Лермонтова», А.Кулешова (переводившего поэта на белорусский язык) «Встречи с Лермонтовым» и П.Антокольского «Из пламя и света рожденное слово» (НМ. 1964. № 10).
- 163 А.Т. цитирует Информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 14 октября (Правда. 16 октября).
- 164 Наталья Львовна Майкапар — секретарь редакции, временами замещавшая С.Х.Минц.
- 165 Речь идет о продолжении борьбы за 6-ю книгу мемуаров И.Г.Эренбурга. См. записи от 10 и 21 августа.
- 166 Издание в Италии антологии «Нового мира» не было осуществлено.

- 167 Михаил Матвеевич Кузнецов (1914—1980) — однокурсник А.Т. в ИФЛИ, в 1940—1950-е гг. работал в редакции «Правды», в 1960-е гг. — сотрудник отдела советской литературы ИМЛИ.
- 168 Павел Иванович Доронин (1909—1976) — в 1951—1954 гг. — заместитель председателя, затем председатель Смоленского облисполкома, в 1954—1961 гг. — первый секретарь Смоленского обкома КПСС, позднее секретарь ЦК Компартии Молдавской ССР. См. о нем записи А.Т. в 1954 г. (Знамя. 1989. № 7).
- 169 Передавая этот же эпизод, Солженицын признается: «Но — плохо еще я понимал Твардовского, предлагая ему такую авантюрно-лагерную затею. Он слишком уважал и свой журнал, и свой пост, чтобы действовать методом "заначки" и "подмены"». При этом Александр Исаевич не упоминает ни о своем тогдашнем нежелании забирать рукопись, ни о предложении редактору «Нового мира» взять на себя хранение романа, подрывавшего, по убеждению автора, основы режима (Солженицын А.И. Бодалас теленок с дубом // НМ. 1991. № 6. С. 71—72). Запись А.Т. восполняет этот пробел.
- 170 Людмила Марковна — жена художника Ореста Георгиевича Верейского. См. об А.Т. в кн. Л.М.Верейской «Встречи в пути» (М., 2001).
- 171 Алексей Матвеевич Румянцев (1905—1993) — заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС (1953—1955), главный редактор журнала «Коммунист» (1955—1958). С 1958 г. — главный редактор журнала «Проблемы мира и социализма», где работал и Ю.Ф.Карякин (см. запись от 10 сентября).
- 172 Владимир Ефимович Семичастный (1924—2001) — первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1958—1959), председатель КГБ (1961—1967), затем работал в СМ СССР. Член ЦК в 1964—1971 гг.
- 173 Н.С.Хрущев, однако, оставил свои воспоминания (надиктованные), частично изданные его сыном Сергеем (Хрущев Н. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997). Есть в них и строки об А.Т. «Его стихотворения были на устах у миллионов людей — и солдат, сражавшихся с гитлеровскими ордами, и тружеников военного тыла. Его поэма о Василии Тёркине — бессмертное произведение... А ныне завершается творческий путь Александра Трифоновича Твардовского без почета. Но ведь дело не в том, что он сейчас кому-то неугоден. Не признавать великой роли его творчества нельзя. Все равно его признал народ» (С. 501—502).
- 174 Иван Трифонович Твардовский (1914—2003) — брат А.Т. См. его «Из воспоминаний о брате» (Воспоминания... 1982).
- 175 Ржезач В. Рубеж. Пер. с чеш. М., 1962. Вацлав Ржезач (1901—1956) — чешский писатель, автор социально-психологических романов.
- 176 Первоначальный набросок стихотворения, вошедшего в цикл «Памяти матери» (1965).
- 177 Вариант стихотворения, опубликованного в 1965 г.
- 178 Редакционная статья «Революционная теория освещает нам путь» (Правда. 1964. 5 ноября) утверждала необходимость для партии правдивой и точной информации — без приукрашивания и умолчаний.

- 179 В докладе Л.И.Брежнева, посвященном 47-й годовщине Октябрьской революции, упоминалось о недопустимости неоправданных ограничений приусадебных хозяйств, «роль которых нельзя недооценивать» (Правда. 1964. 8 ноября).
- 180 «Ни дня без черточки (штриха)» (лат.) — слова Плиния Старшего о греческом художнике Апелесе. Принцип «Ни дня без строчки (точнее, черточки, штриха)», провозглашенный Ж.-П.Сартром, положен в основу одноименной дневниково-автобиографической книги Ю.Олеши (М., 1961).
- 181 Первоначальный набросок стихотворения, опубликованного в ином варианте (НМ. 1966. № 12).
- 182 Черновые наброски статьи к 40-летию «Нового мира», в которой А.Т. думал поставить злободневные проблемы литературы.
- 183 Константин Трифонович Твардовский (1908—1998) — старший брат А.Т. Работал кузнецом в совхозе «Лонницы» Смоленской области, преподавал в техникуме.
- 184 Пленум ЦК КПСС принял постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов» (Стенографический отчет пленума ЦК КПСС 16 ноября 1964 г. М., 1964).
- 185 Вели Юнусович Ахундов — первый секретарь ЦК КП Азербайджана.
- 186 Речь идет об очерке Т.Борисова «Заботы и радости Тимофея Лунина. Страницы из жизни одного колхоза» (НМ. 1964. № 10), где здравый смысл и опыт председателя колхоза вступают в непрерывное противоречие с указаниями партийного руководства. П.В.Кованов — в ту пору председатель Комитета народного контроля СССР. Упоминается в записи от 3 июля 1962 г.
- 187 Кирил Тимофеевич Мазуров (1914—1989) — в 1942—1943 гг. — представитель Центрального штаба партизанского движения Белоруссии, секретарь подпольного ЦК ЛКСМ БССР. С 1953 г. — председатель СМ БССР, с 1956 г. — первый секретарь ЦК КП Белоруссии. С 1965 г. — заместитель председателя СМ СССР, член Политбюро ЦК КПСС (1965—1978).
- 188 Выступления на пленуме не публиковались.
- 189 А.И.Аджубей был снят с поста главного редактора «Известий», выведен из состава ЦК. П.А.Сатюков снят с поста главного редактора «Правды», выведен из членов Идеологической комиссии ЦК, назначен ответственным секретарем журнала «Партийная жизнь» (1964—1971).
- 190 По приглашению Д.Д.Шостаковича, А.Т. 20 ноября слушал в Малом зале Консерватории его квартеты № 9 и № 10.

1965

- 1 Подразумевается программная статья А.Т. к 40-летию «Нового мира».
- 2 В декабре 1964 г. А.Т. выезжал в Италию, в город Катанья (Сицилия), где А.А.Ахматовой была вручена премия «Этна-Таормина». На церемонии вручения А.Т. выступил с речью (ЛГ. 1964. 17 декабря). Выступление транслировалось по радио и телевидению Италии. «Поэт читал стихи Ахматовой и в заключе-

- ние привел ее знаменитые строки о сущности и тенденциозности своей поэзии: "Не для страсти, не для забавы, / Для великой земной любви". Ахматова, волнуясь, поднялась с кресла и обняла Твардовского» (Микола Бажан. Раздумья и воспоминания. М.: Советский писатель, 1983. С. 200—201). И.Н.Пунина рассказывает, что Ахматова не помнила своего стихотворения «Мужество», которое ее попросили прочитать на церемонии, но А.Т. тут же написал текст на приглательном билете (Пунина И. Анна Ахматова на Сицилии // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 662—669); Брейтбурд Г.С. А.Т.Твардовский в Италии // Воспоминания... 1978).
- 3 Статья А.Т. о Солженицыне (см. наброски к ней в записях марта—апреля 1964 г.) не печаталась. Статья А.Т. «По случаю юбилея» (НМ. 1965. № 1) никогда не перепечатывалась.
- 4 Имеется в виду 6-я книга мемуаров И.Г.Эренбурга. Тяжба за ее публикацию, тянувшаяся на протяжении 1964 г., завершилась в январе 1965 г. передачей Идеологическим отделом ЦК КПСС вопроса «на усмотрение редакции», и 6-я книга воспоминаний Эренбурга «Люди, годы, жизнь» увидела свет (НМ. 1965. № 1—4).
- 5 Телефон правительственной связи в Секретариате СП.
- 6 Упомянуты чиновники Идеологического отдела ЦК КПСС. «Доброе участие» помощника М.А.Суслова — Степана Петровича Гаврилова в хлопотах о больном Э.Г.Казакевиче А.Т. отмечал в записи от 4 июля 1962 г.
- 7 Имеется в виду беседа корреспондента АПН с А.В.Горбатовым о его воспоминаниях «Годы и войны» (НМ. 1964. № 3—5), в октябре 1964 г. вышедших отдельной книгой. За несколько месяцев генерал получил более 500 читательских писем, большинство которых посвящалось его заключению в лагерях. Выдержки из них, опубликованные газетой, свидетельствовали, по словам корреспондента, о незатухающей «боли народа» (Аметистов М. Почта генерала // Вечерняя Москва. 1964. 19 декабря).
- 8 После смещения Н.С.Хрущева в октябре 1964 г. А.И.Солженицын, судя по записям А.Т., ожидал реванша реакционных сил в верхах.
- 9 В статью А.Т. «По случаю юбилея» вошел ряд положений незавершенной статьи о Солженицыне, писавшейся в поддержку его кандидатуры на Ленинскую премию. Выступив с высокой оценкой повести Солженицына (Маршак С.Я. Правдивая повесть // Правда. 1964. 30 января), газета накануне решающего голосования в Комитете по Ленинским премиям напечатала редакционную статью, где, ссылаясь на письма читателей, посчитала Солженицына недостойным награды (Там же. 11 апреля). Зарубежный исследователь справедливо расценил это выступление «Правды» как прямое указание не присуждать премию Солженицыну (Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953—1970 гг. М., 1999. С. 160—161).
- 10 О встречах с А.Н.Поскребышевым, которого А.Т. призывал писать воспоминания, см. записи от 26 ноября и 19 декабря 1963 г.

- 11 Открытка (М.: Изогиз, 1964) с портретом А.Т. и его стихами «Вся суть в одном-единственном завете...».
- 12 Луи Арагон (1897—1982) — французский поэт, член ЦК Французской компартии с 1957 г. В ответ на телеграмму А.Т. своим отрицательным отзывом о романе А.Камю «Чума» поддержал сопротивление цензуры его публикации (см. записи 1963 г. и вклейку к ним). Эльза Триоле (1896—1970) — французская писательница, родилась в России (сестра Л.Ю.Брик).
- 13 А.Т. начал работу над вступительной статьей к собранию сочинений И.Бунина в 9 томах (М.: Гослитиздат, 1965). В библиотеке А.Т. сохранилось с его пометками 5-томное собрание сочинений Бунина (приложение к журналу «Огонек» — М., 1956).
Всю жизнь, с молодых лет, А.Т. собирал издания любимого писателя — дореволюционные и зарубежные. Александр Кузьмич Бабореко (1913—1999), давний исследователь Бунина, снабжал его материалами наследия писателя, в ту пору малодоступными. Письмо А.Т. к А.Бабореко см.: Соч. Т. 6. С. 229.
- 14 Лев Вениаминович Никулин (1891—1967) — писатель. В начале 1960-х гг., когда А.Т. активно хлопотал о покупке архива И.А.Бунина и обстановки его кабинета, этому во многом мешали письма Л.В.Никулина в СП и ЦК КПСС. Никулин доказывал нецелесообразность приобретения архива Бунина как малоценного и ненужность его мемориального кабинета в России (Бабореко А.К. Дороги и звоны. М., 1993. С. 100 и след.).
- 15 О В.А.Тевекеляне см. запись от 1 декабря 1963 г. «Тевекелянством» А.Т. обозначал партийно-бюрократическую опеку над писателями.
- 16 Подразумевается определение Буниным своей позиции в интervью газете «Голос Москвы» в 1912 г. (Бунин И.А. Соч. Т. 9. М., 1967. С. 541). А.Т. предполагал, что близость к социал-демократии — результат влияния М.Горького.
- 17 Речь идет о перевыборном собрании Московской организации СП 20 января (ЛГ. 23 и 26 января; Правда. 24 января).
- 18 В статье «По случаю юбилея» утверждалось: «История русской литературы знает немало примеров того, как непредугаданное и неожиданное... произведение становилось знаменательной вехой в развитии лучших, наиболее перспективных ее тенденций... Уже первой своей повестью Солженицын напрочно вписал свое имя в историю советской литературы, и поворотное значение этой повести будет со временем выявляться все более очевидно» (Архив А.Т.).
- 19 А.Т. отмечал, что «широтой и непринужденностью изложения располагают к себе путевые записки, например, ученого-историка С.Утченко или литератора В.Некрасова». В опубликованной статье имя В.П.Некрасова осталось лишь в перечислении наиболее значительных авторов журнала А.Т. (НМ. 1965. № 1. С. 4).
- 20 А.Т. отстоял упоминание о мемуарах И.Г.Эренбурга среди наиболее ценных публикаций журнала. Высокую их оценку, исключенную из статьи «По случаю юбилея», он смог отчасти воспроизвести в некрологе И.Г.Эренбурга. Здесь А.Т. говорит

- о мужестве Эренбурга, с которым он «сносил нередко необдуманные и несправедливые упреки и попреки критики» (Там же. 1967. № 9. С. 285—286).
- 21 В статье речь шла о критике «отличного очерка» «Вологодская свадьба» А.Яшина с помощью «недопустимого приема» — фальсифицированного «письма земляков» писателя (см. записи 1963 г.). В публикации А.Яшин только назван в числе литературных талантов, представляющих лицо журнала (Там же. 1965. № 1).
- 22 Имеется в виду замечание А.Т., что в литературном деле «есть свои урожайные и неурожайные годы, свои засухи, вымочки и даже градобития».
- 23 «Беллетристика, подобная "Кавалеру Золотой звезды", занималась простодушным, чтобы не сказать резко, подмалевыванием жизни колхозного села...» В опубликованной статье это положение осталось без упоминания романа С.Бабаевского, удостоенного двух Сталинских премий. Снято было и упоминание о критике романа Вс.Кочетова «Секретарь обкома» (Марьямов А.М. Снаряжение в походе // Там же. 1962. № 1).
- 24 В напечатанной статье не оказалось упоминания о Дудинцеве и его романе «Не хлебом единым».
- 25 А.Т. обращал внимание на то, что на страницах журнала встречаются «писатели самые разные по своей тематике, по письму и стилю — от Шолохова до Пастернака, от А.Толстого до Солженицына...» (Там же. 1965. № 1. С. 4).
- 26 Высоко оценивая «Деревенский дневник» Е.Дороша как плод многолетнего «вдумчивого и любовного изучения писателем деревенской жизни», А.Т. остановился на грубой и несправедливой его критике, обличавшей автора в «принижении действительности» (Не видя солнца // Сельская жизнь. 1964. 11 октября. Статья подписана Л.Лебедевым, председателем колхоза Костромской области). Д.А.Поликарпов поддержал обвинения газетой Дороша в том, что труженики деревни изображены им некрасивыми. Напоминание о «наихудших приемах критики» на примере Дороша сохранилось в статье (НМ. 1965. № 1. С. 6—7). В том же, юбилейном, № 1 «Нового мира» печаталось продолжение «Деревенского дневника» Е.Дороша. О цензурных трудностях, связанных с его публикацией, см.: ВЛ. 1994. Вып. II. С. 246—252.
- 27 Речь идет о повести С.П.Залыгина (НМ. 1964. № 2). Размышления о ней А.Т. см. в записи от 1 декабря 1963 г.
- 28 Борис Александрович Костюковский (1917—1992) — прозаик, драматург, очеркист, сосед по даче на Пахре.
- 29 В опубликованном тексте эта оценка роли и места Солженицына в литературе осталась в сокращенном виде (НМ. 1965. № 1. С. 3).
- 30 См. примеч. 22.
- 31 Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Военная лирика (М.: Воениздат, 1965). О работе автора над этой книгой см. далее записи 1, 6 июня.
- 32 Имеется в виду: Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 4 т. (М.: Гослитиздат, 1959—1960).

- 33 Стихотворение «Космонавту» впервые опубликовано в «Новом мире» (1962. № 2); «Слово о словах» — в газете «Правда» (1962. 5 мая).
- 34 Поэма «Тёркин на том свете», запрещенная в 1954 г., опубликована в новом варианте в 1963 г. (Известия. 1963. 17 августа; НМ. 1963. № 8). О работе над поэмой и историю ее издания см. записи 1962—1963 гг.
- 35 Первые четыре тома пятитомного собрания сочинений А.Т.Твардовского — «другого формата» — вышли в свет в 1966—1967 гг. Структура издания была изменена автором: четвертый том включал прозу (Очерки и рассказы), пятый (Статьи и выступления) задерживался: автор не давал разрешения на изъятие из его статей и выступлений упоминаний об А.И.Солженицыне, имя которого становится с конца 1960-х гг. запретным. Пятый том вышел из печати после смерти А.Т. — без статьи «По случаю юбилея» и ряда важных выступлений А.Т.
- 36 Первоначальный набросок стихотворения «Который год мне снится, повторясь...» (впервые в НМ. 1966. № 12).
- 37 Ф.Каманин рассказывает, что, приехав в 1933 г. в Смоленск, нашел в А.Т. знатока и почитателя Бунина. Ночь напролет они читали друг другу любимые произведения писателя (Каманин Ф. Смоленск—Москва // Воспоминания... 1978. С. 84—86).
- 38 Субъективизм «приговора» эмигрантскому периоду творчества писателя во многом объяснялся жизненной позицией А.Т.: он так любил родину, что не мыслил без нее не только творчества, но и жизни. Суждениям о завершенности творчества Бунина в 1917 г. явно противоречит анализ А.Т. произведений, написанных за рубежом, как подлинно высокохудожественных.
- 39 Фильм «Самый длинный день». США, 1962. Режиссеры Б.Викки, Э.Мартон.
- 40 Речь идет о работе художника О.Г.Верейского над графическим портретом А.Т.
- 41 Т.е. часть статьи «По случаю юбилея», где А.Т. говорит о своих расхождениях с требованиями, предъявлявшимися критикой к героям советской литературы.
- 42 Речь идет о работе Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства.
- 43 Василий Федорович Кухарский (1917—1983) — секретарь Правления Союза композиторов (1948—1958), в 1960—1962 гг. — заведующий сектором искусств Отдела культуры ЦК КПСС, с 1962 г. — заведующий сектором Идеологического отдела ЦК, с 1965 г. — заведующий сектором Отдела культуры ЦК.
- 44 «Новая книга» А.Кулешова выдвигалась на соискание Ленинской премии редакцией «Нового мира».
- 45 А.Т. имеет в виду «Повесть в новеллах» М.Алексеева «Хлеб — имя существительное», подвергшуюся едкой критике в рецензии Ю.Буртина (НМ. 1965. № 1), и роман И.Шемякина «Сердце на ладони». В бюллетень для окончательного голосования они не попали.
- 46 Второй съезд писателей РСФСР открылся 4 марта вступительным словом М.А.Шолохова, призвавшего писателей быть «вер-

- ными солдатами партии». С докладом выступил Л.С.Соболев, утверждавший великую миссию литературы в воспитании строителей социализма. Далее последовали речи партийных и комсомольских руководителей — Н.Г.Егорычева, С.В.Толстикова, С.П.Павлова.
- 47 Муж О.А.Твардовской — Владимир Александрович Макушенко (р. 1934), художник-сценограф. Как и О.А.Твардовская, заслуженный художник России, лауреат Государственной премии России. Николай Иванович Рыленков (1909—1969) — смоленский поэт; сестра А.Т. — Анна Трифоновна (1912—2000).
- 48 Речь шла о пленуме ЦК КПСС 24—26 марта, обсуждавшем «неотложные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР».
- 49 Упоминаются брат А.Т. Константин Трифионович, Надя — дочь Анны Трифионовны, сестра А.Т. Мария Трифоновна (1923—1984).
- 50 См. запись от 22 марта 1963 г.
- 51 Имеется в виду речь Л.И.Брежнева по поводу завершения полета космического корабля «Восход-2» и первого выхода в космос, осуществленного космонавтом А.А.Леоновым (Правда. 1965. 24 марта).
- 52 «Аллеями» называются улицы в поселке Красная Пахра. Дом А.Т. — на Средней аллее.
- 53 Зачин стихотворения «...Ты откуда эту песню...» — из цикла «Памяти матери». Впервые опубликован в «Новом мире» (1965. № 9).
- 54 Имеется в виду поездка в Смоленск в июне 1959 г.
- 55 Мария Митрофановна родом из мелкопоместных дворян Плескачевских, выйдя замуж за Трифона Гордеевича Твардовского, долгое время сильно тосковала по родительскому дому. Замужество — ее первый «перевоз». Второй состоялся в 1930 г., когда семью Твардовских как кулацкую выслали на Северный Урал.
- 56 Речь идет о давнем замысле автобиографической книги «Пан Твардовский», неоднократно упоминающемся в записях предшествующих и последующих лет, оставшемся не осуществленным.
- 57 Смерти деда — Гордея Васильевича (1834—1916) — посвящено стихотворение «Мне памятно, как умирал мой дед...» (1951). Внук Шура (Шурилка-Мурилка) был любимцем Гордея Васильевича (Твардовский К.Т. Загорье // Сельская новь. Починок, 1981. 7 апреля). См. также документальное исследование Ю.Буртина «Бомбардир Гордей Твардовский — дед поэта» (ЛО. 1987. № 11).
- 58 Александр Иванович Тургенев (1784—1845) — писатель, историк, общественный деятель. А.Т. читал в больнице его книгу «Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.)» (М.; Л., 1964). В нее вошли письма Тургенева из-за границы, печатавшиеся в «Современнике» А.С.Пушкина и других русских журналах 1827—1847 гг., и впервые опубликованные заграничные дневники этого либерального литератора, образованнейшего человека своего времени. См. о нем в кн.: Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции (М., 2007).

- 59 Наталья Николаевна Аكوпова — заведующая редакцией русской классической литературы Гослитиздата. Письма А.Т. к ней см. в кн. «Письма...».
- 60 Имеется в виду подборка читательских откликов на критику Е.В.Вучетичем статьи А.Т. «По случаю юбилея» (Вучетич Е. Внесем ясность. Некоторые мысли по поводу одного юбилейного выступления // Известия. 1965. 14 апреля). Особое неприятие скульптора вызвало требование А.Т. в литературе правды без умолчаний, неприкрашенной. Вучетич призвал различать правду факта — частную и мелкую от правды явления — с ее историческим смыслом. Так, потери и поражения в Великой Отечественной войне, с его точки зрения, — правда факта, победа — правда явления. Скульптор, доказывая, что не всякая правда нужна, по сути, защищал право на ее сокрытие и искажение в видах партийной и государственной целесообразности. Письма с протестом против статьи Вучетича поступали в редакцию от читателей разного социального положения и степени образованности. Против концепции двух правд выступили, в частности, сотрудники Института истории СССР АН, утверждавшие, что статья А.Т. актуальна и для исторической науки (Гефтер М.Я., Губер А.А., Данилов В.П., Иванов Л.М., Сидоров А.Л., Тарновский К.Н. Ясность должна быть внесена // Архив А.Т.). Инициатором письма был Михаил Яковлевич Гефтер (1918—1995) — историк, философ, в ту пору заведующий сектором методологии истории Института истории СССР. Данилов В.П. — секретарь партбюро института.
- 61 В.П.Гольцев — редактор военного отдела «Известий».
- 62 Сарра Юльевна — жена Б.Г.Закса.
- 63 Владимир Владимирович Набоков (1899—1977) — прозаик. С 1919 г. — в эмиграции (в Англии, Германии, Франции, США). Писал на русском и (с 1940 г.) на английском языках.
- 64 «Правда» и ряд центральных газет дали подробный репортаж торжественного заседания по случаю юбилея М.А.Шолохова в Колонном зале (Правда. 1965. 25 мая).
- 65 Речь идет о дискуссии, вызванной статьей «По случаю юбилея», в которой журналу не дали участвовать, не пропуская в печать письма читателей в поддержку А.Т. и с критикой выступления Е.Вучетича.
- 66 Имеется в виду повесть В.Тендрякова «Поденка — век короткий» (НМ. 1965. № 5).
- 67 Е.Вучетич не первый раз выступал в защиту партийности искусства, «сигнализируя» в ЦК о всяких отступлениях от нее. Он обращал внимание партийного руководства на «беспринципность» К.Симонова — редактора «Нового мира», на художника П.Кончаловского — «беспартийного эстета» и И.Эренбурга — «покровителя формалистов» в искусстве и т.д. («Считаю долгом сигнализировать...» // Источник. 1994. № 4. С. 85—87).
- 68 А.Т. говорит о звонке в Главлит, где застряла подборка писем читателей, из-за которой задерживался № 6 «Нового мира» (сданный в набор в апреле).
- 69 Подборка с читательскими письмами («О статьях А.Т. "По случаю юбилея" и Е.Вучетича "Внесем ясность"») для № 5, не

прошедшая через цензуру, была определена в № 6. Отправленная цензурой в ЦК КПСС, разрешения на публикацию снова не получила: № 6 (сданный в набор в апреле, подписан к печати в июне, поступил к подписчикам в июле без этого материала).

- 70 О трудностях прохождения сквозь цензуру «Театрального романа» М.Булгакова см. записи А.Т. 1963—1964 гг. На повесть Виталия Николаевича Семина (1927—1978) «Семеро в одном доме» (НМ. № 6. 1965) тут же последовала рецензия, обвинявшая автора и журнал в «узости и односторонности» изображения советской действительности (Лукин Ю. Лишь видимость правды // Правда. 1965. 11 августа).
- 71 Речь идет о фрагменте статьи А.Т. о Бунине, посвященном темам любви и смерти в творчестве писателя.
- 72 В письмах А.К.Бабореко по поводу статьи А.Т. о Бунине наряду с высокими похвалами высказано несогласие с оценкой эмигрантского периода как упадка в творчестве писателя (Архив А.Т.). От этой оценки сам А.Т., по сути, отступал в ходе конкретного анализа произведений, созданных Буниным в зарубежье (Архив А.Т.).
- 73 А.Т. имеет в виду вступительную статью К.Г.Паустовского к кн.: Бунин И.А. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 1961. (Сохранилась в библиотеке А.Т. с дарственной надписью П.Л.Вечеслова — составителя и автора примечаний.)
- 74 Севастьянов А. Образец интернационализма и творческого марксизма. К 45-летию книги В.И.Ленина «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» // Правда. 1965. 27 мая.
- 75 Цитата В.И.Ленина из той же статьи А.Севастьянова.
- 76 Рокуэл Кент (1882—1971) — американский художник, общественный деятель, член Академии художеств СССР, член Всемирного Совета мира, лауреат Международной Ленинской премии. А.Т. читал его книгу «Курс N by E». Пер. с англ., с иллюстрациями. М., 1965.
- 77 Де Гонкур Эдмон и Жюль. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. М., 1965. Журнал А.Т. откликнулся на это издание: Дюшен И. Дневник Гонкуров // НМ. 1965. № 9. С. 261.
- 78 Петр Николаевич Поспелов — с 1960 г. директор ИМЛ.
- 79 В письме к Н.Д.Телешову 10 ноября 1947 г. И.А.Бунин просил передать А.Т., что он, читатель «придирчивый, требовательный», «совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, т.е. литературно-пошлого слова» (Литературное наследство. 1973. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. С. 637). Писатель Л.Ф.Зуров, живший в семье Буниных, — свидетель чтения Буниным «Тёркина» — рассказывал: «Иван Алексеевич был изумлен, обрадован. ...Он восхищался отдельными местами, читал, перечитывал. ...Но ведь не оценят, не почувствуют... Не поймут, в чем прелесть книги Твардовского... А ведь его кни-

- га — настоящая поэзия и редкая удача! Эти стихи останутся. Меня обмануть нельзя, — говорил Бунин» (Письмо Л.Ф.Зурова А.К.Бабореко от 8 июля 1960 г. Копия // Архив А.Т.).
- 80 Замысел поместить А.Т. в «неврологический» корпус у партийного руководства существовал. В ответ на запрос ЦК КПСС заместитель начальника Четвертого главного управления Ю.Антонов сообщал 24 марта 1965 г.: «По состоянию здоровья т. Твардовский А.Т. нуждается в обязательном лечении в психоневрологическом стационаре, от которого он категорически отказывается». Характерна резолюция секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова: «Следовало бы обдумать вопрос: следует ли оставлять т. Твардовского редактором журнала "Новый мир" в связи с ухудшением здоровья» (ЦХСД. Ф. 5. (ЦК КПСС). Оп. 36. (Отдел культуры.) Д. 148. Л. 17).
- 81 Иван Егорович Вольнов (1885—1931) — прозаик. А.Т. читал его «Избранное. Повесть о днях моей жизни. Повести, рассказы, очерки». Вступительная статья М.Горького. М., 1956.
- 82 Иван Александрович Родионов — казачий офицер, автор книги «Наше преступление. Не бред, но быль: Из современной народной жизни». СПб., 1909. Родионов обвинял в преступлении перед народом интеллигенцию, оставляющую его в невежестве и темноте. Книга выдержала до 1913 г. пять изданий. Ее высоко оценил Л.Н.Толстой, отметивший прекрасный народный язык и отсутствие фальши (Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. Кн. 4. М., 1979. С. 91—92). А.Т., не знакомый с книгой Родионова, цитирует оценки М.Горького и И.Вольнова.
- 83 Характеристика А.Т. автобиографической прозы И.Вольнова противоречила установившейся в советской литературе, где учитывались похвальные отзывы о «писателе из народа» М.Горького и В.И.Ленина (см.: Русские писатели 1800—1917 // Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 482—483).
- 84 Из любимых А.Т. стихотворений, переписанных им еще в начале 1930-х гг. в Смоленске в самодельную тетрадку наряду с несколькими другими стихами Бунина («Старая яблоня», «Ночью звездной...», «Бывает море...» и др. // Архив А.Т.).
- 85 В рассказе И.А.Бунина «Бернар» матрос с яхты Ги де Мопассана говорит: «Думаю, что я был хороший моряк». «Мне кажется, — завершает рассказ Бунин, — что я, как художник, заслужил право сказать о себе в свои последние дни нечто подобное...» (Бунин И.А. Соч. Т. 7. С. 346—347).
- 86 Письмо Н.П.Баженова написано под впечатлением «умной, глубокой по мысли статьи "По случаю юбилея"». Старый коммунист пишет, что ЦК давно уже поставил себя над партией, не интересуется мнением ее рядовых членов, не информирует их о причинах принятия своих решений. «Как ни больно, но уместно сказать: Нет повести печальнее на свете, чем повесть... о Центральном Комитете». Письмо Баженов послал в журнал «Коммунист», а не получив ответа, отправил в Президиум ЦК (Баженов Н.П. Во весь голос. (Мысли, чувства и предложения рядового коммуниста) // Архив А.Т.).
- 87 Впервые, с некоторыми расхождениями: НМ. 1965. № 9.

- 88 Зачин незавершенного стихотворения.
- 89 наброски стихотворения «Газон еще из-под машинки...». Впервые: НМ. 1966. № 12.
- 90 наброски к стихам из цикла «Памяти матери».
- 91 Строка ненаписанного стихотворения.
- 92 В корреспонденции из Ленинграда сообщалось об обсуждении на пленуме горкома работы ленинградских писателей. Партийное руководство предостерегало от увлечения «культовым колоритом», призывая не упускать из виду «громкую организационную и созидательную деятельность партии» (Королев М. Встреча с писателями // Правда. 1965. 7 июня).
- 93 Стихотворение не было завершено и не печаталось.
- 94 № 5 «Нового мира», о котором идет речь, подписанный к печати 13 мая, вышел в середине июня без читательских откликов на статью Е.Вучетича и с сильно урезанной рецензией Ю.Буртина на рассказы П.Реврина из жизни деревни.
- 95 Об очерке Г.Н.Тропольского «О реках, почвах и прочем» (НМ. 1965. № 1) и его последствиях см. записи в январе—феврале 1966 г.
- 96 А.Т. был озабочен состоянием здоровья В.В.Овечкина и проблемой его переезда из Ташкента в Москву (см. письма В.В.Овечкину 31 мая и 27 апреля // Соч. Т. 6).
- 97 А.Т. старался по мере сил опекать и поддерживать своего старого друга. См. письма к И.С.Соколову-Микитову (Там же).
- 98 Юрия Григорьевича Буртина А.Т. назвал в статье «По случаю юбилея» среди ведущих критиков своего журнала. Буртин полагал, что ранние произведения А.Т. о деревне «объективно и достоверно» отразили сложность настроений и чаяний крестьянства 1930-х гг. По его наблюдению, на очерках А.Т. периода коллективизации «сравнительно мало (гораздо меньше, чем, положим, на "Поднятой целине") сказались влияние господствовавших в то время политических схем» (письмо Ю.Г.Буртина А.Т. 2 февраля 1965 г. // Архив А.Т.). А.Т. включил в собрание сочинений и «Дневник председателя колхоза», и очерк «Заявление» — художественные свидетельства надежд, сомнений и тревог в крестьянской среде в период колхозного строительства (Соч. Т. 4). Село Рибшево Пречистенского района Смоленской (тогда Западной) области — место действия ряда очерков А.Т. 1930-х гг.
- 99 Отрывок из поэмы «За далью — даль», ставший основой ее первой главы, опубликован под тем же названием (с подзаголовком «Из путевого дневника») в «Литературной газете» (1951. 21 июня). К.М.Симонов был тогда ее главным редактором.
- 100 На посту главного редактора «Нового мира» А.Т. находился в 1950—1954 гг. («первый заход») и с 1958 г. до разгрома журнала в 1970 г.
- 101 До конца жизни А.Т. оставалось пять лет.
- 102 Вариант стихотворения «Есть имена и есть такие даты...». Впервые: НМ. 1966. № 12.
- 103 Продолжение работы над стихотворением «Есть книги — волею приличий...» (см. записи 1963 г.). Опубликовано: НМ. 1965. № 9.

- 104 Речь идет о замысле стихотворения «Дробится рваный цоколь монумента...», возникшего под впечатлением уничтожения бюста И.Сталина в барвихинском парке. См. запись от 13 апреля 1962 г. Впервые: Там же.
- 105 Впервые опубликовано в «Новом мире» (1965. № 9).
- 106 См. записи от 14—16, 18 и 21 декабря 1963 г.
- 107 Продолжение работы над стихотворением «Мне сладок шум...». См. записи от 3, 4 декабря 1963 г. Опубликовано в «Новом мире» (1965. № 9).
- 108 Один из черновых набросков стихотворения цикла «Памяти матери».
- 109 Отношения «Нового мира» с журналом В.А.Кочетова к этому времени обострились. Занимая сталинистскую позицию, «Октябрь» систематически обличал «Новый мир» в «очернительстве» и отсутствии партийности. Упомянута жена Кочетова В.Горбилева.
- 110 Федор Августович Степун (1884—1965) — философ, историк литературы, публицист. В 1922 г. был выслан из страны по распоряжению В.И.Ленина вместе с рядом других философов и писателей. В 1937 г. лишен нацистами права преподавания, после войны — профессор Мюнхенского университета. Ф.Степун (в статье «По поводу Митиной любви») отметил, что среди героев Бунина не оказалась таких, чьи имена стали бы нарицательными (Степун Ф. Встречи. Мюнхен, 1962. С. 103—112).
- 111 А.Т. отказался от намерения дать «самооценку» Бунина по рассказу «Бернар», возможно, из-за ее использования в статье К.Г.Паустовского (см. запись от 26 мая).
- 112 Речь идет о вступительной статье к «Запискам революционера» П.А.Кропоткина (М., 1966), не печатавшимся с 1933 г.
- 113 Из упомянутой книги Ф.Степуна «Встречи».
- 114 Набросок стихотворения «Как неприятно этим соснам в парке...». Впервые опубликовано в ином варианте (НМ. 1965. № 9).
- 115 Стихотворение в цикл «Памяти матери» не вошло. Впервые под заголовком «Такою отмечен я долей бедовой...»: НМ. 1966. № 12.
- 116 Черновой вариант стихотворения из цикла «Памяти матери».
- 117 В «рабочих тетрадях» 1935 г. (с пометой: «Из московских стихов 1929 г. — лето»): «Его подъемлет мой приезд / Он от души хорош / Не предлагает мне невест, / Он знает: сам найдешь...» (Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 364).
- 118 Владимир Ильич Степаков (1912—1987) — заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС (1961—1965), член ЦК с 1966 г. Л.М.Иванова — работник отдела школ и вузов редакции «Известий».
- 119 В письме А.Т. и К.М.Симонова (председателя комиссии по литературному наследию М.А.Булгакова) в Отдел культуры ЦК оценка Главлитом «Театрального романа» М.Булгакова как «злой клеветы на коллектив МХАТ» определялась как «неквалифицированная и безосновательная», а запрет романа — как цензурный произвол. Авторы письма просили отменить решение Главлита.

- 120 После разгона редколлегии «Нового мира» в 1970 г. В.Я.Лакшин работал в редакции журнала «Иностранная литература». Выпустил книгу «Островский» (М., 1976). Стал доктором филологических наук и академиком Академии образования.
- 121 А.М.Марьямов после ухода А.Т. с поста редактора прожил менее двух лет. Е.Н.Герасимов оставил редакцию «Нового мира» в июле 1965 г., не сработавшись со старшим редактором отдела прозы А.С.Берзер (см.: Лакшин В.Я. Дневник и попутное // ЛО. 1994. № 11—12. С. 40).
- 122 Раджани Палм Датт (1896—1974) — историк, публицист, деятель компартии Великобритании, в 1965 г. — ее вице-президент. П.Датт спрашивал А.Т. о причинах непоследовательности в разоблачении культа Сталина, о том, сколько людей погибло в лагерях, и т.п. (Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 39).
- 123 Имеется в виду экзамен в Художественном училище «Памяти 1905 года», где училась младшая дочь А.Т.
- 124 См. записи об этой книге в мае—июне.
- 125 Альфонс Доде (1840—1897) — французский писатель, автор трилогии «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» и других произведений. Эмиль Золя (1840—1902) — французский писатель, автор 20-томной серии романов «Ругон Маккары».
- 126 Попытку восстановления цензурных изъятий из «Страны Муравии» А.Т. предпринял еще при ее переиздании в Запгизе (Смоленск) в 1937 г., чем поставил под удар всю поэму. Начальник Смоленского областного управления по делам литературы и издательств (Смолоблит) доносил в Управление госбезопасности области (ссылаясь не только на восстановленные купюры, но и на весь текст поэмы), что А.Т. — «выразитель кулацких взглядов, хотя и замаскированных». Смолоблит потребовал запретить переиздание «Страны Муравии». Хотя в Смоленске издание поэмы было сорвано, в Москве она была переиздана, но с цензурными купюрами (Гослитиздат, 1937). (См. подробнее: Илькевич Н.Н. Цензура в «Стране Муравии» // Край Смоленский. 1995. № 1.)
- 127 Черновой вариант стихотворения «В живых-то меня уже нету...». Впервые: Юность. 1967. № 5.
- 128 Над «Тёркиным» А.Т. работал с осени 1940 г. под впечатлениями Финской войны. В дни Отечественной войны замысел поэмы и образ ее героя существенно изменяются. См. об этом в кн.: «Я в свою ходил атаку...».
- 129 Речь идет о подготовке 5-томного собрания сочинений А.Т. для Гослита, первые два тома которого вышли в 1966 г. См. запись от 1 февраля.
- 130 Слова из внутреннего монолога Моргунка: «И все твое перед тобой / ...Колодец твой и ельник твой, / И шишки все еловые... И никакой, ни боже мой — / Коммунии, колхозии».
- 131 «Товарищ Сталин! / Дай ответ, / Чтоб люди зря не спорили: / Конец предвидится, ай нет / Всей этой суетории?.. / И жизнь на слом, и все на слом — / Под корень, подчистую...» В кавычках — почти дословная цитата из раздела Краткого курса «Истории ВКП(б)» (М., 1938. С. 291), где речь идет о коллективизации.

- 132 Рукопись Д.Витковского «Полжизни» поступила в редакцию в 1963 г. С автором был заключен договор, но напечатать ее в «Новом мире» не удалось (опубликована в «Знамени». 1991. № 6). А.Т. вспоминает картину прибытия «писательского» теплохода «Ворошилов» в воспоминаниях Витковского: «На палубе толпятся какие-то в роговых очках, с записными книжками, с фотоаппаратами. Писатели! Они едут бригадой и потом распространяют "творимую легенду", как мы исправились в труде...» Автор рассказывает, как в ответ на расспросы писателей о причинах осуждения политзаключенные отвечали формулировками своего «дела»: «за попытку вооруженного мятежа против Советской власти». Пораженные писатели вопрошали: «Зачем Вам вооруженное восстание?» (С. 116).
- 133 Роман Вс.Кочетова «Журбины» о рабочей династии, вышедший в 1952 г. одновременно в Москве и Ленинграде, переиздававшийся более 20 раз, был официально признан лучшим произведением о рабочем классе.
- 134 Д.А.Поликарпов, руководивший СП СССР в 1944—1946 гг., резко отрицательно отнесся к поэме А.Т. «Дом у дороги»: ему не хватило в ней «запаха победы». В.М.Кожевников — в 1945 г. заведующий литературным отделом «Правды» — отказался напечатать отрывок из «Дома у дороги».
- 135 Отголоском запрещенной поэмы А.Т. звучали строки: «И на работе — что ни шаг, / И кто бы ни ступил — / Заводят множество бумаг, / Без них им свет не мил. / ...На заседаниях по три дня / Сидят в глуши лесной... / Чуть что — аврал: / Внедрить! Поднять — / И подвести итог! / И все досрочно, — не понять: / Зачем не точно в срок?..» и т.д. (Разговор с Падуном. 1958). Редактор столичной газеты в «Московском утре» весьма схож с редактором «Гроб-газеты» из «Тёркина на том свете»: отклоня стихи поэта, он объясняет: «Вы знаете, все-таки... / эта концовка... / Прочтите-ка сами — / не слева направо, / А справа налево: / двусмысленно, право...» В главе «Фронт и тыл» поэмы «За далью — даль» спор о фронте и тыле: «не что важней, а что трудней» по-своему переключается со спором «загробного» Тёркина с другом. «Спор в постановке чисто русской: / Где круче в смысле всех страстей — / Обычной на душу нагрузки, / Жары, / Морозов / И харчей».
- 136 А.Т. имеет в виду, что безымянный друг из главы «На Ангаре», в котором знавшие Фадеева узнавали его черты, мог восприниматься многими читателями как герой главы «Друг детства». «Никакой реквием не прозвучит более потрясающе, нежели эти кратчайшие строки сожаления и страдания... Все ведь поняли, какого друга пожалел в эту минуту поэт, кого ему недоставало на ангарской плотине...» — писал К.Федин, уподобляя строки о Фадееве в «Далях» «крику сердца» (Федин К.А. Дневники и записные книжки // Соч. Т. 12. М., 1986. С. 430—431).
- 137 Над главой «Сын за отца не отвечает» А.Т. работал с 1963 г. Задуманная как дополнительная к поэме «За далью — даль», она стала основой поэмы «По праву памяти», опубликованной посмертно (Знамя. 1987. № 2).

- 138 Набросок, положенный в основу стихотворения «На новостройках в эти годы...». Впервые: НМ. 1965. № 9.
- 139 Начало работы над стихотворением «А ты самих послушай хлеборобов...». Впервые: Там же.
- 140 Первоначальный набросок стихотворения «Такою отмеченя долей бедовой...». Впервые: Юность. 1967. № 5.
- 141 Фильм режиссера Г.М.Козинцева (1964), сценарий по драме В.Шекспира в переводе Б.Л.Пастернака. В 1965 г. Козинцев и Иннокентий Михайлович Смоктуновский (1925—1994) получили Ленинскую премию.
- 142 Фильм «Гранатовый браслет» (1965) — режиссер А.М.Роом, сценарий А.Роома и А.Грасберга.
- 143 Продолжение работы над стихотворением «Береза», начатым в 1962 г. (см. запись от 28 марта 1962 г.). Впервые: НМ. 1966. № 12.
- 144 Об И.С.Коневе см. запись от 4 марта 1962 г. и примеч. 3 к записям 1962 г.
- 145 Фильм «Великая Отечественная» (1965) — режиссер Р.Кармен, сценарий С.Г.Нагорного и Г.Н.Кублицкого. А.Т. имеет в виду строки из поэмы «Василий Тёркин» (глава «Переправа»), впервые напечатанные в газете Западного фронта «Красноармейская правда» в сентябре 1942 г. «Бой идет святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле». До него таких слов о войне никто не произносил, и поначалу они встречали сопротивление редакторов при перепечатках главы как аполитичные.
- 146 Строки стихотворения «Береза»: «Чтоб возле самой башни мировой / Ее курантов слушать мерный бой / И города державный рокот...» по-своему перекликаются с куплетом Гимна СССР, написанного А.Т.: «Часов кремлевских бой державный / Несется вдале от стен Кремля / Как песнь судьбы большой и славной / Твоей, Российская земля».
- 147 А.Т. критиковал мою вступительную статью к «Запискам революционера» П.А.Кропоткина (М., 1966) за тот самый «академически-монографический стиль», впасть в который боялся в своей статье о Бунине.
- 148 «Санинщина» (по имени героя романа М.П.Арцыбашева «Санин») — восприятие любви как плотского чувства, проповедь аморализма.
- 149 Вариант стихотворения «Мне сладок был тот шум сонливый...», работа над которым началась в 1963 г. (см. запись от 4 декабря 1963 г.). Впервые: НМ. 1965. № 9.
- 150 Первоначальный вариант стихотворения «Листва отпылала алая...». Впервые (в ином варианте): НМ. 1966. № 12.
- 151 Вадим Сергеевич Шефнер (1915—2002) — поэт, прозаик, постоянный автор «Нового мира». А.Т. — член редколлегии «Библиотеки советской поэзии» — назвал В.С.Шефнера среди поэтов, которые должны пополнить ее издания (Соч. Т. 6. С. 180). В записи, по-видимому, речь идет о книге В.Шефнера «Стихотворения» (М., 1965). Евгений Аронович Долматовский (1915—2002) — поэт. Во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию рабо-

- тал вместе с А.Т. в редакции фронтовой газеты «Часовой родины». В 1941—1942 гг. — вместе с А.Т. в редакции газеты Юго-Западного фронта «Красная армия». См. в кн.: «Я в свою ходил атаку...», а также: Долматовский Е.А. Год фронтового товарищества // Воспоминания... 1982.
- 152 Маршак С.Я. Из стихов последних лет. Предисл. А.Твардовского // НМ. 1964. № 9.
- 153 Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — один из любимых поэтов А.Т.
- 154 Строки из стихотворения М.Светлова «В больнице» (1963). Далее: «И пускай рядами фонарей / Ночь несет дежурство над больницей. / Ну-ка, утро, наступай скорей, / Стань, мое окно, моей бойницей». В 1965 г. в № 5 «Нового мира» появилась подборка стихов М.Светлова «Из неопубликованного», а в № 7 — рецензия на его книгу «Охотничий домик» (Айхенвальд Ю. Стихи М.Светлова последних лет). О М.Светлове см. также запись 28 мая 1963 г.
- 155 Василий Ефимович Чернышев (1908—1969) — в 1943 г. секретарь подпольного Барановичского обкома в Белоруссии, командующий партизанским соединением. С 1944-го — секретарь ряда обкомов. Герой Советского Союза, член ЦК КПСС с 1952 г.
- 156 Продолжение работы над стихотворением «Есть книги — волею приличий...». См. записи в июне.
- 157 Речь идет о романе А.Ф.Бека (первоначальные авторские названия «Сшибка», «Онисимов»), прототипом главного героя которого был Иван Федорович Тевосян (1902—1958) — министр черной металлургии в 1950—1953 гг. О многотрудной тяжбе за опубликование романа, растянувшейся на несколько лет, см. далее, а также в кн.: Бек А. Роман в романе // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988; Дело А.Бека // ВЛ. 1994. Вып. II. С. 270—306.
- 158 Первый набросок стихотворения «Не жди, когда полномочной...», при жизни автора не публиковавшегося. Впервые: КП. 1972. 17 декабря. Публикация М.И.Твардовской.
- 159 О письме А.Т. и К.М.Симонова в ЦК см. запись от 19 июня и примеч. 119. Альберт Андреевич Беляев (р. 1928) — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС (1962—1966), заведующий сектором Отдела культуры ЦК (1966—1973), заместитель заведующего Отделом культуры ЦК (1973—1986).
- 160 «Современник» (1836—1866) — основанный А.С.Пушкиным, журнал с 1846 г. издавался и редактировался Н.А.Некрасовым и И.И.Панаевым. Среди авторов — В.Г.Белинский, А.И.Герцен, И.С.Тургенев, И.А.Гончаров, Л.Н.Толстой, М.Е.Салтыков-Щедрин, Н.А.Добролюбов, Н.Г.Чернышевский. «Отечественные записки» (1839—1884) — издатель — А.А.Краевский, с 1868 г. — редактор Н.А.Некрасов (соредакторы Г.З.Елисеев и М.Е.Салтыков-Щедрин), с 1877 г. — редактор Салтыков-Щедрин (совместно с Н.К.Михайловским и Елисеевым).
- 161 Хуан Гойтисоло (р. 1931) — испанский писатель, автор романа «Печаль в раю» (1955) и трилогии «Призрачное завтра» (1957—1958), где осмысливались итоги и последствия гражданской вой-

- ны 1936—1938 гг. В «Новом мире» опубликовал романы «Чанка» (1963. № 4) и «Народ в походе» (1964. № 2). На его романы («Ловцы рук», «Прибой», «Цирк», «Остров». М., 1964) «Новый мир» откликнулся рецензией (Злобина М. Искания и открытия Гойтисоло // Там же. 1965. № 1), где обращалось внимание на «диалектику самообмана» испанской интеллигенции, раскрываемую Гойтисоло: «Инерция былых убеждений особенно сильна, если эти убеждения подкреплены собственными жертвами» (С. 274).
- 162 Имеются в виду сфабрикованные читательские отклики на названные произведения и запрет на публикации писем читателей в поддержку «Нового мира». См. записи 1963—1964 гг. О клевете секретаря ЦК ВЛКСМ С.П.Павлова на А.И.Солженицына см. запись от 10 апреля 1964 г.
- 163 Первая жена А.И.Солженицына отмечала, что встречу с П.Н.Демичевым он воспринял как «крупную победу» (Решетовская Н.А. А.И.Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С. 14).
- 164 А.Т. заручился поддержкой Демичева в вопросе о переезде В.В.Овечкина из Ташкента в среднюю полосу России (см. письма А.Т. В.В.Овечкину 1965 г. // Соч. Т. 6. С. 447—450).
- 165 Здесь и 21 июля начало работы над стихотворением из цикла «Памяти матери» — «В краю, куда их вывезли гуртом...». Впервые (в ином варианте): НМ. 1965. № 9.
- 166 Первоначальный вариант стихотворения «Посаженные дедом деревца...». Впервые (в ином варианте): НМ. 1965. № 9.
- 167 Борис Петрович Чирков (1901—1982) — народный артист СССР (1950), в 1950—1965 гг. — артист Московского театра им. А.С.Пушкина, с 1966 г. — артист театра им. Н.В.Гоголя.
- 168 Открытое письмо А.Т. Б.П.Чиркову опубликовано в «Правде» 1 августа.
- 169 23 июля в редакции отметили 60-летие Михаила Александровича Лифшица. А.Т. посвятил юбиляру еще не опубликованное стихотворение «Есть книги — волею приличий...» (Соч. Т. 3. С. 147).
- 170 Юрий Яковлевич Барабаш (р. 1931) — с начала 1960-х гг. один из ортодоксальных критиков «Нового мира». В 1965 г. — заместитель заведующего Отделом культуры ЦК, одновременно заместитель главного редактора «Литературной газеты». Георгий Иванович Куницын (1922—1996) — заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС (1965—1966). См. о нем: Кондратович А.И. Новомирский дневник. М., 1991. С. 77—78.
- 171 О.Хвалебнова — вдова И.Ф.Тевосяна — доказывала, что его образ в романе Бека искажен. Она вовлекла в борьбу против автора и редакции «Нового мира» ряд влиятельных лиц, в том числе и члена Политбюро ЦК КПСС А.П.Кириленко. О письмах О.Хвалебновой в ЦК см.: ВЛ. 1994. Вып. II. С. 72 и след. Роман как необъективно освещающий положение в советской металлургической промышленности был заблокирован.
- 172 Михаил Григорьевич Плескачевский (1911—1989) — литератор, журналист. Двоюродный брат А.Т., самый близкий ему из смоленской родни, он находился в постоянной переписке с ним, не прекращавшейся и в годы войны. См.: «Я вступал в тот след горячий...» (из переписки А.Твардовского с М.Плескачевским.

- 1938—1969). Публ. Р.М.Романовой // НМ. 1985. № 6. Неоднократно выступал в «Новом мире» с рецензиями.
- 173 Набросок незавершенного стихотворения.
- 174 Переговоры А.Т. с сотрудником «Правды» о посланном в редакцию газеты открытом письме Б.П.Чиркову. См. записи от 21 и 25 июля.
- 175 Имеется в виду генеральная репетиция «Тёркина на том свете» в Театре сатиры в постановке В.Н.Плучека с последующим обсуждением спектакля.
- 176 В 1960-е гг. было несколько попыток экранизировать поэму «Василий Тёркин». О какой из них идет речь здесь — неизвестно.
- 177 Собрание сочинений С.Я.Маршака вышло в 8 томах (1968—1972). В 5-м, завершающем поэтические тома, в качестве послесловия помещена статья А.Т. «О поэзии Маршака», предварительно опубликованная в «Новом мире» (1968. № 2).
- 178 Лев Иванович Ошанин (1912—1997) — поэт, автор популярных в 1940—1950-е гг. песен, в том числе и песни «Дороги» (1945).
- 179 Пабло Неруда (1886—1966) — чилийский поэт, член ЦК Коммунистической партии Чили.
- 180 Генрих Бёльль (1917—1985) — немецкий писатель, побывал в редакции «Нового мира» 30 июля. В журнале А.Т. вышла его повесть «Самовольная отлучка» (1965. № 1) и готовился к печати рассказ «Игра в три листика, край инъекций, группа риска» (1966. № 1). А.Т. расспрашивал гостя о его писательской почте, об отношении к Томасу Манну, интересовался, читал ли Бёльль Бунина (Лакшин В.Я. Дневник и попутное // ЛО. 1994. № 11—12. С. 43). Р.Д.Орлова зафиксировала в дневнике впечатление Г.Бёльля от посещения «Нового мира»: А.Т. «ему очень понравился... Сразу видно, что незаурядная личность» (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956—1980. М., 1990. С. 157).
- 181 О цензурных запретах на публикацию романа А.Камю, задуманную А.Т. еще в 1960 г., см. в предшествующих записях. «Чуму» так и не дали напечатать в «Новом мире».
- 182 Геннадий Семенович Фиш (1903—1971) — прозаик, переводчик. В 1950—1960-е гг. подолгу жил в странах Скандинавии, изучая их историю и литературу. Автор книг о Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции. Речь идет о его статье «У писателей Швеции», где автор стремился показать, как успешно решаются в этой стране социальные проблемы (НМ. 1965. № 12). А.Т. предвидел немалые трудности при ее прохождении через цензуру.
- 183 Строки из главы «Переправа» поэмы «Василий Тёркин»: «Кому память, кому слава, / Кому темная вода...».
- 184 Здесь, а также 10 и 15 августа — продолжение работы над текстом (см. запись от 25 июня), разделившимся позднее на два самостоятельных стихотворения: «На новостройках в эти годы...» и «А ты самих послушай хлеборобов...». Впервые: НМ. 1965. № 9.
- 185 Здесь (как и далее) нарочито искаженная фамилия. А.Я.Скабе — секретарь ЦК КП Украины, член Идеологической комиссии, один из ярких обличителей «порочной линии» журнала А.Т. Скаба — щепка, заноза.

- 186 О нападках Первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П.Павлова на журнал см. в записях 10, 12 и 14 апреля 1964 г.
- 187 На Идеологической комиссии критиковалась повесть С.П.Залыгина «На Иртыше» (НМ. 1964. № 2) за неверное освещение коллективизации. Отмеченная А.Т. в статье «По случаю юбилея», повесть была выдвинута редакцией на соискание Ленинской премии за 1965 г.
- 188 Подобные слухи будут уже неотступно преследовать А.Т. вплоть до его ухода из журнала в 1970 г. Сергей Николаевич Преображенский (р. 1908) — заместитель главного редактора журнала «Юность».
- 189 Василий Трифонович Твардовский (1927—1965) — младший брат, летчик, участник Отечественной войны. В 1950-е гг. — старший лейтенант ВВС Ленинградского военного округа, в 1960-е — Московского военного округа. Трагически погиб в 1965 г.
- 190 Анатолий Григорьевич Егоров (1920—1997) — философ, общественвед, член ЦРК ЦК КПСС (1961—1966), кандидат в члены ЦК КПСС (1966—1976).
- 191 Статья «От редакции», по сути, подтверждала главные положения статьи А.Т. «По случаю юбилея». Обращаясь к восприятию журнала в Европе, редакция отметила отклики социалистической и демократической печати, отвергнув в то же время заявление «Таймс», что «Новый мир» «надо читать между строк»: «То, что мы хотим сказать, мы говорим прямо и открыто» (НМ. 1965. № 9. С. 282).
- 192 Владимир Викторович Жданов (1911—1981) — литературовед, заместитель главного редактора «Литературной энциклопедии», сосед по даче в Пахре. Статья о Н.А.Некрасове не была написана А.Т.
- 193 Из подготовленной подборки (см. запись от 12 августа) А.Т. снял стихотворение «Июль — макушка лета...». Оно опубликовано среди других стихов о природе (НМ. 1966. № 12).
- 194 См. записи от 10 и 13 августа.
- 195 Статья М.А.Лифшица «На деревню дедушке» о течениях в современном искусстве, набранная для «Нового мира», так и не была разрешена цензурой, несмотря на критику автором авангарда. Слишком определенно автор выразил здесь свое отношение к «социалистическому реализму». Первая публикация осуществлена в 1991 г. на ротапринте (300 экз.) Институтом образительного искусства. Вошла в Собрание сочинений М.Лифшица (М., 2001).
- 196 Впервые: НМ. 1965. № 9.
- 197 Впервые (с разночтениями): Там же (1966. № 12).
- 198 Н.С.Хрущев умер в 1971 г.
- 199 Вышедшие в серии «Литературные мемуары» «Воспоминания» Петра Дмитриевича Боборыкина (1836—1921) в 2 томах (М., 1965). Вступительная статья и комментарии Э.Виленской и Л.Ройтберг.
- 200 Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт, прозаик, переводчик, критик. Речь идет о книге В.Ф.Ходасевича «Некрополь» (Брюссель, 1939).

- 201 Оценка Н.К.Чуковского, по-видимому, сделана А.Т. под неостывшим еще впечатлением от его выступления против движения А.И.Солженицына на Ленинскую премию. Она по своему опровергается публикацией воспоминаний писателя (Чуковский Н. Что я помню о Блоке // НМ. 1967. № 2). Повесть Л.К.Чуковской «Софья Петровна», предложенную «Новому миру» в 1961 г., А.Т. отклонил.
- 202 Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) — историк литературы.
- 203 Повесть Е.Н.Герасимова «Дикие берега» напечатана в № 10 «Нового мира» за 1965 г. Повесть С.П.Антонова «Разорванный рубль» не принята редактором и опубликована в «Юности» (1966. № 1).
- 204 Редакция «Вопросов истории» помещалась в одном здании с редакцией «Нового мира» (М.Путинковский, д. 1/2).
- 205 С первых дней войны А.Т. работал в газете «Красная армия» Юго-Западного фронта. Военным корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда» А.Т. был с 1942 г. и до победы, которую встретил в Кенигсберге (Восточная Пруссия). См. подробнее: «Я в свою ходил атаку...».
- 206 Впервые в дополненном варианте: НМ. 1966. № 12.
- 207 Типография издательства «Известий», где печатался «Новый мир».
- 208 Речь идет о подборке стихов А.Т., подготовленных к печати для № 9 «Нового мира». Газете из нее были предложены стихотворения «Дробится рваный цоколь монумента...», «Есть книги — волею приличий...» и др. (кроме цикла «Памяти матери»). Ни одно из них в «Правде» не сочли подходящим, попросив показать «что-нибудь еще».
- 209 Статья заведующего отделом литературы и искусства газеты «Правда» о драматургии Алексея Николаевича Арбузова (1908—1986) жестко ставила вопрос о «революционной определенности и ясности идейно-философской концепции произведений». Подчеркивалось, что советское общество не меняет своих идеалов, восходящих к революции, и это должен учитывать каждый художник (Абалкин Н. Традиции и люди // Правда. 1965. 21 августа). Статья воспринималась как своеобразный «отбой» идеям, выраженным в передовой главного редактора А.М.Румянцева «Партия и интеллигенция» (Правда. 1965. 21 февраля), в свою очередь оцененной как «отбой» сталинистским тенденциям. В «верхах» к статье Румянцева отнеслись отрицательно как к попытке «подменить тезис партийной литературы тезисом общечеловеческой гуманности» (см.: История советской политической цензуры. С. 152).
- 210 А.Т. зафиксировал примерный диалог с Г.И.Куницыным.
- 211 Подразумевается статья А.Т. о Бунине.
- 212 Наталья Павловна Бианки — заведующая редакцией в «Новом мире», ведала хозяйственной частью.
- 213 О многотрудном прохождении статьи В.А.Каверина «Белые пятна» см. в записях 1962—1964 гг., а также: ВЛ. 1994. Вып. II. С. 226 и след. М.Зощенко в статье посвящался лишь фрагмент —

Каверин рассказывал неизвестное об известных писателях (Н.Заболоцком, А.Фадееве и др.), доказывая правомерность заполнить «белые пятна» в истории советской литературы. «Борьба журнала за опубликование этой статьи стоит внимания историка литературы», — писал автор, свидетельствуя о стойкости А.Т. (Каверин В.А. Эпилог. М., 1989. С. 434). Статья была опубликована с рядом сокращений и под другим названием (Каверин В.А. За рабочим столом // НМ. 1965. № 9). Впервые полностью напечатана посмертно (Каверин В. Счастье таланта. М., 1989. С. 269—287).

- 214 О «смирновской истории» см. записи в феврале—марте 1964 г.
- 215 См. запись от 6 августа и примеч. 182.
- 216 Речь идет о подборке «Из новых стихов» А.Т. для № 9 «Нового мира».
- 217 «Комитет государственной безопасности докладывает, что в начале сентября 1965 г. Новосибирск посетил главный редактор журнала «Новый мир» Твардовский А.Т., где ему было организовано две встречи с читателями журнала в Доме офицеров и кинотеатре «Москва», на которых присутствовали в основном сотрудники Сибирского отделения АН СССР. «Говоря о трудностях выпуска журнала», А.Т. «заявил, что редколлегии журнала нелегко, т.к. выход журнала иногда задерживается по независящим от них обстоятельствам». Отвечая на вопрос об отношении к публикациям Солженицына, А.Т. сказал: «Я открыл Солженицына, борца за правду, и не жалею о том, что печатал его произведения». А.Т. высказался, что критика «Нового мира» в «Известиях» (имеется в виду статья Е.Вучетича «Внесем ясность...» 14 апреля 1965 г. — В.Т.) была неверной... что в этом... выражается огульный подход к литературе». «В частной беседе» на просьбу дать оценку повести В.Семина «Семеро в одном доме» А.Т. заявил: «Моя оценка выражена в том, что эта повесть напечатана в моем журнале, в котором мы стремимся писать только правду, но это не всегда легко делать» (Записка за подписью председателя КГБ В.Семичастного в ЦК КПСС 30 сентября 1965 г. (см.: А.Т.Твардовский в документах КГБ. Публикация И.Б.Брайнина // Известия. 1995. 21 июня).
- 218 Федор Степанович Горячев (1905—1996) — в 1951—1959 гг. — секретарь Тюменского и Калининского обкомов. Член ЦК КПСС с 1952 г. В 1959—1978 гг. — секретарь Новосибирского обкома.
- 219 Фотография была подготовлена к юбилейной странице смоленской молодежной газеты «Юный товарищ» в январе 1928 г. К уже снятому активу литгруппы газеты (Д.Осину, А.Плешкову, А.Рутману и С.Фиксину) решено было присоединить А.Т., только что приехавшего в Смоленск, но уже неоднократно печатавшегося в «Юном товарище». А.Т. был сфотографирован отдельно и его фото вмонтировано в общий снимок (Фиксин С. Первая даль поэта // Воспоминания... 1982. С. 36—37).
- 220 В «Гранях» были напечатаны «Крохотки» А.Солженицына. Журнал «Семья и школа» собирался их перепечатать. А.Т. посчитал, что это может повредить публикациям писателя в «Новом мире». Солженицын пообещал заявить, что «Крохотки»

- печатались без его разрешения, и остановить их публикацию в «Семье и школе». А.Т. советовал также Солженицыну выступить с опровержением клеветы, о нем распространяемой: якобы осужден он был по уголовному, а не политическому делу. Это опровержение Солженицын и оставил А.Т. в копии письма главному редактору «Правды» А.М.Румянцеву. Александр Исаевич высказал твердое намерение забрать из «Нового мира» рукопись романа «В круге первом», так и не вняв убеждениям А.Т., что в сейфе редакции роман будет в безопасности.
- 221 Имеется в виду статья А.М.Румянцева «О партийности творческого труда советской интеллигенции» (Правда. 1965. 9 сентября). Подтверждая необходимость партийного руководства литературой и искусством, статья заявляла о его несовместимости с предписаниями и нормами, касающимися тем и стиля. Как пример таких неправильных «предписаний» выступала критика газетой «Сельская жизнь» повести В.Тендрякова «Поденка — денькороткий» (НМ. 1965. № 5). В сентябре 1965 г. А.М.Румянцев снят с поста редактора «Правды».
- 222 Речь идет о романе П.Д.Боборыкина «Василий Тёркин» (1892), героем которого был честный и думающий купец, с чувством ответственности за свое дело. Начиная работу над поэмой, А.Т. об этой книге не знал. Сравнительный анализ героев романа и поэмы А.Т. см.: Секиринский С.С. От книги про дельца до книги про бойца // Отечественная история. 2002. № 2.
- 223 По свидетельству тогдашней жены Солженицына, первое, что он произнес при известии об изъятии его рукописей, было: «Надо ехать к Твардовскому» (Решетовская Н.А. Указ. соч. С. 96).
- 224 По-видимому, С.П.Капица — сын академика П.Л.Капицы.
- 225 Все три экземпляра рукописи романа «В круге первом» были взяты при обыске у В.Л.Теуша, которому А.И.Солженицын отдал их на хранение, забрав из редакции вопреки уговорам А.Т. (см. записи 30 августа — 12 сентября).
- 226 Уехав от А.Т., Солженицын предпринял ряд мер, о которых не счел нужным поставить в известность А.Т. (письма Брежневу, Суслову, Андропову и т.д.).
- 227 Незадолго до этого А.Т. послал М.В.Исаковскому книгу переводов на венгерский язык советских поэтов, где были стихи Исаковского и А.Т. В ответном письме (30 июля) Михаил Васильевич жаловался на сердце, которое стало «никуда не годным. Кажется, и держится на одной лишь ниточке» (Исаковский М.В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1982. С. 235).
- 228 Речь идет об уже неоднократно упоминавшейся статье В.А.Каверина «Белые пятна» (см. запись от 29 августа) и о редакционной статье, посвященной итогам работы журнала и его планам на будущее.
- 229 Андрей Дмитриевич Синявский (1925—1997) — писатель, литературовед, автор «Нового мира». Одновременно печатал антисоветские произведения за рубежом под псевдонимом Абрам Терц, за что был арестован. А.Т. назвал его среди ведущих критиков своего журнала в упоминавшейся уже статье «По случаю

- юбилея» (НМ. 1965. № 1. С. 3). Для № 9 журнала была набрана рецензия А.Синявского «Заметки о поэме Евг. Евтушенко "Братская ГЭС"». Ее, как и рецензию Синявского на стихи Е.Долматовского (НМ. 1965. № 3), на процессе Синявского и Даниэля приводили как доказательство попыток дискредитации советских поэтов. По настоянию А.Т., вопреки советам некоторых членов редколлегии, опубликованная рецензия А.Д.Синявского осталась в указателе содержания журнала за 1965 г. (НМ. № 12).
- 230 Андрей Николаевич Меньшутин (1923—1982) — коллега Синявского по ИМЛИ, его друг и соавтор. Незадолго до ареста последнего вышла их общая книга «Поэзия первых лет революции. 1917—1920-е гг.» (М., 1964).
- 231 Владимир Михайлович Конашевич (1888—1963) — график, иллюстратор русской классики и детских книг. Речь идет о его воспоминаниях «О себе и о своем деле (Записки художника)» (НМ. 1965. № 9—10).
- 232 Статья Нобелевского лауреата академика Н.Н.Семенова «Наука не терпит субъективизма» появилась в журнале «Наука и жизнь» (1965. № 4).
- 233 Елена Сергеевна Булгакова (1893—1970) — вдова писателя Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1941), публикатор его произведений, мемуаристка. В библиотеке Е.С.Булгаковой сохранилась книга А.Т. «Дом у дороги» (М., 1959), надписанная им: «Елене Сергеевне Булгаковой с глубоким уважением. А.Твардовский. 19.X.65». Когда Е.С.Булгакова сказала А.Т., «что М.А. его любил (а это так)», А.Т., по ее словам, «был очень смущен и доволен: а я не думал, что он меня заметил» (Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 301). Поздравляя А.Т. с 60-летием, Е.С.Булгакова писала, что знакомство с А.Т. — одно из самых ярких впечатлений ее жизни, в которой она «коллекционирует» интересных людей (письмо Е.С.Булгаковой А.Т.Твардовскому 21 июня 1970 г. // Архив А.Т.).
- 234 Имеются в виду разъяснения причин задержки № 9 «Нового мира» со статьей «От редакции» и многострадальным очерком В.Каверина «За рабочим столом» («Белые пятна»).
- 235 Позиция К.А.Федина — Первого секретаря Правления СП — осложнялась тем, что он был членом редколлегии «Нового мира» и одним из героев упоминавшейся статьи В.А.Каверина. В нынешнем статусе ему не очень хотелось вспоминать об участии в 1920-е гг. в обществе «Серапионовы братья» вместе с весьма одиозными по официальным понятиям писателями.
- 236 В редакционной статье № 9 подтверждалась приверженность журнала А.Т. жизненной правде — неурезанной, без деления ее на большую и малую, «правду века» и «правду факта». Секретарь Правления СП Г.М.Марков своим вопросом снова показывает, что руководству — партийному и государственному — не всякая правда была нужна. Именно это имела в виду и цензура, требуя изъятия рассуждений о правде в статье «От редакции».
- 237 Юрий Серафимович Мелентьев (1932—1997) — с 1965 г. заместитель заведующего Отделом культуры ЦК.

- 238 Пленум ЦК КПСС 27—29 сентября обсуждал вопросы руководства промышленностью и созыва XXIII съезда КПСС.
- 239 № 9 «Нового мира» был сдан в набор 6 августа. Подписан к печати 27 сентября и рассылался подписчикам в середине октября.
- 240 Геннадий Иванович Воронов (1910—1994) — председатель СМ РСФСР (1962—1971), член Политбюро ЦК КПСС (1961—1973); Динмухамед Ахмедович Кунаев (1911—1993) — председатель СМ Казахской ССР (1962—1964), первый секретарь ЦК Компартии Казахской ССР (1964—1986), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1966—1971).
- 241 Виктор Васильевич Гришин (1914—1992) — председатель ВЦСПС (1956—1967), с 1967 г. — первый секретарь МГК, кандидат в члены Политбюро с 1961 г.
- 242 Имеется в виду негативный отзыв о повести В.Семина «Семеро в одном доме» (Лукин Ю. Видимость правды // Правда. 1965. 12 июля), оспаривавшийся в статье «От редакции» (НМ. № 9).
- 243 Помощник П.Н.Демичева.
- 244 Иван Петрович Павлов (1849—1936) — физиолог, исследователь высшей нервной деятельности, Нобелевский лауреат (1904).
- 245 По Идеологическому совещанию, где призывали не мириться более с политически вредной линией журнала А.Т. См. записи от 10 и 13 августа.
- 246 См. записи от 10 и 13 августа.
- 247 См. запись от 15 сентября и примеч. 228.
- 248 Poleмика с «Правдой» о правде в искусстве в связи с повестью В.Семина «Семеро в одном доме» осталась в редакционной статье без упоминания газеты и ее автора — Ю.Лукина (От редакции // НМ. 1965. № 9. С. 284).
- 249 Тема конгресса в Риме — «Европейский литературный авангард вчера и сегодня». Статья М.А.Лифшица «На деревню дедушке» (см. запись от 17 августа и примеч. 195) широко ставила проблемы авангардистского искусства, его субъективизма и безадресности.
- 250 На конгрессе Европейского сообщества А.Т. находился 4—10 октября. Доклад А.Т. в Риме прошел с успехом. Он говорил об авангарде, исходя из своего понимания смысла и предназначения искусства, утверждая, что безответственность относительно формы «часто влечет за собой безразличие читателя к содержанию произведения», но и беззаботность относительно содержания, характерная для авангардистов, «способна обернуться безразличием читателя к их изысканной и утонченной форме». «Искусство мстительно», — сказал А.Т. в заключение. — Оно жестоко расправляется с теми художниками, которые вольно или невольно изменяют его законам — законам правды и человечности» (Соч. Т. 5. С. 382—388). См. также корреспонденцию Г.С.Брейтбурда о IV международном конгрессе в Риме 6 октября // ЛГ. 1965. 7 октября.
- 251 В Италии К.Паустовского усиленно фотографировали для газет в связи со слухами о выдвижении на Нобелевскую премию (Чуковский К. Дневник. 1930—1969. М., 1997. С. 381).

- 252 О совместном пребывании в Италии с А.Т. см.: Карим Мустай. Его присутствие // Воспоминания... 1982. С. 531.
- 253 В Париже предполагалась презентация «Антологии советской поэзии» в переводе на французский язык.
- 254 Давний замысел, зафиксированный в предыдущие годы. Далее, в записи от 14 ноября, наброски задуманного рассказа.
- 255 15—23 ноября А.Т. в составе делегации советских поэтов находился в Париже.
- 256 Роберт Иванович Рождественский (1932—1994) — поэт, член делегации.
- 257 Глава о Сталине из поэмы «За далью — даль».
- 258 Перечислены представители эмиграции второй волны, с которыми А.Т. столкнулся в Париже.
- 259 Кирилл Дмитриевич Померанцев (1906—1991) — поэт, сотрудник «Русской мысли», участник Сопротивления. Из знакомства с А.Т. он вынес впечатление, что поэт «был убежденным коммунистом, но видел все уродливые формы, в которые коммунизм вырождающему в СССР, и по-настоящему от этого страдал». Сурков же, по его словам, «верой и правдой служил делу коммунизма, в которое не верил...» (Померанцев К. Встречи с Твардовским и Сурковым // ВЛ. 1989. № 9).
- 260 А.Т. вручили посылку для Николая Михайловича Любимова (1912—1992), переводчика, критика, возвратившегося из эмиграции после войны. Его воспоминания «Петербург—Париж—Москва» были переданы А.Т. П.А.Зайончковским в «Новый мир».
- 261 Леонид Федорович Зуров, долгое время живший в семье Буниных, представлял для А.Т. особый интерес. Отрывок из письма Л.Ф.Зурова о «Василии Тёркине» приводится в примечании к записи от 1 июня.
- 262 Ленина (Лена) Александровна Зонина (1922—1985) — филолог, специалист по французской литературе XX в., переводчик, близкий друг Ж.-П.Сартра. Автобиографическая повесть Сартра «Слова» в переводе Л.Зониной (НМ. 1964. № 10—11) посвящена ей. Л.Зонина выступила в «Новом мире» с «Заметками об Экзюпери» (1965. № 6).
- 263 Эльза Триоле — редактор «Антологии советской поэзии», на презентацию которой прибыли во главе с А.А.Сурковым поэты С.И.Кирсанов, Р.И.Рождественский, Б.А.Ахмадулина, Л.Н.Мартынов, Б.А.Слуцкий, А.А.Вознесенский, В.А.Соснора и А.Т.
- 264 Франсуа Мориак (1885—1970) — французский писатель, Нобелевский лауреат (1952). Борис Константинович Зайцев (1881—1972) — русский писатель, с 1922 г. — в эмиграции, друг И.А.Бунина.
- 265 Пятидесятилетие К.М.Симонова отмечалось в начале декабря 1965 г.
- 266 Подборка, в составе которой: «Дробится рваный цоколь монумента...», «Есть книги — волею приличий...», «Все сроки кратки в этом мире...», «Посаженные дедом деревца...», «А ты самих послушай хлеборобов...» и т.д. (14 стихотворений, включая цикл «Памяти матери»), — в № 9 «Нового мира».

- 267 23 ноября в Московском Театре сатиры состоялся первый прогон «Теркина на том свете». 26 декабря — второй просмотр. А.Т. присутствовал оба раза и принял участие в обсуждении спектакля.
- 268 По выходным данным (НМ. 1965. № 12) тираж журнала — 113 тыс. экз. На № 12 за 1966 г. значится тираж 141 600 экз.

═══════1966═══════

- 1 Очерк Г.Н.Троепольского «О реках, почвах и прочем» (см. запись от 10 июня 1965 г.), где (на примере Воронежской области) рассказывалось о гибели малых рек из-за непродуманной и безответственной мелиорации, вызвал серьезный общественный резонанс и недовольство центральных и местных властей. Правительственная комиссия для проверки новомирского выступления, возглавляемая Куланчевым, признала его неправильным и вредным, с чем и согласился СМ РСФСР.
- 2 Г.Н.Троепольский на эту тему в «Новом мире» больше не выступал, но после пленума ЦК по вопросам мелиорации (в мае 1966 г.) «Правда» 4 и 5 сентября напечатала две его статьи («Сколько человеку воды нужно» и «Об осушении и "осушении"»), развивавшие тему новомирского очерка. Автор использовал отклики на свою статью, пришедшие в редакцию «Нового мира».
- 3 «Мелентьевский отдел» — Отдел культуры ЦК КПСС, и.о. заведующего которым после смерти Д.А.Поликарпова в 1965 г. стал его заместитель Ю.С.Мелентьев.
- 4 Информирова ЦК о том, что с рукописями А.И.Солженицына, «в соответствии с указанием», ознакомился ряд секретарей Правления СП СССР и РСФСР, Отдел культуры сообщал: «Не взяли рукописи т.т. Леонов и Твардовский; последний — ссылаясь на то, что почти все эти произведения он читал, кроме пьесы "Пир победителей", которую, однако, также *отказался прочитать*» (Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне. М., 1994. С. 30. Выделено в тексте).
- 5 В отзыве на роман «В круге первом», посланном в ЦК, К.М.Симонов заявлял, что не приемлет «этот роман в самой главной его отправной точке» (Там же. С. 32—35).
- 6 См. записи от 11 и 13 апреля 1964 г. О том, сколь положительно относился Солженицын к Власову и власовцам, А.Т. не знал.
- 7 А.И.Солженицын, после изъятия сотрудниками КГБ его архива бросившийся к А.Т. за помощью и договорившийся с ним о необходимых действиях для спасения романа «В круге первом» (см. запись от 14 сентября 1965 г.), поступает по-своему, не поставив в известность А.Т. Затем снова привозит в редакцию рукопись романа, которую сам же забрал, не вняв уговорам А.Т. Александр Исаевич не сообщил при этом, что роман уже переправлен им на Запад, а для нескольких его экземпляров им найдены свои «захоронки» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 6. С. 82). Остается неясным, с какой целью при этом журналу, висящему на волоске, предлагалось на хранение конфискованное КГБ произведение, по убеждению

- самого автора, подрывавшее основы советского строя? А.Т. отказался принять назад рукопись Солженицына.
- 8 Ряд откликов секретаря ЦК ВЛКСМ С.П.Павлова о публикациях в «Новом мире» зафиксирован в записях 1961—1965 гг.
- 9 Речь идет о спектакле «Тёркин на том свете» в Театре сатиры в постановке В.Н.Плучека. О первоначальном замысле «Тёркина на том свете» как главы поэмы военных лет «Василий Тёркин» см. в книге «Я в свою ходил атаку...». Глава была задумана как реквием павшим в войне, и лишь в начале 1950-х гг. поэт обратился к жанру сатиры. Подчеркивая, что «Тёркин на том свете» при всей особенности и специфичности его художественной задачи неотрывен от «книги про бойцов», А.Т. был убежден, что в экспозиции спектакля нужно идти от главы «Смерть и воин» поэмы «Василий Тёркин» (Письмо В.Н.Плучеку 7.1.66 // А.Т. Письма... С. 293—298).
- 10 А.Г.Дементьев на процессе Синявского и Даниэля не выступал. На новомирцев Александр Григорьевич «надулся», по свидетельству его дочери И.А.Дементьевой, за само предположение о такой возможности.
- 11 Лев Романович Шейнин (1906—1967) — писатель, в 1930-е гг. — следователь прокуратуры, в 1960-е гг. — главный редактор «Мосфильма».
- 12 Поэму «Сказка о правде» М.В.Исаковский отозвал из редакции, так и не решившись ее напечатать. Опубликовано в 1987 г. (Знамя. № 10).
- 13 О статье органа ЦК, приуроченной к решающему голосованию в Комитете по Ленинским премиям и фактически предписывавшей забаллотировать кандидатуру А.Солженицына, см. запись от 12 апреля 1964 г.
- 14 См. записи от 21 и 23 августа 1964 г.
- 15 Константин Георгиевич Пысин — первый заместитель председателя СМ РСФСР.
- 16 Михаил Николаевич Тупицын (1906—1993) — заведующий Общим отделом ЦК (1954—1963); управляющий делами СМ РСФСР (1963—1969).
- 17 С.П.Залыгин по образованию и первоначальной специальности — гидромелиоратор. О проблемах мелиорации писал в 1980—1990 гг. в «Новом мире», став его главным редактором.
- 18 Речь идет о выступлении секретаря ЦК ВЛКСМ С.П.Павлова в редакции журнала «Юность» с очередными выпадами против «Нового мира».
- 19 Имеется в виду публикация «Призвание художника. Из писем Томаса Манна». Предисл. Т.Мотылевой. Т.Манн (1875—1955) — один из самых любимых писателей А.Т. В его библиотеке сохранились два собрания сочинений Т.Манна — подаренное Э.Г.Казакевичем, с недостающими томами (Л., 1934—1936), и 10-томное (М., 1959—1961) — оба с пометками А.Т. Остался и ряд изданий отдельных произведений Т.Манна, собираемых с 1930-х гг. Мысли и наблюдения Т.Манна рассыпаны по всем дневникам А.Т. Здесь и далее — выписки из писем Т.Манна писателям, историкам, философам.

- 20 Дмитрий Иванович Еремин (1904—1993) — прозаик, критик, лауреат Сталинской премии (1952). В статье «Перевертыши» (Известия. 1966. 13 января), обвиняя А.Синявского и Ю.Даниэля в преступлении против советской власти, характеризовал их произведения как разжигающие «вражду между народами и государствами». 16 и 18 января газета опубликовала выступления в поддержку статьи Д.Еремина трудящихся, в том числе и деятелей культуры и науки, с требованиями самой суровой кары предателям Родины.
- 21 Автор «Палаты № 7» (Посев, 1966) Валерий Яковлевич Тарсис (1906—1983) — переводчик, писатель, печатавшийся за границей, в 1962 г. был помещен в психиатрическую больницу, но вскоре выпущен. В феврале 1966 г., находясь в Англии в официально разрешенной поездке, лишен советского гражданства и одновременно объявлен психически больным. «Если он сумасшедший, о чем пишут, так надо его лечить, а не лишать гражданства», — отозвался на эту акцию А.Т. (Кондратович А.И. Новомировский дневник. Запись от 17 февраля 1966 г.).
- 22 Речь идет о продолжении работы над фрагментом «Сын за отца не отвечает», ставшим основой поэмы «По праву памяти». См. записи 1963—1965 гг.
- 23 Впервые — в подборке «Стихи из записной книжки» (НМ. 1966. № 12).
- 24 Фильм выпущен в 1965 г. Режиссер Михаил Ильич Ромм (1901—1971), сценарий М.Ромма совместно с М.И.Туровской и Ю.М.Ханютиным. Широкого проката фильм не получил и быстро был снят с экрана.
- 25 Зоя Сергеевна Кедрина — критик, литературовед, общественный обвинитель на процессе Синявского и Даниэля. Обличая А.Синявского и Ю.Даниэля, заявляла, что они «нагло паразитируют на литературном наследии», выступая в «одеждах самых разных литературных произведений» (Кедрина З. Наследники Смердякова // ЛГ. 1966. 22 января).
- 26 На приемку спектакля «Тёркин на том свете» «созваны были и пришли многие люди, имевшие тогда авторитет в самых разных областях искусства. Среди них — Шостакович, Симонов, Кукрыниксы... В их присутствии чиновники не посмели закрыть спектакль сразу» (Плучек В. «...Всраженьях изувечен» // Театр. 1988. № 6).
- 27 А.Д.Папанов играл Тёркина, Б.К.Новиков — друга Тёркина.
- 28 Образ Смерти в черном трико вызывал нежелательные ассоциации с шедшим в ту пору в Большом и ряде столичных республиканских театров балетом «Шурале», поставленным Л.В.Якобсоном по мотивам татарских сказок и поэм Г.Тукая (композитор Ф.З.Яруллин).
- 29 Судебный процесс А.Синявского и Ю.Даниэля проходил в Верховном суде РСФСР 10—12 февраля под председательством Л.Н.Смирнова — председателя Верховного суда.
- 30 Прокурор О.П.Темушкин в обвинительной речи 12 декабря потребовал «максимальной меры наказания» за «особо опасное государственное преступление»: семь лет лишения свободы с отбытием в колониях усиленного режима и пять лет ссылки

- для Синявского и пять лет в колонии и три года в ссылке — для Ю.Даниэля. Приговор был объявлен 14 февраля. А.Т. отказался подписать письмо Секретариата Правления СП в его поддержку, несмотря на настойчивые уговоры приехавшего в редакцию К.В.Воронкова (Кондратович А.И. Новомирский дневник. Запись от 15 февраля 1966 г.).
- 31 «Память, как ты ни горька, / Будь зарубкой на века...» — строки из «Тёркина на том свете».
- 32 С работами философа Николая Алексеевича Бердяева (1874—1948) А.Т. впервые знакомится в послевоенные годы. Пометки при чтении в ту пору носят в основном полемический характер, хотя и тогда уже некоторые мысли автора воспринимались им как совпадающие с его собственными. Так, А.Т. подчеркнул рассуждение о том, что на социальное переустройство «идут огромные духовные силы человека, человеческий героизм и жертвенность. Внутренняя же жизнь человека опустошается» (Бердяев Н. Социальный переворот и духовное пробуждение // Русский сборник. Париж, 1946. С. 188). Позднему А.Т. особенно близка мысль Н.Бердяева о необходимости демократии как основного условия социального развития, отсутствие которой превращает социализм в тоталитаризм.
- 33 Евгений Антонович Беляков — житель соседней деревни, помогавший А.Т. в работах по дачному участку.
- 34 Имеются в виду сообщения о премьере «Тёркина на том свете» в Театре сатиры в публикуемых программах театров.
- 35 Готовилась к печати повесть Ч.Айтматова «Прощай, Гульсары!» (НМ. 1966. № 3).
- 36 Последнее слово А.Синявского и Ю.Даниэля см. в сб.: Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. С. 474—480. Далее — «Цена метафоры...».
- 37 Повесть Бориса Андреевича Можая (1932—1996) поступила в редакцию под названием «Живой», опубликована как «Жизнь Федора Кузькина» (НМ. 1966. № 7).
- 38 Елена Петровна Любарева — литературовед, профессор филологического факультета МГУ, автор книг: «Александр Твардовский. Критико-биографический очерк». М.: Советский писатель, 1957; «Поэма Твардовского "За далью даль"». М., 1962. Делая эту запись, А.Т. еще не знает о письмах в защиту подсудимых, которые будут посланы в Президиум XXIII съезда КПСС. Среди них — письмо 62 писателей с предложением взять на поруки А.Синявского и Ю.Даниэля. В списке первым значился А.Н.Анастасьев (муж Е.П.Любаревой) — автор «Нового мира», как и более половины подписавших это письмо (см. сб. «Цена метафоры...»).
- 39 Готовились к печати рассказы адмирала И.С.Исакова — постоянного автора журнала А.Т.: «Из давних былей. 1. Вернемся к нашим баранам; 2. Как "Гебен" и "Бреслау" прорвались в Черное море» (НМ. 1966. № 4).
- 40 См. сб. «Цена метафоры...».
- 41 Рассказ И.С.Исакова «Кок Воронин» (НМ. 1966. № 11).
- 42 См. запись от 15 февраля и примеч. 32.

- 43 Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897—1968) — маршал (1944), в Отечественную войну командовал рядом армий и фронтов, в 1955—1964 гг. — помощник министра обороны СССР.
- 44 Вероятно, речь идет о Павле Васильевиче Рычагове (1911—1941) — участнике войны в Испании 1936—1939 гг., Герое Советского Союза (1936), в 1940 г. — заместитель начальника ВВС Красной армии. С февраля 1941 г. — заместитель наркома обороны СССР, в начале Отечественной войны осужден по ложному доносу и расстрелян.
- 45 Имеется в виду А.П. Шапошников — секретарь МГК КПСС (1965—1971). Калашникова — секретарь Краснопресненского РК КПСС, в 1954 г. принимала решение по заявлению А.Т. об изменении в его учетной карточке записи о социальном положении родителей, числившихся кулаками (в чем А.Т. было отказано).
- 46 Ни одной заметки в поддержку спектакля «Тёркин на том свете» в печати не появилось.
- 47 Имеется в виду открытое письмо Секретариата Правления СП СССР (ЛГ. 1966. 19 февраля). А.Т. отказался его подписать.
- 48 «Забытые острова» — не первая книга Бенгта Даниэльсона, участника экспедиций Тура Хейердала, прочитанная А.Т. См. запись о его книге «Счастливый остров» 5 декабря 1962 г.
- 49 Поль Гоген (1846—1903) — французский художник, поселившийся на островах Океании, где от туземки родилась его дочь.
- 50 Владимир Николаевич Войнович (р. 1932) — прозаик, уже сотрудничал с «Новым миром» (см. вклейку А.Т. к тексту 1963 г.). В записи речь идет о его повести «Два товарища» (НМ. 1967. № 1).
- 51 Лакшин В.Я. Три меры времени // НМ. 1966. № 3.
- 52 Лейтмотив редакционной передовой, посвященной XXIII съезду КПСС, — требование правды в литературе, подкрепленное ссылками на Директивы съезду: «Только правдивое изображение действительности способно дойти до ума и сердца читателя, воспитывать в нем активное отношение к жизни» (На пути к коммунизму // НМ. 1966. № 3).
- 53 Председатель суда над А.Синявским и Ю.Даниэлем.
- 54 См. запись от 19 января и примеч. 21.
- 55 Джон Голлан (1911—1977) — генеральный секретарь Компартии Великобритании (1956—1975), Луи Арагон (член ЦК Компартии Франции) высказали протест против приговора писателям, призвав власти к его пересмотру (см. сб. «Цена метафоры...»).
- 56 Ирина Павловна Архангельская — заведующая международным отделом редакции «Нового мира», секретарь парторганизации «Нового мира».
- 57 Виктор Петрович Тельпугов — парторг МГК КПСС, курировавший Московскую писательскую организацию.
- 58 Соловьева — инструктор Советского райкома г. Москвы, за которым числилась парторганизация «Нового мира».
- 59 Передовая органа ЦК КПСС в преддверии XXIII съезда КПСС утверждала идейно-политическое единство советского общества (Правда. 1966. 1 марта).

- 60 См. записи от 18 и 22 января.
- 61 А.Д.Синявский печатался в «Новом мире», написал вступительную статью к тому Б.Пастернака в серии «Библиотека поэта», являлся сотрудником ИМЛИ, автором монографий и статей в сборниках, изданных под грифом ИМЛИ.
- 62 Дэвид Карвер — генеральный секретарь Международного ПЕН-клуба.
- 63 О мытарствах постановщика «Тёркина на том свете» см. подробнее: Из воспоминаний В.Н.Плучека. Политический театр 1966 г. // Вечерняя Москва. 1988. 15 апреля.
- 64 Все перечисленные — секретари Правления СП СССР и главные редакторы центральных журналов: А.В.Софронов — «Огонька», А.Б.Чаковский — «Литературной газеты», В.М.Кожевников — «Знамени», Е.М.Поповкин — «Москвы», Н.М.Грибачев — «Советского Союза».
- 65 А.А.Прокофьева забаллотировали при выборах в руководство Ленинградской писательской организации.
- 66 Жан-Поль Сартр — один из вице-президентов Европейского сообщества писателей, печатался в «Новом мире». См. о нем записи 1963—1964 гг.
- 67 Шоу Ирвин. Молодые львы. М.: Прогресс, 1965. Роман американского писателя о Второй мировой войне (1948).
- 68 Твардовский А.Т. Достоинство таланта // Известия. 1966. 7 марта; НМ. 1966. № 3 (расширенный вариант). Стоит напомнить, что Постановление ЦК «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» 1946 г. с его негативной оценкой творчества Ахматовой еще не было отменено, что сказалось и на откликах на ее кончину. Статья А.Т. была среди них едва ли не самым серьезным и полновесным.
- 69 Имеется в виду перевод А.Т. поэмы Т.Г.Шевченко «Гайдамаки» (Знамя. 1939. № 3). Печатался в собрании сочинений Т.Шевченко (М., 1954—1956 и 1964—1965) и в отдельных изданиях его произведений (Кобзарь. М., 1939 и др.). В 5-томное собрание сочинений А.Т. не включен. В посмертном собрании сочинений помещен отрывок из «Гайдамаков» в переводе А.Т. (Соч. Т. 1).
- 70 Одно из неоднократно перечитываемых произведений Л.Толстого, любимого писателя А.Т.
- 71 Центральный орган Французской компартии.
- 72 Петр Григорьевич Григоренко (1907—1987) — генерал-майор (1959), участник Отечественной войны, правозащитник, политзаключенный. В 1963 г. создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». В 1964 г. лишен званий и наград, подвергался принудительному лечению в психиатрической больнице (1964—1965, 1969—1974). В 1977 г. выехал в США, лишен гражданства СССР. См. о нем: Кто такой П.Г.Григоренко // Военно-исторический архив. 1990. № 10; Григоренко П.Г. «В подполье можно встретить только крысы...» М., 1981. Далее см. запись от 22 марта и примеч. 92.
- 73 Продолжение работы над стихотворением «Листва отпылала алая...» (см. записи в марте-декабре 1965 г.) — набросок нового варианта.

- 74 В рассказе Л.Толстой отразил пережитое им в Арзамасе, куда ездил покупать имение. «Если бы мне предстояла действительная смерть, я не мог испытать того, что испытывал, тогда я бы не боялся. А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть». Это состояние, когда все существо «чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть», и было «арзамасским ужасом» (Толстой Л. Соч.: В 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 47).
- 75 Цитаты из «Тёркина на том свете».
- 76 «Ялтинская записка» П.Тольятти (август 1964 г.) написана в преддверии переговоров с Н.С.Хрущевым о разногласиях КПСС и Итальянской коммунистической партии (ИКП). Критикуя КПСС за непоследовательность в десталинизации, Тольятти выступал против ограничений демократии в СССР. После смерти Тольятти в августе 1964 г. в Ялте опубликована в органах ИКП «Унита» и «Ринашита», а также в «Правде» (1964. 10 сентября). При советской власти записка Тольятти более не перепечатывалась и не упоминалась (см.: Возвращение в завтрашний день. О Ялтинском завещании П.Тольятти // Проблемы мира и социализма. 1989. № 7).
- 77 О Джанкарло Пайетта и Витторио Страде см. в приложении к 1962 г. (Из итальянского блокнота).
- 78 Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933) — политический деятель, писатель, критик, с 1917 г. — нарком просвещения.
- 79 Карл Каутский (1854—1938) — один из идеологов и лидеров немецкой социал-демократии. В советской печати определялся как ренегат марксизма (по характеристике В.И.Ленина).
- 80 Борис Романович Изаков — переводчик, публицист, драматург, сотрудник АПН.
- 81 В.Е.Семичастный уже выразил свое отношение к А.Т. и его журналу: «Трудно найти оправдание тому, что мы терпим, по сути дела, политически вредную линию журнала "Новый мир"... Наша реакция на действия редакции "Нового мира" не только притупляет политическую остроту, но и дезориентирует многих творческих работников...» (Записка КГБ в ЦК КПСС об антисоветской деятельности творческой интеллигенции. 1965, декабрь // История советской политической цензуры. М.: РОССПЭН, 1997. С. 152).
- 82 Виктор Дмитриевич Дувакин (1909—1982) — доцент филфака МГУ, выступая на процессе А.Синявского и Ю.Даниэля свидетелем защиты, назвал Синявского (своего ученика) «известным литератором, много сделавшим для развития советской культуры». Суд вынес по поводу Дувакина «частное определение», призвав применить к подобным лицам «административные или профилактические меры». Дувакин был уволен из МГУ (см.: Власть и оппозиция. М., 1995. С. 239—240).
- 83 См. запись от 1 марта.
- 84 Лариса Алексеевна Жадова (1927—1981) — искусствовед, жена К.М.Симонова.

- 85 Василий Филимонович Шауро (1912—2005) — с 1965 г. — и.о. заведующего Отделом культуры ЦК, в 1966—1986 гг. — заведующий Отделом культуры ЦК.
- 86 Письмо в Президиум ЦК см. в записи от 5 марта.
- 87 А.Т. имеет в виду не пропущенные цензурой: статью М.А.Лифшица «На деревню дедушке» (упоминаемую в записях 1965 г.), роман А.Камю «Чума», продвигаемый в печать с 1960 г. (см. записи 1963—1965 гг.), а также снятые цензурой на стадии верстки статьи В.Г.Венжера «Хозяйственный расчет и социализм» (из № 3) и В.П.Данилова и С.И.Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке» (из № 2). Статья историков, где говорилось об остающихся неисследованными проблемах развития послереволюционного общества, о замалчивающихся фактах и именах в его истории, была признана искажающей достижения советской исторической науки. Особо отмечено цензурой, что В.П.Данилов подписал письмо историков в поддержку редактора «Нового мира» против критики его Е.Вучетичем (История советской политической цензуры. С. 557). Статья В.П.Данилова и С.И.Якубовской см.: Археографический ежегодник. 2001. № 2.
- 88 Александр Юрьевич Кривицкий (1910—1986) — очеркист, публицист, заместитель К.М.Симонова на посту главного редактора «Нового мира» в 1948—1950 и 1954—1958 гг. Речь идет о его отклике на статью В.Кардина «Легенды и факты» (НМ. 1966. № 2), подвергшую пересмотру ряд мифов в советской истории. Автор, в частности, обращал внимание на то, что в очерке А.Кривицкого о панфиловцах не учтены свидетельства тех из них, кто остался в живых. В ответ последовало обвинение, что В.Кардин «бросает тень на одну из военно-патриотических святынь нашего народа» (Кривицкий А. Факты и легенды // ЛГ. 1966. 19 марта). О подлинном и мнимом в истории панфиловцев см.: Куманев Г.А. Подвиг и подлог. М., 2001.
- 89 Об участии А.Т. в работе XXII съезда КПСС см. записи октября 1961 г.
- 90 Переиначенная цитата из В.Маяковского («Во весь голос»): «Явившись в Це Ка Ка / грядущих светлых лет, / над бандой / поэтических / рвачей и выжиг / я подыму / как большевистский партбилет / все сто томов / моих / партийных / книжек».
- 91 Под «солженицынской историей» имеется в виду изъятие у него архива (см. запись от 14 сентября 1965 г.).
- 92 «Прошло время, и я понял, как ужасно неправ был я, — рассказывал П.Г.Григоренко о своем «резком злом письме» А.Т. — Не за себя он испугался. Я навлек угрозу на журнал... Интересы журнала для него были выше моих, да, вероятно, и Ваших... Он, жертвуя собой и своим талантом, отыскивал и выводил на большую дорогу Русской литературы новые прогрессивные силы [...], он стремился не столько себя выразить, как это делает большинство даже больших писателей, сколько время наше всеми силами прогрессивных писателей» (Письмо П.Г.Григоренко А.И.Солженицыну 26 июня 1975 г. // Общая газета. 1995. 19—25 января. Публ. И.Б.Брайнина). Вскоре и А.Т. пересмотрел свою оценку П.Григоренко (см. записи июня 1967 г.).

- 93 На пути к коммунизму // НМ. 1966. № 3. См. примеч. 52.
- 94 Поставив А.Синявского в один ряд с нацистскими преступниками, Вс.Кочетов обвинял его в «литературных убийствах». Критику А.Синявским поэзии Е.Долматовского (Синявский А. Есть такие стихи // НМ. 1965. № 3) Кочетов расценил как диверсию против советской поэзии (Октябрь. 1966. № 3).
- 95 См. запись от 20 марта. Редакция «Нового мира» подготовила ответ А.Кривицкому и другим критикам статьи В.Кардина «Легенды и факты». Но редакционную статью «Еще раз о легендах и фактах», набранную для № 4, цензура запретила.
- 96 В защиту крымских татар А.Т. уже приходилось выступать. В 1989 г. делегация крымских татар в знак благодарной памяти ему принесла на квартиру А.Т. на Котельнической набережной букет красных гвоздик.
- 97 Пленум ЦК КПСС 26 марта обсуждал директивы XXIII съезду КПСС.
- 98 Статья В.Г.Венжера «Хозяйственный расчет и социализм» изъята цензурой из № 3 «Нового мира» как ставящая «под сомнение генеральную линию партии по кооперированию сельского хозяйства». Неприемлемой оказалась мысль экономиста, что «Сталин свел кооперативный план Ленина только к коллективизации, выхолостив из него главную сущность — новую концепцию Ленина о социализме» (История политической цензуры. С. 557). Статья А.М.Бирмана «Продолжение разговора. Мысли после съезда» с учетом цензурных замечаний появилась в «Новом мире» (1966. № 5).
- 99 Владимир Александрович Серов (1910—1968) — народный художник СССР (1958), создатель Ленинианы.
- 100 Стихотворение «Мост» — впервые в «Правде» 2 января 1950 г. (Соч. Т. 3. С. 44).
- 101 «Смерть и воин» — глава из поэмы «Василий Тёркин» (Там же. Т. 2; впервые в «Красноармейской правде». 1944. 23 мая). См. о ней в книге «Я в свою ходил атаку...».
- 102 Собрание отрицательных откликов на произведения А.Т. в его архиве.
- 103 В.В.Архипов (1913—1977) — литературовед, критик, один из воинствующих приверженцев принципов «социалистического реализма», сотрудник «Огонька», редактируемого А.Софроновым, печатался в «Октябре» Вс.Кочетова.
- 104 Ср. с записью от 28 марта.
- 105 Александр Викторович Бельшев (1893—1974) — матрос, комиссар ВРК на «Авроре», член КПСС с 1917 г.
- 106 О Б.В.Бурковском см. запись от 31 марта 1964 г. и примеч. 81 к записям 1964 г.
- 107 Об этом см. записи в ноябре 1965 г.
- 108 Выступая в Высшей партийной школе, председатель КГБ В.Е.Семичастный критиковал повесть В.Быкова «Мертвым не больно» (НМ. 1966. № 1—2), подвергавшуюся (заодно с журналом) нападкам в печати.
- 109 Михаил Васильевич Зимянин (1914—1995) — член ЦК КПСС (1952—1956 и 1966—1989 гг.), главный редактор «Правды»

- с 1965 г. В 1940—1950-е гг. — партийный и государственный деятель Белоруссии. О его разговоре с А.А.Кулешовым см. запись от 9 апреля.
- 110 Василий Семенович Емельянов (1901—1988) — металлург, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. Его воспоминания «О времени, о товарищах, о себе» опубликованы в «Новом мире» (1967. № 1—2).
- 111 Инициатором (и автором первоначального текста) письма, выражавшего несогласие с неизбранием А.Т. делегатом съезда и высоко оценивавшего его общественную роль, был М.Я.Гефтер, тогда сотрудник Института истории СССР АН. Подписи под ним собирали и в др. институтах АН.
- 112 Речь идет о 5-томном собрании сочинений А.Т., начавшем выходить с 1967 г. Тираж — 150 000.
- 113 набросок к фрагменту «Сын за отца не отвечает». В окончательном тексте поэмы «По праву памяти»: «Вот если б Ленин встал из гроба / На все, что стало, поглядел...».
- 114 Первоначальный вариант стихотворения «И жаворонок, сверлящий небо...». Впервые: НМ. 1966. № 12.
- 115 М.А.Шолохов, заявив, что не разделяет оптимизма по поводу появления в Тульской области вместо одного писателя Л.Толстого 23 членов СП, не захотел «обременять» съезд «подробным анализом литературных дел». Большая часть его речи посвящалась проблемам экологии и рыбного хозяйства (XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966. С. 352 и след.).
- 116 М.Шолохов осудил тех, кто посчитал приговор клеветникам на страну суровым. Он напомнил о временах, когда предателей судили, руководствуясь не Уголовным кодексом, а «революционным правосознанием»: «не ту меру наказания получили бы эти оборотни!» (Там же. С. 357—358). Особое место писатель уделит критике А.А.Ишкова — с 1965 г. — министр рыбного хозяйства СССР.
- 117 Начальник Главпура Советской армии А.А.Епишев, не называя «Новый мир», явно журналу А.Т. адресовал гневные инвективы о «глумлении над святыми для советского человека понятиями». Первый секретарь ЦК КП Молдавии И.И.Бодюл охарактеризовал повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» как «искажающую отдельные этапы жизни советского общества», обратив внимание, что в «Новом мире» ее отнесли к произведениям, ставшим «значительными вехами развития всего литературного дела». Здесь Бодюл, по сути, процитировал статью А.Т. «По случаю юбилея» (НМ. 1965. № 3. С. 9). В.И.Конотоп, первый секретарь Московского обкома КПСС, обвинял «Новый мир» в опубликовании произведений, искажающих советскую действительность, «смакующих отдельные недостатки и трудности, культивирующих скептицизм и аполитизм, нарочито противопоставляющих руководителей и коллектив». А.Т. по памяти цитирует здесь слова Конотопа об отношении партии к печати (XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. С. 422, 504, 552). Секретарь Правления СП Г.М.Марков подсчитал, что критика «Нового мира»

- прозвучала в 8 выступлениях на XXIII съезде (Из истории общественно-литературной борьбы 60-х гг. // Октябрь. 1990. № 8. С. 196).
- 118 Показывая на этот сундучок, как называл А.Т. изготовленный для «рабочих тетрадей» ящик, он наказывал: при пожаре его спасать в первую очередь.
- 119 Стихотворение с изменениями опубликовано в 1966 г. (НМ. № 12).
- 120 Речь идет о съезде Компартии Грузии.
- 121 О послесталинском десятилетии как «позорном» говорил, по-видимому, Григол Абашидзе (1914—1994) — писатель, разрабатывавший историко-революционную тему, депутат ВС СССР.
- 122 Первый секретарь ЦК КП Грузии и на XXIII съезде нападал на воспоминания академика Ивана Михайловича Майского (1884—1975), печатавшиеся в «Новом мире», а затем изданные отдельной книгой (Майский И. Воспоминания советского посла. М., 1965). В.П.Мжаванадзе говорил о «слишком вольном обращении с историей» Майского (XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. С. 182).
- 123 Гоголь Н.В. О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии. Публ. В.Бессонова // Наука и жизнь. 1966. № 3. С. 88—89.
- 124 Любимый А.Т. березовый сок, добываемый им каждую весну.
- 125 Роже Гароди (р. 1913) — французский публицист, теоретик марксизма, от которого отходит в начале 1960-х гг. В библиотеке А.Т. сохранилась книга Р.Гароди «Марксистский гуманизм» (М., 1959) — последнее издание в СССР этого автора, признанного здесь в 1960-е гг. ревизионистом.
- 126 В.Сорокин — возможно, международный обозреватель «Правды». Юрий Дмитриевич Черниченко (р. 1929) — публицист, очеркист, автор «Нового мира»; в 1965—1974 гг. — специальный корреспондент «Правды». Лев Абрамович Леонтьев (1901—1974) — экономист, член-корреспондент АН СССР, специализировался на критике буржуазной политэкономии.
- 127 А.Синявский и Ю.Даниэль отбывали наказание в Мордовских лагерях. В заключении продолжали писать, пересылая написанное на волю. Вопреки надеждам на их амнистию к 50-летию Октябрьской революции, освобождены в 1971 г.
- 128 Эрнст Хемингуэй (1899—1961) — американский писатель, особо популярный в среде московской интеллигенции 1960-х гг.
- 129 Нико Пиросманишвили (Пиросмани) (1882—1918) — грузинский живописец.
- 130 «Жезл Ааронов расцвел, пустил почки и принес миндали» — цитата из Библии (Ветхий завет).
- 131 См. запись от 12 апреля 1964 г. и примеч. 101 к записям 1964 г.
- 132 А.Т. на XIX съезде был избран в состав Центральной Ревизионной комиссии КПСС (ЦРК).
- 133 См. запись от 29 марта.
- 134 Никола весенний — 6(19) мая; Купала (Иван Купала) — 24 июня (7 июля); Вознесение праздновалось на сороковой день после Пасхи; Духов день — праздник Сошествия Святого Духа, на

- другой день после Пятидесятницы, приходящийся на понедельник (воскресный день в народе называли Троицыным днем). Памятью об этих днях навеяно стихотворение «Погубленных березок вялый лист...» (1966).
- 135 Вл.А.Серов — секретарь Правления Союза советских художников, член ЦРК КПСС с 1961 г. Т.Н.Хренников — секретарь Правления Союза советских композиторов, член ЦРК с 1961 г. Г.М.Марков — секретарь Правления СП, член ЦРК с 1966 г., с 1971 г. — член ЦК. Л.А.Кулиджанов — секретарь Правления Союза советских кинематографистов, член ЦРК с 1966 г., с 1971 г. — член ЦК.
- 136 Раиса Исаевна Линцер — жена И.А.Саца.
- 137 Имеется в виду статья Е.Я.Дороша о театре «Современник». В «Новом мире» не печаталась, опубликована в кн.: Дорош Е. Живое дерево искусства. М., 1967.
- 138 И.А.Сац редко печатался в «Новом мире», членом редколлегии которого был. А.Т. ценил его образованность, эрудицию в вопросах искусства, литературы, музыки (Игорь Александрович учился в университете и в консерватории). В послевоенные годы Сац оказался не у дел. А.Т. вовлек его в активную журналистскую работу. Преодолев серьезное сопротивление, добился включения (с августа 1965 г.) в редколлегию «Нового мира». По убеждению А.Т., Сац не реализовал свои способности и знания в полной мере.
- 139 Из писем А.А.Фадеева. К 10-летию со дня смерти писателя. Публ. и вступ. ст. С.Преображенского // НМ. 1966. № 4.
- 140 Стихи из записной книжки. НМ. 1966. № 12.
- 141 Давний замысел рассказа «Дом на буксире», упоминаемый в предшествующих записях, не был осуществлен.
- 142 Статья не была завершена, ее фрагменты — в записях 1966 г. Как авторский комментарий к поэме «Тёркин на том свете» А.Т. рассматривал и свои полемические заметки о ней («Реплика автора» и «Содержание действительное и мнимое». Соч. Т. 5. С. 143—147).
- 143 Статьи Витторио Страды из еженедельника Компартии Италии «Ринашита» переводила и передавала в редакцию Цецилия Исааковна Кин — автор «Нового мира». Со Страдой она состояла в дружеской переписке.
- 144 В мае 1966 г. я должна была выступить с докладом на конференции в Риме, посвященной итало-русским общественным связям XIX—XX вв. Из состава делегации, утвержденного еще до XXIII съезда КПСС, я была исключена перед самой поездкой в Италию без каких-либо объяснений. Отцу ничего не рассказала — он узнал об этом от кого-то в редакции. После разговора А.Т. с Демичевым я снова оказалась в списке делегации. Руководство института, воспринявшее мое исключение без удивления, заинтересовалось поворотом событий. Но на расспросы я отвечала, что не понимаю причин восстановления меня в списке участников конференции так же, как не понимала исключения из него.
- 145 «Тёркин на том свете» в Театре сатиры.

- 146 «Так это было» — глава поэмы «За далью — даль», посвященная Сталину. Н.Крюков — редактор издательства «Художественная литература».
- 147 Поводом к обсуждению дел в Театре сатиры послужило письмо группы артистов с жалобами на В.Н.Плучека (по сути — донос). На заседании Президиума МГК профсоюзов В.Плучека упрекали и в «несвоевременном обсуждении спектакля “Тёркин на том свете”». Ставился вопрос о дальнейшем его пребывании на посту главного режиссера театра (Положение стало нетерпимым // Советская культура. 1966. 7 июня).
- 148 Саша — Александр Натанович Рубштейн (1925—2003) — авиаконструктор, начальник сектора аэродинамических испытаний Московского вертолетного завода им. Миля (1959—1996) — мой муж.
- 149 А.Т. оставалось «в запасе» 4 года жизни.
- 150 См. очерк «Память первого дня» в книге «Родина и чужбина» (Соч. Т. 4. С. 225—227). В Рабочих тетрадах 1940—1960-х гг. А.Т. неизменно возвращается 21—22 июня к теме первого дня войны.
- 151 Евгений Самуилович Варга (1879—1964) — деятель международного рабочего движения, академик АН СССР, специалист по политэкономии капитализма. Варга не признавал советское общество социалистическим, считая, что принцип социализма «от каждого по способностям — каждому по труду» не получил в нем воплощения. В частности, обращал внимание на несоразмерность расхождения между условиями жизни трудящихся и партбюрократии (Варга Е.С. Вскрыть через 25 лет. С предисл. М.Я.Гефтера // Полис. 1990. № 2—3).
- 152 «Отцу-богатею» (1927), «Уборщица» (1928) (Твардовский А.Т. Из ранних стихотворений. М., 1987; Его же. Соч. Т. 1).
- 153 Стихи «Памяти Ленина» (1948—1949) вошли в 5-томное собрание сочинений без изъятия отмеченных строк. А.Т. оставил их как свидетельство былых чувств и мыслей (Там же. С. 449—451).
- 154 Эти строки вошли в поэму «По праву памяти».
- 155 Имеется в виду попадание в вытрезвитель в 1962 г.
- 156 Василий Иванович Ардаматский (1911—1989) — прозаик, публицист, земляк А.Т.
- 157 В.С.Тикунов — министр охраны общественного порядка РСФСР.
- 158 О «Заявлении» («Завещании») академика Е.С.Варги см. запись от 22 июня и примеч. 151.
- 159 Вероятно, Комиссия по истории Великой Отечественной войны, возглавляемая П.Н.Поспеловым при ИМЛ, числившемся при ЦК КПСС.
- 160 Повесть Фазила Искандера «Созвездие Козлотура» (НМ. 1966. № 8). Фазиль Абдулович Искандер (р. 1929) — прозаик, поэт, печатался в журнале А.Т. с 1958 г., но именно с этой повестью пришла к нему всесоюзная популярность.
- 161 Речь идет о работе над «Раковым корпусом».
- 162 Повести В.Ф.Пановой историко-религиозной тематики («Лики на заре») были отклонены А.Т. В № 7 журнала за 1966 г. опубликована пьеса В.Пановой «Сколько лет, сколько зим!».

- 163 «Реплика автора» — ответ А.Т. критикам спектакля «Тёркин на том свете» в Театре сатиры Ю.Рыбакову и Д.Орлову, противопоставлявшим постановку В.Плучека поэме А.Т. (Рыбаков Ю. К итогам сезона // Театр. 1966. № 6; Орлов Д. Оглянись во гневе... // Труд. 1966. 26 июня). Высоко оценивая спектакль, А.Т. напоминал, что поэма «Тёркин на том свете» была встречена теми же нападками, как ныне ее инсценировка. «Реплика автора» опубликована в «Литературной газете» 30 июля (Соч. Т. 5. С. 144—147).
- 164 Алексей Федорович Алексеев начал заниматься творчеством А.Т. в 1962 г.: письмо к нему А.Т. 18 июня 1962 г. см.: Письма... С. 247—248. В изданиях Якутска и Омска Алексеевым опубликован ряд статей об А.Т. — поэте и критике. В 1968 г. А.Ф.Алексеев защитил кандидатскую диссертацию «Литературно-критические взгляды А.Твардовского», став заведующим кафедрой литературы Якутского университета. Он автор предисловия к переводу «Василия Тёркина» на якутский язык Дж.Джанглы и К.Джирибинэ (Якутск, 1970). Оставил воспоминания об А.Т. (Алексеев А.Ф. Три встречи с Твардовским // Полярная звезда. Якутск, 1979. № 5).
- 165 Младшая дочь А.Т. Ольга поступала в Институт изобразительных искусств им. В.И.Сурикова.
- 166 Строка из стихотворения И.А.Бунина «Одиночество».
- 167 Вступительный экзамен в Институте им. В.И.Сурикова.
- 168 «Реплика автора» (см. запись от 20 июля) и «Содержание действительное и мнимое» (открытое письмо Б.Чиркову — ответ на его критику поэмы «Тёркин на том свете») опубликованы в Приложении к Т. 3 (М., 1967) собрания сочинений А.Т. в 5 томах.
- 169 Повесть Б.Можаяева, поступившая в редакцию под названием «Живой». См.: Из жизни Федора Кузькина // НМ. 1966. № 7. Руководством СП повесть была отнесена к произведениям с тенденциями, «далеко не во всем отвечающими правде современности и критериям искусства социалистического реализма» (IV съезд писателей СССР. 22—27 мая 1967 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 14—15).
- 170 Указ Президиума ВС СССР «Об усилении ответственности за хулиганство». В передовой «Правды» (1966. 28 июля) говорилось, что борьба с преступностью — «гражданская обязанность и патриотический долг каждого из нас».
- 171 Правда. 1966. 30 июля.
- 172 В письме к А.Т. 3 августа А.И.Солженицын объявлял себя свободным от всяких обязательств перед «Новым миром». Сообщал, что посылает «Раковый корпус» «в другие редакции» (Архив А.Т.). В своих мемуарах он назовет это освобождением от «туповатой опеки» А.Т. Попытки напечатать повесть в других изданиях, в том числе и враждебных «Новому миру», оказались безуспешны.
- 173 Очередная сессия ВС РСФСР, депутатом которого (от Тимирязевского района Москвы) был А.Т. последний год. Более в депутаты властями не выдвигался.

- 174 Лакшин В.Я. Писатель, читатель, критик. Статья вторая // НМ. 1966. № 8. В первой, используя письма в редакцию, автор показывал, что советский читатель 1960-х гг. во многом перерос современную критику, понимая писателя объективнее и глубже. Критике он не доверяет, проявляя особое внимание к произведениям, подвергшимся ее нападкам (НМ. 1965. № 4). Во второй статье на основе анализа рассказа Солженицына «Матренин двор» (Там же. 1963. № 1) и повести В.Семина «Семеро под одной крышей» (Там же. 1965. № 7) — произведений, отрицательно оцененных в печати, В.Лакшин продолжает отстаивать жизненную правду как необходимое условие развития литературы. Он отвергает деление ее на «мелкую» и «историческую», утверждая, что нет правды, не достойной внимания художника. «Новый мир» в 1965 г. оставался единственным изданием, выступавшим в поддержку Солженицына.
- 175 С.П.Аветисян — в 1966 г. — заместитель начальника Главлита. С.м. о нем в записях 18 августа 1963 г., 30 сентября 1965 г.
- 176 Речь идет о поэме «Дом у дороги». А.Т. считал ее «полупрочитанной», заслоненной «Тёркиным». Имеются в виду строки поэмы: «Моя великая страна, / У той кровавой даты / Как ты была еще бедна / И как уже богата». История написания и опубликования «Дома у дороги» отражена в кн.: «Я в свою ходил атаку...».
- 177 Выписка из статьи А.Пластинина «Литература — школа — учебник». Автор — педагог-методист — критиковал учебник, одним из авторов которого был А.Г.Дементьев — заместитель главного редактора «Нового мира». Сетую на «расточительность», с которой представлен в учебнике А.Т., автор «Октября» посчитал, что А.Жарову и А.Безыменскому места отвели мало. С конца 1960-х и на протяжении 1970-х гг. А.Т. стал вытесняться из учебных программ как автор идейно не выдержанный. В годы «перестройки» присутствие А.Т. в учебных программах продолжало сокращаться: он был отнесен к официальным советским поэтам, представителям «соцреализма».
- 178 В совхозе «Лонницы», где Константин Трифонович работал кузнецом.
- 179 Дому культуры на родине А.Т., построенному при его участии, поэт подарил более 2000 книг.
- 180 Дневниковые записки К.Симонова «Сто суток войны», набранные для № 10 и 11 «Нового мира». Об их судьбе см. далее.
- 181 Глава «Отцам и детям», задуманная как дополнительная к поэме «За далью — даль», но вошедшая под названием «Сын за отца не отвечает» в поэму «По праву памяти».
- 182 Упомянутый в предшествующих записях замысел «Дома на буксире», оставшийся неосуществленным.
- 183 Имеются в виду выпады секретаря ЦК КП Грузии Д.Стуруа против статей В.Я.Лакшина «Писатель, читатель, критик».
- 184 Критик и литературовед Александр Львович Дымшиц (1910—1975) обвинял «Новый мир» в дегероизации советской действительности и «издевательстве над воспитательными образами литературы» (Дымшиц А. Литературная критика и чувство жизни // Огонек. 1966. 9—16 октября. № 41).

- 185 Дмитрий Миронович Молдавский (1921—1987) — литературовед, специалист по фольклору и советской поэзии. Подверг разностной критике книгу А.Г.Дементьева «На новом этапе» (М., 1965) (Молдавский Дм. А литературная критика — творчество! // Октябрь. 1966. № 10).
- 186 Сергей Сергеевич Дорошенко (1907—?) — литератор, военный историк, автор книги «Лев Толстой — воин и патриот. Военная служба и военная деятельность» (М., 1966). Цитируя директиву Главпура армии об исключении «Нового мира» из каталога журналов на 1967 г., в письме к А.Т. 15 октября 1966 г. Дорошенко задавался вопросом: «Почему один из популярнейших и любимых истинно культурными людьми журналов, а для меня самый близкий и дорогой, вдруг подвергается остракизму? Неужели считают, что содержание журнала может "дурно" повлиять на военного человека?.. У меня в голове такое отношение к "Новому миру" никак не укладывается» (Архив А.Т.). Пересылая письмо С.Дорошенко в ЦК как «документальное подтверждение тех сведений об «особых санкциях» в отношении «Нового мира», которым редактор журнала «долго не мог поверить», А.Т. заявлял, что вопрос, поставленный в письме, «не может не получить ответа: в таком ответе нуждается в первую очередь редакция журнала» (Письмо П.Н.Демичеву 20.X.66. Копия // Архив А.Т.). Ответ не был получен.
- 187 Раздел «Без комментариев» появился в журнале по инициативе В.Я.Лакшина и А.Г.Дементьева. Он был задуман как возобновление традиции русской журналистики XIX в.: перепечатка выборочных мест из разных изданий, достаточно красноречивых, чтобы обойтись без примечаний. Идею А.Т. поначалу одобрил, однако содержание раздела оказалось не соответствующим стилю журнала. А.Т. не понравилось уже первое появление рубрики — в № 6, а ее материал в № 9, подготовленный во время его отъезда, был воспринят им резко отрицательно. Помещенные там отрывки из книги А.Кривицкого «Не забуду вовек» (М., 1961) переводили серьезный разговор, начатый в статье В.Кардина «Легенды и факты» (см. запись от 20 марта), на уровень, недостойный «Нового мира», давая повод для новых на него нападок. По мнению А.Т., не стоило по мелочам раздражать идейных противников — «порскать бензином» в огонь, направленный на журнал.
- 188 А.Т. цитирует слова секретаря ЦК КП Грузии Д.Стуруа из беседы его с В.Я.Лакшиным.
- 189 Речь идет о выступлениях на Всесоюзном идеологическом совещании в Кремлевском театре 23—25 октября 1966 г. См. далее запись от 26 октября. Екатерина Алексеевна Фурцева (1910—1974) — с 1956 г. — секретарь ЦК КПСС, с 1960 г. — министр культуры СССР.
- 190 Стихи читателей «Василия Тёркина». Предисл. и публ. Ю.Буртина // Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. М., 1965. Замысел о таком приложении к «Тёркину» в 5-томном собрании сочинений не был реализован. Уже после смерти А.Т. М.И.Твардовская издала поэму «Василий Тёркин» вместе с от-

- кликами читателей на нее, среди которых были и стихотворные (М., 1976).
- 191 План обзора стихотворных откликов читателей на «Тёркина на том свете» также не осуществился.
- 192 Имеется в виду подготовка к публикации «Стихов из записной книжки». В подборке оказалось 17 стихотворений (ИМ. 1966. № 12).
- 193 Глава «Сын за отца не отвечает». В первоначальном варианте: «Война предоставляла право / На смерть, / На честь, / На долю славы / В рядах бойцов страны родной». В окончательном тексте: «Война предоставляла право / На смерть и даже долю славы / В рядах бойцов земли родной...».
- 194 Павел Петрович Постышев (1887—1939) — с 1926 г. — секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК с 1934 г. Ян Эрнестович Рудзутак (1887—1938) — с 1923 г. — секретарь ЦК РКП(б), член Политбюро ЦК (1926—1932), нарком путей сообщения (1924—1930). О Ф.Ф.Раскольникове см. запись от 3 апреля 1964 г. и примеч. 86 к записям 1964 г.
- 195 Участники Революции 1917 г. и Гражданской войны Постышев и Рудзутак репрессированы и расстреляны. Ф.Ф.Раскольников — один из первых «невозвращенцев», умер в эмиграции.
- 196 Имеется в виду мысль, высказанная в дневнике А.И.Герцена: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье» (Герцен А.И. Соч.: В 30 т. Т. 3. С. 41).
- 197 Зачин стихотворения «В самый угол шалаша...». См. запись от 6 ноября.
- 198 Подразумевается выступление П.Н.Демичева на Идеологическом совещании 24—25 октября. На заседании Политбюро ЦК в ноябре 1966 г. Демичев назвал «Новый мир» главным источником неверных идейно-политических взглядов. В то же время он считал, что «если сейчас снять с работы Твардовского» (а именно этого требовало большинство в Политбюро), то «он уйдет героем». Политбюро приняло решение передать дело «Нового мира» на усмотрение СП (Из рабочих записей Политбюро // Источник. 1996. № 2. С. 114).
- 199 Рубрика «Без комментариев» последний раз появилась в № 9 «Нового мира».
- 200 См. запись от 1 октября и примеч. 180. По предварительной договоренности с К.М.Симоновым А.Т. рассчитывал на его участие в этих переговорах.
- 201 О попытках А.Т. опубликовать роман А.Ф.Бека «Сшибка» («Онисимов») см. в записях 1965—1966 гг.
- 202 Повесть Е.Драбкиной «Зимний перевал» о последних годах В.И.Ленина, набранная в 1966 г., обросшая внутренними положительными рецензиями, в том числе и из ИМЛ, снова задерживалась Отделом пропаганды ЦК. Автор, дочь видного революционного и государственного деятеля С.И.Гусева (Я.Д.Драбкина), соратника В.И.Ленина, телеграфировала Л.И.Брежневу, призывая решить вопрос о публикации. В ответ повесть снова

- отправили в ИМЛ. Опубликована в № 10 «Нового мира» за 1968 г.
- 203 О судьбе романа «В круге первом», на который с А.И.Солженицыным редакцией был заключен договор, см. записи от 14 сентября 1965 г. и след.
- 204 Имеется в виду статья «Сумбур вместо музыки» (Правда. 1936. 28 января) с разносной критикой оперы Д.Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».
- 205 Стихотворение опубликовано в ином варианте в цикле «Стихи из записной книжки» (НМ. 1966. № 12).
- 206 См.: «Нужно знать всю правду...» (К.Симонов о И.Сталине) // Вестник АПРФ. 1996. № 5. С. 131—136.
- 207 Геннадий Степанович Лисичкин (р. 1929) — экономист, в 1966 г. — обозреватель «Правды».
- 208 Г.И.Куницын продержался на посту заведующего литературным отделом «Правды» до 1968 г. (см.: Кондратович А.И. Новомирский дневник. С. 73—74).
- 209 Имеется в виду отклик на рубрику «Без комментариев» в № 9 «Нового мира»: Литературные забавы. По поводу одной компиляции журнала «Новый мир» // ЛГ. 1966. 3 ноября. См. запись от 21 октября и примеч. 187.
- 210 Г.А.Бровман (1907—1984) — критик. Обличал «Новый мир» в «дегероизации» и принижении советской действительности (Бровман Г. Объективность анализа и позиция критика // М., 1966. № 8).
- 211 Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. В библиотеке А.Т. было предшествующее издание воспоминаний Кропоткина (М.; Л.: Academia, 1933).
- 212 Твардовский А.Т. Василий Тёркин. Военная лирика. М.: Воениздат, 1966. В книге — фото А.Т. 1943 г.
- 213 Подборка «Стихи из записной книжки» (НМ. 1966. № 12).
- 214 О смерти деда Гордея Васильевича см. стихотворение «Мне памятно, как умирал мой дед...» (1951) и запись от 20 мая 1965 г.
- 215 «Главная книга» — неоднократно упоминавшийся в записях замысел автобиографического романа «Пан Твардовский».
- 216 Толстовское «если будем живы».
- 217 Песни и романсы русских поэтов. Вступ. ст. и примеч. В.Е.Гусева. М.; Л., 1965. Сведения о Г.Галиной, почерпнутые А.Т. из названной книги, неточны. Урожденная Глафира Николаевна Мамошина (1870—1942), по отчиму — Глафира Адольфовна Ринке. Эйнерлиг — по первому мужу и Гусева-Оренбургская — по второму. От общественной жизни отошла после 1917 г., но осталась на родине. Умерла в 1942 г. в Ленинграде (Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989).
- 218 На «билете» (небольшой карточке) с логотипом «НМ» и праздничной датой обычно расписывались члены редколлегии. Порой А.Т. от себя писал несколько слов поздравления авторам журнала.
- 219 Согласно договоренности с Г.Бёллем, «Новый мир» в плане публикаций на 1967 г. (в № 9 за 1966 г.) объявил его повесть «Конец служебной командировки». Главный редактор «Иностранной литературы» Б.С.Рюриков предъявил на нее свои претензии,

- доказывая, что Г.Бёлль — автор его журнала, отбиваемый у него «Новым миром». Г.Бёлль согласился на публикацию в «Иностранной литературе», объяснив новомирцам, что должен жить в мире с партийными функционерами, чтобы ездить в СССР и встречаться с интересующими его людьми. К тому же положение журнала А.Т. было достаточно шатко, чтобы автору ждать до 1967 г., а Б.Рюриков опубликовал повесть в том же 1966 г. (Бёлль Г. Чем кончилась одна командировка // ИЛ. № 11—12). «Новый мир» откликнулся на нее рецензией Р.Орловой и Л.Копелева «Писатель и совесть» (1967. № 12).
- 220 См. запись от 25 октября. Впервые опубликовано посмертно: Известия. 1988. 25 июня. Публ. М.И.Твардовской.
- 221 Натан Яковлевич Эйдельман (1929—1989) — ученик, как и я, профессора МГУ историка П.А.Зайончковского — подарил мне эту книгу с дружеской надписью, по-видимому, не без расчета, что она попадет в поле зрения А.Т., что и произошло. «Новый мир» откликнулся на нее рецензией В.Ермакова «История явная и тайная» (1967. № 2). См. о Н.Эдельмане в кн.: Рудницкая Е.Л. Лики российской интеллигенции. М., 2007.
- 222 С.И.Шешковский — управляющий тайной канцелярией при Екатерине II, руководитель политического сыска.
- 223 Работа над главой «Отцам и детям» («Сын за отца не отвечает»), мыслившейся как дополнительная к поэме «За далью — даль».
- 224 Спектакль Театра им. Маяковского (режиссер П.Н.Фоменко, художник Н.Н.Эпов) вскоре был запрещен.
- 225 Геннадий Алексеевич — один из секретарей в приемной П.Н.Демичева.
- 226 А.М.Галанов — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, «курировавший» «Новый мир», — затребовал уже набранные для № 10 и 11 и утвержденные Главлитом к печати записки К.Симонова «Сто суток войны» (см. записи от 1, 27, 30 октября). На совещании в ЦК 10 ноября Л.И.Брежнев, имея в виду подготовленную в «Новом мире» публикацию, заявил, что «Симонов заводит нас в какие-то дебри». Судьба публикации была тем самым предreshена (Из рабочих записей Политбюро // Источник. 1996. № 2. С. 111).
- 227 Эпизоды при посещении Театра им. Маяковского.
- 228 В справке Главлита утверждалось, что, «основываясь на субъективных впечатлениях», Симонов ошибочно трактует причины наших отступлений в первые месяцы войны, связывая их с репрессиями 1937 г. Признавалось недопустимым и то, что, «говоря о злоупотреблении властью и ответственности Сталина за войну и ее жертвы», К.Симонов поднимает вопросы «об ответственности общества, когда оно по ходу своей истории вручает слишком обширную власть в руки одного человека» (История советской политической цензуры. С. 558—559). Из № 10 был выброшен также роман А.Бека, продвигаемый в печать с 1965 г. Тираж № 10, уже подписанный Главлитом, но задержанного ЦК, пошел под нож. № 10 был своего рода юбилейным — 100-м номером «Нового мира» под редакцией А.Т.
- 229 Имеется в виду продуктовый магазин при фабрике.
- 230 Поместив в «Правде» (1966. 6 ноября) отрывок из романа «Костер», Федин не упомянул, что он печатается в «Новом

- мире» (1965. № 1, 5) и будет продолжен там же (1967. № 2). Роман К.Федина — единственный пример появления в журнале А.Т. произведения «секретарской» литературы. А.Т. считал его все же «приличным», хотя и скучным.
- 231 О неприглядной роли Федина в деле Б.Л.Пастернака, с которым у него были давние дружеские связи, см. в кн.: «А за мною шум погони...» Б.Пастернак и власть. Документы. 1956—1972. М., 2001.
- 232 IV съезд советских писателей был перенесен на май 1967 г.
- 233 Глава «Сын за отца не отвечает».
- 234 Об академике И.М.Майском см. запись от 4 апреля и примеч. 122. В 1932—1943 гг. был послом СССР в Англии.
- 235 «Экономист» — английский влиятельный либеральный журнал.
- 236 В Секретариате ЦК КПСС в июне 1954 г. «ошибочная политическая линия» «Нового мира» объяснялась «идейно-порочными взглядами самого А.Твардовского, которые наглядно выявились в его новой поэме» («Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 г. // ДН. 1993. № 11). О позиции П.Н.Демичева см. примеч. 198.
- 237 Выступая на совещании Политбюро 10 ноября, П.Н.Демичев («хозяин») заявил, что «хотел бы обратить внимание на то, кто пропагандирует вот эти неверные взгляды» (о которых шла речь на совещании. — *Комм.*), указав на «Новый мир» как главное зло.
- 238 Первоначальный набросок стихотворения, опубликованного в ином варианте в «Новом мире» (1966. № 12).
- 239 См. запись от 10 декабря.
- 240 Стихотворение в ином варианте опубликовано впервые: НМ. 1966. № 12.
- 241 Речь идет о стихах «В живых-то меня уже нету / на свете старушки такой...» (впервые: Юность. 1967. № 5) и «Который год мне снится, повторяясь...» (Там же. 1966. № 12). Стихотворение «Опять при имени заглавном...» вошло в поэму «По праву памяти».
- 242 «Береза», завершенная согласно этому замыслу (см. запись от 30 ноября), осталась в цикле «Стихи из записной книжки» (Там же).
- 243 А.Т. отказался печатать стихи в «Правде» без ссылки на их публикацию в «Новом мире».
- 244 Повесть И.Грековой «На испытаниях» (НМ. 1967. № 7). Елена Сергеевна Вентцель (И.Грекова) (1907—1993) — доктор технических наук, профессор Военно-воздушной академии им. Жуковского. Как писатель дебютировала в «Новом мире» в 1962 г. рассказами, став затем постоянным автором журнала А.Т.
- 245 Нападкам критики, кроме повести В.Семина «Семеро в одном доме» (НМ. 1965. № 7), подверглись повести В.Быкова «Мертвым не больно» (Там же. 1966. № 1 и 2) и Б.Можяева «Из жизни Федора Кузькина» (Там же. 1966. № 7).
- 246 Заседание Секретариата 22 декабря 1966 г., о котором А.Т. не был предупрежден, проходившее без его участия, покажет, что противников у «Нового мира» оказалось среди секретарей Правления СП более чем достаточно для принятия против него

- санкций. Все дружно выразили готовность обсудить не работу редакции, а ее ошибки и дать им должную оценку. Обсуждение было отнесено на март 1967 г. (см. выдержки из стенограммы заседания Секретариата 22 декабря в публикации Ю.Буртина и А.Воздвиженской: Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов // Октябрь. 1990. № 8. С. 177).
- 247 Рой Александрович Медведев (р. 1925) — историк, публицист, правозащитник. Редактор журналов «Политический дневник» (1964—1970), «XX век» (1976—1977). Имеется в виду исследование Р.Медведева «Перед судом истории». В библиотеке А.Т. оно сохранилось в виде переплетенных автором трех томов машинописи с дарственной надписью А.Т. от автора, посвящавшего свой труд 50-летию Октябрьской революции. Эпиграфом к нему были взяты слова В.И.Ленина: «Нам нужна полная и правдивая информация... А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить». Эти мысли о правде из вышедшего в 1966 г. 54-го тома В.И.Ленина А.Т. уже выписал для себя, но полностью, обнаружив тем самым их противоречивость и непоследовательность (см. записи от 27 и 28 марта). Работа под названием «К суду истории» опубликована: Знамя. 1989. № 1—4; отдельное издание: Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Его же. Избранные произведения. Т. 1. М., 2002. Среди тех, кто помогал ему материалами, советами, замечаниями, автор назвал А.Твардовского.
- 248 Борис Федорович Поршнева (1905—1972) — доктор исторических и философских наук, в ту пору сотрудник Института истории СССР АН. «Работу Вашу я прочел одним духом сразу же по получении, — писал А.Т. Поршневу. — Слов нет, написано это блестяще, увлекательно, доказательно, но бесплотно. Грубо говоря, не хватает одного хотя бы ногтя, который действительно принадлежал бы снежному человеку... Журнал наш не может себе позволить роскошь опубликования такой вещи, пусть и занимательной, но очень далекой от насущных вопросов современной жизни» (Соч. Т. 6. С. 252). Статья Б.Ф.Поршнева «Борьба за троглодитов (К гипотезе о существовании "снежного человека")» опубликована в 1968 г. (Простор. № 5). О его антропологической концепции см.: Поршнева Б.Ф. Возможны ли открытия в современной антропологии? // Вопросы философии. 1966. № 3. «Новый мир» дал положительную рецензию на книгу Б.Ф.Поршнева «Социальная психология и история» (1967. № 1).
- 249 Николай Иванович Бухарин (1888—1938) — революционер, партийный и государственный деятель. В 1929 г. исключен из Политбюро ЦК, снят с поста редактора «Правды». В 1929—1932 гг. — член Президиума ВСНХ, редактор «Известий» (1934—1937). Репрессирован и расстрелян.
- 250 Сергей Павлович Трапезников (1912—1984) — в 1956—1959 гг. — работник аппарата ЦК КПСС, в 1965—1985 гг. — заведующий Отделом науки ЦК. Один из самых ортодоксальных партийных идеологов.
- 251 Жорес Александрович Медведев (р. 1925) — биолог, публицист, общественный деятель. С 1971 г. — в эмиграции. Речь идет о его работе «Взлет и падение Лысенко. Историко-биологическая

- дискуссия в СССР (1929—1966)». А.Т. читал работу Ж.Медведева в рукописи, переданной ему автором (опубликована в 1993 г.). Удалось напечатать в виде письма в редакцию некоторые выводы и наблюдения Ж.Медведева о «лысенковщине» как специфическом явлении советской науки (Медведев Ж. У истоков генетической дискуссии // НМ. 1967. № 4).
- 252 Имеется в виду ответ Н.С.Хрущева четырежды лауреату Сталинской премии С.В.Михалкову на встрече с интеллигенцией в марте 1963 г.
- 253 В основе «Баллады о Москве» (1942) — записанная от крестьян деревни Чернава Курской области легенда о Сталине. Вождь отдает приказ солдатам насмерть стоять под Москвой при перевесе сил противника и лишь в решающий момент посылает подмогу. В последний раз баллада печаталась в кн.: Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. М., 1954. Историю создания баллады см. в кн.: «Я в свою ходил атаку...».
- 254 Об Л.Ф.Ильичеве см. в записях 1963 г. Пост секретаря ЦК по вопросам идеологии он покинул в 1964 г.
- 255 70-летие Н.С.Тихонова отмечалось в конце ноября. Молодой А.Т. проявлял интерес к поэту Н.Тихонову, что отразилось в собранной им в 1930-е гг. библиотеке. В послевоенные годы у А.Т. с Тихоновым установились дружеские отношения. Они испортились при работе в Комитете по Ленинским премиям, где председателем был Тихонов, активно сопротивлявшийся прохождению кандидатуры А.Солженицына и ряда талантливых писателей, выдвинутых на премию редколлегией «Нового мира», и отстаивавший угодных власти кандидатов (см. записи 1964—1965 гг.).
- 256 Судя по стенограмме обсуждения «Нового мира» в марте 1967 г. (см.: Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов // Октябрь. 1990. № 8. С. 170—185), А.Т. в своем выступлении поставил почти все намеченные здесь вопросы. Начало линии своего журнала А.Т. вел от опубликованного «Новым миром» в 1952 г. очерка В.В.Овечкина «Районные будни», впервые в советской литературе рассказавшего о неблагополучии в сельском хозяйстве, о том, что партийное руководство им идет вразрез с традициями и опытом крестьянства (Там же. С. 181).
- 257 Имеются в виду печатавшиеся в 1961—1965 гг. в «Новом мире» воспоминания И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь», воспоминания генерала А.Б.Горбатова «Годы и войны» (1964. № 3—5), повесть С.П.Залыгина «На Иртыше» (1964. № 2), повесть Б.А.Можаяева «Из жизни Федора Кузькина» (1966. № 7).
- 258 А.Т. на обсуждении журнала требовал ответа на вопрос, «было ли ошибкой напечатание "Новым миром" Ивана Денисовича?» Сам он заявил: «Как бы мои личные отношения ни складывались с Солженицыным, ни я, ни наша редакция не могут изменить оценки его творчества, оценку тех вещей, которые получили место на страницах нашего журнала» (Октябрь. 1990. № 8. С. 182). В советской печати творчество Солженицына уже оценивалось только негативно.
- 259 А.Т. предполагал на примере повести В.Быкова «Мертвым не больно» (НМ. 1966. № 1—2), на которую дружно набросилась критика, поставить проблемы военной прозы, но не успел.

- 260 За недостатком времени А.Т. не остановился и на статье В.Кардина «Легенды и факты» (НМ. 1966. № 3) и полемике с ним А.Кривицкого.
- 261 О рубрике «Без комментариев» см. запись от 26 октября.
- 262 См. записи от 6 и 8 декабря.
- 263 Имеется в виду рукопись Р.А.Медведева «Перед судом истории» (см. записи от 30 ноября и 1 декабря).
- 264 В решениях XXII съезда это не зафиксировано.
- 265 О судьбах перечисленных советских военачальников, участников Революции и Гражданской войны, репрессированных и расстрелянных, см. в кн. Р.Медведева «О Сталине и сталинизме» (М., 1990).
- 266 С.В.Косиор (1889—1939) — участник Революции, в 1919—1920 гг. — секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1924 г. — член ЦК РКП(б), с 1926 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1930 г. — член Политбюро ЦК, член Президиума ЦИК, заместитель председателя СНК. Расстрелян в 1939 г.
- 267 О попытке сопротивления репрессиям в Ленинграде — Дровяникова, в Казахстане — Н.С.Кузнецова см.: Медведев Р.А. Указ. соч.
- 268 Речь идет о послесловии А.Т. к повести Е.Марьенкова «Огонь на Севере. Записки краскома» (НМ. 1966. № 11—12). Ефрем Михайлович Марьенков (1898—1977) — писатель, друг юности А.Т., участник Первой мировой и Гражданской войн. См. о его судьбе и роли в жизни А.Т. в моей статье: Марьенков и Твардовский — земляки и друзья // «Все на русском языке...». Вторые Твардовские чтения: Сб. Смоленск, 2007. В деле арестованного в 1937 г. Е.Марьенкова «Записки краскома» фигурировали как доказательство его враждебности советской власти. После реабилитации автору пришлось заново восстанавливать текст пропавшей повести. Не только долг дружбы двигал редактором «Нового мира» при публикации «Записок краскома»: А.Т. увидел в них «ценность живого личного свидетельства» о Гражданской войне, отметив «щепетильную правдивость» автора (О «Записках краскома» Е.Марьенкова. Послесловие А.Твардовского // НМ. 1966. № 12).
- 269 Собрание сочинений в 20 томах (М.: ГИХЛ, 1960—1966), изданное в связи с 50-летием со дня смерти Л.Толстого и предназначенное для массового читателя (тираж — 300 тыс.). В библиотеке А.Т. несколько собраний сочинений Л.Толстого — наиболее часто перечитываемого им писателя. Особым вниманием пользовалось ПСС в 90 томах, преподнесенное А.Т. в 1958 г. от имени редколлегии, составителей и комментаторов издания (тираж 5—10 тыс.).
- 270 Речь идет о повести И.Грековой «На испытаниях» (НМ. 1967. № 7).
- 271 Сестра Марии Илларионовны — Елена Илларионовна Горелова.
- 272 Официальные данные о тираже (обычно несколько заниженные) в № 12 за 1966 г. — 141 600; в № 12 за 1967 г. — 128 700. О подписке на «Новый мир» в армии см. запись от 21 октября. Об Идеологическом совещании см. там же.

- 273 Военные дневники Симонова в новой авторской редакции будут опубликованы в «Дружбе народов» (1973—1975). Тираж № 5 «Нового мира» за 1926 г. был конфискован из-за «Повести непогашенной луны» Б.Пильняка — одной из первых в советской литературе попыток художественного исследования тоталитарного режима.
- 274 См. запись от 27 ноября.
О В.В.Полторацком — с 1963 г. члене редколлегии «Известий» — см. запись от 24 марта 1963 г.
- 275 Подборка стихов, куда входило стихотворение «Такою отмечен я долей бедовой...» (в записи — «волки»), переданная в «Литературную газету» через Галину Евгеньевну Долматовскую, отозвана А.Т. по той же причине, что из «Правды» и «Известий»: редакции всех трех газет отказались дать примечание, что полностью «Стихи из записной книжки» публикуются в «Новом мире» (1966. № 12).
- 276 Стихотворение «День прошел, и в неполном покое...» (как и «Береза») впервые появилось в подборке «Стихи из записной книжки» (Там же).
- 277 Замысел пополнения «Родины и чужбины» не был реализован. А.Т. имел в виду, в частности, использовать свои записи о процессе над военными преступниками в Смоленске, о поездке в Болгарию в 1946 г. и на Урал в 1948 г., о колхозе «Большевик», что в том же Мещерском крае, что и «Матренин двор».
- 278 Статья о поэме «За далью — даль» не была завершена: в записях остались план и наброски к ней.
- 279 «Когда в безвестности до срока, / Не на виду еще поэт...» — из поэмы «За далью — даль» (глава «В дороге»), стихотворения «Мост» (1950), «Свет всему свету» (1949) — все это А.Т. относил к истокам «Далей».
- 280 «Пан Твардовский» — неосуществленный замысел автобиографического романа, неоднократно упоминаемый в записях А.Т.
- 281 Т.е. со смертью И.Сталина.
- 282 «Фронт и тыл», «Литературный разговор», «На Ангаре», «Друг детства», «Так это было» — главы «За далью — даль», на которых автор думал остановиться, показывая внутреннюю идейную связь названных поэм. Имеются в виду полярные оценки «Далей» читателями (особенно главы о Сталине — «Так это было»).
- 283 Как уже говорилось, такой мыслилась поначалу глава «Отцам и детям» («Сын за отца не отвечает»), ставшая основой поэмы «По праву памяти».
- 284 Фрагмент в ином варианте вошел в поэму «По праву памяти» как первая часть триптиха.
- 285 Первое и второе стихотворения впервые: НМ. 1966. № 12.
- 286 Третье и четвертое стихотворения впервые: Там же. Все стихи опубликованы с изменениями и без заглавий.
- 287 Имеется в виду рукопись Р.А.Медведева «Перед судом истории». См. записи от 30 ноября и 1 декабря.
- 288 Стихотворение не публиковалось вне дневника.
- 289 Рабочая тетрадь 1953—1954 гг., где зафиксирована работа над поэмой «За далью — даль», начатая в 1949 г. Опубликована с изъятиями (Знамя. 1989. № 7).

- 290 Стихотворения «Московское утро» (1957—1959), «У Падуна» (1959, Братск), «Сибирские стихи», написанные под впечатлением поездки по Сибири: «Байкал», «Дорога дорог», «В тайге Приморья» (1959). «Новогодняя басня» впервые напечатана в «Правде» (1960. 1 января). Единственный раз выступивший в басенном жанре, А.Т. получил тогда множество откликов.
- 291 Здесь, как и в ряде других случаев, А.Т. — «суровый атеист» — высказывается вполне в духе христианского учения.
- 292 О В.П.Мухиной-Петринской см. запись от 25 февраля 1961 г. и примеч. 28 к записям 1961 г.
- 293 Олег Васильевич Волков (1900—1996) — прозаик, переводчик. Арестованный в 1928 г., почти 28 лет провел в заключении (Бутырская тюрьма, Кемь, Соловецкий лагерь, Тульская тюрьма и т.д.). Рукопись автобиографической книги О.Волкова А.Т. получил от автора, частого посетителя редакции «Нового мира». В письмах к жене О.В.Волков с уважением и теплотой говорит о встречах с А.Т. Книга О.Волкова «Погружение во тьму» увидела свет в 1989 г. Рецензию на нее А.М.Турков озаглавил строкой А.Т. «Боль вызывает к людям...» (Известия. 1990. 6 февраля).
- 294 Запись сделана под впечатлением произошедших событий: вызова первого заместителя главного редактора «Нового мира» А.Г.Дементьева и ответственного секретаря редакции Б.Г.Закса в ЦК, где им было предписано уйти из редколлегии. А.Т. отказывался принять их отставку, готовясь к уходу из журнала.
- 295 Строка из стихотворения А.С.Пушкина «Что в имени тебе моем» (1830).
- 296 Дмитрий Викторович Стариков (1931—1979) — критик, заместитель главного редактора журнала «Октябрь». Один из первых выступил с отрицательной оценкой «Тёркина на том свете» (см. запись от 4 ноября). А.Т. приведет эту цитату из речи Д.Старикова при обсуждении журнала «Новый мир» на Секретариате Правления СП 15 марта 1967 г.
- 297 Первый том Собрания сочинений А.Т. в 5 томах подписан к печати 20 августа 1966 г. Тираж 150 000 экз.
- 298 IV съезд СП.
- 299 Хорошо информированный секретарь Правления СП по оргпросам, по сути, подталкивал А.Т. к отставке, поддержав его мысль об уходе из журнала, соответствующую надеждам в партийных верхах.
На этот раз попытка принуждения А.Т. к «добровольному» уходу не удалась. Преодолев первый душевный порыв, запечатленный в дневнике, А.Т. остается на своем посту.
- 300 «Спасибо за утро такое...» — впервые с некоторыми изменениями — в журнале «Юность» (1967. № 5).
- 301 Стихотворение вне дневников не публиковалось.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юрий Буртин. Вместо предисловия.</i>	5
1961.	9
1962.	69
1963.	159
1964.	221
1965.	299
1966.	407
Комментарии	526

16.IX. 65

Кажется, впервые сегодня
подумалось, что эти мои записи,
эти тетрадки... конечно же,
могли бы представить интерес
для охотников за рукописями.
И невольно заработала мысль,
как бы их спрятать — ведь это
не только след всего написанного
мною, это — моя жизнь —
как ни отрывочны и случайны эти
записи, — без них я сам для себя
наполовину мертв,
но это материалы, некий
черновик «Главной книги».

А.Тварговский

ISBN 978-5-91631-019-1

9 785916 310191